

Санкт-Петербургский государственный университет

PHILOLOGIA CLASSICA

Издается с 1977 года

Выпуск 9

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ**

*К 90-летию со дня рождения
Юрия Владимировича Откупщикова
(1924–2010)*

Ответственный редактор доц. Е. В. Желтова

Санкт-Петербургский государственный университет
2014

УДК 811.124'02+811.14'02+821.124+821.14'04

ББК 80.4

И88

Редакционная коллегия:

канд. филол. наук доц. *Е. В. Желтова* (отв. ред.), д-р филол. наук проф. *А. Л. Верлинский*, д-р филол. наук проф. *В. С. Дуров*, канд. филол. наук доц. *О. В. Бударagina*, канд. филол. наук доц. *Е. Л. Ермолаева*, канд. филол. наук доц. *В. В. Зельченко*, ст. преп. *Т. Б. Путилова*, *А. А. Кормилина* (отв. секретарь)

Редакционный совет:

проф. *М. фон Альбрехт* (Гейдельбергский университет), канд. филол. наук доц. *А. Ю. Братухин* (Пермь), д-р ист. наук проф. *А. К. Таврилов* (С.-Петербург), проф. *Б. Зайдентикер* (Свободный университет Берлина), д-р филол. наук проф. *Н. Н. Казанский* (С.-Петербург), д-р ист. наук проф. *В. И. Кащеев* (Саратов), д-р филол. наук проф. *Т. Г. Мальчукова* (Петрозаводск), д-р ист. наук проф. *А. В. Подосинов* (Москва)

Рецензенты:

д-р филол. наук, ведущий науч. сотрудник *А. В. Грошева* (ИЛИ РАН); канд. филол. наук доц. *О. В. Бударagina* (С.-Петерб. гос. у-т)

И88 Исследования по классической филологии и истории антиковедения: периодическое издание / отв. ред. *Е. В. Желтова*. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2014. — 431 с. (Philologia Classica. Вып. 9).

ISSN 0202-2532

Девятый выпуск межвузовского сборника Philologia Classica посвящен 90-летию со дня рождения профессора Юрия Владимировича Откупщикова (1924–2010) и открывается очерком его жизни и научной деятельности. В других разделах сборника читатель найдет как статьи, напрямую связанные с проблематикой исследований Ю. В. Откупщикова, так и материалы, посвященные другим аспектам классической филологии и отражающие исключительное разнообразие научных и творческих интересов его коллег и учеников. Первые два раздела — «Древнегреческий язык и литература» и «Латинский язык и литература» — включают исследования по классической филологии и лингвистике; в третьем собраны оригинальные стихи на латинском языке и переводы с латыни и древнегреческого, выполненные филологами-классиками; четвертый раздел занимает большая статья, посвященная античной рецепции в творчестве *Н. В. Гоголя*; в пятый — Personalia — включены статьи о жизни и трудах известных филологов *Н. Н. Куликова* (1844–1898) и *Яана Унта* (1947–2012).

Сборник адресован всем интересующимся классической филологией, историей науки и новолатинской литературой.

УДК 811.124'02+811.14'02+821.124+821.14'04
ББК 80.4

ISSN 0202-2532

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2014

St. Petersburg State University

PHILOLOGIA CLASSICA

Published since 1977

Issue 9

**STUDIES
IN CLASSICAL PHILOLOGY
AND HISTORY OF ANTIQUITY STUDIES**

*To the 90th anniversary
of Yury Otkupshchikov
(1924–2010)*

Publishing editor: Assoc. Prof. E. V. Zheltova

St. Petersburg State University
2014

UDC 811.124'02+811.14'02+821.124+821.14'04
LBC 80.4
I88

Editorial board:

Assoc. Prof. *E. V. Zheltova*, PhD in Philology (pub. ed.);
Prof. *A. L. Verlinsky*, PhD in Philology; Prof. *V. S. Durov*, PhD in Philology;
Assoc. Prof. *O. V. Budaragina*, PhD in Philology; Assoc. Prof. *E. L. Ermolaeva*,
PhD in Philology; Assoc. Prof. *V. V. Zelchenko*, PhD in Philology;
Sen. Lect. *T. B. Putilova*, *A. A. Kormilina* (exec. secretary)

Editorial team:

Prof. *M. von Albrecht* (Heidelberg University), Assoc. Prof. *A. Yu. Bratikhin*,
PhD in Philology (Perm); Prof. *A. K. Gavrilov*, PhD in History (St Petersburg);
Prof. *B. Seidensticker* (Free University of Berlin); Prof. *N. N. Kazansky*,
PhD in Philology (St Petersburg), Prof. *V. I. Kashcheev*, PhD in History (Saratov);
Prof. *T. G. Malchukova*, PhD in Philology (Petrozavodsk);
Prof. *A. V. Podosinov*, PhD in History (Moscow)

Readers:

Lead. Research Fellow *A. V. Grosheva*, PhD in Philology
(Institute of Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences);
Assoc. Prof. *O. V. Budaragina*, PhD in Philology (St Petersburg State University)

Studies in Classical Philology and History of Antiquity
I88 Studies: A periodical / pub. ed. *E. V. Zheltova*. — St. Petersburg:
St. Petersburg State University, 2014. — 431 p. (Philologia Clas-
sica. Issue 9.)

ISSN 0202-2532

The ninth issue of the *Philologia Classica* interacademic collected works is devoted to the 90th anniversary of *Yury Otkupshchikov* (1924–2010) and begins with an essay describing his life and research activities. The other sections of these collected works include articles directly connected to problems covered by *Yury Otkupshchikov's* studies as well as materials devoted to other aspects of classical philology which cover the great variety of his colleagues' and students' research and creative interests. The first two sections, "The Classical Greek Language and Literature" and "The Latin Language and Literature", include studies in classical philology and linguistics; the third section contains original poems written in Latin as well as poems translated from Latin and Classical Greek by classical philologists; the fourth section contains a big article devoted to the reception of classical antiquity in *Nikolai Gogol's* works; the fifth section, "Personalalia", includes articles about the life and works of the distinguished philologists *N. N. Kulikov* (1844–1898) and *Jaen Unt* (1947–2012).

These collected works are aimed at everyone interested in classical philology, history of science and neo-Latin literature.

UDC 811.124'02+811.14'02+821.124+821.14'04
LBC 80.4

ISSN 0202-2532

© St. Petersburg State University, 2014

**ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
ОТКУПЩИКОВ:
ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ
(к 90-летию со дня рождения)¹**

29 августа 2014 г. Юрию Владимировичу Откупщикову исполнилось бы 90 лет. Светлой памяти этого замечательного человека, выдающегося ученого и талантливого преподавателя, заведовавшего кафедрой классической филологии ЛГУ — СПбГУ с 1971 по 1992 гг., мы посвящаем девятый выпуск сборника *Philologia Classica*. Начиная с 1977 г. — года первого выхода в свет этого кафедрального издания — Ю. В. Откупщиков был членом его редакционной коллегии, ответственным редактором первых выпусков и автором интереснейших статей и очерков.

Юрий Владимирович Откупщиков родился 29 августа 1924 г. в Казани, где в основном и прошло его детство, не считая нескольких лет, проведенных на Украине, где его отец получил временную работу. После 9-го класса казанской средней школы он учился в течение недели на курсах трактористов, а затем все лето и осень работал трактористом и сельскохозяйственным рабочим на полях Татарии. В ноябре и декабре 1941 г. вместе со своим классом

¹ Более ранняя версия этого очерка была напечатана в издании: Юрий Владимирович Откупщиков: к 85-летию / сост. Е. Г. Филимонов. СПб.: СПбГУ, Факультет филологии и искусств, 2009. В обеих редакциях автор опирался на материалы статьи А. И. Зайцева «Юрий Владимирович Откупщиков (к 75-летию со дня рождения)», напечатанной в издании: *Linguistica et philologica: Сборник статей к 75-летию профессора Юрия Владимировича Откупщикова*. СПб., 1999. С. 3–6. (*Примеч. ред.*)

находился «на окопах», на строительстве противотанковых рвов по правому берегу Волги к югу от Казани. В морозы, когда от промерзлого грунта отскакивал лом, нужно было, отогревая кострами лед, копать землю. Обвязав дырявые валенки соломой, ребята и девушки шли работать, если только мороз не опускался ниже отметки -45°C . В 10-м классе учиться пришлось только с февраля по май 1942 г. Ю. Откупщиков с одноклассниками работал во вторую смену столяром на мебельной фабрике, где изготавливал ящики для мин. Вместе со своими товарищами он изобрел новый метод склочивания ящиков, позволивший увеличить производительность в 3 раза. Летом 1942 г. Ю. Откупщиков окончил курсы военных шоферов, а в сентябре того же года ушел на фронт добровольцем, обманув врачей, отказывавшихся брать его на передовую из-за искалеченной перенесенным в раннем детстве полиомиелитом ноги.

Сражаясь в рядах морской пехоты Краснознаменного Балтийского флота, он участвовал в обороне блокированного фашистами Ленинграда, в составе десантной бригады освобождал Петергоф, прошел до конца всю Великую Отечественную войну, закончив ее 8 мая 1945 г. под Таллином. Морской десантник Ю. Откупщиков принимал участие в таких боевых операциях, где шансов выжить почти не было, и те немногие, кто под шквальным огнем достигал берега, могли считать себя родившимися заново. Ю. В. Откупщиков награжден орденом Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в 1941–1945 гг.», «За заслуги перед Отечеством 2-й степени» и многочисленными юбилейными медалями.

В первую же послевоенную осень 1945 г. Ю. В. Откупщиков, вопреки ожиданиям школьных учителей, отмечавших у юноши блестящие математические способности, стал студентом отделения русской истории Казанского университета. Любовь к математике и философии у Ю. В. Откупщикова проявилась еще в школе, когда он решил прочитать «Критику чистого разума» И. Канта. Эта любовь сопровождала его на войне, когда в окопах, тренируя память, он в уме перемножал четырехзначные числа, и в аспирантуре ЛГУ, куда он пришел с желанием глубоко исследовать философию Эпикура, и когда он уже стал известным ученым, дешифрующим тексты карийских надписей и фетского диска.

Казанский университет имел богатые традиции в области гуманитарных наук. Во время войны в Казань были эвакуированы ленинградские отделения институтов АН СССР, а со студентами и аспирантами классического отделения Казанского университета занимался профессор ЛГУ, член-корреспондент АН СССР, будущий академик Иван Иванович Толстой.

Свою научную работу Ю. В. Откупщиков начал еще в студенческие годы. В 1946 г., будучи студентом I курса, он за свое исследование «Варяги и образование Киевского государства» получил II Университетскую премию на конкурсе, где было представлено около 80 студенческих работ (в основном дипломных сочинений) со всех факультетов Казанского университета. Нужно было обладать большой смелостью, чтобы в атмосфере середины — конца 40-х гг. защищать норманнскую теорию, считавшуюся официальной историографией вплоть до конца 80-х гг. XX в. антинаучной. Только чудо и недавнее фронтовое прошлое спасло молодого человека от неприятностей. Ю. В. Откупщиков еще до начала занятий на первом курсе, по совету своего школьного учителя русского языка и литературы, перевелся на отделение классической филологии, однако в течение первых трех лет продолжал сдавать экзамены также и на отделении русской истории. Работал в составе четырех археологических экспедиций, был научным сотрудником Государственного музея в г. Казани. Хорошая археологическая подготовка помогла потом при работе над монографией «Догреческий субстрат», вышедшей в свет в 1988 г. На конец 1940-х гг. приходится и его первый педагогический опыт: Юрий Владимирович работает в мужской гимназии преподавателем латинского языка. Поведение послевоенных подростков не всегда было идеальным: однажды десятиклассник в ответ на справедливо поставленную двойку вытащил нож и стал требовать исправить отметку. Ю. В. Откупщиков спокойно ответил: «Во-первых, я ставлю не два, а единицу, а во-вторых, закрой нож и выйди из класса». Нелегкое начало долгого педагогического пути развило в Юрии Владимировиче такие качества педагога, как ничем не возмутимая терпеливость и исходящее из сердца спокойствие, безотказно действующее на самых сложных учеников.

В студенческие годы Юрий Владимирович перевел единственную не изданную в то время в переводе на русский язык траге-

дию Еврипида «Просительницы». Анализу этой трагедии было посвящено дипломное сочинение студента Откупщикова, которое официальные оппоненты предложили представить в качестве кандидатской диссертации. Ю. В. Откупщиков отказался от этого предложения, а также от места в аспирантуре по археологии в Казанском филиале Академии наук и, по приглашению академика И. И. Толстого, после окончания войны вернувшегося в Ленинград, поехал сдавать экзамены в аспирантуру Ленинградского университета. Осенью 1950 г., став аспирантом кафедры классической филологии, Ю. В. Откупщиков продолжил изучение классической филологии под руководством И. И. Толстого. Первоначально научные интересы Ю. В. Откупщикова были сосредоточены на античной философии, однако в Ленинградском университете основным предметом его занятий становится древнегреческая драма. Аспирантские годы были полны трудностей. Помимо занятий наукой приходилось добывать средства к существованию, разгружая баржи на Неве. В июне 1953 г., ранее окончания срока аспирантуры, Ю. В. Откупщиков успешно защитил диссертацию «Социально-политические идеи в творчестве Еврипида».

В том же 1953 г. Ю. В. Откупщиков начал свою преподавательскую деятельность на кафедре классической филологии ЛГУ: читал курсы лекций по истории античной литературы, вел занятия по латинскому и древнегреческому языкам. В 1956 г. университет командировал Ю. В. Откупщикова на три года в Улан-Батор, где требовалось подготовить для Монголии местные кадры преподавателей латинского языка. Это оказалось нелегким заданием и по специфике аудитории, и по учебной нагрузке, которую молодому ученому приходилось выполнять. Занятия шли каждый день, кроме воскресенья, с раннего утра до позднего вечера. Недельная нагрузка составляла 54 часа. Изматывающий режим работы казался местному начальству нормой. «Надо помогать монгольским друзьям» — таков был ответ чиновника посольства СССР в Монголии на просьбу изменить расписание. Тогда Ю. В. Откупщиков решил подготовить из числа лучших монгольских студентов помощников, чтобы передать им часть своей учебной нагрузки. Плохое знание монгольскими студентами русского языка побудило Ю. В. Откупщикова изучать монгольский язык и наряду с русскими примера-

ми использовать в преподавании латыни монгольские параллели. К тому же Юрий Владимирович, по приказу ректора монгольского вуза, переводил официальные письма... с испанского языка. Логика таких распоряжений была неоспорима: преподаватель кафедры иностранных языков должен владеть любым иностранным языком.

По совету И. М. Тронского Юрий Владимирович взял с собой в Монголию различные руководства по исторической грамматике латинского и древнегреческого языков и даже прочитал одному пытливому монгольскому аспиранту курс исторической грамматики латинского языка.

Вернувшись в Ленинград, Ю. В. Откупщиков продолжил работу на кафедре классической филологии ЛГУ. Постепенно в круг его научных интересов в качестве приоритетных направлений вошли следующие лингвистические проблемы: сравнительная грамматика индоевропейских языков, принципы и методика этимологического анализа, балто-славянские лексические связи. Внезапное обращение исследователя древнегреческой драмы к узко лингвистической проблематике не было случайностью или следованием авторитетному совету. Ю. В. Откупщиков с большим вниманием слушал лекции И. М. Тронского и черпал в них вдохновение для своих будущих открытий. Но это была деятельность уже вполне сложившегося ученого, умеющего критически воспринять любую информацию, из каких бы авторитетных уст она ни исходила. На его пути встретились замечательные личности, которые подсказывали и направляли, но среди них не было и не могло быть Учителя, который стал бы для него образцом и непререкаемым авторитетом. В силу особенностей своего характера Ю. В. Откупщиков избежал опасностей, связанных с влиянием обаяния сильной воли наставника. По сути, он был самоучкой. Отсюда проистекают ставшие кредо ученого и позволяющие сохранить ясность ума в любой ситуации критицизм и неприятие любого авторитета, самостоятельность суждений и стремление избегать крайностей научной моды.

Плодом научных изысканий в области лингвистики стала вышедшая в свет в 1967 г. полная оригинальных идей монография Ю. В. Откупщикова «Из истории индоевропейского словообразования» (Л., 1967; в 2005 г. вышло 2-е издание этой книги), которая была успешно защищена в качестве докторской диссертации. Годом

раньше была опубликована работа «Карийские надписи Африки», представляющая собой интересную попытку интерпретации до сих пор не дешифрованных карийских текстов (этой же проблеме отведена целая глава и в более поздней монографии «Догреческий субстрат» (Л., 1988)).

Ю. В. Откупщиков является автором более 240 научных публикаций. Уже упомянутая монография «Догреческий субстрат», основанная на собиравшемся долгие годы обширнейшем материале греческой топонимики и ономастики, была отмечена I Университетской премией. В 2005 г. вышло четвертое издание замечательной научно-популярной книги Ю. В. Откупщикова «К истокам слова», которая знакомит широкие круги читателей с проблемами этимологического исследования (предыдущие издания этой книги — 1968, 1973, 1986 гг.). Ссылки на эту научно-популярную книгу можно встретить и в весьма солидных ученых трудах. Написанная не только для специалистов, она прекрасно иллюстрирует особенности педагогического стиля Ю. В. Откупщикова. Главным достоинством необычной преподавательской техники Юрия Владимировича является способность излагать материал «сократовым методом», то есть ставить вопросы так, чтобы студенты могли путем рассуждения самостоятельно прийти к правильному выводу.

Специалиста иной раз способна сбить с толку подкупающая и подчас доходящая до лукавства объективность в изложении Ю. В. Откупщиковым той или иной этимологии, адресованной неискушенному читателю. Когда читаешь в его книге «К истокам слова» строки, посвященные этимологии слова *невеста* (пассаж «Чья невеста лучше?» на с. 306–307 в 4-м изд.), трудно догадаться, какой же из двух этимологий придерживается сам автор — с такой беспристрастной объективностью излагает ученый все сильные и слабые стороны обеих этимологий, не позволяя себе ни намека на свое личное этимологическое предпочтение, ни внесения слишком глубоких и непонятных читателю деталей. Тем не менее в специальном научном труде, адресованном коллегам, Ю. В. Откупщиков считает для себя обязательным детально рассмотреть любой этимологический вопрос, за который берется, привести все аргументы *pro et contra* и четко выразить свою позицию полемизирующего исследователя. Откупщиков-ученый, в отличие от Откупщикова-

педагога, никогда не берется за изложение какой-либо научной проблемы, если не может предложить свою оригинальную, глубоко аргументированную точку зрения. Ю. В. Откупщиков-педагог, не зная ответа на какой-либо вопрос, предпочитает оставить вопрос без решения, нежели предложить в качестве истины псевдорешение.

О международном признании научного авторитета Ю. В. Откупщикова в лингвистике свидетельствуют публикации его работ в зарубежных изданиях, а также многочисленные рецензии на его книги, в том числе в крупнейших научных журналах Франции, Германии, США.

Особенные отношения сложились у Юрия Владимировича с баллистикой. Исключительное значение имеет исследование древней гидронимии бассейна Оки, ставшее итогом пятидесятилетней работы над принципами этимологического анализа и яркой иллюстрацией их на труднейшем для этимологизации ономастическом материале.

Юрий Владимирович не боялся оказаться в научном меньшинстве или даже почти в одиночестве, отказываясь лишь из соображений меняющейся научной моды следовать в потоке популярных увлечений.

Преподавательская деятельность Ю. В. Откупщикова на филологическом факультете началась в 1953 г. и длилась до 2010 г. В течение более чем 20 лет (с 1971 по 1992 г.) он в нелегких условиях заведовал кафедрой классической филологии. Является лауреатом I Университетской премии «За лучшую научную работу» и университетской премии «За высокое педагогическое мастерство». Почетный профессор СПбГУ.

Ю. В. Откупщиков читал курс лекций по исторической грамматике латинского языка, спецкурсы по современным проблемам этимологической науки, догреческой ономастике, балто-славянским языковым отношениям. Многим студентам-классикам выпало счастье изучать элементарную грамматику и читать древних авторов под руководством Ю. В. Откупщикова. Высокое педагогическое мастерство Ю. В. Откупщикова, его требовательность и терпеливость, безусловно, были и остаются эталоном в преподавании древних языков.

Е. Г. ФИЛИМОНОВ

I. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

УДК 329.313(38)+821.14(38):801.7

Н. А. АЛМАЗОВА

Санкт-Петербургский государственный университет

КОЛЕСНИЦА В ГРЕЦИИ VII–IV вв. до н. э.: НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

Ключевые слова: колесница, Древняя Греция, культ, процессия.

В статье рассматривается возможность применения колесницы в Греции архаической и классической эпохи вне ристалищ, то есть как транспортного средства и в культовых целях. Колесница (ἄρμα / ἄρματα, ὄχεα, δίφρος) — это дорогостоящий и престижный экипаж, ассоциирующийся с богами и героями, двухколесный, запряженный лошадьми, на котором стоя могли ехать один или два человека. Изображение колесниц в искусстве может служить для придания сцене героического ореола, иногда в ущерб достоверности, однако заведомо нереальные функции им приписывались едва ли, поскольку они не вышли из употребления и были известны публике. Далекие путешествия и перевозка объемных грузов (например, культовых статуй или жертвенных животных) на них представляются невозможными. Везти с собой женщину возничий мог в особых, обусловленных традицией случаях, играющего музыканта — никогда. Как повседневное транспортное средство колесница не использовалась, однако засвидетельствовано ее церемониальное применение: в процессиях на религиозных празднествах, а также, возможно, на похоронах (но, конечно, не для транспортировки тела покойного) и свадьбах (в частности, чтобы доставить невесту в дом жениха), если перед нами не средство героизации, а реальная деталь. Уточненное представление о возможностях колесницы и внимание к лексике, обозначающей транспорт, позволяют избежать некоторых ошибок при интерпретации античных текстов (Hymn. Nom. 3, 229–238; Eur. Phoen. 174; 1110 и др.).

N. A. ALMAZOVA

St. Petersburg State University

CHARIOT IN ANCIENT GREECE IN THE 7th–4th CENT. BC: SOME OBSERVATIONS

Keywords: chariot, Ancient Greece, cult practice, procession.

The article deals with the possibility of using a chariot in Archaic and Classical Greece beside races, that is, as a means of transport and for cult

occasions. A chariot (ἄρμα / ἄρματα, ὄχεια, δίφρος, opposed to ὄχημα, ἀπήνη, ἄμαξα, ἀρμάμαξα, σατῖναι, κόνναθρον) was a light two-wheeled vehicle harnessed by horses, which could be driven by no more than two standing men and did not allow carrying freight. It was a prestigious vehicle associated with gods and heroes. Its use by mortals for a two-day journey described in the *Odyssey* can be regarded as a poetic exaggeration of the heroes' capacities.

The heroic halo around a chariot could probably lead to its misrepresentation in some cases, but since the chariots were not completely out of use, one should only suppose with great caution that an absolutely impossible usage was ascribed to them. The sounds of a chariot were familiar to the public: they are referred to in poetry, and in the fifth-century drama the word σῦριγξ is applied to a wheel of a chariot or to some part of it, probably a nave (the explanation of A. W. Vernal, which appeals to the similarity of form and not of the sounds produced, is not sound).

Using a chariot as a means of transport in everyday life is not attested; allegations of the opposite in scientific literature are due to careless terminology. But its ceremonial use is likely to date back to the Mycenaean times. Expensive aristocratic vehicles were most appropriate for a cult procession with its ostentation and display. Using chariots at funerals (of course not as a hearse) and weddings (mainly for bringing a bride to her husband's house) is depicted in art, and though it can be considered just as a means of heroization, we cannot rule out that aristocratic families actually followed the heroic pattern for the sake of prestige, notwithstanding its inconvenience (esp. for a bride). There is evidence for chariots taking part in processions at the Panathenaia in Athens and at the Artemisia on Euboea.

A musician accompanying a procession could hardly use a jolting chariot as a stage for his performance. Transporting voluminous cult objects cannot be confirmed. Carrying a statue of the Mother of Gods on a chariot is not attested in Greek cult. Absurd assertion that Amphiaros carried σφάγια on his chariot in Eur. *Phoen.* 1110 is due to misunderstanding of *Phoen.* 174 by an interpolator. Whatever the ritual at the sanctuary of Poseidon in Onchestos described in *Hymn. Hom.* 3, 229–238 could be, its interpretation as a mere accident by A. Schachter cannot be sustained.

Большинство исследований о древнегреческих колесницах посвящено микенскому и гомеровскому периоду¹ — что неудивительно, так как именно в это время колесницы использовались наиболее активно, в частности на войне. Применительно к последующей эпохе внимание обычно сосредоточено на колесницах в конных ристалищах; кроме того, греческие источники позволяют судить

¹ См., например: [Crouwel, 1981; 1992], с обзором литературы во введении и библиографией.

о колесницах варваров, с которыми грекам приходилось встречаться. Нас же интересует возможность иного их назначения, кроме воинского и агонального, то есть применения колесниц в Греции архаической и классической эпохи как транспортного средства и в культовых целях.

Очевидно, что ответить на некоторые из поставленных здесь вопросов было бы проще с помощью междисциплинарного исследования, включающего историческую реконструкцию колесницы. Сознавая неизбежную ограниченность нашего подхода (у автора нет опыта обращения с лошадьми) и предварительный характер выводов, ограничимся данными литературных источников и вазовой живописи.

Прежде всего, вспомним, в чем состоит специфика колесницы в отличие от прочих видов повозок.

В раннегреческом эпосе² словами ἄρμα (тж. plur. ἄρματα), ὄχηα и — метонимически — δίφρος обозначается воинская колесница, двухколесная, запряженная лошадьми (обычно парой), легкая, рассчитанная только на двух человек — возничего и воина, которые едут стоя. На ней можно вывезти с поля боя раненого — очевидно, если ранение не слишком тяжелое и пострадавший хоть как-то способен держаться сам (Ном. II. 13, 537 — пораженный в руку Деифоб), но нельзя везти труп или объемный груз: в II. 24 Приам отправляется в лагерь ахейцев на колеснице (ἄρμα 440, δίφρος 322; 701; 715), но чтобы доставить выкуп и забрать тело Гектора, должен взять с собой четырехколесную запряженную мулами повозку (ἄμαξα 150=179; 189; 263; 266; 711, ἀλήνη 275; 324; 447; 578; 590; 718) с возничим³. Нет оснований считать, что для ристалищ (II. 23, 262–650) используется какой-то другой вид повозки; на состязаниях в ней находится только возничий. Наконец, колесницу применяют и для путешествий: в первую очередь она слу-

² Гомер, Гесиод, Гомеровы гимны. См.: [Anastassiou, 1955, pp. 1313–1319; Delebecque, 1951, pp. 169–174].

³ Анализ текста позволяет предположить, что по первоначальному замыслу поэта Приам должен был ехать в ахейский лагерь без спутника и сам править повозкой, запряженной мулами: [Erhardt, 1894, S. 485–487; West, 2011, p. 415]. Видимо, последующие изменения связаны с тем, что такое средство передвижения ниже достоинства царя и героя.

жит в этом качестве богам и богиням, но иногда и героям — хотя обычно для коротких поездок. Далекие путешествия смертных на колеснице упоминаются только среди приключений Телемаха. Не исключено, что, опираясь на уже устойчивое представление о колеснице как «героическом» (и, следовательно, единственно возможном для героев) виде транспорта, поэт произвольно расширяет его возможности: пусть совершать дальние путешествия, стоя на колеснице, не под силу обычным людям, однако на это способны боги и герои. Телемах вдвоем с сыном Нестора Писистратом отправляется на ней в двухдневную поездку из Пилоса в Лакедемон (Od. 3), причем в этом случае к колеснице приделан грузовой короб (Od. 15, 131), где помещается запас провианта (3, 479–480), а затем драгоценные, но компактные дары (κεῖμήλια 4, 600; 613; ἐπιθήφρια δῶρα 15, 51; 75) — кратер, кубок и платье (4, 615; 15, 102–132)⁴. Однако — даже если допустить, что закаленному молодому человеку и вправду под силу такое двухдневное путешествие, — этот рассказ требует скептического отношения еще и по другой причине: ведь на самом деле, чтобы попасть в Спарту, герою пришлось бы на колеснице преодолеть высокий хребет Тайгета [Crouwel, 1992, p. 107]. Менелай посылает дочь из Лакедемона во Фтию к жениху ἵπλοισι καὶ ἄρμασι (Od. 4, 8); хотя это сочетание и встречается применительно к одной колеснице (Hom. Il. 4, 366; 5, 199; 11, 198; 23, 319; Hymn. Hom. 4 [Herm.] 69), здесь речь идет скорее о целом свадебном поезде, и необязательно думать, что сама невеста должна была проделать весь путь в ἄρμα⁵.

Исследователи согласны, что гомеровский эпос отражает реальные данные о применении колесниц, восходящие к «темным векам» и эпохе бронзы. Но, с другой стороны, эти сведения не удается однозначно отнести к какому-либо конкретному времени и месту [Crouwel, 1992, p. 107].

Во всех случаях употребления слова ἄρμα в литературе VII–IV вв. до н. э., которые указывает электронный Thesaurus linguae Graecae (TLG), речь идет либо, как в гомеровском эпосе, о легендарных колесницах богов и героев (которые служат им и для бит-

⁴ Й. Визнер [Wiesner, 1968, S. 12] предполагает, что для далеких путешествий в колеснице должны были установить и скамью для сидения.

⁵ О связи колесницы со свадебным обрядом см. далее.

вы, и для ристалищ, и просто для передвижения), либо о беговых колесницах, либо, наконец, о колесницах варварских — боевых или предназначенных для торжественных выездов высокопоставленных лиц. Редкие случаи, когда по контексту нельзя судить о виде транспортного средства, не исключают того же понимания⁶, а случаев, когда ἄρμα явно означало бы повозку другой конструкции (скажем, четырехколесную, крытую, с сиденьями) или другого назначения (например, грузовую телегу или комфортабельный экипаж для путешествия женщин), для этого периода нет вообще⁷ — встречается, напротив, противопоставление ἄρμα и ὄχημα, ἄμαξα, ἄρμάμαξα, σατίνα, κάλυαθρον как предназначенных для разных целей⁸.

В изобилии дошедшие до нас изображения архаической и классической эпох позволяют хорошо представить себе греческую колесницу. В нее запрягали пару, четверку или шестерку лошадей. Кузов находился невысоко от земли, позволяя легко подниматься на колесницу и соскакивать с нее, был открыт сзади, а спереди и с боков имелись стенки или перила. Днище имело апсидальную или прямоугольную форму. На колеснице могли стоя ехать один или два человека⁹.

Хотя мы не ставим задачей рассмотреть колесницы негреческих народов, отметим один случай, несколько осложняющий картину: Xen. Anab. 1, 7, 20 — Кир в походе едет на колеснице сидя (ἐπὶ τοῦ ἄρματος καθήμενος). Похоже, что колесница персидского царевича не была предназначена для боя¹⁰, а служила лицам его ранга для путешествий и была поэтому оснащена сиденьем. Но

⁶ Например, Theogn. 952; Pind. Nem. 7, 93; id., fr. 234; Isocr. Ad Dem. 32; Xen. Cyr. 2, 2, 26; Plat. Theag. 123c; Leg. 641a.

⁷ Ἄρμα обозначает (негреческую) повозку со всеми удобствами лишь в словоупотреблении совсем другой эпохи и другой среды: в Act. apost. 8, 27–30 высокопоставленный эфиоп, совершающий дальнейшее путешествие, καθήμενος ἐπὶ τοῦ ἄρματος αὐτοῦ читает книгу.

⁸ Sapph. fr. 44 (ἄρμα / σατίνα); Pind. fr. Hyporch. 106, 5 (ἄρμα / ὄχημα); Xen. Cyr. 6, 2, 33 (ἄρμα / ἄμαξα); Hdt. 7, 41; Xen. Anab. 1, 2, 16; Cyr. 6, 3, 33–34 et passim (ἄρμα / ἄρμάμαξα); Polycrates ap. Athen. 4, 139 f (ἄρμα / κάλυαθρον).

⁹ Подробно об устройстве греческой колесницы см.: [Mercklin, 1909, S. 30–66; Anastassiou, 1955].

¹⁰ Кир передвигается сидя на колеснице именно тогда, когда кажется, что битвы в ближайшее время не будет, ἡμελημένως μάλλον; ср. 1, 8, 3 о его приготовлениях к сражению: καταληθήςας ἀπὸ τοῦ ἄρματος ... καὶ ἀναβάς ἐπὶ τὸν ἵππον.

примечательно, что Ксенофонт использует здесь слово ἄρμα без дополнительных пояснений (ср. экскурс о серпоносных колесницах в Суг. 6, 1, 29–30; 50–51), ставя тем самым экипаж Кира в один ряд с колесницами, знакомыми его читателям. Впрочем, даже при наличии скамьи экипаж такого рода, очевидно, предназначался все же для закаленного воина и не вполне отвечал требованиям восточного комфорта: не случайно Ксеркс, торжественно выступив из Сард во главе войска на колеснице, затем по своему усмотрению переходил ἐκ τοῦ ἄρματος ἐς ἀρμάμαξαν (Hdt. 7, 41).

Прекратив (в точности неизвестно, когда именно¹¹) использовать колесницы в военных целях, греки сохранили их на спортивных конных ристалищах¹². Как известно, владение лошадьми и скачки воспринимались как аристократическая черта, признак богатства и высокого положения в обществе¹³. Благодаря эпосу должна была закрепиться ассоциация колесниц с мифическими героями.

¹¹ Способ употребления боевых колесниц в эпосе, отличный от египетского и ближневосточного (герои лишь достигают на них поля битвы, а затем спешиваются), вызвал к жизни гипотезу, что уже в эпоху, когда складывались поэмы Гомера, в сражениях они не применялись, а гомеровские описания — это лишь поэтическая фантазия или искаженное отражение микенской практики, см.: [Crouwel, 1992, p. 106. N. 558] (сам Крувел склонен считать эти описания достоверными, см.: p. 54, 58, 105, 106–107). Изображения колесниц, которые в микенскую эпоху в последний раз встречаются ок. 1100 г., возобновляются в Греции VIII в. до н. э., но не позволяют решить вопрос о том, использовались ли они в VIII в. в бою. Применение боевых колесниц греками на материке можно исключить с того времени, когда в обиход вошло сражение фалангой (VII в.). Впоследствии многочисленные изображения боевых колесниц в искусстве воспроизводят героические сцены, а не отражают историческую реальность [Crouwel, 1992, p. 57, 59–60, 104–106].

¹² Колесничные ристалища восходят к микенской эпохе: их изображения на вазах появляются ок. 1100 г. до н. э. [Crouwel, 1992, p. 57; 1995, p. 311]. О них говорит Гомер: в частности, в II. 11, 698–702 упоминаются состязания в Элиде, не связанные с погребальными играми и собравшие участников из разных городов. Изображения на геометрических вазах см.: [Ahlberg, 1971, p. 194]. Традиция сообщает, что на Олимпийских играх состязания колесниц проводились с 680 г. до н. э. (Paus. 5, 8, 7–8). О конных состязаниях как возможном ядре будующих Панафинеев см.: [Thompson, 1961, Sp. 228–231].

¹³ Например, Aesch. Pr. 465–466; Arph. *Nub.* 21–22; Isocr. 16, 33; Aristot. Pol. 1289b; 1321a; см. [Crouwel, 1992, pp. 104–105 («We must conclude that chariots and harness teams were regarded as status symbols similar to expensive automobiles today»); Kyle, 1992, p. 89; Spence, 1993; repr. 2001, pp. 191–197].

Героический ореол, как мы уже отмечали, мог в иных случаях исказить достоверное изображение колесниц. Но поскольку они не вышли из употребления полностью, можно лишь с большой осторожностью предполагать, что в литературе и изобразительном искусстве им приписывались в том или ином случае заведомо невозможные функции.

О том, что колесницы были известны в быту, свидетельствует, в частности, тот факт, что в поэзии начиная с раннего эпоса немало упоминаний об издаваемом ими шуме — грохоте и скрипе колес¹⁴: *Hom. Il.* 15, 453; *Hom. hymn.* 3, 234; *Parmenid. fr.* B 1, 6; *Aesch. Sept.* 151; 153.¹⁵ У трех афинских трагиков к колесу колесницы или к какой-то его части применяется слово *σῦριγξ*: *Aesch. Suppl.* 181; *Sept.* 205; *Soph. El.* 720; *Eur. Hipp.* 1234; *Iph. Aul.* 227. Согласно Э. Сальо [*Saglio*, 1887, p. 1635] и LSJ (s. v., II, 2), *σῦριγξ* — это втулка или ступица колеса. А. У. Вернелл [*Vernall*, 1885, pp. 364–370] выдвинул предположение, что название *σῦριγξ* обусловлено не звучанием, а внешним видом: так назывались поперечные планки, служившие вместо спиц в менее совершенной модели колеса; их длина, возрастающая от краев к середине, заставляла вспомнить о сиринге¹⁶. Но он сам отмечает, что Эсхил в обоих случаях свя-

¹⁴ Конечно, упоминания в поэзии еще не гарантируют, что предмет не вышел из обихода, ср. В. Высоцкий, «Баллада о борьбе»: «И пытались постичь / мы, не знаящие войн, / За воинственный клич / принимавшие вой, / Тайну слова “приказ”, / назначение границ, / Смысл атаки и лязг / боевых колесниц». Однако в том, что на играх классической Греции проходили состязания колесниц, нет никакого сомнения.

¹⁵ Ср. *Verg. Aen.* 6, 591: Сальмонею изображал раскаты грома с помощью колесницы, запряженной четверкой.

¹⁶ На дошедших изображениях ([*Vernall*, 1885, p. 368; *Lorimer*, 1903, pp. 132–151. *Fig.* 3–8]; ср. пестумские фрески, где крупный масштаб не ограничивает художника, желающего выписать мелкие детали: например, некрополь Лагетто, гробница X, северная стена) поперечных планок на колесе именно две (соответственно, одинаковой длины) и не более. Правда, то же объяснение, что Вернелл, выдвигает автор схолия к *Aesch. Sept.* 205a (Медицейская рукопись, рука M¹): *σύριγγες τὰ ξύλα τὰ μέσον τοῦ περιφεροῦς ξύλου τοῦ τροχοῦ διαπεραιοῦμενα. τὸ μὲν γὰρ αὐτῶν ἐστὶ μέγα, τὸ δὲ ἕτερον μικρότερον, ἄλλο δ' αὖ τοῦ δευτέρου μικρότερον, λόγον τῶν αὐλῶν τῶν συρίγγων ἐπέχοντα*. В этом описании планок, несомненно, больше двух. Но даже если схолиаст сам видел такие колеса, едва ли у него было больше оснований, чем у нас, считать, что Эсхил связывал их с боевыми колесницами: в изобразительном искусстве поперечные планки вместо спиц — принадлежность исключительно крестьянских телег [*Lorimer*, 1903, p. 149. N. 30].

зывает с σῦριγξ звук, издаваемый колесницей, и вынужден предположить, что поэта ведут за собой музыкальные ассоциации этого слова [Vernall, 1885, pp. 369–370]. Между тем следует обратить внимание, что в остальных случаях употребления σῦριγξ [Vernall, 1885, pp. 365–366] речь всегда идет не о рядах плоских неполох предметов, пусть неравной длины, а только о предметах, содержащих отверстия: птичье перо, подкоп, подставка для копий. Наконец, главное: сиринга предстает на изображениях классической эпохи прямоугольной — для получения звуков различной высоты трубки одинаковой длины заполняли воском изнутри; форма с возрастающей длиной трубок становится обычной только в эллинистическую эпоху [West, 1992, p. 111. N. 132–133]. Таким образом, остроумная гипотеза Вернелла не находит подтверждения.

Создается впечатление, что в послегомеровскую эпоху колесницы вообще не использовались в бытовых целях: наши источники никогда не сообщают, что кто-то отправился на колеснице в гости или по делам. Когда такого рода утверждения встречаются в научной литературе, это лишь результат недоразумения и невнимания к терминологии. Так, Дж. К. Андерсон и И. Спенс¹⁷ [Anderson, 1961, p. 114; Spence, 1993; repr. 2001, p. 185] пишут, что Мидий, согласно Демосфену, вывозил свою жену на Элевсинские мистерии и вообще туда, куда она желала, на «колеснице (chariot)». Между тем, у Демосфена (21, 158) говорится лишь об упряжке роскошных сикионских коней (ἐπὶ τοῦ λευκοῦ ζεύγους τοῦ ἐκ Σικυῶνος), и нет никаких оснований предполагать, что они запрягались в колесницу, а не в подходящую для женщины удобную повозку. Далее Андерсон обозначает как «колесницу» тележку (ἀμάξιη), на которой Солон предписал женщинам при необходимости выезжать по ночам (Plut. Sol. 21, 5). Спенс утверждает, что склонный к роскоши Фенипп, продав боевого коня, купил «колесницу», чтобы не ходить пешком (Ps.-Dem. 42, 24), но на самом деле Фенипп — что постыдно для здорового молодого человека — приобрел ὄχημα. В обычном случае мужчины ходили пешком или ездили верхом на лошадях, а состоятельные женщины, если приходилось выезжать, пользовались повозками с сиденьями или мулами под специальным

¹⁷ Характерно, что основной предмет исследования в обоих случаях — верховая езда, а «колесницы» упоминаются лишь мимоходом.

седлом [Anderson, 1961, pp. 110–113]. Колесницы оставались спортивным «снарядом», а вне ристалищ и тренировок их можно было встретить лишь в особых случаях, когда их использование носило репрезентативный и обусловленный традицией характер. Поэтому, когда в комедии Аристофана мать Фидиппида мечтает, как сын вырастет и в одеянии возничего поедет на колеснице к Акрополю¹⁸, речь идет не о простой поездке в город из деревни, а об участии в Панафинейх [Dover, 1968, p. 102 ad v. 69; Sommerstein, 1982, p. 163 ad v. 69.]¹⁹ или о посвящении богине венка, полученного на одном из панэллинских состязаний колесниц [Sommerstein, 1982, p. 163 ad v. 69].

Важная составляющая любой культовой процессии — демонстрация великолепия. Для достижения этой цели, наряду с богатými приношениями, парадными одеждами и музыкальным сопровождением, как нельзя лучше подходили и дорогостоящие престижные средства передвижения [Neils, 1996, p. 178].

Церемониальное применение колесниц, вероятно, восходит еще к микенской эпохе [Crouwel, 1992, p. 55. N. 251], и традиция могла сохраняться на протяжении «темных веков». В погребальных сценах на позднегеометрических вазах запечатлены колесницы, движущиеся шагом, то есть, очевидно, в торжественной процессии [Crouwel, 1992, p. 55]²⁰. Таким образом, с ранних времен известна связь колесницы с погребальным обрядом. Конечно, использовать воинскую колесницу как похоронные дроги невозможно технически²¹, однако для колесниц находилось иное применение. Их изображение в быстром движении на геометрических вазах со сценами прощания с покойным обычно объясняют [Mercklin, 1909, S. 30–31] как указание либо на смерть в бою, либо на погребаль-

¹⁸ Arph. Nub. 69–70: «ὄταν σὺ μέγας ὦν ἄρμ' ἐλαύνῃς πρὸς πόλιν, / ὄσπερ Μεγακλῆς, ξυστίδ' ἔχων —». Πόλις без артикля в аттическом диалекте классической эпохи систематически означает «Акрополь»: LSJ s. v. πόλις I 1; см. Thuc. 2, 15, 6.

¹⁹ О колесницах на Панафинейх см. далее.

²⁰ Список см.: [Ahlberg, 1971, pp. 194–195].

²¹ Поэтому не имеет под собой оснований картина, которую рисует [Герцман, 1995, с. 117]: «похоронное шествие, когда тело умершего или погибшего покоится на медленно двигающейся воинской колеснице».

ные игры, подобные описанным в «Илиаде»²². Есть и свидетельство того, что колесницы задействовались во время похоронных процессий. У Гомера мирмидонцы трижды объезжают на колесницах вокруг тела Патрокла, чтобы почтить умершего (II. 23, 7–14), а затем колесницы участвуют в шествии (*ibid.*, 132). Позже они появляются на керамической пинаке Эксекия, некогда украшавшей надгробие знатной афинянки 2-й пол. VI в. до н. э.²³ Хотя у нас нет уверенности, что изображение колесниц — реалистическая деталь, а не способ придать сцене возвышенный характер²⁴, тем не менее можно предположить, что аристократические семьи на практике следовали «героическим» образцам, и колесницы были призваны обеспечить пышность и торжественность погребения.

С колесницами ассоциировались свадебные церемонии²⁵. В самом деле, если только дом жениха не был расположен по соседству, как в Новой комедии, требовалось транспортное средство, чтобы доставить туда невесту. Колесницы в сценах свадьбы — иконографическое клише на вазовых росписях. Правда, нередко перед нами мифологическая картина — на колесницах везут своих невест боги и герои: в ряде случаев имена действующих лиц под-

²² Ном. II. 23, 262–650. Изображения игр в честь Патрокла: фр. ч/ф диноса Софила, Афины, Нац. музей 15499 (ABV 39, 16; BA 305075), 600–550 гг. до н. э.; «ваза Франсуа», ч/ф кратер, Флоренция 4209 (ABV 76, 1; BA 300000), Клитий, 600–550 гг. до н. э. Игры в честь Пелия: т. н. кратер Амфиарая, Берлин F1655 [Raupе, 1931. No. 1471; BA 9019292]. Ср. значительно более поздний фриз с состязанием колесниц на лутрофоре мастера Сапфо начала V в. до н. э. с погребальными сценами: Афины, Нац. музей 450 (BA 480).

²³ Берлин, Antikensammlung F1811–1826 (ABV 146,22–23; 687; [Boardman, 1955, pp. 63–66]; BA 350009, 350094, 350284, 350297, 350298, 350300), 540–530 гг. до н. э.

²⁴ Тело умершей на той же пинаке покоится на повозке, запряженной мулами. По мнению Дж. Бордмана [Boardman, 1955, p. 64], Эксекием запечатлена скорее реальная сцена — момент перед началом процессии. Ср.: [Crouwel, 1992, p. 60].

²⁵ Stesich. fr. 10, 1 (о свадебном поезде Елены и Менелая): πολλὰ μὲν Κυδωνία μάλα ποτερρίπτουν ποτὶ δίφρον ἀνακτι. Eur. Hel. 722–725: νῦν ἀνανεοῦμαι τὸν σὸν ὑμέναιον πάλιν / καὶ λαμπάδων μεμνήμεθ' ὡς τετραόροις / ἵπποις τροχάζων παρέφερον· σὺ δ' ἐν δίφροις / σὺν τῶιδε νύμφῃ δῶμ' ἔλειπες ὄλβιον. *Schol. Eur. Or.* 1384, p. 220, l. 9–14 Schwartz: τὸ ἀρμάτειον μέλος ὁ Δίδυμός φησιν ὠνομάσθαι, ὅτι αἱ ἀρχαῖαι παρθένοι εἰς τοὺς θαλάμους διὰ τῶν ἀρμάτων ἦγοντο· ὅθεν ἔτι καὶ νῦν πάροχοι λέγονται ἀπὸ τοῦ [τοῖς ὄχεσι] παροχεῖσθαι ** ὑμέναιον ἄδειν. τὸ δὲ ἀδόμενον ἀρμάτειον ἐκάλουν [ἀπὸ τοῦ ταῖς παρθένας διὰ τῶν ἀρμάτων ἀγομέναις παρεδεῖσθαι], ὡς ἐπιθαλάμιον <τὸ> ἐν τοῖς θαλάμοις (ср. *ibid.*, p. 219, l. 16 — p. 220, l. 1 Schwartz; Phot. α 2835; Etym. magn. p. 145, 30–34).

писаны²⁶; на многих вазах на мифологический сюжет указывает присутствие на свадьбе богов с узнаваемыми атрибутами²⁷ (хотя боги могут, по замыслу художника, почтить своим присутствием и свадьбу смертных) [Connor, 1979, S. 161]; при отсутствии таких явных признаков²⁸ также возможно, что художник имел в виду не чисто жанровую, а мифологическую сцену [Krauskopf, 1977, S. 28; Boardman, 1991, p. 205], — в росписях ритуальных сосудов это изысканный комплимент новобрачным, чья свадьба уподобляется свадьбе героической эпохи (такие же мифологические параллели приводятся в свадебных песнях). Поэтому можно предположить, вслед за Г. Л. Лоример [Lorimer, 1903, pp. 132–134; Krauskopf, 1977, S. 24–28], что изображения колесниц в свадебных сценах — это не столько отображение реального обычая, сколько канон высокого искусства. На практике же колесница, даже если в самых состоятельных семьях она имела и могла служить для демонстрации высокого статуса, плохо подходила для невесты: ехать пришлось бы стоя, и к тому же крепко держась всю дорогу. Кроме того, беговая колесница не оставляла места для третьего лица — *πάροχος*, наиболее уважаемого друга или родственника, которому традиция предписывала ехать вместе с новобрачными (Poll. 10, 33; Suid. ζ 33, s. v. *ζεῦχος ἡμιονικὸν ἢ βοεϊκόν*; Phot. s. v. *ζεῦχος ἡμιονικὸν*

²⁶ Например, Пелей и Фетида (фр. ч/ф диноса Софила, Афины, Акрополь 1.587 [ABV 25,1–2; BA 305074], 600–550 гг. до н. э.), Аид и Персефона (к/ф гидрия, Вюрцбург L535 [ARV² 1112,3; 1684; 1703; BA 214708; CVA Deutschland 46, Würzburg 2, S. 32–33, Taf. 23,1–5; 24,1–3], 475–425 гг. до н. э.), Менелай и Елена (ч/ф лебес, Izmir 3332 [ABV 40,20; 714; BA 305079], 600–550 гг. до н. э.), Адмет и Алkestида (ч/ф амфора, Малибу [BA 19507], 550–500 гг. до н. э.; ч/ф амфора, Рим, Вилла Джулия [BA 44120], 525–475 гг. до н. э.; фр. к/ф лутрофора, Афины, Акрополь 7336 [ARV² 632,1; BA 207336], 475–425 гг. до н. э.), Кадм и Гармония (ч/ф гидрия, Гейдельберг 72.1 [Krauskopf, 1977, S. 15. Fig. 1, 2; BA 86], Геракл и Геба (гидрия, Нью-Йорк 14.105.10 [ABV 261, 37; BA 302269], 550–500 г. до н. э.).

²⁷ Например, фр. ч/ф лутрофора, Афины, Акрополь 1.1237 (BA 32122), 575–525 гг. до н. э.; ч/ф ойнохоя, Мюнхен 1760 (BA 31960; CVA Deutschland 65, München 12, Beilage 6.1, Taf. 16, 2–4; 17, 1), 550–500 гг. до н. э.; фр. ч/ф амфоры, Афины, Агора P19584 (BA 31260), 550–500 гг. до н. э.; к/ф пиксида, Лондон, Британский музей 1920.12–21.1 (ARV² 1277, 23; 1282,1; 1689; BA 216210), 450–400 гг. до н. э.; фр. к/ф кратера, Афины, Нац. музей (ARV² 1155,1; BA 215301), 450–400 гг. до н. э. См. [Krauskopf, 1977, S. 26–27].

²⁸ Обилие материала не позволяет привести достаточно полный список. См., например: BA 2563; 5417; 9603; 28169; 29073; 29473; 29479; 29480; 30996; 32319; 46772; 205467; 206056; 206194; 215625; 216669; 220526; 390334; 9023822 и т. д.

ἢ βοεϊκόν). Редкие, но все же существующие в искусстве «жанровые сцены»²⁹ показывают, что жених и невеста использовали менее престижную, но более удобную повозку, на которой можно было сидеть³⁰ (лексикографы называют ее ὄμαξα и ὄχημα; ср. Ps.-Hes. Scut. 273). Тем не менее нельзя исключить, что знатные семьи из соображений престижа готовы были мириться со всеми неудобствами. Как представляется, девушка, пусть с мужской помощью, могла удержаться на движущейся шагом колеснице³¹. Это согласуется с нашим предположением, что в искусстве не закрепилось бы изображение заведомо невозможного ее применения. Кроме того, на колесницах могли ехать в процессии другие участники свадебной церемонии³².

Вероятно, самый известный случай использования колесниц на празднестве — афинские Панафинеи. Специфику конных ристалищ в программе Великих Панафинеев составляли состязания апобатов³³, которые должны были на ходу спрыгивать с колесниц и вскакивать обратно³⁴. Исследователи отмечают древность³⁵

²⁹ Например, ч/ф лекиф, Нью-Йорк, музей Метрополитен 56.11.1 (BA 350478; Add² 45), 575–525 гг. до н. э.; фр. ч/ф лекифа, Афины, Агора P26241 (BA 31164; *The Athenian Agora* 23, таб. 82, 970), 525–475 гг. до н. э.; ч/ф скифос из святилища Кабиров под Фивами [Lorimer, 1903, p. 137, Fig. 3]; к/ф чаша, Бонн 994 (BA 11725; CVA Deutschland 1, Bonn 1, S. 29–30, Taf. 28, 1–4), 450–400 гг. до н. э.; к/ф пиксида, Афины, Национальный музей 1630 (BA 431; [Lorimer, 1903, p. 133. Fig. 1]), IV в. до н. э.

³⁰ На аттическом к/ф кратере (Афины, Нац. музей CC1341 [ARV² 1317,1; BA 220526], 450–400 гг. до н. э.) в беговую колесницу, готовя ее для выезда новобрачных, парадоксальным образом укладывают подушки.

³¹ Ср. Hdt. 1, 60, 4: изображающая Афины красавица Фия на колеснице Писистрата.

³² Фр. диноса, Афины, Акрополь 1.587 и лебес, Izmir 3332 (см. выше примеч. 27), «ваза Франсуа» (см. выше примеч. 23); фр. ч/ф диноса, Кьюзи 67371 (BA 9022267), 575–525 гг. до н. э.; ч/ф кратер, Копенгаген B116 (BA 10634; CVA Danmark 8, Copenhagen 8, Taf. 322, 3A–B), 550–500 гг. до н. э.; фр. к/ф чаши, Афины, Акрополь 2.176 (ARV² 17,18; BA 200081), 550–500 гг. до н. э.; фр. к/ф лутрофора, Санкт-Петербург, Эрмитаж 284А (BA 21460), IV в. до н. э.

³³ Хотя агоны апобатов засвидетельствованы также в Беотии, Фессалии и Ликий, однако там они, очевидно, были заимствованы из Аттики: [Brommer, 1977, S. 221–224].

³⁴ О сложностях, связанных с интерпретацией этого состязания, см.: [Reed, 1990, pp. 305–307; Crowther, 1991, pp. 174–176; Kyle, 1992, pp. 89–91].

³⁵ Об изображении апобатов в позднегеометрической вазовой живописи см. [Ahlberg, 1971, pp. 191–194. Fig. 41].

и особый статус этих ристалищ: они традиционно проводились на Агоре, а не на ипподроме [Thompson, 1961, Col. 223–231; Kyle, 1987, pp. 63–64], и к участию допускались только граждане Афин (Ps.-Dem. 61, 23). Помимо состязаний (и, вероятно, непосредственно перед ними³⁶), апобаты украшали своим участием Панафинейскую процессию, как показывает фриз Парфенона³⁷. Гоплит и воиничий на колеснице выглядели подчеркнуто архаично и воинственно, вызывая в памяти зрителей гомеровских героев³⁸. Апобаты явно связаны со священной историей праздника [Robertson, 1985, S. 266–267]: с Эрхтонием, который в Афинах считался изобретателем колесницы (Marm. Par. 17–18 = FGrHist 239 A 10), основателем Панафинеев и участником колесничных состязаний на них (Hugin. Astr. 2, 13; Apollod. Bibl. 3, p. 190, 14, 6, 6; Harp. s. v. Παναθήναια = FGrHist 323a F 2; 324 F 2), а также с самой Афиной, которая на подносимом ей пеплосе изображалась в сцене гигантомахии на колеснице (Eur. Нес. 466–471)³⁹. Н. Робертсон предполагает, что выступление апобатов входило в первоначальное ядро празднества в честь воинственной богини-градодержицы еще до придания Панафинейям агонального характера [Robertson, 1985, S. 267].

Процессией колесниц сопровождалась и Малые Панафинейи. Во фрагменте из комедии Менандра «Подкидыш, или Деревенщина»

³⁶ «The *apobatai* would not join the Panathenaic parade, as they do on the Panathenaic frieze, unless they were to perform shortly after» [Robertson, 1996, p. 55; 75. N. 111].

³⁷ Плиты S 25–35; N 11–28. См.: [Jenkins, 1994, pp. 64–68; 88–95]. Красочное описание происходившего во время процессии предлагает Дж. Бордман [Boardman, 1985, p. 14]. Ф. Броммер отмечает, что апобаты на фризе Парфенона одеты по-разному (хотя у всех есть шлем и щит) — между тем как на состязании можно было бы ожидать одинаковых условий для всех участников [Brommer, 1977, S. 221–222]. Видимо, для фриза объяснение состоит как раз в том, что перед нами не агон, а процессия, на которой каждый пока еще одет так, как считает нужным, ср.: «die (während der Pompe mit dem Himation bekleideten) Krieger» [Reisch, 1894. Sp. 2815].

³⁸ «As a piece of military archaism on ceremonial occasions the *apobatai* can be compared to Yeomen of the Guard» [Parke, 1977, p. 43; Kyle, 1987, p. 189; 1992, p. 89].

³⁹ Ср. Nom. Hymn. Aphrod. 13 — Афина изобрела колесницу; Paus. 8, 47, 1 — Афина правила колесницей в гигантомахии. На чернофигурной чаше Берлин 2049 (ABV 390) Эрхтоний выступает в роли апобата, а Афина — в роли возничего; на ойнохое Копенгаген 108 (ABV 435, 1; CVA Danemark 3, Copenhagen 3, p. 100, pl. [124] 122.2a–b; BA 303320) — наоборот.

(fr. 384 K.—A.: μικρὰ Παναθῆναι' ἐπειδὴ δι' ἀγορᾶς πέμποντά σε, / Μοσχίων, μήτηρ ἑώρα τῆς κόρης ἐφ' ἄρματος) порядок слов заставил О. Смыку предположить, что на колеснице во время праздника находилась мать девушки⁴⁰, но на самом деле ἐφ' ἄρματος, конечно, зависит от πέμποντα и относится к Мосхиону.

Чрезвычайно внушительная процессия с участием колесниц засвидетельствована на празднестве Артемиды на Эвбее. Страбон (10, 1, 10) цитирует надпись, согласно которой некогда в шествии участвовали 3000 гоплитов, 600 всадников и 60 колесниц. М. П. Нильссон полагает, что колесницы должны были затем участвовать в ристалищах [Nilsson, 1906, S. 238–239].

В научной литературе XIX в. встречается предположение, что на колеснице мог располагаться музыкант, сопровождавший своей игрой торжественные шествия [Ulrici, 1835, S. 160; Volkmann, 1856, р. 84]⁴¹. Но если даже допустить, что в принципе это возможно, то во всяком случае ему было бы предельно неудобно⁴². Энн Хайлард [Hylard, 2003, р. 77] описывает свой опыт скачки галопом (то есть аллюром, при котором лошади движутся наиболее плавно [Hylard, 2003, р. 76]) на реконструированной римской колеснице с возничим по сравнительно ровному полю: чтобы не выпасть, ей пришлось изо всех сил держаться за передний борт колесницы. Можно представить, что даже если кони двигались шагом, неизбежные неровности дороги и тряска служили серьезной помехой для инструменталиста.

В самом деле, свидетельства о том, что музыкант мог находиться на колеснице, отсутствуют. В чернофигурной вазовой живописи крайне популярны сцены с изображением кифариста возле квадриги: на них приходится большинство архаических изображений лиры и кифары [Maas, Snyder, 1989, pp. 55–57, 92]. В частности, в сценах мифических свадеб Аполлон, играя на кифаре или на лире, шествует рядом с колесницей новобрачных. Конечно, боги

⁴⁰ Перевод О. Смыки: [Ярхо, 1982, с. 292].

⁴¹ Попытка истолкования ἀρμάτεος νόμος.

⁴² Флак [Flach, 1883, S. 130] скептически относится к этой версии, которую ее авторы выдвигают «ohne zu erklären, wie ein mit dem Wagen Fahrender eine Flötencomposition ordentlich blasen kann».

способны даже на то, что недоступно людям⁴³, однако в данном случае изображения (тем более столь часто повторяющиеся) скорее отражают реальную практику: отсюда, скорей всего, следует, что музыканты в процессии шли пешком, а колесница — если она и в самом деле применялась — двигалась медленно (чего, очевидно, требовала и перевозка на ней невесты). В карикатурной сцене на кабирской вазе комический эффект вызван нарушением этого порядка: мулы, везущие молодоженов на крестьянской тележке, несутся во всю прыть, из-за чего *πάροχος*, не успевший вскочить в повозку, тщетно пытается догнать ее, а толстяк-авлет играет сидя на плечах у другого персонажа, который с трудом поспекает впереди, опираясь на палку [Lorimer, 1903, p. 137. Fig. 3]. Итак, движущаяся колесница едва ли могла служить подмостками для выступления музыканта⁴⁴.

В двух случаях наши источники говорят об использовании колесницы для транспортировки объемных предметов культа. Однако это идет вразрез с уже сложившимся у нас представлением, что на ней нельзя везти ничего более крупного, чем *κεκμήλια*.

Формулировки античных комментариев к стиху 1384 «Ореста» Еврипида содержат предположение, что колесница использовалась в процессиях, посвященных Матери богов, причем на ней везли саму богиню (sc. статую)⁴⁵. В самом деле, запряженная львами колесница — атрибут Матери, и в греческом искусстве она сама правит ею [Naumann, 1983, S. 155–158; 229–232]. В знаме-

⁴³ Так, едва ли изображение Аполлона с формингой и двумя музами на колеснице, запряженной крылатыми конями, на ориентализирующей «мелосской» амфоре Афины, Нац. музей 3961 [Boardman, 1998. Fig. 250] можно считать доказательством того, что и смертные могли ехать на колеснице втроем или играть при этом на музыкальных инструментах.

⁴⁴ Изображение на *χόες* маленьких детей, которые едут в тележке или даже на игрушечной колеснице и играют при этом на авле или на лире, едва ли может служить доказательством обратного: Афины, Агора P 5244 [Hoorn, 1951, p. 81. N. 173. Fig. 159], 425–420 гг. до н. э. (авл.); Афины, Нац. музей 1321 [Deubner, 1956. Taf. 29, 4; Hoorn, 1951, p. 64, no. 40, fig. 97], 420–410 гг. до н. э. (лира).

⁴⁵ Schol. Eur. Or. 1384: οἱ δὲ ἄρμάτειον τὸ ἀπὸ τοῦ ἄρματος τῆς Ῥέας γινόμενον. Phot. α 2835: οἱ δὲ τὸ μητρώον· τὴν γὰρ μητέρα τῶν θεῶν ἐφ' ἄρμάτων ἐξάγεσθαι. Etym. magn. p. 145, 26–29: Ἦ ὅτι ἐπὶ ἄρματος Φρύγες ἄγοντες τὴν μητέρα τῶν θεῶν μέλος τι ἐπεφθέγγοντο· ὅπερ ἐκ τοῦ παρεπομένου μέλος ἄρμάτειον ὠνόμασται.

нитом описании Лукреция (2, 600–660) богиню провозят по Риму на троне на колеснице, запряженной парой львов. В таком же виде Кибела предстает в римском изобразительном искусстве: она не правит колесницей стоя, а восседает на ней неподвижно, как культовая статуя [Summers, 1996, pp. 344–345]. Конечно, едва ли обычной практикой было запрягать настоящих львов — для процессий на римских Мегаленсиях статую на львиной колеснице фригийские жрецы водружали на носилки или на повозку⁴⁶ (тогда как художники в большинстве случаев по понятным причинам не считали нужным вскрывать техническую сторону обряда, представляя богиню «по-настоящему» влекомой львами). Однако К. Саммерс доказывает, что Лукреций описывает именно римскую практику почитания Кибелы, не понаслышке известную его читателям, между тем как для греческого культа Матери богов отсутствуют свидетельства о процессиях с перемещением статуи — напротив, культовая статуя была конечной целью шествия: некоторые иконографические памятники показывают, как адоранты приближаются к восседающей на троне богине или пляшут и музицируют перед ней [Summers, 1996, pp. 350–351]. Таким образом, у нас нет данных, что в Греции езда Матери богов на колеснице воспроизводилась в виде театрализованного действия, а значит, колесница не являлась практически необходимой составляющей процессии.

Из строки Eur. Phoen. 1110, не раз вызывавшей недоумение комментаторов, следует, что Амфиарай вез на колеснице к воротам Фив жертвы (ἔχῳρει σφόγυ' ἔχῳν ἐφ' ἄροατι), причем непонятно не только как, но и зачем он это делал.

Σφόγυα (см.: [Stengel, 1910, S. 92–102; Pritchett, 1977–1985, Vol. I, pp. 109–115; Vol. III, pp. 83–90; Jameson, 1991, pp. 197–227]) — это кровавая очистительная жертва, приносившаяся в критических случаях: перед сражением, в случае эпидемии или голода. Она имела двойное назначение: умиловить высшие силы и узнать по-

⁴⁶ См. рельеф на саркофаге: Рим, S. Lorenzo fuori le mura [Quasten, 1973. Taf. 21, 1]. У Овидия Кибела во время процессий перемещается на повозке, запряженной волами (Fast. 4, 345–346), и на носилках (Fast. 4, 185–186); носилки с треном (а не колесницей) на них встречаются и на изображениях более позднего времени [Summers, 1996, p. 343].

средством гадания исход опасной ситуации. В отличие от обычных жертвоприношений, алтарь не использовался и мясо не ели. Заклание происходило в последний момент перед явно неизбежной битвой, причем перед расположением войска — по-видимому, как можно ближе к врагу [Stengel, 1910, S. 94]⁴⁷. Что происходило с тушами, неизвестно: П. Штенгель предполагает, что их закапывали или сжигали, когда для этого было время, а до тех пор могли оставить на месте заклания (Arr. Anab. 1, 5, 7) [Stengel, 1910, S. 99].

По мнению схолиаста, Амфиарай везет живых животных, чтобы иметь их под рукой для гадания, если потребуется⁴⁸. Однако из стк. 1101–1103 следует, что сражение уже началось, — жертвы же приносили до его начала⁴⁹. Д. Мастронарде предлагает в качестве «a slightly more plausible escape», что пророку могли бы потребоваться запасные животные, чтобы повторить гадание при неблагоприятном исходе, но сам замечает, что, как только желаемый результат достигался (и, добавим, можно было начинать военные действия), жертвоприношения уже не повторялись, поэтому везти животных с собой не было необходимости. Таким образом, для Мастронарде противоречие состоит только в том, что заклание еще не совершилось, а битва уже идет, и устранить его можно, убрав из текста стк. 1100–1103, содержащие указание на ее начало [Mastronarde, 1994, p. 461]. При этом остается без внимания другая разительная несообразность: зачем и, главное, *как* везти живых животных (например быка: ср. Eur. Heraclid. 821–822, но пусть и мелкий скот) *на колеснице*? Если даже речь только о том, чтобы доставить жертвы на видное всему войску место перед строем, не приходится сомневаться, что животные шли сами, как на известных изображениях⁵⁰. Разместить на колеснице портативный зверинец немислимо.

⁴⁷ Ср. Schol. Thuc. 6, 69, 2 σφάγια προύφερον ἔμπροσθεν τῆς στρατιᾶς ἐσφαγιάζοντο.

⁴⁸ Schol. Phoen. 1110: ἐχώρει σφάγι' ἔχων ἐφ' ἄρματι: ἱερεῖα εἰς σφαγὴν ἔτοιμα εἶχεν ἐν τῷ ἄρματι, ἵνα, εἰ χρεῖα γένοιτο μαντείας, εὐθέως σφάζας μαντεύσῃται.

⁴⁹ [Dihle, 1981, S. 75; Mastronarde, 1994, pp. 199–200]. Ср. Aesch. Sept. 377–379: Τυδεὺς μὲν ἤδη πρὸς πύλαισι Προϊτίσιν / βρέμει, πόρον δ' Ἴσμηνὸν οὐκ ἔα περᾶν / ὁ μάντις: οὐ γὰρ σφάγια γίγνεται καλᾶ.

⁵⁰ Например: [Neils, 1996, Fig. 8. 1; 2; 4]. Фриз Парфенона, плиты S 41–47; N 1–4, см.: [Jenkins, 1994, pp. 71–74; 84–85].

А. Персон [Pearson, 1909, pp. 88–89; 210–211 (ad v. 174)]⁵¹ считает, что имеются в виду туши, и связывает действия Амфиарая с обрядом очищения, при котором очищаемое лицо или территорию (в данном случае — фиванскую землю) следовало окропить кровью жертв. Однако в примерах, на которые он ссылается, жертвы несут, а не везут, и это понятно: кровь должна литься на объект очищения, а не на днище колесницы⁵². Кроме того, — что не менее важно, — остается непонятным использование колесницы как грузового транспорта.

Таким образом, ни цель, ни способ упомянутых в стк. 1110 действий Амфиарая удовлетворительно объяснить не удастся.

Между тем описание семерых вождей в речи вестника (стк. 1104–1140) уже начиная с XVIII в. вызывает подозрения как интерполяция ([Morus, 1771 ad loc.]; см: [The Phoenissae of Euripides, 1911, pp. 11–12; Mastronarde, 1994, pp. 456–459])⁵³.

Амфиарай и находящиеся при нем жертвы упоминаются выше в стк. 171–174:

- ΑΥ. οὗτος δ', ὦ γεραιέ, τίς κυρεῖ,
ὃς ἄρμα λευκὸν ἠνιοστροφεῖ βεβῶς;
ΘΕ. ὁ μάντις Ἀμφιάραος, ὦ δέσποιν', ὅδε
σφάγια δ' ἄμ' αὐτῷ, γῆ φιλαμάτω ῥοαί.

Эти строки не вызывают тех затруднений, что стк. 1110: перед нами эпизод до начала сражения, и жертвы еще не принесены; Амфиарай правит лошадьми, когда его видит Антигона, однако из слов σφάγια δ' ἄμ' αὐτῷ не следует, что животные находятся на его колеснице, — их просто гонят его воины. Тем не менее интерполятор истолковал их неверно и затем, сочиняя свой текст, пред-

⁵¹ Ср. [Jameson, 1991, p. 212]: проύφερον в пассаже Thuc. 6, 69, 2 он объясняет тем, что тушу жертвы или наиболее значимую ее часть (например печень) выносили вперед и предъявляли войску в знак успешности церемонии.

⁵² Ср. Diog. Laert. 1, 110: при обряде очищения Афин животным предоставляют самим идти по улицам.

⁵³ Согласно Д. Л. Пейджу, вставка была сделана для сценических нужд, чтобы удовлетворить вкусам публики, в начале IV в. до н. э. под влиянием «тейхоскопии» у Эсхила (Sept. 375 sqq.), однако без дословных совпадений и в целом в стиле, близком к Еврипиду [Page, 1934, pp. 20–21]. А. Диле датирует интерполяцию III–II вв. до н. э. [Dihle, 1981, S. 83].

почел следовать Еврипиду⁵⁴ (превратно понятому), чем здравому смыслу⁵⁵. Остается вопрос, как мог современник беговых колесниц допустить такую ошибку. Назовем две возможные причины: во-первых, не исключено, что человек, не принадлежащий к элите, сам никогда не имел дела с колесницей. Во-вторых, интерполятор находился под влиянием классического текста; поэтические вольности при описании боевых колесниц героических времен, очевидно, были уже привычными, и слушатели не всегда считали нужным сопоставлять такие описания с известными им бытовыми реалиями.

Итак, рассмотренные пассажи не доказывают, что колесницы использовались для перевозки объемных предметов. В целом складывается впечатление, что возможности колесницы как грузового транспорта сравнимы с возможностями велосипеда: если иному дачнику и удастся возить на нем стройматериалы, такое нецелевое использование все же требует известной ловкости и изобретательности.

В заключение рассмотрим пассаж, связанный со специфическим применением колесницы в культовых церемониях. В древнем Гомеровском гимне к Аполлону (3, 229–238) упомянут загадочный для нас ритуал культа Посейдона в Онхесте, близ Фив, имеющий прямое отношение к коням и колесницам:

ἔνθεν δὲ προτέρω ἔκιες ἑκατηβόλῃ Ἄπολλον,
Ὀρχηστὸν δ' ἴξες Ποσιδήιον ἀγλαὸν ἄλσος·
ἔνθα νεοδμῆς πῶλος ἀναπνέει ἀχθόμενός περ
ἔλκων ἄρματα καλά, χαμαὶ δ' ἐλατήρ ἀγαθός περ
ἐκ δίφροιο θορῶν ὁδὸν ἔρχεται· οἱ δὲ τέως μὲν
κεῖν' ὄχεα κροτέουσιν ἀνακτορίην ἀφιέντες.
εἰ δὲ κεν ἄρματ' ἀγῆσιν ἐν ἄλσει δενδρήεντι,
ἵππους μὲν κομέουσι, τὰ δὲ κλίναντες ἐῶσιν·
ὧς γὰρ τὰ πρῶτισθ' ὀσίη γένεθ'· οἱ δὲ ἀνακτι
εὗχονται, δίφρον δὲ θεοῦ τότε μοῖρα φυλάσσει.

⁵⁴ Вопреки Диле [Dihle, 1981, S. 60–72], нет серьезных причин считать интерполяцией «тейхоскопию» (стк. 88–201), см.: [Mastronarde, 1994, pp. 168–173].

⁵⁵ Вывод Матронарде по поводу стк. 1110 более осторожен: «More likely, we have here either carelessness by Euripides, or the carelessness of an interpolator writing with an eye to the genuine 174» [Mastronarde, 1994, p. 461].

По всей вероятности, онхестский ритуал должен был обеспечить лошадям, колесницам и возничим сохранность и божественное покровительство. Но невнятность описания заставляет предположить, что сам автор был знаком с обрядом довольно поверхностно [Рабинович, 2007, с. 139–140], и дает простор для ряда противоречивых его истолкований. В нем видят: скачки во время игр, на которых кони должны были проделать часть пути без возницы [Pgen, 1796, p. 287; Cobet, 1862, pp. 298–299]; вид гадания, исход которого определялся либо тем, достигнут ли кони святилища, либо тем, будет ли разбита колесница⁵⁶; особый способ посвящения Посейдону колесницы и/или коней (возможно, принадлежавших победителю состязаний), позволяющий проверить, будет ли дар угоден богу [Matthiae, 1800, pp. 156–157; Peppmüller, 1894. Bd. 53, NF 7. S. 258 ff.; Nilsson, 1906, S. 70; Allen, Halliday, Sikes, 1936, repr. 1980, pp. 235–238; Kirsten, 1942. Bd. 18. Sp. 413; Cassola, 1975, p. 502]; способ умилостивить Посейдона, разгневанного либо излишне оживленным движением на дороге, ведущей через его священную рощу [Allen, 1897, pp. 247–249]; Соколовски [Sokolowski, 1960, pp. 376–380 (предполагает священный закон, запрещающий въезжать в святилище и устанавливающий штраф для нарушителей)], либо началом использования жеребят на службе человеку [Allen, Sikes, 1904, p. 97; Deubner, 1938, S. 30 ff.; 275–276; Jeanmaire, 1945, pp. 75–77]; наконец, ритуал, связанный с проверкой, хорошо ли обучены молодые лошади [Roux, 1964, pp. 6–22].

А. Шахтер [Schachter, 1976, pp. 102–114] предложил интерпретацию онхестского эпизода гимна, заменяющую ритуал банальным несчастным случаем: подъем в гору на дороге в Онхест мог быть труден для лошадей, везущих колесницу, если одна из них была еще неопытна. Чтобы помочь ей, возничий сходил на землю, лошади оставались без управления, неслись вскачь и, естественно, нередко опрокидывали колесницу. На территории святилища такой случай должен был казаться недобрым предзнаменованием, поэтому кроме обычных мер — позаботиться о лошадях и перевернуть повозку — следовало также помолиться Посейдону, чтобы избежать аварий в будущем. Ряд деталей, однако, делает эту версию

⁵⁶ Böttiger в письме, которое цитируют [Matthiae, 1800, pp. 157–159; Baumeister, 1860, pp. 151–152; Bouché-Leclercq, 1879, p. 150].

не слишком убедительной. Прежде всего, спешиваясь при подъеме в гору, возницы обычно ведут лошадей под уздцы, а не оставляют на произвол судьбы. Далее, уставшие лошади на трудном склоне едва ли склонны нестись во весь опор (так Шахтер понимает κείν' ὄχεα κροτέουσι, хотя и при движении шагом колесница двигалась не беззвучно). В целом непонятно, почему инциденты такого рода повторялись в святилище настолько часто, чтобы можно было говорить о сложившемся издревле обычае: ведь, по оценке самого Шахтера [Schachter, 1976, p. 113], для взрослых лошадей подъем дороги трудностей не представлял, — почему же именно на этом отрезке пути то и дело оказывались неопытные жеребята? Добавим, что Шахтер несколько раз высказывает представление о «тяжело нагруженной» колеснице — между тем, как было показано выше, ἄρματα никогда не означает грузовую телегу⁵⁷ (ср. выражение κείν' ὄχεα, которое едва ли применимо к груженой повозке, с которой лишь сошел возничий), а кузов боевой или беговой колесницы стремились сделать как можно легче, поэтому о непосильной нагрузке на коней говорить не приходится. Таким образом, названные действия возницы и присутствующих в святилище людей не объяснить житейской необходимостью. Неубедительно и понимание τὰ δὲ κλίναντες ἐῶσι (стк. 236) как “turn the chariot and let it go”. Κλίνω может иметь значение «поворачивать» (LSJ s. v. I, 3, в т. ч. II, 3, 427 — пример, на который ссылается Шахтер), но не «переворачивать», «приводить в вертикальное, устойчивое положение» — как раз напротив, глагол применяется к падающим листьям (Od. 11, 194), обвалившейся стене (Xen. Hell. 5, 2, 5), потерявшему равновесие физическому телу (Plat. Phaedo 109a), предметам, наклоняющимся в сторону и книзу, и как нельзя лучше подходит для колесницы, из которой выпрягли лошадей: она теряет равновесие и принимает наклонное положение (ср. II, 8, 435 о колеснице в значении «прислонить»). Как кажется, следует вернуться к представлению, что в гимне описана ритуальная практика, тем более что на это прямо указывает стк. 237.

⁵⁷ То же соображение можно высказать и в целом против версий, связанных с интенсивным движением гужевого транспорта по онхестской дороге: колесницы — не простое средство передвижения, и едва ли они оказывались в святилище Посейдона случайно, проездом.

Рассмотренные примеры позволяют заключить, что в Греции архаической и классической эпох колесница не использовалась как повседневное транспортное средство. Поездки на дальние расстояния и перевозка объемных предметов на ней представляются невозможными. Везти с собой женщину возничий мог разве только в редких, особых, обусловленных традицией обстоятельствах. Помимо спортивных состязаний она была задействована только в торжественных ритуальных церемониях. Уточненное представление о возможностях колесницы и внимание к лексике, обозначающей транспорт, позволяют избежать некоторых ошибок при интерпретации античных текстов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Герцман Е. В.* Музыка Древней Греции и Рима. СПб.: Алетейя, 1995. 175 с.
2. Менандр. Комедии. Фрагменты / изд. подг. В. Н. Ярхо. М.: Наука, 1982. 327 с.
3. *Рабинович Е. Г.* Hymni Homerici. III. К Аполлону // Е. Г. Рабинович. Мифотворчество классической древности. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2007. 472 с.
4. *Ahlberg-Cornell G.* Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art. (Studies in Mediterranean Archaeology. Vol. XXXII.) Göteborg: P. Åström, 1971. 327 p.
5. *Allen T. W., Halliday W. R., Sikes E. E.* The Homeric Hymns. Oxford: Clarendon Press, 1936, repr. 1980. CXV, 471 p.
6. *Allen T. W., Sikes E. E.* The Homeric Hymns. Oxford, 1904. LXXVIII, 330 p.
7. *Allen T. W.* The Text of the Homeric Hymns // JHS. 1897. Vol. 17. Pp. 45–62.
8. *Anastassiou J.* Ἄρμα // Lexikon des frühgriechischen Epos. Göttingen, 1955. Sp. 1313–1319.
9. *Anderson J. K.* Ancient Greek Horsemanship. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1961. XV, 329 p.
10. *Aristophanes.* Clouds / ed., comm. K. J. Dover. Oxford: Clarendon Press, 1968. CXXVIII, 285 p.
11. *Baumeister A.* Hymni Homerici. Lipsiae: Teubneri, 1860. VII, 376 p.
12. *Boardman J.* Athenian Black Figure Vases. 2nd ed. London: Thames and Hudson, 1991. 252 p.
13. *Brommer F.* Der Parthenonfries. Katalog und Untersuchung. Mainz am Rhein: P. von Zabern, 1977. VIII, 292 p.

14. *Boardman J.* Early Greek Vase Painting: 11th–6th centuries BC. London: Thames and Hudson, 1998. 287 p.
15. *Boardman J.* Painted Funerary Plaques and Some Remarks on Prothesis // BSA. 1955. Vol. 50. Pp. 51–66.
16. *Boardman J.* The Parthenon and its Sculptures. London: Thames and Hudson, 1985. 256 p.
17. *Bouché-Leclercq A.* Histoire de la divination dans l'antiquité. Vol. I. Paris: Leroux, 1879. X, 380 p.
18. *Càssola L. F.* Inni Omerici. Verona: A. Mondadori; Fondazione Lorenzo Valla, 1975. 642 p.
19. *Cobet C. G.* Ad Hymnos Homericos // Mnemosyne. 1862. Vol 11. Pp. 291–312.
20. *Connor P. J.* A Marriage Procession // Arch. Anz. 1979. Sp. 158–161.
21. *Crowther N. B.* The Apobates Reconsidered (Demosthenes lxi 23–9) // JHS. 1991. Vol. 111. Pp. 174–176.
22. *Crouwel J. H.* Chariots and other Means of Land Transport in Bronze Age Greece. Amsterdam: Allard Pierson Museum, 1981. 215 p.
23. *Crouwel J. H.* Chariots and other Wheeled Vehicles in Iron Age Greece. (Allard Pierson Series 9.) Amsterdam: Allard Pierson Museum, 1992. 215 p.
24. *Crouwel J. H.* Chariots in Early Iron Age Greece and in Homer // Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology, including the Papers of a Conference Organized by the Netherlands Institute at Athens, 15 May 1993 / ed. by J. P. Crielaard. Amsterdam, 1995. XII, 316 p.
25. *Delebecque É.* Le cheval dans l'Iliade, suivi d'un lexique du cheval chez Homère et d'un essai sur le cheval préhomérique. (Études et commentaires IX.) Paris: Klincksieck, 1951. 251 p.
26. *Deubner L.* Der homerische Apollonhymnus. (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.) Berlin, 1938. 32 S.
27. *Deubner L.* Attische Feste. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 266 p.
28. *Dihle A.* Der Prolog der 'Bacchen' und die antike Überlieferungsphase des Euripides-Textes. (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Kl.) Bericht; Jg. 1981, 2. Heidelberg: Winter, 1981. 115 S.
29. *Erhardt L.* Die Entstehung der homerischen Gedichte. Leipzig: Duncker & Humblot, 1894. CXIII, 546 S.
30. *Euripides.* The Phoenissae / ed. A. C. Pearson. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. 246 p.
31. *Euripides.* Phoenissae / ed. D. J. Mastronarde. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1994. VIII, 673 p.

32. *Flach J.* Geschichte der griechischen Lyrik, von nach den Quellen dargestellt. Bd. I. Tübingen: F. Fues, 1883. XX, 698 S.
33. *Hoorn G., van.* Choes and Anthesteria. Leiden: Brill, 1951. 200 p.
34. *Hylard A.* The Horse in the Ancient World. Sutton: Praeger, 2003. 240 p.
35. *Hymni Homerici* / ed. C. D. Ilgen. Halle: Hemmerden, 1796. 718 p.
36. *Jameson M. H.* Sacrifice before Battle // *Hoplites: The Classical Greek Experience* / ed. V. D. Hanson. London: Routledge, 1991. XVI, 286 p.
37. *Jeanmaire H.* Le substantif Hosia et sa signification comme terme technique dans le vocabulaire religieux // *REG.* 1945. Pp. 66–89.
38. *Jenkins I.* The Parthenon Frieze. Austin: University of Texas Press, 1994. 119 p.
39. *Kirsten E.* Onchestos // *RE.* 1942. Bd. 18. Sp. 413.
40. *Krauskopf I.* Eine attisch schwarzfigurige Hydria in Heidelberg // *Arch. Anz.* 1977. Sp. 13–37.
41. *Kyle D. G.* Athletics in Ancient Athens. Leiden: Brill, 1987. X, 240 p.
42. *Kyle D. G.* The Panathenaic Games: Sacred and Civic Athletics // *God-dess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens* / ed. J. Neils. Princeton: Princeton University Press, 1992. Pp. 77–101.
43. *Lorimer H. L.* The Country Cart of Ancient Greece // *JHS.* 1903. Vol. 23. Pp. 32–151.
44. *Maas M., Snyder J. M.* Stringed Instruments of Ancient Greece. New Haven; London: Yale University Press, 1989. XX, 261 p.
45. *Matthiae A.* Animadversiones in Hymnos Homericos. Leipzig: In libraria Weidmannia, 1800. XVI, 462 p.
46. *Mercklin E., von.* Der Rennwagen in Griechenland. Leipzig: Radelli & Hille, 1909. 66 S.
47. *Morus S. F. N.* De Euripidis Phoenissis. Leipzig, 1771. 28 p.
48. *Naumann F.* Die Ikonographie der Kybele in der phrygischen und der griechischen Kunst. Diss. Tübingen: E. Wasmuth, 1983. 394 S.
49. *Neils J.* Pride, Pomp, and Circumstance: The Iconography of Procession // *Worshipping Athena* / ed. J. Neils. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. Pp. 177–197.
50. *Nilsson M. P.* Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der attischen. Leipzig: Teubner, 1906. V, 490 S.
51. *Parke H.* Festivals of the Athenians. Ithaca, NY: Cornell University Press, 1977. 208 p.
52. *Payne H.* Necrocorinthia, a Study of Corinthian Art in the Archaic Period. Oxford: Clarendon Press, 1931. XII, 363 p.
53. *Peppmüller R.* Bemerkungen zu den homerischen Hymnen // *Philologus.* 1894. Bd. 53, NF 7. S. 253–279.

54. *Plutarchus*. Plutarchi de musica / ed. R. Volkmann. Lipsiae: Teubner, 1856. XXIV, 171 S.
55. *Pritchett W. K.* The Greek State at War. Vol. I–IV, 1977–1985. Vol. I. Bearkley; Los Angeles, 1977. 184 p.
56. *Pritchett W. K.* The Greek State at War. Vol. I–IV, 1977–1985. Vol. III. Bearkley; Los Angeles, 1979. 353 p.
57. *Quasten J.* Musik und Gesang in den Kulturen der Heidenischen Antike und Christlichen Frühzeit. (Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen Heft 25.) 2. Hg. Münster: Westfalen, Aschendorff, 1973. XII, 284 S.
58. *Reed N. B.* A Chariot Race for Athens' Finest: The Apobates Contest Re-Examined // *Journal of Sport History*. 1990. Vol. 17. Pp. 306–317.
59. *Reisch E.* Ἀποβάτης // RE. 1894. Bd. I. Sp. 2814–2815.
60. *Robertson N.* Athena's Shrines and Festivals // *Worshipping Athena / ed. J. Neils*. Madison: University of Wisconsin Press, 1996. Pp. 22–77.
61. *Robertson N.* The Origins of the Panathenaia // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1985. Bd. 128. S. 231–295.
62. *Roux G.* Sur deux passages de l'Hymne homérique à Apollon // REG. 1964. Vol. 87. Pp. 1–22.
63. *Saglio E.* Currus // *Dictionnaire des antiquités grecques et romaines / ed. Ch. Daremberg, E. Saglio*. Vol. I, 2. Paris: Hachette, 1887. P. 1635.
64. *Schachter A.* The Homeric Hymn to Apollo, lines 231–238 (The Onchestus Episode): Another Interpretation // *Bulletin of the Institute of Classical Studies of London University*. 1976. Vol. 23. Pp. 102–114.
65. *Sokolowski F.* On the Episode of Onchestus in the Homeric Hymn to Apollo // TAPA. 1960. Vol. 91. Pp. 376–380.
66. *Sommerstein A. H.* Clouds. The Comedies of Aristophanes. Vol. 3. Warminster: Aris & Phillips, 1982. Pp. 173–175.
67. *Spence I. G.* The Cavalry of Classical Greece. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1993; repr. 2001. XXXIV, 346 p.
68. *Stengel P.* Opferbräuche der Griechen. Leipzig: Teubner, 1910. 238 S.
69. *Summers K.* Lucretius' Roman Cybele // *Cybele, Attis and Related Cults. Essays in Memory of M. J. Vermaseren / ed. E. N. Lane*. (Religions in the Graeco-Roman World 131.) Leiden; New York; Köln, 1996. Pp. 337–365.
70. *The Phoenissae of Euripides*, ed. J. U. Powell. London: Constable, 1911. 229 p.
71. *Thompson H. A.* The Panathenaic Festival // *Arch. Anz.* 76. 1961. Sp. 227–231.
72. *Ulrici H.* Geschichte der Hellenischen Dichtkunst. Zweiter Theil: Geschichte der Hellenischen Lyrik bis zum vierten Jahrhundert v. C. G. Berlin: Duncker und Humblot, 1835. IV, 624 S.

73. Vernall A. W. On the Syrinx in the Ancient Chariot // JHS. 1885. Vol. 6. Pp. 364–370.
74. West M. L. Ancient Greek Music. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1992. XIII, 409 p.
75. West M. L. *The Making of the Iliad*. Oxford: Oxford University Press, 2011. 456 p.
76. Wiesner J. *Fahren und Reiten*. (Archaeologia Homerica. Bd. I, Kapitel F.) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. 144 S.

REFERENCES

1. Gertsman E.V. *Muzyka Drevnei Gretsii i Rima* [Music in Ancient Greece and Rome]. Saint Petersburg, Aleteia Publ., 1995. 175 s.
2. Menandr. *Komedii. Fragmenty* [Menander. Comedies. Fragments]. Yarkho V.N. (izd.) [Ed. by V.N. Yarkho]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 574 s.
3. Rabinovich E.G. *Hymni Homerici. III. K Apollonu*. E. G. Rabinovich. Mifotvorchestvo klassicheskoi drevnosti [Mythopoetry in Classical Antiquity]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2007. 472 s.
4. Ahlberg-Cornell G. *Prothesis and Ekphora in Greek Geometric Art*. (Studies in Mediterranean Archaeology. Vol. XXXII.) Göteborg, P. Åström, 1971. 327 p.
5. Allen T.W., Halliday W.R., Sikes E.E. *The Homeric Hymns*. Oxford, Clarendon Press, 1936, repr. 1980. CXV, 471 p.
6. Allen T.W., Sikes E.E. *The Homeric Hymns*. Oxford, 1904. LXXVIII, 330 p.
7. Allen T.W. The Text of the Homeric Hymns. *JHS*. 1897. Vol. 17. Pp. 45–62.
8. Anastassiou J. Ἄρμα. *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Göttingen, 1955. Sp. 1313–1319.
9. Anderson J. K. *Ancient Greek Horsemanship*. Berkeley; Los Angeles, University of California Press, 1961. XV, 329 p.
10. Aristophanes. *Clouds*, ed., comm. K.J. Dover. Oxford: Clarendon Press, 1968. CXXVIII, 285 p.
11. Baumeister A. *Hymni Homerici*. Lipsiae, Teubneri, 1860. VII, 376 p.
12. Boardman J. *Athenian Black Figure Vases*. 2nd ed. London, Thames and Hudson, 1991. 252 p.
13. Brommer F. *Der Parthenonfries. Katalog und Untersuchung*. Mainz am Rhein, P. von Zabern, 1977. VIII, 292 p.
14. Boardman J. *Early Greek Vase Painting: 11th–6th centuries BC*. London, Thames and Hudson, 1998. 287 p.
15. Boardman J. Painted Funerary Plaques and Some Remarks on Prothesis. *BSA*. 1955. Vol. 50. Pp. 51–66.

16. Boardman J. *The Parthenon and its Sculptures*. London, Thames and Hudson, 1985. 256 p.
17. Bouché-Leclercq A. *Histoire de la divination dans l'antiquité*. Vol. I. Paris, Leroux, 1879. X, 380 p.
18. Càssola L.F. *Inni Omerici*. Verona, A. Mondadori; Fondazione Lorenzo Valla, 1975. 642 p.
19. Cobet C.G. Ad Hymnos Homericos. *Mnemosyne*. 1862. Vol 11. Pp. 291–312.
20. Connor P.J. A Marriage Procession. *Arch. Anz.* 1979. Sp. 158–161.
21. Crowther N.B. The Apobates Reconsidered (Demosthenes lxi 23–9). *JHS*. 1991. Vol. 111. Pp. 174–176.
22. Crouwel J.H. *Chariots and other Means of Land Transport in Bronze Age Greece*. Amsterdam, Allard Pierson Museum, 1981. 215 p.
23. Crouwel J.H. *Chariots and other Wheeled Vehicles in Iron Age Greece*. (Allard Pierson Series 9.) Amsterdam, Allard Pierson Museum, 1992. 215 p.
24. Crouwel J.H. *Chariots in Early Iron Age Greece and in Homer*. Homeric Questions. Essays in Philology, Ancient History and Archaeology, including the Papers of a Conference Organized by the Netherlands Institute at Athens, 15 May 1993, ed. by J.P. Crielaard. Amsterdam, 1995. XII, 316 p.
25. Delebecque É. *Le cheval dans l'Illiade, suivi d'un lexique du cheval chez Homère et d'un essai sur le cheval préhomérique*. (Études et commentaires IX.) Paris, Klincksieck, 1951. 251 p.
26. Deubner L. *Der homerische Apollonhymnus*. (Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Kl.) Berlin, 1938. 32 S.
27. Deubner L. *Attische Feste*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1956. 266 p.
28. Dihle A. Der Prolog der 'Bacchen' und die antike Überlieferungsphase des Euripides-Textes. (Sitzungsberichte der Heidelberger Akademie der Wissenschaften, Phil.-Hist. Kl.): Bericht; Jg. 1981, 2. Heidelberg, Winter, 1981. 115 S.
29. Erhardt L. *Die Entstehung der homerischen Gedichte*. Leipzig, Duncker & Humblot, 1894. CXIII, 546 S.
30. Euripides. *The Phoenissae*, ed. A.C. Pearson. Cambridge: Cambridge University Press, 1909. 246 p.
31. Euripides. *Phoenissae*, ed. D.J. Mastronarde. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1994. VIII, 673 p.
32. Flach J. *Geschichte der griechischen Lyrik, von nach den Quellen dargestellt*. Bd. I. Tübingen, F. Fues, 1883. XX, 698 S.
33. Hoorn G., van. *Choes and Anthesteria*. Leiden, Brill, 1951. 200 p.
34. Hylard A. *The Horse in the Ancient World*. Sutton, Praeger, 2003. 240 p.
35. *Hymni Homerici*, ed. C.D. Ilgen. Halle: Hemmerden, 1796. 718 p.

36. Jameson M.H. *Sacrifice before Battle*. Hoplites: The Classical Greek Experience, ed. V.D. Hanson. London, Routledge, 1991. XVI, 286 p.
37. Jeanmaire H. Le substantif Hestia et sa signification comme terme technique dans le vocabulaire religieux. *REG*. 1945. Pp. 66–89.
38. Jenkins I. *The Parthenon Frieze*. Austin, University of Texas Press, 1994. 119 p.
39. Kirsten E. Onchestos. *RE*. 1942. Bd. 18. Sp. 413.
40. Krauskopf I. Eine attisch schwarzfigurige Hydria in Heidelberg. *Arch. Anz*. 1977. Sp. 13–37.
41. Kyle D.G. *Athletics in Ancient Athens*. Leiden, Brill, 1987. X, 240 p.
42. Kyle D.G. *The Panathenaic Games: Sacred and Civic Athletics*. Goddess and Polis: The Panathenaic Festival in Ancient Athens, ed. J. Neils. Princeton, Princeton University Press, 1992. Pp. 77–101.
43. Lorimer H.L. The Country Cart of Ancient Greece. *JHS*. 1903. Vol. 23. Pp. 32–151.
44. Maas M., Snyder J.M. *Stringed Instruments of Ancient Greece*. New Haven; London, Yale University Press, 1989. XX, 261 p.
45. Matthiae A. *Animadversiones in Hymnos Homericos*. Leipzig, In libraria Weidmannia, 1800. XVI, 462 p.
46. Mercklin E., von. *Der Rennwagen in Griechenland*. Leipzig, Radelli & Hille, 1909. 66 S.
47. Morus S.F.N. *De Euripidis Phoenissis*. Leipzig, 1771. 28 p.
48. Naumann F. *Die Ikonographie der Kybele in der phrygischen und der griechischen Kunst*. Diss. Tübingen, E. Wasmuth, 1983. 394 S.
49. Neils J. *Pride, Pomp, and Circumstance: The Iconography of Procession*. Worshipping Athena, ed. J. Neils. Madison, University of Wisconsin Press, 1996. Pp. 177–197.
50. Nilsson M. P. *Griechische Feste von religiöser Bedeutung mit Ausschluss der attischen*. Leipzig, Teubner, 1906. V, 490 S.
51. Parke H. *Festivals of the Athenians*. Ithaca; NY, Cornell University Press, 1977. 208 p.
52. Payne H. *Necrocorinthia, a Study of Corinthian Art in the Archaic Period*. Oxford, Clarendon Press, 1931. XII, 363 p.
53. Peppmüller R. Bemerkungen zu den homerischen Hymnen. *Philologus*. 1894. Bd. 53, NF 7. S. 253–279.
54. Plutarchus. *Plutarchi de musica*, ed. R. Volkmann. Lipsiae: Teubner, 1856. XXIV, 171 S.
55. Pritchett W.K. *The Greek State at War*. Vol. I–IV, 1977–1985. Vol. I. Berkeley; Los Angeles, 1977. 184 p.

56. Pritchett W.K. *The Greek State at War*. Vol. I–IV, 1977–1985. Vol. III. Bearkley; Los Angeles, 1979. 353 p.
57. Quasten J. *Musik und Gesang in den Kulturen der Heidenischen Antike und Christlichen Frühzeit*. (Liturgiewissenschaftliche Quellen und Forschungen Heft 25.) 2. Hg. Münster, Westfalen, Aschendorff, 1973. XII, 284 S.
58. Reed N.B. A Chariot Race for Athens' Finest: The Apobates Contest Re-Examined. *Journal of Sport History*. 1990. Vol. 17. Pp. 306–317.
59. Reisch E. Ἀποβάτης. *RE*. 1894. Bd. I. Sp. 2814–2815.
60. Robertson N. *Athena's Shrines and Festivals*. Worshipping Athena, ed. J. Neils. Madison, University of Wisconsin Press, 1996. Pp. 22–77.
61. Robertson N. The Origins of the Panathenaia. *Rheinisches Museum für Philologie*. 1985. Bd. 128. S. 231–295.
62. Roux G. Sur deux passages de l'Hymne homérique à Apollon. *REG*. 1964. Vol. 87. Pp. 1–22.
63. Saglio E. *Currus. Dictionnaire des antiquités grecques et romaines*, ed. Ch. Daremberg, E. Saglio. Vol. I, 2. Paris, Hachette, 1887. P. 1635.
64. Schachter A. The Homeric Hymn to Apollo, lines 231–238 (The Onchestus Episode): Another Interpretation. *Bulletin of the Institute of Classical Studies of London University*. 1976. Vol. 23. Pp. 102–114.
65. Sokolowski F. On the Episode of Onchestus in the Homeric Hymn to Apollo. *TAPA*. 1960. Vol. 91. Pp. 376–380.
66. Sommerstein A.H. *Clouds. The Comedies of Aristophanes*. Vol. 3. Warminster, Aris & Phillips, 1982. Pp. 173–175.
67. Spence I.G. *The Cavalry of Classical Greece*. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press, 1993; repr. 2001. XXXIV, 346 p.
68. Stengel P. *Opferbräuche der Griechen*. Leipzig, Teubner, 1910. 238 S.
69. Summers K. *Lucretius' Roman Cybele*. Cybele, Attis and Related Cults. Essays in Memory of M.J. Vermaseren, ed. E.N. Lane. [Religions in the Graeco-Roman World 131.] Leiden; New York; Köln, 1996. Pp. 337–365.
70. *The Phoenissae of Euripides*, ed. J.U. Powell. London, Constable, 1911. 229 p.
71. Thompson H.A. The Panathenaic Festival. *Arch. Anz*. 76. 1961. Sp. 227–231.
72. Ulrici H. *Geschichte der Hellenischen Dichtkunst*. Zweiter Theil: Geschichte der Hellenischen Lyrik bis zum vierten Jahrhundert v. C.G. Berlin, Duncker und Humblot, 1835. IV, 624 S.
73. Vernall A.W. On the Syrinx in the Ancient Chariot. *JHS*. 1885. Vol. 6. Pp. 364–370.
74. West M.L. *Ancient Greek Music*. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press, 1992. XIII, 409 p.

75. West M.L. *The Making of the Iliad*. Oxford, Oxford University Press, 2011. 456 p.
76. Wiesner J. *Fahren und Reiten*. (Archaeologia Homerica. Bd. I, Kapitel F.) Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1968. 144 S.
-

Алмазова Нина Александровна

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Nina Almazova

PhD in Art Studies (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: nialm@inbox.ru

**ИЗ АФИН В СТАГИРЫ — ИЗ СТАГИР В АФИНЫ:
ОБ ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ
ИЗ УТРАЧЕННОГО ПИСЬМА АРИСТОТЕЛЯ
(Arist. fr. 669 Rose)**

Ключевые слова: Аристотель (биография, фрагменты), Гермий из Атарнея, Аполлодор («Хроника»), Деметрий («О стиле»), античная эпистография.

Высказывание из утраченного письма Аристотеля, которое дважды цитирует Деметрий, автор сочинения «О стиле», отмечая его изящество, ἐγὼ ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν — «я из Афин приехал в Стагиры из-за Великого царя, а из Стагир в Афины из-за великой бури (или великого холода)» (Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose), до сих пор не получило удовлетворительного объяснения, прежде всего из-за того, что упоминаемые Аристотелем путешествия не находят соответствия в канве его жизни, известной из «Хроники» Аполлодора, и поскольку загадочна роль «великого», т. е. персидского, царя в перемещениях Аристотеля. В работе обосновывается предположение, что в первой части высказывания Аристотель намекает на арест персами в 341 г. до н. э. и последующую казнь Гермия, правителя Атарнея, друга и покровителя Аристотеля, открытое проявление скорби по которому со стороны Аристотеля сделало его, как показали дальнейшие события, *persona non grata* в Афинах и заставило его, очевидно, переехать из Миезы, где его преподавание Александру должно было закончиться в 340 г. или вскоре после этого, в родной город вместо предполагаемого возвращения в Афины. Вторая часть высказывания намекает не на холодный климат в Стагирах, побудивший Аристотеля переехать в Афины, как обычно полагают, но, в соответствии с обычным значением μέγας χειμῶν, на «большую бурю» как причину переезда, что может иметь, разумеется, только метафорическое значение. Вероятнее всего, что под этой бурей подразумевается восстание греков против Македонии после смерти Филиппа и их поражение, устранившее препятствия для возвращения Аристотеля в Афины в 335/334 г.

**‘FROM ATHENS TO STAGIRA,
FROM STAGIRA TO ATHENS’:
ON ONE SENTENCE FROM ARISTOTLE’S LOST LETTER
(Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose)**

Keywords: Aristotle (biography, fragments), Hermias of Atarneus, Apollodorus’ Chronicle, Demetrius’ On Style (*De elocutione*), ancient Greek epistolography.

The mysterious sentence from Aristotle’s lost epistle, cited twice by Demetrius, the author of *On Style*, and praised by him for its beauty, ἐγὼ ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν, ‘I came from Athens to Stagira because of the Great King, and from Stagira to Athens because of the great storm’ (or ‘because of the great cold’) — (Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose) has not received until now a plausible explanation. This is mainly because the travels mentioned do not square well with Aristotle’s itinerary as attested by Apollodorus, and because the role of the Great (viz. the Persian) king in Aristotle’s life is a puzzle. In the paper it is proposed that Aristotle hints at the 341 BC arrest and (the somewhat later) execution by the Persians of his patron and friend, Hermias of Atarneus, an alleged ally of Philip II of Macedon. These events arguably made Aristotle *persona non grata* in Athens and caused his move from Mieza, where his duties as a tutor of Alexander ended presumably soon after 340 BC, to his native town, instead of returning to Athens. The second part of the sentence hints not at the cold climate of Stagira, as it is usually believed, but rather, in accordance with the normal meaning of the μέγας χειμῶν, at the ‘great storm’, to be taken metaphorically. The most plausible candidate for this storm is the revolt of Greeks against Alexander and their defeat, after which the obstacles for Aristotle’s return disappeared and he came to Athens in 335/334 BC. Aristotle thus omits the intermediate stations and depicts his travels as the way from Athens to Stagira and from Stagira back to Athens.

In memoriam Heinz Heinen
14.IX.1941 — 21.VI.2013

Одно предложение из утраченного письма Аристотеля пока не получило удовлетворительного объяснения¹. Оно дважды цитируется Деметрием (или псевдо-Деметрием), автором риторического

¹ Здесь и далее привлекаются следующие издания фрагментов Аристотеля и специально фрагментов его писем: [Rose, 1863; Rose, 1886; Plezia, 1961; Plezia, 1977]. Свидетельства биографического характера приводятся по изданию: [Düring, 1957].

трактата «О стиле», который приводит и несколько других выдержек из писем Аристотеля в качестве образцовых примеров эпистолярного жанра (Demetr. De elocut. 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose = T 67 a Düring (p. 400) = Epistulae 14 Plezia)².

Demetr. 29:

γίνεται μέντοι γε χρήσιμά ποτε (τὰ ὁμοιοτέλευτα), ὡς Ἀριστοτέλης φησὶν ἔγω ἐκ μὲν Ἀθηνῶν εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν". εἰ γοῦν ἀφέλοις τὸ ἕτερον μέγαν, συναφαιρήση καὶ τὴν χάριν τῇ γὰρ μεγαληγορία συνεργεῖ τὰ τοιαῦτα κῶλα, ὅποια τῶν Γοργίου τὰ πολλὰ ἀντίθετα καὶ τῶν Ἰσοκράτους.

Demetr. 154:

πολλάκις δὲ καὶ κῶλα ὅμοια ἐποίησε χάριν, ὡς ὁ Ἀριστοτέλης ἔκ μὲν Ἀθηνῶν, φησὶν, ἐγὼ εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν". καταλήξας γὰρ ἐν ἀμφοτέροις τοῖς κῶλοις εἰς τὸ αὐτὸ ὄνομα ἐποίησε τὴν χάριν. ἐὰν δ' οὖν ἀποκόψῃς τοῦ ἐτέρου κῶλου τὸ μέγαν, συναφαιρεῖται καὶ ἡ χάρις.

Исследователи биографии Аристотеля уделили не много внимания этому высказыванию. Между тем оно загадочно, и притом сразу в нескольких отношениях. В первую очередь это касается самого маршрута путешествий Аристотеля — из Афин в Стагиры и из Стагир в Афины — неизвестного из других свидетельств. Ничего не известно о роли «великого», то есть персидского, царя в жизни Аристотеля. Лишь в отношении переезда из Стагир в Афины διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν господствует убеждение, что Аристотель имеет в виду (так или иначе) пребывание в Стагирах перед возвращением в Афины и называет в качестве его причины суровый климат в родном городе, но и оно, как мы убедимся, покоится на шатких основаниях.

Начнем с обзора перемещений Аристотеля, о которых мы неплохо осведомлены. Известия о них и соответствующие даты вос-

² В рукописях трактата его автором назван Деметрий Фалерский (ок. 360 — 280 гг. до н. э.), ученик Аристотеля и Феофраста. Эта атрибуция в целом отвергнута в науке, но время написания и личность автора продолжают вызывать споры; сейчас сочинение обычно относят к I в. до н. э. (см.: [Demetrios, 1993, pp. XIII–XL; Dührsen, 2005, S. 242–271], здесь выдвинуто предположение, что автор трактата — Деметрий из Магнезии, филолог и антиквар, живший в I в. до н. э.).

ходят к надежному источнику, «Хронике» Аполлодора (сер. II в. до н. э.), и дошли до нас в двух изложениях, Дионисия Галикарнасского (Ep. ad Ammaeum 5, p. 262. 8–263. 10 Us.—Rad.) и Диогена Лаэртия (V, 9–10)³. Диоген Лаэртий, который ссылается на Аполлодора, несомненно, как и в других случаях, использовал «Хронику» не прямо, но через промежуточный источник, Дионисий же, скорее всего, прямо, хотя он и не называет имени Аполлодора⁴. Далее приводим хронологическую канву жизни Аристотеля по Аполлодору с добавлением в скобках событий и дат, отсутствующих у Аполлодора, но имеющих значение для биографии Аристотеля⁵:

Ол. 99, 1 = 384/383 г. Аристотель родился в Стагирах.

Архонтство Полидзела: 367/366 г. Аристотель на 18-м году жизни прибывает в Афины и становится учеником Платона⁶.

³ T 1 d, e Düring = Apollod. FGGrHist F 38, см. текст и комментарий: [Düring, 1957, pp. 253–255]. По мнению Дюринга, источником хронологии Аполлодора, как и хронологии утраченной биографии Аристотеля, написанной Гермиппом (ок. 200 г. до н. э.), была «Аттида» Филохора [ibid. pp. 250–252]. Однако бесспорно восходящие к Филохору свидетельства о жизни Аристотеля (T 1 f; 3 Düring) содержат либо факты, отсутствующие у Аполлодора, либо иную датировку упоминаемых Аполлодором событий, что говорит не в пользу этой гипотезы.

⁴ См. [Jacoby, 1902, S. 318]; предположение Дюринга о том, что Дионисий использовал труд Аполлодора не прямо, но через посредника [Düring, 1957, p. 255], было уже ранее высказано Дильсом и убедительно опровергнуто Якоби, основополагающий труд которого Дюринг, кажется, не учитывает.

⁵ Мы опираемся на хронологическую канву, составленную Дюрингом [Düring, 1957, pp. 249–250; Düring, 1966, S. 1–2], о различии между двумя вариантами этой канвы в отношении пребывания Аристотеля в Стагирах см. далее), однако вносим некоторые уточнения. В «Хронике» Аполлодора летосчисление велось по афинским архонтам, вступавшим в должность в месяце Гекатомбеоне — первом месяце после летнего солнцестояния, то есть в июле — августе [Бикерман, 1975, с. 16]. В переработке Аполлодора, которой пользовался Диоген Лаэртий, счет лет велся уже по Олимпиадам, однако при этом нередко приводилась и датировка по архонтам. Олимпийский год не имел фиксированного начала, древние историки синхронизировали его с афинским магистратским годом (так, вероятно, действовал автор переработки Аполлодора), но иногда и с другими календарями, например, с македонским или ахейским [Бикерман, 1975, с. 70–71].

⁶ И. Дюринг в комментарии отдает предпочтение дате, которая восходит, возможно, к Филохору (Vita Marciana 10 Düring = FGGrHist 328 F 223): архонтство Навсигена, то есть 368/367 г. [Düring, 1957, p. 257], хотя в аппарате к тексту Vita Marciana (p. 98), наоборот, предпочитает указание Аполлодора. В действительности архонтство Навсигена, даже если восходит к Филохору, вряд ли заслуживает предпочтения [Jacoby, 1902, S. 324. Anm. 17].

(Осень 348 г. Взятие Олинфа Филиппом II⁷.)

(Архонтство Теофила: 348/347 г. Смерть Платона⁸.)

Ol. 108, 1 Архонтство Теофила: 348/347 г. Аристотель покидает Афины и отправляется в Атарней ко двору Гермия (согласно Аполлодору, после смерти Платона)⁹.

⁷ Олинф пал во время македонских Олимпий (Dem. De falsa leg. [16], 192; Diod. XVI, 55), то есть в начале четвертого афинского месяца, Боздромия, приблизительно в октябре 348 г., см.: [Cawkwell, 1962, p. 130 f.].

⁸ Дата смерти Платона, архонтство Теофила = Ol. 108, 1, то есть 348/347 г., надежна благодаря указаниям Аполлодора о кончине Платона и начале схоластики Спевсиппа (Diog. Laert. III, 2; IV, 1) и Филодема о смерти Платона (Philod. Ind. Acad. II, 35–38 Dorandi); Феопомп, современник Платона, датировал его смерть 13-м годом царствования Филиппа II (Diog. Laert. III, 40), то есть тем же 348/347 г., см. также другие свидетельства: [Jacoby, 1902, S. 310]. И. Дюринг датирует смерть Платона более точно маем 347 г. [Düring, 1966, S. 1], опираясь, очевидно, на пассаж Сенеки (Ep. mor. 58, 31), что Платон умер в свой день рождения (7-го Таргелия, то есть в мае), достигнув ровно 81 года. Однако это и другие аналогичные свидетельства проистекают из стремления приравнять продолжительность жизни Платона к кратному девяти числу, которое ассоциировалось с Аполлоном, см.: [Jacoby, 1902, S. 309; 310. Anm. 14]; по Аполлодору, Платон умер на 81-м году жизни, а по Филохору, которому, по всей видимости, следует Филодем [Dorandi, 1990, p. 122], — прожив 82 года; это расхождение связано с различными датировками рождения Платона.

⁹ Согласно Аполлодору, Аристотель покинул Афины после смерти Платона. Дюринг полагает [Düring, 1957, p. 249, 276, 388, 459; Düring, 1966, S. 10], что это произошло до смерти Платона, ссылаясь на обвинение враждебного Аристотелю философа-мегарика Евбулида (Т 57 F Düring), что Аристотель не присутствовал при смерти Платона. Но обвинение Евбулида, чего бы оно ни стоило, не подразумевает отъезда из Афин, а скорее, напротив, присутствие в городе, ср.: [Merlan, 1959, S. 206 Anm. 2]. Более общее соображение Дюринга, что после взятия Филиппом Олинфа в Афинах зимой 348–347 гг. пришла к власти антимакедонская партия, и Аристотель покинул город, опасаясь гонений из-за своих связей с македонским двором, основано на ряде спорных посылок. В действительности македонские связи Аристотеля относились к далекому прошлому и не имели политического характера: его отец, врач царя Аминты III, умер, когда Аристотель был ребенком (см. Vita Marciana 3 Düring о его опекуне, Проксене из Атарнея); нет и никаких свидетельств того, что сам Аристотель в это время был стокранником Македонии или воспринимался в Афинах как таковой (его родной город, по всей вероятности, пострадал во время войны Филиппа против Халкидского союза, см. далее). Неточно также утверждение Дюринга, что падение Олинфа привело к усилению в Афинах антимакедонской партии (он имеет в виду Демосфена). И до и после этого события ведущим политиком в Афинах оставался Евбул, который препятствовал отправке значительных афинских контингентов к Олинфу, но активно сопротивлялся усилению Филиппа после взятия города, в целом же занимал скорее умеренную позицию [Cawkwell, 1962, p. 139 f.]. Эпиграмма Феокрита Хиосского (Didym. In

ОΙ. 108, 4 Архонтство Евбула: 345/344 г. Аристотель переезжает из Атарнея в Митилену.

ОΙ. 109, 2 Архонтство Пифодота: 343/342 г. Аристотель по приглашению Филиппа II переезжает в Македонию (в Миезу) в качестве воспитателя Александра¹⁰; согласно Дионисию, он преподает Александру в течение 8 лет, то есть вплоть до возвращения в Афины.

(341 г., первая половина года¹¹. Захват Гермия Ментором, полководцем персидского царя Артаксеркса III.)

Demosth. VI, 43–49 = 15 b Düring; Euseb. Praep. evang. XV, 2, 12 = 58 k Düring), которая обвиняет Аристотеля в предпочтении «устьев зловонного потока» (то есть владений Гермия; против того, что имеется в виду Македония, см. [Harding, 2006, p. 160]) жизни в Академии в угоду «природе своего беззаконного чрева», при всей ничтожности ее как свидетельства, все же связывает отъезд Аристотеля к Гермия не с преследованиями в Афинах или с политическими амбициями, но с намерением обрести спокойную и безбедную жизнь (эпитет *κενόφρων*, которым Феокрит награждает Аристотеля, видимо, означает, что тот опрометчиво обманулся в своих ожиданиях, лишившись с гибелью Гермия богатого покровителя). *Mutatis mutandis* это вполне вероятно: зоологические исследования, которыми Аристотель энергично занимался в Ассосе и позднее в Митилене, а также, по всей видимости, преподавание, то и другое при поддержке правителя Атарнея, который покровительствовал наукам, и были, возможно, основной целью переезда философа из Афин в Малую Азию. Э. Форд [Ford, 2011, p. 22] следует гипотезе Дюринга, ссылаясь на речь Демохара, в которой Аристотель обвинялся в том, что он при конфискации имущества олинфян указал Филиппу на богатейших граждан, а также предал царю родные Стагиры. Однако абсурдность обвинений в этой речи, произнесенной много позже смерти Аристотеля, в 306 г., скорее доказывает, что ничего более достоверного о связях философа с македонским двором в Афинах во времена взятия Олинфа известно не было.

¹⁰ Дата рождения Александра по афинскому календарю — 6 Гекатомбеона, то есть 19 июля, 356 г. (Plut. Alex. 3, 5; см. [Badian, 1982, p. 48. N. 34]. Ему было максимум 14 лет к моменту начала занятий. Указание Диогена Лаэртия, что Александру было 15 лет, отсутствующее у Дионисия, явно не восходит к Аполлотору и проистекает из ошибки Диогена Лаэртия в определении даты рождения Александра или просто при подсчете. Ф. Якоби [Jacoby, 1902, S. 320] исправляет 15 на 14, исходя из того, что для Диогена обычен инклюзивный счет (его 14 лет может означать 14-й год, то есть полные 13 лет), ср.: [Stahr, 1830, S. 85 f.]. Ошибочно, следовательно, полагать, исходя из этой эмендации, что Аристотель стал воспитателем Александра, когда тому исполнилось 14 лет [Bosworth, 1988, p. 20], или отослать прибытие Аристотеля в Македонию к концу 343/342 г., то есть к лету 342 г. [Ellis, 1994, p. 771]. Надежная дата, которой мы располагаем, это лишь архонтство Пифодота, то есть между летом 343 и летом 342 г.

¹¹ О дате падения Гермия см. далее.

(340 г., первая половина года¹². Поход Филиппа II против Перинфа и Византия; Александр замещает отца в качестве регента.)

(339/338 г. Смерть Спевсиппа, схоларха Академии. Ксенократ избран схолархом¹³.)

(338 г., август. Битва при Херонее.)

(336 г., сентябрь [Bosworth, 1988, p. 23]. Филипп убит заговорщиками. Александр становится царем.)

(335 г., конец сентября [Bosworth, 1988, p. 33]. Разрушение Фив Александром.)

Ol. 111, 2 Архонтство Евайнета: 335/334 г. Аристотель возвращается в Афины и преподает в Ликее (в течение 12 лет по Дионисию, 13 по Диогену Лаэртию).

(Весна 334 г. Поход Александра на Восток.)

(Июнь 323 г. Смерть Александра.)

Ol. 114, 3. Архонтство Кефисодора: 323/322 г. (Обвинение Аристотеля в нечестии.) Отъезд Аристотеля из Афин в Халкиду на Евбее (на 13-й год после возвращения в Афины, по Дионисию).

¹² См. о датировке начала осады Перинфа: [Wankel, 1976, S. 438 (лит.)].

¹³ И. Дюринг называет более точную дату избрания Ксенократа — весна 338 г. [Düring, 1957, p. 250], однако для нее нет оснований. Согласно Аполлодору (Diog. Laert. IV, 14 = Apollod. fr. 54 Jacoby), Ксенократ стал главой Академии в архонтство Лисимахида, то есть между июнем — июлем 339 и июнем — июлем 338 г. Трудность представляет собой скорее продолжительность схолархата Спевсиппа: согласно Diog. Laert. IV, 1; Philod. Ind. Acad. VI, 39–40 Dorandi (оба указания восходят, скорее всего, к Аполлодору), Спевсипп руководил Академией 8 лет, в то время как начало его схолархата — 348/347 г., что дает, если считать его концом 339/338 г. (избрание схолархом Ксенократа), продолжительность в 9 или даже 10 лет по обычному для Аполлодора (и Диогена Лаэртия) инклюзивному счету. Ф. Якоби пытался объяснить это расхождение либо тем, что схолархат Спевсиппа мог начаться в самом конце 348/347 г., а завершиться в самом начале 339/338 г., а его продолжительность была определена не по архонтским, а по полным годам, либо тем, что между смертью Спевсиппа и избранием Ксенократа прошло какое-то время, то есть Спевсипп умер раньше начала 339/338 г., но оба эти допущения ему самому справедливо кажутся сомнительными [Jacoby, 1902, S. 313]. Напрашивается иное объяснение: меньшая, чем ожидалось бы, продолжительность схолархата связана с тем, что Спевсипп, будучи тяжело больным, передал управление Академией Ксенократу (Diog. Laert. IV, 3), который таким образом оказался временным главой школы (см. об этом эпизоде: [Merlan, 1946, p. 107 f.], формально же Ксенократ стал схолархом лишь в 339/338 г., после смерти Спевсиппа и официального избрания. Во всяком случае, у нас нет оснований для более точной датировки избрания Ксенократа, чем указанное Аполлодором архонтство Лисимахида.

Архонтство Филокла: 322/321 г. Смерть Аристотеля в Халкиде на Евбее в возрасте 63 лет¹⁴.

Хорошо видно, что этот итинерарий, основанный главным образом на указаниях Аполлодора, не оставляет места ни для прямого перемещения из Афин в Стагиры, ни обратно из Стагир в Афины. Само пребывание в Стагирах в промежутке между оставлением Афин в 348/347 г. и возвращением в 335/334 г. не засвидетельствовано другими источниками. Вместе с тем, хотя полностью дошедшие письма Аристотеля, согласно господствующему мнению, подложны, как, возможно, и некоторые из писем, от которых дошли фрагменты¹⁵, подлинность разбираемого отрывка вряд ли может вызвать сомнение¹⁶. Во-первых, большинство отрывков

¹⁴ Смерть Аристотеля Дюринг датирует октябрём 322 г. и при этом утверждает, что ему было 63 года [Düring, 1968, Sp. 180]. Первое следует из указания, что он умер в то же время, когда погиб Демосфен (Diog. Laert. V, 3), то есть 16 Пянопсия, или 14 октября, 322 г. (Plut. Demosth. 30). Кроме того, Авл Геллий, перечисляя события, следующие за смертью Александра (Aul. Gell. XVII, 34 = T 46 с Düring), называет сперва умершим Аристотеля и лишь затем Демосфена. Уже Якоби [Jacoby, 1902, S. 321] полагал, что Геллий позволяет точнее датировать смерть Аристотеля, а Дюринг [Düring, 1957, p. 250; Düring, 1902, S. 2] прямо утверждает, что Аристотель умер незадолго до Демосфена. На самом деле оба свидетельства не подходят на точные указания. Кроме того, Аристотель, родившийся в 384/383 г., не мог достичь полных 63 лет в 322/321 г. Шестьдесят три года Аполлодора означает, как это обычно для него, 63-й год жизни, см. [Pueche, 1994, p. 417 s.] (ошибка в Marmor Parium, B 11 Jacoby, где смерть Аристотеля отнесена к 321/320 г., возможно, объясняется тем, что от года рождения, то есть 384/383, были отняты полных 63 года).

¹⁵ См. о подложности полностью сохранившихся писем: [Plezia, 1977, p. IX]; о письмах Аристотеля в целом: [Düring, 1968, Sp. 163–165].

¹⁶ В аутентичности высказывания сомневался В. Йегер, находя в нем риторическую манерность, несвойственную, по его мнению, безыскусности писем Аристотеля, которые в древности считались образцом эпистолярного стиля [Jaeger, 1948, p. 311]. Ни с той, ни с другой стороны этого утверждения нельзя согласиться. Во-первых, от подлинных писем Аристотеля дошло слишком мало, чтобы составить надежное суждение о его эпистолярном стиле, но, по свидетельствам древних читателей, для них характерно скорее сочетание простоты и литературности (см: [Rose, 1886, p. 411]). Так, Симпликий говорит о присутствии им сочетания разговорного стиля с εὐδρέτεια (In Cat, p. 7, 16–22 = E T 7 B b Plezia), то есть величавостью, торжественностью, что, как мы увидим, вполне подходит и к разбираемой фразе. Интересно в этом плане, несмотря на скудость материала, суждение Виламовица, который помещает стиль писем Аристотеля, в качестве образцового, посредине между его двумя главными предшественниками — Исократом с его риторичностью и Платоном, чьи письма лишены художественного элемента [Wilamowitz-Moellendorff, Berlin, 1892, S. 393].

(а возможно, даже все) из писем Аристотеля в сочинении Деметрия заимствованы из сборника, составленного Артемоном, по всей видимости, еще до возрождения интереса к его философии в последние десятилетия I в. до н. э., то есть до того времени, когда письма Аристотеля стали предметом фальсификаций¹⁷; во-вторых, другие цитаты из аристотелевских писем у Деметрия производят впечат-

Во-вторых, наличие риторических приемов в одной и, очевидно, ударной фразе не может свидетельствовать о характере всего несохранившегося письма. Приходится поэтому пользоваться на мнение Деметрия, читавшего все письмо, который дважды цитирует высказывание и оба раза одобряет его за *χάρις*, то есть изысканность, которую ему сообщают как раз те приемы, которые не по душе Йегеру — антистетические гомеотелевты (великий царь — великая буря) и окончание колонов на одну и ту же словоформу (это справедливо замечено против Йегера: [Plezia, 1977, pp. 119–121]). При этом сам же Деметрий предостерегает против злоупотребления подобными приемами и приводит изречение в качестве примера того, что они *иногда* бывают стилистически оправданы, так что очевидно, что Аристотель не пользовался ими широко в остальной, несохранившейся части письма. В более общем плане интересно, что *χάρις* для Деметрия не окказиональная похвала, но одна из черт образцового эпистолярного стиля (Demetr. De elocut. 235), которую он находит и в другом высказывании Аристотеля — *ὅσφ γάρ αὐτίτης καὶ μονότης εἰμί, φιλομυθότερος γέγονα*, отмечая, что создается она в данном случае благодаря редкому слову и рядом стоящему неологизму (Demetr. De elocut. 144 = Arist. fr. 668 Rose; к толкованию этой фразы см.: [Renehan, 1995, pp. 281–292]). Таким образом, суммируя, можно острожно сказать, что известная риторичность или литературность рассматриваемого высказывания Аристотеля не противоречит, но скорее соответствует манере Аристотеля и не уменьшает, но, наоборот, способствует высокой оценке этих писем в глазах знатока эпистолярного стиля, знавшего хорошо письма философа.

¹⁷ Время жизни Артемона не поддается точному определению. Не могут считаться надежными ни отождествление его с филологом Артемоном из Кассандреи, (см.: [Susemihl, 1892, S. 511 f; Wentzel, 1896, Sp. 1446–1447; Moraux, 1951, p. 144 s.; Düring, 1968, Sp. 164], который упоминал Дионисия Скитобрахиона и жил, следовательно, не ранее середины III в. до н. э. (см. в пользу более ранней, чем полагали прежде, датировки Дионисия, 270–220 гг.: [Rusten, 1982, pp. 189–190]), ни отождествление их обоих с Артемоном из Пергама, возможно, учеником Кратета, с которым полемизировал Менеkrat из Нисеи, ученик Аристарха [Wentzel, 1896, Sp. 1447], что дает в качестве *t. circa q.* середину — вторую половину II в. до н. э. См. обо всех трех Артемонах: [Pagani, 2010]). Однако вероятно, что собрание аристотелевских писем Артемона в 8 книгах хронологически предшествует более обширному собранию в 30 книгах, изданному Андроником и определенно включавшему апокрифические письма [Moraux, 1951, p. 143]. Преобладающая сейчас датировка трактата Деметрия, I в. до н. э., также позволяет думать, что цитируемое в нем собрание Артемона предшествует возрождению аристотелизма в последние десятилетия этого столетия.

ление подлинных¹⁸; наконец, сама неясность разбираемой фразы служит веским аргументом в пользу ее аутентичности — от фальсификатора ожидалось бы либо упоминание хорошо известного факта, либо отчетливое изложение придуманных подробностей.

Предположение В. Розе, что адресатом письма был Антипатр, старый соратник Филиппа II, «стратег Европы» во время похода Александра на Восток, с которым Аристотеля связывало близкое знакомство, если не дружба, вряд ли можно подтвердить или опровергнуть¹⁹. Зато более определенно можно говорить о его датировке: если только Аристотель не имеет в виду какой-то незначительный маршрут, о котором иначе нам ничего не известно (это, как мы увидим, маловероятно), он мог сказать, что его путешествия начались и закончились в Афинах, лишь между 335/334 г., когда он вернулся в город после неудачной войны греков с Александром, и до 323/322 г., окончательного отъезда из Афин после смерти Александра.

Начнем с первой половины высказывания Аристотеля, «я из Афин пришел в Стагиры из-за великого царя», которая оказывается наиболее трудной для толкования. Несмотря на высказывавшиеся изредка сомнения в том, что подразумевается царь персов, такое понимание представляется нам правильным²⁰. Именно из-за

¹⁸ П. Моро замечает, что похвалы Деметрия эпистолярному стилю Аристотеля говорят в пользу подлинности собрания писем, которым он пользовался, так как дошедшие до нас поддельные письма лишены художественных достоинств [Moraux, 1951, p. 144].

¹⁹ [Rose, 1863, p. 596] sq. cf. [Rose, 1886, fr. 669 (p. 420)]. В обоих изданиях Розе, считавший этот, как и все прочие фрагменты Аристотеля, подложным, не приводит каких-либо доводов в пользу того, что письмо адресовано Антипатру. Предположение Розе, возможно, объясняется тем, что письма, бесспорно адресованные Антипатру (fr. 663–667), отличаются доверительностью тона и наличием политической темы, как и наш фрагмент, однако этого едва ли достаточно. Деметрий цитирует лишь одно, бесспорно обращенное к Антипатру, письмо (fr. 665 Rose); отнесение к «Письмам к Антипатру» fr. 668 столь же ненадежно, как и нашего фрагмента; адресата fr. 670 сам Розе считает неизвестным. Дюринг также предполагает, что наше письмо адресовано Антипатру [Düring, 1957, p. 400], но М. Плежа резонно относит его к фрагментам писем, адресаты которых неизвестны [Plezia, 1977, p. 23].

²⁰ К. Лорд предположил, что «великий царь» намекает одновременно и на Филиппа и на персидского царя, а упоминание Стагир как-то связано с участием Аристотеля в восстановлении родного города [Lord, 1984, p. 243. N. 5]. Отчетливого смысла такое толкование не дает, а отход от господст-

упоминания персидского царя маловероятно, что высказывание Аристотеля указывает на его прямой переезд из Афин в родные Стагиры, не известный нам из других свидетельств. В 347 г., в момент отъезда из Афин в Малую Азию, остановка по пути в Стагирах была бы возможна, но персидский царь в это время определенно не мог быть ни причиной отъезда из Афин, ни посещения Стагир. В 343/342 г., после отъезда из Митилены, Аристотель также

вующего понимания, хотя и побуждает к дополнительной проверке, может быть, по ее результатам, решительно отвергнут. «Великий царь» было частью официальной титулатуры персидских царей, и это обозначение становится устойчивым в греческой традиции, начиная с Геродота, хотя чаще он сам называет персидского царя просто царем [Powell, 1938, p. 59]. Выборочный просмотр авторов V–IV вв. показывает, что выражение «великий царь» всегда означает у них персидского царя (больше всего примеров из Платона и Исократ), причем в большинстве случаев оно конвенционально и не подразумевает ни прерогатив власти, ни личных качеств ее носителей (ср. в Новое время «великий князь» в России или «эрцгерцог» в Австрии), хотя изредка, в полемическом контексте, могут возникать подобные коннотации: Исократ в антиперсидском «Панегирике» (122) связывает именование персидского царя как «великого» с положением греков по отношению к нему как «пленников», а Платон однажды констатирует, что после Кира персидские цари лишь по имени были великими (Leg. 696 e). Любопытно, что не только Аристотель, питавший антипатию и к персам и к их царю, не пользуется этим обозначением ни разу, помимо разбираемого фрагмента, но не встречается оно и у Демосфена, который отнюдь не был врагом персидской державы (только «царь» и «царь персов»). Таким образом, даже если выражение «великий царь» стало в это время реже применяться к персидскому царю, прежняя устойчивость его значения делает маловероятным, что Аристотель имел в виду кого-то иного, — тем более в высказывании, которое его адресат должен был если не понять без пояснений, то запомнить наверняка вне контекста письма. Само по себе не исключено, что философ мог в определенной ситуации назвать «великим» Филиппа II, которому он был многим обязан, пусть даже в сохранившихся текстах Аристотеля Филипп упомянут только однажды, в рассказе о его гибели, скорее неблагоприятном для репутации царя (Pol. V, 10, 1311 b 1–3). Однако тогда Аристотель подыскал бы, наверное, иное выражение, нежели обычное и девальвированное в обиходе «великий царь», к тому же закрепившееся за персидским деспотом. По той же причине мы не можем принять остроумное предположение Д. В. Панченко, что «великий царь» это Александр (в принципе Аристотель мог бы сказать, что он покинул Афины и оказался в конечном счете в Стагирах после окончания преподавания из-за македонского наследника — однако, как будет видно, мы склоняемся к иному толкованию). Первое известное упоминание эпитета «великий» применительно к Александру это Plaut. Mostell. 735, см.: [Worthington, 2003, p. 316. N. 3], с предположением, что зуус восходит к первым Птолемям.

мог, хотя об этом и не сообщает Аполлодор, на какое-то время, до переезда в Македонию, снова посетить Афины, а оттуда, до Миезы, отправиться в родной город²¹, однако и здесь вмешательство персов, пусть даже в самой опосредованной форме, совершенно неправдоподобно²². Теоретически можно, конечно, предположить, что Аристотель намекает на какой-то эпизод, неизвестный из дру-

²¹ Подобная гипотеза была когда-то выдвинута на основании высказывания Аристотеля А. Штаром, из которого он при этом сделал ложный вывод, что Аристотель обучал царевича в Стагирах и что Нимфейон, построенный затем для преподавания в Миезе, будто бы также находился невдалеке от Стагир, ошибочно перетолковывая Plut. Alex. 7, 3–4 [Stahr, 1830, S. 105 Anm. 2]; Миезу сейчас локализуют в македонской Боттиэе, к северу от Берои, весьма далеко от родины философа [Natzopoulos, 1996, p. 114 f.; см. также карту в приложении]. Затем, уже не ссылаясь на это высказывание, предположение о временном пребывании Аристотеля в Афинах между Митиленой и Миезой выдвинул А. Герке, увидев намек на это в пассаже Исократ (12, 18–19) — в Ликее подвизаются несколько «софистов», рассуждающие о Гомере и Гесиоде, наиболее дерзкий из которых нападал при этом на самого престарелого риторика [Gercke, 1905, HbD. 3. Sp. 1014–1015; ср. 1017, 56–59]. Ликей, однако, был обычным местом публичного преподавания, и само выступление Аристотеля перед случайными слушателями, как это предполагает инвектива Исократ, маловероятно (ср. против Герке: [Jacoby, 1902, S. 320. Anm. 5]).

²² Влияние персидского царя на афинскую политическую жизнь в это время было незначительно: просьба царя Артаксеркса о военной помощи в связи с его предстоящим походом в Египет была отвергнута Афинами осенью 344 г. (о посольстве и его датировке см.: [Hajdu, 2002, S. 279–282 с лит.], и в это время не наблюдалось какого-либо сближения Афин с Персией; в 343/342 г. персидский царь был еще занят покорением Египта и не вмешивался в греческие дела: вторжение Оха в Египет достаточно надежно датируется зимой 343–342 гг. (см. [Lloyd, 1994, p. 359 с лит.]: между ноябрем 343 и февралем 342; [Briant, 2002, p. 1005]), Египет был покорен до ноября 342 г. (У. Каршtedт предполагает, что это произошло до конца лета 342 г., см.: [Kahrstedt, 1910, S. 14 f.]; недавняя попытка отнести поход в Египет к 340/339 г., то есть дате покорения Охом Египта по псевдо-Манефону [Depuyd, 2006, p. 269 f.], вступает в противоречие не только с временем упомянутого персидского посольства во время которого, как полагают, персы завербовали греческих наемников для египетской экспедиции — осень 344 г., но и с датой захвата персами Гермия вскоре после покорения Египта — незадолго до лета 341 г. (см. примеч. 29). Скорее, датировка псевдо-Манефона относится не к началу похода, но к окончательному подавлению сопротивления египтян [Lloyd, 1994, p. 359; note 110]. Отношения Афин с македонским царем приобрели напряженный характер уже в 344 г. (2-й Филиппика Демосфена), но Филипп еще не планировал поход в это время против Персии [Hajdu, 2002, S. 8 Anm. 28]. Лишь ко времени 4-й Филиппики (лето 341 г., см. примеч. 29) в Афинах намечается сближение с персидским царем, а антиперсидские планы Филиппа становятся известны.

гих источников²³. Однако против этого говорят значительность тона, намек на важные политические обстоятельства (это относится не только к первой, но, как мы покажем, и ко второй части высказывания) и упоминание именно тех двух городов, которые для Аристотеля были особенно важны. Поэтому вместо скептического *ignotamus* взвесим еще раз возможность того, что за словами Аристотеля скрываются существенные события его жизни, обозначенные, однако, необычным образом.

По этому пути пошел уже Э. Целлер, предположивший, что, говоря о переезде из Афин в Стагиры, Аристотель пропускает ряд промежуточных пунктов в своих путешествиях, имеет же в виду переезд из Миезы в Стагиры после окончания преподавания Александру, откуда, из Стагир, он и возвратился впоследствии в Афины²⁴. Это, как мы постараемся далее показать, по существу правильное толкование (без объяснения, однако, роли «великого царя»), не было даже отмечено в дальнейшей интерпретации фрагмента. В. Йегер, который хотя и высказывал сомнения в подлинности письма (см. выше), считал все же, что сам фрагмент не проти-

²³ См., например: [Aristotelis epistularum..., 1961, p. 119 sq.; Natali, 1991, p. 54; Aristoteles, 2006, S. 294 f.]. Действительно, аполлодорская хронология не отражает всех перемещений Аристотеля. Так, у Аполлодора не упомянуто пребывание Аристотеля в Дельфах, связанное с составлением им и его племянником Каллисфеном списка пифиоников, очевидно, достаточно длительное. Надпись со списком была высечена в конце 327 г. (см. Syll.³ 252, 42–43, cf. Syll.³ 275; [Lewis, 1958, p. 108]; дата В. Йегера, 331 г. [Jaeger, 1948, p. 326], основывалась на устаревшей хронологии дельфийских архонтов), но работа над самим списком началась, очевидно, намного раньше, так как в ней участвовал племянник Аристотеля, Каллисфен, отправившийся на Восток вместе с Александром в 334 г. Аристотель, таким образом, продолжительное время работал в дельфийском архиве и до, и после своего переезда в Афины. Когда Аристотель работал над другим аналогичным списком, олимпийцев, не известно, но, вероятно, примерно в то же время, 30–20-е гг. IV в. (ср.: [Christesen, 2007, p. 201]). Нужно, однако, учесть, что в данном случае речь идет о своего рода «научных командировках», которые ни сам Аристотель, ни его биографы не должны были считать переменной места жительства.

²⁴ [Zeller, 1879, S. 23. Anm. 2; S. 27. Anm. 3]. Целлер не был уверен в подлинности фрагмента (видимо, из-за его неясности), но, критикуя предположение Штара о временном возвращении Аристотеля в Афины между Митиленой и Миезой (см. примеч. 21), он правильно заметил, что шутливая (мы сказали бы, скорее, метафорическая) форма высказывания не располагает к буквальному толкованию маршрута: Аристотелю важен параллелизм путешествий из Афин в Стагиры и обратно, так что промежуточные пункты просто опущены.

воречит известным фактам биографии Аристотеля: из Афин в Стагиры, как он полагал, подразумевается переезд из Ассоса в Миезу, откуда философ периодически удалялся в Стагиры для ученых занятий, когда был свободен от преподавательских обязанностей²⁵. Сами подобные поездки нельзя, разумеется, исключить, но трудно согласиться с тем, что Аристотель из-за них мог назвать свой переезд в Македонию переездом в Стагиры. И. Дюринг, очевидно, чувствуя эту трудность, предположил, что «из Афин в Стагиры» подразумевает Стагиры в качестве реального промежуточного пункта между Митиленой и Миезой²⁶. В более поздней работе он уже решительно высказывается в пользу двух пребываний Аристотеля в родном городе — не только на пути в Македонию, но и после окончания преподавания в Миезе, в промежутке перед возвращением в Афины²⁷.

Главную трудность при таком понимании представляет собой первое из предполагаемых путешествий в Стагиры. Аристотель определенно не может иметь в виду переезд в Стагиры прямо из Афин (см. выше), как отмечает и сам Дюринг. Но тогда стоило ли упоминать о пребывании в родном городе на пути из Митилены

²⁵ [Jaeger, 1948, p. 311. N. 2]; в другом месте Йегер уверенно говорит о частом пребывании Аристотеля в Стагирах, всякий раз как он удалялся от двора, ссылаясь на упоминания Стагир у Теофраста и на наличие у последнего собственности в этом городе: [Jaeger, 1948, p. 115, note 1] (см. об этом примеч. 58).

²⁶ В комментарии к высказыванию Аристотеля по поводу переезда из Афин в Стагиры «из-за великого царя» Дюринг лишь констатирует, что в буквальном смысле это не точно — Аристотель переехал в Стагиры не из Афин, а из Митилены, — но не видит оснований сомневаться в подлинности высказывания [Düring, 1957, p. 400], однако в хронологической канве он указывает [Düring, 1957, p. 249]: «345/4 Aristotle retires to Mytilene. (We do not know when he left M(ytilene) and went to Stagira)», таким образом ставя под сомнение указание Аполлодора о прямом переезде Аристотеля из Митилены к македонскому двору и дате переезда, ср. также с. 279: «We do not know for certain whether he stayed there until he was summoned to the Macedonian court or spent some time in his native town Stagira». Ср. также в более позднем варианте хронологической канвы: [Düring, 1966, S. 1] (между 345/344 и 343/342 гг.): «Wann er Mytilene verliess und mit Theophrast nach Stagira übersiedelte, wissen wir nicht».

²⁷ [Düring, 1966, S. 2] (341/340, после захвата персами Гермия, бегства Пифиды и ее брака с Аристотелем): «Er wohnt jetzt mit Theophrast in Stagira»; cf. *ibid.* S. 13 Anm. 70: обсуждаемый пассаж Аристотеля означает, что из-за сурового климата Стагир он рад вернуться в Афины; [Düring, 1966, S. 12]: «Теофраст сопровождал Аристотеля в Македонию и жил там в Стагирах вместе с ним».

ко двору Филиппа, которое в любом случае не могло быть продолжительным и не оставило заметного следа в его жизни? Допустим, однако, что существенным был как раз переезд в Стагиры «из-за великого царя», то есть царя персов. Это означало бы, что причиной оставления Митилены было не приглашение Филиппа, но какие-то действия персов в Малой Азии, побудившие Аристотеля уехать в Стагиры и лишь оттуда, вследствие приглашения царя, перебраться в Миезу. Такой ход событий, хотя он и не упомянут биографами, сделал бы значимым упоминание Стагир, куда Аристотель, пусть на короткое время, переехал из-за неких драматических обстоятельств. Рассмотрим, однако, насколько реальна подобная возможность.

В жизненном плане Аристотеля связывает с персидским царем лишь один эпизод, имевший, однако, значительные последствия. Аристотель был соединен дружескими и родственными узами с правителем Ассоса и Атарнея Гермием (враждебная традиция именovala его тираном), во владениях которого, в Ассосе, он находился, по Аполлодору, около трех лет, с 348/347 по 345/344 г. Впоследствии Гермий, отложившийся от персидского царя, обманом был захвачен Ментором, командиром греческих наемников на службе у Артаксеркса Оха (Diod. XVI, 52, 5–7), доставлен в персидскую столицу, подвергся пыткам и затем казнен как сторонник Филиппа II²⁸.

Итак, переезд в Стагиры «из-за великого царя» мог быть как-то связан с захватом Гермия (так, видимо, думает Дюринг, хотя он и не высказывается прямо о роли персов в жизни Аристотеля). Подтверждением этой версии служит, на первый взгляд, рассказ Страбона о том, как Аристотель и Ксенократ бежали из владений Гермия, захваченных персами (XIII, 1, 57, р. 610 С = Т 19 Düring). Однако достоверность этого сообщения сомнительна: греческим военачальником, захватившим Гермия, Страбон называет вместо Ментора его брата Мемнона; кроме того, Аристотель последнюю

²⁸ Свидетельства о Гермии в связи с Аристотелем см. Т 15–24 Düring, из новейшей литературы о Гермии см. особенно новое комментированное издание сочинения грамматика Дидима (2-я пол. I в. до н. э.) о Демосфене [Harding, 2006, pp. 124–161]. Папирусный текст сочинения, найденный в 1901 г., заставил пересмотреть ряд вопросов, связанных с Гермием и биографией Аристотеля.

часть своего пребывания в Азии находился в Митилене, а не во владениях Гермия; наконец, версия Страбона невероятна с точки зрения хронологии: ко времени захвата Гермия, то есть в первой половине, ближе к лету, 341 г. Аристотель бесспорно уже находился в Миесе как преподаватель Александра²⁹. Кроме того, даже если допустить, что в сообщении Страбона о бегстве от персов есть историческое зерно, это не объяснило бы слова письма о переезде из Афин в Стагиры — из Ассоса Аристотель направился в Митилену³⁰.

²⁹ Пленение Гермия долгое время датировали на основании указания Страбона, комбинируя его с датой отъезда Аристотеля в Македонию по Аполлодору, то есть 345/344 г. (Диодор датирует падение Гермия безусловно ошибочно 349/348 г.), и эта дата все еще встречается в современных работах (например, [Mitchell, 2004, p. 1005]). Однако вслед за открытием комментария Дидима А. Керте, пересмотрев в связи с этим вопрос о подлинности 4-й Филиппики Демосфена, привел убедительные доводы в пользу того, что Гермий был захвачен персами незадолго до лета 341 г. [Körte, 1905, S. 388–395]: 1) в 4-й Филиппике (Dem. 10, 32) упоминается некий недавно захваченный человек, который должен сообщить царю о планах Филиппа; уже схолиаст Демосфена (Schol. in Dem. 10, p. 152, 28 Dilts) видел в этом человеке Гермия, и весьма вероятно, что пространный экскурс о захвате и гибели Гермия в комментарии Дидима (IV, 59–VI, 62) также появился в связи с тем же пассажем 4-й Филиппики; сама же речь, которую Дионисий Галикарнасский датирует архонством Никомаха, то есть между летом 341 и летом 340 г. (Er. Amm. 10, p. 270, 18–271, 2), относится, судя по упоминаемым в ней событиям, либо к этой, либо к несколько более ранней дате, архонству Сосигена, то есть к 342/341 г., известной уже Дидиму, но в любом случае к лету 341 г. (см. [MacDowell, 2009, p. 354]); 2) Дидим указывает, что история Гермия была изложена в 46-й книге «Филиппик» Феопомпа и 6-й книге «Филиппик» Анаксимена (IV, 66; VI, 61), что также указывает на 341 г. (см. вслед за Керте: [Hajdu, 2002, S. 264 с лит.]); 3) Ментор, активно участвовавший в покорении Охом Египта, не мог оказаться с войсками в Малой Азии ранее осени 342 г. (см. выше о дате похода); кроме того, если учесть длительные переговоры Ментора с Гермием, предшествовавшие захвату последнего, и время, потребовавшееся для того, чтобы об этом стало известно в Афинах, то падение Гермия оказывается еще ближе ко времени произнесения 4-й Филиппики, то есть к лету 341 г. [Hajdu, 2002, S. 264].

³⁰ Попытка М. Сорди [Sordi, 1959, pp. 107–118] пересмотреть дату египетского похода в пользу зимы 345–344 гг., и в связи с этим вернуть доверие к сообщению Страбона и датировать захват Гермия 344 г., то есть временем отъезда Аристотеля в Митилену, не может быть принята по ряду причин (см. [Cawkwell, 1963, pp. 136–138]). Это предложение наталкивается, в частности, на ту трудность, что как бы широко ни понимать указание на *недавний* захват Гермия в 4-й Филиппике [Sordi, 1959, p. 112], которая надежно датируется летом 341 г. (см. предыдущее примеч.), невероятно, чтобы Гермий был жив, как предполагается, если с момента его пленения прошло уже как минимум три года.

Можно было бы, далее, предположить, что Аристотель, говоря о персидском царе, намекает на политические причины, побудившие его покинуть Митилену и переехать в Стагиры. Митилена в 347/346 г., приблизительно в то самое время, когда Аристотель переехал в этот город, снова вернулась в Афинский морской союз, из которого на время вышла в середине 50-х гг.³¹ Афинская ориентация Митилены могла сделать присутствие Аристотеля в городе нежелательным для властей, если бы в это время уже существовал союз между Филиппом, врагом Афин, и Гермием, другом и родственником философа. Однако этот альянс, в реальности которого высказываются сомнения (см. далее), в любом случае не был предметом гласности. Кроме того, даже если бы подобные политические обстоятельства сыграли роль в отъезде из Митилены, Аристотель вряд ли мог назвать в качестве их причины персидского царя, который в тот момент еще был всецело занят покорением Египта. Одним словом, персы не могли ни в каком смысле быть причиной переезда Аристотеля из Митилены в Македонию, и эта трудность оказывается фатальной и для предположения В. Йегера (малоправдоподобного и самого по себе), что переезд в Стагиры «из-за великого царя» означает переезд к македонскому двору, и для гипотезы Дюринга, что Аристотель имеет в виду два пребывания в Стагирах, до и после Миезы.

Итак, следует полагать вместо этого, что Аристотель переехал в родной город лишь однажды, после окончания преподавания в Миезе, и оттуда, из Стагир, через несколько лет вернулся в Афины, как истолковал слова Аристотеля уже Э. Целлер³². Нет, в самом деле, веских оснований усложнять высказывание Аристотеля и отождествлять переезд в Стагиры с переездом в Миезу (В. Йегер) или домысливать остановку в Стагирах до Миезы (И. Дюринг): если Аристотель пропускает такие промежуточные пункты своих странствий, как Ассос и Митилена, почему он должен был упомянуть Миезу? Кроме того, такое понимание, как будет видно даль-

³¹ [Hansen, Spencer, Williams, 2004, pp. 1026–1028]: Митилена вышла из союза при тиране Каммисе, который достиг власти после свержения демократии в 353/352 г. и недолгого олигархического правления, и вновь вернулась в него в 347/346 г. (IG II 213), после восстановления демократии.

³² См. примеч. 22.

ше, позволяет объяснить и загадочную роль персидского царя, и то, почему говорится о переезде в Стагиры *из Афин*.

Независимо от нашего фрагмента не раз высказывалось предположение, что преподавание Аристотеля в Миезе закончилось вместе с передачей Александру обязанностей регента царства на время похода Филиппа против Перинфа и Византия (Plut. Alex. 9, 1), то есть в первой половине 340 г.³³, и что после этого философ жил в Стагирах³⁴. Современные биографы Александра также предполагают, что его школьные годы завершились в 340 г.³⁵ Само по себе это правдоподобно: за бурным регентством, когда у Александра было определено мало времени, последовало участие в кампаниях отца на севере Македонии (339 г.), а затем и в решающей войне с греческими противниками Филиппа, завершившейся битвой при Херонее (август 338 г.), в которой наследник победоносно вел в бой македонский левый фланг. Маловероятно, что правильное обуче-

³³ См. примеч. 12.

³⁴ Первым, по-видимому, такое суждение высказал А. Штар [Stahr, 1830, S. 101–102], ссылаясь на свидетельство Юстина (Epit. Pomp. Trog. XII, 16, 8, см. далее), а также на то, что в бурный период, следовавший за началом государственной деятельности в 340 г., у Александра уже не было времени и возможности для постоянных занятий, хотя Штар не исключал, что в промежутках он «мог еще вкушать общение и наставления великого мудреца» (сам Штар не имел в виду переезд Аристотеля в Стагиры, но полагал, что преподавание и проходило вблизи от Стагир, см. выше примеч. 21). Переезд Аристотеля из Миезы в Стагиры перед возвращением в Афины с тех пор прочно входит в его стандартную биографическую канву, хотя после Целлера нигде уже не упоминается наш фрагмент, служащий важным, если не решающим свидетельством: [Gercke, 1905, Sp. 1017, 11–18] (после 340 г. и до 338 г. преподавание могло еще sporadически продолжаться, а после 338 г. и до смерти Филиппа в 336 г. Аристотель жил либо в Стагирах либо при македонском дворе); [Ross, 1949 (1923), p. 5] (обучение закончилось в 340 г.; Аристотель после этого, вероятно, жил постоянно в Стагирах); также: [Anagnostopoulos, 2009, p. 9] (Аристотель вернулся в Стагиры в 340 г. и оставался там до смерти Филиппа, после чего переехал в Афины в 336 г.).

³⁵ [Hamilton, 1973, p. 35; Bosworth, 1988, p. 21]; Ф. Шахермайр полагает, что Александр после 340 г. продолжал учиться у Аристотеля не только в Миезе, но и в Пелле, и в Стагирах [Шахермайр, 1984, с. 54]; Р. Лэйн Фокс, также датирует конец преподавания 340 г. [Lane Fox, 1973, p. 59; 593], он считает его продолжавшимся всего два года, очевидно, исходя из ненадежного указания Диогена Лаэртия, V, 10, см. примеч. 10), но отмечает, что в следующем, 339/338 г., в момент избрания схоларха Академии после смерти Спевсиппа, Аристотель все еще оставался в Македонии (см. Philod. Index Acad. VI, 41 — VII, 4 Dorandi = T 3 Düring).

ние в Миезе могло идти в это время, и вряд ли оно возобновилось после Херонеи до конфликта Александра с отцом и отъезда в Иллирию в 337 г. Однако здесь следует проявлять осторожность: преподавание могло еще в какой-то форме продолжаться и после 340 г. (например, в период относительного затишья после Херонеи и до 337 г.). Более того, даже если оно завершилось в 340 г., Аристотель мог и после этого какое-то время оставаться в том или ином качестве при македонском дворе, занимая почетное положение как известный ученый. Биографическая традиция ничего не знает об оставлении Аристотелем двора. Дионисий Галикарнасский, следуя Аполлодору, утверждает, что философ в течение восьми лет оставался у *Филиппа II* в качестве учителя Александра, то есть вплоть до возвращения в Афины (Dion. Hal. In Amm. 4), что в буквальном смысле не может быть верным. Только Юстин говорит о пятилетнем преподавании (exacta pueritia per quinquennium sub Aristotele doctore ... crevit, Iustin. Epit. Pomp. Trog. XII, 16, 8 = T 25 f Düring), ограничивая его тем самым, однако, не регентством Александра в 340 г., но, скорее, временем Херонейской битвы³⁶. Ф. Якоби считает указание Юстина не заслуживающим доверия в сравнении с данными Аполлодора [Jacoby, 1902, S. 320], и действительно, оно может быть лишь предположением, основанным, как и у современных историков, на переменах в жизни Александра. Но даже если за ним стоит надежная информация, оно, строго говоря, не означает окончательного оставления Аристотелем македонского двора после прекращения преподавания, напротив, предполагает, что статус преподавателя наследника сохранялся за Аристотелем дольше, чем думают современные ученые. Резюмируя, приходится констатировать, что оставление Аристотелем двора и переезд в Стагиры надежно не засвидетельствованы, но сами по себе возможны, при

³⁶ Х. Берве [Berve, 1926, S. 71] полагал, что, хотя преподавание было прервано в 340 г., оно могло возобновляться после этого, однако вскоре прекратилось полностью (он ссылается на Юстина), и Аристотель отправился в Стагиры (Берве вслед за Целлером указывает на наш фрагмент). Берве, однако, ошибается, полагая, что такая версия не противоречит свидетельству Дионисия Галикарнасского: в действительности тот говорит о восьмилетнем пребывании не в Македонии вообще, но именно при дворе Филиппа (выражаем признательность Хайнцу Хейнену, который напомнил нам о краткой, но содержательной статье Берве об Аристотеле в его фундаментальном труде).

этом подходящим моментом для этого мог быть не обязательно 340 г., как обычно полагают, но и несколько более позднее время.

Далее, если допустить, что, говоря о переезде «из Афин в Стагиры», Аристотель имеет в виду не прямой путь из одного города в другой, но переезд в Стагиры из Миезы после 340 г., то логично предположить, что «из Афин» намекает на невозможность для Аристотеля вернуться после Миезы в Афины. Это позволит объяснить и роль персидского царя в качестве причины этого «переезда», чего не пытались сделать сторонники подобного толкования. В самом деле, захват Ментором Гермия летом 341 г. (или немного раньше, см. выше) не создавал, как мы видели, для Аристотеля, уже находившегося к тому времени в Македонии, какой-либо прямой угрозы со стороны персов. Однако арест Гермия, как показывает 4-я Филиппика, сопровождался распространением в Афинах молвы о нем как агенте македонского царя. Это должно было бросить тень на Аристотеля, долгое время жившего при дворе правителя Атарнея и женатого на его близкой родственнице, к тому же находившегося в это время при македонском наследнике³⁷. Против

³⁷ Историчность альянса между Гермием и Филиппом II в последнее время подвергалась сомнениям, наиболее решительно Р. Милнзом [Milns, 1987, pp. 287–302, esp. 301], который утверждает, что современникам событий он не известен, а предание о нем возникло много времени спустя, из-за связей, которые соединяли Аристотеля и с Гермием и с Филиппом, что в свою очередь отразилось в 4-й Филиппике (псевдомодосфеновской, по мнению Милнза). По разным причинам скептически относятся к возможности союза между Гермием и Филиппом [Bosworth, 1988, p. 18. N. 44; Briant, 2002, p. 689 f.; Buckler, 2003, p. 473]. Однако в пользу подлинности 4-й Филиппики приведены серьезные доводы [Hajdu, 2002, S. 44–49; MacDowell, 2009, pp. 354–356]; кроме того, сам пассаж речи, относящийся к Гермию, как давно заметил А. Керте [Körte, 1905, S. 393–395, cf. Hajdu, 2002, S. 268 f.], мог появиться только до его смерти: в нем выражена уверенность, что пленник персов выдаст им планы Филиппа, чего в действительности, как известно из Каллисфена, не произошло. Для биографии Аристотеля более существенно, однако, не то, насколько исторически реален политический союз Филиппа и Гермия против персов (в осторожной форме его допускают некоторые ученые: [Harding, 2006, p. 125; Hajdu, 2002, S. 265–266, 268; Cawkwell, 2005, p. 202, 215 f. N. 13], но то, что современники, как сторонники, так и противники Гермия, были убеждены в существовании у них общих тайных замыслов, причем вскоре после падения Атарнейца. Здесь против Милнза и других скептиков решающее значение имеет, помимо намека в 4-й Филиппике, сообщение Каллисфена о том, что Гермий под пытками не признался ни в чем из того, что задумал Филипп (Didym. In Demosth. VI, 55–57); оно подтверждает, что Гермия персы обвиняли в союзе с Филиппом, а не только в отпадении

этой гипотезы говорит, на первый взгляд, то, что само пребывание при македонском дворе скорее, чем близость к Гермю, могли бы служить препятствием для возвращения Аристотеля в Афины. Надо, однако, помнить, что с македонским царем Аристотеля связывала не политика, но деловые, контрактные отношения, тогда как с Гермием он был соединен родственными и дружескими узами. Гонения, обрушившиеся на Аристотеля в 323 г., после смерти Александра, также не обязательно означают, что уже в конце 40-х гг. он раздражал афинян именно как воспитатель македонского царевича³⁸.

У нас нет прямых подтверждений того, что смерть Гермия и последовавшие за ней события обострили отношения Аристотеля с антимакедонской партией в Афинах и сделали невозможным его возвращение после 340 г. до н. э. Тем не менее, кажется вероятным, что слова «из-за великого царя» намекают на этот период жизни. Как известно, пietet Аристотеля к памяти погибшего друга в конечном счете сыграл роль, по меньшей мере, повода во взаимном отчуждении Афин и Аристотеля: он должен был покинуть

от царя, все равно, имеет ли в виду сам Каллисфен, что Гермий действительно ничего не знал о планах македонского царя или же что он их не выдал персам (ср.: [Harding, 2006, p. 161]). Кроме того, Дидим ссылается на рассказы о судьбе Гермия в двух написанных по горячим следам «Историях Филиппа», Феопомпа и Анаксимена (IV, 66; VI, 61), которые были бы необъяснимы, если бы пленение Гермия не было в глазах современников связано с Филиппом.

³⁸ В нашем распоряжении есть не бесспорное, но вероятное указание, что возвращение в Афины для Аристотеля вскоре после 340 г. было желательным, однако невозможным. Из сообщения Филодема о выборах схоларха Академии (см. примеч. 35) видно, что в период между летом 339 г. и летом 338 г. Аристотель находился в Македонии (это может подразумевать и македонский двор и Стагиры) и что он рассматривался в это время членами Академии как возможный глава Академии, однако его кандидатура не была поставлена на голосование из-за его отсутствия. Отказ Аристотеля от участия в выборах, хотя он, скорее всего, уже был свободен от преподавания в Миесе, естественно объяснить тем, что в это время он сделался в Афинах *persona non grata*. Причиной этого могло быть, конечно, начало открытой войны с Филиппом после осады им Византия и захвата афинских кораблей с зерном осенью 340 г. (к датировке и обстоятельствам объявления войны см.: [Wankel, 1976, S. 437–443]), но вполне вероятно, что эпизод с Гермием еще ранее сделал невозможным возвращение Аристотеля в Афины, особенно если к началу военных действий Аристотель уже был в Стагирах, а не при дворе Филиппа, и не был в строгом смысле приближенным царя. Так, во всяком случае, мог оценивать ситуацию в письме много времени спустя Аристотель.

город после смерти Александра, так как ему угрожало обвинение в нечестии из-за стихотворения, прославлявшего Гермия (Diog. Laert. V, 5; Athen. XV, 696 a–f = Hermipp. fr. 48 Wehrli = T 17 Düring)³⁹.

Однако есть основания думать, что обострение отношений между Аристотелем и афинским истеблишментом из-за памяти Гермия относится еще ко времени вскоре после гибели последнего. В это время Аристотель посвятил в Дельфах кенотаф и статую Гермия с эпитафией, в которой он оплакивал жертву предательского коварства царя персов, поправшего божественную правду (Diog. Laert. V, 5; Didym. In Demosth. VI, 36–43)⁴⁰. Очевидно тогда же было написано и стихотворение, обращенное к Ἀρετῆί, в котором Аристотель сравнивал погибшего правителя Атарнея с Гераклом, Диоскурами, Аяксом и Ахиллом, как и он, отдавшими жизнь за добродетель, «умереть за которую в Элладе — желанный жребий»⁴¹. Скорее всего, к тому же времени относится и хвалебное сочинение о Гермии племянника Аристотеля Каллисфена (Didym. In Demosth. V, 64 sqq.).

Р. Ренехан, очевидно, прав [Renehan, 1982, p. 265], возражая В. Йегеру, который видел в стихах Аристотеля *демонстративный* вызов антимакедонской партии в Афинах⁴². Это верно в том смысле, что ни стихи, ни почести, которые Аристотель воздавал Гермию, не имели целью задеть афинских противников Филиппа — Гермий не действовал непосредственно против Афин, а оба стихотворения Аристотеля, враждебные царю персов и в какой-то

³⁹ Текст стихотворения, дошедший в нескольких вариантах, и относящиеся к нему свидетельства: [Aristotelis epistularum..., 1961, pp. 1–2, 4–6]. Из новых работ см. особенно: [Renehan, 1982, pp. 251–274; Dorandi, 2007, pp. 21–26].

⁴⁰ Как свидетельствует эпиграмма Феокрита Хиосского (Didym. In Demosth. VI, 43–49 = 15 b Düring), пародирующая эту надпись, статуя была воздвигнута на кенотафе Гермия, а, значит, вскоре после получения известия о его гибели.

⁴¹ В полемике по поводу происхождения Гермия, возникшей после его смерти (см. о ней: [Runia, 1986, p. 532 f.]), стихи Аристотеля не служат, как кажется, подтверждением «чистоты» его крови [Jaeger, 1948, p. 112]; они скорее подразумевают, что Гермий (кто бы ни был по рождению) умер как грек, более того, как один из величайших эллинских героев.

⁴² [Jaeger, 1948, p. 117]. Йегер выходит за пределы известного и, пожалуй, правдоподобного, говоря об осведомленности Аристотеля о тайном союзе между Гермием и Филиппом и о самом приглашении Аристотеля в качестве воспитателя Александра как следствии этой политической комбинации [Jaeger, 1948, pp. 119–121].

мере «варварам» в целом, не содержат ничего, что могло бы восприниматься как проявление промакедонских или антиафинских настроений. Однако Ренехан напрасно недооценивает политический резонанс, который имели стихи и в целом поведение Аристотеля, связанное со смертью Гермия, ссылаясь на то, что стихотворение «К Добродетели» имеет сложную форму и что Гермий был обозначен в нем непрямо — как «питомец Атарнея», а значит Аристотель обращался к узкому кругу друзей. Эти соображения вряд ли имеют решающий характер — о том, в какой обстановке исполнялся пеан (или гимн) к добродетели вскоре после гибели Гермия, мы можем строить лишь предположения⁴³, но вряд ли это был интимный круг друзей Аристотеля⁴⁴; перифрастическое обозначение Гермия также предполагает скорее его известность, чем узость аудитории. Большее значение имеет то обстоятельство, что посвящение Аристотелем в Дельфах статуи Гермия и надписи на ней вызвало, очевидно, незамедлительно, появление эпиграммы Феокрита Хиосского, известного своей антимакедонской позицией, см.: [Laqueur, 1934, Sp. 2026 f.]. Аристотель предстает в ней в качестве паразита, неразборчивого в выборе покровителей и просчитавшегося в своих расчетах на безбедную жизнь при атарнейском дворе⁴⁵. Это можно считать отголосками политического скандала, разразившегося вскоре после гибели Гермия. По-видимому, независимо от намерений Аристотеля, афинский демократический истеблишмент был серьезно задет открытыми и даже демонстративными выражениями скорби по союзнику Филиппа и, одновременно, отчетливой антиперсидской направленностью этих стихов — в момент, когда, как мы знаем из 4-й Филиппики Демосфена, афинские политики

⁴³ Ф. Хардинг предполагает, что исполнение стихотворения хором могло иметь место в Дельфах, при посвящении статуи Гермия или в Македонии [Harding, 2006, p. 155 f.].

⁴⁴ Говоря об узком круге друзей, Ренехан, видимо, имеет в виду указание, связанное с позднейшим обвинением в нечестии, о том, что стихи в честь Гермия исполнялись во время *ежедневных* «сисситий» (Athen. XV, 696 a), то есть, как обычно понимают, во время совместных трапез в Ликее. Однако это сообщение относится уже к афинскому периоду Аристотеля, а не к первоначальному исполнению стихотворения, и даже для этого времени не предполагает интимность исполнения — оно происходило во время официальных трапез школы и притом ежедневно, как молитвенное обращение к богам.

⁴⁵ См. примеч. 8 и 38.

надеялись на помощь персидского царя против Македонии⁴⁶. Итак, осторожнее будет говорить не об антиафинской направленности действий Аристотеля, но о враждебной реакции ведущих афинских политиков на его поступки, которые были продиктованы личными и моральными мотивами.

Косвенно на конфликт Аристотеля с антимакедонской партией в Афинах в то время, около 340 г., указывает, по-видимому, и выбор в качестве повода для обвинения против него много позже, в 322/321 гг., стихотворения в честь Гермия⁴⁷. Обвинение в нечестии, вероятно, нарочно недостаточно определенно сформулированное⁴⁸, состояло в том, что Аристотель ежедневно исполняет пеан в честь Гермия во время сисситий — и жанр стихов, и регулярность обвинения намекали на обожествление⁴⁹. Почитание

⁴⁶ Помимо этой общей направленности стихов, раздражающими могли быть и отдельные мотивы, например, то, что присущее *грекам* почитание доблести выше земных благ и самой жизни обнаруживается у пленника персидского царя, который поддерживал антимакедонскую партию в Афинах щедрыми субсидиями.

⁴⁷ О. Жигон [Gigon, 1958, S. 178–179] и недавно вновь Ж. Болланзее [Bollansée, 2001, pp. 79–83] сомневаются в историчности обвинения. Однако в нашем распоряжении несколько явно независимых друг от друга свидетельств, называющих достоверные детали: обвинителем Аристотеля был Демофил, за которым стоял иерофант Евримедонт (Hermipp. fr. 48 Wehrli = Athen. 696 a–b, cf. Favorin. fr. 36 Mensching = Diog. Laert. V, 5), оба — заметные противники Македонии, позднее казненные после перехода Афин под власть Кассандра в 317 г. (Plut. Phoc. 38, 1, см.: [O'Sullivan, 2009, p. 41]); первый из них был обвинителем Фокиона в 318 г., второй — Феофраста, примерно в то же время [O'Sullivan, 2009, p. 205]. Вопрос Жигона, почему дело было начато много позже написания стихов в память о Гермии, не учитывает действительного характера обвинения (оно состояло не в сложных стихов, но в регулярности их исполнения, см. ниже); кроме того, обвинить Аристотеля раньше было нельзя из-за защиты, которую ему обеспечивала Македония.

⁴⁸ В афинском законе не было, по всей видимости, точного определения, какие слова или поступки подпадают под обвинение в нечестии: [MacDowell, 1978, p. 199–200].

⁴⁹ Формулировка, приводимая Афинеем (Athen. XV, 696 a), который, как обычно считают, следует здесь Гермиппу (о степени зависимости от Гермиппа всего раздела Athen. XV, 51, 696 a — 697 b см.: [Bollansée, 2001, pp. 70–75]), производит впечатление точной: обвинение состояло в том, что Аристотель проявляет нечестие, исполняя ежедневно во время сисситий пеан в честь Гермия (гимн по иной версии, Diog. Laert. V, 5; Дидим также называет стихотворение пеаном — Didym. In Demosth. 6, 19) — таким образом, обвинители инкриминировали Аристотелю не просто сочинение, но *регулярное* исполнения пеана, то есть совершение обряда в честь божественного существа, не признанного в Афинах.

Гермия Аристотелем и его учениками носило, очевидно, и в самом деле экстраординарный характер; однако содержание стихотворения не дает оснований говорить о действительном обожествлении (хотя и не исключает его прямо), которое было бы несовместимо с философскими взглядами Аристотеля⁵⁰. Существеннее то, что обвинители в любом случае вряд ли могли рассчитывать на успех, если бы весьма спорное обвинение в религиозном проступке не воспринималось присяжными как политическое, а именно подразумевающее связь Аристотеля с правителями Македонии. Нужно помнить, что оно было выдвинуто вскоре после известия о смерти Александра, когда Афины либо готовились к схватке с македонским главнокомандующим Антипатром, либо уже вступили в нее⁵¹.

⁵⁰ Религиозного почитания Гермия в строгом смысле само стихотворение не подразумевает — его адресатом формально является не Гермий, а божественная Добродетель. Однако изображение в стихах Гермия как смертного не снимает с Аристотеля обвинения в его религиозном почитании столь легко, как полагал биограф Аристотеля Гермипп (Athen. 696 d-e), который утверждал, что стихотворение не было пеаном, так как Гермий назван в них стихах умершим и, значит, не считается богом; ср. сходные аргументы в явно фальсифицированной речи, якобы произнесенной Аристотелем на суде, Athen. 697 a = Arist. fr. 592 Rose; в том же духе высказывается Ренехан, указывая, что Гермий, согласно стихам, бессмертен только в его славе [Renehan, 1982, p. 253 f.]. Однако Гермий в стихах отнесен к величайшим героям мифов, а они пользовались культовым почитанием, несмотря на физическую смерть, причем один из них, Геракл, почитался и как герой, и как бог. Пеаны посвящались не только богам, но и героям, известным из мифов, и даже просто павшим в бою; после Александра пеаны сочинялись в честь царей и полководцев при их жизни (см. свидетельства: [Käppel, 1992, S. 341–349]), ко времени жизни Аристотеля известен один пример пеана, прямо связанного с недавним апофеозом — в честь спартамца Лисандра, который, скорее всего, уже при жизни стал почитаться, причем как бог, а не как герой, на Самосе (Plut. Lysandr. 18; Athen. 696 e), но культ продолжал существовать и после его смерти [Bosworth, 1988, p. 280]. Жанровая принадлежность стихотворения Аристотеля была и остается спорной (см.: [Renehan, 1982, pp. 254–256; Ford, 2011, ch. 6], но, как заметил Вилановиц [Wilamowitz-Moellendorff, 1892, S. 405 f.], по формальным признакам оно более всего напоминает пеан Арифрона к богине здоровья (ок. 400 г., PMG 813; [Käppel, 1992, S. 368 f.]). Регулярное исполнение стихов во время пиршеств вызывает ассоциацию с пеаном, который пели вслед за тройным возлиянием олимпийским богам, героям и Зевсу Сотеру, и адресатом которого был, вероятно, Зевс [Käppel, 1992, S. 52–53]; обвинение могло намекать на замещение в обряде Зевса Гермием.

⁵¹ В это же время был обвинен антимакедонской партией в нечестии оратор Демад из-за его прежнего предложения причислить Александра к Двенадцати богам, см.: [Хабиخت, 1999, с. 44; O'Sullivan, 2009, p. 207, 210]. Сказанные

Общая ненависть к Македонии легко нашла выражение в атаке на философа, который не только был учителем Александра, но и близким знакомым, может быть, даже другом Антипатра⁵². Можно, следовательно, предположить, что выбор стихов в честь Гермия как повода для процесса объяснялся во-первых тем, что тот считался союзником Филиппа, а во-вторых тем, что в Афинах было памятно почитание Аристотелем Гермия вскоре после его гибели и раздражение, которое вызвал этим Аристотель в то время, можно было теперь реанимировать в суде⁵³.

Итак, есть основания думать, что фраза «я из Афин прибыл в Стагиры из-за великого царя» означает не прямой переезд из Афин в Стагиры, но череду странствий — Афины, Ассос, Митилена, Миеза, Стагиры, а упоминание о персидском царе намекает на решающее обстоятельство, сделавшее невозможным возвращение Аристотеля в Афины около 340 г. — им было не преподавание в Македонии, но захват персидским царем Гермия и распространение слухов о нем как о проводнике планов Филиппа II⁵⁴, обострившие отношения Аристотеля с политической группировкой в Афинах,

тогда же слова Гиперида (Epitaph. 21) о том, как македонский царь силой навязал городу не только свое обожествление, но и героизацию своих слуг (речь идет о Гефестионе), показывают, в каком направлении могли трактовать стихи Аристотеля его обвинители.

⁵² Обвинение в нечестии было обычной формой политического преследования философов в Афинах, но все же выбор именно его для расправы с Аристотелем показывает, что у его противников не было доказательств его политических связей с Македонией, например, чего-то вроде перехваченной якобы его предательской переписки с Филиппом, которую упоминал Демохар в своей речи против афинских философов уже после смерти Аристотеля, в 306 г. (Aristocl. F 2 Chiesara = Euseb. Praep. Evang. XV, 2, 6 = T 58 g Düring).

⁵³ Если верно, что в обвинении фигурировала также эпитафия Гермия, сочиненная Аристотелем (Diog. Laert. V, 5–6), которая не продолжала, разумеется, рецицироваться и даже косвенно не предполагает религиозного почитания, то это служит подтверждением, что враги Аристотеля были намерены использовать неприязнь судей к Гермию, которая могла возникнуть только давно, около 340 г.

⁵⁴ Время казни Гермия неизвестно, но поскольку намек на его пленение в 4-й Филиппике (лето 341 г.) выглядит как указание на недавнее событие, а из рассказа Каллисфена (Didym. In Demosth. V, 66–VI, 10) видно, что он был затем перевезен в резиденцию персидского царя и достаточно долго до казни находился в заточении, его смерть нужно отнести приблизительно к 340 г. (ср: [Kahrstedt, 1910, S. 11]), когда Аристотель мог уже обдумывать возвращение из Македонии в Афины.

которая вела город к войне с Македонией. Тем самым решается, видимо, и вопрос, почему Аристотель называет именно Стагиры, а не, к примеру, Миезу как промежуточный пункт в своих странствиях из Афин в Афины — очевидно, именно к моменту переезда в Стагиры для него оказался закрыт путь в Афины⁵⁵.

О переезде Аристотеля после 340 г. в родной город наши источники не сообщают, но сам по себе он возможен. Стагиры, небольшой и в это время малозначительный город на востоке Халкидского полуострова⁵⁶, перешли под власть Филиппа в 348 г., в результате победы царя над Олинфом и другими городами, входившими в Халкидский (Олинфский) союз. Биографы Аристотеля сообщают о разрушении города Филиппом и о его восстановлении впоследствии по настоянию Аристотеля (самим Филиппом или после его смерти Александром), а также о том, что Аристотель написал законы для восстановленного города и впоследствии почитался в нем в качестве основателя (Diog. Laert. VI, 4; Vita Marciana 17 Düring, см. также Plut. Alex. 7, 2 = T 25; T 27 a–k Düring). Надежность каждого из элементов этой традиции вызывает сомнения, но в це-

⁵⁵ Н. А. Алмазова во внутренней рецензии на эту статью высказала интересное альтернативное предположение, позволяющее придать фразе из письма Александра, Аристотель приезжал в Афины с намерением там остаться, но вскоре обнаружил, что сделался персоной non grata и отбыл в Стагиры». Мы не решаемся определенно принять этот вариант толкования, но в пользу временного возвращения в Афины можно привести сообщение Гермиппа (Diog. Laert. V, 2) о том, что Ксенократ был избран схолархом Академии, когда Аристотель отправился в качестве посла к Филиппу ради афинян, следовательно, в 339/338 г. Этому свидетельству в буквальном смысле едва ли можно доверять из-за его апологетической тенденции (см.: [Mulvaney, 1926, p. 162; Merlan, 2006, p. 110; Düring, 1957, p. 58]; осторожнее О. Жигон, который только отмечает, что оно противоречит хронологии Аполлодора [Gigon, 1958, S. 165]. Во всяком случае, оно не имеет прямого отношения к высказыванию Аристотеля, как этого хотел Р. Вайль [Weil, 1960, p. 18 ss.], так как «из-за великого царя» не может относиться к Филиппу (см. выше), а из-за посольства Аристотель не должен был оказаться в Стагирах (ср. против Вайля: [Natali, 1991, p. 54; 86. N. 96]). Можно, однако, допустить, что в искаженной форме это свидетельство отражает факт пребывания Аристотеля в Афинах в течение некоторого времени после 340 г. и последующий отъезд в Македонию.

⁵⁶ Наиболее детальная современная сводка сведений с обсуждением вопроса о локализации города: [Zahrnt, 1971, S. 238–243], ср.: [Flensted-Jensen, 2004, p. 844].

лом есть основания полагать, что город в той или иной степени пострадал во время завоевания Филиппом Халкидики и что Аристотель мог поэтому содействовать его возрождению⁵⁷. Во всяком случае, существование города при жизни Аристотеля подтверждается упоминанием Стагир в его завещании, из которого также видно, что философ сохранял связь с городом после возвращения в Афины, а также после вынужденного отъезда из Афин на Евбею перед смертью, хотя и не следует прямо, что Аристотель когда-либо постоянно жил в Стагирах⁵⁸. Более надежных указаний на длительное пребывание философа в Стагирах, как будто,

⁵⁷ О разрушении Стагир известно лишь из аристотелевской биографической традиции. Кроме того, в сообщении Диодора (Diod. XVI, 52, 2 = T 27 a Düring) о разрушении Филиппом неизвестного укрепленного места на Халкидике, Γεῖραχ / Ζεῖρα (accus.), согласно рукописям, Στάγειρα ex coniectura было восстановлено г. Унгером, который опирался на ту же биографическую традицию [Unger, 1874, S. 40]; см. также, видимо, независимо от Унгера: [Beloch, 1897, S. 502. Anm. 1 (2. Aufl. Bd. III. Abt. 1. Berlin; Leipzig, 1922, S. 494. Anm. 1)]; след за Белохом принято в издании: [Diodori Bibliotheca Historica, 1906, p. 80]. Решительно против традиции о разрушении города и, соответственно, против роли в его восстановлении Аристотеля возражал Мальвени [Mulvany, 1926, p. 163], который указал на ненадежность эмендации, а также на то, что Стагиры, как колония Андроса, а не Халкиды (Thuc. IV, 88, 2; V, 6, 1), скорее всего, не входили в Халкидский союз, а, значит, едва ли воевали против Филиппа (ср. также [Düring, 1957, p. 59; 293]; О. Жигон, не полагаясь на Диодора, считает все же, что Стагиры были разрушены, но лишь частично, и скоро восстановлены [Gigon, 1962, S. 57]. Сомнения в исправлении текста Диодора резонны, но современные историки, по-видимому, правы, когда признают захват Филиппом Стагир и их полное или частичное разрушения, полагаясь в первую очередь на сообщения об Аристотеле, независимо от Диодора: [West, 1918, p. 242, cf. p. 247] (против эмендации); [Zahrnt, 1971, S. 243] (cf. ibid. S. 109: позднейшие обозначения города как принадлежащего Олинфу говорят за вхождение его в Халкидский союз ко времени завоевания Филиппа); [Hatzopoulos, 1996, p. 191, 198] (стены эллинистического времени свидетельствуют в пользу восстановления города Филиппом); [Flensted-Jensen, 2004, p. 844]. Утверждение Демохара в 306 г. (Aristocl. F 2 Chiesara = Euseb. Praep. Evang. XV, 2, 6 = T 58 g Düring), что Аристотель предал Стагиры Филиппу, несмотря на всю его абсурдность, также подтверждает, судя по его прототипу, спискам «предателей» у Демосфена (De corona 48; 295), что город достался Македонии не без труда.

⁵⁸ Согласно завещанию, в храм Зевса и Афины Спасителей в Стагирах должна быть посвящена статуя в благодарность за спасение Никанора, племянника (Diog. Laert. V, 16) и, видимо, приемного сына Аристотеля. Кроме того, Герпиллиде, экономке и, возможно, сожительнице Аристотеля, предоставлялись для жизни на выбор отцовский дом Аристотеля в Стагирах, очевидно, пустовавший в это время, или гостевая пристройка в Халкиде на Евбее (Diog. Laert. V, 14).

не обнаруживается⁵⁹, но, независимо от правдивости предания о роли Аристотеля в восстановлении Стагир, его возвращение на родину в после 340 г. и до переезда в Афины в 335/334 г. оказывается вполне возможным⁶⁰.

Обратимся теперь ко второй половине замечания Аристотеля. На сегодняшний день преобладает мнение, что Аристотель имеет в виду свое возвращение в Афины прямо из Стагир и что он — то ли всерьез, то ли в шутку — называет в качестве причины своего переезда холодный климат родного города, иными словами, что ὁ μέγας χεῖμων означает что-то вроде «суровая зима». Первым, насколько можно судить, в таком духе высказался Д. Блэксли⁶¹, так понимают его В. Йегер («because of the great cold») [Jaeger, 1948, p. 311], который сомневается в подлинности этого письма, и И. Дюринг («the hard climate») [Düring, 1957, p. 400; Düring, 1968, S. 13 Anm. 70], который

⁵⁹ Упоминания о флоре Стагир в «Истории растений» Феофраста (Hist. plant. III, 11, 1; IV, 16, 3), а также земельный участок, которым он владел в Стагирах и по завещанию оставил некоему Каллину (Diog. Laert. V, 52), не доказывают, как иногда полагают, что Феофраст, постоянный сотрудник Аристотеля, жил вместе с ним в Стагирах и приобрел там собственность до переезда обоих в Афины [Jaeger, 1948, p. 115. N. 1; Regenbogen, 1940, Sp. 1357; Düring, 1966, S. 12]. Сочинение Феофраста было написано после смерти Аристотеля (причем IV, V, IX книги наиболее поздние, [Regenbogen, 1940, Sp. 1452–1453], а его владение в Стагирах это, как предполагают, отцовский дом Аристотеля (см. предыд. примеч.), который перешел к его сыну Никомаху, а затем от рано умершего Никомаха к Феофрасту, который был его опекуном (см. [Mulvaney, 1926, p. 158; Düring, 1957, p. 266; Gottschalk, 1972, p. 324]). Наблюдения Феофраста в Стагирах могли быть, таким образом, сделаны во время посещения им города уже после смерти Аристотеля.

⁶⁰ А. Мансьон [Mansion, 1958, p. 628], а за ним Г. Готтшалк [Gottschalk, 1972, p. 324. Note 5], возражая Дюрингу, отмечают, что хронологические указания Аполлодора не оставляют возможности для длительного пребывания в Стагирах. Здесь в самом деле есть трудность, однако восьмилетнее пребывание у *Филиппа в качестве воспитателя* Александра, о котором сообщает Дионисий Галикарнасский, следуя Аполлодору, в любом случае нельзя понимать буквально (см. выше). Приходится поэтому допустить, что либо Аполлодор не знал обо всех передвижениях Аристотеля в этот период (он не упоминает, например, о длительном пребывании в Дельфах вместе с Каллисфеном, см. примеч. 23), либо что переезд в Стагиры, значимый для Аристотеля, не был таковым для источников Аполлодора. Во всяком случае, нет, кажется, возможности иначе объяснить высказывание Аристотеля, которое ни Мансьон, ни Готтшалк не принимают во внимание.

⁶¹ «We should incline to believe that the greater mildness of climate was the influencing cause» [Blakesley, 1839, p. 58 f.]. Далее следуют соображения о любви Аристотеля к ведению бесед во время прогулок, которые были бы затруднительны в холодном климате.

считает его аристотелевским. В подтверждение Дюринг указывает на пассаж Фемистия (Or. 26, р. 376 Dindorf), который, перифразируя строки Гомера о журавлях, мигрирующих в Египет от зимы и страшного ливня, говорит о них как бегущих от μέγας χειμών.

Между тем уже У. Ньюмен высказал сомнение в том, что Аристотель имеет в виду холодный климат Стагир. Он заметил (ссылаясь на Plat. Prot. 344 d), что ὁ μέγας χειμών скорее означает сильную бурю, чем суровую зиму, или же «великую зиму» в специфическом аристотелевском значении, то есть повторяющийся через огромные промежутки времени период катастрофических ливневых дождей, приводящих к потопу и разрушению местной цивилизации (Meteor. I, 14, 352 a 29–32) [Newman, 1887, р. 467]. Ньюмен не развил первое из своих предположений, а по поводу второго заметил, что астрономическая зима должна была иметь место в 342 г., но не видит какой-либо правдоподобной связи между этой датой и возвращением Аристотеля в Афины в 335 г. [Newman, 1887, pp. 576–577]. Добавим к этому, что аристотелевская «великая зима» в действительности обусловлена не астрономическими, но метеорологическими процессами, и потому время ее наступления, согласно Аристотелю, не может быть точно предсказано⁶². Кроме того, само предположение, что Аристотель как-то связывал свой переезд с наступлением катастрофического потопы, кажется нам еще менее вероятным, чем Ньюмену. Напротив, большего внимания заслуживает первое предположение Ньюмена о том, что μέγας χειμών означает большую бурю или шторм, даже не упомянутое ни Йегером, ни Дюрингом, которые придерживаются толкования Блексли — Аристотель вернулся в Афины из-за сурового климата в Стагирах.

Нет сомнений, что сами по себе зимы на Халкидском полуострове могут быть весьма суровыми, во всяком случае, по афинским меркам⁶³. Однако действительно ли μέγας χειμών указывает

⁶² См. нашу работу: [Verlinsky, 2006, pp. 51–68].

⁶³ Платоновский Алкивиад, рассказывая о стойкости Сократа в перенесении зимней непогоды на примере кампании близ Потидеи (432 г.), ссылается на суровость зимы на Халкидском полуострове как на общеизвестную: δεινοὶ γὰρ αὐτῶν χειμῶνες (Plat. Symp. 220 a 7); подозрение, что Сократ не мог участвовать в Потидейской кампании в зимнее время [Dover, 1980, р. 165; 173 ad loc.], по счастью, не основательно, см.: [Planeaux, 1999, pp. 72–77]; Dover указывает здесь же на Aristoph. Acharn. 138 sq., где говорится о суровой зиме в соседней с Халкидикой Фракии.

на зиму? В словаре Liddell — Scott — Jones (LSJ) различаются два основных значения слова $\chiειμων$ — 1) зима и 2) холодная, бурная погода (*wintry, stormy weather*) или же буря (*storm*). В действительности, после просмотра с помощью электронного *Thesaurus linguae Graecae* (TLG) мест, в которых встречается слово $\chiειμων$ у важнейших авторов V–IV вв. до н. э. (Эсхил, Софокл, Еврипид, Аристофан, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Платон, Аристотель, аттические ораторы, сочинения Гиппократовского корпуса), можно сделать вывод, что отчетливо различаются два значения этого слова — 1) сезонное значение «зимнее время года», которое может подразумевать, но не обязательно подразумевает холодную погоду, бури, штормы, и 2) значение «буря, шторм», то есть стихийное бедствие, сравнительно непродолжительное. Появление такого выражения, как $\chiειμερινὸς \chiειμων$ ([Hipp.] *Epid.* VII, 106 = V, 456, 12 L.), указывает, что оба значения $\chiειμων$ отчетливо различались. Труднее решить, имеется ли помимо двух указанных значений еще третье, указанное в LSJ как разновидность второго, — «холодная, бурная погода»⁶⁴. Примеры, приведенные в словаре, как и те, что мы просмотрели при помощи TLG, позволяют сделать вывод, что есть случаи, когда $\chiειμων$ с соответствующим прилагательным означает более или менее продолжительный ненастный период, но строго отделить это значение от значения «зима» едва ли возможно (нам не встретились случаи, когда $\chiειμων$ без определения означало бы, например, «холод» не в зимнее время, тогда как для кратковременной бури такое обозначение нормально). По-видимому, для подобных случаев можно говорить о расширительном употреблении слова $\chiειμων$ в его первом, сезонном значении, подобно тому, как в русском возможно выражение «ранняя зима»; нельзя также исключить интерференцию двух основных значений, но отчетливого появления у $\chiειμων$ семантики «холод», «холодная погода», не говоря о более абстрактном «холодный климат», по-видимому, не наблюдается⁶⁵.

⁶⁴ Ср. также: [Frisk, 1960], s. v. $\chiειμων$ ('Winter, Winterwetter, Sturm'); [Chantraine, 1980], s. v. $\chiειμων$ (froid, hiver, tempête).

⁶⁵ Попытки перевода на современные языки скорее затемняют, чем проясняют особенности греческого употребления $\chiειμων$ в этом значении. Например, двусмысленное английское *wintry (weather)* (LSJ s. v.) оставляет неясным, идет ли речь в этих местах о зимней или холодной погоде или о той и другой. Русская «стужа», как нередко передается $\chiειμων$ в этом значении в отечествен-

Еще более определенно значение выражения μέγας χειμών. У всех просмотренных нами авторов оно обозначает всегда относительно кратковременное стихийное бедствие (при этом, случайно или нет, во всех примерах речь идет о морской буре или шторме)⁶⁶. Напротив, когда речь идет о более или менее продолжительном периоде холода и осадков, то есть о зимнем периоде, χειμών употребляется с прилагательными ἰσχυρός (Xen. Anab. V, 18, 2; Cyrop. I, 6, 39; VI, 2, 30), δεινός (Xen. Anab. VII, 6, 9; Plat. Symp. 220 a 7), καρτερός, встречаются также βόρειος и даже χειμερινός (см. выше). Уже упоминавшееся отчетливое различие двух значений χειμών подтверждается тем, что эти последние прилагательные не употребительны с χειμών в значении «буря, морской шторм» и, наоборот, μέγας не сочетается с χειμών, когда последнее обозначает зимний период. Применительно к интересующему нас выражению Аристотеля отсюда следует, что предполагаемое большинством ученых значение «из-за холодной зимы» или — менее буквально — «из-за сурового (холодного) климата» необычно и что гораздо более естественно понимать его как означающее «из-за сильной бури».

Однако цитируемый Дюрингом пассаж Фемистия (Or. 26 p. 376 Dindorf) как будто выбивается из этого ряда и говорит, на первый взгляд, в пользу того, что διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν у Аристотеля значит «из-за суровой зимы»:

Οὐ δῆπου με τὰ θέατρα οὕτως ἀγαπᾶν ἠγεῖσθε ὥστε ἀγνοεῖν ὅτι ὀλίγοι ἔμφρονες πολλῶν ἀφρόνων τῷ λέγοντι φοβερῶτεροι, ὥσπερ, οἶμαι, καὶ τοὺς ἄρχοντας τῶν στρατοπέδων ὀλίγοι τε καὶ

ных переводах, например, Ксенофонта, хотя и правильно отчасти, так как холод в таких случаях обычно подразумевается, но не передает более важные коннотации χειμών — ветер, осадки, и, кроме того, не подразумевает, как в греческом, что речь идет о зимнем времени года.

⁶⁶ Hdt. VII, 34, 5; 170, 2; 188, 2; Soph. Ajax 1148–1149; Eur. Phaeth. fr. 781, 58 N. (в метафорическом значении); Thuc. VIII, 34; Xen. Hell. I, 6, 35; [Hipp.] De vet. med. 9, 4 = I, 590, 7 L.; Epid. I, 7 = II, 640, 1 L. (μέγιστοι χ.); Epid. I, 2, 4 = II, 614, 15 L. (ὀπισθοχειμῶνες μεγάλοι); Plat. Protag. 344 d. Кроме того, встречается аналогичное выражение τὸ μέγεθος τοῦ χειμῶνος, означающее также силу бури или шторма, но не суровость зимы (Thuc. III, 24, 1; Xen. Hell. I, 7, 3; 7, 6; Plat. Ep. 7, 351 d 5 sq.). То же значение имеют χειμών πολὺς (Xen. Anab. IV, 1, 15; [Plat.] Alcib. II 147 a 7), ἐξάσιος ([Hipp.] Epist. 27, 5 = IX, 416, 2 L.).

λογάδες ἀντικαθήμενοι εὐλαβεστέρους ποιοῦσιν ἢ πολὺς ὄμιλος συμπεφυρμένος ἀφράκτων καὶ ψιλῶν καὶ ἀνίπων, ἄλλων ἐξ ἄλλης γλώσσης θορυβούντων καὶ ἐπηχούντων· οἷον Ὅμηρος εἶναι λέγει τὸ βαρβαρικὸν στρατόπεδον, ἀπεικάζων αὐτῶν τὴν βοὴν ὄρνισιν ἅμα κλαγγῇ πετομένοις ἐπὶ Νεῖλον τὸν ποταμὸν διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα.

Но конечно не думайте, что так восхищаюсь я публикой, чтобы забыть, что немногие рассудительные люди страшнее для меня, когда я произношу речь, чем множество глупцов. Не так ли немногие, но искусные противники побуждают военачальников к большей осторожности, чем огромная беспорядочная толпа из людей без доспехов, оружия и коней, вопящая на разных языках? Таким изобразил Гомер варварское войско, уподобив его крик птицам, что с криком устремляются к реке Нил διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα.

Фемистий определенно перифразирует знаменитое гомеровское сравнение троянцев, которые крича устремляются в битву, с журавлями, перелетающими в зимнее время в Египет (Ном. II, 3, 1–7):

Αὐτὰρ ἐπεὶ κόσμηθεν ἅμ' ἠγεμόνεσσιν ἕκαστοι,
Τρῶες μὲν κλαγγῇ τ' ἐνοπῇ τ' ἴσαν ὄρνιθες ὡς
ἦῦτε περ κλαγγῇ γεράνων πέλει οὐρανόθι πρό·
αἴ τ' ἐπεὶ οὖν χειμῶνα φύγον καὶ ἀθέσφατον ὄμβρον
κλαγγῇ ταί γε πέτονται ἐπ' ὠκεανοῖο ροάων
ἀνδράσι Πυγμαίοισι φόνον καὶ κῆρα φέρουσαι·
ἠέριαι δ' ἄρα ταί γε κακὴν ἔριδα προφέρονται.

Казалось бы, в самом деле, коль скоро гомеровское χειμῶνα φύγον подразумевает сезонный перелет и соответствует διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα Фемистия, последнее выражение означает что-то вроде «из-за холодной зимы», как думает И. Дюринг. Однако при более пристальном взгляде на соотношение двух текстов это оказывается далеко не бесспорным. Здесь следует учесть, что гомеровские журавли кричат, ибо устремляются в бой с пигмеями, а не от того, что бегут от зимы, которую они давно оставили позади себя⁶⁷. Напротив, у Фемистия мотив предстоящего сражения

⁶⁷ Оставляем в стороне интересный вопрос, означает ли χειμῶνα у самого Гомера «зиму» или «бурю». Кажется во всяком случае возможным, что сезонную миграцию журавлей поэт мог описательно назвать бегством от бури (так понят гомеровский пассаж, например, в словаре LSJ). Рецепция гомеровского сравнения показывает (см. материал, собранный в аппарате к схолиям: [Scholia

забыт, и крик журавлей обусловлен исключительно тем, что они устремляются на юг διὰ τὸν μέγαν χειμῶνα⁶⁸. Учитывая, что μέγας χειμῶν, как было показано выше, обычно имеет значение «большая буря», ничто не мешает думать, что так следует понимать его и у Фемистия — журавли кричат, гонимые великой бурей, то ли настоящей, то ли предчувствуемой ими⁶⁹.

Не служит доводом против такого понимания μέγας χειμῶν и пассаж из аристотелевской «Метеорологики» (I, 14, 352 a 29–32). В нем это выражение, обозначающее периодически происходящий избыток дождей, безусловно основано на значении χειμῶν «зимнее время года», а не «буря». Однако в данном случае это специальный термин, скорее всего введенный самим Аристотелем, который понятен только в силу того, что по соседству находится выражение μέγας ἐνιαυτός. При этом само μέγας χειμῶν означа-

Graeca in Homeri Iliadem, 1969. Schol. ad 3, 1 sqq.]), что его понимали и в первом, и во втором смысле. Для «зимы» см., с одной стороны, Hdt. II, 22, 4 (своего рода комментарий к гомеровскому пассажи), а, с другой, любопытное своим буквализмом суждение знаменитого гомеровского филолога, Аристоника, что гомеровское χειμῶν нужно понимать не как зимнее время года (как, вероятно, полагали многие до него), ибо журавли летят, не убегая от него, но его предчувствуя, а как бурную Фракию (τὸν χειμερινὸν τόπον τῆς Θράκης), из которой они мигрируют (ср. также Suda, s. v. χειμῶν, p. 800, 17–20 Adler). К пониманию гомеровского χειμῶν как «буря», «ненастье» см. след. прим.

⁶⁸ Крик гомеровских журавлей в прямой и опосредованной рецепции гомеровского образа нередко ассоциировался либо со страхом конкретного ненастья, либо с его провозвестием, и, наоборот, забывалось, как у Фемистия, что крик этот у Гомера представлял собой боевой угрожающий клич. Так, журавлиный крик, с которым Вергилий сравнивает боевой клич троянцев, птицы, летающие на юг, издадут в самую непогоду (Aen. X, 264 sq.: Quales sub nubibus atris / Strymoniae dant signa grues atque aethera tranant / Cum sonitu, fugiuntque notos clamore secundo). Подобному восприятию гомеровского образа способствовало, очевидно, то, что журавли бегут не просто от χειμῶν, но еще и от «страшного дождя» (ἄθρόσφατον ὄμβρον), что могло у самого Гомера означать эвентуальное следствие еще только наступающей зимы, но легко воспринималось и как часть описания уже наступившей бури, которая гонит птиц на юг.

⁶⁹ Так понимал парафразу Фемистия В. Розе, который первым указал на эту параллель в связи с загадочным фрагментом из письма Аристотеля [Rose, 1863, pp. 596–597]. Согласно Розе, сам Аристотель сравнивает свой переезд из Стагир в Афины с перелетом птиц. С этим трудно согласиться, так как у Аристотеля, в отличие от Фемистия, нет ни вербальных переключек с гомеровским пассажем, ни какого либо намека на миграцию птиц, у самого же Гомера нет выражения μέγας χειμῶν. По поводу предположения Розе, что Аристотель намекает на поход Александра в Азию как на причину переезда, см. далее.

ет в первую очередь, по аналогии с μέγας ἐνιαυτός, необычайную продолжительность зимнего периода, а дополнительную коннотацию, «катастрофические ливни», оно получает благодаря обычно для греческого ассоциированию χειμών с осадками и бурями. Одним словом, нет оснований не только связывать μέγας χειμών из письма Аристотеля с этим специфическим понятием его метеорологического учения (как это предполагал У. Ньюмен), но и выводить из данного места «Метеорологики», что это выражение, взятое само по себе, может означать суровую зиму и тем более суровый климат.

Итак, поскольку приведенные параллели доказывают, что μέγας χειμών в аристотелевском письме означает «великую бурю», а не «суровую зиму», со всей решительностью, разумеется, нужно высказаться в пользу не буквального, но метафорического понимания этого выражения⁷⁰. Аристотель в таком случае намекает, скорее всего, на политические причины своего переезда, как, бесспорно, он имеет их в виду, говоря о переезде «из Афин в Стагиры». В. Розе в свое время предположил, что подразумевается персидский поход Александра, одновременно с которым Аристотель возвратился в Афины [Rose, 1863, pp. 596–597]. Однако ὁ μέγας χειμών намекает на неурядицы и вряд ли подходит к экспедиции Александра, хотя сама по себе она и могла сделать излишним дальнейшее пребывание Аристотеля в Македонии. Скорее можно было бы предположить, что Аристотель имеет в виду смутный период в Македонии, начавшийся после нового брака царя Филиппа, а именно разрыв царя с Олимпиадой и последующий конфликт Филиппа с Александром, приведший к удалению последнего от двора и даже, возможно, к угрозе войны между отцом и сыном. Близость

⁷⁰ Метафорическое обозначение неурядиц как χειμών встречается чаще, видимо, в поэтической дикции (LSJ, s. v. Π. 2, см. также Aristoph. Acharn. 876, Menand. 187), и само по себе и с различными прилагательными (ср. также χειμάζομαι). Обычно при этом имеется в виду буря, и притом морская (см., например, Aesch. Prom. Vinct. 643, 1015, 1066), что, кажется, согласуется и с прямым употреблением χειμών. Для μέγας χειμών в метафорическом значении см., помимо уже упоминавшегося Eur. Phaeth. fr. 781, 58 N., посвятившую эпиграмму пера Каллимаха, в которой «бури долгов» остроумно сопоставлены с морскими бурями (Anth. Pal. VI, 301: Τὴν ἀλίην Εὐδήμος, ἐφ' ἧς ἄλα λιτὸν ἐπέσθων / χειμώνας μεγάλους ἐξέφυγεν δανέων, / θῆκε θεοῖς Σαμόθρηξι λέγων, ὅτι τήνδε κατ' εὐχῆν, / ὧ ἄλλοι, σωθεῖς ἐξ ἄλλος ὧδε θέτο).

Аристотеля к царской семье могла бы побудить его к оставлению Македонии и переезду в Афины в это время, а сравнительно большой промежуток между этим решением и возвращением в Афины был бы объясним тем, что неожиданная гибель Филиппа от руки заговорщиков⁷¹ и воцарение Александра послужили отсрочкой для отъезда, а последовавшие затем восстание греков против молодого царя и война сделали его на какое-то время вообще невозможным.

Такое понимание нельзя категорически исключить, но оно лучше согласуется с версией, по которой Аристотель вплоть до переезда в Афины оставался при македонском дворе. Если же ко времени конфликта македонских владык Аристотель уже переехал в Стагиры (это кажется более вероятным в силу приведенных соображений) и находился на известном удалении от Пеллы, то проще понять «великую бурю» не как то, что заставило его покинуть Македонию, но как то, что позволило вернуться в Афины⁷². Естественно тогда видеть в буре неудачную попытку греков сбросить македонское владычество после смерти Филиппа, окончивше-

⁷¹ Лапидарное сообщение Аристотеля об убийстве Филиппа Павсанием не только, как давно замечено, имплицитно снимает с Олимпиады и ее сына вину в гибели Филиппа, но и показывает отношение Аристотеля к обстановке, сложившейся при македонском дворе накануне смерти царя: в качестве причины покушения он называет оскорбительное поведение Аттала и других родственников новой царицы по отношению к Павсанию и попустительство этому царя (IV, 10, 1311 b 1–3).

⁷² Возвращение Аристотеля в Афины нет оснований датировать более точно, чем архонством Евайнета, то есть 335/334 г., по Аполлодору. Х. Берве [Berve, 1926, S. 71] справедливо указывает, что датировка А. Герке, конец 335 г., необоснованна, но не более надежно и его собственное утверждение, что в начале 334 г. Аристотель из Стагир (где он, согласно Берве, проживал после окончания преподавания, см. выше примеч. 36) на время вернулся к македонскому двору, чтобы представить Александру своего племянника Каллисфена перед началом похода на Восток весной 334 г. (Diog. Laert. V, 4; Suda, s. v. Καλλισθένης), и уже оттуда переехал в Афины. Сообщение Диогена Лаэртия слишком неопределенно, чтобы строить на нем хронологические расчеты (его источники не знают об оставлении Аристотелем двора, и сам он не говорит о *посещении* Аристотелем Пеллы). Каллисфен, который жил с дядей во время преподавания в Миезе и, возможно, учился у него вместе с Александром, мог быть рекомендован Аристотелем царю как подходящий историограф похода заочно, в письме, или же во время короткого визита в Пеллу еще до 334 г. (согласно другой версии, Александр сам побудил Каллисфена стать его историографом, Justin. XII, 6, 7).

еся разрушением Фив (ранняя осень 335 г.), после чего Аристотель смог переехать из Стагир в Афины и жить в городе, не опасаясь до поры противников Македонии⁷³.

Итак, можно с большой степенью уверенности утверждать, что вторая половина высказывания Аристотеля подразумевает не суровый климат Стагир, но политическую бурю, в которой естественнее всего видеть греко-македонский конфликт 336–335 гг., позволившую Аристотелю вернуться в Афины. Поскольку первая половина высказывания несомненно предполагает политические обстоятельства, сентенция Аристотеля оказывается не только формально симметричной, но и внутренне цельной: он говорит о том, что закрыло для него путь к возвращению в Афины (восхваление Гермия, жертвы персидского царя, вызвавшее недовольство промакедонской партии), и о том, что устранило преграды для возвращения (вынужденное признание суверенитета Македонии Афинами в 335 г.). Симметрия колонов, которая была бы искусственно вычурной для полусуштливого высказывания (если бы Аристотель в самом деле имел в виду климат в Стагирах), оказывается при таком понимании признаком высокого стиля, которое находил в этих словах Деметрий (*De elocut.* 29)⁷⁴. Понятным оказывается и пропуск промежуточных пунктов в путешествиях в первой половине фразы — Аристотель не сообщает о подробностях своей жизни, которые, наверное, известны адресату письма, но предлагает разделить удивление симметрией обстоятельств, связанных с его отлучением от Афин и возвращением в Афины. Высказывание Аристотеля, таким образом, имеет некоторое значение для его биографии (оно служит основным, хотя и нередко игнорируемым, свидетельством того, что он жил в Стагирах в интервале между Миезой и Афинами); кроме того, оно показывает, как сам философ оценивал свои отношения с великим городом: они зависели от по-

⁷³ Речь не идет о прямой защите Аристотеля войсками Антипатра, как это понимает И. Дюринг [Düring, 1968, Sp. 180]: македонский гарнизон не размещался в это время в самих Афинах [Хабихт, 1999, с. 20].

⁷⁴ Синтаксическая симметрия высказывания будет еще заметнее, если, как любезно подсказал нам Гордон Хови, его настоящая форма та, в которой оно цитируется в *Dem. De elocut.* 154: ἐκ μὲν Ἀθηῶν ἐγὼ εἰς Στάγειρα ἦλθον διὰ τὸν βασιλέα τὸν μέγαν, ἐκ δὲ Σταγείρων εἰς Ἀθήνας διὰ τὸν χειμῶνα τὸν μέγαν.

литических обстоятельств, но не от прямого участия Аристотеля в политике. Как бы ни относиться к серьезности подобных изречений, имеющиеся в нашем распоряжении свидетельства вполне согласуются с этой оценкой⁷⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бикерман Э. Хронология древнего мира / пер. И. М. Стеблин-Каменского. М.: Наука, 1975. 336 с.
2. Хабихт Х. Афины: История города в эллинистическую эпоху / пер. Ю. Г. Виноградова. М.: Ладомир, 1999. 416 с.
3. Шахермайр Ф. Александр Македонский / пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. М.: Наука, 1984 [нем. ориг. 1973]. 384 с.
4. *Aristoteles*. Die historischen Fragmente / Übers., erläutert von M. Hose. Berlin, Akademie Verlag, 2006. 307 p.
5. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta* / ed. Val. Rose. Lipsiae: Teubneri, 1886. 462 p. (= Rose)
6. *Aristotelis epistularum fragmenta cum testamento* / ed. M. Plezia. (Auctorum Graecorum et Latinorum opuscula selecta, fasc. 3.) Varsoviae: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 163 p.
7. Aristotle. *Politics*, transl. with notes by C. Lord. Chicago: University of Chicago Press, 1984. XLVII, 265 p. (= Lord)
8. *Aristoteles*. Privatorum scriptorum fragmenta / ed. M. Plezia. Lipsiae: Teubner, 1977. XXV, 87 S. (= Plezia)
9. Badian E. Greeks and Macedonians // *Macedonia and Greece in Late Classical and Hellenistic Times* / ed. by B. Barr-Sharrar B. and E. N. Borza. Washington DC: National Gallery of Art, 1982. 268 p.
10. Beloch K. J. *Griechische Geschichte*. Bd. II. Strassburg, 1897. XIII, 713 S.
11. Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 2. München: Beck, 1926. 446 S.
12. Blakesley J. W. *The Life of Aristotle*. Cambridge: J. and J. J. Deighton, 1839. 181 p.

⁷⁵ Благодарим коллег по кафедре классической филологии СПбГУ за доброжелательную, но строгую критику при обсуждении доклада, в котором был изложен первый вариант этой работы, в сентябре 2012 г.; мы признательны Н. А. Алмазовой, Н. Н. Казанскому и Д. В. Панченко за предложения, критические замечания и поправки, сделанные в ходе чтения самой статьи. Посвящение статьи Хайнцу Хайнену, который, приняв его, вернул нам текст со своими замечаниями, становится теперь, увы, скромной данью памяти замечательного ученого, знатока и друга российского антиковедения.

13. *Bollansée J.* Aristotle and the Death of Hermias of Atarneus: Two Extracts from Hermippos' Monograph on Aristotle // *Simblos*. 2001. Vol. 3. Pp. 67–97.
14. *Briant P.* From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire / transl. from French. Winona Lake, IN: Eisenbrauns, 2002. XX, 1196 p.
15. *Bosworth A. B.* Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. XIII, 330 p.
16. *Buckler J.* Aegean Greece in the Fourth Century BC. Leiden; Boston: Brill, 2003. XI, 544 p.
17. *Cawkwell G. L.* Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I // *Classical Quarterly. New Series*. 1963. Vol. 13. Pp. 120–138.
18. *Cawkwell G. L.* The Defence of Olynthus // *Classical Quarterly. New Series*. 1962. Vol. 12. Pp. 122–140.
19. *Cawkwell G. L.* The Greek Wars: The Failure of Persia. New York; Oxford: Oxford University Press, 2005. VIII, 316 p.
20. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. T. IV–2. Paris: Klincksieck, 1980. 200 p.
21. *Christesen P.* Olympic Victor Lists and Ancient Greek History. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2007. XVII, 580 p.
22. *Companion to Aristotle*, ed. by G. Anagnostopoulos. Malden, MA: Wiley-Blackwell, 2009. XVIII, 648 p.
23. *Demosthenes.* Rede für Ktesiphon über den Kranz / Erläutert und mit einer Einleitung versehen von H. Wankel. Heidelberg: Winter, 1976. 1376 p. (= Wankel)
24. *Didymos:* On Demosthenes / transl. with Introduction, Text, and Commentary by Ph. Harding. Oxford: Clarendon Press, 2006. X, 286 p. (= Harding)
25. *Diodori.* Bibliotheca Historica. Vol. IV / recogn. C. T. H. Fischer. Lipsiae: Teubneri, 1906. 493 p.
26. *Demetrios.* Du Style / Texte établi et trad. par P. Chiron. Paris: Les Belles Lettres, 1993. CXXXVII, 178 p.
27. *Depuydt L.* Saite and Persian Egypt, 664 BC — 332 BC // *Ancient Egyptian Chronology* / ed. by E. Hornung et al. Leiden, 2006. Pp. 458–472.
28. *Dorandi T.* Gli arconti nei papiri Ercolanesi // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1990. Bd. 84. Pp. 121–138.
29. *Dorandi T.* Note sulla tradizione e sul testo del poema di Aristotele in onore di Ermia di Atarneo // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 2007. Bd. 161. Pp. 21–26.
30. *Dührsen N.* Chr. Wer war der Verfasser des rhetorischen Lehrbuchs "Über den Stil" (Περὶ ἐρμηνείας)? // *Rheinisches Museum. Neue Folge*. 2005. Bd. 148. Pp. 242–271.

31. *Düring I.* Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1957. 490 p. (= Düring)
32. *Düring I.* Aristoteles. Heidelberg: Winter, 1966. XV, 670 p.
33. *Düring I.* Aristoteles // RE. Suppl.-Bd. XI. 1968. S. 159–336.
34. *Ellis J. R.* Macedonian Hegemony Created // Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 760–790.
35. *Flensted-Jensen P.* Thrace from Axios to Strymon // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. XV, 1396 p.
36. *Ford A.* Aristotle as Poet. Oxford; New York: Oxford University Press, 2011. XX, 243 p.
37. *Frisk H.* Griechisches Etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Winter, 1960. XXX, VIII, 938 S.
38. *Gercke A.* Aristoteles // RE. 1905. Hbd. 3. Sp. 1014–1015.
39. *Gigon O.* Interpretationen zu den antiken Aristoteles-Viten // Museum Helveticum. 1958. Bd. 15. S. 147–163.
40. *Gottschalk H. B.* Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs // Hermes. 1972. Vol. 100. Pp. 314–342.
41. *Hajdu I.* Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes. Berlin; New York: W. de Gruyter, 2002. VI, 475 p.
42. *Hamilton J.* Alexander the Great. London: Hutchinson, 1973. 196 p.
43. *Hansen M. H., Spencer N., Williams H.* Lesbos // An Inventory of Archaic and Classical Poleis / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 1018–1033.
44. *Hatzopoulos M. B.* Macedonian Institutions under the Kings. Vol. 1. Paris: De Boccard, 1996. 554 p.
45. *Jacoby F.* Apollodors Chronik. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p. (Philologische Untersuchungen. Ht. 16).
46. *Jaeger W.* Aristotle / transl. by R. Robinson, 2nd ed. Oxford: Oxford University Press, 1948. 475 p.
47. *Kahrstedt U.* Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts. Berlin: Weidmann, 1910. 282 S.
48. *Käppel L.* Paian: Studien zur Geschichte einer Gattung. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1992. XXVI, 428 S.
49. *Körte A.* Zu Didymos' Demosthenes-Commentar // Rheinisches Museum. 1905. Bd. 60. S. 388–416.
50. *Laqueur R.* Theokritos aus Chios // RE. 1934. Bd. 5A. Sp. 2026–2027.
51. *Lane Fox R.* Alexander the Great. London: Allen Lane, 1973. 568 p.
52. *Lewis D. M.* An Aristotle Publication-Date // Classical Review. New Series. 1958. Vol. 8. P. 108.

53. *Lloyd A.* Egypt 404–332 BC // Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 337–360.
54. *MacDowell D. M.* Demosthenes the Orator. New York; Oxford: Oxford University Press, 2009. X, 457 p.
55. *MacDowell D. M.* The Law in Classical Athens. London: Thames and Hudson, 1978. 280 p.
56. *Mansion A.* [Rev.] *Düring I.* Aristotle in the Ancient Biographical Tradition // *Revue Philosophique de Louvain*. 1958. Vol. 56. Pp. 624–629.
57. *Merlan Ph.* Zur Biographie des Speusippos // *Philologus*. 1959. Bd. 103. S. 198–214.
58. *Merlan Ph.* The Successor of Speusippus // *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1946. Vol. 77. Pp. 103–111.
59. *Milns R. D.* Hermias of Atarneus and the Fourth Philippic Speech // *Filologia e forme letterarie: studi offerti a Francesco Della Corte*, ed. C. Questa. Vol. I. Urbino: Università degli studi di Urbino, 1987. S. 287–302.
60. *Mitchell S.* Troas // *An Inventory of Archaic and Classical Poleis* / ed. by M. H. Hansen, T. H. Nielsen. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 1000–1018.
61. *Moraux P.* Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote. Louvain: Éditions universitaires de Louvain, 1951. X, 391 p.
62. *Pueche B.* Aristote de Stagire. Dictionnaire des philosophes antiques. T. I. Paris, 1994. 1021 p.
63. *Mulvany C. M.* Notes on the Legend of Aristotle // *Classical Quarterly*. 1926. Vol. 20. Pp. 155–167.
64. *Natali C.* Bios theoretikos: la vita di Aristotele e l'organizzazione della sua scuola. Bologna: Il Mulino, 1991. 213 p.
65. *Newman W. L.* The Politics of Aristotle, With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory. Vol. I. Oxford: Clarendon Press, 1887. LXVII, 419 p.
66. *O'Sullivan L.* The Regime of Demetrius of Phalerum in Athens, 317–307 BCE: a Philosopher in Politics. Leiden: Brill, 2009. 344 p.
67. *Powell J. E.* Lexicon to Herodotus. Cambridge: Cambridge University Press, 1938. X, 391 p.
68. *Pagani L.* *Artemon*. Lessico dei grammatici greci antichi (2010). Available at: <http://www.aristarchus.unige.it/lgga/schede.php>.
69. *Planeaux C.* Socrates, Alcibiades, and Plato's TA ΠΟΤΕΙΔΕΑΤΙΚΑ: Does the Charmides Have an Historical Setting? // *Mnemosyne*. 1999. Vol. 52. Pp. 72–77.
70. *Plato*. Symposium / ed. by K. Dover. Cambridge: Cambridge University Press, 1980. X, 185 p. (= Dover)

71. *Regenbogen O.* Theophrastus // RE Suppl. Bd. 7. 1940. Pp. 1536–1552.
72. *Renahan R.* Aristotle as Lyric Poet: The Hermias Poem // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1982. Vol. 23. Pp. 251–274.
73. *Renahan R.* The Private Aristotle: Two Clues // Hermes. 1995. Vol. 123. Pp. 281–292.
74. *Rose V.* Aristoteles pseudepigraphus. Lipsiae: Teubneri, 1863. 728 p.
75. *Ross W. D.* Aristotle. 5th ed. rev. London: Methuen & Co, 1949 (1923). VII, 300 p.
76. *Runia D.* Theocritus of Chios' Epigram against Aristotle // Classical Quarterly, New Series. 1986. Vol. 36. Pp. 531–534.
77. *Rusten J.* Dionysius Scytobrachion. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1982. 185 p.
78. Scholia Graeca in Homeri Iliadem: Scholia vetera / rec. H. Erbse. Vol. I. Berlin: W. de Gruyter, 1969. 474 p.
79. *Sordi M.* La cronologia delle vittorie persiane e la caduta di Ermia di Atarneo in Diodoro Siculo // Kokalos. 1959. Vol. 5. Pp. 107–118.
80. *Stahr A.* Aristotelia. Vol. I. Halle: Buchhandlung des Waisenhauses, 1830. XVIII, 210 p.
81. *Susemihl F.* Geschichte der Alexandrinischen Literatur. Bd. I. Leipzig: Teubner, 1892. XVI, 907 S.
82. *Unger G. F.* Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax // Philologus. 1874. Bd. 33. Pp. 29–45.
83. *Verlinsky A.* The flood in Aristotle's Meteorologica (I. 14) // Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption / Hrsg. von J. Althoff et al. Bd. 16. Trier, 2006. S. 51–68.
84. Vita Aristotelis Marciana / Hrsg. und komment. von O. Gigon. Berlin: W. de Gruyter, 1962. 79 p. (= Gigon)
85. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Aristoteles und Athen. Bd. 2. Berlin, 1892. VI, 381 S.
86. *Wentzel C.* Artemon // RE. 1896. Bd. II. Col. 1446–1447.
87. *Weil R.* Aristote et l'histoire. Paris: Klincksieck, 1960. 466 p.
88. *West A. B.* The History of the Chalcidic League. Madison, 1918. 176 p.
89. *Worthington I.* How 'Great' was Alexander? (1999) // Alexander the Great. A Reader / ed. I. Worthington. London: Routledge, 2003. 368 p.
90. *Zahrnt M.* Olynth und die Chalkidier. München, Beck, 1971 (Vestigia H. 14). X, 280 p.
91. *Zeller Ed.* Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung. T I. II. Abt. II. Aristoteles und die alten Peripatetiker. 3. Aufl. Leipzig, 1879. X, 948 S.

REFERENCES

1. Bikerman E. *Khronologiia drevnego mira*, per. I.M. Steblin-Kamenskogo [The Chronology of the Ancient World, transl. by I.M. Steblin-Kamensky]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 336 s.
2. Khabikht Kh. *Afiny: Istoriia goroda v ellinisticheskuiu epokhu*, per. Iu.G. Vinogradova [Athens: History of the City in the Hellenistic Period, transl. by Yu.G. Vinogradov]. Moscow, Ladimir Publ., 1999. 416 s.
3. Shakhmerair F. *Aleksandr Makedonskii*, per. s nem. M.N. Botvinnika i B. Funka [Alexander of Macedon, transl. from German by M.N. Botvinnik and B. Funk]. Moscow, Nauka Publ., 1984 [nem. orig. 1973]. 384 s.
4. Aristoteles. *Die historischen Fragmente*. Übers., erläutert von M. Hose. Berlin, Akademie Verlag, 2006. 307 p.
5. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*, ed. Val. Rose. Lipsiae, Teubneri, 1886. 462 p. (= Rose)
6. *Aristotelis epistularum fragmenta cum testamento*, ed. M. Plezia. (Auctorum Graecorum et Latinorum opuscula selecta, fasc. 3.) Varsoviae, Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1961. 163 p.
7. Aristotle. *Politics*, transl. with notes by C. Lord. Chicago, University of Chicago Press, 1984. XLVII, 265 p. (= Lord)
8. Aristoteles. *Privatorum scriptorum fragmenta*, ed. M. Plezia. Lipsiae, Teubner, 1977. XXV, 87 S. (= Plezia)
9. Badian E. *Greeks and Macedonians*. Macedonia and Greece in Late Classical and Hellenistic Times, ed. by B. Barr-Sharrar B. and E.N. Borza. Washington DC, National Gallery of Art, 1982. 268 p.
10. Beloch K.J. *Griechische Geschichte*. Bd. II. Strassburg, 1897. XIII, 713 S.
11. Berve H. *Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage*. Bd. 2. München, Beck, 1926. 446 S.
12. Blakesley J.W. *The Life of Aristotle*. Cambridge, J. and J.J. Deighton, 1839. 181 p.
13. Bollansée J. Aristotle and the Death of Hermias of Atarneus: Two Extracts from Hermippos' Monograph on Aristotle. *Simblos*. 2001. Vol. 3. Pp. 67–97.
14. Briant P. *From Cyrus to Alexander: A History of the Persian Empire*, transl. from French. Winona Lake, IN, Eisenbrauns, 2002. XX, 1196 p.
15. Bosworth A.B. *Conquest and Empire: The Reign of Alexander the Great*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1988. XIII, 330 p.
16. Buckler J. *Aegean Greece in the Fourth Century BC*. Leiden; Boston, Brill, 2003. XI, 544 p.
17. Cawkwell G.L. Demosthenes' Policy after the Peace of Philocrates. I. *Classical Quarterly. New Series*. 1963. Vol. 13. Pp. 120–138.

18. Cawkwell G.L. The Defence of Olynthus. *Classical Quarterly. New Series.* 1962. Vol. 12. Pp. 122–140.
19. Cawkwell G. L. *The Greek Wars: The Failure of Persia.* New York; Oxford, Oxford University Press, 2005. VIII, 316 p.
20. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque.* T. IV–2. Paris, Klincksieck, 1980. 200 p.
21. Christesen P. *Olympic Victor Lists and Ancient Greek History.* Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2007. XVII, 580 p.
22. *Companion to Aristotle*, ed. by G. Anagnostopoulos. Malden, MA, Wiley-Blackwell, 2009. XVIII, 648 p.
23. Demosthenes. *Rede für Ktesiphon über den Kranz.* Erläutert und mit einer Einleitung versehen von H. Wankel. Heidelberg, Winter, 1976. 1376 p. (= Wankel)
24. *Didymos: On Demosthenes*, transl. with Introduction, Text, and Commentary by Ph. Harding. Oxford, Clarendon Press, 2006. X, 286 p. (= Harding)
25. Diodori. *Bibliotheca Historica.* Vol. IV, recogn. C.T.H. Fischer. Lipsiae, Teubneri 1906. 493 p.
26. Demetrios. *Du Style.* Texte établi et trad. par P. Chiron. Paris, Les Belles Lettres, 1993. CXXXVII, 178 p.
27. Depuydt L. *Saite and Persian Egypt, 664 BC – 332 BC.* Ancient Egyptian Chronology, ed. by E. Hornung et al. Leiden, 2006. Pp. 458–472.
28. Dorandi T. Gli arconti nei papiri Ercolanesi. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 1990. Bd. 84. Pp. 121–138.
29. Dorandi T. Note sulla tradizione e sul testo del poema di Aristotele in onore di Ermia di Atarneo. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.* 2007. Bd. 161. Pp. 21–26.
30. Dührsen N. Chr. Wer war der Verfasser des rhetorischen Lehrbuchs "Über den Stil" (Περὶ ἐρμηνείας)? *Rheinisches Museum. Neue Folge.* 2005. Bd. 148. Pp. 242–271.
31. Düring I. *Aristotle in the Ancient Biographical Tradition.* Göteborg, Almqvist & Wiksell, 1957. 490 p. (= Düring)
32. Düring I. *Aristoteles.* Heidelberg, Winter, 1966. XV, 670 p.
33. Düring I. Aristoteles. *RE. Suppl.-Bd. XI.* 1968. S. 159–336.
34. Ellis J.R. Macedonian Hegemony Created. *Cambridge Ancient History.* Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 760–790.
35. Flensted-Jensen P. *Thrace from Axios to Strymon.* An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. New York; Oxford, Oxford University Press, 2004. XV, 1396 p.
36. Ford A. *Aristotle as Poet.* Oxford; New York, Oxford University Press, 2011. XX, 243 p.

37. Frisk H. *Griechisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg, Winter, 1960. XXX, VIII, 938 S.
38. Gercke A. Aristoteles. *RE*. 1905. Hbd. 3. Sp. 1014–1015
39. Gigon O. Interpretationen zu den antiken Aristoteles-Viten. *Museum Helveticum*. 1958. Bd. 15. S. 147–163.
40. Gottschalk H.B. Notes on the Wills of the Peripatetic Scholarchs. *Hermes*. 1972. Vol. 100. Pp. 314–342.
41. Hajdu I. *Kommentar zur 4. Philippischen Rede des Demosthenes*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 2002. VI, 475 p.
42. Hamilton J. *Alexander the Great*. London, Hutchinson, 1973. 196 p.
43. Hansen M.H., Spencer N., Williams H. *Lesbos*. An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. Pp. 1018–1033.
44. Hatzopoulos M. B. *Macedonian Institutions under the Kings*. Vol. 1. Paris, De Boccard, 1996. 554 p.
45. Jacoby F. *Apollodors Chronik*. Berlin, Weidmannsche Buchhandlung, 1902. 416 p. (Philologische Untersuchungen. Ht. 16).
46. Jaeger W. *Aristotle*, transl. by R. Robinson, 2nd ed. Oxford, Oxford University Press, 1948. 475 p.
47. Kahrstedt U. *Forschungen zur Geschichte des ausgehenden fünften und des vierten Jahrhunderts*. Berlin, Weidmann, 1910. 282 S.
48. Käppel L. *Paian: Studien zur Geschichte einer Gattung*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1992. XXVI, 428 S.
49. Körte A. Zu Didymos' Demosthenes-Commentar. *Rheinisches Museum*. 1905. Bd. 60. S. 388–416.
50. Laqueur R. Theokritos aus Chios. *RE*. 1934. Bd. 5A. Sp. 2026 f.
51. Lane Fox R. *Alexander the Great*. London, Allen Lane, 1973. 568 p.
52. Lewis D.M. An Aristotle Publication-Date. *Classical Review. New Series*. 1958. Vol. 8. P. 108.
53. Lloyd A. *Egypt 404–332 BC*. Cambridge Ancient History. Vol. VI. Cambridge, 1994. Pp. 337–360.
54. MacDowell D.M. *Demosthenes the Orator*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2009. X, 457 p.
55. MacDowell D.M. *The Law in Classical Athens*. London, Thames and Hudson, 1978. 280 p.
56. Mansion A. [Rev.] Düring I. Aristotle in the Ancient Biographical Tradition. *Revue Philosophique de Louvain*. 1958. Vol. 56. Pp. 624–629.
57. Merlan Ph. Zur Biographie des Speusippos. *Philologus*. 1959. Bd. 103. S. 198–214.
58. Merlan Ph. The Successor of Speusippus. *Transactions and Proceedings of the American Philological Association*. 1946. Vol. 77. Pp. 103–111.

59. Milns R. D. *Hermias of Atarneus and the Fourth Philippic Speech*. *Filologia e forme letterarie: studi offerti a Francesco Della Corte*, ed. C. Questa. Vol. I. Urbino, Università degli studi di Urbino, 1987. Pp. 287–302.
60. Mitchell S. *Troas*. An Inventory of Archaic and Classical Poleis, ed. by M.H. Hansen, T.H. Nielsen. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. Pp. 1000–1018.
61. Moraux P. *Les listes anciennes des ouvrages d'Aristote*. Louvain, Éditions universitaires de Louvain, 1951. X, 391 p.
62. Pueche B. *Aristote de Stagire*. Dictionnaire des philosophes antiques. T. I. Paris, 1994. 1021 p.
63. Mulvany C.M. Notes on the Legend of Aristotle. *Classical Quarterly*. 1926. Vol. 20. Pp. 155–167.
64. Natali C. *Bios theoretikos: la vita di Aristotele e l'organizzazione della sua scuola*. Bologna, Il Mulino, 1991. 213 p.
65. Newman W.L. *The Politics of Aristotle, With an Introduction, Two Prefatory Essays and Notes Critical and Explanatory*, vol. I. Oxford, Clarendon Press, 1887. LXVII, 419 p.
66. O'Sullivan L. *The Regime of Demetrius of Phalerum in Athens, 317–307 BCE: a Philosopher in Politics*. Leiden, Brill, 2009. 344 p.
67. Powell J.E. *Lexicon to Herodotus*. Cambridge, Cambridge University Press, 1938. X, 391 p.
68. Pagani L. Artemon. *Lessico dei grammatici greci antichi* (2010). Available at: <http://www.aristarchus.unige.it/lgga/schede.php>.
69. Planeaux C. Socrates, Alcibiades, and Plato's TA ΠΟΤΕΙΔΕΑΤΙΚΑ: Does the Charmides Have an Historical Setting? *Mnemosyne*. 1999. Vol. 52. Pp. 72–77.
70. Plato. *Symposium*, ed. by K. Dover. Cambridge, Cambridge University Press, 1980. X, 185 p. (= Dover)
71. Regenbogen O. Theophrastus. *RE Suppl.* Bd. 7. 1940. Pp. 1536–1552.
72. Renehan R. Aristotle as Lyric Poet: The Hermias Poem. *Greek, Roman, and Byzantine Studies*. 1982. Vol. 23. Pp. 251–274.
73. Renehan R. The Private Aristotle: Two Clues. *Hermes*. 1995. Vol. 123. Pp. 281–292.
74. Rose V. *Aristoteles pseudepigraphus*. Lipsiae, Teubneri, 1863. 728 p.
75. Ross W.D. *Aristotle*. 5th ed. rev. London, Methuen & Co, 1949 (1923). VII, 300 p.
76. Runia D. Theocritus of Chios' Epigram against Aristotle. *Classical Quarterly, New Series*. 1986. Vol. 36. Pp. 531–534.
77. Rusten J. *Dionysius Scytobrachion*. Opladen, Westdeutscher Verlag, 1982. 185 p.

78. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem: Scholia vetera*, rec. H. Erbse. Vol. I. Berlin, W. de Gruyter, 1969. 474 p.
79. Sordi M. La cronologia delle vittorie persiane e la caduta di Ermia di Atarneo in Diodoro Siculo. *Kokalos*. 1959. Vol. 5. Pp. 107–118.
80. Stahr A. *Aristotelia*. Vol. I. Halle, Buchhandlung des Waisenhauses, 1830. XVIII, 210 p.
81. Susemihl F. *Geschichte der Alexandrinischen Literatur*. Bd. I. Leipzig, Teubner, 1892. XVI, 907 S.
82. Unger G. F. *Die Abfassungszeit des sogenannten Skylax*. *Philologus*. 1874. Bd. 33. Pp. 29–45.
83. Verlinsky A. The flood in Aristotle's *Meteorologica* (I. 14). *Antike Naturwissenschaft und ihre Rezeption*, Hrsg. von J. Althoff et al. Bd. 16. Trier, 2006. S. 51–68.
84. *Vita Aristotelis Marciana*. Hrsg. und komment. von O. Gigon. Berlin, W. de Gruyter, 1962. 79 p. (= Gigon)
85. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Aristoteles und Athen*. Bd. 2. Berlin, 1892. VI, 381 S.
86. Wentzel C. Artemon. *RE*. 1896. Bd. II. Col. 1446–1447.
87. Weil R. *Aristote et l'histoire*. Paris, Klincksieck, 1960. 466 p.
88. West A.B. *The History of the Chalcidic League*. Madison, 1918. 176 p.
89. Worthington I. *How 'Great' was Alexander?* (1999). *Alexander the Great. A Reader*, ed. I. Worthington. London, Routledge, 2003. 368 p.
90. Zahrnt M. *Olynth und die Chalkidier*. München, Beck, 1971 (*Vestigia* H. 14). X, 280 p.
91. Zeller Ed. *Die Philosophie der Griechen in ihrer geschichtlichen Entwicklung*. T I. II. Abt. II. Aristoteles und die alten Peripatetiker. 3. Aufl. Leipzig, 1879. X, 948 S.

Верлинский Александр Леонардович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Aleksandr Verlinsky

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor,

Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: verlinsky@mail.ru

Институт лингвистических исследований Российской академии наук

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТА *τίεσκεν* / *τίεσκετο* У ГОМЕРА

Ключевые слова: древнегреческий глагол, имперфекты на -σκ-, грамматическая семантика.

Формы *τίεσκεν* и *τίεσκετο* принадлежат к группе «ионийских итеративных претеритов» на -σκ-, где суффикс указывает, по большей части, на множественность действия. Примеры употребления суффиксального имперфекта *τίεσκεν* / *τίεσκετο* у Гомера показывают, что форма, помимо хабитуального значения, может выражать оттенок намерения деятеля, что говорит в пользу идеи семантического сближения хабитуальности и дезидеративности.

S. I. DMITRIEVA

Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences

SEMANTIC NUANCES OF THE HOMERIC IMPERFECT *τίεσκεν* / *τίεσκετο*

Keywords: Greek verb, -σκ- imperfects, grammatical semantics.

The paper analyzes the semantics of the -σκ- imperfect *τίεσκεν* / *τίεσκετο*, which belongs to the group of “the ionic iterative preterits” in -σκ-, where the suffix in most cases indicates an iterative, multiplicative and habitual action. The forms *τίεσκεν* and *τίεσκετο* denote an action, which, along with the habitual meaning, involves the intention of the agent, thus supporting the idea that desiderativity might be semantically close to habituality.

В статье рассматриваются употребления имперфекта с суффиксом -σκ- от глагола *τίω уважать, почитать*. Формы *τίεσκεν* и *τίεσκετο* принадлежат к группе «ионийских итеративных претеритов»¹ на -σκ-, где суффикс указывает, по большей части,

¹ В таком виде термин появляется у К. Бругмана [Brugmann, 1902–1903, S. 267–277]. Термин «итеративный» применительно к этому типу форм первым употребил Ф. Бутман [Buttmann, 1819, S. 391 ff.].

на множественность действия (итератив, мультипликатив, дистрибутив, хабитуалис). Уже в XIX в. формам на -σκ- уделялось достаточное внимание; в работах К. Бутмана, Р. Кюнера, А. Стольпе, К. Бругмана и других были намечены основные подходы к их классификации и направления в интерпретации грамматической семантики этих форм, которые развивали в XX в. А. Мейе, Э. Риш, Э. Швицер и другие. Однако не все предложенные в XIX в. интерпретации получили широкое распространение: в их числе, думается, что не вполне заслуженно, оказалось предположение г. Курциуса (1852 г.) о том, что от намерения до склонности совершить действие всего один шаг², и некоторые имперфекты на -σκ- могут демонстрировать, помимо хабитуальности, еще и оттенок намерения. В этой статье мы попытаемся показать, что имперфект $\tau\acute{\iota}\epsilon\sigma\kappa\epsilon\nu$ / $\tau\acute{\iota}\epsilon\sigma\kappa\epsilon\tau\omicron$ обнаруживает признаки такого семантического сочетания.

Глагол $\tau\acute{\iota}\omega$ следует рассматривать в связи с производным от него существительным $\tau\acute{\iota}\mu\acute{\eta}$, — исключительно важным для архаического времени понятием, см.: [Chantraine, 1933, p. 148]. Э. Бенвенист определяет его так: $\tau\acute{\iota}\mu\acute{\eta}$, как и $\gamma\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$, «включает вполне вещественные почетные подношения», но «отличается от $\gamma\acute{\epsilon}\rho\alpha\varsigma$ своей неотъемлемостью и божественным происхождением: оно обозначает в царских почестях то, что боги получают от судьбы, а люди — от Зевса...» [Бенвенист, 1995, с. 269]. « $\tau\acute{\iota}\mu\acute{\eta}$, воздаваемая людьми и богами, включает одновременно почтение, проявления почтения, а также материальное поощрение» [Бенвенист, 1995, с. 274]. Примерно того же мнения придерживается А. Адкинс

² См.: [Curtius, 1852, S. 27–29]. Эту мысль Курциус высказывает при попытке сопоставить суффикс -sk- с сигматическим дезидеративом. Дж. Джезнов в своей книге [Jasanoff, 2003, pp. 133–135] придерживается того же мнения и предлагает рассматривать индоевропейский суффикс *-ske/o- как конглютинат, сигматический элемент которого имел вид *-h₁s-. Кроме того, Джезнов видит в качестве первичной семантики суффикса именно дезидеративное значение, из которого впоследствии развилось итеративное значение. Несмотря на то, что до сих пор нет достаточных оснований постулировать дезидератив как первичное значение, а анализ морфологических элементов потребует особого исследования и может встретить трудности, все же чисто семантическое сближение дезидеративности и хабитуальности заслуживает внимания: можно предположить, что дезидеративный оттенок появляется в качестве дополнительного, что может найти подтверждение в поэмах Гомера.

[Adkins, 1960, pp. 23–32]. Он подчеркивает, что τιμή — это не только материальные блага, это то, что обеспечивает определенное положение человека в обществе. В той же статье предлагается определение для однокоренного глагола: «τίειν и τιμᾶν в меньшей степени означают отношение; они означают скорее выполнение определенных действий, результатом которых является получение τιμῆ». И там же: «τιμή — это благо, в каком-то смысле необходимое для существования гомеровского человека» [Adkins, 1960, p. 28, 31]. Таким образом, можно сделать заключение, что τιμή — это иерархическое понятие, и оно может иметь материальное выражение. Из-за столь высокой значимости этого понятия непредоставление τιμῆ влечет за собой последствия: со стороны богов — гнев и немилость; месть со стороны людей.

Для начала рассмотрим примеры употребления бессуффиксального τίω, которое имеет два лексических значения: «уважать» и «оценивать»³. Для сравнения мы приведем только те примеры, лексическое значение которых совпадает с суффиксальным τίεσκεν / τιέσκετο.

Примеры употреблений, в соответствии с контекстом, можно разделить на следующие группы.

Почтение к богам

У Гомера шесть раз встречается формула θεὸς δ' ὡς τίετο δήμῳ — *народом он почитался как бог* (жрец Долопион II. 5, 78; Агамемнон II. 10, 33; Эней II. 11, 58; правитель Фоант II. 13, 218; жрец Онетор II. 16, 605; критянин Кастор Od. 14, 205). II. 5, 78 ...ὐὶὸν ὑπερθύμου Δολοπίονος, ὅς ῥα Σκαμάνδρου // ἀρητήρ ἐτέτυκτο,

³ В значении «оценивать» имперфектная форма τίον и с точки зрения грамматической семантики также не является конкурентом для суффиксальной формы. В нижеприведенном примере τίον можно понять как перфектив «оценили» или как imperfectum de sonatu: «оценили и продолжали ценить». II. 23, 702–705 τῷ μὲν νικήσαντι μέγαν τρίποδ' ἐμπυριβήτην, / τὸν δὲ δωδεκάβοιον ἐνὶ σφίσι τίον Ἀχαιοί: / ἀνδρὶ δὲ νικηθέντι γυναῖκ' ἐς μέσσον ἔθηκε, / πολλὰ δ' ἐπίστατο ἔργα, τίον δὲ ἐτεσσαράβοιον. — Мздой победителю вынес огонный треножник, огромный, / медный, — в двенадцать волов **оценили** его аргивяне; / мздой побежденному он рукодельницу юную вывел, / пленную деву, — в четыре вола и ее **оценили**.

θεὸς δ' ὡς **τίετο** δῆμῳ... — ...*Ветвь Долопиона старца, который, возвышенный духом, // был у Скамандра священник и **читился** как бог от народа*⁴. Od. 14, 205 ...ὃς τότε' ἐνὶ Κρήτεσσι θεὸς ὡς **τίετο** δῆμῳ // ὄλβῳ τε πλούτῳ τε καὶ υἰάσι κυδαλίμοισιν. — ...*он же от всех обитателей Крита, **как бог, уважаем** // **был** за богатство, за власть и за доблесть сынов многославных...* В комментариях к этому месту говорится, что формула может восходить к микенским временам: в VIII в. такое отношение к правителю было уже маловероятным [Heubeck, Hoekstra, 1990, p. 207]. По мнению комментатора, значение формулы уже было неочевидным, так как следом дается пояснение: ὄλβῳ τε πλούτῳ τε καὶ υἰάσι κυδαλίμοισιν. В комментарии Хейнсворта к этому месту говорится, что формула имеет отношение скорее к качеству и количеству почета, нежели к его причине [Kirk, 1985, p. 161]. К. Амайс считает, что основанием для сравнений смертного с божеством служили физические и моральные качества, так как божества в ту эпоху представлялись в виде человека, только более прекрасного и могущественного [Ameis, 1895, pp. 85–86].

Здесь следует сделать оговорку: несмотря на то, что фактически объектом уважения в вышеприведенных примерах являются не боги, а смертные люди, и комментаторы справедливо видят здесь гиперболу⁵, ключевым для нас моментом является тот факт, что почтение к божествам — явление, устоявшееся в достаточной степени, чтобы стать точкой отсчета для сравнения с другими ситуациями. Тот же принцип действует и в двух следующих группах контекстов, в которых уважение, оказываемое представителям правящего класса и членам семьи, выступает при сравнении в качестве образцовой ситуации.

Представители царского рода

Π. 5, 467 κεῖται ἀνὴρ ὃν ἴσων **ἔτιομεν** Ἐκτορι δῖῳ / Αἰνείας υἱὸς μεγαλήτορος Ἀγχίσοο. — «Пал воевода, **почтенный** для нас, как **божественный Гектор!** [букв.: ...которого мы **почитали** наравне

⁴ Стихотворный перевод примеров из поэм Гомера приводится по следующим изданиям: [Гомер, 1990; Гомер, 2000].

⁵ См. комментарий Керка к Π. 5, 78: [Kirk, 1985, Vol. II, p. 62].

с божественным Гектором] / Доблестью славный Эней, знаменитая отрасль Анхиза!»

Π. 5, 536 Αἰνεῖω ἕταρον μεγαθύμου Δηϊκόωντα / Περγασίδην, ὃν Τρῶες ὁμῶς Πριάμοιο τέκεσσι / **τίον**, ἐπεὶ θοδς ἔσκε μετὰ πρώτοισι μάχεσθαι. — Деикоона уметил, Энеева храброго друга, / сына Пергасова, в Трое равно, как сыны Дарданида, / **чтимого**: ревностен был он всегда между первых сражаться;

Евстафий подчеркивает, что мужество и другие качества могли дать их обладателю τιμή, и пример тому Деикоон [Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii..., 1976, p. 144, 20–21 (580, 20–21)].

Члены семьи⁶

Π. 13, 176 (= Π. 15, 551) ...ναῖε δὲ παρ Πριάμῳ· ὁ δὲ μιν **τίεν ἱσα τέκεσσι**. — ...жил у Приама и был как сын **почитаем** от старца.

Od. 1, 432 ...ἱσα δὲ μιν **κεδνῇ ἀλόχῳ τίεν** ἐν μεγάροισιν... — ...с **благонаправной** своею **супругой** / в доме своем **уважал** **наравне**... (Лаэрт уважал Евриклею).

Институт гостеприимства был, несомненно, важной культурной особенностью греческого мира. Глагол τίω в данном типе ситуаций указывает на подобающее поведение, то есть на определенные действия гостей и хозяев по отношению друг к другу во время визита⁷.

Π. 6, 173 αὐτὰρ ὁ βῆ Λυκίην δὲ θεῶν ὑπ' ἀμύμονι πομπῇ. / ἀλλ' ὅτε δὴ Λυκίην ἶξε **Ξάνθόν τε ρέοντα**, / **προφρονέως** μιν **τίεν** ἄναξ Λυκίης εὐρείης. — Мирно достиг он **ликийской** земли и пучинного Ксанфа; / **принял** его **благосклонно** **ликийских** мужей повелитель;

В следующем пассаже говорится об отсутствии должного уважения к Телемаху со стороны женихов: Od. 22, 370 ...ἀνδρῶν μνηστήρων κεχολωμένος, οἳ οἳ ἔκειρον / κτήματ' ἐνὶ μεγάροις, σὲ δὲ νήπιοι **οὐδὲν ἔτιον**. — ...не отмстил **беспощадно** медью / **злым**

⁶ Об уважении к членам семьи, в частности, об уважении мужа к жене см.: [Зелинский, 1995, с. 23 и след.; Seymour, 1914, pp. 117–152].

⁷ Подробнее об институте гостеприимства в Греции см.: [Berneker, 1967, Sp. 1441–1479]; о традициях гостеприимства в гомеровской Греции см.: [Reese, 1993].

женихам, столь давно, столь нахально его достоянье / грабившим здесь и тебя самого **оскорбившим** безумно (букв.: ...разгневанный на женихов, которые у него в доме истребляли имущество, а тебя, неразумные, никак **не уважили**).

В следующих отрывках речь идет об отношении к **друзьям и соратникам**.

Иногда в качестве прямого дополнения употребляются слова, обозначающие социальную связь субъекта и объекта действия: ἑταῖρος *товарищ* и ἀνὴρ *муж*, типичные для обозначения боевых товарищей. В таких случаях можно говорить о правилах поведения по отношению к этим лицам.

Π. 5, 326 ...δῶκε δὲ Δηϊπύλῳ ἑτάρῳ φίλῳ, ὃν περὶ πάσης / **τίεν** ὀμηλικῆς... — ...другу отдал Деипилу, которого сверстников в сонме / более всех он **любил** [уважал, ценил]...

Π. 8, 161 Τυδεΐδῃ περὶ μὲν σε **τίον** Δαναοὶ ταχύπολοι / ἔδρη τε κρέασίν τε ἰδὲ πλείους δεπάεσσι — О Диомед! перед всеми тебя **почитали** [быстроконные] данаи / местом, и брашном, и полными кубками в пиришествах общих...

Π. 16, 146 ἵππους δ' Αὐτομέδοντα θοῶς ζευγνύμεν ἄνωγε, / τὸν μετ' Ἀχιλλῆα ῥήξι' ἠνορα **τίε** μάλιστα... — Коней же быстро впрягать Автомедону дал повеленье, / **читимому** им наиболее после Пелида героя... И похожий пассаж: Π. 24, 574 Πηλεΐδης δ' οἴκοιο λέων ὡς ἄλτο θύραζε / οὐκ οἶος, ἅμα τῷ γε δῶο θεράποντες ἔποντο / ἦρως Αὐτομέδων ἠδ' Ἄλκιμος, οὓς ῥα μάλιστα / **τί'** Ἀχιλεὺς ἑτάρων μετὰ Πάτροκλόν γε θανόντα... — Сын же Пелеев, как лев, из обители бросился к двери: / но не один, за царем устремилися два из клеветов, / сильный Алким и герой Автомедон, которых меж другов / более всех Пелейон **почитал**, по Патрокле умершем.

Π. 17, 576 ἔσκε δ' ἐνὶ Τρώεσσι Ποδῆς υἱὸς Ἠετίωνος / ἀφνειὸς τ' ἀγαθὸς τε· μάλιστα δέ μιν **τίεν** Ἔκτωρ / δήμου, ἐπεὶ οἱ ἑταῖρος ἔην φίλος εἰλαπιναστῆς — Был меж троянами воин Подес, Этионова отрасль, / муж и богатый и славный, отлично меж граждан троянских / Гектором **читимый**, как друг, и в пирах собеседник любезный.

Π. 18, 81 ...Πάτροκλος, τὸν ἐγὼ περὶ πάντων **τίον** τίον ἑταίρων / ἴσον ἐμῇ κεφαλῇ... — букв.: ...Патрокла, которого я из всех друзей **уважал** как самого себя...

Od. 19, 247 **τίεν** δέ μιν ἔξοχον ἄλλων / ὧν ἐτάρων Ἶδουσεύς... — *его всех [своих] товарищей боле / **чтил** Одиссей...*

Из приведенных примеров видно, что глагол **τίω** выражает действие, осуществляемое по очевидным для гомеровского общества причинам (высокое социальное положение, выдающиеся физические и моральные качества, отношения гостеприимства, дружеские и родственные связи). При этом выражение очевидного и ожидаемого действия не требует каких-либо дополнительных маркеров.

Отсутствие должного почтения чревато реакцией со стороны лишенного τιμή (боги, правители, вооруженные воины), гневом богов, в частности, Зевса (Ζεὺς-ἐπιτιμήτωρ)⁸ при нарушении традиций гостеприимства, или ухудшением обстановки внутри личного пространства (οἶκος) деятеля, если не предоставить τιμή родственникам. Соответственно, не проявлять уважение там, где оно ожидается, может только тот, кто не боится возможных последствий. Именно такими представлены деятели при имперфекте **τίεσκεν** / **τίεσκετο**, где суффикс -σκ- дополнительно подчеркивает намерение деятеля. М. Гагарин в своей статье, посвященной морали у Гомера, на примере конфликта Ахилла и Агамемнона показывает, что старший член в иерархии мог наделять и лишать τιμή, хотя за обделенным участником спора оставалось право защищать свои интересы [Gagarin, 1987, p. 303]. Взглянув на подлежащее при суффиксальных имперфектах, мы видим, что во всех трех случаях субъект действительно имеет право (или считает себя вправе) по своему усмотрению предоставить или безнаказанно отнять τιμή.

В первом пассаже Зевс говорит о своей благосклонности к жителям Трои: Π. 4, 46 **τάων μοι περὶ κῆρι τίεσκετο** Ἴλιος ἱρῆ / καὶ Πρίαμος καὶ λαὸς ἐϋμμελίω Πριάμοιο. / οὐ γὰρ μοί ποτε βωμὸς ἐδεύετο δαιτὸς ἔϊσης / λοιβῆς τε κνίσσης τε· τὸ γὰρ λάχομεν γέρας ἡμεῖς. — *Сердцем моим наиболее **чтима** священная Троя, / Трои владыка Приам и народ копьеносца Приама. / Там никогда мой алтарь не лишался ни жертвенных пиришеств, / ни возлияний, ни дыма: сия бо нам честь подобает.* На отенок намерения здесь может указывать и обстоятельство **περὶ κῆρι**, которое Евстафий

⁸ Об этой функции Зевса см.: [Adkins, 1972, pp. 9–10].

предлагает понимать как «περισσότερον ἐν τῇ ψυχῇ» «чрезвычайно в душе»⁹. В комментарии Керка говорится, что περὶ можно понимать как наречие «чрезвычайно», а κῆρι — как локатив, получая выражение «чрезвычайно в сердце». Второй вариант — перевести περὶ как предлог «около», тогда приблизительным значением фразы будет «глубоко в сердце» [Kirk, 1985, Vol. I, p. 335]. В любом случае, присутствие лексемы κῆρι подчеркивает волю божества.

Тем не менее, покровительство Зевса троянцам прекращается, как только под угрозой оказываются его отношения с другими божествами, в частности, с Герой. Сказав, как дорога ему Троя, Зевс в том же пассаже дает согласие на разрушение города.

В следующем примере Приам не выделяет Энея среди остальных воинов (μετ' ἀνδράσιν) несмотря на выдающуюся доблесть (ἐσθλὸν ἐόντα). Π. 13, 461 ὦδε δέ οἱ φρονέοντι δοάσσατο κέρδιον εἶναι / βῆναι ἐπ' Αἰνεΐαν· τὸν δ' ὕστατον εὔρεν ὀμίλου / ἐσταότ' αἰεὶ γὰρ Πριάμῳ ἐπεμήνιε δίῳ / οὔνεκ' ἄρ' ἐσθλὸν ἐόντα μετ' ἀνδράσιν οὐ τι τίσκεν. — *Так Деифоб размышлял, и ему показалося лучше / вызвать Энея. Нашел он героя, в дружинах последних / праздно стоящего: гнев он всегдашний питал на Приама, / ибо, храбрейшему, старец ему не оказывал чести.*

В схолиях [Scholia Graeca..., 1974, p. 492] перечисляются различные возможные причины личной неприязни Приама к Энею: 1) потому что Рея ненавидит Париса (а), 2) Приам ревнует к популярности Энея, который θεὸς ὡς τίετο δήμῳ (Π. 11, 58) (а, b), из-за чего Приам боялся притязаний Энея на царскую власть (b). Евстафий приводит еще одно объяснение¹⁰: Приам ненавидит Энея за то, что его мать Афродита внушила Парису любовь к Елене.

А. Геддес [Geddes, 1984, pp. 29–30] приводит еще один пассаж, где Ахилл подтверждает нежелание Приама наделять Энея τιμῆ: Π. 20, 181–183 ...ἦ σέ γε θυμὸς ἐμοὶ μαχέσασθαι ἀνώγει / ἐλπόμενον Τρώεσσιν ἀνάξειν ἵπποδάμοισι / τιμῆς τῆς Πριάμων; ἀτὰρ εἴ κεν ἔμ' ἐξεναρίξῃς, / οὐ τοι τοὔνεκά γε Πριάμος γέρας ἐν χερσὶ θήσει / εἰσὶν γάρ οἱ παῖδες, ὃ δ' ἔμπεδος οὐδ' ἀεσίφρων. — *Не душа ли тебя сразиться со мной увлекает / в гордой надежде,*

⁹ Eust. ad Il. I (1971), 699, 17 (443, 22).

¹⁰ Eust. ad Il. III (1979), 501, 5–10 (942, 15–20).

что ты над троянами царствовать будешь, / чести Приама наследник? Но, если б меня и сразил ты, / верно, Приам не тебе свое достояние вверит. / Есть у него сыновья; и в намереньях тверд он, незыбок.

В третьем случае речь идет о действиях женихов, на протяжении всей поэмы уверенных в своей безнаказанности. Расплата за ὕβρις¹¹ приходит в самом конце: Одиссей говорит Евриклее, за что именно они были наказаны: Od. 22, 414 τοῦσδε δὲ μοῖρ' ἐδάμασσε θεῶν καὶ σχέτλια ἔργα: / οὐ τίνα γὰρ τίεσκον ἐπιχθονίων ἀνθρώπων, / οὐ κακὸν οὐδὲ μὲν ἐσθλόν, ὅτις σφρασ εἰσαφίκοιτο — *Диев их суд поразил; от своих беззаконий погибли; / ...никого из людей земнородных, / знатный ли, низкий ли был он, уважить они не хотели.*

Хабитуальное οὐ τίεσκον дополнительно маркировано оптативом εἰσαφίκοιτο. Уточнение οὐ κακὸν οὐδὲ μὲν ἐσθλόν комментаторы трактуют по-разному: одни видят здесь обычное соблюдение баланса (Стэнфорд говорит, что в неуважении к κακόν не было ничего предосудительного, и слово употребляется здесь исключительно из-за склонности греков к противопоставлению [Stanford, 1948, Vol. 2, p. 389]), другие видят в этом «нечто большее, чем простое разделение предыдущего словосочетания ἐπιχθονίων ἀνθρώπων [Науман, 1882, p. 499], в таком случае боги карают нарушивших законы гостеприимства по отношению к просителям, находящимся под покровительством богов [Heubeck, West, Hainsworth, 2006, p. 319].

Так или иначе, в пассаже просматривается сознательное пренебрежение женихов по отношению к окружающим людям без исключения. Надо полагать, что женихи все-таки были знакомы с принятыми правилами поведения, однако в отсутствие сдерживающей силы их заносчивость зашла достаточно далеко, чтобы не заботиться о возможных последствиях как со стороны ἐσθλῶν, и покуситься на τιμή Одиссея, так и со стороны богов, которые защищают интересы просителей, в том числе из числа κακῶν.

¹¹ Именно этим словом характеризуется поведение женихов в устах поэта (Od. 4, 627; Od. 16, 410; Od. 17, 169) и персонажей: Od. 1, 368; Od. 4, 321; Od. 16, 86 (Телемах); Od. 16, 418; Od. 23, 64 (Пенелопа); Od. 15, 329; Od. 17, 581 (Евмей); Od. 17, 565; Od. 24, 352 (Одиссей).

Все три приведенных случая подтверждают, что некоторые могут не предоставлять τιμή, если последствия для них не существенны (Приам), отсутствуют вовсе (Зевс), или о них не подзревают (женихи). Суффиксальные формы τιέσκετο и τιέσκεν обозначают уважение, оказываемое произвольно божеством (II. 4, 46), правителем (II. 13, 461), людьми, уверенными в безнаказанности своих действий (Od. 22, 414 = Od. 23, 65). Хабитуальное значение имперфекта, таким образом, имеет дополнительный оттенок намерения.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских социальных терминов: пер. с фр. / общ. ред. и вступ. ст. Ю. С. Степанова. М.: Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. *Гомер.* Илиада / пер. Н. И. Гнедича; ст. и примеч. А. И. Зайцева; отв. ред. Я. М. Боровский. (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1990. 574 с.
3. *Гомер.* Одиссея / пер. В. А. Жуковского; ст. и примеч. В. Н. Ярхо; отв. ред. М. Л. Гаспаров. (Серия «Литературные памятники»). М.: Наука, 2000. 482 с.
4. *Зелинский Ф. Ф.* История античной культуры. СПб.: Марс, 1995. 380 с.
5. *Adkins A.* Honour and Punishment in the Homeric Poems // Bulletin of the Institute of Classical Studies. Vol. 7, 1. 1960. Pp. 23–32.
6. *Adkins A. W. H.* Homeric Gods and the Values of Homeric Society // The Journal of Hellenic Studies, Vol. 92 (1972). Pp. 9–10.
7. *Ameis K. F.* Anhang zu Homers Odyssee. Schulausgabe. Hft. III. Leipzig: Teubner, 1895. 162 S.
8. *Berneker E.* ξενίας γροφή // RE. Bd. IX A, 2. Stuttgart, 1967. S. 1441–1479.
9. *Brugmann K.* Die ionischen Iterativpräterita auf -σκον // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Bd. 13. Strassburg, 1902–1903. S. 267–277.
10. *Buttmann K. Ph.* Ausführliche Griechische Sprachlehre. Berlin: Mylius, 1819.
11. *Chantraine P.* La formation des noms en grec ancien. Paris: E. Champion, 1933. XVII, 473 p.
12. *Curtius G.* Vermischte Etymologien // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen / Hrsg. Th. Ruprecht, A. Kuhn. Bd. 1 (1852). Berlin. S. 25–36.

13. *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes ad fidem codicis Laurentiani aditi*, cur. Marchinus van der Valk. Leiden: Brill, T. II (1976). CXXI, 838 p.
14. *Gagarin M.* Morality in Homer // *Classical Philology*. 82 (1987). P. 285–306.
15. *Geddes A. G.* Who is who in «Homeric» Society? // *The Classical Quarterly*. New Series. Vol. 34, № 1 (1984). Pp. 29–30.
16. *Hayman H.* (ed.). *The Odyssey of Homer*. With marginal references, various readings, notes, appendices, and three facsimile plates. Vol. III. London, 1882. 614 p.
17. *Heubeck A., Hoekstra A.* *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. II. Oxford: Clarendon Press, 1990. XII, 300 p.
18. *Heubeck A., West S., Hainsworth J. B.* *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. IV. Oxford: Clarendon Press, 2006. XII, 300 p.
19. *Jasanoff J.* *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. XIV, 270 p.
20. *Kirk G. S.* *The Iliad: A Commentary*. Vol. I–III. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1985. Vol. I. XXV, 409 p.
21. *Reece S.* *The Stranger's Welcome: Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1993. 264 p.
22. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem* (Scholia vetera) / rec. H. Erbse. Vol. III. Berlin: W. de Gruyter, 1974. XXXVI, 685 p.
23. *Seymour Th. D.* *Life in the Homeric Age*. London: Macmillan, 1914. XVI, 704 p.
24. *Stanford W. B.* (ed.). *The Odyssey of Homer* / ed. W. B. Stanford. Vol. 1–2. London: Macmillan, 1948. Vol. 2. XCIV, 452 p.

REFERENCES

1. Benvenist E. *Slovar' indoevropskikh sotsial'nykh terminov* [Dictionary of Indo-European Social Terms], per. s fr., obshch. red. i vstup. st. Iu.S. Stepanova [transl. from French, executive ed. and introductory chapter by Yu.S. Stepanov]. Moscow, Progress-Univers Publ., 1995. 456 s.
2. Homer. *Iliada* [The Iliad], per. N.I. Gnedicha; st. i primech. A.I. Zaitseva; otv. red. Ia.M. Borovskii. (Seriia «Literaturnye pamiatniki») [transl. by N.I. Gnedich, executive ed. Ya.M. Borovskiy. Literary Masterpieces Series]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 574 s.
3. Homer. *Odisseia* [The Odyssey], per. V. A. Zhukovskogo; st. i primech. V.N. Yarkho; otv. red. M.L. Gasparov. (Seriia «Literaturnye pamiatniki») [transl. by V.A. Zhukovsky, introductory article and notes by V.N. Yarkho, executive ed. M.L. Gasparov]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 482 s.

4. Zelinskii F.F. *Istoriia antichnoi kul'tury* [History of Classical Culture]. Saint Petersburg, Mars Publ., 1995. 380 s.
5. Adkins A. Honour and Punishment in the Homeric Poems. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. Vol. 7, 1. 1960. Pp. 23–32.
6. Adkins A.W.H. Homeric Gods and the Values of Homeric Society. *The Journal of Hellenic Studies*, Vol. 92 (1972). Pp. 9–10.
7. Ameis K.F. *Anhang zu Homers Odyssee*. Schulausgabe. Hft. III. Leipzig, Teubner, 1895. 162 S.
8. Berneker E. ξενίας γραφή. *RE*. Bd. IX A, 2. Stuttgart, 1967. 1441–1479 S.
9. Brugmann K. Die ionischen Iterativpräterita auf -σκον. *Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für indogermanische Sprach- und Altertumskunde*. Bd. 13. Strassburg, 1902–1903. S. 267–277.
10. Buttmann K.Ph. *Ausführliche Griechische Sprachlehre*. Berlin, Mylius, 1819.
11. Chantraine P. *La formation des noms en grec ancien*. Paris, E. Champion, 1933. XXVII, 473 s.
12. Curtius G. Vermischte Etymologien. *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete des Deutschen, Griechischen und Lateinischen*. Hrsg. Ruprecht Th., Kuhn A. Bd. 1 (1852). Berlin. S. 25–36.
13. *Eustathii archiepiscopi Thessalonicensis commentarii ad Homeri Iliadem pertinentes ad fidem codicis Laurentiani aditi*, cur. Marchinus van der Valk. Leiden. Brill, T. II (1976). CXXI, 838 p.
14. Gagarin M. Morality in Homer. *Classical Philology*. 82 (1987). P. 285–306.
15. Geddes A. G. Who is who in «Homeric» Society? *The Classical Quarterly. New Series*. Vol. 34, № 1 (1984). Pp. 29–30.
16. Heubeck A., Hoekstra A. *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. II. Oxford, Clarendon Press, 1990. XII, 300 p.
17. Heubeck A., West S., Hainsworth J.B. *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. IV. Oxford, Clarendon Press, 2006. XII, 300 p.
18. Jasanoff J. *Hittite and the Indo-European Verb*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2003. XIV, 270 p.
19. Kirk G.S. *The Iliad: A Commentary*. Vol. I–III. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1985. Vol. I. XXV, 409 p.
20. Reece S. *The Stranger's Welcome: Oral Theory and the Aesthetics of the Homeric Hospitality Scene*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 1993. 264 p.
21. *Scholia Graeca in Homeri Iliadem* (Scholia vetera), rec. H. Erbse. Vol. III. Berlin, W. de Gruyter, 1974. XXXVI, 685 p.
22. Seymour Th.D. *Life in the Homeric Age*. London, Macmillan, 1914. XVI, 704 p.

23. *The Odyssey of Homer*, ed. W.B. Stanford. Vol. 1–2. London, Macmillan, 1948. Vol. 2. XCIV, 452 p.
24. *The Odyssey of Homer*. With marginal references, various readings, notes, appendices, and three facsimile plates, ed. H. Hayman. Vol. III. London, 1882. 614 p.
-

Дмитриева Софья Игоревна

Младший научный сотрудник Института лингвистических исследований
Российской Академии наук.

Sofya Dmitrieva

Junior Researcher at the Institute of Linguistic Research
of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: s.i.dmitrieva@gmail.com

К СЕМАНТИКЕ *χαροπός* В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: История древнегреческого языка, Гомер, реминисценции, цветообозначения, цвет глаз, *χαροπός*.

В статье рассматривается история семантического развития прилагательного *χαροπός* в древнегреческом языке. У Гомера оно засвидетельствовано всего один раз в качестве постоянного эпитета львов (Hom. Od. XI, 611). Автор высказывает предположение, что в прозаическом языке V в. до н. э. в результате переосмысления гомеровской формулы *χαροποί τε λέοντες* прилагательное *χαροπός* получает значение «светло-коричневый» благодаря ассоциации со львами.

Е. А. DRUZHININA

St. Petersburg State University

ON THE MEANING OF GREEK *χαροπός*

Keywords: history of Greek, Homer, colour terms, eye colour, allusions, *χαροπός*.

The article deals with semantic development of Greek *χαροπός*. It is attested in Homeric poetry only once as an epithet of lions. The exact meaning is therefore uncertain. It is suggested in the paper, that originally it was not a colour term. The author of the article argues, that *χαροπός* being influenced by Homeric usage was reconsidered and became colour term meaning light brown. The process took place in Greek prose of 5th century.

В статье речь пойдет о семантике прилагательного *χαροπός*. По поводу значения этого слова нет единого мнения. Еще в конце XIX в. Эдмонд Феккенштедт, желая опровергнуть теорию Гладстона о цветовой слепоте греков, относил прилагательное *χαροπός* к числу древнейших обозначений для сине-голубого оттенка [Veckenstedt, 1888, S. 147]. Питер Максвелл-Стюарт, посвятивший этому слову специальную монографию, пришел к выводу,

что *χαροπός* означает «светло-коричневый» [Maxwell-Stuart, 1981]. Впрочем, некоторые исследователи цветовой лексики древнегреческого языка исключали *χαροπός* из числа цветообозначений: Элис Кобер считала, что *χαροπός* означает «яркий» [Kober, 1932, p. 78]; Гельмут Дюрбек предполагал, что *χαροπός* означает «взъерошенный» [Dürbeck, 1977, S. 247. Anm. 617]; наконец, Йоахим Латач постулировал для *χαροπός* значение «яростный» [Latacz, 1966, S. 41].

Трудность истолкования *χαροπός*, очевидно, объясняется тем, что в гомеровских поэмах *χαροπός* выступает как формульный эпитет львов и засвидетельствовано лишь один раз. Выводы Латача были основаны на этимологии, сближающей *χαροπός* с *χαίρω*, а выводы Максвелла-Стюарта и Феккенштедта — на более поздних прозаических примерах. Рассмотрим употребление этого прилагательного в хронологической последовательности.

1. Употребление *χαροπός* у Гомера и в эпической традиции

Как уже было отмечено, у Гомера *χαροπός* засвидетельствовано всего один раз в качестве эпитета львов (Hom. Od. XI, 611). В этом пассаже описывается ремень Геракла, на котором были изображены различные дикие животные: медведи, кабаны и львы, именуемые *χαροποί*. Соседство эпитетов *ἄγρότεροι* и *χαροποί* позволяет комментаторам понимать их как синонимы. Фолькер Ланггольф, руководствуясь подобными соображениями и безоговорочно доверяя выводам Латача по поводу семантики *χαίρω*, приходит к выводу, что в данном случае *χαροπός* означает «дикий», буквально «с жадным взглядом»¹. Решительно отвергая «цветовое толкование», Ланггольф ссылается на имена собственные *Χάρωψ*, *Χάροπος* и *ka-ro-qo*; по его мнению, личные имена весьма редко образуются от цветообозначений.

Напротив, Максвелл-Стюарт считает, что *χαροπός* буквально означает «со светло-коричневыми глазами». К такому выводу автора подталкивает употребление *χαροπός* в прозаическом языке

¹ LfrgE, s. v.

классического периода, а также санскр. параллель (hari, толкуемое им как «желтый»). Так же считает и Вальтер Пёчер, который обосновывает свой вывод аристотелевской классификацией глаз по цвету [Pötscher, 1995, S. 113–114]².

По нашему мнению, ни один из приведенных аргументов не является решающим. Если χαροπός — древний формульный эпитет, который встречается один раз, то общий контекст и, в частности, эпитет ἀγρότεροι, кажется, не могут определить значения χαροπός. Еще менее убедительной представляется аргументация Максвелла-Стюарта и Пёчера, основанная на прозаическом употреблении χαροπός в литературе IV в. до н. э.

Пессимизм в отношении первичного значения χαροπός разделяют и комментаторы «Одиссеи» Хойбек и Хукстра. Они признают, что этот эпитет пока не получил удовлетворительного объяснения и предлагают для χαροπός третье толкование: «с косматой гривой», которое, впрочем никакими соображениями не подкрепляется [Heubeck, Hoekstra, 1989, p. 115].

Пассаж из «Одиссеи» оказал влияние на последующую эпическую традицию. В похожем контексте прилагательное χαροπός зафиксировано и в «Щите», приписываемом Гесиоду (ст. 177), в гимне к Гермесу (ст. 569: χαροποῖσι λέουσι καὶ ἀργιόδοуси σύεσσι), в гимне к Афродите (ст. 70–71: πολιοί τε λύκοι χαροποί τε λέοντες / ἄρκτοι παρδάλιές τε θοαὶ προκάδων ἀκόρητοι), где кроме львов упоминаются также серые волки, медведи и леопарды. В «Теогонии» (ст. 321: μία μὲν χαροποῖο λέοντος, ἦ δ...) χαροπός λέων упоминается при описании трех голов ужасной Химеры в одном ряду с козой и страшным драконом. Во всех этих примерах χαροπός выступает как устойчивый эпитет льва. Исключение составляет пассаж из гимна к Гермесу (ст. 193–194: ὁ δὲ ταῦρος ἐβόσκετο μόνος ἀπ' ἄλλων / κυάνεος· χαροποὶ δὲ κύνες κατόπισθεν ἔποντο), где χαροπός является эпитетом собаки. Возможно, соседство χαροπός и κυάνεος в этом пассаже способствовало тому, что впоследствии эпитету льва χαροπός традиция стала приписывать цветное значение. Соседство χαροπός с цветowymi эпитетами

² Подробнее аргументация Пёчера изложена в специальной статье: [Pötscher, 1995, S. 219–226].

обнаруживается и в двух других местах (loc. cit.: *H. Merc.* 569: *χαροποῖσι* λέουσι καὶ ἀργιόδοσι σύεσσι, *H. Ven.* 70: *πολιοί* τε λύκοι *χαροποί* τε λέοντες). Впрочем, мы не можем утверждать, что в гомеровских гимнах *χαροπός* имело цветное значение. В подавляющем числе примеров *χαροπός* является эпитетом львов, один раз — собаки, и один раз даже — Ареса (IG 42. 131. 12). И собакам и львам и, тем более, Аресу подходил бы эпитет «со стремительным взором», который скорее указывал на их грозность, чем на цвет глаз.

Итак, материал гимнов не позволяет нам прояснить, что вкладывали в *χαροπός* их авторы.

Таким образом, контекстуальный анализ, как нам представляется, не дает ответа на вопрос, что означает *χαροπός* у Гомера и в эпической традиции.

2. Этимология

Обычно происхождение *χαροπός* связывают с корнем *khar-* (*χαίρω*) и *-ор*³. П. Шантрэн указывает, что вторая часть композита необязательно могла восходить к корню *-ор-*, так как в других композитах, где данный корень засвидетельствован надежно, он дает долгое, а не краткое «о» (е. г. *ἀγριωπός*) [Chantraine, T. IV, 2, p. 1243]⁴. Впрочем, Риш [Risch, 1937, 63, b] и Камптц [Kamptz, 1982, S. 139] все-таки связывают *χαροπός* с корнем *-ор-*.

Соотнося первую часть композита с существительным *χαρά*, которое он считал синонимом *χάρμη*, Бехтель переводил *χαροπός* как «со взором, радостным от борьбы» [Bechtel, 1914, S. 332]⁵. Латач, исследуя слова с корнем *khar-* в языке Гомера, сопоставляя, в частности, прилагательное *χαροπός* с существительным *χάρμη* (в котором он усматривает идею не столько «радости от борьбы»,

³ Этой этимологии следуют Ф. Зоммер [Sommer, 1948, S. 120] и П. Перссон [Persson, 1912, S. 129].

⁴ Сомнения по поводу второй части высказывает и Э. Хандшур [Handschr, 1968, S. 95].

⁵ Так же понимает и Г. фон Камптц [Kamptz, 1982, S. 139]. В таком духе понимал еще Л. Додерлейн ([Homerisches Glossarium, 1850, S. 255]: «kampflustig aussehend»). Так же понимает и Д. Георгакас [Georgacas, 1957, p. 189].

сколько «стремительности», которая должна привести к победе), приходит к выводу, что *χαροτός* первоначально означало «с жадным, стремительным взглядом» [Latacz, 1966, S. 41].

Возражая Латачу, Г. Дюрбек предположил, что *χαροτός* следует связывать с индоевропейским корнем *gher-, выражающим идею «неровности» и представленным в греч. *χῆρ* и лат. *er, eris* (ёж) [Dürbeck, 1977, S. 247. Anm. 617]. Аргументация Дюрбека строится следующим образом. Во-первых, проводится параллель между *χαροτός* и *χάρων*⁶ и убедительно доказывается, что *χαροτοί τε λέοντες* могло возникнуть вместо выражения *χάρωνές τε λέοντες*, которое не уложилось бы в клаузулу гекзаметрической строки. Во-вторых, постулируется, что *χάρων* связано с корнем *gher-, а не *khar-. Последнее утверждение отчасти обосновывается некоторыми примерами из римской поэзии, в которых Харон называется «косматым» (*horridus*: Verg. Aen. VI, 298. Sen. Herc. Fur. 768 sqq.). На наш взгляд, второе утверждение (то есть соотнесение *χάρων* и *gher-) требует дополнительных доказательств и разъяснений⁷. *Χάρων* как имя собственное засвидетельствовано в греческой литературе только начиная с Еврипида и Аристофана (Eur. Alc. 254, 361; Aristoph. Ran. 184). Наричательное имя *χάρων* появляется лишь в эллинистической поэзии, где из эпитета льва превращается в своеобразное его обозначение⁸ (Euphor. fr. 84, 4 Powell, Lycophr. Al. 455 Scheer, cf. Call. fr. 339 Pfeiffer). Так как это слово позднее и поэтическое, предположения о первоначальном его значении и связи с корнем *gher- остаются гадательными и ненадежными. Таким образом, сопоставление *χαροτός* с *χάρων* не дают отчетливого представления о семантике *χαροτός*.

Засвидетельствованное в линейном письме личное имя ka-ro-qa [Evans, Myres, 1952, p. 1], а также имена *Χάροψ* и *Χάροπος*

⁶ На связь имени *Χάρων* и эпитета львов *χαροτός* указывал еще Виламовиц [Wilamowitz-Moellendorff, 1931, S. 315]. Впрочем, из его перевода «finsterblickend» трудно вывести отчетливое представление о значении корня *khar-*, объединяющего эти слова.

⁷ Ср. шутку в «Лягушках» (Aristoph. Ran. 184) *χαῖρ' ὦ Χάρων*, построенную на этимологизации имени *Χάρων*. Такой же стих засвидетельствован в сатировой драме Ахея «Эгон» (Ach. fr. 11 Nauck).

⁸ Ср. заметку Гезихия, объясняющего этимологию *χάρων* через *χαροτός*: *χάρων — ὁ λέων, ἀπὸ τῆς χαροπότητος*.

(II, II, 672; XI, 426), кажется, тоже не проясняют исходного значения *χαροπός*. Максвелл-Стюарт, желая видеть в *χαροπός* только лишь цветообозначение «коричневый», сближает имя *ka-ro-qo* с санскритским прилагательным *hari*, означающим, по его мнению, «желтый» [Maxwell-Stuart, 1981, p. 67. N. 17] и обладающим сходным с *χαροπός* набором денотатов.

Решить вопрос о значении *χαροπός* исходя только из предположений о его этимологии представляется нам невозможным. Вероятно, более полезным может оказаться обзор употреблений *χαροπός* в последующей литературной традиции.

3. *χαροπός* в поэзии V в. до н. э.

В поэзии V в. до н. э. *χαροπός* засвидетельствовано всего дважды. У Софокла так названы дикие звери (Phil. 1146). Филоклет, сетуя на свою беспомощность, говорит им, что теперь они могут напасть на него и съесть — защититься от диких зверей ему нечем. В таком контексте значение «дикий» или «жадный», постулируемое Латачем для *χαροπός*, очень подходит. Можно говорить о том, что Софокл употребил этот эпитет в духе Гомера и Гесиода, у которых *χαροπός* является эпитетом грозных львов.

У Аристофана *χαροπός* употребляется по отношению к обезьянам (Pax 1065). Максвелл-Стюарт полагает, что Аристофан имел в виду цвет обезьяньей шкуры, а не глаз [Maxwell-Stuart, 1981, p. 30]⁹. Представляется, однако, что Аристофан употребил здесь редкое эпическое слово по другим причинам. Появление выражения *χαροπὸι πίθηκοι* вместо ожидаемого эпического *χαροπὸι λέοντες* создает комический эффект (прием *παρὰ προσδοκίαν*). Таким образом, в этом примере нельзя усматривать цветовое значение.

Данные примеры показывают, что в поэзии классического периода *χαροπός* употреблялось в духе Гомера и, вероятно, воспринималось как эпическое.

⁹ Попытки идентификации Аристофановых мартышек с неким видом обезьян, обладающих светло-коричневой спиной, которые именуются зоологами *Macaca Sylvana*, не внушают доверия, а скорее вызывают улыбку.

4. χαροπός в прозе V–IV вв. до н. э.

В прозаическом языке V–IV вв. χαροπός засвидетельствовано в сочинении Ксенофонта «Об охоте», в Гиппократовском и Аристотелевском корпусе.

а) Гиппократ и Аристотель: χαροπόν — симптом болезни или признак благородства?

В Гиппократовском корпусе χαροπός засвидетельствовано трижды (Epid. III, 3, 96, 4 Littré = III, 14 Jones (p. 254), II, 5, 128; 5, 132). В отрывке из третьей книги «Эпидемий», где речь идет о признаках истощения, τὸ χαροπόν упоминается наряду с такими симптомами болезненного состояния, как гладкая белая кожа с красноватыми пятнами и торчащие лопатки (Epid. III, 14 Jones: Εἶδος δὲ τῶν φθινόμενων ἦν τὸ λεῖον, τὸ ὑπόλευκον, τὸ φακῶδες, ὑτέρυθρον, τὸ χαροπόν, λευκοφλεγματῖαι, πτερυγῶδες).

П. Максвелл-Стюарт с уверенностью пишет о том, что χαροπός, являясь отличительной приметой глаз больного человека, должно означать «светло-коричневый» [Maxwell-Stuart, 1981, pp. 14–15]. По мнению Джонса, невозможно решить, что имеется в виду под χαροπόν: блеск глаз или их серо-голубой оттенок [Hippocrates, 1923, p. 254]. Ф. Лангольф, кажется, склоняется к значению «серо-голубой» [Langholf, 1990, p. 200].

В двух других местах Гиппократовского корпуса χαροπός употреблено в похожем контексте. В одном случае речь идет о категориях людей, склонных к водянке: здесь таковыми оказываются χαροποί, а также те, у кого рыжие волосы или острый нос (II, 5, 1 = 5, 128 Littré: ὕδρωπιῶδεις χαροποί, πυρροί, ὀξύρρινες, ἦν μὴ φαλακροί ἔωσιν). Очевидно, в этом месте χαροπός тоже характеризует глаза. Однако если в третьей книге «Эпидемий» χαροπός является симптомом болезни и потому может указывать лишь на болезненный блеск глаз, то здесь, очевидно, речь идет лишь о склонности к водянке разных категорий людей. Вероятно, в этом месте прилагательное χαροπός должно обозначать определенный цвет глаз. Насколько мы можем судить по переводам «Эпидемий»¹⁰, традиционно считается, что здесь χαροπός обозначает серо-голубоватый оттенок глаз. Возможно, такое толкование основано лишь

¹⁰ Так, по крайней мере, переводит Уэсли Д. Смит в издании: [Hippocrates, 1994, p. 81].

на том, что в этом месте *χαροπός* стоит рядом с *πυρρός*. Общеизвестно, что в большинстве случаев (хотя и не всегда) у людей с рыжими волосами бывают серые или серо-голубые глаза. Это обстоятельство не осталось незамеченным в древности: Ксенофан называет рыжими и голубоглазыми фракийцев (fr. 14 Diels), Геродот — будинов (Hist. IV, 108); упоминания о рыжих и одновременно голубоглазых рабах засвидетельствованы и в некоторых папирусах (Pap. Petrie, III, 4, 120; Pap. Cair. Zen. 59, 76, 10). Однако во всех случаях, когда речь идет о цвете глаз людей с рыжими волосами, серо-голубоватый оттенок передается при помощи прилагательного *γλαυκός*¹¹. Странно было бы предполагать, что автор второй книги «Эпидемий», который, скорее всего, был практикующим врачом, употребляет для обозначения серо-голубого цвета глаз редкое поэтическое *χαροπός*, в то время как в современном ему обиходе существовало прилагательное *γλαυκός* с тем же значением. С нашей точки зрения, то обстоятельство, что *χαροπός* оказалось в этом тексте рядом с *πυρρός*, не свидетельствует о том, что *χαροπός* обязательно должно означать «серо-голубой», ведь автор здесь перечисляет категории людей, имеющих склонность к болезни. Вполне вероятно, что *χαροπός* и *πυρρός* относятся к разным людям: то есть водянкой могут заболеть и те, у кого рыжие волосы, и те, у которых глаза именуются *χαροποί*, и те, у кого острый нос. При таком понимании, *χαροπός* может указывать не на серо-голубой цвет глаз, а, напротив, на светло-коричневый.

Наконец, третье употребление *χαροπός* в «Эпидемиях» тоже не исключает значения «светло-коричневый» (Epid. 6, 1 Smith = 5, 132 Littré). В этом пассаже речь идет о приметах человека с хорошим характером, среди которых высокий рост и маленькая голова:

μεγάλη κεφαλή, ὄφθαλμοι μέλανες καὶ μεγάλοι, ῥίς παχείη καὶ
σιμή, ἐσθλοί.

Χαροποί, μεγάλοι <...>¹² αὔχην λεπτός, στήθεα στενά, εὐάρμοστοι.

¹¹ Тот факт, что *γλαυκός* применительно к глазам, означает серо-голубой, обычно не подвергают сомнению. Подробнее об этом см.: [Maxwell-Stuart, 1981, passim; Chantraine, 1966, p. 194; Pötscher, 1998, S. 107–108; Pötscher, 1995, S. 222; Дружинина, 2008, с. 58].

¹² Смит предполагает здесь лакуну исходя из арабского перевода Галена: «Wenn das Auge in reines Graublau sticht, der Kopf gross, der Hals kurz, das Brustbein weit ist, festzornig» [Hippocrates, 1994, p. 80].

Впрочем, контекст этого отрывка не дает возможности определить, какой цвет глаз обозначает здесь прилагательное *χαροπός*. По крайней мере, можно предположить, что это цвет, не противоположный черному, — ведь характеры людей, обладающих черными глазами, и людей, глаза которых названы *χαροποί*, определяются положительно: первые оказываются *ἔσθλοί*, а вторые — *εὐάρμοστοι*. Если бы под *χαροπός* автор имел в виду серо-голубой оттенок глаз и таким образом *μέλας* было бы противопоставлено *χαροπός*, можно было бы ожидать, что и характеры этих людей должны быть различны. Между тем если допустить, что здесь имеются в виду не серо-голубые, а карие глаза, все встанет на свои места: перечисленные цвета глаз окажутся «смежными», так же как и упоминаемые характеры.

Таким образом, *χαροπός* в «Эпидемиях» может характеризовать глаза как больного, так и здорового человека. В примере из третьей книги (*Epid.* III, 14 Jones) *χαροπός* может и не указывать на цвет глаз. При описании симптомов болезни автор «Эпидемий» мог иметь в виду только лишь болезненный блеск глаз. Однако в примерах из второй книги (*Epid.* II, 5, 1; 6, 1 Smith) *χαροπός*, вероятно, является цветообозначением¹³. На наш взгляд, *χαροπός* в обоих случаях указывает не на серо-голубой, а на коричневый оттенок.

У Аристотеля прилагательное *χαροπός* появляется только там, где говорится о том, какого цвета бывают глаза. Например, в сочинении «О происхождении животных» мы находим классификацию глаз, по которой одни глаза называются *γλαυκοί*, другие — *χαροποί*, третьи — *αἰγωποί*, четвертые — *μελανόφθαλμοι* (*Arist. De gen. anim.* 779 a, 34 — b 1):

τὰ δὲ τῶν ἀνθρώπων ὄμματα πολύχροα συμβέβηκεν εἶναι καὶ γὰρ γλαυκοὶ καὶ χαροποί καὶ μελανόφθαλμοι τινές εἰσίν, οἱ δ' αἰγωποί.

¹³ Тот факт, что одно и то же слово в разных книгах употребляется в разных значениях, в данном случае не должен нас смущать. Как указывает Ж. Жуана, хотя II и III книги формально относятся к одному сочинению, скорее всего, они были написаны разными авторами в разное время: I и III книги датируются 410-ми годами и, возможно, принадлежат перу самого Гиппократу, а II книга датируется концом V в. — началом IV в. и, вероятно, была написана каким-то из его учеников [Жуана, 1997, с. 422, 424].

Те же прилагательные появляются и в других местах, где говорится о различных цветах глаз (De gen. anim. 779 b, 12–15, Hist. anim. 492 a, 2–4).

Какой же цвет глаз обозначается прилагательным *χαροπός*? Судя по тому, что *χαροπός* почти во всех примерах противопоставлено *γλαυκός*, кажется очевидным, что *χαροπός* не может указывать на серо-голубой оттенок глаз, так как именно этот оттенок обозначается прилагательным *γλαυκός*. Тем не менее, так обычно его и понимают¹⁴.

В. Капелле, пытаясь объяснить оппозицию *χαροπόν* — *γλαυκόν* у Аристотеля, предположил, что *γλαυκόν* означает «синий», а *χαροπόν* — «голубой»¹⁵. Однако темно-синих глаз, кажется, у человека не бывает. По крайней мере, глаза младенцев, которые Аристотель характеризует как *γλαυκά*, обычно бывают серо-голубыми, а не темно-синими (De gen. anim. 779 a: *γλαυκότερα δὲ τὰ ὄμματα τῶν παιδίων εὐθὺς γενομένων ἐστὶ πάντων*).

С нашей точки зрения, прилагательное *χαροπός* у Аристотеля должно означать тот или иной оттенок коричневого цвета. Во-первых, это довольно распространенный цвет человеческих глаз, особенно в Средиземноморье: было бы странным, если бы в классификации цветов глаз самый распространенный цвет отсутствовал. Во-вторых, к такому выводу подталкивает следующее рассуждение, приведенное в сочинении «Физиогномика», которое традиция приписывает Аристотелю (Ps.-Arist. Physiogn. 812 a, 37 sqq.):

Οἷς δὲ ὀφθαλμοὶ ἄγαν μέλανες, δειλοὶ <...> οἷς δὲ μὴ ἄγαν μέλανες ἀλλὰ κλίνοντες πρὸς τὸ ξανθὸν χρῶμα εὐψυχοί. Οἷς δὲ οἷ ὀφθαλμοὶ γλαυκοὶ ἢ λευκοὶ, δειλοὶ <...> οἷς δὲ μὴ γλαυκοὶ ἀλλὰ χαροποὶ εὐψυχοί. ἀναφέρεται ἐπὶ λέοντα καὶ ἀετόν.

¹⁴ Так например, переводит *χαροπός* П. Луи [Aristote, 1961. Ad De Gen. Anim. 779 b, 14 sqq.] и Ж. Трико [Tricot, 1957. Ad Hist. Anim. 492 a, 2 sqq.] Обзор переводов см. в статье: [Pötscher, 1995, S. 219–220].

¹⁵ [Capelle, 1958, S. 35–36]. Интересно, что в таком духе объяснял отличие между оттенками, выражаемыми прилагательными *γλαυκός* и *χαροπός*, еще Э. Феккенштедт. Впрочем, у него картина была диаметрально противоположна: прилагательное *χαροπός* означало более темный оттенок, а *γλαυκός* — более светлый [Veckenstedt, 1888, S. 147].

Таким образом, трусливыми оказываются те, у кого черные или, наоборот, светлые или голубые глаза, а смелыми, те, у кого глаза не черные, а карие или желтые, какие бывают у львов и орлов.

Подводя итог, можно сказать, что в медико-физиогномической традиции *χαροπός* означало не «серо-голубой», а «светло-коричневый».

б) Ксенофонт: *χαροπόν* — примета зайцев и собак

У Ксенофонта (*ὕπο*)*χαροπός* употребляется по отношению к глазам зайцев (Хен. Сун. V, 23) и собак (III, 3). Максвелл-Стюарт заключает, что и в том и другом случае *χαροπός* указывает на светло-коричневый оттенок их глаз, потому что Ксенофонт, будучи хорошим охотником, прекрасно знал, как выглядели собаки и зайцы и какие у них были глаза [Maxwell-Stuart, 1981, Vol. 2, p. 58]¹⁶. В третьей книге сочинения «Об охоте», где речь идет о собаках, Ксенофонт перечисляет различные качества собак, мешающие успешно охотиться (Хен. Сун. III, 3):

αἱ μὲν οὖν μικραὶ πολλακίς ἀποστεροῦνται τῆς ἐργασίας διὰ τὸ μικρόν· αἱ δὲ γρυπαὶ ἄστομοι καὶ διὰ τοῦτο οὐ κατέχουσι τὸν λαγῶ· <αἱ> χαροποὶ δὲ καὶ μυωποὶ χεῖρω τὰ ὄμματα ἔχουσιν.

Как видим, собаки, названные *χαροποί*, не годны к охоте из-за плохого зрения. Кажется очевидным, что *χαροπός* здесь характеризует их глаза и, возможно, (хотя и необязательно) их цвет. В другом месте (*ὕπο*)*χαροπός* употребляется Ксенофонтом по отношению к зайцам (Хен. Сун. V, 23):

τὴν δὲ οὐρανὸν οἱ μὲν κύκλω περιποΐκλον, οἱ δὲ παράσειρον, καὶ τὰ ὄμματα οἱ μὲν χαροποί, οἱ δ' ὑπόγλαυκοι· καὶ τὰ μέλανα τὰ περὶ τὰ ὄτα ἄκρα οἱ μὲν ἐπὶ πολὺ, οἱ δ' ἐπὶ μικρόν.

¹⁶ По мнению Максвелла-Стюарта, *χαροπός* применительно к собакам могло указывать и на цвет их шкуры, но употребление *χαροπός* применительно к цвету глаз в том же сочинении убеждает автора в том, что и в случае с собаками *χαροπός* означает «с карими глазами». На наш взгляд, в аргументации и дополнительном рассмотрении нуждается другой вопрос, который обходит Максвелл-Стюарт: является ли *χαροπός* и в том и в другом случае цветообозначением или указывает на другую примету?

Этот пассаж позволяет заключить, что *χαροπός* применительно к глазам означает «светло-коричневый». В пользу такого предположения можно выдвинуть несколько аргументов. (1) В описании внешнего облика зайцев было бы естественно указать на цвет их глаз, если указаны цвета других частей тела. Иначе говоря, *περιτοίκιον* и *μέλανα* наводят на мысль, что *χαροπός* тоже употреблено как цветообозначение. (2) Кроме того, *χαροπί* прямо противопоставлено *ὑπόγλαυκοί*, что, кажется, исключает популярный вариант перевода, предлагаемый, в частности, LSJ и в некоторых изданиях Ксенофонта¹⁷. Соотнесение со светло-коричневым цветом не является для *χαροπός* общепринятым¹⁸, однако в его пользу говорят также и свидетельства Аристотеля, который приводит классификацию человеческих глаз по цвету и противопоставляет *γλαυκός* и *χαροπός*. Таким образом, мы приходим к выводу, что у Ксенофонта употребление *χαροπός* применительно к глазам животных примыкает к медико-физиогномической традиции.

Таким образом, в прозаическом языке V–IV вв. до н. э. прилагательное *χαροπός* употребляется как обозначение светло-коричневого оттенка глаз. В. Пёчер считал, что в таком духе оно употреблялось и у Гомера [Pötscher, 1995, S. 223–223]. На наш взгляд, цветовое значение было сугубо прозаическим. Как мы могли убедиться, в поэзии V в. до н. э. это слово ни с каким цветом не соотносилось. Приблизительно в один и тот же период в поэтическом языке редкое эпическое прилагательное сохраняло и первоначальное значение, и стилистическую окраску, а в прозаическом — было переосмыслено и в итоге получило цветовое значение.

Очевидно, процесс протекал в два этапа. Сначала в медицинском языке слово *χαροπός* стало означать признак глаз (Epid. III, 14).

¹⁷ Так, в переводе Марченга *ὑποχαροπός* в Сун. 5, 23 передается англ. blue, а *ὑπογλαυκός* — grey [Xenophon, 1968, p. 395], в переводе Дельбека *ὑποχαροπός* — bleu clair, *ὑπογλαυκός* — verdâtre [Xenophon, 1970, p. 68].

¹⁸ Например, LSJ дает как для *ὑποχαροπός*, (Xen. Сун. 5, 23), так и для *χαροπός*, употребленного Ксенофонтом по отношению к собакам (ibid. 3, 3), значение «голубоглазый» (LSJ, s. v. *ὑποχαροπός* blue-eyed, s. v. *χαροπός*, 3, bluish-grey eyed).

К подобному переосмыслению подталкивал корень -ор-. Затем появилось цветное значение: прилагательное *χαροπός*, ассоциируясь со львами, оказалось связанным с коричневым цветом¹⁹.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дружинина Е. А. К семантике *γλαυκός* в древнегреческом языке // Вестник СПбГУ. 2008. Сер. 9. Вып. 3. Ч. 2. С. 56–62.
2. Жуана Ж. Гиппократ. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. 457 с.
3. *Aristote. De la génération des animaux*. Par P. Louis. Paris: Les Belles Lettres, 1961. XXVI, 231 p.
4. *Bechtel F. Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung Homerischer Wörter*. Halle: Niemeyer, 1914. 341 S.
5. *Chantraine P. Grec γλαυκός, Γλαῦκος et mycénien "Karauko"*. Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à J. Carcopino. Paris, Hachette, 1966. Pp. 193–203.
6. *Chantraine P. Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. IV, 2. Paris: Klincksieck, 1968–1980.
7. *Capelle W. Farbenbezeichnungen bei Theophrast* // *Rheinisches Museum*. 1958. Bd 100. S. 1–41.
8. *Dürbeck H. Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen*. Bonn: Habelt, 1977. X, 321 S.
9. *Evans A. J., Myres J. L. Scripta Minoa*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1952. VIII, 257 p.
10. *Georgacas D. J. A Contribution to Greek word history, derivation and etymology* // *Glotta*. 1957. Vol. 36. Pp. 161–193.
11. *Heubeck A., Hoekstra A. A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. 2. Oxford: Clarendon Press, 1990. XII, 300 p.
12. *Hippocrates*, with an English transl. by W. H. S. Jones. Vol. 1. Cambridge; London: Harvard University Press, 1923. LXIX, 361 p.
13. *Hippocrates*. Vol. 7, edit. and transl. by Wesley D. Smith. Cambridge; London: Harvard University Press, 1994. 424 p.

¹⁹ Любопытно, что приблизительно такое же понимание языкового процесса обнаруживается и у Галена. (Gal. In Hipp. Libr. II, 17 a, p. 724 Kuhn: εἰ τοὺς χαροπὸς λεγομένους ὀφθαλμοὺς ὁποῖοί τινές εἰσιν ἐννοῆσαι χρή, τῶν ὑπὸ τοῦ ποιητοῦ γεγραμμένων ἀναμνησθέντες, ἔνθα φησὶν "ἄρκτοι τ' ἀγρότεροι τε σύες χαροποί τε λέοντες", εἶτα θεασάμενοι πολλοὺς λέοντας οὕτω παράθεσθε τῇ μνήμῃ τὸ χρώματῶν ὀφθαλμῶν, ὡς ἐπ' ἀνθρώπων ἰδόντα δύνασθαι ραδίως γνωρίσαι, κάπειδ' ἀν φαίνωνται καὶ αὐτοὶ τοιοῦτοι.)

14. *Handschur E.* Farb- und Glanzwörter bei Homer und Hesiod, in den homerischen Hymnen und den Fragmenten des epischen Kyklos. Diss. Wien, 1968. IV, 230 S.
15. *Homerisches Glossarium* / von Ludwig Döderlein. Bd 1. Erlangen: Enke, 1850. XIV, 260 S.
16. *Kober A.* The Use of Color Terms in the Greek Poets. New York: Humphrey Press, 1932. VIII, 122 p.
17. *Kamptz H. von.* Homerische Personennamen: sprachliche und historische Klassifikation. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. XXVI, 388 S.
18. *Langholf V.* Medical Theories in Hippocrates. Early Texts and the "Epidemics". New York; Berlin: W. de Gruyter, 1990. 285 p.
19. *Latacz J.* Zum Wortfeld "Freude" in der Sprache Homers. Heidelberg: Winter, 1966. 243 S.
20. *Maxwell-Stuart P. G.* Studies in Greek Colour Terminology. Vol. 1: ΓΛΑΥΚΟΣ. Leiden: Brill, 1981. X, 254 p.
21. *Maxwell-Stuart P. G.* Studies in Greek Colour Terminology. Vol. 2: ΧΑΡΟΠΙΟΣ. Leiden: Brill, 1981. IX, 100 p.
22. *Persson P.* Beiträge zur indogermanischen Wortforschung. Uppsala: Almqvist & Wiksell, 1912. Bd 1. VIII, 549 S.
23. *Pötscher W.* Γλαύκη, Γλαῦκος, und die Bedeutung von γλαυκός // Rheinisches Museum. 1998. Bd. 141, H. 2. S. 97–111.
24. *Pötscher W.* Der Sinn γλαυκῶων in der Ilias 20, 172 und in der Aspis, 430 // Glotta. 1995. Vol. 72. S. 105–118.
25. *Pötscher W.* Die Farben der menschlichen Iris bei Aristoteles und mögliche Rückschlüsse auf Od. 11, 611, Hes. Theog. 321 und ps.-hes. Aspis 177 // Acta Classica Universitatis Debreceniensis. 1995. Vol. 31. S. 219–226.
26. *Risch E.* Wortbildung der Homerischen Sprache. Berlin: W. de Gruyter, 1937. XVI. 330 S.
27. *Sommer F.* Zur Geschichte der griechischen Nominalkomposita. München: Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1948. VI, 225 p.
28. *Tricot J.* Histoire des animaux. T. 1. Paris: J. Vrin, 1957. 365 p.
29. *Veckenstedt E.* Geschichte der Griechischen Farbenlehre. Padeborn: Schöningh, 1888. 203 S.
30. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* Der Glauben der Hellenen. Berlin: Weidmann, 1931. Bd. 1. 620 S.
31. *Xenophon.* Opera minora / transl. by E. C. Marchant and G. W. Bowersock. Cambridge; London: Harvard University Press, 1968. 515 p.
32. *Xénophon.* L'art de la chasse / Texte ét. et trad. par Ed. Delebecque. Paris: Les Belles Lettres, 1970. 159 p.

REFERENCES

1. Druzhinina E.A. K semantike γλαυκός v drevnegrecheskom iazyke [Revising the semantics of γλαυκός in Ancient Greek]. *Vestnik St. Petersburg University*, 2008. Ser. 9. Vyp. 3. Ch. 2. S. 56–62.
2. Zhuana Zh. *Gippokrat* [Hippocrates]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 1997. 457 s.
3. Aristote. *De la génération des animaux*. Par P. Louis. Paris, Les Belles Lettres, 1961. XXVI, 231 p.
4. Bechtel F. *Lexilogus zu Homer. Etymologie und Stammbildung Homerischer Wörter*. Halle, Niemeyer, 1914. 341 S.
5. Chantraine P. *Grec γλαυκός, Γλαῦκος et mycénien "Karauko"*. Mélanges d'archéologie, d'épigraphie et d'histoire offerts à J. Carcopino. Paris, Hachette, 1966. Pp. 193–203.
6. Chantraine P. *Dictionnaire étymologique de la langue grecque*. T. IV, 2. Paris, Klincksieck, 1968–1980.
7. Capelle W. *Farbenbezeichnungen bei Theophrast*. *Rheinisches Museum*. 1958. Bd 100. S. 1–41.
8. Dürbeck H. *Zur Charakteristik der griechischen Farbenbezeichnungen*. Bonn, Habelt, 1977. X, 321 S.
9. Evans A.J., Myres J.L. *Scripta Minoa*. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press, 1952. VIII, 257 p.
10. Georgacas D.J. A Contribution to Greek word history, derivation and etymology. *Glotta*. 1957. Vol. 36. Pp. 161–193.
11. Heubeck A., Hoekstra A. *A Commentary on Homer's Odyssey*. Vol. 2. Oxford, Clarendon Press, 1990. XII, 300 p.
12. *Hippocrates*, with an English transl. by W. H. S. Jones. Vol. 1. Cambridge; London, Harvard University Press, 1923. LXIX, 361 p.
13. *Hippocrates*. Vol. 7, edit. and transl. by Wesley D. Smith. Cambridge; London, Harvard University Press, 1994. 424 p.
14. Handschur E. *Farb- und Glanzwörter bei Homer und Hesiod, in den homerischen Hymnen und den Fragmenten des epischen Kyklos*. Diss. Wien, 1968. IV, 230 S.
15. *Homerisches Glossarium*, von Ludwig Döderlein. Bd 1. Erlangen, Enke, 1850. XIV, 260 S.
16. Kober A. *The Use of Color Terms in the Greek Poets*. New York, Humphrey Press, 1932. VIII, 122 p.
17. Kamptz H. von. *Homerische Personennamen: sprachliche und historische Klassifikation*. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1982. XXVI, 388 S.

18. Langholf V. *Medical Theories in Hippocrates. Early Texts and the "Epidemics"*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1990. 285 p.
19. Latacz J. *Zum Wortfeld "Freude" in der Sprache Homers*. Heidelberg, Winter, 1966. 243 S.
20. Maxwell-Stuart P. G. *Studies in Greek Colour Terminology*. Vol. 1: ΓΛΑ Υ ΚΟΣ. Leiden, Brill, 1981. X, 254 p.
21. Maxwell-Stuart P. G. *Studies in Greek Colour Terminology*. Vol. 2: ΧΑΡΟΠΟΣ. Leiden, Brill, 1981. IX, 100 p.
22. Persson P. *Beiträge zur indogermanischen Wortforschung*. Uppsala, Almqvist & Wiksell, 1912. Bd 1. VIII, 549 S.
23. Pötscher W. Γλάυκη, Γλαῦκος, und die Bedeutung von γλαυκός. *Rheinisches Museum*. 1998. Bd. 141, H. 2. S. 97–111.
24. Pötscher W. Der Sinn γλαυκίων in der Ilias 20, 172 und in der Aspis, 430. *Glotta*. 1995. Vol. 72. S. 105–118.
25. Pötscher W. Die Farben der menschlichen Iris bei Aristoteles und mögliche Rückschlüsse auf Od. 11, 611, Hes. Theog. 321 und ps.-hes. Aspis 177. *Acta Classica Universitatis Debreceniensis*. 1995. Vol. 31. S. 219–226.
26. Risch E. *Wortbildung der Homerischen Sprache*. Berlin, W. de Gruyter, 1937. XVI. 330 S.
27. Sommer F. *Zur Geschichte der griechischen Nominalkomposita*. München, Verlag der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, 1948. VI, 225 p.
28. Tricot J. *Histoire des animaux*. T. 1. Paris, J. Vrin, 1957. 365 p.
29. Veckenstedt E. *Geschichte der Griechischen Farbenlehre*. Paderborn, Schöningh, 1888. 203 S.
30. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Der Glaube der Hellenen*. Berlin, Weidmann, 1931. Bd. 1. 620 S.
31. Xenophon. *Opera minora*, transl. by E. C. Marchant and G. W. Bowersock. Cambridge; London, Harvard University Press, 1968. 515 p.
32. Xénophon. *L'art de la chasse*. Texte ét. et trad. par Ed. Delebecque. Paris, Les Belles Lettres, 1970. 159 p.

Дружинина Екатерина Андреевна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры библеистики
Санкт-Петербургского государственного университета.

Ekaterina Druzhinina

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Biblical Studies at St. Petersburg State University.

E-mail: k.druzhinina@rambler.ru

МОРСКИЕ ЕЖИ В ПАРОДИИ МАТРОНА ИЗ ПИТАНЫ (fr. I, 18-21 (O.-S.))

Ключевые слова: Матрон из Питаны, Гомер, гексаметр, versi detorti, центон, морские ежи.

Статья посвящена интерпретации стт. I. 18–21 (fr. I Brandt; fr. I O.-S.; SH 534) гастрономической гексаметрической пародии Матрона из Питаны. Этот пассаж является одной из самых ранних известных нам центонных адаптаций гомеровских стихов. Кроме аргументов литературного, естественнонаучного и гастрономического характера автор привлекает материал мозаик, выполненных в стиле «Неприбранный дом».

E. L. ERMOLAEVA

St. Petersburg State University

MATRO PITANEUS, *Symposium Atticum* fr. I, 18–21 (O.-S.): echini

Keywords: Matro of Pitane, Homer, versi detorti, hexameter, cento, sea-urchins.

A fragment of Matro of Pitane preserved by Atheneus of Naucratis and conventionally entitled the “Attic Dinner-Party” is a masterpiece of epic gastronomy parody of 4-th c. BC. This article is devoted to interpretation of vv. I.18–21 where a narrator says that at the dinner-party he throws the sea-urchins down onto the floor and they roll among the feet of slaves like Patroclus’ helmet among the feet of horses. The long spiny hairs are pulled out from their head by the roots. The problem is why the narrator throws the urchins, whether he eats them or not, and who pulls out the spines of urchins: the narrator in order to make them edible or servants or the sea-urchins themselves. I intend to prove that the narrator eats the sea-urchins with a great pleasure and throws their empty shells down. One of the arguments of my interpretation is ancient mosaics in technique of *Asarotos oikos* showing the picturesque dinner garbage. I think that the passage impresses better, if the point is that the sea-urchins themselves tear out their spines (I.21) like the Homeric Agamemnon does his hair (Il.10.15). Some inconveniences of verses I.18–21 could be explained by a technique of cento.

Современному читателю не всегда очевидно, в чем заключается *granum salis* античной шутки. В этой статье речь пойдет о сохранившейся у Афиней (4.134d—7с) небольшой гексаметрической пародии Матрона из Питаны (IV BC), которую Исаак Казобон охарактеризовал как «*elegans parodia, carmen ingeniosum et leporis ac venustatis plenissimum*» [Isaaki Casauboni..., 1796, T. I, p. 318]. Смысл некоторых стихов, и в частности стт. I. 18–21 (fr. I Brandt; fr. I O.-S.; SH 534), которым посвящена статья, остается темным, существующие же комментарии противоречивы¹. Стт. I. 18–21 заслуживают внимания еще и потому, что являются одним из самых ранних дошедших до нас античных центонов и, следовательно, представляют интерес для истории техники центонной поэзии. Между тем в известных мне очерках истории античного центона Матрон не упоминается².

Приведем греческий текст стт. I. 14–21 (fr. I O.-S.) и перевод пародии с самого начала, включая интересующие нас стихи.

ἐνθ' ἄλλοι πάντες λαχάνοις ἐπὶ χεῖρας ἴαλλον,
 15 ἄλλ' ἐγὼ οὐ πιθόμην, ἄλλ' ἤσθιον εἶδατα πάντα,
 βολβοὺς ἀσπάραγόν τε καὶ ὄστρεα μυελόεντα,
 ὠμοτάριχον ἐῶν χαίρειν, Φοινίκιον ὄψον.
 18 αὐτὰρ ἐχίνους ῥίψα καρηκομῶντας ἀκάνθαις·
 οἱ δὲ κυλινδόμενοι καναχὴν ἔχον ἐν ποσὶ παιδῶν
 ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος³ κλύζεσκε·
 21 πολλὰς δ' ἐκ κεφαλῆς προθελύμνους εἶλκον ἀκάνθας.

Муза, скажи мне о том многообильном пире, которым потчевал нас в Афинах Ксенокл. Я пришел туда, подгоняемый ужасным голодом. Там же я увидел много прекрасных хлебов белее снега, вкусом похожих на пироги. Когда их пекли, даже Борей воспылал к ним любовью. Ксенокл сам обходил ряды (пирующих) мужей,

¹ По поводу стт. I, 18–21 в этой статье предполагается полемика с Ф. Конделло, опубликовавшим в процессе подготовки итальянского комментария к Матрону ряд статей *Matroniana*: [Condello, 2002, pp. 133–150 (о стт. 18–21: 137–141)]. В статье учитываются следующие комментарии к fr. I, 18–21: [Schweighaeuser, 1802, pp. 429–430; Peltzer, 1855; Brandt, 1888; Lloyd-Jones, Parsons, 1983; Olson, Sens, 1999].

² Краткий обзор истории античного центона и библиографию см. во вступлении к изданию центонной из стихов Вергилия «Медее»: [Osidio Geta, 1981]. О самых ранних древнегреческих центонах см. [Stemplinger, 1912, S. 193–194] (пассаж из Матрона не упоминается).

³ V. I. εἰλαπίνης Wachsmuth (см. ниже).

а рядом с ним был паразит Херефонт, похожий на голодную чайку, знавший толк в чужих обедах. Между тем повара, во власти которых великое небо печей, стали накрывать на столы. Они могли приблизить или отдалить время обеда, как во власти гомеровских Гор были сроки человеческой жизни. **Но вот все протянули руки к овощам, а я сделал по-своему, стал пробовать соленья⁴: спаржу, лук, устриц, наполненных мозгом, до соленой рыбы я не дотронулся — финикийское блюдо⁵. А морских ежей, кудреглавых колючками, я бросил, они же, катясь, хрустели под ногами у слуг в том просторном месте, где волны бились о берег. С корнем во множестве они вырывали из головы колючки.**

Место, где речь идет о морских ежах, вызывает сразу несколько вопросов: почему рассказчик бросает морских ежей, при чем тут волны, наконец, кто и зачем вырывает колючки на голове у ежей.

Почему рассказчик бросает морских ежей?

Варианты ответов. 1. Рассказчик не ест морских ежей из-за их колючек: не знает, как их нужно есть (историю о незадачливом спартанце см. ниже) [Peltzer, 1855, pp. 50–51]; другая причина: пища с колючками — это для бедных [Condello, p. 140]. 2. Бросает, чтобы расколоть и добыть содержимое (Gulick) [Athenaeus, 1987, p. 119]. 3. Бросает панцирь (скорлупу) ежей, предварительно съев содержимое [Olson, Sens, 1999, p. 88]. 4. Потому что это такой шик — бросить на пол дорогой деликатес (идея, высказанная Е. Г. Рабинович в беседе). 5. Рассказчик и его товарищи развлекаются, глядя, как на ежеей наступают слуги «probably part of the joke»

⁴ *παστά* SH 534 conii Wachsmuth («соленья») конкретнее и потому, кажется, лучше, чем *πάντα* («всякие блюда») (Ath., Brandt, O.-S.).

⁵ *τάριχος* (lat. *salsamentum*) понимают как «соленая рыба» [Curtis, 2001, p. 320]. «Финикийская» потому что греки могли экспортировать пунийскую особенным способом соленую рыбу из городов на юго-восточном побережье нынешней Испании, основанных некогда финикийцами. Например, в области нынешнего Кадиса, или Кадикса (*гр.* Гадира, *лат.* Gades, *исп.* Cadiz), археологи находят остатки сооружений для соления рыбы (*the Punic salting installation*), промысел, который процветал здесь между 430 и 325 гг. и исчез к 200 г., вероятно, из-за Пунических войн [Curtis, 2001, pp. 319–320]. Виламовиц понял эту реплику иначе: «Das ist Futter für Phönikiere», в том же духе, что и ст. 83: «Das mögen Weiber essen» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Виламовицу следуют и Ллойд-Джонс, Парсонс (SH): «cibum est Phoenicibus, id est plebei barbarae, idoneum».

[Olson, Sens, 1999, p. 89]). 6. Бросает ежей, потому что принесли следующее блюдо — аппетитную сардинку (Degani: «as soon as he sees the more appetizing Phalaric anchovy») [Degani, 1995, p. 417]. 7. Бросает слугам, чтобы те съели («*pueri echinos a Matrone proiectos spinis extractis comedunt*» [Brandt, 1888, p. 75]; Condello присоединяется [Condello, 2002, p. 140]).

Морские ежи считались деликатесом у греков и римлян, их подавали в начале обеда в качестве закуски, ὄψων. В таком контексте они упоминаются у греческих комедиографов V–III вв. до н. э.: Nicostr. Com. fr. 2.2 (Kock), Lynk. fr. 1.7, 19 (Kock), Archipp. fr. 24 (Kock), Alex. fr. 15, 6 (Kock). У Энния в «*Heduphagetica*» (SH 193): *dulces quoque echini* (11).

О вкусовых качествах морских ежей писал Афиней (3. 91 a–d): «Морские ежи имеют нежное мясо, они сочны, сильно пахнут, сытны и легко перевариваются. Если их есть вместе со смесью меда и уксуса, а также сельдереем и мятой, то они полезны для желудка, сладки и сочны» [Афиней, 2003]. О том, что у морских ежей нет мяса, которое Афиней назвал τῆν σάρκα, знал уже Аристотель (НА 530 а 34 — б 3)⁶. У ежа съедобна икра, расположенная в виде пяти сегментов красного цвета и занимающая максимум 20 % того, что содержится внутри панциря. Чтобы добраться до икры, нужно правильно вскрыть ежа специальным ножом, который у римлян назывался *rastrellus*⁷.

⁶ Небольшая справка о морских ежах: внутренности морского ежа заключены в известковой скорлупе, хрупкой, жесткой и шероховатой. Аристотель относит морских ежей к группе τὰ ὀστράκοβέρρα (НА 527b.35), *черепокожих* (поверх скорлупы у них находится кожица с иглами размером от 2 мм до 30 см в зависимости от вида). Ученые насчитывают 2000 видов морских ежей. Иглы служат ежу, как писал Аристотель, орудием защиты, а кроме того — органами передвижения, так что исполняют роль ног, а также рук. Органическая оболочка — кожица с иглами — не сохраняется, когда еж погибает. У правильных морских ежей рот снабжен жевательным аппаратом, который служит для соскрёбывания водорослей с камней. Он называется *аристотелев фонарь*. С его помощью морские ежи соскребают водоросли с камней, просверливают норы в скалах, где прячутся во время отлива и от хищников.

⁷ В современном *ит.* *gastrelle*. Уже древние понимали, что икра ежей полезна для здоровья, античные врачи рекомендовали ее как средство, улучшающее пищеварение. См.: [Keller, 1913, S. 571–574; Thompson d' Arcy, 1947, pp. 70–73]. В современных справочниках говорится об исключительно полезных свойствах икры морских ежей, скажем, витамина А в ней содержится в 20 раз больше, чем в корне женьшеня. Японцы включили ее в противорадиационную диету после ядерных бомбардировок 1945 г.

Гурманы ценили морского ежа как закуску. У римлян его воспел Марциал (XIII, 86): *iste licet digitos testudine pugnat acuta, / cortice deposito mollis echinus erit* (*Пусть он и колет тебе оболочкою острою пальцы, / Но, коли снять скорлупу, нежен ты, ежик морской*, пер. Ф. А. Петровского). Упоминают Плавт, Варрон, Петроний и другие⁸.

В «Поваренной книге» Апиция есть пять рецептов приготовления ежей (*De coquinaria* IX, 415–419 (= 8.1–5)), в двух из которых речь идет о том, как нужно подавать к столу соленых ежей (418–419 = 8.4–5): «*in echino salsa: echinum salsum cum liquamine optimo, caroeno, pipere, temperabis et adpones. Aliter: echinis salsis liquamen optimum admisceas, et quasi recentes apparebunt, ita ut a balneo sumi possint*» [Apicius l'art culinaire, 1969, p. 79]. Апиций советует подавать соленых ежей с самым лучшим гарумом, сладким вином — и поперчить, тогда они совсем как свежие, словно из бани.

Когда речь заходит о том, как ели морских ежей в античности, обычно цитируется анекдот из Афиней (3.41.33 = fr. 15 Gaede):

Δημήτριος δ' ὁ Σκήψιος ἐν ἔκτῳ καὶ εἰκοστῷ τοῦ Τρωικοῦ διακόσμου Λάκωνά φησὶ τίνα κληθέντα ἐπὶ θοῖναν παρατεθέντων ἐπὶ τὴν τράπεζαν θαλαττίων ἐχίνων ἐπιλαβέσθαι ἑνός, οὐκ εἰδότα τὴν χρῆσιν τοῦ ἐδέσματος, ἀλλ' οὐδὲ προσέχοντα τοῖς συνδειπνοῦσι πῶς ἀναλίσκουσιν· ἐνθέντα δὲ εἰς τὸ στόμα σὺν τῷ κελύφει βρῦκειν τοῖς ὀδοῦσι τὸν ἐχίνον. δυσχρηστοῦμενον οὖν τῇ βρώσει καὶ οὐ συνιέντα τὴν ἀντιτυπίαν τῆς τραχύτητος εἰπεῖν· ὧ φάγημα μιαρὸν, οὔτε μὴ νῦν σε ἀφέω μαλθακισθεῖς οὔτ' αὖτις ἔτι <κα> λάβοιμι.

v. 1 μαλθακισθῆῶς

Деметрий из Скепсиса⁹, в 26 книге «Боевое построение троянцев» рассказывает, что некий спартаец, приглашенный на пир, когда

⁸ Возможно, для доставки свежесобранных морских ежей к обеду у Ксенокла или Корнелия Лентула требовался специальный штат слуг, потому что одна порция икры, согласно рецептам современной новогреческой кухни, составляет приблизительно 20–30 ежей. Собираание ежей небезопасно из-за их острых, нередко ядовитых колючек, так что сейчас их собирают в специальных перчатках.

⁹ Деметрий, ученый, географ и антиквар из Скепсиса в Троаде, живший во II в. до н. э., был известен благодаря своему сочинению «Расположение троянского войска», в котором он дал обширный комментарий географического характера к «Илиаде», в частности, ко второй песни, где описывается троянский контингент (II, 2, 816–877). Его эрудиция и знание Троады стали источником сведений по географии и истории Троады для Страбона (13-я книга), Афиней же использует его как занимательного рассказчика.

на стол положили морских ежей, взял одного; не зная, как его нужно есть, и не обращая внимания на то, как это делают другие пирующие, он, положив ежа в рот вместе с панцирем, стал грызть его зубами. Оказавшись в трудном положении из-за этого блюда и не понимая, как справиться с его колючками (колючестью), он сказал: «О, негодная пища, я теперь не выплону тебя, проявив слабость, но и впредь никогда больше не возьму».

Так и представляется спартанец с лисой за пазухой и с морским ежом во рту. Анекдот о глупом спартанце это свидетельство от обратного — о том, как не надо есть морских ежей. Приняв допущение, что способ есть морских ежей не изменился принципиально за последние 2,5–2 тысячи лет, я обратилась к новогреческой кухне. Современные греки подают половинки морских ежей в скорлупе прямо с колючками, предварительно вскрыв панцирь специальным ножом¹⁰. В икру ежей добавляют специи, приправы, лимон и другие ингредиенты. Существует большое разнообразие рецептов¹¹. Ежей едят сырыми, втягивая губами содержимое, или варят, как яйца, в воде, и затем, вскрыв ножом, едят полусырыми, словно мидию из ракушки, а также солят или запекают.

Судя по анекдоту Деметрия, со скорлупой их подавали и в античности¹².

Греки по большей части ели руками, хлебом вытирали пальцы после жирной пищи. Я думаю, что морских ежей они ели прямо из скорлупы, как яйцо, сваренное всмятку, с помощью ложечки с острым концом *κοχλεάριον* (*lat. cochlear*)¹³.

¹⁰ <http://www.mageirikesdiadromes.gr/component/kunena/?func=view&catid=12&id=5709>; <http://www.msadventuresinitaly.com/blog/2007/08/28/catching-and-eating-ricci-di-mare-sea-urchins/> Дата обращения 8.07.2012.

¹¹ Εκεί αναφέρονται αχινοί παστοί, αχινοί με αυγά και αχινοί στο μαγκάλι ψητοί στην στάχτη! Σάλτσα για αχινό: παίρνεις πιπέρι, λίγο βάλσαμο (ξερό δυόσμο), οινόμηλι, λικουαμέντ, ναρδλοσταχυσ, και αρωματικό φυλό. [<http://www.mirsini.gr/index.php?id=1190>. Дата обращения 8.07.2012].

¹² Хосе Гарсия Солер, автор книги об античной кухне, делает следующий вывод: «Мы не можем говорить с уверенностью о том, как именно их ели, хотя Афиней дает нам понять, что их подавали главным образом невареными и в панцире» [Solер, 2001, p. 146].

¹³ См. изображение *κοχλεάριον*: [Daremberg, Salio, 1892. S. v.].

Кроме того, из Аристофановских приапических стихов, которые цитирует Афиней, ясно, что содержимое ежа могли просто вылизывать из скорлупы (Deipn 3.41.16=fr. 409.2 (Edmonds)):

δαρδάπτοντα, μιστύλλοντα, διαλείχοντά μου
τὸν κάτω πλατάγγην¹⁴.

Современный способ есть икру морского ежа аналогичный: ее достают маленькой ложечкой, ножом или языком¹⁵.

Вернемся к пассажиу Матрона. Я склонна согласиться с Олсоном и Сенсом в том, что рассказчик ест ежей, а их пустую скорлупу бросает на пол¹⁶. Виламовиц так и говорит: «...dass jeder den Abfall auf den Boden wirft, ist Sitte» («... <на пиру было> принято, чтобы каждый бросал объедки на пол») [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)].

Учитывая все вышесказанное, предлагаю дополнительный аргумент. То, что скорлупу ежей принято было бросать на пол, прекрасно иллюстрируют античные мозаики, выполненные в стиле «Неприбранный дом» (Asarotos oikos; ungefegte Raume) [Andreae, 2012, S. 46–51]. Так назывался популярный в античности тип мозаичной декорации триклиний: из мельчайших тессер мраморов и полудрагоценных камней на полах выкладывались натюрморты, воспроизводящие послеобеденный мусор. Иллюзия реальности должна была обманывать глаз. Самой знаменитой мозаикой такого типа была работа Соса (III–II вв. до н. э.) для дворца в Пергаме. Ее упоминает Плиний Старший в «Естественной истории» (36. 184). Сама мозаика не сохранилась, но до нас дошли ее древнеримские копии и интерпретации. В 1833 г. в Риме перед Аврелианской стеной южнее Авентина на одной из вилл была найдена мозаика, воспроизводившая мозаику Соса в Пергаме (Rom, Vatikanische Museen Inv. 10132, 130 n. Chr.) [Andreae, 2012, S. 46–51]. На ней среди про-

¹⁴ *Спананг* — вид морского ежа.

¹⁵ «To eat the sea urchin, tip it to drain out any remaining liquid, and you can scoop out the rows with your tongue one at a time, or use a knife or small spoon» [<http://www.msadventuresinitaly.com/blog/2007/08/28/catching-and-eating-ricci-di-mare-sea-urchins/> Дата обращения 8.07.2012].

¹⁶ «The passage as a whole works much better, however, if the point is that that the narrator eats the sea-urchins with great relish (as opposed to wanting to do with the ὠμοτάριχον) and then throws the creature's empty shells down onto the floor, where they roll about like Patroclus' helmet» [Olson, Sens, 1999, p. 88].

чего живописного мусора (всего 32 вида предметов)¹⁷ можно увидеть и пустые половинки скорлупы морских ежей с колючками, похожие на оболочку каштана¹⁸.

Частица *ἀντάρ*, вводящая фразу о ежах, указывает на последовательность действий и в то же время на легкое противопоставление: «*Habet minorem vim quam ἄλλὰ, sed maiorem quam δέ*»¹⁹. Рассказчик оставил рыбу лежать на блюде, **скорлупу же ежей бросил на пол**, предварительно съев прекрасную закуску, иначе и ее оставил бы лежать нетронутой, как овощи, о которых рассказчик говорит, что οὐ *πιθόμην* (15). Авторы пародии любят использовать мотив «вегетарианство это для бедных или неприхотливых»: в «Батрахомиомахии» гурман мышонок Псигарпаг (букв.: Душегуб) не ест овощей οὐ *τρώω* (53), так как это пища для лягушек, *ταῦτα γὰρ ὑμῶν ἐστίν* (55) — говорит он лягушке Фюсигнату (Вздуломорде), чей отец Пелей (Грязный)²⁰.

Таким образом, на первый вопрос я ответила бы так: рассказчик ест морских ежей и бросает на пол их скорлупу с колючками.

При чем тут волны?

Стт. I. 19–20:

οἱ δὲ κυλινδόμενοι καναχῆν ἔχον ἐν ποσὶ παίδων
ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκε·

Они же, катаясь, хрустели под ногами слуг на чистом пространстве, где волны бились о берег.

¹⁷ «Tierknockhen, Huehnerbeine, Fisschgraeten, Partikel von Meerfruechten, halbe Seeigel, Muscheln und Schnecken, Fruechte, Nuesse, Salatblaeter...» [Andreae, 2012², S. 48].

¹⁸ По-латыни каштан называется *echinus*, а англичане, наоборот, морских ежей называют морскими каштанами (*seachestnuts*).

¹⁹ Эта короткая формулировка Эбелинга лучше всего обобщает значение *ἀντάρ* [Ebeling, 1963, pp. 196–198; *Lexikon des frühgriechischen Epos*, 1980, S. 1563–1579]. «Weakly adversative, or purely progressive (a commoner use)» [Denniston, 1954², pp. 55–56].

²⁰ О мотиве «овощи — еда для бедных» см. подробнее в статье Сенса, посвященной технике позднеклассической и эллинистической пародии [Sens, 2005, pp. 225–227].

То, что стихи I. 18–21 воспроизводят гомеровские гексаметры, было отмечено уже Пельцером (1855) и Брандтом (1888), которые приводят следующие *Homeri detorti versus*:

18 κερηκομόωντας Ἀχαιοὺς v. I. κάρη κομόωντας Ἀχαιοὺς
(e. g., *Il.* 2.11; *Od.* 1.90; 2.7.)

19 δὲ κλυιδομένη καναχὴν ἔχε ποσσὶν ὑφ' ἵππων
(*Il.* 16.794, о шлеме Патрокла (κυνέη, ἀλῶπις τρυφάλεια)).

20 ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκον·
(*Il.* 23.61, о месте на морском берегу, где Ахилл оплакивает Патрокла.)

21 πολλὰς ἐκ κεφαλῆς προθελύμνους ἔλκετο χαίτας
(*Il.* 10.15, об Агамемноне, рвущем в отчаянии волосы на голове.)

Девятнадцатая строчка имитирует гомеровские стихи, где сказано, что шлем Патрокла, сбитый с его головы Аполлоном, катясь, бряцал под ногами у коней. Похожие на маленькие шлемы, круглые пустые панцири ежей, брошенные рассказчиком, хрустят под ногами у слуг (на аллитерацию k-h обращают внимание Олсон и Сенс) [Olson, Sens, 1999, p. 88]. Продолжение фразы, ст. 20, отсылает нас совсем к другой песни II. 23.61, где Ахилл лежит на берегу моря, оплакивая Патрокла.

Матрон заимствует стих ἐν καθαρῷ, ὅθι κύματ' ἐπ' ἠϊόνος κλύζεσκε без каких-либо изменений.

Куда же бросает ежей наш рассказчик? В самом начале пародии сказано, что дом Ксенокла находился в Афинах, следовательно, далеко от берега: ἃ Ξενοκλῆς ῥήτωρ ἐν Ἀθήναις δείπνισεν ἡμᾶς (fr. I.2).

Швайгхойзер допускал, что порт Пирей мог считаться частью Афин, а значит и дом Ксенокла, находясь в Пирее, мог стоять на берегу моря [Schweighaeuser, 1802, pp. 429–430]. Для Пельцера ясно, что раз ежей бросают на морской берег, значит, дом стоит возле порта [Peltzer, 1855, p. 50].

Вакмут [Brandt, 1888, p. 74] обошелся без Пирея: ежей бросали прямо на улицу, а пирующие шумели, словно морской прибой.

Он внес конъектуру: ὄθι κύματ' ἐπ' εἰλαπίνης κλύζεσκε, где εἰλαπίνης относится к κύματ' ἐπ', так что получился перифраз — «где волны пира шумели (ἐπεκλύζεσκε)».

Шнайдер тоже видел здесь сравнение с шумом морских волн, однако он сравнивал не голоса пирующих гостей, а треск и шуршание («ein solches Klatschen und Patschen») панцирей морских ежей под ногами у слуг за окном. Он предлагал понимать союз ὄθι («где») в значении ὡς («словно») или ἄτε, объясняя очевидную неувязку тем, что Матрон воспроизвел гомеровский стих без изменений [Schneider, 1894, S. 381–383]²¹.

Штадтмюллер представлял картину иначе: ежей бросали на пол вместе с другими объедками, так что поток мусора стекал волной²².

Олсон и Сенс ограничиваются комментарием только к ἐν καθαρῶ: у Матрона это должно указывать на пространство не в той части комнаты, где пируют гости, но там, где находятся слуги [Olson, Sens, 1999, p. 89].

Убедительнее всех сказал Виламовиц: «*«*Noch ist der Fussboden rein, denn das Essen fängt erst an» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Ллойд-Джонс, Парсонс в комментарии в *Supplementum Hellenisticum* 534 (1983) фактически повторяют его, правда, без ссылки: «*in mundo adhuc pavimento*» «на каменном (мозаичном) полу, пока еще чистом» [Supplementum Hellenisticum, 1983, p. 263]. И действительно — ведь пир еще только начался.

Выражение ἐν καθαρῶ, ὄθι встречается у Гомера трижды (II. 8.491; 10.199; 23.61) в значении «на свободном пространстве». Сам Матрон еще раз в другом месте обращается к этой формуле, меняя, по своему обыкновению, лишь одно слово в гомеровском стихе (fr. I. 86 O.-S.): βατάνη... / ἐν καθαρῶ, ὄθι περ **λοπάδων** διεφαίνετο χῶρος (fr. I. 86 O.-S.) (*кастрюля (сковородка?)*)... *лежала на том месте, которое оказалось свободным от тарелок*).

²¹ На эту статью не ссылаются пишущие о Матроне, то ли потому, что она прошла незамеченной, то ли не придают идее Шнайдера значения, что можно понять.

²² Stadtmuellerus: «*in solo (vel ante fores) quo sordes, i. e. res abiectae, e convivio mittebantur, ut fluctuum instar adluerent*» [Brandt, 1888, pp. 74–75].

У Гомера ἐν καθαρῷ, ὅθι δὴ νεκύων διεφαίνετο χῶρος (Π. 8.491 Гектор собирает троянцев на совет близ кораблей в том месте, которое оказалось свободным от трупов; Π. 10.199 Агамемнон, Нестор осматривают дозоры...).

При знакомстве с копией мозаики Соса в стиле «Неприбранный дом», становится очевидным, что при интерпретации I. 86 нет необходимости отказываться от гомеровского значения «чистого, то есть свободного пространства» для ἐν καθαρῷ (для сравнения — русское фольклорное «в чистом поле»). На фотографии пола с мозаикой отчетливо видно, что мозаика покрывает пол по периметру триклиния с трех сторон на том пространстве, где не стояли лежа, показывая, таким образом, где обычно оставался мусор. Значит, его бросали просто на пол — на свободное пространство (Чарльз Гьюлик перевел: «in an open space»).

В продолжении стиха («где волны бились о берег») Виламовиц видит «nur lustigen Unsinn» [Wilamowitz, 1962, S. 333 (77)]. Олсон, Сенс присоединяются [Olson, Sens, 1999, p. 89], Ллойд-Джонс, Парсонс — в том же духе: «quae autem sequuntur, senae non iam conveniunt» [Supplementum Hellenisticum, 1983, p. 263].

Мне показалось, что понять концовку стиха помогает пассаж из «Галиевтики» Оппиана (род. ок. 176–180 гг. н. э.), где говорится о морских ежах.

Oppianus, *Halieutica* 2.225–231 (Fajen 1999):

Ἔστι καὶ ὀξύκομοισι νόος καὶ μήτις ἐχίνοις,
οἳ τ' ἀνέμων ἴσασι βίας ζαμενεῖς τε θυέλλας
ὀρνυμένας, νότοισι δ' ἀνοχλίζουσιν ἕκαστος
λαῶν, ὅσον βαρῦθοντα περὶ σφετέρησιν ἀκάνθαις
ῥηϊδίως φορέοιεν, ἴν' ἀντία κύματος ὀρμῆ
βριθόμενοι μίμνωσι· τὸ γὰρ τρομέουσι μάλιστα,
μὴ σφὰς ἐπ' ἠιόνεσσι κυκώμενον οἶδμα κυλίση.

Есть ум и смекалка и у колючих морских ежей, которые знают и силу ветров, и неистово вздымающиеся бури. Каждый из них поднимает на спину камень такой тяжести, какой они могут легко носить у себя на колючках, чтобы, утяжелившись, устоять на месте перед натиском волны. Ведь они более всего боятся, что ревущая волна станет катать их по берегу.

Если вернуться к Матрону, то сходство бросается в глаза:

ἐχίνοὺς ῥίψα καρηκομόωντας ἀκάνθαις (М. I. 18)

... περὶ σφετέρησιν ἀκάνθαις (Opp. 2.228)

ὀξυκόμοισι ... ἐχίνοις (Opp. 2.225)

κύματ' ... κλύζεσκε (М. I. 20)

κύματος ὀρμή (Opp. 2.229)

κυκώμενον οἶδμα (Opp. 2.231) *kàma e, insuper saepissime glossa* (Fajen 1999)

κυλινδόμενοι (М. I. 19)

κυλίση (Opp. 2.231)

ἐπ' ἠμόνος (М. I. 20)

ἐπ' ἠμόνεσσι (Opp. 2.231)

Возможно, совпадение лексики случайное, поскольку речь идет об одних и тех же предметах: морских ежах, волнах и морском берегу, — или оно объясняется тем, что Матрон и Оппиан подражают одним и тем же стихам Гомера, следуя сходной ассоциации.

Среди источников Оппиана [Oppian Colluthus Thyphiodorus, 1987, pp. XVI–XXIII] в качестве основных называют лексикон Памфилия, утраченное сочинение о рыбах Леонида из Византия I в. до н. э., эпитомы Аристофана Византийского из Аристотеля. Источники Оппиана пересекаются с источниками Афиней и Элиана «De natura animalium», живших позднее и ссылавшихся в свою очередь на Оппиана. В эпической поэме Оппиана, кроме Гомера, есть аллюзии на гексаметры Каллимаха и Аполлония Родосского.

Я предполагаю, что нельзя исключить вероятности и того, что Оппиан так же, как впоследствии Афиней, мог знать гексаметрические пародии с «каталогами» рыб и других морских обитателей, такие как «Hedupatheia» Архестрата из Гелы и поэма Матрона. Правда, во времена Афиней поэма Матрона была уже, видимо, антикварным сочинением, поэтому Афиней (... διὰ τὸ σπάνιον οὐκ ἄν ὀκνήχαμι ὑμῖν ... ἀπομνημονεῦσαι (4.134d)) прозорливо привел ее фактически целиком, сохранив, таким образом, для потомков.

Л. Шеро убедительно доказывает, что Матрон повлиял на греческую и даже, вероятно, латинскую традицию «humorous poets»;

по его мнению, у Луцилия в «Cena rustica» присутствуют аллюзии на поэму Матрона [Shero, 1929, pp. 64–70].

Приведу еще одну параллель. В ст. 33–35 в «каталоге рыб» Матрон сообщает о том, что «прибыла дочь Нереея, среброногая Фетида, с красивыми локонами каракатица (σηπίη εὐπλόκαμος), богиня, способная прекрасно говорить (δεινὴ ἀυδήεσσα), единственная рыба, отличающая черное от белого»²³. εὐπλόκαμος у Гомера *passim* о красивой женской прическе, например, Кирки, Калипсо, Селены и др. Матрон использует прямое и метафорическое значения корня *πλεκ-/πлок-*, говоря о щупальцах сепии и одновременно о гибкости ее ума²⁴. Оппиан, который любит рассуждать об уме своих морских персонажей, сообщает, что каракатица (σηπίη) умна и коварна *δολόμητις*, ее щупальцы он называет *πλόκοι* и *πλοκαμίσι* (Hal. 2. 120–127). В «Кинегетике» у него *πουλύποδες σκολιοί... εὐπλόκαμοι* (3. 172–182).

Так или иначе, пассаж у Оппиана подтверждает, что Матрон как нельзя более удачно приспособил гомеровские стихи с морским берегом к своим строчкам о морских ежах, которых пирующие бросают на пол, словно морская волна во время бури — на берег, где их подстерегают опасности.

Кто и зачем вырывает колючки на голове у морских ежей?

Форма имперфекта *εἴλκω* в ст. 21 делает возможными разные толкования. В первом латинском переводе Афинейя Якобом Далекампом (1556)²⁵ стоит безличная конструкция: *multae radicitus*

²³ Это место заслуживает отдельной статьи: сравнение Матроном каракатицы с богиней возмутило Виламовица и вызвало ядовитую насмешку в адрес комментаторов, которые, толкуя шутки Матрона, размышляют о том, «как мог звучать голос полипа» [Wilamowitz, 1923, S. 74–79]. Через 70 лет ему ответил — в защиту Матрона и его интерпретаторов — блестящим разбором ст. 33–35 знаток античной пародии Энцо Дегани [Degani, 1995, pp. 413–423].

²⁴ Каракатица является одним из самых умных морских животных. Соотношение веса ее мозга к телу не дотягивает до уровня морских млекопитающих, но значительно превосходит уровень рыб и других моллюсков [<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9A%D0%B0%D1%80%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%86%D1%8B> Дата обращения 14.07.2012].

²⁵ *Athenaei Deipnosophitarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cado-mensis Latine versione necon eiusdem Aadnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni. Lugduni, 1657.*

evulsae a capita iis spinae sunt (много игл было с корнем вырвано у них из головы).

В комментарии Казобона (1597), до сих пор единственном полном комментарии к Афиней²⁶, эти стихи не обсуждаются.

В переводе Швайгхойзера (1801): *multasque sibi evulserunt radicibus ex capite spinas* (и много они у себя с корнем вырвали из головы колючек). Так и у Пельцера (1855): *multas spinas radicibus sibi evulserunt e capite*. Однако в комментарии Швайгхойзер пишет о другом варианте, на который не решился в переводе: «*εἶλκον in tertia perf. acceperam, subintelligens ἑαυτοῖς. At sic εἶλκοντο fuerat dicendum. Fuit igitur prima perf. sing. ego extraxi, evulsi illis*». «Я принял чтение *εἶλκον* в 3 л. перфекта, подразумевая *ἑαυτοῖς* “у себя”, но тогда нужно было бы сказать *εἶλκοντο*. Возможно, <здесь> первое лицо единственного числа “я вытащил, я вырвал”».

Через 125 лет Гюлик учел сомнения Швайгхойзера и перевел первым лицом: *and many were the spines I pulled by the roots from their heads*.

Виламовиц считал, что Матрон бросает ежей на пол, предварительно вырвав колючки [Wilamowitz, 1962, S. 333 (1923, S. 77)].

Брандт в комментарии к Матрону [Brandt, 1888, p. 75] писал, что речь идет о слугах, которые подбирают с пола ежей и, прежде чем съесть, вырывают из них колючки: *pueri echinos a Matrone proiectos spinis extractis comedunt*.

Так же думает и Конделло (2002) [Condello, 2002, pp. 138–141].

Если моя реконструкция того, как подавали и ели морских ежей в античности, верна, то оба последних варианта мне кажутся абсурдными.

В переводе Олсона и Сенса ежи сами вырывают у себя из головы колючки: *and they pulled many spines out by the roots from their head*. Олсон, Сенс считают, что действительный залог *εἶλκον* используется в значении медиального (при этом параллелей такого употребления *εἶλκω* они не приводят, их действительно нет) и что ежи рвут на себе колючки, как гомеровский Агамемнон

²⁶ Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.

рвет волосы на голове в страхе, что не сможет справиться с троянцами²⁷.

Идея, что ежи рвут на себе волосы — жест отчаяния («*l'estrema afflizione*») — кажется Конделло несколько странной («*pare alquanto bizzarra*», 139). Это, а главное — отсутствие примеров для активного ἔλκω в медиальном значении, Конделло считает уязвимой стороной построения Олсона, Сенса, поскольку он не нашел подобных примеров с ἔλκω в текстах VIII–I вв. до н. э. [Condello, 2002, p. 139. N. 26]²⁸. Со своей стороны, он выстраивает интересное и хорошо обоснованное доказательство того, почему рассказчик не ест ежей, но бросает их слугам. Он приводит параллели из комедии для мотива «есть рыбу с костями или с головой — это для бедных и/или дурно воспитанных». Эта мысль подтверждается поговоркой οὐ γάρ ἄκανθαί [Condello, 2002, p. 140]. При этом ἀντάρ он понимает в прогредиентном значении: рассказчик отказался от соленой рыбы, а затем и от морских ежей.

У меня возражение только одно: Матрон уже отказался от овощей «в пользу бедных», от соленой рыбы «в пользу финикийцев», вряд ли он откажется и от деликатеса в пользу слуг. Судя по его же словам, на следующий день его ждет весьма скудный обед, сыр да каша: γευσάμενος δ' ἔκλαιον, ὃ τ' αὔριον οὐκέτι ταῦτα / ὄψομαι, ἀλλά με δεῖ τυρῶ καὶ μάζῃ ὀτρηνῆ (I. 91–92). Можно предположить, что профессия пародиста не приносила больших доходов. Сохранилась надпись из Эретрии 340 г. до н. э. (IG XII 9, 189), в которой перечисляются гонорары участников мусических агонов. Пародисты занимают в этом списке последнее место, в отличие от остальных они имеют лишь две, а не три номинации, их гонорар за первое место — 50 драхм, для сравнения у рапсодов — 200, а за второе — 10 драхм, у рапсодов — 150. Прозвище Гегемона из Фасоса, который, по словам Аристотеля, стал первым выступать с пародиями (1448 а 12), было Φακῆ «чечевица, чечевичная похлебка».

²⁷ Их объяснение заключается в том, что, согласно Аристотелю (НА 530b18–20), головой (кефале) у ежей является та часть, на которой нет колючек, но находится рот, и которой они прикрепляются ко дну, камню или другой поверхности. Они приводят примеры из Аристотеля, Архестрата и Оппиана, где колючки морских ежей сравниваются с волосами на голове [Olson, Sens, 1999, pp. 88–89].

²⁸ Это подтверждается и отсутствием примеров у Швицера-Дебрюнера [Schwyzer, 1988, S. 230–236].

Что касается глагола εἶλκω, форма действительного залога которого режет слух, то это не единственное место у Матрона, где возникают «недоразумения» подобного рода. В ст. 6 τάων (f.) относится к ἄρτους (m.): «хлебы (ἄρτους) столь прекрасны, пышны, белее снега..., что даже Борей влюбился в них (τάων)». В ст. 12 генитив ὀπτανιάων (f.) — от ὀπτανίων (n.). В стт. 119–120 отсутствует логическая связь с предшествующей мыслью. Во всех этих случаях комментаторы великодушно предполагают в тексте Матрона лакуны, возникшие по вине Афиней или переписчика Афиней²⁹.

Что же касается странного поведения ежей, то похоже, что Матрон, сочиняя пародию, держал в уме начало 10-й песни «Илиады», где речь идет о том, что ночью Агамемнон не спит из-за страха перед троянцами; в сохранившихся 142 стихах «Аттического пира» Матрон дважды (см. выше) обращается к началу этой песни (10.15 и 10.199). У Гомера Агамемнон дрожит (τρομέοντο II. 10.10), в страхе он рвет на себе волосы (II. 10.15), дрожат колени (τρομέει II. 10.95). Любопытно, что Оппиан, описывая страх ежей перед морской волной, которая может выбросить их на берег, использует тот же гомеровский глагол τρομέουσι:

... τὸ γὰρ τρομέουσι μάλιστα,
μὴ σφὰς ἐπ' ἠιόνεσσι κικώμενον οἶδμα κυλίση (Hal. 2. 230-31).

У Матрона ежи рвут на голове волосы в страхе, что «выброшенные на берег» попадут под ноги слуг. На мой взгляд, перенос описания состояния Агамемнона на состояние... морских ежей мог позабавить аудиторию Матрона и Оппиана.

Наконец, не противоречит ли такое эмоциональное поведение морских ежей стилю пародии Матрона в целом? Нет, это не единственный пример. В «Каталоге рыб», когда во время пира одно за другим вносят рыбные блюда, рефреном повторяются ἦλθε 22, 33, 50 εἰσῆλθε 59, βαίνε 48, ἔποντο 60 и о каждом новом прибывающем персонаже, как и о каждом предводителе контингента ахейцев или троянцев в «Каталоге кораблей», сказано что-то характерное. Нередко рыбы ведут себя эксцентрично.

²⁹ См. различные толкования этих мест у Олсона, Сенса [Olson, Sens, 1999, pp. 78–79; 142–143].

Например, в ст. 52–54:

οἷη δ' αὖ θύννου κεφαλὴ θαλαμηιάδαο
νόσφιν ἀφειστήκει, **κεχολωμένη εἵνεκα τευχέων**
αἰρομένων· τὸ δε πῆμα θεοὶ θέσαν ἀνθρώποισι.

Лишь голова Тунца, сына Талама, стояла в стороне, гневаясь из-за отнятых доспехов. Это несчастье устроили людям боги.

Слушатели пародии Матрона легко могли догадаться, что наш тунец — другой Аякс, даже не помня в точности стихов из «Одиссеи» 11. 553–555:

Ἄϊαν, **παῖ Τελαμῶνος** ἀμύμονος, οὐκ ἄρ' ἔμελλες
οὐδὲ θανῶν λήσεσθαι ἐμοὶ **χόλου εἵνεκα τευχέων**
οὐλομένων; τὰ δὲ πῆμα θεοὶ θέσαν Ἀργείοισι·

Голова тунца, видимо, была подана на пиру отдельно, в этом и причина гнева — отняли «доспехи», с другой стороны, выражение *θύννου κεφαλὴ θαλαμηιάδαο* построено по образцу гомеровского перифраза для «Ахилла Пелеида», следующего дальше в ст. 11. 557: Ἀχιλλῆος κεφαλῇ Πηληιάδαο. Добавлю к этому наблюдению Олсона и Сенса,³⁰ что *θαλαμηιάδαο*, на мой взгляд, пародирует *Τελαμωνιάδης* (Il. 13, 709).

Интерпретация пародии зависит от подхода к самому понятию пародии. Мне ближе мысль, которую афористически высказал Виламовиц, считавший излишним постулировать лакуны в «шероховатых» местах и признававший, что само отсутствие смысла уже может быть смешным: «Es störte sie (sc. Hörer) nicht, wenn's auch Unsinn war, denn lachen kann man auch über Unsinn» [Wilamowitz, 1962, S. 331 (75)]³¹. В какой-то мере абсурдность картины с ежами объясняется центонным характером пассажа³².

³⁰ Они пишут, что гапакс Матрона *θαλαμηιάδαο* построен по модели патронимиков, как *Πηληιάδαο*, из слова *θαλάμη* в значении «нора, в которой прячутся рыбы» [Olson, Sens, 1999, p. 107].

³¹ Этой же тенденции придерживаются и Олсон, Сенс в своих комментариях: «...the work of <...> Matro is clearly intended to be side-splitting funny and... draws much of its effect from the audience's recognition that specific epic models have been put to absurd new uses» [Olson, Sens, 2000, XXXV].

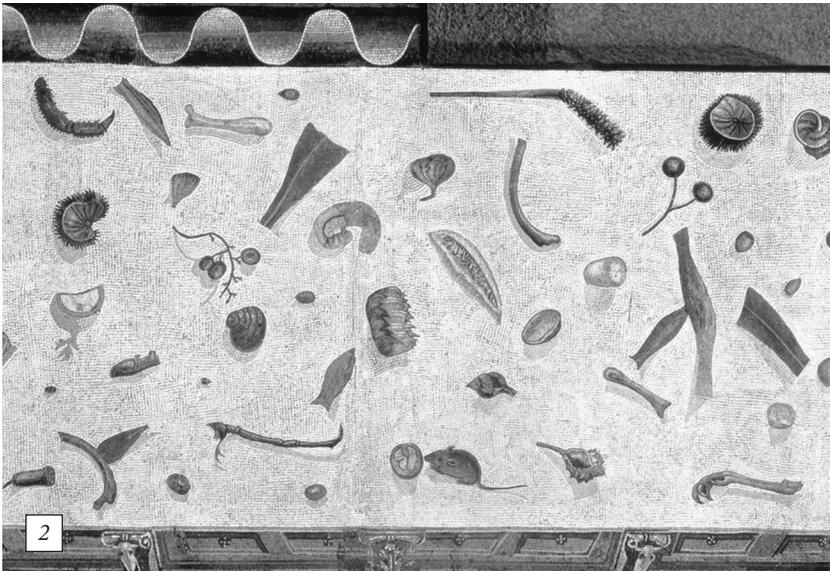
³² О невозможности избежать в центоне разного рода «нестыковок» пишет Дегани [Degani, 1995, p. 420].

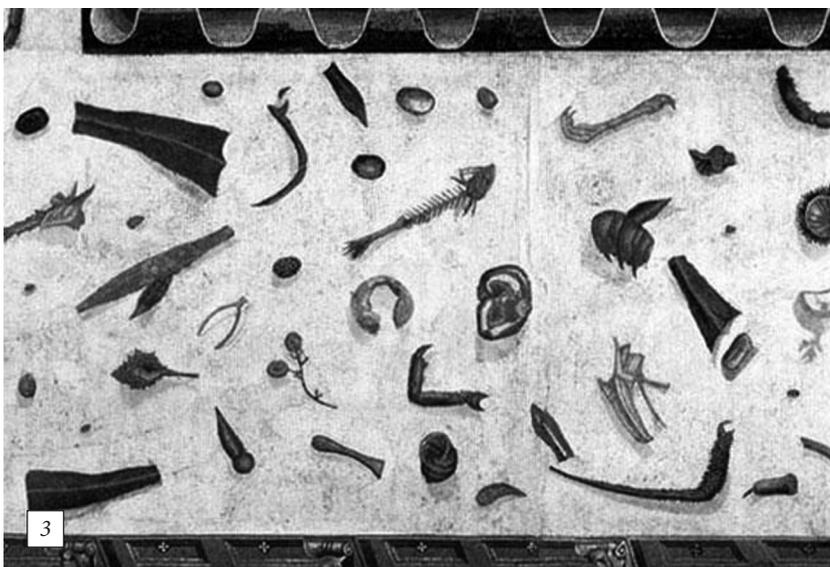
Центон — стихотворное «лоскутное одеяло» — рассчитан на аудиторию, обладающую слуховой памятью на стихи, поскольку воспроизводит одновременно как минимум два контекста, и слушатель получает удовольствие от узнавания хорошо знакомых строк. В Греции центоны складывали, по большей части, из стихов Гомера, в Риме — Вергилия (Авзоний, Гостилий Гета), в России — Пушкина³³. У Матрона место с ежами, как было показано выше, является почти полным центоном из гомеровских стихов³⁴.

Таким образом, в центонных стихах гастрономической пародии Матрона I. 18–21 представлена эффектная картина: «кудреглавые» морские ежи, брошенные на пол во время пира, словно вынесенные бурей на берег, в страхе перед опасностью рвут колючки у себя на голове.

³³ У Тимура Кибирова в «Трех поэмах» (2008) «Рекламная пауза 1» представляет собою сплошной центон из онегинских стихов (благодарю Марион Руц (университет Трира) за возможность познакомиться с выполненным ею построчным сопоставлением стихов). Есть у Кибирова и стихи, сделанные вполне в технике Матрона. Например, «Вступительный центон» к «Трем поэмам»: *С необицим выраженьем рожи / Я скромно кланяюсь прохожим. / Но сложное понятней им. / А мы... Ничем мы не блестим. Или: Мораль из моды вышла ныне, / А православие вошло. / Уж так вошло, что все едино — / Писать об этом запахло. / Пристойней славить смерть и зло.* Михаил Сухотин, современный мастер центонов, использовал отнюдь не только пушкинские стихи: [Сухотин, 2001].

³⁴ В ст. 18 в знаменитой формуле о кудреглавых ахейцах $\kappa\alpha\rho\kappa\rho\mu\acute{o}\omega\nu\tau\alpha\varsigma$ Ἀχαιοῦς слово Ἀχαιοῦς заменено созвучным метрическим эквивалентом ἀκάνθαις, в ст. 19 вместо коней — слуги, в ст. 20 гомеровский стих приведен целиком, а в ст. 21 изменено только одно слово — снова ἀκάνθαις в конце стиха, на этот раз вместо гомеровского χαιτάς волосы. Глагол εἶλκων metri gratia стоит в действительном залоге вместо медиального. Первым гексаметрическим пародийным центоном считаются стихи Евбея с Пароса, который жил за два поколения до Матрона. Однако сохранившиеся два с половиной стиха [Brandt, 1888, p. 52] не дают представления о технике центона.

Античные мозаики, выполненные в стиле «Неприбранный дом»
(Rom, Vatikanische Museen Inv. 10132, 130 n. Chr.), по книге:
*Andreae B. Antike Bildmosaiken. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz:
Philipp von Zabern, 2012 (2003). S. 47–48.*

ЛИТЕРАТУРА

1. *Афиней*. Пир мудрецов. Кн. I–VIII / изд. подг. Н. Т. Голинкевич, М. Г. Витковская, А. А. Григорьева и др. М.: Наука, 2003. 656 с.
2. *Сухотин М.* Центоны и маргиналии. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 152 с.
3. *Andreae B.* Antike Bildmosaiken. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz: Philipp von Zabern, 2012. 319 p.
4. *Apicius l'art culinaire.* Text ét. J. André. 9 éd. Paris, 1974. XXXII, 234 p.
5. *Apicii decem libri qui dicuntur de coquinaria et excerpta a vinidario conscripta* / ed. M. Milham. Leipzig: B. G. Teubner, 1969. XVI, 116 S.
6. *Athenaei Deipnosophistarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cadomensis Latine versione necon eiusdem adnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni.* Lugduni: Hugueta et Ravaud Lyon, 1657. 812 p.

7. *Athenaeus*. The Deipnosophists / with an English transl. by Ch. B. Gullik. Vol. II. London: W. Heinemann; Cambridge: Harvard University Press, 1987. 616 p.
8. *Brandt P.* Parodorum epicorum Graecorum et Arcestrati reliquiae. Lipsiae: Teubneri, 1888. 228 p.
9. *Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim*. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.
10. *Condello F.* Note al Convivium Atticum di Matrone (fr. I O.-S. = SH 534) // *Eikasmos*. XIII (2002). Pp. 133–150.
11. *Curtis R.I.* Ancient food technology. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2001. 541 p.
12. *Daremberg Ch., Salio E.* Dictionnaire des Antiquités Grecque et Romaines. T. II, p. 1. Paris: Librairie Hachette, 1892. 946 p.
13. *Degani E.* Problems in Greek gastronomic poetry. On Matron's Attikon Deipnon // *Food in Antiquity* / ed. by J. Wilkins, D. Harvey and M. Dobson. Exeter: University of Exeter Press, 1995. Pp. 413–428.
14. *Denniston J. D.* The Greek particles. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1954. LXXXII, 658 p.
15. *Ebeling H.* Lexicon Homericum. Vol. I. Hildesheim: Olms, 1963. 1184 S.
16. *Geta O.* Medea / ed. G. Salanitro. Rome: Edizioni dell'Ateneo, 1981. 176 p.
17. *Keller O.* Antike Tierwelt. B. 2. Leipzig: Engelmann, 1913. 619 S.
18. *Lexikon des frühgriechischen Epos* / Begr. B. Snell. B. 1. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. S. 1563–1579.
19. *Olson S. D., Sens A.* Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE / text, transl. and comm., American Philological Association. (American Classical studies. № 44.) Atlanta: Scholars Press, 1999. XIV, 174 p.
20. *Olson S. D., Sens A.* Archestarchos of Gela. Greek cultural and cuisine in the fourth century BCE. Oxford; New York: Oxford University Press, 2000. LXXXIII, 261 p.
21. *Oppian, Colluthus, Thyphiodorus*, transl. by A.W. Mair. Cambridge: Harvard University Press; London: W. Heinemann, 1987. LXXX, 635 p.
22. *Peltzer B. I.* De parodica Graecorum poësi et de Hipponactis, Hegemonis, Matronis parodiarum fragmentis commentatio philologica. Monasterii: Typis Theissingianis, 1855. 68 p.
23. *Schneider M.* Zu Matron // *Philologus*. Goettingen, 1894. S. 381–383.
24. *Schweighaeuser I.* Animadversiones in Athenaei Deipnosophistas post I. Casaubonum. T. 2. Argentorati, Soc. Bipontinae, 1802. 625 p.
25. *Schwyzler E.* Griechische Grammatik // *Handbuch des Altertumswissenschaft*. Abt. 2, Teil 1. Bd. II Syntax und syntaktische Stilistik / Vervollst. u. hrsg. von A. Debrunner. 5 Aufl. München: Beck, 1988. XXIII, 714 S.

26. *Sens A.* “Τίπτε γενὸς ἐμὸν ζητεῖς;”: Batrachomyomachia, Hellenistic Epic Parody, and Early Epic // F. Montanari, A. Rengakos. La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire. Genève: Fondation Hardt, 2005. XIII, 334 p.
27. *Shero L. R.* Lucilius's *Cena rustica* // *American Journal of Philology*. 50 (1929). Pp. 64–70.
28. *Soler J. G.* El arte de comer en la Antigua Grecia. Madrid: Biblioteca Nueva, 2001. 462 p.
29. *Stemplinger E.* *Das Plagiat in der griechischen Literatur*. Leipzig; Berlin: Teubner, 1912. VI, 293 S.
30. *Supplementum Hellenisticum*, ed. H. Lloyd-Jones, P. Parsons. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1983. XXXI, 863 p.
31. *Thompson d' Arcy W.* A glossary of Greek fishes. London, Oxford University Press, 1947. 302 p.
32. *Wilamowitz-Moellendorff U. von.* *Leserfrüchte und Verwandtes*. Kleine Schriften. IV. Besorgt von K. Latte. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. VIII, 721 S. (Hermes. 58 (1923). S. 57–86).

REFERENCES

1. Afinei. *Pir mudretsov*: Kn. I–VIII, izd. podg. N.T. Golinkevich, M.G. Vitkovskaia, A.A. Grigor'eva i dr. [The Banquet of the Learned, Books 1–8, ed. by N.T. Golinkevich, M.G. Vitkovskaya, A.A. Grigorieva et al.]. Moscow, Nauka Publ., 2003. 656 s.
2. Sukhotin M. *Tsentony i marginalii* [Centos and Marginalia]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 152 s.
3. Andreae B. *Antike Bildmosaiken*. 2 Aufl. Darmstadt; Mainz, Philipp von Zabern, 2012. 319 p.
4. *Apicius l'art culinaire*. 9 éd. Text ét. J. André. Paris, 1974. XXXII, 234 p.
5. *Apicii decem libri qui dicuntur de coquinaria et excerpta a vinidario conscripta*, ed. M. Milham. Leipzig, B. G. Teubner, 1969. XVI, 116 S.
6. *Athenaei Deipnosophistarum libri quindecim cum Iacobi Dalechampii Cadomensis Latine versione necon eiusdem adnotationibus et emendationibus, ad operis calcem reiectis editio postrema iuxta Isaaci Casauboni*. Lugduni, Huguetan et Ravaud Lyon, 1657. 812 p.
7. Athenaeus. *The Deipnosophists*, with an English transl. by Ch. B. Gulick. Vol. II. London, W. Heinemann; Cambridge, Harvard University Press, 1987. 616 p.
8. Brandt P. *Parodorum epicorum Graecorum et Arcestrati reliquiae*. Lipsiae, Teubneri, 1888. 228 p.

9. *Isaaki Casauboni Animadversionum in Athenaei Deipnosophistas libri quindecim*. T. I–III. Lipsiae, 1796–1843.
10. Condello F. Note al Convivium Atticum di Matrone (fr. I O.-S. = SH 534). *Eikasmos*. XIII (2002). Pp. 133–150.
11. Curtis R.I. *Ancient food technology*. Leiden; Boston; Köln, Brill Academic Publishers, 2001. 541 p.
12. Daremberg Ch., Salio E. *Dictionnaire des Antiquités Grecque et Romaines*. T. II, p. 1. Paris, Librairie Hachette, 1892. 946 p.
13. Degani E. *Problems in Greek gastronomic poetry. On Matron's Attikon Deipnon*. Food in Antiquity, ed. by J. Wilkins, D. Harvey and M. Dobson. Exeter, University of Exeter Press, 1995. Pp. 413–428.
14. Denniston J.D. *The Greek particles*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1954. LXXXII, 658 p.
15. Ebeling H. *Lexicon Homericum*. Vol. I. Hildesheim, Olms, 1963. 1184 S.
16. Geta O. *Medea*, ed. G. Salanitro. Rome, Edizioni dell'Ateneo, 1981. 176 p.
17. Keller O. *Antike Tierwelt*. B. 2. Leipzig, Engelmann, 1913. 619 S.
18. *Lexikon des frühgriechischen Epos*. Begr. B. Snell. B. 1. Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1980. S. 1563–1579.
19. Olson S.D., Sens A. *Matro of Pitane and the Tradition of Epic Parody in the Fourth Century BCE*, text, transl. and comm., American Philological Association. (American Classical studies. № 44.) Atlanta, Scholars Press, 1999. XIV, 174 p.
20. Olson S.D., Sens A. *Archestarchos of Gela. Greek cultural and cuisine in the fourth century BCE*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2000. LXXIII, 261 p.
21. *Oppian, Colluthus, Thyphiodorus*, transl. by A.W. Mair. Cambridge, Harvard University Press; London, W. Heinemann, 1987. LXXX, 635 p.
22. Peltzer B.I. *De parodica Graecorum poësi et de Hipponactis, Hegemonis, Matronis parodiarum fragmentis commentatio philologica*. Monasterii, Typis Theissingianis, 1855. 68 p.
23. Schneider M. Zu Matron. *Philologus*. Goettingen, 1894. S. 381–383.
24. Schweighaeuser I. *Animadversiones in Athenai Deipnosophistas post I. Casaubonum*. T. 2. Argentorati, Soc. Bipontinae, 1802. 625 p.
25. Schwyzer E. *Griechische Grammatik*. Handbuch des Altertumswissenschaft. Abt. 2, Teil 1. Bd. II Syntax und syntaktische Stilistik, Vervollst. u. hrsg. von A. Debrunner. 5 Aufl. München, Beck, 1988. XXIII, 714 S.
26. Sens A. “*Τίποτε γενὸς ἐμὸν ζητεῖς;*”: *Batrachomyomachia, Hellenistic Epic Parody, and Early Epic*. F. Montanari, A. Rengakos. La poésie épique grecque: métamorphoses d'un genre littéraire. Genève, Fondation Hardt, 2005. XIII, 334 p.

27. Shero L.R. Lucilius's *Cena rustica*. *American Journal of Philology*. 50 (1929). Pp. 64–70.
28. Soler J.G. *El arte de comer en la Antigua Grecia*. Madrid, Biblioteca Nueva, 2001. 462 p.
29. Stemplinger E. *Das Plagiat in der griechischen Literatur*. Leipzig; Berlin, Teubner, 1912. VI, 293 S.
30. *Supplementum Hellenisticum*, ed. H. Lloyd-Jones, P. Parsons. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1983. XXXI, 863 p.
31. Thompson d' Arcy W. *A glossary of Greek fishes*. London, Oxford University Press, 1947. 302 p.
32. Wilamowitz-Moellendorff U. von. *Leserfrüchte und Verwandtes. Kleine Schriften*. IV. Besorgt von K. Latte. Berlin, Akademie-Verlag, 1962. VIII, 721 S. (Hermes. 58. (1923). S. 57–86).

Ермолаева Елена Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Ermolaeva

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: elena.ermolaeva304@gmail.com

Д. В. ПАНЧЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет

КОМУ И В ЧЕМ ПОДРАЖАЛ ЭМПЕДОКЛ (D. L. VIII, 56)?

Ключевые слова: Эмпедокл, Пифагор, Анаксагор, Анаксимандр, Алкидамант.

Алкидамант утверждал, что среди тех, у кого учился Эмпедокл, были Анаксагор и Пифагор, причем одному Эмпедокл подражал в величественности облика, а другому — в учении о природе. В статье доказывается, что естественное понимание слов Алкидаманта (в манере держаться Эмпедокл подражал Анаксагору, а в учении — Пифагору) не противоречит, как принято считать, а соответствует данным источников.

D. V. PANCHENKO

St. Petersburg State University

EMPEDOCLES EMULATING ANAXAGORAS AND PYTHAGORAS (D. L. VIII, 56)

Keywords: Empedocles, Pythagoras, Anaxagoras, Anaximander, Alcidas.

Diogenes Laertius cites Alcidas for the statement that Empedocles emulated Anaxagoras and Pythagoras in dignity of bearing and the philosophy of nature. Contrary to the standard view, there is much in the evidence to support the natural understanding of Alcidas' statement that Empedocles imitated Anaxagoras in his manners and Pythagoras in his teaching.

Диоген Лаэртций сохранил для нас принадлежащее Алкидаманту, ритору первой половины IV в. до н. э., следующее сообщение об Эмпедокле:

Ἄλκιδάμας δ' ἐν τῷ Φυσικῷ φησι κατὰ τοὺς αὐτοὺς χρόνους Ζήνωνα καὶ Ἐμπεδοκλέα ἀκούσαι Παρμενίδου, εἶθ' ὕστερον ἀποχωρῆσαι, καὶ τὸν μὲν Ζήνωνα κατ' ἰδίαν φιλοσοφῆσαι, τὸν δὲ Ἀναξαγόρου

διακούσαι καὶ Πυθαγόρου καὶ τοῦ μὲν τὴν σεμνότητα ζηλώσαι
τοῦ τε βίου καὶ τοῦ σχήματος, τοῦ δὲ τὴν φυσιολογίαν.

«Алкидамант говорит (в речи «О природе»), что Зенон и Эмпедокл были одновременно слушателями Парменида, а потом покинули его, и Зенон стал философствовать по-своему, а Эмпедокл пошел слушать Анаксагора и Пифагора, одному из них подражая в величественности образа жизни и облика, а другому — в учении о природе» (D. L. VIII, 56; пер. М. Л. Гаспарова с незначительными изменениями).

Построение фразы, казалось бы, не оставляет никаких сомнений относительно того, что под «одним» должен пониматься Анаксагор, упомянутый первым, а под «другим» названный вторым — Пифагор. Однако специалисты в области греческой философии с редким единодушием истолковывают текст прямо противоположным образом. Ведь они хорошо помнят, что об особом пифагорейском образе жизни говорил современник Алкидаманта Платон, тогда как Анаксагор был знаменит своими утверждениями о небесных телах: солнце — раскаленная глыба, луна — другая земля. Попытаемся примирить здравый смысл с эрудицией — попытаемся показать, что материалы источников вполне соответствует естественному пониманию обсуждаемой фразы.

Тот же Диоген Лаэртский приводит еще одно свидетельство о том, кому подражал Эмпедокл:

Διόδωρος δ' ὁ Ἐφέσιος περὶ Ἀναξίμανδρου γράφων φησὶν
ὅτι τοῦτον ἐζηλώκει, τραγικὸν ἀσκῶν τῦφον καὶ σεμνὴν ἀναλαβὼν
ἔσθητα.

«Диодор Эфесский, писавший об Анаксимандре, говорит, что именно у него перенял Эмпедокл и театральную напыщенность, и величественное одеяние» (D. L. VIII, 70; пер. М. Л. Гаспарова).

Легко усмотреть, что утверждение Диодора в общем и целом дублирует половину утверждения Алкидаманта. Речь в обоих случаях идет о подражании в поведении и облике. В обоих случаях воспринимаемый поведенческий стиль характеризуется торжественностью и величественностью, причем используются однокорен-

ные слова. Мы бы уверенно сказали, что перед нами две версии одного и того же сообщения, если бы не то очевидное обстоятельство, что в первом случае предметом для подражания Эмпедоклу служит Анаксагор, а во втором — Анаксимандр. Однако есть причина не придавать этому отличию большого значения. Дело в том, что имена Анаксагора и Анаксимандра в наших источниках быва- ют перепутаны. Приведем несомненный пример.

Согласно Фемистию, первым, кто осмелился опубликовать сочи- нение о природе, был Анаксимандр (Themist. Or. 26; 12 A 7 DK). Однако Климент Александрийский (Clem. Alex. Strom. I, 78; 36 A 1 DK) и наш Диоген Лаэртский (D. L. II, 11; 59 A 1 DK) утверж- дают, что первым прозаическое сочинение опубликовал Анаксагор. Они не уточняют, о чем было это сочинение, и, видимо, поэтому параллелизм трех сообщений не привлек к себе должного внима- ния. Но сочинение, опубликованное Анаксагором, было как раз сочи- нением о природе. Соответственно, мы имеем дело всего лишь с путаницей имен. Причем нетрудно выяснить, у кого имя переда- но ошибочно. Традиция однозначно указывает на то, что Анакси- мандр жил раньше Анаксагора. При этом Анаксимандр, несомнен- но, написал книгу: Симликий цитирует ее; благодаря сравнительно недавней находке мы узнали, что она некогда имелась в библиотеке сицилийского Тавромения. В данном случае совершенно ясно, что Климент и Диоген отдали Анаксагору то, что в действительности принадлежит Анаксимандру.

Таким образом, вполне вероятно, что Анаксимандр предстал образцом для подражания Эмпедоклу в силу чьей-то описки, что изначальная история — достоверная или нет — имела в виду Анаксагора. Действительно, Анаксимандр — слишком ранняя фигура для того, чтобы сохранились сведения о его манере дер- жаться и одеваться: в наших источниках нет ничего сопостави- мого даже применительно к Фалесу, чья известность среди совре- менников и ближайших потомков была несравненно большей. Напротив, Анаксагор был знаменитым человеком в эпоху, когда появляются уже зачатки биографической прозы — в виде пам- флетов, посвященных наиболее видным политическим деятелям, причем Анаксагор, долгое время живший в Афинах, был тесно связан с некоторыми из таких деятелей. Что поведенческие осо-

бенности видных людей становились предметом толков или же осмеяния — это мы хорошо знаем по аттической комедии. Далее, подражание поведенческой манере и стилю одежды какого-то человека предполагает (для обсуждаемой эпохи, по крайней мере) личное знакомство с этим человеком. Но Эмпедокл еще не родился, когда Анаксимандр умер. «Театральная (буквально — «трагическая») напыщенность» — надо думать, что подобная характеристика восходит скорее к современникам, нежели к отстоящему на столетия комментатору или биографу — предполагает популярность театра, но во времена Анаксимандра театра еще не существовало, тогда как Анаксагор даже занимался проблемой зрительной перспективы, используемой в оформлении театральных декораций (59 A 39 DK).

Итак, в сообщении Диогена со ссылкой на авторитет Диодора Эфесского имя «Анаксимандр» следует заменить на «Анаксагор»¹. В результате мы получаем утверждение, что в отношении облика и манеры держаться Эмпедокл подражал Анаксагору. Такое утверждение находится в полном соответствии с естественным пониманием сообщения Алкидаманта, приведенного также Диогеном. У нас уже, можно сказать, не одно свидетельство, а два. И мы уверенно заключаем, что в отношении облика и поведения Эмпедокл, согласно древней традиции, подражал Анаксагору; соответственно, в отношении «учения о природе» он подражал Пифагору. По крайней мере, именно так утверждал Алкидамант.

Такой результат хорошо согласуется с другими данными источников.

Тот же Диоген следующим образом резюмирует учение Эмпедокла: «Воззрения его таковы: элементов — четыре: огонь, вода, земля и воздух, и еще Любовь, которой они соединяются, и Распря, которой они разделяются <...> Солнце он считает большим скоплением огня, по величине превосходящим Луну. Луну — дисконидным, а само небо — ледообразным. Душа, по его словам, перевоплощается в различные виды животных и растений» (D. L. VIII, 76–77; 31 A 1 DK; пер. А. В. Лебедева).

¹ Некоторые другие примеры путаницы в наших источниках имен «Анаксимандр», «Анаксагор» и «Анаксимен» см. в статье: [Panchenko, 2002, pp. 323–336, esp. 326 f., n. 6].

Ни одно из положений в этом перечне не перекликается со взглядами Анаксагора, тогда как учение о метемпсихозе восходит к Пифагору.

Близость воззрений Пифагора и Эмпедокла по сходному пункту отмечает Секст Эмпирик: «Последователи Пифагора и Эмпедокла, а также множество других италийских философов утверждают, что существует общность не только между нами, и не только между нами и богами, но и между нами и бессловесными животными. По их мнению, существует единое дыхание, которое пронизывает космос наподобие души и объединяет нас с ними» (Adv. Math. IX, 127; 31 В 136 DK; пер. А. В. Лебедева). Мы можем не обсуждать здесь, насколько последняя фраза соответствует точке зрения Пифагора или Эмпедокла. Она, по крайней мере, хорошо показывает, каким образом подобные взгляды могут относиться к области «учения о природе»².

Что касается величественности в образе жизни и стиле одежды, то она предполагает знатное происхождение и богатство. В отличие от Пифагора, Анаксагор обладал и тем, и другим (59 А 1.1; А 13 DK). К тому же мы слышим, что «Анаксагора Клазоменского ни разу не видели ни смеющимся, ни улыбающимся» (Ael. Var. hist. VIII, 13; 59 А 21 DK; пер. А. В. Лебедева) — это ли не τραυκὸς τῶφος из сообщения Диодора Эфесского?

Действительно ли Эмпедокл подражал своим обликом и манерой поведения Анаксагору — этот вопрос обсуждать бесполезно. С одной стороны, ясно, что это весьма сомнительно; с другой стороны, мы недостаточно знаем, чтобы исключить такую возможность категорически. Зато мы в состоянии теперь лучше понять то, как в образованных кругах первой половины IV в. до н. э. воспринимались фигуры Анаксагора и Пифагора.

Что касается Анаксагора, то наличие представления о величественности и торжественности его манер, возможно, позволяет тоньше оценить сказанное о нем в платоновском «Федре» (270а).

² О вероятных связях пифагорейского учения о душе и, в частности, о метемпсихозе с «учением о природе» см.: [Панченко, 2003, с. 25–26; Панченко, 2008, с. 361–362; McKirahan, 2010, p. 110].

Ситуация с Пифагором интересней. Характер этого человека и его восприятие в V–IV вв. до н. э. вызвали к жизни диаметрально противоположные оценки ученых. Вальтер Буркерт попытался представить Пифагора шаманом, Л. Я. Жмудь — более или менее обычным раннегреческим философом и ученым, разве что с ярко выраженным интересом к политике и религии [Burkert, 1972; Жмудь, 1994; Жмудь, 2012]. Соответствующим образом они истолковывали и ранние свидетельства о Пифагоре. Становится очевидным, что в интересующем нас случае общая позиция Л. Я. Жмудя выглядит предпочтительнее. При этом непосредственный смысл слов Алкидаманта был воспринят обоими учеными одинаково. Комментируя их, Буркерт пишет следующее: «Историчность этого утверждения весьма сомнительна, но оно демонстрирует нам общепринятое восприятие Пифагора. “Естествознание” (φυσιολογία) приходит от Анаксагора, а не Пифагора, тогда как торжественная, помпезная манера держать себя, общая для Пифагора и Эмпедокла, в точности соответствует манере шамана — “бессмертного бога”, как у Эмпедокла, и “гиперборейского Аполлона”, как у Пифагора»³. Жмудь пишет, что Буркерт, слишком прямолинейно толкует слова Алкидаманта, утверждая, что «естествознание идет не от Пифагора, а от Анаксагора» [Жмудь, 1994, с. 31 и след., примеч. 29]; ср. [Жмудь, 2012, с. 47]. Но мы видим теперь, что ошибка Буркерта была как раз меньше всего в прямолинейности — в таком случае он сделал бы вывод, что «естествознание идет от Пифагора». Ошибка — в привнесении в истолкование фразы априорных представлений, от чего, как выясняется, не застрахован и такой выдающийся ученый, как Вальтер Буркерт.

Наконец, мы должны сделать еще один вывод — отрицательный: сообщение Диодора Эфесского как свидетельство об Анаксимандре (12 A 8 DK) является недоразумением; оно должно быть передано Анаксагору.

³ «This is very doubtful as a historical statement, but it gives us insight into the common view of Pythagoras; the “natural science” (φυσιολογία) comes from Anaxagoras, not Pythagoras. But the solemn, pompous mien which Pythagoras and Empedocles have in common is precisely the manner of the shaman — Empedocles the “deathless god” and Pythagoras the “Hyperborean Apollo” [Burkert, 1972, p. 215 f.]»

ЛИТЕРАТУРА

1. Жмудь Л. Я. Наука, философия и религия в раннем пифагореизме. СПб.: Алетейя, 1994. 376 с.
2. Жмудь Л. Я. Пифагор и ранние пифагорейцы. М.: Университет Дмитрия Пожарского, Русский фонд содействия образованию и науке, 2012. 445 с.
3. Панченко Д. В. Парадокс Пифагора // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XII. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 355–364.
4. Панченко Д. В. Феномен осевого времени // Древний мир и мы. Вып. III. СПб.: Алетейя, 2003. С. 7–43.
5. Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge: Harvard University Press, 1972. 546 p.
6. McKirahan R. *Philosophy Before Socrates*. 2nd ed. Indianapolis: Hackett Pub. Co.; Cambridge, 2010. XVIII, 494 p.
7. Panchenko D. Eudemus Fr. 145 Wehrli and the Ancient Theories of Lunar Light // Eudemus of Rhodes / eds. I. Bodnár, W. W. Fortenbaugh (Rutgers University Studies in Classical Humanities). 11. 2002. Pp. 323–336.

REFERENCES

8. Zhmud' L.Ia. *Nauka, filosofii i religii v rannem pifagoreizme* [Science, Philosophy and Religion in Early Pythagorean Thought]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 1994. 376 s.
9. Zhmud' L.Ia. *Pifagor i rannie pifagoreitsy* [Pythagoras and Early Pythagoreans]. Moscow, Universitet Dmitriia Pozharskogo, Russkii fond sodeistviia obrazovaniuu i nauke, 2012. 445 s.
10. Panchenko D.V. *Paradoks Pifagora* [The Pythagorean Paradox]. Indoevropenskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiiia — XII [Indo-European Linguistics and Classical Philology — XII]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2008. S. 355–364.
11. Panchenko D.V. *Fenomen oseвого времени* [The Phenomenon of the Axial Age]. *Drevnii mir i my. Vyp. III. [Ancient World and Us. Vol. 3]*. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 2003. S. 7–43.
12. Burkert W. *Lore and Science in Ancient Pythagoreanism*. Cambridge, Harvard University Press, 1972. 546 p.
13. McKirahan R. *Philosophy Before Socrates*. 2nd ed. Indianapolis, Hackett Pub. Co.; Cambridge, 2010. XVIII, 494 p.

14. Panchenko D. *Eudemus Fr. 145 Wehrli and the Ancient Theories of Lunar Light*. Eudemus of Rhodes. Bodnár I., Fortenbaugh W.W., eds. (Rutgers University Studies in Classical Humanities). 11. 2002. Pp. 323–336.
-

Панченко Дмитрий Вадимович

Кандидат исторических наук, доцент Факультета свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета, доцент исторического факультета Высшей школы экономики в Санкт-Петербурге.

Dmitry Panchenko

PhD in History (kandidat nauk), Associate Professor, Faculty of Liberal Arts and Sciences at St. Petersburg State University; Associate Professor, Faculty of History at the Graduate School of Economics in St. Petersburg.

E-mail: dmpanchenko@yahoo.com

КОГДА НАПИСАНА «ПОЭТИКА» АРИСТОТЕЛЯ?

Ключевые слова: древнегреческая философская проза, эстетика, Аристотель, Поэтика, Риторика.

В статье сведены вместе аргументы в пользу поздней датировки «Поэтики». Вопреки мнению части авторитетных исследователей (Дюринг, Буркерт) внешние свидетельства в комбинации с перекрестными ссылками императивно указывают на то, что Аристотель работал над «Поэтикой» в последний период своей жизни, живя в Афинах после 334 г. Это не исключает, что наблюдения над закономерностями литературного творчества записывались им и ранее. Однако окончательный вариант «Поэтики» (возможно, не законченный) создавался после «Политики» и до «Риторики». Доказательства ранней даты «Риторики» признаются недостаточными.

М. М. POZDNEV

St. Petersburg State University

**WHEN THE POETICS OF ARISTOTLE
WAS ACTUALLY WRITTEN?**

Keywords: Aristotle, Poetics, Rhetoric.

The chronology of the Aristotelian works fails to be supported by their proximity to or hostility towards Plato's philosophy. In fact, only two means of maintaining the chronological order are reliable, i. e. the cross-references (provided they are authentic) and the historical data mentioned. The notorious question of different chronological strata underlying Aristotelian treatises we try to put aside admitting that, although he may have worked life-long on the similar topics, the remaining versions are most close to publishable. The final author's revision of a given work should thus be considered as its actual creation. The cross references necessarily bring to the conclusion that the Poetics was created after the Politics and before the Rhetoric: the famous catharsis reference in the Politics is in future tense (which also seems to prove its authenticity); all six Rhetoric references are retrospective; the Poetics reference in ch. XIX, 1456 a 33: τὰ μὲν οὖν περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κείσθω is either prospective or non-Aristotelian (παρεῖσθω, 1456 b 19, is definitely late and the other references to the Rhetoric elsewhere are missing; for additional evidence concerning relative chronology cf. Poet. 1454 b 17–18 and 1460 b 13–1). The absolute chronology

comfortably coincides with this: the Politics displays expectations pertaining to Alexander's reforms and conquests, and to prove that Rhetoric is late one only has to trace the dramatic political events of the early 30-ies hinted at. The Poetics is poor in external evidence of that kind. However, the high esteem of Theodectes and the absence of recommendations regarding satyrs as well as trilogies point at the second Athenian period of Aristotle. The philosopher could have derived inspiration from the impressive theatrical reform program of Lycurgus (reconstruction of the theatre of Dionysus, the edition of the three great tragedians). He may have even been involved in it and most certainly cherished hopes of reviving the art of tragedy which he saw in decline. The position of Düring, Burkert and others who argue that the Poetics and the Rhetoric (or their basic strata) were completed by Aristotle in the years of Academy should be abandoned. The early date of the Poetics tells nothing new about it, whereas the late date is not only better supported by the evidence, but also explains one of the most puzzling features of this treatise, that is, its prescriptive character.

Л. Я. Жмудю без гнева и пристрастия

В хронологии трудов Аристотеля сильным аргументом признается сходство или несходство высказанных философом концепций с мыслью Платона¹. Время «Поэтики» и «Риторики» привычноверяют тем же хронометром, причём на раннюю дату должно указывать или согласие, или расхождение с учителем². Как, однако, до-

¹ Беседы об этом с Л. Я. Жмудём обязали автора вникнуть в тему. Учимся у Леонида Яковлевича методу исследования, не доверяя авторитетам, как прогрессивные аристотелики Чинквеченто учились эмпирическому методу у Аристотеля, те же, кто слепо следовал его авторитету, оказались на ложном пути.

² «Der für die relative Chronologie der Poetik wichtigste Umstand ist die innere Verwandtschaft zwischen der Rhetorik und der Poetik in Sprache, Terminologie, Inhalt, Philosophie (?) und Atmosphäre (!). In beiden Schriften geht Aristoteles direkt von platonischen Positionen aus. In beiden Schriften ist er stark von Platon beeinflusst, verfehlt aber oft Ansichten, die denen Platons zuwiderlaufen» [Düring, 2005, S. 126]. Первые книги «Риторики» написаны при Платоне в силу идейного сходства [Düring, 2005, S. 132–133], тогда как «Поэтику» надо относить к годам в Академии по несходству эстетических идей учителя и ученика ([Düring, 2005, S. 161]; здесь встречаем утверждение: «Im Gegensatz zu Platon und in der volliger Übereinstimmung mit der althellenischen Tradition betrachtet Aristoteles die Dichter als die besten Lehrer des Volkes». Где же Аристотель пишет о поэтах как об учителях народа, да еще самых лучших? Какой уважающий себя теоретик литературы скажет подобное? «Пушкин — учитель русского народа»?) Книга Дюринга претрит тезисами, требующими большей поддержки, чем категоричность ученого: «περὶ λέξεως ist nach der eigentlichen Ars rhetorica geschrieben» [Düring, 2005, S. 121]; «man muss sich vergegenwärtigen, dass Aristoteles nie ein Lehrbuch der Metaphysik geschrieben hat» [Düring, 2005, S. 592] и т. д. (не хочется умножать примеры, вызывающие в воображении картину спиритического сеанса).

казать, что именно за годы в Академии возникли наиболее близкие Платону философские конструкции Аристотеля? В поздних трудах *ipso facto* нельзя исключить единство: ведь не нарочно же с целью оспорить Платона создал Аристотель свою философию. И напротив, почему к первому периоду нужно относить полемические рассуждения? Письменно возражать такому учителю чаще начинают тогда, когда обаяние его личности меркнет, влияние ослабевает, замещаясь самостоятельно накопленным духовным опытом³. Тематическая близость мало помогает аргументации «от Платона»: когда бы вы ни писали, с кем другим соглашаться или полемизировать, если речь заходит о городе будущего, задачах искусства?⁴

Из дискуссий о датах «Метафизики», «Риторики» и «Поэтики» обычно выносятся впечатление невозможности датировать произведение в целом: какие-то части оформились при жизни Платона, другие — в годы странствий и македонского учительства, третьи — после основания Ликия. Ингемар Дюринг полагает, что «Поэтика» в исходной версии состояла из неких «не предназначенных для широкой публики заметок» [Düring, 2005, S. 125]⁵. Их

³ Думаем, поэтому Вернер Йегер, чье деление «Метафизики» на ранние и поздние слои методически обосновало новейшие работы по теме, полагал, что критика учения об идеях в «Альфе» не могла быть оформлена раньше первого отъезда из Афин: «Die Kritik an den Ideen mag schon zu Platons Lebenszeiten in Aristoteles ausgereift sein. Dass er sie in der Akademie und vor Platons Tode schon vortrug, glaube ich nicht» [Jaeger, 1912, S. 3]. По Йегеру, писания Аристотеля в массе хлынули сразу после смерти Платона, пиетет к которому запечатывал этот рог изобилия. В сравнении с нынешними участниками дискуссии ее архетип осторожнее: к годам Академии относит лишь немногие несохранившиеся произведения, написанные для широкой публики, в том числе диалог «Эвдем» и — последним — «Протрептик» [Jaeger, 1923, S. 27–38; 53]. О дате «Физики» осторожно: «um 347» [Jaeger, 1923, S. 311].

⁴ В числе доказательств ранней даты «Риторики» у Дюринга — связь трактовки удовольствия в «Риторике» с соответствующими разделами «Филеба» [Düring, 2005, S. 119]. Седьмую и восьмую книги «Политики» Экарт Шютрумф выделяет из состава трактата, относя к раннему периоду: одним из главных аргументов служат платоновские аллюзии [Aristoteles, 2012, S. XLIII–XLIV], с отсылкой к ранним работам автора. Шютрумф, впрочем, признает: «Die Argumentation „platonisch“ gleich früh, „unabhängig von Platon“ gleich spät ist zu undifferenziert, um verlässlich zu sein».

⁵ О стиле «Поэтики» читаем здесь же: «So wie in der Poetik schreibt (oder diktiert) ein Wissenschaftler, wenn er für seinen eigenen Gebrauch ein Thema ohne unnötigen Ballast behandeln wird». Очередная вкусовая оценка. Стиль для трактата отрывист, но для конспекта полон: не раз предполагалось, причем такими знатоками греческого, как Готфрид Герман, что «Поэтика» — совершенно готовая вещь.

объем, как и содержание, соотношение с имеющимся текстом, выяснить затруднительно: текст переработан, «durch Marginalnotizen und kleine Nachträge versetzt» [Düring, 2005, S. 126]⁶. Итак, «Поэтика», если и была написана рано, подверглась позднейшей правке. Спросим: ради чего? Публикация планировалась. Изданный вариант, в котором все отполировано, противоречия сглажены, стал бы окончательным. Если «Поэтика» — поздняя, тем более вероятно, что автор хотел довести ее до издания. Сохранившаяся версия стилистически и содержательно ближе всего к этому изданию, успел или не успел Аристотель завершить его. Значит, время оформления данного текста и является для нас временем создания «Поэтики».

В спорах о датировке больший вес, чем пересечения с Платоном или с другими произведениями Аристотеля (словно бы его обязывают легко терять или упрямо хранить преданность своим интересам и мыслям), имеют доводы исторического плана, которые соотносят философию с биографией философа. Так, согласно известным выводам А. И. Доватура, «Политика» создавалась с учетом педагогической деятельности Аристотеля в Пелле; работа над ней шла в одно время с восточным походом Александра⁷. И при написании последних книг «Политики», планируя идеальное государство, Аристотель мысленно сопровождал царя в его походе [Доватур, 1983, с. 47–50]⁸. Этим объясняется незавершенность: законодатель следил за ходом эксперимента. Объяснимы

⁶ Тут же автор объявляет в своем стиле: «Мы вынуждены довольствоваться тем, что девять десятых текста одного времени с “Риторикой”». Не видя других оснований для такой датировки, кроме обоняемой критиком «общей атмосферы» и т. п., мы вовсе не хотим этим довольствоваться.

⁷ В четвертой книге упомянут государственный муж, который «дал убедить себя» в необходимости устанавливать повсеместно «средний» государственный строй — лучший из всех доступных (1296 a 38–40). Аристотель говорит здесь об Александре и о своих уроках [Доватур, 1965, с. 46 и далее]. Вместе с упоминанием рокового покушения на Филиппа (1311 b 1–3) имеем решающее свидетельство поздней даты — что А. И. Доватур отстаивает с крайней осторожностью в своей монографии 1965 г. и гораздо решительнее в позднейшем, изданном через год после смерти ученого, предисловии к изданию «Политики» в переводе С. А. Жебелева (см. след. примеч.).

⁸ Идеальный полис мыслился Аристотелем как реализуемый: дан совет тщательно выбирать место (1326 b 26); правящий класс формируется из бывших воинов, чьими подданными станут земледельцы-варвары (1329 a 25).

и следы литературной отделки: раздел, имеющий ценность практического руководства, автор в первую очередь готовил к изданию.

Последние главы «Политики» касаются воспитания будущих граждан; говорится о значении музыки. Здесь упомянут «катарсис» и обещано разъяснить понятие в трактате о литературе (ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς ἑροῦμεν σαφέστερον: 1341 b 40). Для относительной хронологии значение свидетельства очевидно — при условии, что Аристотель говорит о «Поэтике». Похоже, так оно и есть: ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς подразумевает специальное сочинение скорее, чем литературный раздел какой-то другой вещи или продолжение «Политики». Характер ссылки («скажем яснее») указывает на планируемую работу. Редакторская вставка маловероятна. Едва ли редактор стал бы ссылаться в будущем времени, решив за Аристотеля, что «Политика» предшествует «Поэтике». Последовательностью, в которой сочинения Аристотеля дошли до наших дней, мы обязаны самому автору. И катарсис, действительно, присутствует в «Поэтике». Правда, обещание «сказать яснее» повисло в воздухе. Термин назван не вскользь, а в центральном, ударном месте, в исходе определения трагедии (1449 b 28: περαινουσα τὴν τῶν τοιοῦτων παθημάτων κάθαρσιν). Но дальше — тишина, об «очищении» ни слова. Куда оно делось? Не мог же автор забыть о нем. И неужели первые издатели Корпуса решили, да еще таким странным способом, выполнить за Аристотеля данное в «Политике» обещание? Видимо, философ сдержал-таки слово. В противном случае, зачем вообще было упоминать «катарсис страстей» в курсе поэтики, тем более акцентируя на этом внимание слушателя и читателя? Следовательно, нет причин отступать от общего мнения: текст «Поэтики» неполон, теория катарсиса утрачена. Кроме этого существуют другие свидетельства неполноты дошедшей «Поэтики»: Πραγματεία τέχνης ποιητικῆς в двух книгах из каталога Диогена Лаэртского (5, 24)⁹ и отсутствие в дошедшей версии раздела о комедии, обещан-

⁹ В арабском каталоге, возводимом к Птолемею Хенну, сочинение «О поэзии» также имеет две книги. Ποιητικὴ α каталога Диогена (5, 26), предположительно, является «Поэтикой» в том самом виде, в каком она дошла до нас, уже без второй книги. Подробно см.: [Позднев, 2010, с. 308; 570].

ного в начале (1449 b 21–22) и, очевидно, помещенного ближе к концу трактата. В «Риторике» дважды упомянут этот раздел: «о смешном определено отдельно в сочинении о поэзии»; «в сочинении о поэзии сказано, сколько типов смешного» (1372 а 2–3; 1419 b 6–7).

Подходим к острому моменту: если верить перекрестным ссылкам, «Риторика», которую Дюринг относит к годам в Академии [Düring, 2005, S. 119–125]¹⁰, создавалась после окончания «Поэтики», а значит и позднее «Политики». Конечно, многих подводит «das naive Vertrauen in den Wert der Querverweise», и неясно, к чему отсылает ἐν τοῖς πολιτικοῖς, когда в известной нам «Политике» ничего похожего не обнаруживается [Aristoteles, 2002, S. 185]¹¹. Однако «Риторика» *шесть раз* ссылается на «Поэтику» в прошлом (кроме мест о комедии есть ссылки на раздел о языке, гл. XX–XXII: 1404 b 27–28; 1405 а 5–6; ср. 1404 а 39; b 7–8).

В «Поэтике» также есть ссылка на «Риторику» (с. xix, 1456 а 33): τὰ μὲν οὖν περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κεῖσθω. Место трудное. Кристоф Рапп, автор новейшего академического комментария к «Риторике», трактует: «was nun den Gedanken betrifft, so sei das in der *Rhetorik* Ausgeführte vorausgesetzt» [Aristoteles, 2002, S. 188]¹². Сходно и у Инграма Байюотера, одного из лучших за всю историю комментаторов «Поэтики»: «as for the Thought, we may assume what is said of it in our *Art of Rhetoric*» — что, казалось бы, противоречит ретроспективным отсылкам «Риторике». Здесь κεῖσθω означает «пусть будет взято за основу», «пусть будет принято». Так в привычном обрамлении аристотелевского трактата, когда κεῖσθω бывает тождественно ὑποκεῖσθω («положим», равное «предположим»), означая исходный тезис (An. 27 b 13; b 24 etc.; Phys. 236 а 18; Met. 1068 а 6; ср. для ὑποκεῖσθω: PA 689 а 12;

¹⁰ Третья книга была трактатом *Περὶ λέξεως*, созданным в Афинах вскоре после собственно «Риторике» и ставшим ее третьей книгой благодаря «редактору».

¹¹ Впрочем, ссылка на «Политику» в конце Rh. I 8 (1366 а 21–22), вопреки Раппу, не обязывает перечень государственных устройств в «Риторике» точно соответствовать классификации в «Политике».

¹² Еще определеннее у Инграма Байюотера: «As for the Thought, we may assume what is said of it in our *Art of Rhetoric*, as it belongs properly to that department of inquiry» [Aristotle, 1909, p. 55].

Pol. 1323 b 40; Sens. 447 a 17; Phys. 185 a 12)¹³. В цитируемых переводах Байуотера и Раппа ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς относится к группе подлежащего. Эллипс молчаливо восполнен за Аристотеля: «*what is said*», «*das Ausgeführte*», sc. ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς [εἰρημένα]. Ср., например, начало трактата «О восприятии и воспринимаемом» (436 a 5–6): τὰ μὲν οὖν εἰρημένα περὶ ψυχῆς ὑποκείσθω, περὶ δὲ τῶν λοιπῶν λέγωμεν, καὶ πρῶτον περὶ τῶν πρῶτων. Аристотель напоминает, что сущность и качества души были рассмотрены ранее, объявляет о новой теме, после чего возвращает к прежним выводам: «сказанное о душе пусть будет принято за исходное, об остальном же давайте скажем, причем начиная с главного». Звучит естественно, субъект τὰ εἰρημένα περὶ ψυχῆς и предикат ὑποκείσθω в равновесии. Но κείσθω «Поэтики», выдерживая вес подлежащего τὰ περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς, оказывается интонационно перегруженным, что вместе с отсутствием причастия создает впечатление неестественности. Ни одна рукопись не читает ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς εἰρημένα. Придется ставить крест или списывать странный синтаксис на конспективный стиль трактата. Другие понимают ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς предикативно, жертвуя обычным смыслом κείσθω у Аристотеля¹⁴. Недостаток здесь еще очевиднее: метафорическое κείσθω не отличается от предметного. «Касающееся рассуждения *пусть будет помещено* в «Риторике»» (как τράπεζα κείσθω: Soph. El. 362). Пространственное κείσθω подкрепляется, хотя слабо, следующей за спорным пассажем фразой: τοῦτο γὰρ ἴδιον μᾶλλον ἐκείνης τῆς μεθόδου («ведь это более свойственно ее [то есть «Риторики»] исследованию»). Однако

¹³ Ретроспективная отсылка обычнее в индикативе: καθάπερ ἐν τοῖς τοπικοῖς εἴρηται (An. Pr. 24 b 12); διώρισται μὲν οὖν περὶ τούτων ἐν τοῖς περὶ τὰς τῶν ζῶων κινήσεις (De caelo 284 b 13); κεῖται δὴ ἡμῖν τὴν τραγωδίαν τελείας καὶ ὅλης πράξεως εἶναι μίμησιν (Poet. 1450 b 23). Ср. приведенные выше ссылки «Риторики» на «Поэтику». Однако формами перфектного императива на -σθω (εἰρήσθω ταῦτα, διωρίσθω τοῦτον τὸν τρόπον) Аристотель, как знает каждый его читатель, любит заканчивать раздел (главу, книгу).

¹⁴ Каждый пытается обойти трудность по-своему: «the discussion of thought can be left to my discourses on rhetoric» [Aristotle, 1995, p. 97]; «let the exposition be available in, perhaps in the future» [Aristotle, 1968, p. 195]; «die διάνοια nun mag in der Rhetorik behandelt sein» [Vahlen, 1867, S. 213]; «exposita sunt et inde petantur» [Bonitz, 1870, S. 380], s. v. κείσθω: «exposita sunt et inde petantur»; ср. также: [Thielscher, 1948, S. 231].

κεῖσθω в контексте научной и философской дискуссий столь обычно (Plat. Soph. 250 e 5; Resp. 350 d 6; Leg. 689 c 6; 737 a 7; Theophr. Plant. 6, 1, 1; Plut. Quaest. 661 a 9 etc. etc.), что странно предполагать здесь «вещный» смысл. Параллелей такому κεῖσθω нет, апория кажется непреодолимой.

В заключении 19-й главы рассмотрение διάνοια предлагается «оставить в стороне как не относящееся к поэтике»: διὸ παρεῖσθω ὡς ἄλλης καὶ οὐ τῆς ποιητικῆς ὃν θεώρημα (1456 b 19). Перфектный императив παρεῖσθω засвидетельствован у писателей уже римского времени (впервые Polyb. 2, 56, 9; 2, 59, 3; много примеров, начиная с эпохи второй софистики). Быть может, τὰ περὶ τὴν διάνοιαν ἐν τοῖς περὶ ῥητορικῆς κεῖσθω также на совести Андроника и его соредакторов. Для них «Риторика» была готовым сочинением, но написанным после «Поэтики»; εἰρημμένα в их ссылке отсутствует, поскольку перфектное причастие со всей определенностью указывало бы в прошлое. Если спорное место все же принадлежит Аристотелю, отсутствие εἰρημμένα означает, что «Поэтика» и «Риторика» сочинялись параллельно. Как термин διάνοια определяется в контексте поэтики (1450 b 5: τὸ λέγειν δύνασθαι τὰ ἐνόντα καὶ τὰ ἀρμόττοντα), для риторики же имеет более общий смысл, означая любую аргументацию (1403 b 1)¹⁵.

Κεῖσθω, хотя бы и в привычном смысле, не отменяет, следовательно, ретроспективных отсылок «Риторике» к «Поэтике» и диктуемой ими последовательности. В «Риторике» имеются указания на многие прежние работы. Автор ссылается не только на «Поэтику» и «Политику», но, например, и на свое учение о силлогизмах (ἐν τοῖς συλλογισμοῖς: 1355 a 30), и на «Софистические опровержения» (1402 a 3). Между тем ни один из прочих трудов не отсылает к «Риторике» — пространному сочинению, охватывающему многие темы (умозаключение, порядок доказательства, эмоции и характеры, язык и стиль). Напрашивающийся вывод: «Риторика» является последним из сохранившихся трактатов Аристотеля, посвященных искусству убеждать и словесному творчеству.

¹⁵ По мнению Дюринга, слова καὶ ὅλως τῶν περὶ τὴν διάνοιαν (Rh. 1403a35–b1, в конце 2-й книги) дописаны редактором с учетом разбираемого места «Поэтики» [Düring, 2005, S. 118]. Лукас, хотя и переводит κεῖσθω проспективно (см. предыдущее примеч.), указывает, что отсылка к прошлому подразумевала бы наличие в «Риторике» нескольких «слов» [Aristotle, 1968, p. 195].

Доказательство ранней даты «Риторики» обременительно даже для ученых с мировым именем. По мнению Вальтера Буркерта, упоминание актеров Теодора и Филемона — их расцвет приходится на конец 70-х гг. — рассчитано на тех, кто незадолго до того слышал их голоса в театре [Burkert, 1975, S. 67–68]. Малоубедительный аргумент. Оба пассажи имеют мемуарный характер. Манера игры Теодора была естественнее, чем у других актеров, а Филемону прекрасно удавались анафорические повторы в монологах: οἶον ἢ Θεοδώρου φωνὴ πέπονθε πρὸς τὴν τῶν ἄλλων ὑποκριτῶν· ἢ μὲν γὰρ τοῦ λέγοντος ἔοικεν εἶναι, αἱ δ' ἄλλότρια (III 2, 1404 b 22–24); οἶον καὶ Φιλήμων ὁ ὑποκριτῆς ἐποίει ἐν τε τῇ Ἀναξανδρίδου Γερωντομαχίᾳ, ὅτε λέγοι “Ραδάμανθυς καὶ Παλαμήδης, καὶ ἐν τῷ προλόγῳ τῶν Εὐσεβῶν τὸ “ἐγώ” (III 12, 1413 b 25–27) — всё в плане прошедшего. Так вспоминают больших актеров прошлого: «Гамлет Смоктуновского с его вкрадчивыми интонациями...» В 26-й главе «Поэтики» Аристотель пишет об актерах V в., которых сам видеть не мог, о Минниске и Каллипиде: один обзывал другого обезьяной (1461 b 34–35).

Столь же эфемерны другие доводы школы Дюринга и Буркерта. Указывают на пересечения с «Топикой», созданной в годы Академии¹⁶. Но при обсуждении смежных вопросов иначе и не бывает: сходство обусловлено содержательной близостью. *Argumentum ex silentio*: в «Риторике» всего трижды встречается Демосфен (1397 b 7; 1401 b 33; 1407 a 5, причем лишь в последнем случае как оратор)¹⁷. Но у Стагирита, даже независимо от его македонских симпатий и персидских антипатий, были свои предпочтения. Горгий лучше годился в примерах и привлекается семь раз, а Лисий, которого, как и Демосфена, считают символом аттического красноречия, не привлекается вовсе. Так и в «Поэтике» почти отсутствует

¹⁶ Решающим доказательством ранней даты «Риторики», по мнению Дюринга, служит тематическая близость «Тописке» и кн. VII «Физике», а также связь с интересами Академии [Düring, 2005, S. 121].

¹⁷ Там же. Когда Аристотель писал кн. II «Риторики», Демосфен, якобы, еще не успел прославиться. Доватур приводит похвальное упоминание Демосфена в «Риторике» (в ущерб его политическим оппонентам: 1401 b 31) как одно из доказательств того, что неодобрение поступков или идейных установок человека не мешало Аристотелю-теоретику уважать его талант [Доватур, 1965, с. 91].

Эсхил. Ученики Платона спорили с Исократом. Именно в Академии — указывают нам — теория красноречия была актуальна для Аристотеля. Он отстаивал позицию учителя публично, читал лекции о теории ораторского искусства, и в первой книге «Риторики» ощутим полемический пафос [Aristoteles, 1965, S. 183, со ссылкой на Ф. Зольмсена]. Но откуда известно, что полемика тех лет утратила для него общетеоретическую ценность? Да и упоминает он Исократу всегда не с целью оспорить, а наоборот, чтобы похвалить, приведя в пример (1368 а 20: достоинством оборачивается даже непривычка к судоговорению; 1399 а 2–6; 1408 b 15; 1411 а 29–30 etc.).

На другой чаше весов более веские аргументы исторического свойства¹⁸. В третьей книге многократно цитируется «Филипп» Исократу, созданный в 346 г. За позднюю дату говорят рассеянные по тексту второй и третьей книг реминисценции исторических событий вплоть до 336 г. (διδόναι γῆν καὶ ὕδωρ δουλεύειν ἐστίν, καὶ τὸ μετέχειν τῆς κοινῆς εἰρήνης ποιεῖν τὸ προσταττόμενον: ясно, что именно такой «общий мир» получили греки после Херонеи: 1399 b 12). Один пример взят из речи послов Филиппа к фиванцам в 339 г. (1397 b 34–98 а 2); есть недвусмысленный намек на поражение Афин в войне с Македонией, которое провоцировало обвинения в адрес Демосфена (1401 b 32–34). Перечисленное позволяет Полю Моро и его последователям приписывать «Риторику» позднему Аристотелю [Moraux, 1951, p. 317]. Странникам теории авторских вставок напомним комментарий А. И. Доватура к месту о покушении на Филиппа в «Политике»: «Законченное и хотя не забытое, но оставленное в стороне произведение едва ли требовало внесения в него одного дополнительного исторического примера» [Доватур, 1983, с. 50]. Автор редко возвращается к готовой вещи не только ради одного, но и ради нескольких свежих примеров. Лучше оставить читателям и слушателям возможность самим

¹⁸ Заняты «биографический» аргумент Дюринга: образы, которые Аристотель видел на двух картинах в зале Академии (Сократ и Каллий), присутствуют в Rh. I 2 и II 4. Следовательно, он читал все это там (показывая пальцем на стену?) [Düring, 2005, S. 120]. Допустим, «Сократ в белой одежде» или «Каллий», соседствующий в тексте с «Сократом», сошли в «Риторику» с картины. Многие годы глядя на одни и те же изображения, наверное, запомнишь их навсегда. Слушавшие Аристотеля в Ликее бывали и в Академии. Или после 347 г. картины сняли со стен?

добавить схожее и очевидное: в суггестивном плане такой ход выгоднее нагнетания однородного материала.

Позиция К. Раппа, лучшего знатока «Риторики» Аристотеля, в целом совпадает с мнением А. И. Доватура относительно хронологии «Политики»: собирание и осмысление нового материала вносило существенную правку в ранние версии. Мнение Раппа: «Dass verschiedene Teile des Werks auf verschiedene Entstehungszeiten hinweisen, dürfte schlicht und einfach eine Folge des bekannten Umstandes sein, dass es sich bei der *Rhetorik* — wie bei vielen anderen der Aristotelischen Schriften — um einen Text handelt, der Aristoteles' Lehrtätigkeit zugrunde lag und bei späteren Vorlesungen über denselben Stoff ergänzt und überarbeitet wurde» [Aristoteles, 2002, S. 178]. Доватур также допускает «возможность мелких, средних и крупных переделок, дополнений, новых редакций сочинения в целом или его разделов» [Доватур, 1983, с. 51]. Едва ли стоит продолжать анализ динамики, отшелушивать «ядро» от «слоев». Ведь не исключено, что «Прото-Поэтика» («Прото-Риторика», «Прото-Политика») — плод воображения исследователей. Возможно, существовали черновики, массивы текста, переработанные и включенные в позднейшие сочинения: в «Поэтику» отдельными главами входит раздел трактата о языке и часть «Гомеровских вопросов»; вторая книга включала материал диалога «О поэтах». Однако чтение релевантных текстов с вниманием к их относительной хронологии подводит к убежденности в том, что «Поэтика» следовала за «Политикой», предшествуя «Риторике», и что подготовка к публикации, придавшая трактату окончательный вид, осуществлялась уже в годы Ликея. Для литературы — читаем в гл. XXV — невозможно установить строгие правила. «Правильность в политике не та же, что в поэтике; и в любом другом искусстве она иная, чем в поэтике» (1460 b 13–15). Почему для первого сравнения выбрано искусство политики? В музыке или медицине правила куда строже. Не потому ли, что курс поэтики, как и обещано, шел сразу за курсом политики? Пример политики, не лучший, но ближайший, вспомнился сам собой. В «Поэтике» встретим и отсылку к опубликованным работам: «об этих вещах достаточно сказано в изданных сочинениях» (εἴρηται δὲ περὶ αὐτῶν ἐν τοῖς ἐκδεδομένοις λόγοις ἰκκωνῶς: 1454 b 17–18). Нам важен не столько адрес (очевидно, ди-

алог «О поэтах»), сколько небрежный тон ссылки: так ссылаются, когда за плечами известность.

Переходя к абсолютной хронологии, снова увидим, что авторитетное мнение Дюринга, относившего «Прото-Поэтику» к годам в Академии, имеет под собой зыбкую почву. Конечно, и в числе комментаторов «Поэтики» есть защитники ранней даты, такие как Джералд Элс [Else, 1972, pp. 55–57; Else, 1986, pp. 67–73, 205–212]¹⁹, влиятельный же Стефен Халливелл с осторожностью агностика допускает любую [Halliwell, 1986, pp. 329–330]. Создание «Прото-Поэтики» в первый афинский период доказывается характерным (см. выше) способом: философия искусства Аристотеля была ответом на критику Платона²⁰. Пусть так, почему ответ непременно следовало высказать учителю в лицо? Платон в «Поэтике» не упоминается, хотя в числе произведений, подпадающих под определение литературы, названы Σωκρᾶτικὸὶ λόγοι, жанр, наиболее полно и выразительно представленный творениями Платона (1447 b 9–11). «Сократические беседы» стоят в одном ряду с мимами Ксенарха и Софрона, которого Платон любил перечитывать (D. L. 3, 18). Так, с долей иронии, Аристотель похвалил в Платоне писателя. Юношей или пожилым человеком? Не умеем ответить. Для первой книги «Метафизики», где в контексте критики учения об идеях философия партиципации объявлена «пустословием и поэтическими метафорами» (991 a 21–2), трудно принять раннюю дату, но если даже «Альфа» — ранняя²¹, автор всегда мог вер-

¹⁹ В подавляющем большинстве известных комментированных изданий «Поэтики» (Байуотер, Гудеман, Ростаньи, Лукас и др.; комментарий Элса, вызвавший критику, не относится к классическим), принята поздняя дата.

²⁰ См. примеч. 2. За строками «Поэтики» просматривается не образ Платона, а творческая биография ее создателя. История трагедии в главах IV и XIII представлена как постепенное проявление in actu наличного in potentia драматического начала, то есть в духе учения об энергии и энтелехии, существенного для натурфилософии Аристотеля. Пассаж об узнании по умозаключениям и все рассуждение о силлогизмах / паралогизмах в главе XVI отсылает к его логике.

²¹ На что нет никаких указаний; семь ссылок на «Физику», равно как и пересечение с «Поэтикой» (то же: Met. N 1090 b 19–20 и Poet. 1451 b 34), ничего не дают для хронологии. Дюринг с его привычкой думать, будто Аристотель уехал из Афин, написав едва ли не все свои труды, кроме естественнонаучных, пишет «ziemlich früh, vor My 1–9 und vor dem Protreptikos» [Düring, 2005, S. 261]. Высказываем здесь признательность А. Л. Верлинскому, объяснявшему нам, в чем польза пытливости при хронологическом анализе «Метафизики».

нуться к понравившейся ему мысли и сказать о Платоне-писателе в иной связи (и в совершенно ином тоне, без запальчивости).

Как и Σωκράτικοὶ λόγοι, трагедии Херемона, Астидаманта, Теодекта, Полиида, Клеофонта, Сфенела свободно привлекаются Аристотелем для примера: теория литературы обязана учитывать новейший материал. Из «Риторики» знаем о популярности Херемона у *читателя*: Херемон и Ликимний создают «удобочитаемые» произведения, их «не выпускают из рук» (1413 b 12–16 βαστάζονται δὲ οἱ ἀναγνώστικοί κτλ). И Аристотель говорит, что хорошую трагедию достаточно прочесть, чтобы оценить ее достоинства (1462 a 11–13). Литературные соображения, указывающие на середину IV в., для точных хронологических дистинкций, конечно, недостаточны. Все названные драматурги начали писать еще до первого отъезда Аристотеля из Афин. Театральная карьера Теодекта, которого Аристотель очень ценит (Poet. 1455 a 8–12; b 29), началась около 453 г. (речь-трагедия «Мавзол», прочитанная им в Галикарнасе на литературном состязании, устроенном Артемисией в память о муже²²). Суда s. v. свидетельствует: ῥήτωρ, τραγεῖς δὲ ἐπὶ τραγωδίας. Когда траγεῖς, неизвестно. Если верить Суде, Теодект был учеником Исократы, Платона и *Аристотеля*, автором 50 трагедий, восьмикратным победителем. Умер, вероятно, после 40 г.: в 334 г. Александр увенчал его статуя в Фаселисе (Plut. Alex. 17). Познакомился с Аристотелем, надо думать, при жизни Платона, к драматургии же обратился за пять-шесть лет до его смерти. Расцвет и слава трагика — в следующее десятилетие. Две трагедии — «Линкей» и «Тидей» — цитируются в «Поэтике» с именем Теодекта; ему же, вполне вероятно, принадлежат «Финеиды», цитируемые, хотя без имени, в одном ряду с «Тидеем» (1455 a 10). Пример из «Филоктета» находим в «Никомаховой Этике» (1150 b 9), пассаж «Елены» приводится в «Политике» (1255 a 36–38), еще три трагедии — «Алкмеон», «Аякс» и «Орест» — в порядке экземплификации положений «Риторике» (1397 b 2–6; 1399 b 29–31; 1400 a 27–29; 1401 a 35–1401 b 2). Легко ли с нашими знаниями о Теодекте поверить, что упомянутые Аристотелем в «Поэтике» и «Риторике» пьесы сочинены, постав-

²² «Das Werk war offenbar eine Überraschung, eine der ältesten dramatischen Versuche des T.» [Solmsen, 1934, Sp. 1724].

лены, заслужили известность и учтены в трудах Аристотеля после 353, но еще до 347 г.?

Как в общей теории литературы, так и сообщая рецепты идеальной драмы, Аристотель полностью игнорирует сатиров. Его программа включает только трагедию, эпос и комедию. Сатирическая драма вспоминается однажды, в чисто умозрительной историко-литературной ретроспективе, как тень далекого прошлого, когда трагедия не успела полностью отделиться от «сатирического начала» (философ представляет трагедию и сатиров на заре истории драмы сплоченными в некий общий жанр: 1449 а 20–23). В 341 г. Астидамант впервые победил с трилогией, то есть без сатиров. Перестав быть обязательным элементом программы Великих Дионисиев, драма сатиров уходила в историю. А в следующем году тот же прославленный Астидамант — вероятно, в силу своей исключительной популярности — мог выступить и победить всего с двумя трагедиями (С.І.А. II 973)²³. И о трилогиях, их построении, композиционной или эмоциональной связи трех трагедий цикла в «Поэтике» нет ни слова.

Живя в Афинах после 334 г., Аристотель становится свидетелем предпринятого Ликургом строительства театра Диониса и переиздания для повторных постановок произведений трех великих трагиков, чьи статуи должны были украсить новый театр. В кодификации классических трагедий Аристотель как историк театра мог участвовать и сам. Предполагаем, что «Поэтика» составлялась и редактировалась в ходе этой деятельности, под впечатлением театральных мероприятий Ликурга [Позднев, 2010, с. 652–653]. Абсолютная хронология не противоречит относительной: окончательная редакция, иначе говоря, создание трактата о литературе имело место в последнее десятилетие жизни Стагирита.

Предположив раннюю дату, не дополним наших знаний о «Поэтике» и ее авторе ничем, кроме (требующего доказательств *per se*)

²³ Оба важных для истории театра факта замечены Францем Зуземилем [Susemihl, 1899, S. 631]. Конечно, сатиров (нередко «старых», написанных классиками афинского театра) и трилогии ставили еще многие десятилетия: свидетельства надписей III–II вв. до н. э. отнюдь не единичны, и даже Гораций признает сатирическую драму живой, или, по крайней мере, не теряет надежды на ее возрождение (cf. Ars. 225sq. et Porphyg. ad loc.) Важно, что трагикам перестают вменять в обязанность сочинение, а антрепренерам — постановку четырех и даже трех пьес. Аристотель, похоже, сочувствует переменам.

желания возразить Платону. Напротив, именно в том случае, если «Поэтика» написана после 334 г., дата создания действительно важна для понимания намерений создателя и общего характера памятника, и значит, только в этом случае разговор о хронологии вообще имеет смысл²⁴. «Поэтика» по композиции сходна с «Политикой». Предмет рассмотрен сперва как данность, для чего накоплен весь доступный сравнительный материал. После описательной части — нормативная: идеальное государство, лучшая трагедия. Подобно «Политике», «Поэтика» имеет незаконченный характер, и неизвестно, насколько полной была версия, не пережившая античности. Критик пытается изобразить перспективы трагедии, исходя из современной литературной жизни. Он жил в эпоху перехода к новой общественной модели и сам пытался участвовать в создании этой модели. Его конструкция мусического воспитания в «Политике» направлена на реальное общество, его советы драматургам осуществимы. Нельзя воспринимать как монолит ни «Политику», ни «Риторику», ни «Поэтику». Их темы занимали философа с юных лет и до конца жизни. Вместе с тем подготовка издания «Поэтики» в поздний период объясняет, почему Аристотель не ограничился определением и классификацией литературных феноменов. Изданная «Поэтика» стала бы не только регистрацией, но и планом развития литературы, литературной программой философа, смотревшего в будущее²⁵.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Доватур А. И.* Политика и Политии Аристотеля. М.; Л.: Наука, 1965. 393 с.
2. *Доватур А. И.* «Политика» Аристотеля // Аристотель. Собрание сочинений в 4-х т. М.: Мысль, 1983. Т. 4. 830 с.

²⁴ Согласно с мнением Дюринга: «Wer den Versuch macht, die relative Chronologie der Schriften zu bestimmen, muß immer wieder den erst noch zu beweisenden Satz als Beweisgrund benutzen. Wenn ich trotzdem den Versuch mache, dann deshalb, weil nach meiner Überzeugung eine Arbeitshypothese über die chronologische Abfolge seiner Schriften eine notwendige Voraussetzung für die Einzelinterpretation der Schriften ist» [Düring, 2005, S. 43–44].

²⁵ Ответ резонному недоумению Гельмута Флашара: ради чего Аристотель дает советы трагикам, «ungeachtet der Tatsache, daß die Zeit der großen Tragödien vorbei war» [Flashar, 1974, S. 36].

3. Позднев М. Психология искусства: учение Аристотеля. СПб.; М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010.
4. Aristotle. On the Art of Poetry / a revised text with critical intr., transl. and comm. by I. Bywater. Oxford, 1909. XLVII, 387 p.
5. Aristotle. Poetics / ed. and transl. by S. Halliwell. London: Harvard University Press, 1995. 533 p.
6. Aristotle. Poetics / ed. with intr. and comm. by D. W. Lucas. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1968. XXVIII, 313 p.
7. Aristoteles. Politik / Übers. und mit einer Einl. sowie Anm. hrsg. von E. Schütrumpf. Hamburg: Meiner, 2012. LXVI, 354 c.
8. Aristoteles. Rhetorik / Übers. und erläutert von Chr. Rapp. 1. Hb. Berlin: Akademie Verlag, 2002. 1007 S.
9. Bonitz H., Index Aristotelicus. Berlin: Reimer, 1870. 878 p.
10. Burkert W. Aristoteles im Theater. Zur Datierung des 3. Buches der «Rhetoric» und der «Poetic» // Museum Helveticum. Bd. 32. 1975. S. 67–72.
11. Düring I. Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens. 2e Aufl., Nachdruck der Ausg. von 1966. Heidelberg: Winter, 2005. XV, 670 p.
12. Else G. F. The Structure and Date of Book 10 of Plato's *Republic*. Heidelberg: Winter, 1972. 74 S.
13. Else G. F. Plato and Aristotle on Poetry. Chapel Hill: University of North Carolina Press; London, 1986. XXI, 221 p.
14. Flashar H. Aristoteles und Brecht // Poetica. № 6. 1974. S. 36.
15. Jaeger W. Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles. Berlin, 1912. S. 131–148.
16. Jaeger W. Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin: Weidmann, 1923. 438 S.
17. Halliwell S. Aristotle's *Poetics*. London: Duckworth, 1986. XI, 69 p.
18. Moraux P. Les Listes Anciennes des Ouvrages d'Aristote. Louvain: Éditions Universitaires, 1951. X, 391 p.
19. Solmsen F. Theodectes // Realencyclopädie. Bd. VA-10. 1934. S. 1726–1727.
20. Susemihl F. Kleine Beiträge zur Geschichte der griechischen Tragödie // Rheinisches Museum. Bd. 54. 1899. S. 473–476.
21. Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitatzen // Philologus. 1948. Bd. 97. S. 229–265.
22. Vahlen J. Beiträge zu Aristoteles' Poetik. Teil III. Wien: Gerold in Komm., 1867. S. 213–439.

REFERENCES

1. Dovatur A.I. *Politika i Politii Aristotelia* [Aristotle's Politics and Politeia]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1965. 393 s.
2. Dovatur A.I. «*Politika*» *Aristotelia*. [Aristotle's Politics] Aristotel'. So-branie sochinenii v 4-kh t. [Aristotle: Collected Works, in 4 volumes]. Moscow, Mysl' Publ., 1983. T. 4. 830 s.
3. Pozdnev M. *Psikhologiiia iskusstva: uchenie Aristotelia* [Psychology of Art: Aristotle's Thought]. Saint Petersburg; Moscow, Russkii fond sodeistviia obrazovaniiu i nauke, 2010. 816 s.
4. Aristotle. *On the Art of Poetry*, a revised text with critical intr., transl. and comm. by I. Bywater. Oxford, 1909. XLVII, 387 p.
5. Aristotle. *Poetics*, ed. and transl. by S. Halliwell. London, Harvard University Press, 1995. 533 p.
6. Aristotle. *Poetics*, ed. with intr. and comm. by D.W. Lucas. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press, 1968. XXVIII, 313 p.
7. Aristoteles. *Politik*. Übers. und mit einer Einl. sowie Anm. hrsg. von E. Schütrumpf. Hamburg, Meiner, 2012. LXVI, 354 S.
8. Aristoteles. *Rhetorik*, Übers. und erläutert von Chr. Rapp. 1. Hb. Berlin, Akademie Verlag, 2002. 1007 S.
9. Bonitz H. *Index Aristotelicus*. Berlin, Reimer, 1870. 878 p.
10. Burkert W. Aristoteles im Theater. Zur Datierung des 3. Buches der «Rhetoric» und der «Poetic». *Museum Helveticum*. Bd. 32. 1975. S. 67–72.
11. Düring I. *Aristoteles: Darstellung und Interpretation seines Denkens*. 2e Aufl., Nachdruck der Ausg. von 1966. Heidelberg, Winter, 2005. XV, 670 p.
12. Else G. F. *The Structure and Date of Book 10 of Plato's Republic*. Heidelberg, Winter, 1972. 74 S.
13. Else G. F. *Plato and Aristotle on Poetry*. Chapel Hill, University of North Carolina Press; London, 1986. XXI, 221 p.
14. Flashar H. Aristoteles und Brecht. *Poetica*. № 6. 1974. S. 36.
15. Jaeger W. *Studien zur Entstehungsgeschichte der Metaphysik des Aristoteles*. Berlin, 1912. S. 131–148.
16. Jaeger W. *Aristoteles. Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung*. Berlin, Weidmann, 1923. 438 S.
17. Halliwell S. *Aristotle's Poetics*. London, Duckworth, 1986. XI, 69 p.
18. Moraux P. *Les Listes Anciennes des Ouvrages d'Aristote*. Louvain, Éditions Universitaires, 1951. X, 391 p.
19. Solmsen F. Theodectes. *Realencyclopädie*. Bd. VA-10. 1934. S. 1726–1727.
20. Susemihl F. Kleine Beiträge zur Geschichte der griechischen Tragödie. *Rheinisches Museum*. Bd. 54. 1899. S. 473–476.

21. Thielscher P. Die relative Chronologie der erhaltenen Schriften des Aristoteles nach den bestimmten Selbstzitate. *Philologus*. 1948. Bd. 97. S. 229–265.
 22. Vahlen J. *Beiträge zu Aristoteles' Poetik*. Teil III. Wien, Gerold in Komm., 1867. S. 213–439.
-

Позднев Михаил Михайлович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Mikhail Pozdnev

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: drpozdnev@yandex.ru

ФОКУС ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ τὰ ἔρωτικά В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ключевые слова: фокус зрительного восприятия, двойственность любви, авторское видение, сопереживание читателя.

В статье говорится о восприятии любви, психологическом состоянии человека, охваченного сильными чувствами, с точки зрения самого героя, автора повествования и читателя. Автор добивается сопереживания читателя своим героям. Это сопереживание становится зеркалом, в котором отражаются события внутри романа. Столкновение желаемого и действительного заставляет героя испытывать одновременно антагонистические чувства: Сапфо fr. 130 Lobel — Page, Катулл. 85, стихи о смешанной природе любви в эпиграммах «Палатинской антологии»: А. Р. XI, 252; XII, 63; XII, 126.

L. B. POPLAVSKAYA

St. Petersburg State University

FOCUS OF THE τὰ ἔρωτικά VISUAL PERCEPTION IN THE GREEK LITERATURE

Keywords: focus of visual perception, duality of love, author's vision, co-experience of the reader.

In the article “The Focus of the τὰ ἔρωτικά visual perception in the Greek Literature” the author talks about the perception of Love, psychological state of a person seized with strong feelings from his own point of view as well as the author's and the reader's. The author makes his readers to experience the same feelings as the heroes do. This co-experience forms the mirror reflecting the events inside the novel. The clash of desire and reality forced the hero to experience the antagonistic feelings at the same time. Sappho fr. 130 Lobel — Page, Catullus 85, the poems about the mixed nature of Love in the epigrams of “Antologia Palatina”; А. Р. XI, 252; XII, 63; XII, 126.

Аристотель в начале «Метафизики» (Aristot. Metaph. А 1. 980 а. 21) говорит о том, что люди ценят чувственные восприятия ради них самих, независимо от того, есть ли от них польза. Видение мы

предпочитаем всем остальным восприятиям, так как оно больше других чувств способствует нашему знанию о чем-то. По словам Аристотеля (Aristot. *Metaph.* A 1. 981 a 25–30) «имеющие опыт знают «что», но не знают «почему», владеющие искусством знают «почему», то есть знают причину (перев. В. Асмус). Для появления искусства нужен общий взгляд, который будет объединять многие эмпирические представления. Искусство призвано сделать их общим достоянием, обобщив их опыт. Анна Карсон применяет эту теорию в своей монографии в главе о символах [Carson, 2005, p. 70]. Название монографии «Эрос горько-сладкий» имеет ввиду известный фрагмент Сапфо (fr. 130 Lobel — Page), но у нее определение любви $\gamma\lambda\upsilon\kappa\acute{\upsilon}\lambda\iota\kappa\rho\nu$ — «сладко-горький Эрос». В английском *compositum* переставлены составляющие части. Речь пойдет о зрительном восприятии представленной ситуации у автора, героя и читателя литературного произведения. Оно не всегда совпадает, и должно ли оно совпадать? Литературный герой живет одним моментом своей вымышленной для нас, но настоящей для него жизни. Он не знает, что будет с ним потом. Это дело автора — знать и «что», и «почему». Читателя автор то ведет, то оставляет в таком же недоумении, что и героя. Еще в архаической литературе слушатель стихов идентифицировал себя с героем словесного творчества, жил его жизнью, страдал его чувствами, претерпевал его $\pi\acute{\alpha}\theta\eta$.

Зародившаяся в устном творчестве, эта традиция личного отношения в зрительном восприятии происходящего проходит через всю греческую литературу: из архаической лирики через классическую драму в позднегреческий роман. Особенно это касается эротической тематики, которая предполагает быструю смену чувств и внутреннюю сопричастность слушателя, зрителя или читателя к этой аффективной сфере. Это и есть фокус зрительного восприятия любви — $\tau\grave{\alpha}$ $\epsilon\rho\omega\tau\iota\kappa\acute{\alpha}$. Латинским словом *focus* (букв. «очаг») в оптике называется точка, где собираются параллельные световые лучи после того, как они пройдут через оптическую систему. Главным называется луч, параллельный оптической оси всей системы. Оптическая ось литературного произведения — это видение автора. Она не всегда совпадает с видением героя. Точка зрения стороннего наблюдателя — это восприятие

читателя, его одновременно вовлекают вовнутрь происходящего и оставляют, как зрителя, снаружи. Точку, в которой сходятся сопереживание героям и автора, и читателя, можно назвать *focus sympathiae*. Этот угол зрения запрограммирован автором литературного произведения. Он управляет этим процессом, используя парадоксальные смещения эмоций. Эти эмоции героев, допустим, в романе, нужны для продвижения сюжета внутри выстроенной заранее композиции романа. Эмоции зрителей, то есть читателей, вовлеченных вовнутрь излагаемых событий, являются тем пространством восприятия, через которое идут зрительные лучи. Сопереживание читателя становится зеркалом для отражения событий внутри романа. Эмоции того, кто следит за судьбой героя, должны совпадать с восприятием происходящего автором и самого героя. *Focus sympathiae* показывает, насколько сам автор или рассказчик, от имени которого он выступает, отождествляет себя с героями своего высказывания. Для этого важно, находится ли он в центре событий, их оценка дается с точки зрения его самого или героев происходящего. Эта же проблема авторского «я» и его лирического героя актуальна в древнегреческой литературе со времен архаической лирики. Сколько было споров об отношении автора к лирическому герою «Кёльнского эпода» Архилоха после того, как был найден текст самого большого в его творчестве из сохранившихся фрагментов! «Я» героя — это личное «я» автора или личностное сопереживание ему вплоть до полной растворенности в созданном автором образе? В «Кёльнском эпode» Архилоха изображена одна из первых эротических сцен в греческой архаической традиции. Эта проблема актуальна и для новейшей, современной литературы. В. Набоков оставил дневниковые записи относительно замысла своего романа «Лаура». Он говорит о «повествовательном модусе» романа о Лауре в романе о Флоре. Какова должна быть позиция автора, если одно повествование включено в другое? «Это будет роман без “я”, без “он”, но повествователь везде подразумевается — “скользящее око”» [Набоков, 2010, с. 143]. Анна Карсон в своей монографии, привлекая материал древнегреческой лирики, драмы и романа, говорит об «эротических парадоксах» восприятия любовной ситуации. Здесь и поступок Анны Карениной на московской станции железной до-

роги, и разговор Елены с Афродитой в Трое у Гомера [Carson, 2005, pp. 4–5]. Факт «эротического парадокса» заключается в «предвосхищении самого Эроса». К жизненному тупику героев приводят «завышенные» ожидания счастья и гармонии в любви. Они не могут оправдаться, так как с самого начала эти желания завышены. Анализ причин несостоявшегося счастья должен сделать читатель, но с искусной подачи автора. Любовь может соседствовать с враждой, оба чувства взаимопроницаемы. Эта мысль была сформулирована еще Гомером. Афродита говорит Елене (Hom. II. III 414–415):

μή μ' ἔρεσθε σχετλίη, μή χωσαμένη σε μεθείω.
 Τὼς δὲ σ' ἄπεχθήρω ὡς νῦν ἔκπαγλ' ἐφίλῃσα.

«Смолкни, несчастная! Или, во гневе тебя я оставив,
 Так же могу ненавидеть, как прежде безмерно любила».

Одновременность горького и сладкого чувства, поразительно выраженная в прилагательном Сапфо γλυκύπικρον, порознь представлена в поэме Гомера. В «Лягушках» Аристофана (Arist. Ran. 1425) в диалоге Еврипида и Диониса заходит речь об отношении народа к Алкивиаду. На вопрос Еврипида, что думает об Алкивиаде город, Дионис говорит: ποθεῖ μὲν, ἐχθαίρει δέ, βούλεται δ' ἔχειν — «с одной стороны желает, с другой ненавидит, но все-таки хочет его иметь». Это дилемма *odi et amo* Катюлла (Cat. 85). У Эсхила в драме «Агамемнон» в первом стасиме второй строфы хор говорит о победе Елены, после которого опустел дом, но Менелаю не верится в это (Aes. Agam., v. 390–395):

Πόθῳ δ' ὑπερποντίας
 Φάσμα δόξει δόμων ἀνάσσειν·
 Εὐμόρφων δὲ κολοσσῶν
 Ἔχθεται χάρις ἀνδρί,
 Ὀμμάτων δ' ἐν ἀχηνίαις
 Ἔρρει πᾶσ' Ἀφροδίτα.

«От тоски по той, что за морем,
 Будет казаться, что призрак властвует в доме;
 Благообразных статуй прелесть
 Ненавистой стала для мужа,

В их отсутствии взора
Целиком пропадает любовь»
(Пер. Л. Б. Поплавской)

В переводе В. Иванова последние стихи переданы более эмоционально:

«Алчут очи живой красоты.
Где ты, где, Афродита?»

Здесь двойственна не любовь, а столкновение желаемого и реального. В качестве примера можно вспомнить фрагмент Анакреонта об Эроте-кузнеце (Anacr. fr. 413 PMG) и эпиграммы «Паладинской антологии». Это стихи о «смешанной» природе любви.

Эпиграмма Никарха (I в. н. э.) состоит из одного элегического дистиха, построенного на хиазме (A. P. XI, 252):

Εἶ με φίλεις, μισεῖς με, καὶ εἰ μισεῖς σὺ, φίλεις με
εἰ δέ με μὴ μισεῖς, φίλτατε, μὴ με φίλει.

«Если ты меня любишь, меня же ты ненавидишь,
Даже когда ненавидишь, по-прежнему любишь меня.
Если же не ненавидишь меня, дорогая, тогда не люби».

Этот же мотив в эпиграмме Антипатра Фессалоникского (A. P. XI, 219), жившего в начале I в. н. э., и в эпиграмме Мелеагра о силе взора двух мальчиков (A. P. XII, 63). Глаза Гераклита могут обратить в пепел даже Зевесов огонь, а Диодора — растопить камень в груди:

«Горе тому, кто примет из глаз у первого пламень,
А у другого страстей сладостно пышущий жар».
(Пер. Ю. Шульца)

О двойственности любви говорится и в другой эпиграмме Мелеагра. Эрот «расцарапал» сердце человека и говорит ему (A. P. XII, 126):

«Вот и снова сладостна рана,
Жалкий, и горячо мед наслаждения жжет!»
(Пер. Ю. Голубца)

Эти эпиграммы о том, что реальность в любви неоднозначна. Один уровень наплывает на другой. Видение событий двойственно. Лексика идет вслед за эмоциями, неясность ощущений проявляется в антагонизме ее выражения.

О двух противоположных началах в любви говорится в мелиамбах поэта Керкида из Мегалополя (III в. до н. э.). Его Эрот, сын Афродиты, получает эпитет «лазоревокрылый» (κυανοπτέρυγον παῖδ' Ἀφροδίτας — Cercid. Meliamb. fr. 1, p. IV Diehl). Керкид был философом-киником, поэтому содержание фрагментов его стихов, найденных в Египте в начале XX в., философское. Эта сатира, написанная лирическими размерами, отличается условно дорийскими формами, неологизмами, большим количеством сложных слов. Эрот Керкида «дует» (πνεύσῃ — v. 5). Это слово может обозначать просто «дуновение», но А. Круазе считает, что Эрот играет на двойной флейте и потому двояко «дует» на людей [Круазе, 1916, с. 630; 2008, с. 669–670. N. 41]. Если кому-то из смертных дуновение придет из его правой щеки (δεξιτερὰ σιαγών), то он «будет править кораблем Эрота с помощью благоразумного кормила Пейто (богиня убеждения) в отсутствие тревог (ἐν ἀτρεμίᾳ — v. 6)». Дуновение слева сулит несчастливим «смерчи» (λαίλαπας) или «бесстыдное кружение страстных желаний» (ἢ λαμυρὰς πόθων ἀέλλας — v. 9). Для них «путь в любви лежит через вздымающиеся волны» (κυματίας δι' ὅλου τούτοις ὁ πορθμός — v. 10). По этому поводу хорошо сказал Еврипид, продолжает философствовать Керкид, «что лучше нам выбрать бурный, но попутный ветер» (κάρρον ἐστὶν ἐκλέγειν τὸν οὐριον ἀμὴν ἀήταν — v. 12). У Керкида маринистические метафоры. Его Эрот — моряк, раз у него есть корабль (ναῦν Ἔρωτος — v. 6). Челн бога любви подчиняется кормилу Пейто, обычной спутнице Эрота. Неприятности любви сравниваются со штормом. Надо, воспользовавшись (χρῶμενον) рулем Пейто с благоразумием (μετὰ σωφροσύνας — v. 13), выбрать «прямой путь плавания», который обозначен редким сложным глаголом εὐθυπλοεῖν. Сам путь назван существительным ὁ πορθμός — «переправа», «пролив» или «море». Это слово употребляется в данном фрагменте Керкида дважды (v. 10, v. 15). Морской путь будет следовать Киприде (ἢ κατὰ Κύπριν ὁ πορθμός — v. 15). В этом же фрагменте Афродита, уже без культового эпитета, неожиданно

уподоблена продажной женщине (πόρνη), она — «та, что с агоры» (ἅ δ' ἐξ ἀγορᾶς — v. 13). Это явно Афродита Пандемос, ее можно «уложить за один обол» (ταύταν ὀβολῶ κατακλίνας — v. 15), зато с ней «никаких беспокойств» (καὶ τὸ μηδενὸς μέλειν), «ни страха, ни волнения» (οὐ φόβος, οὐ ταραχά — v. 15). Нужна ли Елена прекрасная, дочь Тиндарея?

«Дай ей обол, уложи, да и строй из себя
Тиндареева зятя!»

(Пер. Ю. Голубца)

Намек на Еврипида, который предлагает выбрать «попутный ветер» (τὸν οὐριον), то есть путь к цели «с благоразумием» (μετὰ σωφροσύνας), не случаен. Среди fragmenta adespota есть отрывок из одного стиха, который атрибутируется Еврипиду (fr. 187 TGF. N. 2) [Tragicorum Graecorum fragmenta, 1889]¹:

δισσὰ πνεύματα πνεῖς Ἔρωσ
«Двойным дыханьем веешь ты, Эрот».

Его приводит Гермий в комментарии к диалогу Платона «Федр» (Herm. in Plat. Phaedr. 230 e p. 34 c):

καὶ τὸν τραγῶδον τὸν εἰπόντα ἄδισσὰ — Ἔρωσῆ.
«и трагика, сказавшего "двойным дыханием — Эрот"».

Об этом же говорит Лукиан (Luc. Amor. 37 p. 438): δισσὰ γὰρ ὄντως κατὰ τὸν τραγικὸν πνεύματα πνεῖς ὁ Ἔρωσ, ἐνὸς δὲ ὀνόματος οὐχ ὅμοια πάθη κεκοινώνηκε — «ведь действительно, следуя трагике, двойным дыханьем дует Эрот, и страсти одного наименования он не сделал подобными».

Как параллель к «ἀτρεμία... Ἔρωτος» и «εὐθυπλοεῖν» Керкида можно рассматривать эпиграмму Мелеагра, в которой говорится о «спокойном Эроте» (γαλήνη) на маринистическом фоне (A.P. V, 156):

Ἄ φίλερος χαροποῖς Ἀσκληπιάς οἶα γαλήνης
ὄμμασι συμπίθει πάντας ἐρωτοπλοεῖν.

«Любвеобильная Асклепиада взором, как волны, всех убеждает
Поплыть в море Эрота, где штиль».

¹ См. apparatus fr. 187: Euripidi versum tribuit Meineke Com. 4, p. 171.

Лексика этой эпиграммы, на первый взгляд непритязательной, изысканная. Определение девушки φίλεως — compositum из двух «корней любви»: φίλ- и ἐρω-, что значит буквально «любящая любовь». Сложное слово ἐρωτοπλοεῖν — «плыть по морю любви». Асклеиада обещает спокойное плавание (οἶα γαλήνης). Это читается в ее голубых глазах цвета морской воды (χαροποῖς ὄμμασι), поэтому путь будет верным. Здесь переключка с инфинитивом Керкида εὐθλοεῖν — «совершать правильный путь», «идти верным курсом».

В трагедии Еврипида «Ифигения в Авлиде» в хоровой песне первого стасима поется о двух стрелах в колчане златокудрого бога. Одна «блаженным навек человека творит», а другая «сердце и жизнь отравит». «Чистого дай мне желанья жар», — просит хор у Афродиты (Eur. Iph. A. 543 sq. Пер. И. Анненского). Когда речь идёт о δῶρα Κυπρίας, действие богов любви может быть принуждением (ἀνάγκη) по отношению к людям. По словам Пиндара, это делается двояко, «разными руками» (Pind. Nem. VIII, 4–5):

τὸν μὲν ἡμέροις ἀνάγκας χερσὶ βαστά-
ζεις, ἕτερον δ' ἑτέραις.

«на одного ты, (Афродита), налагаешь учтивые руки принуждения,
а на другого — иные».

В рассмотренных нами примерах сложный эпитет Эрота у Сапфо γλυκύπικρον уже четко распадается на два противоположных качества Эрота: не всякому будет дана сладость любви, возможна и одна только горечь. Как хочется избежать этого! Но с богами не спорят, это поняла еще гомеровская Елена, когда Афродита пригрозила ей ненавистью (Hom. II. III, 414–415). Боги любви то даруют надежду, то погружают в бездну отчаяния. Лирический герой архаической поэзии, а затем и эллинистической эпиграммы заставляет читателя проживать чужую жизнь в коротких строках лирического стихотворения, говорящего о душевных муках героя, его раздвоенном восприятии действительности, и ставить себя на его место, узнавая знакомые житейские ситуации.

Парадоксы эмоционального состояния героя оцениваются рассудочно с точки зрения автора. Отталкиваясь от fr. 130 Сапфо, который способствовал названию монографии, А. Карсон подчерки-

вает, что именно вербальные выражения Эроса позволяют читателю переходить от одного уровня желания героя к другому [Carson, 2005, pp. 83–85]. Читатель вовлечен в эмоциональный конфликт души, раздираемой противоположными желаниями. Эмоциональное сопереживание читателя героям романа начинается с позиций знания счастливого конца. Но герои этого не знают, мы смотрим на текст с определенной точки зрения. Наш *focus sympathiae* может не совпадать с тем, как это переживают герои. Это сродни трагической иронии в драме, когда зрители, знакомые с мифом, знают тщетность усилий героя, чтобы избежать своей участи. Но в лирике Сапфо или Ивика, в отличие от романа, одномоментность действия, быстрая смена чувств и невозможность запечатлеть иной исход. Лирический поэт (и его герой) страдает здесь, сейчас, не раздумывая. Только в эллинистической эпиграмме появляется морализаторский тон после короткой и блестящей игры традиционным лексическим набором. Эта лексика касается безысходности неразделенной страсти. Главное — в немногих словах короткого стихотворения на случай запечатлеть чувства, если и неглубокие, то знакомые читателю и сразу находящие его отклик.

По-другому происходит в романах, где речь всегда идет о любви. Там дополнительно применяется техника разделенной дистанции между героями и читателями, чего не было в лирике. Читатели воспринимают действие с позиции этой дистанции. Если они вовлечены в события автором, то только как наблюдатели, не применяя к себе ситуацию героев. Но описание должно быть узнаваемым каждым читателем, это как код, который подключает нужные эмоции для восприятия авторского текста.

Амбивалентность любви была еще в определении гомеровской Афродиты, но не Эроса, который Гомеру был не интересен. У Платона и неоплатоников эта проблема будет раскрываться по-другому, через категорию познания. В романах роль Афродиты такая, как у Эроса в архаической поэзии. Ксенофонт Эфесский в романе «Повесть о Габрокоме и Антии» дает краткий образ амбивалентности Афродиты. Он делает это через детали изображения на свадебном пологе героев, там выткана сцена прелюбодеяния Афродиты и Ареса. Именно это изображение является кодом для понимания читателем происходящего [Протопопова, 2001, с. 157–161]. Такие

сцены присутствовали в вазописи, где были ежедневные жизненные ситуации, там можно было наблюдать картины свадебных процессий, ввод невесты с факелами в дом мужа. Но картина на пологе, как предвестник возможной измены, — пародия на свадебный ритуал, его реалии и атрибуты².

Свадьба в романе — это главный момент, куда сходятся все сюжетные линии героев. Но чтобы они сошлись, нужны перипетии, странные происшествия. Они случаются с героями и с Афродитой на покрывале. Стремление героев непременно достигнуть желаемого счастья приводит к изобретательности самого романиста. Роман быстро закончится вопреки канону жанра, если автор не будет постоянно противодействовать героям в достижении их цели. Но в то же самое время роман нельзя завершить с точки зрения автора вообще без того, чтобы герои достигли желаемого. Нужен happy end, но не так скоро. Тогда в ход идут ухищрения сюжета — перипетии. Это своеобразная телеология, стремление любого явления к разумному концу.

Есть нечто парадоксальное в отношении между героями и автором. Создатель романа знает, чем должна закончиться их история, и хочет ее завершить. Мы, читатели, также знаем, что все закончится благополучно. Но еще рано кончать, считает автор, и читатель опять сомневается, будет ли все хорошо у героев. Желание героев последовательно добиваться своего и желание автора продолжать наполняют роман новым содержанием, превращаясь в двигатель сюжета.

Парадокс — это часть мысли, которая никогда не доходит до конца всей мысли, как в апориях Зенона, где Ахиллу никогда не догнать черепаху. Замысел романического автора сразу не разгадывается читателем, он ему так просто не дается. Концепция автора не в пределах досягаемости читателя. А если замысел не дается, возникает дистанция в понимании того, что происходит. Автору романа нужно это разводящее пространство как зеркало происходящего, в нем читатель может увидеть себя. В лирике было по-иному: читатель подставлял себя сразу на место «я» лирического поэта. В одном эпитете Эрота Сапфо «сладко-горький» мы можем

² О символике брачного полога см. там же [Протопопова, 2001, с. 123–129].

сразу видеть набросок всей картины Эрота в романе. Этот код может действовать только через авторское видение в параллельном привлечении атрибуции любви, об этом было сказано в романе Ксенофонта в орнаментике свадебного покрывала.

Читателю нравится самому доходить до сути всего парадоксального. Эмоции зрителей, то есть читателей, наблюдающих за происходящим, — это то пространство восприятия, которое служит зеркалом для событий внутри романа. Восприятие читателей должно совпадать с восприятием происходящего автором и героями. Это и есть «фокусный треугольник», без него авторский замысел неосуществим. Читатель обязательно вовлечен в позицию «треугольника» по отношению к героям вместе с автором и благодаря автору.

В основе жанра романа будут парадоксы. Техника парадокса присутствует на всех уровнях сюжета, входит в его эмоциональную составляющую, как в лирике, с помощью игры слов, антитез, взаимоисключающих ситуаций, которые нужны для метафорического переосмысления событий.

Герои романов находятся в состоянии некой эмоциональной расщепленности сознания. Их личность делится на две противоположности по восприятию действительности. Герой сражается с собой без видимой цели. Романисты расширяют эти моменты в полный спектр душевных переживаний. Надо, чтобы герой сам мог справиться с ними.

Но подобные эмоциональные странности испытывают не только главные герои романа, но и все, кто, наблюдая за ними, вовлечен против воли в их события. Это угол зрения героев второго плана, присутствующих в романе. Точка зрения автора подготавливает такую же реакцию у читателей. В конце романа Ксенофонта Эфесского, когда герои соединяются, им сопереживают все городские жители. Наблюдатели последовательно испытывают весь комплекс ощущений героев. Их посещают боль, страх, удовольствие, память о прошлом и понимание будущего (Xen. Eph. V, 13). В последней книге «Эфиопики» Гелиодора счастливый союз влюбленных тоже очевиден для граждан (Heliod. X, 38.4). Множество народа рукоплещет им, словно брак уже совершился. Читатели также чувствуют парадоксальное смешение чувств, ведь сам автор, как кажется,

не властен над этими эмоциями. В IV книге романа Гелиодора Каласириис эмоционально отвечает эротическим переживаниям героини, еще ничего о ней не зная: «...он словно имел причины сострадать ей в прошлом и не отваживался считать ее счастливой в будущем» (пер. под. ред. А. Егунова). В романе Харитона «Повесть о Херее и Каллирое» (Char. V, 8.2) зрители как в театре следят за эмоциями героев: «Какой поэт сумел бы описать эту историю? Казалось, что следишь в театре за тысячей всевозможных движений души — соединились слезы, радость, страх, сострадание, сомнение, мольба» (пер. С. В. Поляковой).

Цель романиста — одновременно заставить всех переживать удовольствие и боль. Читатели знают, что все будет хорошо, но они, как в игру, вовлечены в переживания героев путем применения автором эмоционального смешения чувств.

Анна Карсон сопоставляет видимое и воображаемое, рассматривая роль зрительного восприятия через сравнение литературы и живописи. Это загадка картины Диего Веласкеса «Las Meninas» [Carson, 2005, pp. 70–76]. Наш поток сознания с нашей точки зрения для нас «слепой». Угол зрения смотрящего на эту картину — тоже «слепой», неясный. На картине изображено много людей, в том числе и сам художник. Но куда направлен их взгляд? Первое впечатление, что на зрителя, так как они все смотрят на того, кто находится за пределами художественного полотна. В интерьере комнаты зеркало, в нем отражены лица. Чьи они? Это не наши лица, а короля и королевы Испании. Являются ли король и королева частью картины или нет? Возможно, что они за ее пределами, среди нас, зрителей. А где находимся мы, ведь зеркало нас не отражает? Относительно персонажей картины, заключает А. Карсон, мы — никто, мы — на «слепой» точке.

Действительно, загадка композиции и перспективы картины Веласкеса до сих пор не решена однозначно. Мишель Фуко называет «мертвой точкой» то укромное место, в котором наш взгляд укрывается от нас самих в тот момент, когда мы смотрим на картину [Foucault, 1973]³. Сами мы не можем видеть эту точку, с которой раскрывается визуально вся перспектива, так же как мы не можем

³ Ссылка дана по [Carson, 2005, p. 71].

«мыслить мысль» и «желать желание». Можно добавить, что это невозможно и в литературе, за исключением своеобразной литературной игры, условия которой, данные автором, мы принимаем.

А. Карсон вслед за М. Фуко называет это «уверткой» или «отговоркой». В картине Веласкеса такой «уверткой» является зеркало с отраженными лицами, оно вошло в фокус в задней части комнаты. Это зеркало дает метатезис видимости, то есть перестановку угла зрения. В этом месте полотно художника организует намеренную пустоту, нечто незаполненное. Оттуда наблюдать за происходящим можем и мы. Это будет той «слепой» (так как она не изображена) точкой отсчета, откуда раскрывается перспектива или, как говорит Карсон, «высвечивается причина всего» [Carson, 2005, pp. 71–72]. В этом парадокс, «странность видения художника». Это «метафора» Веласкеса в том смысле, что он «переносит зрителя» в такое место пространства, где будет создан нужный ему угол зрения.

То же самое происходит и в литературных жанрах, особенно в романах. Но здесь более широкий подход к этой «слепой» точке, угол зрения читателя формируется автором на протяжении многих страниц путем введения парадоксов: игра слов, антитезы или неожиданные перипетии сюжета. Парадоксы лучше всего подходят для жанров, связанных с эмоциональной сферой. Зрители или читатели непременно должны стать соучастниками. Фокус зрения на события формируется с помощью их видения. Это входит в авторскую задачу, даже если на первый взгляд эти парадоксы кажутся «бессмысленными» (παράλογοι) или «необдуманными» (ἀδόκητοι).

Веласкес сводит в треугольник наше восприятие так, что мы видим самих себя смотрящих. Он намеренно построил картину, оставив свободное место в зеркале — это наше пространство. Автор романа делает то же. Это прием расширения оптического пространства произведения. Происходит метафорическое видение.

По Аристотелю (Arist. Poet. 21. 1457 b 7), метафора — это несвойственное имя, перенесенное с рода на вид, с вида на род или с вида на вид по аналогии. Аналогия нужна автору как технический прием, расширяющий оптическое пространство литературного произведения. Сапфо связывает эту концепцию воедино в определении Эроса γλοκῶπικρον. Максим Тирский, живший во II в. н. э., дает еще одно композитное определение Эроса у Сапфо (Saph.

fr. 172 L.-P.) ἄλγεσίδωρος — «приносящий страдание» (Мах. Тург. XVIII. 9 h, p. 232 Nobein). Это также парадоксальный эпитет, потому что «даром» бога (δῶρον) может быть только «боль» (ἄλγος). Поэтический контекст этого фрагмента не сохранился. Наше воображение помогает дополнить детали: поэзия мыслит метафорически.

В архаической словесности смешались три траектории: воображение, метафора и поэтический текст. «Воображение пишет на желании более красивое начертание под воздействием метафорического видения». В архаическом изображении любви были ситуации, когда поэты включали между двумя факторами «субъект — предикат» еще и третий фактор, как зеркало, — пространство между ними. Это место для нашего сопереживания герою в его ἔρος γλυκύπικρον. Это «сопереживающее» видение прошло через все последующие жанры греческой литературы и стало обязательным для литературы Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. Круаце А. и М. История греческой литературы / пер. В. С. Елисеевой, под ред. С. А. Жебелёва. Петроград, 1916; изд. под ред. С. И. Межевицкой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. 701 с.
2. Набоков В. Дневник. 5 мая 1974 г. // Лаура и ее оригинал: Фрагменты романа. СПб.: Азбука, 2010. 192 с.
3. Протопопова И. А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. М.: РГГУ, 2001. 484 с.
4. Carson A. Eros the Bittersweet. London: Dalkey Archive Press, 2005. 189 p.
5. Foucault M. The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences. New York: Pantheon Books, 1973. 404 p.
6. Tragicorum Graecorum fragmenta / rec. A. Nauck. 2nd ed. Lipsiae: Teubner, 1889. XXVI, 1022 p.

REFERENCES

1. Kruaze A. i M. *Istoriia grecheskoi literatury* [History of Greek Literature], per. V.S. Eliseevoi, pod red. S.A. Zhebeleva [transl. by V.S. Eliseeva, ed. by S.A. Zhebelev]. Petrograd, 1916. S. 630, n. 1; Izd. pod red. S.I. Mezheritskoi [ed. S.I. Mezheritskaya]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2008. 701 s.

2. Nabokov V. *Dnevnik. 15 maia 1974 g.* [Diary. 15 May 1974]. Laura i ee original: Fragmenty romana [The Original of Laura: Fragments of the Novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., 2010. 192 s.
 3. Protopopova I.A. *Ksenofont Efesskii i poetika inoskazaniia* [Xenophon of Ephesus and Poetics of the Parable]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 484 s.
 4. Carson A. *Eros the Bittersweet*. London, Dalkey Archive Press, 2005. 189 p.
 5. Foucault M. *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. New York, Pantheon Books, 1973. 404 p.
 6. Tragicorum Graecorum fragmenta, rec. A.Nauck. 2nd ed. Lipsiae, Teubner, 1889. XXVI, 1022 p.
-

Поплавская Лариса Борисовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Larisa Poplavskaya

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.
E-mail: gsed-szfrap@mail.ru

II. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

УДК 821.124+82.97+22.07

А. Ю. БРАТУХИН

Пермский государственный
национальный исследовательский университет

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ ОБРАЗА «ЖЕСТОКОГО БОГА» В TERT. SCORP. 7, 1–7

Ключевые слова: Тертуллиан; мученичество как жертвоприношение; Библия; Сатурн; риторический пример; парадокс.

В статье рассматривается тертуллиановское сопоставление мученичества в христианстве с человеческим жертвоприношением в языческих культах и доказывается, что тертуллиановское представление о «жестокое Боге» сформировалось без влияния африканских традиций Сатурнова культа, ссылка на который оценивается как риторический пример. Для доказательства независимости Тертуллиана от язычества в данном вопросе рассматриваются: структура пассажа Tert. Scorp. 7, 1–7, взгляды апологета на культ Сатурна и на мученичество и истолкование Ипполитом Римским библейского стиха (Притч. 9:2), на который ссылается Тертуллиан.

А. Ю. BRATUKHIN

Perm State National Research University

ABOUT THE ORIGIN OF AN IMAGE OF CRUEL GOD IN TERT. SCORP. 7, 1–7

Keywords: Tertullian; martyrdom as sacrifice; Bible; Saturn; rhetorical example; paradox.

In this paper the comparison by Tertullian of martyrdom in the Christianity with human sacrifice in pagan cults is considered and a fact is proved, that the Tertullian's perception of *cruel God* has been formed without influence of

African traditions of the Saturn's cult, reference to which may be a rhetorical example. The structure of the passage Tert. Scorp. 7, 1–7, apologist's views on the Saturn's cult and martyrdom and the interpretation by Hippolytus of Biblical verse (Prov. 9:20), to which Tertullian refers, are considered as arguments of Tertullian's independence from heathenism.

С XVII в. в патрологии обсуждается вопрос, насколько существенным было внебиблейское влияние на Отцов Церкви и церковных писателей. По мнению А. Харнака, определявшего «межкультурный синтез как *прогрессирующую эллинизацию первоначального христианства*», «эллинизация» была неизбежным результатом “врастания” новой религии в традиционное античное общество, и уже в III в. христианство идейно и организационно имело мало общего с тем христианством, каким оно было при Христе. <...> Все, что было создано христианами после Евангелий, нужно поэтому считать плодом в основном эллинского духа и приспособлением религии к понятийному духу эллинской философии¹. В нашей статье речь пойдет о частном вопросе в рамках этой глобальной проблемы, а именно о влиянии на богословские взгляды Тертуллиана (род. в середине II в. — ум. после 220 г.) реалий, связанных с культом так называемого африканского Сатурна.

В своем небольшом, состоящем из пятнадцати глав «Скорпиак» Тертуллиан пишет «о ценности мученичества в этом мире, против “скорпионьего укула” гностиков, которые относят исповедание веры к духовному миру» [Альбрехт, 2005, с. 1666]. Особый интерес представляют отдельные пассажи в седьмой главе указанного сочинения, о которых пойдет речь в нашей статье. Для более полного понимания имеющейся проблемы дадим перевод этой главы. «Скорпион <то есть гностик> еще наносит удары, понося Бога как человекоубийцу; я, конечно, содрогнусь от отвратительного дыхания богохульства, исходящего со зловонием из еретического рта, но я принимаю Бога и таким благодаря надежности того факта, что даже Он Сам провозгласил Себя больше, чем человекоубийцей от лица Своей мудрости устами Соломона. “Мудрость (Sophia), — говорит, — *заклала (iugulauit) сыновей своих*” (ср.:

¹ Цит. по: [Столяров, 2001, с. 64].

Scorp. 9, 1²). Мудрость — это разумность. Разумно, конечно, заклала, если в жизнь, и рассудительно, если в славу. О талант убийства кровных родственников! О искусство преступления! О доказательство жестокости, которая для того убивает, чтобы не умирал тот, которого убивает! <...> О благая мать!³ Я и сам желаю быть отведенным к ее сыновьям, дабы быть убитым ею; я желаю быть убитым, чтобы стать сыном. Но она лишь закалывает своих сыновей или также подвергает мучениям? Ибо я слышал и в другом месте Бога, говорящего: “Я буду жечь их, как жгут золото, и буду испытывать их, как испытывается серебро”. Конечно, посредством пыток огнем и казнями, посредством мученичеств, испытывающих веру. Знает и апостол, каким он представляет Бога, когда пишет: “Если Бог Сына Своего не пощадил, но за нас предал Его, каким образом вместе с Ним не передал нам и всё? (Рим. 8:32)”. Видишь, как даже собственного своего Сына Первородного и Единородного божественная Мудрость заклала, конечно, грядущего жить, мало того, собирающегося вернуть к жизни и других. Я могу сказать с помощью Мудрости Божьей: <она> есть Христос, Который предал Себя за грехи наши. Уже и саму себя Мудрость умерщвляет. <...> Тот, кто не понимает, что Бог жесток, пусть верит. <...> Но ведь позволено в мире сем умиловать Диану скифов, или Меркурия галлов, или Сатурна африканцев человеческим жертвоприношением, и в Лации до нынешнего дня в центре Рима Юпитеру дают попробовать человеческую кровь, и никто не пересматривает это, не считает бессмысленным, не обесценивает волю их бога. Если бы также наш Бог потребовал бы для Себя мученичеств под именем собственно жертвы, кто упрекнул бы Его за обогренную кровью религию, за скорбные обряды, за алтарь в виде костра, за омывальщика трупов жреца и не счел бы скорее счастливым того, кого пожрал Бог?» (Scorp. 7, 1–7). П. Штокмайер на основании этих слов утверждает, что «Тертуллиан приводит до-

² Обычно здесь усматривают намек либо на место из книги Притч (9:2: Ἡ σοφία <...> ἔσφαξεν τὰ ἑαυτῆς θύματα — «Премудрость заклала жертву»), либо из книги Сираха (4:11/12: Ἡ σοφία υἱοὺς αὐτῆς ἀνύψωσεν — «Премудрость возвысила сынов своих»).

³ Д. Рэнкин высказывает предположение, что Тертуллиан здесь отождествлял божественную Мудрость и предсуществующую Церковь [Rankin, 1995, p. 78].

воды в пользу мученичества, следуя такому пониманию (mit einer Vorstellung) Бога, на которое в большей степени наложили отпечаток местные традиции Сатурнова культа, чем библейское мерило (die mehr von den lokalen Traditionen des Saturnkultes geprägt ist als vom biblischen Richtmaß) [Stockmeier, 1979, S. 829–835]. По словам этого ученого, «независимо от решения вопроса, связанного с историей текста, в нашей связи является важным тот факт, что мнимая цитата была привлечена для проведения параллели между изображениями христианского Бога и Сатурна, и, таким образом, мрачная характеристика ‘человекоубийцы’ обоснована библейски» [Там же]. Нам представляется, что такое утверждение не соответствует действительности.

Тертуллиан использовал античные примеры, оказывавшие, вероятно, на него определенное влияние, для подтверждения христианской веры. Доказывая воскресение плоти, он обращается к образам, заимствованным как из природы (день сменяется ночью, как ночь — днем, семена, упавшие в землю, прорастают и т. д.), так и из мифологии (обновление феникса). Последний пример, рассматриваемый им как реальный факт, он подкрепляет ссылкой на измененные им слова Библии: «Если Вселенная недостаточно изображает воскресение, <...> возьми совершеннейший и вернейший пример надежды на это, поскольку перед нами живое существо, и жизни подвластное, и смерти. Я говорю о той птице, принадлежащей Востоку, славной своей единственностью и удивительной своим потомством, которая, сама себя добровольно погребая, обновляется, уходя и приходя в сопряженной с рождением кончине, вновь <становясь> фениксом там, где уже никого нет, вновь та, кого уже нет, другая и та же самая. Что нагляднее и знаменательнее для этого дела, или у какой иной вещи есть подобное доказательство? Бог даже в Своих Писаниях говорит: “Ибо ты процветешь словно феникс (Et florebis enim inquit velut phoenix)”, то есть от смерти и погребения, дабы ты веровал, что можно взыскать сущность тела и у огня» (De res. 13, 1–4). В «Скорпиаке» структура аргументации иная: апологет доказывает значение мученичества при помощи контаминированной цитаты из Библии о Премудрости и только в конце обращается к примерам из различных языческих культовых практик.

Слова о Сатурне следует интерпретировать с учетом других подобных отрывков: у Тертуллиана часто христианские обычаи сопоставляются с делами язычников. Так, в сочинении «О посте» у него сказано: «Но хорошо, что ты, <психик,> хуля наши [то есть монтанистские] сухоядения, уравниваешь их со связанным с воздержанием празднеством Исиды и Кибелы (*casto Isidis et Cybeles eas adaequas*). Принимаю сопоставление как свидетельство. Отсюда выяснится, что божественно то, что подделывает дьявол, подражающий божественному. Из истины нагромождается ложь, из религии сколачивается суеверие. Поэтому ты тем нечестивее, чем ревностнее язычник. Он во имя идола жертвует своей глоткой, а ты во имя Бога не желаешь (*ille denique idolo gulam suam mactat, tu deo non uis*)» (*De ieiun.* 16, 7–8). В приведенном пассаже сходство монтанистской и языческой аскезы объясняется «плагиатом» бесов. Здесь Тертуллиан идет по стопам св. Иустина (ср. *Apol.* I, 54). В «Апологетике» сопоставляются решимость христиан страдать за Бога и готовность древних героев (Муция, Дидоны, Регула, аттической блудницы, спартанцев) и философов (Эмпедокла, Анаксарха, элейца Зенона) умереть ради приобретения славы (*Apol.* 50, 4–11). В сочинении «О единобрачии» в пример невоздержанным христианам ставятся, среди прочих, верховный понтифик, жена фламينا, жрицы Цереры, Весты, ахейской Юноны, скифской Дианы, Пифейского Аполлона, жрецы египетского быка Аписа (*De mon.* 17, 4–6). Нельзя на основании этих сопоставлений утверждать, что на отношении Тертуллиана к посту и целомудрию «наложили отпечаток» языческие культы. В сочинении «О венке» в пример воинам-христианам, не решающимся отказаться от наградного венка, ставится «воин Митры»: «При посвящении в пещере, истинном лагере тьмы, приверженца Митры убеждают возложенный на голову венок, который до этого был ему предложен на мече, словно в подражанье мученичеству, убрать рукой со словами, что его венок — это Митра; и его сразу начинают считать воином Митры, если он сбросит венок, если скажет, что тот заключается для него в его боге» (*De cor.* 15, 3). Кроме приведенных параллелей между христианством и язычеством (пожирание Богом Своих детей, требование воздержания, прославление готовности умереть, повеление отказаться от венка) на страницах

Тертуллиана можно найти и другие. Ссылки на языческие реалии и источники при доказательстве собственных тезисов характерны и для апостола Павла, который, доказывая афинянам их набожность, упоминает существующий у них жертвенник «неизвестному богу» (Деян. 17:23, ср.: Paus. I, 1, 4), а чуть ниже, утверждая, что Богом мы живем, движемся и имеем бытие, ссылается на слова «некоторых из ваших стихотворцев»: «мы Его и род» (Деян. 17:28, ср.: Arat. Phaen. 5). В послании к Титу (Тит. 1:12) цитируется Эпименид [Novum Testamentum, 1984, p. 775]. Однако было бы наивно на основании этих пассажей утверждать, что на богословие апостола язычников оказали влияние афинская культовая практика и творения древнегреческих философов.

Оценим теперь саму вероятность принятия Тертуллианом в расчёт при создании образа Бога «местных традиций Сатурнова культа», рассмотрев отношение апологета к ним в более раннем труде: «Чтобы мне еще лучше опровергнуть эти обвинения, я покажу, что упомянутые преступления совершаются вами частично открыто, частично тайно; поэтому, вероятно, вы нас в них и подозреваете. Младенцев в Африке открыто приносили в жертву Сатурну вплоть до наместничества Тиберия, который распял самих жрецов на тех же самых деревьях при их храме, что покрывали своей тенью преступления, как на поставленных по обету крестах. <...> Но и теперь продолжает тайно совершаться это посвященное богу преступление. <...> Поскольку Сатурн не пощадил собственных сыновей, он был, разумеется, всегда безжалостен к чужим, которых к тому же ему жертвовали сами их родители; и с готовностью отвечали и ласкали младенцев, чтобы те приносились в жертву не плачущими. И однако убийство ближайших родственников сильно отличается от простого убийства. У галлов Меркурию закалывают взрослых людей. Оставлю таврические басни их театрам. Вот в этом отличающемся благочестием городе набожных потомков Энея есть некий Юпитер, которого умывают на посвященных ему играх человеческой кровью. “Но это, — говорите вы, — кровь преступников, приговоренных к растерзанию зверями”. Это, полагаю, меньше, чем кровь человека. Не отвратительнее ли она потому, что это кровь злодея? Во всяком случае кровь проливается при человекоубийстве. О Юпитер, ты

поистине христианин и единственный сын своего отца по жестокости!» (Apol. 9, 1–6). Этот отрывок, «наиболее точный и наиболее интересный из всех античных текстов для истории <Сатурнова> культа» [Leglay, 1966, p. 5. N. 5], свидетельствует о том, что Тертуллиан в 197 г. относился к жертвоприношениям Сатурну с отвращением и едва ли, став монтанистом, разглядел в нем некие детали, повлиявшие на его концепцию Бога. Хотя «Апологетик» и «Скорпиак» написаны для разных аудиторий и Тертуллиан мог в этих трудах по-разному оценивать одни и те же факты, однако реальная оценка им языческого культа измениться не могла, а именно она, а не парадоксальные, брошенные читателям фразы, должна была бы сформировать некое новое представление о Боге. По нашему мнению, и в «Скорпиаке», и в «Апологетике» мы встречаемся с риторическим приведением примеров: и там и здесь появляются скифская Диана (из «таврических басен»), галльский Меркурий, африканский Сатурн и римский Юпитер. Известно, что «античные риторы уделяли большое внимание приведению примеров и предписывали многочисленные правила их использования. Приведение примеров действительно является существенным для искусства убеждения. Согласно Аристотелю, пример (paradeigma) является риторической формой индукции. Пример, по его словам, может состоять (1) из упоминания исторических событий как доказательства или (2) из сравнений, придуманных оратором, таких как соответствия, взятые из повседневной жизни или из мифов и сказок» [Carlson, 1948, p. 93]. Таким образом, сравнение Бога с Сатурном в «Скорпиаке» (или с Прометеем в других сочинениях (Apol. 18, 2; Adv. Marc. I, 1, 4)) — обычный риторический прием, а не следы небиблейского влияния на христианского автора. Сошлемся на слова Т. Д. Барнеса, который, указав на упоминание Секстом Эмпириком человеческих жертвоприношений Кроносу и Артемиде (Pyrh. Hupoty. III, 208, 221), делает вывод: «Оба примера являются риторическими общими местами (rhetorical commonplaces), которые один автор повторяет за другим без изменения или попытки проверки» [Barnes, 1985, p. 15]. Конечно, жертвоприношения африканскому Сатурну были для карфагенянина Тертуллиана более известными, чем жертвоприношения скифской Диане, галльскому Меркурию и римскому

Юпитеру. Однако эта осведомленность апологета не препятствует тому, чтобы упоминание этого культа рассматривать как один из равноценных примеров в ряду прочих.

В трактате «О душе», где нет и намека на жертвоприношения Сатурну, Тертуллиан, ссылаясь на Библию, высказывается о мученичестве как о единственном способе сразу попасть в рай: «А каким образом явленная Иоанну в духе область рая, которая расположена под алтарем, не показала никаких душ, кроме душ мучеников? Но почему же Перпетуя, мужественнейшая женщина, в день мученичества в откровении увидела там одних лишь мучеников, если не потому, что меч, привратник рая, не уступает никому, кроме тех, кто умер во Христе, а не в Адаме? Новая смерть за Бога и необычайная смерть за Христа принимается иным и особым пристанищем. Итак, постигни различие между язычниками и верными в смерти: <тебя можно будет отнести к последним,> если ты погибнешь за Бога, как призывает Утешитель, не от нежных лихорадок на мягких постелях, но в мученичестве; если поднимешь свой крест и последуешь за Господом, как велел Он Сам. Единственный ключ от рая — твоя кровь. Ты знаешь о рае из нашей книжки, в которой мы устанавливаем, что всякая душа в преисподней сохраняется на день Господа» (De an. 55, 4–5). Такое истолкование слов Христа в этом пассаже, весьма напоминающем разбираемый нами, объясняется, очевидно, общим настроением апологета, неоднократно затрагивающего тему мученичества (наиболее подробно он касается этой темы в трактатах «О бегстве в гонении», «К мученикам»). Для Тертуллиана вообще характерно желание скорее прийти к Богу: «Люди обосновывают свое вступление в брак заботой о потомстве и горчайшим желанием иметь детей. Но и это для нас неприемлемо. Действительно, почему мы стремимся иметь детей, которых, когда имеем, хотим выслать вперед себя <из мира>, разумеется, ввиду грядущих бедствий, желая, чтобы и сами мы были изъяты из этого враждебнейшего века и приняты у Господа, каково было и желание апостола» (Tert. Ad uxor., I, 5, 1). Призывы к мученичеству содержатся в Новом Завете (например: Мк. 8:34–38). Они с гораздо большей вероятностью могли повлиять на ригориста Тертуллиана, чем презируемая им языческая культовая практика Северной Африки. Заметим также, что добровольное мученичест-

во (провоцирование мученичества) существовало не только среди африканских христиан.

У Ипполита Римского, младшего современника Тертуллиана, под *жертвами* из стиха *Заклала свои жертвы* (ἔσφαξεν τὰ ἑαυτῆς θύματα) (Притч. 9, 2), который, вероятно, имел в виду Тертуллиан в Scorp. 7, 1, понимаются «блаженные пророки, убиваемые неверными, как говорит <псалмопевец>: *Ради тебя мы умерщвляемся весь день* (Пс. 43:23)» (Hipp. Fragm. in Prov. 39). После этих слов в том же стихе Псалма читаем: «рассматриваемся как овцы, <предназначенные для> заклания (ἐλογίσθημεν ὡς πρόβατα σφαγῆς)» (Пс. 43:23). Выше было сказано: «Ты отдал нас, как овец, на съедение (ἔδωκας ἡμᾶς ὡς πρόβατα βρώσεως)» (Пс. 43:12). Таким образом, идея отдания Богом (или Его Премудростью) Своих служителей на заклание/съедение содержится в Священном Писании.

Следовательно, парадоксальное представление о Боге, умерщвляющем Своих почитателей, не чуждо христианской традиции, и Тертуллиан, только усиливший этот образ, должен быть освобожден от обвинения в «сатурнизации» христианства. Именно парадоксальность («жестокость <...> для того убивает, чтобы не умирал тот, которого убивает, <...> я желаю быть убитым, чтобы стать сыном, <...> даже собственного своего Сына Первородного и Единородного божественная мудрость заклала, конечно, грядущего жить, мало того, собирающегося вернуть к жизни и других»), а не кровожадность, является стержнем и основной идеей разбираемой главы. Здесь можно вспомнить слова пасхального гимна «смертию смерть поправ» и многие другие подобные христианские максимы.

Итак, из сопоставления структуры и содержания пассажа из седьмой главы «Скорпиака» со структурой и содержанием подобных отрывков из других произведений Тертуллиана, из анализа его взглядов на культ Сатурна и на мученичество, с учетом его склонности к парадоксальным утверждениям, а также принимая во внимание наличие в Библии пассажей, которые истолковывались в III в. соответствующим образом, можно сделать вывод, что образ африканского Сатурна был привлечен апологетом просто как яркий пример кровожадного языческого божества (наряду с Дианой, Меркурием и Юпитером). Этот пример был, очевидно,

призван показать, что если даже ложным богам их адепты готовы приносить человеческие жертвы, тем более истинный Бог заслуживает такого поклонения. Не «мнимая цитата была привлечена для проведения параллели между изображениями христианского Бога и Сатурна», а параллель между «жестоким» Богом и свирепыми божествами использована для примирения читателей, бывших язычников, с мыслью, извлеченной из Писания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбрехт М. фон.* История римской литературы / пер. А. И. Любжина. Т. 3. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2005. 1415–2031 с.
2. *Столяров А. А.* Патрология и патристика. М.: Канон, 2001. 160 с.
3. *Barnes T. D.* Tertullian: a historical and literary study. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1985.
4. *Carlson M. L.* Pagan examples of fortitude in the Latin Christian apologists // *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. № 2. Pp. 93–104.
5. *Leglay M.* Saturne Africain. Histoire. Thèse... Paris: Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 1966. 366 p.
6. *Novum Testamentum. Graece et Latine* / eds. K. Aland et oth. Stuttgart, 1984. XVII, 810 p.
7. *Rankin D.* Tertullian and the Church. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1995. XVII, 229 p.
8. *Stockmeier P.* Gottesverständnis und Saturnkult bei Tertullian // *Studia patristica*. 1979. Vol. 17. S. 829–835.

REFERENCES

1. Al'brekht M. fon. *Istoriia rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. V 3-kh t., t. 3, per. A.I. Liubzhina [In 3 vol., vol. 3, transl. from German by A.I. Lyuzhbin]. Т. 3. Moscow, «Greko-Latinskii kabinet» Iu.A.Shichalina, 2005. 1415–2031 s.
2. Stoliarov A.A. *Patrologiia i pristika* [Patrology and Patristics]. М., Kanon Publ., 2001. 160 s.
3. Barnes T.D. *Tertullian: a historical and literary study*. 2nd ed. Oxford, Clarendon Press, 1985. 339 p.
4. Carlson M.L. Pagan examples of fortitude in the Latin Christian apologists. *Classical Philology*. 1948. Vol. 43. № 2. Pp. 93–104.

5. Leglay M. *Saturne Africain. Histoire. Thèse...* Paris, Éditions du Centre national de la recherche scientifique. 1966. 366 p.
6. *Novum Testamentum*. Graece et Latine. Edd. K. Aland et oth. Stuttgart, Deutsche Bibelgesellschaft, 1984. XVII, 810 p.
7. Rankin D. *Tertullian and the Church*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1995. XVII, 229 p.
8. Stockmeier P. Gottesverständnis und Saturnkult bei Tertullian. *Studia patristica*. 1979. Vol. 17. S. 829–835.

Братухин Александр Юрьевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры мировой литературы и культуры Пермского государственного национального исследовательского университета.

Aleksandr Bratukhin

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of World Literature and Culture
at Perm State National Research University.

E-mail: bratucho@yandex.ru

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГОРАЦИЯ

Ключевые слова: Гораций, римская история, Карфаген, Вторая Пуническая война, Ганнибал, парфяне, латинские историки.

В статье рассмотрены все упоминания о событиях римской истории в поэзии Горация. Исторические знания — неотъемлемая часть духовной культуры Горация, в значительной степени определяющие стилистику его стихотворений.

V. S. DUROV

St. Petersburg State University

HORACE'S HISTORICAL MEMORY

Keywords: Horace, Roman History, Carthage, Second Punic War, Hannibal, Parthians, Latin historians.

The paper analyses all the events in Roman history that Horace mentions in his poetry. Aspects of history form an inherent part of Horace's spiritual culture, factually determining his poetical stylistics.

«Не знать, что случилось до твоего рождения — значит всегда оставаться ребенком. В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков» (Цицерон. Оратор 120)¹.

Даже если Гораций не знал этих слов своего старшего современника Цицерона, выраженную в них мысль он, вне всякого сомнения, разделял, подтверждение чему его стихи, в которых содержится немало упоминаний о событиях, связанных с историей его родины. Многое можно понять, «стоит лишь, — говорит Гораций, — развернуть событийную летопись мира» (*tempora si fastosque velis evolvere mundi* — Sat. 1,3,112).

¹ Пер. М. Л. Гаспарова в кн.: [Цицерон, 1972].

Если в ранних произведениях, сатирах и эподах, увидевших свет между 35 и 30 гг. до н. э., и в посланиях, опубликованных после 20 г. до н. э., Гораций обращается к истории нечасто, то в одах, появившихся в 23 г. до н. э., таких обращений довольно много.

Начнем с сатир и эподов. В 6-й сатире 1-й книги — она занимает в сборнике особое место: в ней поэт рассказывает о себе и своем знакомстве с Меценатом — содержится указание на Валерия Попликолу (*gens Valeri*), участника свержения и изгнания из Рима царя Тарквиния Гордого (ст. 12–13), и на Публия Деция Муса, консула 340 г. до н. э., упомянутого поэтом, как *homo novus* (*Decio novo* — стих 20).

В следующей, 7-й, сатире — она содержит описание тяжбы, свидетелем которой в 43 г. до н. э. был Гораций, находящийся в Малой Азии на службе у Марка Брута, под чьим судейством и проходил описываемый в сатире процесс, — один из тяжущихся обращается за помощью к Бруту, как к тому, *qui reges consueris tollere* «кто привык изгонять царей» (ст. 30), имея в виду свержение Луцием Брутом с царского трона Тарквиния Гордого и одновременно намек на убийство в 44 г. до н. э. Юлия Цезаря, главным участником которого был Марк Брут.

В начальной сатире 2-й книги Гораций вспоминает Публия Корнелия Сципиона Африканского, захватившего и разрушившего в 146 г. до н. э. Карфаген (ст. 62–68). Кроме того, в этой сатире содержится указание на выведение в 291 г. до н. э. колонии Венузии, что произошло после победы римлян в Третьей самнитской войне (ст. 35–39). Это было сделано для того, чтобы, как объясняет Гораций, заселить опустевшие после изгнания самнитов земли и закрыть путь на Рим апулийцам или луканцам, если бы они решили развязать войну (ст. 35–39).

Что касается эподов, то лишь в трех (7, 9 и 16) из 17-ти Гораций упоминает о событиях отечественной истории. В 7-м эпизоде (*Quo, quo scelesti ruitis?*) названы внешние враги, которых римляне победили в вооруженном противоборстве: Карфаген (ст. 5–6), британцы (ст. 7–8) и пока еще не побежденные парфяне (ст. 9–10). В 9-м эпизоде, написанном по случаю победы над Анто-

нием и Клеопатрой в 31 г. до н. э., Гораций вспоминает о других победах римлян в Северной Африке — над Югуртой в 101 г. до н. э. (ст. 23) и Карфагеном в Третьей пунической войне (ст. 25).

В предпоследнем, 16-м, эпизоде Гораций, с ужасом взвзирающий на римское общество, устремившееся в хаос гражданских междоусобиц, перечисляет (в последовательном удалении от Рима) войны римлян (ст. 3–8): с италиками-марсами (90 г. до н. э.), этрусским царем Порсенной (508 г. до н. э.), Капуей (III в. до н. э.)², Спартакком (73–71 гг. до н. э.), галлами-аллоброгами (63 г. до н. э.), кимврами (101 г. до н. э.) и Ганнибалом (218–201 гг. до н. э.). Неужели, спрашивает поэт, Рим, который не смогли сгубить эти враги, рухнет в пламени гражданской войны, ведь *altera iam teritur bellis civilibus aetas* «уже второе поколение терзается гражданскими войнами» (стих 1).

Как мы видим, события, упоминаемые здесь Горацием, в общем, хрестоматийные: изгнание царей из Рима, войны с Карфагеном, победа над кимврами, одержанная Гаем Марием в 101 г. до н. э., восстание рабов под предводительством Спартака.

А теперь взглянем на оды. Именно этой частью своей литературной продукции Гораций гордится в первую очередь (*exegi monumentum* — Оды 3,30).

Хотя в 1-й книге «Од» Гораций заявляет о том, что «жесточайшая мать Купидонов» (*mater saeva Cupidinum*) не позволяет ему вещать о скифах и парфянах (1,19,11–12; «Что мне до них?» — 1,26,4–5), а ему и самому глубоко чужды *bellum lacrimosum, miseram famem pestemque* «горестная война, мучительный голод и мор» (1,21,13–14), тем не менее в одах повсюду рассыпаны упоминания о врагах Рима. Это парфяне (*Parthi*), иногда они назва-

² Капуя — давний соперник, на протяжении многих десятилетий оспаривавший у Рима власть над Италией. Вот что пишет об этом Цицерон: «Во всем мире носителями величия и имени державы могут быть только три города: Карфаген, Коринф и Капуя... Насчет Капуи много и долго совещались... Умудренные опытом люди решили, что если отнять у жителей Кампании их земли, если уничтожить в этом городе государственные должности... и не оставить в нем и видимости государственного строя, то у нас не будет оснований бояться Капуи». (Автономия Капуи была уничтожена в 211 г. до н. э.) См.: [Цицерон, 1962].

ны персами (*Persae*), иногда мидянами (*Medi*), даки, геты, скифы, они же гелоны или массагеты, британцы, иберийцы, кантабры, сигамбры, галлы, колхи, арабы, серы, гетулы и, конечно, карфагеняне, которых Гораций называет «африканцы» (*Afri*) или «пунийцы» (*Poeni*).

Уже одно это перечисление дает представление об осведомленности поэта касательно текущего положения дел в стране и исторического прошлого, особенно в сфере военного противостояния римлян и других народов. А врагов у римлян хватало. Вот как Гораций очерчивает границы империи в оде, написанной по случаю побед Друза и Тиберия, пасынков Августа, над винделиками и их альпийскими союзниками гетавами и бревианами в 15 г. до н. э.: «Тебе, оплот Италии и владыка Рима, дивятся кантабр, мидянин, индиец и скиф, тебя чтут Нил, Истр, Тигр и Океан, который шумит британцам, а также Галлия, Иберия и сигамбры» (4,14,41–52).

А теперь посмотрим, на каких эпизодах римской истории Гораций останавливается особо.

Во всех книгах «Од» содержатся упоминания о войнах с Карфагеном. В оде, обращенной к музе истории Клио (1,12), Гораций, говоря о примерах римской доблести, проявленной в сражениях с врагами, называет среди других имя консула 256 г. до н. э. Марка Атилия Регула. Во время Первой пунической войны в 255 г. в битве при Тунете (в этом ливийском городе находилась стоянка римлян) Регул был взят в плен карфагенянами и отправлен в Рим для мирных переговоров, однако он убедил Сенат отказаться от всех предложений врагов, за что по возвращении в Карфаген (таково было условие) его подвергли смертной казни³. Подробному рассказу о Регуле посвящены стихи 13–56 и в 5-й оде 3-й книги. Там же передается блестящая речь Регула в Сенате (стихи 18–40), в которой проявился его «проницательный ум» (*mens provida Reguli* — 3,5,13).

³ «Новейший Регул, чести бог...» — так иронически определяет Зарецкого, побывавшего в плену у французов автор «Евгения Онегина» (гл. 6, строфа 5, ст. 11). То, что во времена Пушкина было общеизвестным и не вызывало недоумения, сейчас требует пояснений.

Вернемся к 12-й оде 1-й книги. В ней, помимо Регула, упоминаются консул 216 г. до н. э. Луций Эмилий Павел и, видимо, Марк Клавдий Марцелл (*crescit fama Marcelli* — ст. 45–46). Первый из них погиб в бою при Каннах в августе 216 г. до н. э. У Горация он предстает как образец римской доблести и благородства (ст. 37–38). Второй в 212 г. до н. э. взял штурмом Сиракузы, которые начали военные действия против римских гарнизонов в Сицилии.

Вооруженный поход Ганнибала в Италию чуть было не завершился катастрофой для римлян, с его именем связаны самые трагические воспоминания. Не случайно Гораций называет его «грозой для предков» (*parentibus abominatus* — *Эподы* 16,8): он «жесток» (*durus* — *Оды* 2,12,2; 3,6,36) и «вероломен» (*perfidus* — 4,4,49), его угрозы (*Hannibalis minae* — 4,8,16) до сих пор живы в памяти римлян. Поэт вкладывает в уста Ганнибала пространную речь, в которой тот оплакивает гибель своего брата Гасдрубала, разбитого в 207 г. до н. э. при Метавре консулом Клавдием Нероном (4,4,46–47). Завершается она полными отчаянья словами:

Увы, всеильны воины Клавдиев.
Им сам Юпитер грозный сопутствует:
Решенья, принятые мудро,
Оберегают их в трудных войнах.
(Пер. О. Румера)

Кому из римлян не пришлось бы по душе такие слова, произнесенные их самым заклятым врагом?

О Ганнибале Гораций помнит постоянно, и это понятно, ведь на родине поэта, в Апулии у берегов Ауфиды, римляне потерпели самое тяжелое поражение, когда при Каннах значительная часть римлян пала на поле битвы, многие попали в плен и лишь малая часть спаслась бегством.

В поэзии Горация нашли отражение события всех Пунических войн. Лишь в Третьей пунической войне «римлянин сжег надменные твердыни ненавистного Карфагена» (*superbas invidae Carthaginiis / Romanus arces ureret* — *Эподы* 7,5–6; ср. *incendia Cartaginis impiae* «пожар нечестивого Карфагена» — *Оды* 4,8,17),

над которым «доблесть воздвигла памятник Африкану» (*Africanum, cui super Carthaginem / virtus sepulcrum condidit* — Эподы 9,25–26), то есть Сципиону Эмилиану, «который заслужил взять прозвище от разрушенного Карфагена» (*qui duxit ab oppressa meritum Carthagine nomen* — Оды 2,1,65–66)⁴.

Видимо, историю противостояния Рима и Карфагена Гораций знал до мельчайших подробностей, иногда лишь намекая на известные ему события. Так, в словах «море Сицилии / от крови пунийцев алое» (Оды 2,12,2–3) содержится указание на поражение карфагенского флота в морском бою при Милах (260 г. до н. э.) и в битве при Эгатских островах (241 г. до н. э.).

С разрушением Карфагена угроза, исходящая для Рима из Северной Африки, не исчезла. Еще живы были ветераны последней войны с пунийцами, когда соседнее с Ливией Нумидийское царство из союзника превратилось во врага. Молодой энергичный царь Югурта начал военные действия против римлян. Вокруг него стали объединяться североафриканские племена; власть римлян в Африке оказалась под угрозой. Югуртинская война, затянувшаяся на шесть лет, превратилась в крупнейшее политическое событие, обнажив слабые стороны римской государственной системы: продажность Сената, бездарность полководцев, недееспособность армии, следствием чего стали позорнейшие поражения в войне. Положение изменилось с прибытием в Африку Гая Мария, избранного консулом на 107 г. до н. э.

О Югуртинской войне Гораций впервые упомянул в эподах (*Iugurthino bello* — 9,23–24). В стихотворении, открывающем 2-ю книгу од, он говорит о том, что народ, сокрушивший Карфаген, был принесен в жертву Югурте, и сделала это Юнона (*victorum nepotes / rettulit inferias Iugurthae* «внуков победителей принесла в жертву Югурте»), мстящая за гибель Карфагена, города, которого она покровительствовала (Оды 2,1,25–2).

Когда Гораций писал эти строки, Риму опять угрожала Африка, теперь это был Египет во главе с царицей Клеопатрой, жен-

⁴ Знает Гораций и о других победах Сципиона Эмилиана, например в Испанской войне, когда он осенью 133 г. до н. э. заставил сдаться город Нуманцию (Оды 2,12,1).

скими чарами поработившей Антония. *Romanus eheu — posteri negabitis — / emancipatus feminae* «Увы, римлянин — потомки, не поверите! — предался женщине» (*Эподы* 9,11–12).

Союз Клеопатры и Антония заключал в себе серьезную опасность для Рима. Гораций повествует об этом в одной из «Римских од» (3,6,13–15) и в знаменитом стихотворении *Nunc est bibendum* (1,37), написанном в 30 г. до н. э., когда в Рим пришло известие о падении столицы Египта Александрии и смерти Клеопатры и Марка Антония.

Африканская тема в то время была весьма актуальна и потому в поэзии Горация нашла отражение в соответствующей исторической перспективе.

Парфянский вопрос — относительно новая страница в римской истории. Впервые в поле зрения римлян парфяне попали в начале I в. до н. э., когда во время военных действий Суллы в Малой Азии произошел первый дипломатический контакт с ними (92 г. до н. э.). Продвижение римлян на восток привело к непосредственному соприкосновению с парфянами. В 53 г. до н. э. против них выступил Марк Лициний Красс, но в мае того же года в сражении при Каррах в Месопотамии он был убит и обезглавлен, большая часть римской армии была перебита или взята в плен. Теперь парфяне серьезно угрожали господству римлян на Востоке. В Риме болезненно переживали поражение Красса и пленение римских солдат, которые уже около двадцати пяти лет находились в плену у парфян.

С горечью и негодованием пишет Гораций о случившемся:

Монез с Пакором, дважды отбившие
В недобрый час задуманный натиск наш,
Гордятся, пронизи на шею
Римской добычей себе украсив.
(*Оды* 3,6,9–12; пер. Н. Шатерникова)

Вот почему в книгах Горация упоминания о парфянах столь часты (около 30 случаев), причем Гораций называет не только современных ему правителей Парфии царей Тиридата (*Оды* 1,26,5) и Фраата (*Оды* 2,2,17; *Послания* 1,12,27), но и тех, что правили

задолго до них: мифического царя Ахемена, родоначальника персидской династии Ахеменидов (*Оды* 2,12,21; 3,1,44; ср. *Эподы* 13,8), и основавшего в VI в. до н. э. персидскую монархию Кира (*Оды* 2,2,17; 3,29,28)⁵.

Так что можно понять радость римлян при известии о том, что парфянский царь Фраат передал Тиберию римские орлы и боевые значки, захваченные в войнах с Крассом и Антонием. Передача знамен произошла в 20 г. до н. э. Отныне римляне могли гордиться, что позор прежних поражений смыт и непобедимые парфяне просят милости у Августа. Гораций воспел это событие в «Юбилейном гимне» (17 г. до н. э.): *Iam mari terraque manus potentes / Medus Albanasque timet secures* «Вот на суше, на море перс страшится / Ратей грозных, острых секир альбанских» (стихи 53–54; пер. Н. Гинцбурга), и в заключительной оде 4-й книги, обращаясь к Августу, который «возвратил Юпитеру нашему, / Сорвав со стен кичливых парфов, / Наши значки» (4,15,6–8; пер. Г. Церетели)⁶.

Долгожданное⁷ событие произошло, и Гораций, как все римляне, благодарен Августу, чья мудрая дипломатия на Востоке оказалась столь успешной. Вряд ли стоит сомневаться в искренности Горация, автора 4-й книги «Од», хотя он и приступил к ее написанию по просьбе принцепса, пожелавшего, чтобы военные подвиги его пасынков Тиберия и Друза не были забыты.

Как говорит сам Гораций, «нет деяниям наград, если безмолствуют / свитки Муз» (4,8,21–22), ведь «безвестная доблесть немногим разнится от сошедшего в могилу бездействия» (4,9,29–30), «много храбрых героев жили до Агамемнона, но всех их, неоплаченных и безвестных, гнетет вечная ночь, так как они не имеют

⁵ Образование Парфянского царства произошло около 250 г. до н. э. на территории державы Селевкидов. Его основатели Аршак и Тиридат претендовали на родство с персидскими Ахеменидами.

⁶ Гораций с нетерпением ждал этого события: в 3-й книге «Од» от лица вещающей богини Юноны он призывал: «Пусть грозный Рим диктует права покоренным мидянам» (3,3,43–44). И вот сбылось.

⁷ После победы при Акции Октавиан планировал поход на Восток против парфян (*iuvenis Parthis horrendus* — *Сатурны* 2,5,62; *graves Persae melius perirent* — *Оды* 1,2,22; ср. 1,21,13–16).

вещего поэта» (стихи 25–28), впрочем, уточняет Гораций, кто без страха погибнет за отечество, «имя счастливица носить вправо» (*rectius occipat / nomen beati* — стихи 46–47).

Читая Горация, мы одновременно перелистываем страницы многовековой истории Рима. Похоже, нет сколь-нибудь значительного события, о котором он не упомянул бы в своих стихах. В них нашлось место для каждого из семи римских царей: это легендарный основатель Рима Ромул, Нума Помпилий (*quietum Pompilii regnum* — *Оды* 1,12,34; *saliare Numae carmen* — 2,1,86), Тулл Гостилий (*Tullus dives* — 4,7,15), при котором был заключен союз с сабинянами (*Послания* 1,1,24–25), Анк Марций (*Оды* 4,7,15; *Послания* 1,6,27), Тарквиний Древний (*superbos Tarquini fasces* — *Оды* 1,12,34–35), при нем было достигнуто соглашение с общиной Габиев (*Послания* 2,1,24–25; ср. Тит Ливий 1,54), Сервий Туллий (*Tulli regnum* — *Сатиры* 1,6,9) и изгнанный из Рима Тарквиний Гордый (*superbus Tarquinius regno pulsus fugit* — *Сатиры* 1,6,12–23), он нашел убежище у этрусского царя Порсенны, который в 508 г. до н. э. выступил с войском против Рима и осадил город. Об этрусской рати Порсенны (*Etrusca Porsennae manus*) Гораций вспоминает в эподах (16,4).

Упоминает Гораций и о правлении децемвиров, оставивших после себя Законы XII таблиц (451–450 гг. до н. э.): *tabulas peccare vetantis, / quas bis quinque viri sanxerunt* «доски, запрещающие грешить, которые освятили десять мужей» (*Послания* 1,1,23–24). В памяти поэта — нашествие на Рим галлов, осадивших в 390 г. до н. э. Капитолий (тогда положение спас Марк Камилл Фурий, пришедший на помощь со своим войском в самый драматический момент), Латинская война, во время которой прославился Публий Деций Мус, консул 340 г. до н. э., пожертвовавший собой ради победы над неприятелем, и события Третьей самнитской войны (298–290 гг. до н. э.), тогда впервые проявился полководческий талант консула 290 г. Мания Курия Дентата, ставшего образцом старинной римской доблести. Это — нашествие эпирского царя Пирра (*Оды* 3,6,35), который дважды высаживался в Италии со своим войском (в 280 и 275 гг. до н. э.); это — уже рассмотренные нами события трех Пунических войн. Но еще до начала Третьей пуни-

ческой войны в 190 г. до н. э. римляне нанесли страшное поражение сирийскому царю Антиоху в сражении при Магнезии (Сирийская война 192–189 гг. до н. э.). Имя Антиоха Гораций упоминает в одном ряду с именами таких злейших врагов Рима, как Пирр и Ганнибал (*Оды* 3,6,36). В 146 г. до н. э. римлянами был разрушен Коринф (*captiva Corinthus* — *Послания* 2,1,193) и завоевана Греция (*Graecia capta* — 2,1,156).

Выразительные строки посвящены Югуртинской войне 111–105 гг. до н. э., Союзнической (или Марсийской) войне 91–88 гг. до н. э., в которой отличилось воинственное племя марсов, чья храбрость вошла в поговорку (*acer Marsi voltus* — *Оды* 1,2,39–40; ср. 2,20,17–18; *Marsi duelli* — 3,14,18; ср. *Эподы* 16,3), восстанию Спартака, а также событиям современной Горацию действительности.

Многие драматические события происходили на родине Горация, в Апулии. Например, в 279 г. до н. э. при Аускуле, городе к северу от Венузии, высадившийся в Италии эпирский царь Пирр одержал победу над римлянами, понеся при этом тяжелые потери («Пиррова победа»). Героев войны с Пирром Гая Фабриция Лусцина и Манья Курия Дентата Гораций называет в одной из од (1,12,38 и 40).

О битве при Каннах речь шла выше.

В восточной части Апулии у горы Гарган были разгромлены в 72 г. до н. э. восставшие рабы, а весной 71 г. до н. э. на юге Апулии произошла последняя битва со Спартаком (*Эподы* 16,5; *Оды* 3,14,19).

Немногие из нас могут похвалиться таким же знанием родной истории, каким обладал Гораций. Его исторический кругозор таков, что он вполне мог бы быть эпическим поэтом, пишущим на исторические темы, к которым он, несмотря на все его отговорки, явно тяготеет⁸.

Кому-то может показаться, что Гораций обладает особой осведомленностью в области отечественной истории и это является

⁸ *Dicam insigne, recens, adhuc / indictum ore alio; nil parvum aut humili modo, / nil mortale loquar* (*Carm.* 3,25,7 8; 17–18); *volentem proelia me loqui / victas et urbis* (4,15,1–2).

чем-то исключительным. Но это не так. И вот почему. Гораций обычно называет имя какого-либо исторического деятеля, полагая, что для слушателей его произведений этого вполне достаточно, их реакция будет незамедлительной, ассоциации именно те, каких он и ожидал. Стоило ему сказать «Деций» (*Сатиры* 1,6,20), и у его слушателей это имя тотчас вызвало в памяти подвиг Публия Деция Муса, который во время войны с латинами, в торжественных словах принеся в жертву самого себя и неприятелей, бросился в гущу врагов и погиб. Его смерть вызвала подъем духа у римлян, и они одержали блестящую победу. Хотя подвиг Деция можно воспринимать как образец римской *virtus*, переходящий от одного поколения к другому⁹.

Вполне возможно, что во времена Горация имена собственные, к тому же употребленные во множественном числе: Камиллы, Курии, Цетегии — уже сделались нарицательными для обозначения людей образцовой воинской доблести, готовых на самопожертвование во благо родины, а такие имена, как Ганнибал, Пирр, Югурта метонимически получили значение злейшего врага Римского государства. И всякий раз, как звучали эти и подобные им имена, в памяти образованного римлянина, прекрасно знавшего отечественную историю, тут же оживали события глубокой древности или недавнего прошлого¹⁰.

Разумеется, Гораций рассчитывал на высокую образованность своих слушателей и потенциальных читателей. Иначе и быть не могло, ведь в его окружение входили такие люди, как Гай Азиний Поллион, оратор, трагический поэт и историк гражданских войн (ему посвящена ода, открывающая 2-ю книгу «Од»), Марк Валерий

⁹ См. Тит Ливий 8,6–10. Впрочем это мог быть один из трех Дециев, принадлежавших к разным поколениям, но смерть которых расцвечена легендой. Тит Ливий передает рассказ о смерти Публия Деция в 295 г. до н. э. в Третьей самнитской войне, в точности дублирующий легенду о гибели его отца в 340 г. до н. э. (10,28). Аналогичный рассказ существует и о смерти третьего Публия Деция Муса, обречшего себя подземным богам в сражении с царем Пирром при Аускуле в 279 г. до н. э.

¹⁰ Так, имя Герострата стало нарицательным для честолюбца, добивающегося славы любым путем, вплоть до преступления. Так, мы говорим «Сусанин» о человеке, который взялся вывести нас из леса и при этом сам заплутал.

Мессала, оратор и историк, в честь которого написана 21-я ода 3-й книги (ср. *Сатиры* 1,10,85; Наука поэзии 371), историк и поэт Октавий (*Сатиры* 1,10,82)¹¹, историк Фурний, названный Горацием в числе друзей (*Сатиры* 1,10,86) и, конечно же, Вергилий¹². Как видим, увлечение историей не было в окружении Горация чем-то необычным¹³, а одна из од поэта прямо обращена к музе истории Клио (1,12).

Не следует забывать о том, что история пронизывала все обучение римского школьника. Гораций, воспитанник знаменитого Орбилия, несомненно, многое усвоил в годы ученичества. Именно тогда он познакомился с историческими поэмами «Пуническая война» Гнея Невия (*Послания* 2,1,53–54) и «Анналами» Квинта Энния (*Оды* 4,8,15–20). Чтение этих и других произведений, насколько мы знаем, сопровождалось подробными комментариями учителя¹⁴.

Вне всякого сомнения, Гораций читал самые разные сочинения по истории своей страны, причем не только на латинском, но и на греческом языке, например объемистый труд грека Полибия. Он высоко ценил произведения Саллюстия, к приемному сыну которого он обращается в одной из од (2,2,3) и упоминает в сатире (*Сатиры* 1,2,48). Еще до публикации од начали появляться первые книги фундаментальной истории Тита Ливия, с которыми Гораций — это несомненно — ознакомился по мере их появления.

На исторические темы писали произведения многие поэты старшего поколения: осмеянный Горацием автор «Анналов» Марк

¹¹ Вероятно, это Октавий Муза, которому посвящены два стихотворения, приписываемые Вергилию.

¹² Попытки заняться историографией, возможно, предпринимал и Меценат, насколько мы можем судить об этом по обращенной к нему оде Горация (см. 2,12,9–12).

¹³ В послании к Флору Гораций спрашивает: «Что за труд замышляет когорты ученых: / Кто же из вас описать деяния Августа взялся? / Кто же векам передаст все войны и все замиренья» (1,3,6–8; пер. Н. Гинцбурга).

¹⁴ Плутарх в биографии Катона Старшего о первоначальном обучении в старинных римских семьях сообщает, что отец учил сына читать и писать: Катон собственной рукой крупными буквами изложил для мальчика отечественную историю (Плутарх. Катон Старший 20). Это говорит о том, какое большое значение придавалось знанию истории.

Фурий Бибакул, Варрон Атацинский, создатель поэмы «Секванская война», Луций Варий, писавший об убийстве Юлия Цезаря.

Следует сказать, что Гораций внимательно следил и за текущими событиями. В послании к Икцию, прокуратору Агриппы, он пишет:

Должен, однако, ты знать, как дела обстоят государства:
Пали армяне, кантабр — то Клавдия доблесть Нерона,
Доблесть Агриппы; Фраат, преклонивши колени смиренно,
Цезаря власть над собою признал...

(Послания 12,25–28).

Как мы могли убедиться, Гораций прекрасно ориентировался в римской истории и истории края, где он родился. Исторические знания — неотъемлемая часть его духовной культуры, они в значительной степени определяют стилистику его стихотворений, в которых ссылки на историю служат примерами римского патриотизма, готовности отдать свою жизнь ради общего блага.

К отечественной истории Гораций обращается преимущественно в одах, что представляется уместным для этого жанра литературы, в то время как в сатирах и посланиях, имеющих ярко выраженный автобиографический характер, примеры из истории единичны¹⁵.

Итак, Гораций вполне мог сказать вслед за Цицероном: «*historia lux veritatis, magistra vitae*» — «история — свет истины, учительница жизни» (см. Цицерон. *Об ораторе* 2,9,36).

ЛИТЕРАТУРА

1. Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М.: Наука, 1972. 472 с.
2. Цицерон Марк Туллий. Вторая речь о земельном законе // Цицерон, Марк Туллий. Речи: в 2 т. Т. 1. М. Наука, 1962. 448 с.

¹⁵ Иначе в сатирах Ювенала, изобилующих примерами из истории. Но такова творческая установка поэта — говорить только о временах прошедших (см., например, 1,170–171).

REFERENCES

1. Tsitseron, Mark Tullii. *Tri traktata ob oratorskom iskusstve* [M. Tullius Cicero. Three Treatises on Rhetoric]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 472 s.
2. *Vtoraia rech' o zemel'nom zakone*. [Second Speech on the Agrarian Law]. Tsitseron, Mark Tullii. Rechi: v 2 t. [M. Tullius Cicero. Speeches, in 2 volumes]. T. 1. [Vol. 1]. Moscow, Nauka Publ., 1962. 448 s.

Дуров Валерий Семенович

Доктор филологических наук, профессор кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Valery Durov

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor, Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: vsdurov@mail.ru

«ЭПОДЫ» ГОРАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ СТИХОТВОРНОГО СБОРНИКА

Ключевые слова: Гораций, Эподы, римский поэтический сборник, Каллимах, ямбы.

В статье рассматривается круг вопросов, связанных с композицией Эподов Горация. Производится сравнение ее с композицией других сборников Горация и современных ему поэтов; на основании отсутствия традиционных приемов оформления поэтической книги, издаваемой отдельно (вступительное и заключительное стихотворения, стремление к метрическому разнообразию, число стихотворений и т. д.), высказывается предположение, что эти 17 стихотворений были изданы не сразу после их создания (в 30-е гг. до н. э.), а позже, как юношеские опыты уже прославленного поэта.

S. K. EGOROVA

St. Petersburg State University

THE EPODES OF HORACE AND A ROMAN POETRY BOOK

Keywords: Epodes, Latin poetry book, Horace, Callimachus' Iambi.

The article examines the Epode book by Horace as a poetry collection. It is compared with other collections by Horace and the poets of the same period. As this sample of 17 iambic pieces has no traditional features used by poets while composing their poetry books (e. g. opening and concluding pieces, round number of pieces, metrical *variatio*), the author supposes that these poems were not published at once in the thirties BC, but later, the absence of formal composition being a sign of juvenilia.

«Эподы» Горация (17 ранних ямбических стихотворений) наименее изучены из всех его произведений. Даже вопрос, были ли они изданы при жизни автора, не может считаться решенным. Извест-

но, что многие из произведений Горация были изданы в Риме при его жизни: это бесспорно для «Од» (книги I–III), 4-й книги «Од», двух книг «Сатир» и 1-й книги «Посланий» — об этом свидетельствует Светоний (Suet., Vita Horati, 5). Отмечено, что все указанные книги имеют признаки продуманной композиции, характерной для стихотворного сборника: соблюден принцип разнообразия (*variatio*)¹, есть вступительные и заключительные стихотворения. Относительно же других произведений («Carmen Saeculare», «Эподы» и 2-я книга «Посланий», включая «Ars poetica») нельзя утверждать, что они были изданы в форме книги, что для поздних «Посланий» и «Carmen Saeculare» вполне объяснимо.

Сомнения по поводу отдельного издания «Эподов» возникают из-за двух проблем: а) недостаточного объема и б) композиции.

Т. Бирт [Birt, 1882, S. 294; Schubart, 1921, S. 66–67], один из самых авторитетных специалистов по античному книгоизданию, был убежден в том, что «Эподы» были изданы отдельной книгой, хотя и отмечает их небольшой объем, который составляют 625 стихов, что меньше среднего стихотворного сборника — например, *Буколики*, вышедшие в тот же период, состоят из 829 стихов. С другой стороны, не раз отмечалось, что малый объем книги не является препятствием для ее издания: 2-я книга «Скорбных элегий» включает 578 стихов, а книги «Георгик» — от 514 до 566 стихов², — тогда как чрезмерный объем (больше 1000 стихов) мог вызвать технические трудности из-за необычной длины папирусного свитка. Такова, например, ситуация с 5-й книгой поэмы «О природе вещей», которая состоит из 1457 стихов.

Возможно, Гораций и сам осознавал, что ямбов недостаточно для книги — во всяком случае, так можно трактовать стихи 6–8 из 14-го эпода, сообщающие о предполагаемой подготовке издания:

¹ О подобном принципе составления сборника сообщает Плиний Младший (Plin. VII, 21), подробно ниже. О составлении античных стихотворных сборников см.: [Schulze, 1885, S. 867–878; Port, 1926, S. 442–468] и др. О Горации см.: [Dettmer, 1984; Santirocco, 1986] и др.

² Отметим, что эти книги входят в «многотомное» произведение, средняя часть которого явно могла иметь меньший объем — так, 2-я книга «Од» меньше 1-й и 3-й книг, 2-я книга «Скорбных элегий» состоит из одной элегии и т. д.

Deus, deus nam me vetat

Inceptos, olim promissum carmen³, iambos
Ad umbilicum adducere.

Бог и никто иной запрещает мне довести до свитка начатые ямбы, стихи, обещанные когда-то⁴.

Выражение «ad umbilicum adducere», дословно: «довести до стержня, на который наматывался папирусный свиток», обычно понимают как *довести до процесса издания свитка*, то есть перенести с табличек на свиток, с него в дальнейшем будут делаться копии, то есть *издать*, лат. *edere*. На мой взгляд, возможно другое понимание: *написать большее количество ямбов, то есть заполнить свиток до конца*. Это понимание более соответствует контексту, который подразумевает скорее создание новых стихов, а не отделку старых. Если эти стихи можно учитывать как достоверное сведение по истории издания «Эподов», допустима возможность того, что поэт так и не написал большего числа ямбов и книга осталась незавершенной.

О том, что «Эподы» были изданы самим автором, может говорить первый эпод, который, как и начальные стихотворения в других сборниках Горация, посвящен Меценату. Это обстоятельство наводит на мысль, что при подготовке книги «Эподов» некоторые «формальности» были соблюдены, однако это может указывать скорее на позднее издание: поскольку других признаков вступления у этого стихотворения нет (см. ниже), оно могло быть поставлено первым в то время, когда все другие сборники уже были изданы.

Если рассматривать «Эподы» в целом как стихотворный сборник, то приходится признать, что его композиция не свидетельствует в пользу предположения о том, что автор готовил эти стихотво-

³ Интерпретация этих стихов не лишена трудностей, некоторые исследователи (например, И. Плюсс) отрицают употребление *carmen* как «книга стихов», и тогда речь в пассаже идет об одном обещанном стихотворении. Однако даже и в этом случае подразумевается некоторая письменная фиксация, что наводит на мысль об издании. Кроме того, метонимическое употребление *carmen* вместо *libellus carminum* кажется вполне возможным в поэтической речи (TLL, s. v. *carmen*, I, c).

⁴ Хотя возможен другой вариант пунктуации — *inceptos olim, promissum carmen, iambos* (см., например, издание Клигнера), мысль остается прежней: поэт начал писать ямбы примерно в то же время, что и обещал издать всю книгу.

рения к изданию отдельной книгой, так как текст «Эподов» не соответствует античной традиции составления поэтического сборника.

Учеными были выделены следующие основные тенденции, заметные в римских поэтических сборниках, как, впрочем, и в европейской литературе последующих периодов⁵:

- 1) разнообразие содержания и, если возможно, метров;
- 2) наличие вступительного стихотворения;
- 3) наличие заключительного стихотворения;
- 4) в некоторых случаях наличие линейного изложения единого сюжета (например, романа лирического героя и героини).

Первая тенденция — расположение сходных по сюжету стихотворений на некотором расстоянии друг от друга — заметна во всех дошедших стихотворных сборниках и была выражена самими древними. Например, Овидий пишет (Ovid., *Ex Pont.* 3. 7. 3–4):

taedia consimili fieri de carmine vobis,
quidque petam cunctos edidicisse reor.

Я думаю, что вам скучно от схожих песен и что вы знаете наизусть все, чего я добиваюсь.

Сервий (Serv., *Ad Ecl.* 3. 1) замечает:

qui enim bucolica scribit, curare debet ante omnia, ne similes sibi sint eclogae.

Ведь если кто пишет буколики, то должен в первую очередь смотреть за тем, чтобы эклоги не были похожи одна на другую⁶.

⁵ Это совпадение, на мой взгляд, является типологическим. Более сложный вопрос представляет соотношение римских сборников с эллинистической традицией составления книг, хотя такую возможность нельзя отрицать, см. ниже о «Ямбах» Каллимаха.

⁶ Подобное разнообразие достигается, прежде всего, путем расположения близких по содержанию произведений на значительном расстоянии друг от друга, — например, сходные элегии в сборнике *Amores* распределены по разным книгам: Овидий обещает бессмертие своей возлюбленной в стихах — 1, 3 и 2, 17; пытается заручиться поддержкой слуги — 1, 6 и 2, 2–3; жалуется на то, что Коринна предпочитает его стихам деньги — 1, 10 и 3, 8 и т. д. Этиологические элегии в 3-й книге Проперция расположены тоже не подряд (13, 14, 18, 22). В других случаях элегии, разрабатывающие один сюжет, стоят не рядом, а разделены стихотворением на другую тему: так, элегии Проперция 1, 7 и 1, 9 (они обращены к Понтику и представляют некоторое подобие повествовательного сюжета) разделены элегией 1, 8 (или 1, 8 и 1, 8 b), рассказывающей об отъезде Кинфии. Разумеется, существуют и другие примеры такого расположения.

Необходимо отметить, что стихотворения, содержащие развитие сюжета, не были отдалены как можно дальше друг от друга, а помещены через одно или несколько стихотворений. В «Эподах» такой парой могли бы стать стихотворения 5 и 17, обращенные, как принято считать, к Канидии, однако расстояние между ними слишком велико.

Метрическое разнообразие засвидетельствовано в римской литературе гораздо реже, так как многие дошедшие сборники принадлежат к жанру элегии; с другой стороны, существование этой тенденции подтверждено античным свидетельством — Plin., Epist. 8. 21. 4:

liber fuit et opusculis varius et metris. Ita solemus, qui ingenio parum fidimus, satietatis periculum fugere.

Книга состояла из разнообразных сочинений, как по содержанию, так и по метрам. Так мы, мало доверяя своему таланту, имеем обыкновение избегать опасности пресыщения <читателей>.

Таким образом, стремление к метрическому разнообразию при составлении поэтических сборников можно считать засвидетельствованным. Из произведений рассматриваемого периода эту тенденцию подтверждают «Оды» Горация (см. ниже), полиметры Катуллы⁷ и «Каталептон» (*Catalepton*, *App. Verg.*): при составлении последнего издатель (предположительно грамматик, современник Вергилия⁸) избегал помещать непосредственно одно за другим стихотворения, написанные элегическим дистихом, каких в сборнике большинство: это 1, 3–4, 7–9, 11, 14–15. Примечательно, что этот сборник схож с «Эподами» по общему количеству стихотворений (в «Каталептон» их 15) и по использованию преимущественно одного размера.

Вступительное стихотворение обычно содержало такие характерные элементы, как посвящение (Cat. 1, 1; Prop. 1, 1 и др.), обо-

⁷ Большинство ученых сходятся во мнении, что в основе первой части дошедшего собрания лежит *Libellus*, который упоминается в первом стихотворении книги, см., например: [Clausen, 1976, pp. 37–43; Catullus, 1998, pp. 6–11].

⁸ Согласно сообщению Доната, см., например: [Kroll, 1916, S. 228]; между тем, сборник мог быть составлен и позже, см.: [P. Vergilii Maronis Catalepton, 1949, pp. XLVIII–XLIX].

снование выбора жанра (в том числе мотив *recusatio* — см. Ovid. Amor. 1, 1), перечисление других, помимо стихотворства, занятий (Hor. Carm. 1, 1; Tib. 1, 1).

Признаки заключительного стихотворения определить труднее, обычно оно содержит общую идею завершения труда, например, в виде надежды на одобрение читателей, хотя для сборников августовской эпохи заметны такие черты, как элементы автобиографии и особенно указание области Италии, откуда поэт был родом. Между тем самый ранний случай известен для «Monobiblos» Проперция (Prop. 1, 22, 9–10), и у Горация подобный мотив встречается только в 3-й книге «Од». В 1-й книге «Сатир» появляется упоминание «готовой книги», которая отправляется в издательство (Serm. 1, 10, 92), этот мотив повторяется в заключительном стихотворении 1-й книги «Посланий» и отражен в римской поэзии последующего времени.

С другой стороны, эти тенденции станут каноном в более поздний период (начиная с 20-х гг. I в. до н. э.), и поэтому сопоставлять «Эподы» со сборниками других римских поэтов кажется неправомерным; обратимся к другим сборникам самого Горация: два из них («Сатиры») создавались примерно в тот же период, что и «Эподы», тогда как «Оды» близки к ним по жанру и метрическому разнообразию, таким образом, общие принципы построения сборника должны быть теми же.

Первая книга «Сатир» (вышедшая, вероятно, в 35 г. до н. э.) состояла из 10 стихотворений, написанных одним размером, но различных по величине: например, 3-я сатира состоит из 140 стихов, тогда как 7-я — из 35. Как считается, последовательность расположения сатир в сборнике не совпадает с хронологией их создания (1-я сатира не может быть самой ранней; с другой стороны, сатиры 2 и 3 считаются написанными в первую очередь; неясна датировка сатиры 7 — или самая ранняя, или же наоборот, одна из поздних, как считал Э. Френкель [Fraenkel, 1957, p. 112]). Сатира 10 могла быть изначально задумана как заключительная (см. стихи 74–92).

Сатиры, вошедшие во 2-ю книгу, опубликованную около 30 г. до н. э., по преимуществу имеют диалогическую форму: исключение составляют 2-я и 6-я, наиболее «личная» в этой книге.

Кроме того, в этих двух сатирах просматривается общая этическая тема: призыв довольствоваться немногим и, как наглядный пример, переход к теме простой пищи. Именно эта общая черта 2-й и 6-й сатир, а также сходный характер сатир 3 и 7 (собеседник упрекает Горация за несоответствие призывов в сатирах с образом жизни, который поэт ведет) и общая гастрономическая тематика 4-й и 8-й привели к широкому распространению теории параллельного расположения сатир во второй книге⁹. Однако уже Френкель [Fraenkel, 1957, p. 137] высказал справедливое сомнение по поводу тематической связи между консультациями с Требатием в 1-й сатире и Тиресием в 5-й сатире, а призыв довольствоваться немногим встречается в творчестве Горация очень часто.

Построение 2-й книги «Сатир» стало отправным пунктом для понимания композиции других сборников Горация, в которых ученые начали искать подобные закономерности. Однако нельзя не отметить существенное различие сатиры и эпода как жанров, оно, на наш взгляд, имеет в нашем случае первостепенное значение: сатира намного длиннее эпода, что обеспечивает большую роль сюжета каждой отдельной сатиры и ее независимость от соседних с точки зрения читательского восприятия. Очевидно также, что сатиры не могут различаться с точки зрения стихотворного размера.

«Оды» (книги I–III) — это, наверно, самый продуманный автором и изучаемый учеными сборник Горация. Приведем лишь важнейшие исследования.

Книга Н. Коллинджа «Структура од Горация» [Collinge, 1961], хотя посвящена структуре и композиции отдельных од, содержит раздел относительно композиции всего сборника: автор считает, что не следует искать в последовательности од точного соответствия между предшествующими и последующими стихотворениями, что требовало бы от читателя помнить все предыдущее; основной элемент связи — атмосфера, создаваемая одной одой и распро-

⁹ Эта теория была предложена в статье: [Boll, 1913, S. 143 f.]; см. также издание Кисслинга и Хейнце; [Port, 1926, S. 442–468] и др.; на этой гипотезе основывала свои выводы М. Шмидт, см. далее примеч. 11 и 14.

страняющаяся на другие¹⁰. Перед нами, безусловно, не случайная последовательность различных по содержанию од, и заметно некоторое их искусственное распределение, однако существует огромное количество нейтрального материала, и было бы наивным полагать, что вся книга составлена систематически от начала до конца [Collinge, 1961, p. 54].

Другой часто цитируемой работой в данной области является статья Магдалены Шмидт [Schmidt, 1954/1955, S. 207–216]. Примером предполагаемой композиции может служить 1-я книга: в первых 19 одах она представляет собой два ряда (гептады). В каждой гептаде присутствуют оды двух типов: *leicht und schwer*. Вторая часть построена на чередовании од этих двух типов. В целом изыскания Шмидт направлены на подчинение группы од определенному принципу, включающему соотношенность каждой отдельной оды с предшествующими, причем часто расположенными на значительном расстоянии от нее. То, что современный Горацию читатель мог без напряжения наслаждаться этим утраченным ныне видом искусства, входит, по мнению Шмидт, в число чудес древнего мира и не должно нас удивлять.

Это же направление разрабатывают Ф.-Х. Мучлер [Mutschler, 1974, S. 107–133], Ж. Перре [Perret, 1964, pp. 80–84], П. Сала [Salat, 1969, pp. 554–574].

В научной литературе XX в. получило широкое распространение составление схем, по которым строились римские стихотворные сборники. Самый яркий пример этого направления — выявленная О. Скучем стройная схема, согласно которой строится 1-я книга элегий Проперция [Skutsch, 1963, pp. 238–239]. В настоящее время о ней говорят как о «симметрично построенной, состоящей из равных групп» [Courtney, 1970, p. 48]. Скуч разделяет 1-ю книгу на четыре блока по пять элегий и заключительную группу из трех элегий (C). Среди других закономерностей Скутч приводит следующую: при том, что блоки 1 (A1) и 3 (A2) обра-

¹⁰ Иногда ода начинается с ситуации, которая завершает предыдущую оду (1. 17–18; 1. 25–26); стихотворение может создавать определенное настроение, необходимое для восприятия следующего (1.34–35; 2. 2–3); в ряде случаев можно наблюдать отношение резкого противопоставления — *strong adversative relation* (1.37–38; 1. 24–25).

зуют часть А, а блоки 2 (B1) и 4 (B2) — часть В, число дистихов в А = числу в В + С.

Такие вычисления могли оказаться не по плечу не только античному читателю, но и самому составителю. Кроме того, предложенная в статье Скютча схема имеет существенный недостаток, а именно — она содержит характеристику элегий по одному признаку, в том числе по адресату (что в римской поэзии иногда носит второстепенный характер). Кроме того, Скютч утверждает, что элегии 8 и 8b (отъезд Кинфии и то, что она все-таки не поехала), которые многие ученые считают одной элегией, являются двумя отдельными произведениями как раз потому, что об этом свидетельствует приведенное автором статьи построение. Последнее нам кажется недопустимым, так как ставит собственно филологические критерии ниже обнаруженных структур, существование которых является недоказуемым.

Появление подобных исследований вполне закономерно: человеку свойственно стремление найти логику в любой данной ему последовательности. Существование же практики располагать стихотворения согласно заранее определенной схеме, а тем более на основании расчетов числа стихов, не было засвидетельствовано ни для античной литературы, ни для какой-либо другой эпохи, по крайней мере, европейской литературы. Не желая вдаваться в подробности по поводу возможных различий психологии древних римлян и современного человека, мы все же отметим, что современные (в самом широком смысле) поэты не составляют книг таким образом. При этом стоит обратить внимание также и на то, что характер античных ссылок на элегию или оду (например, *Norati Carminum liber III Quo me, Vacche, gavis tui plenum*) ясно указывает на отсутствие нумерации в античных изданиях. Немаловажен также вопрос о форме античной книги (свитка) и его связи с возможностью следить за соблюдением столь формально организованной композиции, ведь древнему читателю, держащему свиток, было трудно вернуться назад или заглянуть вперед¹¹.

¹¹ Магдалена Шмидт, напротив, считает, что римский читатель благодаря чтению свитка был «натренирован» видеть подобные схемы.

Между тем мы предлагаем считать предпочтительным отсутствие практики составления книг подобным образом в Риме I в. до н. э., исходя из того, что она не подтверждается ни самими текстами, ни античными свидетельствами, а также не находит аналогий в других культурах, тогда как исследования данного характера имеют ряд существенных недостатков: они сводят содержание произведения иногда значительного объема к одному слову (например, адресату или основной теме); не соответствуют известным реалиям; часто отличаются излишним схематизмом.

Против подобного построения книг Горация и других римских поэтов (в частности, Проперция) неоднократно высказывались видные ученые XX в.: «Большинство этих предложений выглядят просто фантастическими, и для подтверждения такого расположения можно привести только искусственные аргументы» [Nisbet, Hubbard, 1970, р. XXIV]. «Если целью этих схем являлось показать, что поэт перед публикацией группировал листки с написанными на них стихотворениями согласно такому плану, то подобные схемы, по меньшей мере, имеют малое отношение к литературе» [Williams, 1968, р. 480].

В более филологическом ключе вопросы композиции «Од» отражены в трудах Э. Френкеля [Fraenkel, 1957], А. Кисслинга и Р. Хейнце [Horatius Flaccus, 1958], Э. Уикхема [The Works of Horace, 1896].

Для настоящего исследования важны два факта: 1) приблизительно хронологическая последовательность од в рамках всего сборника (то есть оды, вошедшие в 3-ю книгу, как правило, более поздние, чем вошедшие в 1-ю) [Nisbet, Hubbard, 1970, р. XXVIII], хотя, как считается, все три книги вышли одновременно; и 2) метрическое разнообразие, хотя повторы размеров и были неизбежны¹². То же самое можно сказать относительно длины стихотворений.

Для построения 1-й книги «Посланий» важен тот факт, что она вышла отдельным изданием и должна была стать завершением

¹² Преобладает Алкеева строфа, которая встречается у Горация наиболее часто, иногда в стоящих рядом стихотворениях (I, 16–17; 26–7; 34–35; II, 19–20), один раз — в трех (II, 13–15), и ею же написан так называемый цикл Римских од (III, 1–6); два соседствующих стихотворения написаны IV Асклеиадовой строфой (III, 24–5).

всего творчества Горация. Отсюда и мотив *recusatio* в первом послании (стихи 1–12), многочисленные жалобы на здоровье и упадок творческих сил, а также заключительное стихотворение, содержащее элементы автобиографии и размышления о последующей судьбе книги. На мой взгляд, последовательность лиц, к которым обращено каждое из посланий, не имеет какого-либо значения, хотя и тут видно стремление к разнообразию: послания, обращенные к Меценату и Максиму Лоллию, помещены в начале и в самом конце книги, а третье послание к Меценату расположено приблизительно в середине.

Итак, можно утверждать, что при составлении своих сборников Гораций старался избегать близкого расположения схожих по тематике произведений: например, Serm. 1, 4 и 1, 10; Serm. 2, 2 и 2, 6; Serm. 2, 4 и 8; оды, посвященные восхвалению Августа в 4-й книге «Од».

Кроме этих двух фактов (стремление к метрическому разнообразию, разнесение близких по тематике произведений), мы бы не стали отмечать какие-либо другие особенности построения книг Горация.

В заключение обзора сборников Горация отметим то внимание, с каким поэт относился к первым и последним стихотворениям своих книг (Serm. I, 10; Carm. 1, 1; 2, 20; 3, 30; Epist. I, 1; I, 20).

Между тем общая композиция сборника «Эподов» не имеет черт, характерных для античной стихотворной книги, в которой обычно чередуются произведения разных стихотворных размеров и различной длины: первые 10 эподов написаны одним размером (сочетанием ямбических триметра и диметра), — 14-й и 15-й — гекзаметром и ямбическим диметром; 16-й и 17-й, отличающиеся большим объемом, завершают книгу, тогда как в первой части книги преобладают небольшие стихотворения¹³.

¹³ Уотсон [Watson, 2003, p. 20] отмечает разнообразие содержания в сборнике «Эподов»: стихотворения, написанные на одну тему (7 и 16, 5 и 17 и т. д.), разнесены на значительное расстояние. Однако 7-й и 16-й эподы при внимательном рассмотрении не столь уж похожи, а стихотворения, образующие последовательный сюжет, какими могли бы быть эподы 5-й и 17-й, по крайней мере в элегических сборниках помещались ближе друг другу.

Распределение сюжетов и стихотворных размеров Эподов

	Сюжет	Стихотворный размер
1	Гораций следует за Меценатом на войну	Ямб. триметр / ямб. диметр
2	Ростовщик собирается стать земледельцем	Ямб. триметр / ямб. диметр
3	«Шутка» с чесноком	Ямб. триметр / ямб. диметр
4	Обличение разбогатевшего преступника	Ямб. триметр / ямб. диметр
5	Ведьма Канидия убивает мальчика	Ямб. триметр / ямб. диметр
6	Поэт сравнивается со сторожевым псом	Ямб. триметр / ямб. диметр
7	К римлянам о гражданской войне	Ямб. триметр / ямб. диметр
8	Обращение к распутной старухе	Ямб. триметр / ямб. диметр
9	Победа Октавиана над Антонием	Ямб. триметр / ямб. диметр
10	Пожелание кораблекрушения Мевию	Ямб. триметр / ямб. диметр
11	Несчастливая любовь и упреки друзей	III Архилохова строфа
12	Диалог с распутной старухой	I Архилохова строфа
13	Симпосий во время бури	II Архилохова строфа
14	Любовь не позволяет закончить книгу	Дакт. гекзаметр / ямб. диметр
15	Ложные клятвы Неэры	Дакт. гекзаметр / ямб. диметр
16	Гражданская война и острова блаженных	Дакт. гекзаметр / ямб. триметр
17	Диалог с Канидией, наставшей порчу	Ямб. триметр

Собственно вступительного стихотворения нет — 1-й эпод принадлежит к традиционной форме пропемптикона и не содержит мотивов, характерных для вступительного стихотворения. Обращение к Меценату заканчивается не посвящением ему книги, а переходом к событиям, в которых Меценат становится главным героем (например, в «Одах» речь идет именно о посвящении кни-

ги, в «Сатирах» от обращения к Меценату поэт сразу переходит к вопросу, никак с ним не связанному). Упоминание имени Мецената могло стать поводом поставить это стихотворение первым в сборнике, поскольку именно так начинаются прочие сборники.

Заключительное стихотворение также отсутствует. Хотя этот композиционный прием встречается реже, в том числе и у Горация (только в книгах «Од» и 1-й книге «Посланий»), все же видеть в качестве последнего стихотворения 17-й эпод более чем странно.

Все эти особенности существующего текста «Эподов» заставляют исследователей выдвигать гипотезы относительно их композиции, обобщить которые можно следующим образом:

1) малый объем сборника имеет параллели в римской литературе;

2) метрическое разнообразие было недостижимо (10 стихотворений из 17 написаны одним размером);

3) разнообразие в содержании служит доводом в пользу составления сборника эподов согласно традиционному принципу.

В литературе можно даже увидеть композиционные схемы, подобные указанным выше¹⁴. «Математические» схемы построения предлагали Эрнст Шмидт [Schmidt, 1977, S. 401–423] (в частности, он усматривает равновесие 2-го и 16-го эподов: в 16-м 66 стихов, а во 2-м 66 + 4 стиха, которые служат «дополнением») и Роберт Каррубба [Carrubba, 1969, p. 22].

М. фон Альбрехт так формулирует закономерность в расположении эподов: «Первая и девятая — то есть начало и середина — посвящены Меценату. Перед центральным стихотворением и после него (9) — два цикла по восемь пьес. В каждом случае последнее стихотворение (8 и 17) обращено к старухам, оба последних адресованы римлянам (7 и 16). В остальном — сознательная забота о разнообразии» [Альбрехт, 2004, с. 783].

Однако Плиний пишет о метрическом разнообразии как о неременном условии, помогающем поддержать интерес читателя, и мы видим соблюдение этого принципа даже в случаях, когда один

¹⁴ В частности, М. Шмидт понимает композицию книги эподов так: стихотворения совмещают попарное расположение (ср. *Буколики* Вергилия) с адверсативной связью (см. эподы 1–10) и построением по принципу триад (см. эподы 11–17) [Schmidt, 1954/1955, S. 208].

стихотворный размер преобладает и достичь абсолютного разнообразия невозможно (дистих в *Catalepton*, Алкеева строфа в «Одах»).

Разнообразие в содержании тоже не выдержано, напротив, явно заметно расположение подражаний древним ямбографам в начале книги, а эподов, напоминающих оды, скорее во второй ее части.

Прежде чем рассмотреть эту особенность подробнее, следует изложить вопрос о подражании «Ямбам» Каллимаха.

На мой взгляд, это центральный вопрос о композиции «Эподов» Горация, и, напротив, сопоставление с «Эподами» представляет важность для реконструкции текста Каллимаха, в частности для определения числа стихотворений (17 или 13), входивших в состав этого эллинистического сборника.

В настоящее время число 17 приводится почти как доказанный факт — М. фон Альбрехт именно на этом основании говорит о возможном сходстве сборников¹⁵, а энциклопедия «*Neue Pauly*» упоминает равное число ямбов Каллимаха и «Эподов» Горация.

В таком случае нам пришлось бы признать, что «Эподы» Горация, какова бы ни была их композиция, — это стихотворный сборник, задумывавшийся как подражание «Ямбам» Каллимаха, поэтому он состоит из 17 стихотворений, и вторая часть, подобно сборнику александрийского поэта, содержит стихотворения лирического характера¹⁶.

Между тем вопрос о числе ямбов, написанных и изданных Каллимахом, гораздо более сложен. Папирус *POxy. 1011*, содержащий ямбы, обрывается после 13-го ямба, который может служить хорошим заключением для сборника, переключаясь с первым стихотворением. Второй источник текста Каллимаха — *Diegeses* — дает четыре дополнительных стихотворения (frg. 226–229), написанные лирическими размерами, причем текст не дает их заголовка и не отмечает перед ними окончание текста «Эподов». Вопрос о том, входили ли эти стихотворения в сборник, до сих пор рассматривается учеными.

¹⁵ «Сборник, возможно, вдохновленный «Ямбами» Каллимаха, состоит из семнадцати пьес» [Альбрехт, 2004, с. 783].

¹⁶ Последние четыре стихотворения Каллимаха написаны не ямбом, а лирическими размерами.

Будучи ведущим исследователем Каллимаха, А. Керкхекер приводит возможные доводы в пользу как 17, так и 13 стихотворений в сборнике и справедливо указывает, что количество эподов Горация не может использоваться как аргумент («This is a point to argue towards, not to argue from» [Kerkhecker, 1999, p. 275]): *если бы* было известно, что книга Каллимаха состояла из 17 стихотворений, *тогда* мы могли бы использовать это обстоятельство при изучении Горация. Поскольку мы не знаем этого, то мы не можем этого делать.

Сам Керкхекер больше склоняется к исключению спорных стихотворений из числа «Ямбов», опираясь на следующие факты: 1) рукопись *Diegeses* выполнена не слишком аккуратно и далеко не всегда отмечает начало и конец произведений; 2) стихотворения 14–17 при цитировании никогда не назывались *iamboi*, да собственно ямбами и не являются, отличаясь от них также и по содержанию; 3) 13-й ямб имеет черты заключительного стихотворения.

Для вопроса о подражании ямба Каллимаха важно то, что, зная этот текст, Керкхекер утверждает, что подражания в области композиции у Горация нет [Kerkhecker, 1999, p. 276]¹⁷. К тому же, Гораций не использует метры четырех «дополнительных» стихотворений ни в «Эподах», ни в «Одах».

Гораций нигде не называет Каллимаха в качестве своего образца; а в «Посланиях» (Epist. 2, 2, 10) даже противопоставляет себя молодым римским поэтам, которые ему подражают.

Таким образом, ни сравнение со стихотворными сборниками римских поэтов, ни изучение композиции других книг Горация, ни сопоставление с «Ямбами» Каллимаха не указывает на подготовку издания «Эподов» как отдельной стихотворной книги.

Как простому читателю, так и филологам, изучавшим произведения Горация, заметны различия «ранних» и «поздних» стихотворений и сходство «поздних» эподов с одами. Общепринятым является предположение, что от сочинения эподов Гораций перешел к созданию од, размеры которых не стали распространенными, уступив место Сапфической, Алкеевой и Асклепиадовым строфам.

¹⁷ Можно проследить некоторые сходные мотивы в отдельных стихотворениях, но их не так много и они могут быть легко объяснены общим источником — древней ямбографией.

Заметно, что «ранние» эподы расположены в первой части книги, тогда как эподы 11, 13, 14, 15 напоминают оды. Подобный «хронологический» подход к композиции книги «Эподов» довольно просторен — Д. Мэнкин [Horace, 1995, pp. 10–11] указывает на то, что предполагаемый читатель не мог не воспринимать последовательность стихотворений как своего рода разворачивающийся сюжет, и, например, «действие» 13-го эпода происходит позже, чем «действие» 9-го. Кроме этого, Мэнкин предлагает разделение эподов на чисто ямбические (*iambic*) и лирические (*lyric*). Последние, расположенные во второй части книги, были написаны позже других стихотворений. В таком случае можно предположить, что Гораций расположил эподы приблизительно в порядке их создания: в начале книги помещены стихотворения, подражающие древней ямбографии, затем стихотворения, сходные с теми, что были включены в книги «Од».

В соотношении с отсутствием традиционного композиционного оформления складывается впечатление, что книга эподов отличается от других римских стихотворных сборников, а скорее напоминает последовательность произведений в Веронской рукописи Катуллы, восходящей, как принято считать, к собранию, изданному неизвестным нам составителем уже после смерти поэта, см., например, [Catullus, 1998, pp. 6–11; Catulli Veronensis liber, 1908, S. 71–72].

Между тем мне бы хотелось предложить промежуточный вариант — «Эподы» были изданы самим Горацием, однако не в 30-е гг., а позже, и их композиция (вернее, нарочитое отсутствие таковой) должна была показать, что на суд читателя выносятся не законченный и соответственно оформленный поэтический сборник, а опыты молодого поэта.

Арчибальд Кэмпбелл прямо называет «Эподы» экспериментом Горация, указывая на случаи, которые выдают в авторе новичка [Campbell, 1970, pp. 131–135]. Сходную характеристику эподам дает и Дэвид Армстронг [Armstrong, 1989, p. 56].

При этом Гораций расположил их примерно в хронологическом порядке, благодаря чему мы и сейчас можем видеть переход от несостоявшегося подражателя греческих ямбографов к автору од, лежащих в основе европейской лирической традиции. Подоб-

ный подход не снижает значения «Эподов» как литературного произведения, но, напротив, делает их изучение интереснее, ведь это был бы единственный пример такого рода античного издания.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Альбрехт М., фон.* История Римской литературы: в 3-х т. Т. 2 / пер. с нем. А. И. Любжина. М.: «Греко-Латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2004. 704–1414 с.
2. *Armstrong D.* Horace. New Haven: Yale University Press, 1989. X, 177 p.
3. *Birt T.* Das Antike Buchwesen in seinem Verhältniss zur Literatur. Berlin: W. Hertz, 1882. VII, 518 p.
4. *Boll F.* Die Anordnung im zweiten Buch von Horaz' Satire // *Hermes*. 1913. Bd. 48. S. 143–145.
5. *Campbell A. Y.* Horace: A new Interpretation. Westport: Greenwood Press, 1970 (= London, 1924). 303 p.
6. *Carrubba R. W.* The Epodes of Horace. The Hague; Paris: Mouton, 1969. 114 p.
7. *Catullus* / ed. with a text. and comm. by D. F. S. Thomson. Toronto and oth.: University of Toronto Press, 1998. XII, 578 p.
8. *Clausen W.* Catulli Veronensis Liber // *Classical Philology*. 1976. Vol. 71. P. 57.
9. *Collinge N. E.* The Structure of the Horace's Odes. London; New York: Oxford University Press, 1961. 158 p.
10. *Courtney E.* The Structure of Propertius book 3 // *Phoenix*. 1970. Vol. 24. Pp. 48–53.
11. *Dettmer H.* Horace: A Study in Structure. Hildesheim: Olms; New York: Weidmann, 1984. XXV, 573 p.
12. *Fraenkel E.* Horace. Oxford: Clarendon Press, 1957. XIV, 463 p.
13. *Horace.* Epodes / ed. by D. Mankin. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995. VII, 321 p.
14. *Kerkhecker A.* Callimachus' Book of Iambi. Oxford: Clarendon Press; New York: Oxford University Press, 1999. XXIV, 334 p.
15. *Kroll W.* Hellenistische–Römische Gedichtbuch // *Neue Jahrbücher für classische Philologie*. 1916. Bd. 19. S. 228.
16. *Mutschler F.-H.* Beobachtungen zur Gedichtanordnung in der ersten Odensammlung des Horaz // *Rheinisches Museum*. 1974. Bd. 117. S. 109–133.
17. *Nisbet R., Hubbard M.* A Commentary on Horace. Odes. Book 1. Oxford: Clarendon Press, 1970. LVIII, 440 p.

18. *P. Vergilii Maronis Catalepton*. P. I. / ed. R. E. H. Westendorp Boerma. De Waal, 1949. XLIX, 168 S.
19. *Port W.* Die Anordnung in Gedichtbüchern augusteischer Zeit // *Philologus*. 1926. Bd. 81. S. 280–308, 427–468.
20. *Perret J.* *Horace* / transl. by B. Humez. New York: New York University Press, 1964. VII, 212 p.
21. *Q. Horatius Flaccus*. Oden und Epoden, Erkl. von A. Kiessling. 9. Aufl. besorgt von R. Heinze. Berlin: Weidmannsche Verlagbuchhandlung, 1958. VIII, 631 s.
22. *Santirocco M. S.* *Unity and Design in Horace's Odes*. Chapel Hill; London: University of North Carolina Press, 1986. X, 251 p.
23. *Salat P.* La composition du livre I des Odes d' Horace // *Latomus*. 1969. T. 28. S. 554–574.
24. *Schmidt E. A.* *Amica vis pastoribus* Der Jambiker Horaz in seinem Epodenbuch // *Gymnasium*. 1977. Bd. 84. S. 401–423.
25. *Schmidt M.* Die Anordnung der Oden des Horaz // *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universitaet*. 1954/1955. Jg. 4. S. 207–216.
26. *Schubart W.* *Das Buch bei der Griechen und Römern*. Berlin; Leipzig: W. de Gruyter, 1921. 194 S.
27. *Schulze K. P.* Über das Prinzip der Variatio bei Römischen Dichtern // *Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik*. 1885. Jg. 31. Bd. 131. S. 867–878.
28. *Skutsch O.* *The Structure of the Propertian Monobiblos* // *Classical Philology*. 1963. Vol. 58. Pp. 238–239.
29. *The Works of Horace* / ed. E. C. Wickham. 3rd ed. Oxford: Clarendon Press, 1896. Vol. 1. 577 p.
30. *Watson L. C.* *A Commentary on Horace's Epodes*. Oxford; New York: Oxford University Press, 2003. XVII, 604 p.
31. *Williams G.* *Tradition and Originality in Roman Poetry*. Oxford: Clarendon Press, 1968. IX, 810 p.

REFERENCES

1. Albrecht M., von. *Istoriia rimskoi literatury* [History of Roman Literature]. V 3-kh t., t. 2, per. s nem. A.I. Liubzhina [In 3 vol., vol. 2, transl. from German by A.I. Lyuzhbin]. Moscow, «Greko-Latinskii kabinet» Iu.A. Shichalina, 2004. 704–1414 s.
2. Armstrong D. *Horace*. New Haven, Yale University Press, 1989. X, 177 p.
3. Birt T. *Das Antike Buchwesen in seinem Verhältniss zur Literatur*. Berlin, W. Hertz, 1882. VII, 518 p.

4. Boll F. Die Anordnung im zweiten Buch von Horaz' Satiren. *Hermes*. 1913. Bd. 48. S. 143–145.
5. Campbell A.Y. *Horace: A new Interpretation*. Westport, Greenwood Press, 1970 (= London, 1924). 303 p.
6. Carrubba R.W. *The Epodes of Horace*. The Hague; Paris, Mouton, 1969. 114 p.
7. *Catullus*, ed. with a text. and comm. by D.F.S. Thomson. Toronto and oth., University of Toronto Press, 1998. XII, 578 p.
8. Clausen W. Catulli Veronensis Liber. *Classical Philology*. 1976. Vol. 71. P. 57.
9. Collinge N.E. *The Structure of the Horace's Odes*. London; New York, Oxford University Press, 1961. 158 p.
10. Courtney E. The Structure of Propertius book 3. *Phoenix*. 1970. Vol. 24. Pp. 48–53.
11. Dettmer H. *Horace: A Study in Structure*. Hildesheim, Olms; New York, Weidmann, 1984. XXV, 573 p.
12. Fraenkel E. *Horace*. Oxford, Clarendon Press, 1957. XIV, 463 p.
13. Horace. *Epodes*, ed. by D. Mankin. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1995. VII, 321 p.
14. Kerkhecker A. *Callimachus' Book of Iambi*. Oxford, Clarendon Press; New York, Oxford University Press, 1999. XXIV, 334 p.
15. Kroll W. *Hellenistische–Römische Gedichtbuch*. Neue Jahrbücher für klassische Philologie. 1916. Bd. 19. S. 228.
16. Mutschler F.-H. Beobachtungen zur Gedichtanordnung in der ersten Odensammlung des Horaz. *Rheinisches Museum*. 1974. Bd. 117. S. 109–133.
17. Nisbet R., Hubbard M. *A Commentary on Horace. Odes. Book 1*. Oxford, Clarendon Press, 1970. LVIII, 440 p.
18. *P. Vergilii Maronis Catalepton*. P. I., ed. R.E.H. Westendorp Boerma. De Waal, 1949. XLIX, 168 S.
19. Port W. Die Anordnung in Gedichtbüchern augusteischer Zeit. *Philologus*. 1926. Bd. 81. S. 280–308, 427–468.
20. Perret J. *Horace*, transl. by B. Humez. New York, New York University Press, 1964. VII, 212 p.
21. Q. Horatius Flaccus. *Oden und Epoden*, Erkl. von A. Kiessling. 9. Aufl. besorgt von R. Heinze. Berlin, Weidmannsche Verlagbuchhandlung, 1958. VIII, 631 s.
22. Santirocco M.S. *Unity and Design in Horace's Odes*. Chapel Hill; London, University of North Carolina Press, 1986. X, 251 p.
23. Salat P. La composition du livre I des Odes d' Horace. *Latomus*. 1969. T. 28. S. 554–574.

24. Schmidt E.A. *Amica vis pastoribus* Der Jambiker Horaz in seinem Epodenbuch. *Gymnasium*. 1977. Bd. 84. S. 401–423.
 25. Schmidt M. Die Anordnung der Oden des Horaz. *Wissenschaftliche Zeitschrift der Karl-Marx-Universität*. 1954/1955. Jg. 4. S. 207–216.
 26. Schubart W. *Das Buch bei der Griechen und Römern*. Berlin; Leipzig, W. de Gruyter, 1921. 194 S.
 27. Schulze K.P. *Über das Prinzip der Variatio bei Römischen Dichtern*. Neue Jahrbücher für Philologie und Pädagogik. 1885. Jg. 31. Bd. 131. S. 867–878.
 28. Skutsch O. The Structure of the Propertian Monobiblos. *Classical Philology*. 1963. Vol. 58. Pp. 238–239.
 29. *The Works of Horace*, ed. E. C. Wickham. 3rd ed. Oxford, Clarendon Press, 1896. Vol. 1. 577 p.
 30. Watson L.C. *A Commentary on Horace's Epodes*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2003. XVII, 604 p.
 31. Williams G. *Tradition and Originality in Roman Poetry*. Oxford, Clarendon Press, 1968. IX, 810 p.
-

Егорова Софья Кондратьевна

Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Sofya Egorova

PhD in Philology (kandidat nauk), Senior Lecturer,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: sofia.egorova@gmail.com

ДЕЙКТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ИЕРАРХИЯ И КОНСТРУКЦИИ С ТРЕХВАЛЕНТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

Ключевые слова: латинский синтаксис, аргументы трехвалентных глаголов, иерархия одушевленности, дейктико-денотативная иерархия, порядок слов.

Статья посвящена влиянию дейктико-денотативной иерархии (или иерархии одушевленности) на порядок актантов трехвалентных глаголов. Опираясь на анализ более 500 случаев употребления глагола *misit* и других трехвалентных глаголов с актантами, выраженными существительными и личными местоимениями, автор выявляет зависимость порядка актантов «пациенс — реципиент» или «реципиент — пациенс» от места денотата соответствующего актанта в указанной иерархии.

E. V. ZHELTOVA

St. Petersburg State University

ANIMACY HIERARCHY AND THREE VALENCY VERB CONSTRUCTIONS IN LATIN

Keywords: Latin syntax, three valency verbs arguments, animacy hierarchy, personal hierarchy, word order.

The article deals with the influence of animacy hierarchy on the position of 3 valency verb arguments. The analysis of more than 500 occasions of ditransitive verb “*misit*” and other verbs with two objects demonstrates strong dependence of order DI or ID (where D — Direct Object, I — Indirect Object) from the level of denotatum in animacy hierarchy scale. Thus standard DI order in constructions with nominal arguments alternates with diverse ID order in case of pronominal arguments.

Статья посвящена влиянию так называемой дейктико-денотативной иерархии элементов языка на порядок актантов трехвалентных глаголов.

В последние десятилетия внимание лингвистов все чаще привлекают разные аспекты порядка слов в латинском предложении. Если самые ранние исследования в этой области имели описательный характер¹ и по большей части объясняли отклонения от так называемого «грамматического» [Соболевский, 1998, с. 381] порядка влиянием риторических или метрических факторов, то более поздние все чаще обращаются с этой целью к современным лингвистическим теориям. В ставших уже классическими латинских грамматиках, руководствах по синтаксису и отдельных монографиях [Kühner, Stegmann, 1955; Hofmann, Szantyr, 1965; Pinkster, 1988; Panhuis, 1982] связанные с порядком слов явления объясняются не только собственно синтаксическими, но и прагматическими факторами, а в еще более поздних работах к анализу подключаются самые разные направления современной лингвистики². Эта тенденция представляется нам весьма правильной и перспективной, поскольку она основана на понимании того, что синтаксис любого естественного языка представляет собой некую систему, в которой элементы взаимодействуют не в одном, а в нескольких измерениях, и поверхностные синтаксические структуры могут проявлять зависимость не только от одного измерения, а именно — от семантических ролей (пациенс, реципиент, адресат, бенефактив, инструмент и т. д.), но и от двух других: прагматические характеристики (топик, фокус, контрастивность и др.) и дейктические характеристики (локутор / нелокутор, или участник / не-участник речевого акта). К этой проблеме мы обращались ранее в статье «Классические языки и типология ролевого маркирования» [Желтов, Желтова, 2008, с. 122–144], анализируя влияние прагматических факторов на маркирование падежа предикатива в латинском и древнегреческом языках, а также зависимость некоторых падежных функций и глагольного согласования в латыни от дейктико-денотативного

¹ См. фундаментальные работы Ж. Марузо: [Marouzeau, 1949; Marouzeau, 1953].

² См. материалы Международных коллоквиумов по латинской лингвистике: [Latin Linguistics and Linguistic Theory, 1983; Subordination and Other Topics in Latin, 1989; Linguistic Studies on Latin, 1994; Universal Grammar..., 2005] и др.

измерения³. В последнем случае анализ опирался на выдвинутую Майклом Сильверстейном [Silverstein, 1976, pp. 112–171] идею, что актанты того или иного предложения могут быть представлены в виде иерархии одушевленности (animacy hierarchy)⁴ и что место в данной иерархии может активно влиять на маркировку ролей. На материале ряда австралийских языков эргативного строя М. Сильверстейн выявил следующую закономерность: чем выше элемент в иерархии, тем он более прототипически агентивен и, следовательно, не нуждается в дополнительной маркировке агенса и не требует специального эргативного падежа, роль же пациенса для таких именных групп нетипична, а значит, требует маркировки аккузативом; для нижних этажей иерархии, наоборот, роль пациенса является прототипической и не требует аккузативной маркировки, а роль агенса нетипична и, по этой причине, маркируется показателем эргатива. В результате одни и те же семантические роли у элементов разных этажей иерархии одушевленности могут выражаться разными падежами.

Идеи М. Сильверстейна получили дальнейшее развитие в работах лингвистов-типологов. Так, Уильям Крофт [Croft, 1990, p. 130] представил расширенную иерархию одушевленности, выделив в ней три уровня:

1) персональная иерархия (person hierarchy): местоимения 1–2-го лица > местоимения 3-го лица;

2) иерархия именных групп (referentiality hierarchy): местоимения > имена собственные > имена нарицательные;

3) собственно иерархия одушевленности (animacy hierarchy proper): люди > не-люди (одушевленные) > неодушевленные.

³ Этот термин, в принципе, синонимичен «иерархии одушевленности» и применяется нами в тех случаях, когда поверхностные синтаксические структуры обусловлены не только дейктическими характеристиками личных местоимений 1/2-го лица, но и статусом агентивности денотатов имен [Желтов, Желтова, 2008, с. 124].

⁴ В общем виде эта иерархия выглядит так:
местоимения 1/2-го лица (локуторы, то есть участники речевого акта)
местоимения 3-го лица
термины родства /имена собственные
люди
животные
предметы

Мицуми Ямамото [Yamamoto, 1999. Passim.] сделал попытку представить рассматриваемую иерархию в виде нескольких подсистем: общая иерархия одушевленности (люди — одушевленные — неодушевленные), иерархия лиц (говорящий — слушающий — 3-е лицо), шкала индивидуализации, в которой элементы, обладающие большей определенностью и референциальностью, занимают более высокое положение, чем не обладающие указанными признаками. Также он показал, как взаимодействуют в разных языках категории одушевленности, вежливости, ограниченности, агентивности и др. Весьма любопытны наблюдения М. Ямамото над тем, насколько разнообразно проявляется категория одушевленности в языках. Так, русские одушевленные существительные обозначают тех, кто дышит и движется (от людей до насекомых), но микробы при этом занимают пограничное положение и в синтаксическом отношении ведут себя скорее как неодушевленные. Растения всегда неодушевленные, зато как одушевленное ведет себя существительное «покойник».

В отечественной лингвистике идеи о влиянии дейктических и ролевых характеристик аргументов предиката на глагольное согласование были изложены А. Е. Кибриком [Kibrik, 1997, pp. 112–171], который выстроил развернутую синтаксическую типологию языков на основе кумулятивного/сепаратистского проявления в поверхностных синтаксических структурах трех измерений (ролевого, прагматического и дейктического). Эти идеи получили развитие на материале языков различного строя в работах А. Ю. Желтова [Желтов, 1998. с. 100–105; Желтов, 2008, с. 150–162], который сделал акцент на взаимодействии ролевого и дейктико-денотативного измерений. Он показал, что иерархия одушевленности оказывает влияние на порядок употребления местоимений в конструкциях с прономинальными актантами при трехвалентных глаголах во французском языке⁵ и на возможность изменения стандартного порядка слов в подобных конструкциях

⁵ Речь идет о различном расположении прямого и косвенного дополнений по отношению к глаголу и друг к другу в следующих примерах, где D — Direct object, I — Indirect object, V — Verb: *Il nous le montre (I-D-V)* (Он нам его показывает); *Je le leur montre (D-I-V)* (Я его им показываю); *Il me montre à toi (D-V-I)* (Он меня показывает тебе).

в английском⁶. А. Ю. Желтов пришел к выводам, важным и для нашего исследования: 1) иерархия одушевленности работает не только в «экзотических», но и в хорошо изученных индоевропейских языках, причем решающим является противопоставление локуторов и нелокуторов в анализируемых синтаксических процессах; 2) синтаксическая иерархия $I > D^7$ не является универсальной, поскольку в английском и французском языках она выглядит как $D > I$; 3) при анализе ролевого маркирования следует учитывать все три способа его реализации: падежи, глагольная индексация и порядок слов.

Что касается русского языка, то ввиду того, что порядок слов в нем свободный с точки зрения выражения их ролей и зависит от характеристик «информационного потока», выявление в нем подобных закономерностей представляет определенную сложность, но все же стало возможным благодаря Корпусу русского языка [Желтов, 2010, с. 67–80]. Использование Корпуса позволило А. Ю. Желтову проанализировать все случаи употребления датива и аккумулятива, в которых реализуются прототипические функции этих падежей (адресат/реципиент у датива и пациентив/андергоуер у аккумулятива) при трехвалентных глаголах типа «показывать». Полученные им результаты весьма убедительны и коррелируют с его более ранними наблюдениями над порядком прономинальных актантов в других европейских языках.

Поскольку в отношении порядка слов русский и латинский языки имеют много общего как языки с синтаксически свободным, но прагматически обусловленным расположением членов предложения, можно предположить, что и в латыни разные комбинации именных и прономинальных актантов при дитранзитивных глаго-

⁶ Стандартный порядок слов в английском предложении *He'll show it to you*, по свидетельству носителей языка, может быть заменен на *He'll show you it*, но стандартный порядок *I'll show you to them* невозможно заменить на **I'll show them you*.

⁷ В этом пункте А. Ю. Желтов полемизирует с мнением М. Хаспельматта [Haspelmath, 2004], что в иерархии семантических ролей адресат/реципиент находится выше пациенса. Так, в английском и французском языках более высокий синтаксический статус — *ceteris paribus* — наблюдается у аккумулятивных, а не дативных элементов: они употребляются без предлога и всегда ближе к началу фразы и к предикату [Желтов, 2008, с. 150].

лах зависят от места денотата в иерархии одушевленности. Попробуем рассмотреть комбинации актантов, условно обозначаемые как DI / ID, где D — прямое дополнение (Direct Object), I — косвенное (Indirect Object)⁸, независимо от того, какую позицию по отношению к актантам занимает управляющий глагол, поскольку для целей нашего исследования это обстоятельство нерелевантно. Наши задачи: 1) выявить, какая комбинация — «пациенс — адресат» (DI) или «адресат — пациенс» (ID) — характерна для нейтрального порядка слов, 2) проанализировать, чем обусловлено нарушение нейтрального порядка, 3) проверить, связано ли последнее явление с дейктико-денотативной иерархией.

Для наших целей оказалась весьма полезной электронная библиотека MUSAIOS. Благодаря ей нам удалось проанализировать все случаи употребления трехвалентного глагола *mitto* («посылать кого/что (к) кому/чему») и некоторых его приставочных производных в форме 3 Sg. Perf. ind. act. (*misit*). Из 500 предложений, предоставленных этой электронной базой, большая часть оказалась неинформативной, поскольку в них либо не реализовывалась одна из валентностей данного глагола (отсутствовало эксплицитно выраженное прямое или косвенное дополнение), либо вторая валентность заменялась обстоятельственной группой («посылать кого куда»), так что эти предложения были исключены нами из рассмотрения. Подходящих предложений оказалась всего 113, но и из этого числа пришлось выделить в отдельную категорию (16 примеров) случаи употребления глагола *misit* в придаточных определительных, где порядок слов подчиняется особым правилам (первое место неизбежно занимает член предложения, выраженный относительным местоимением). Оставшиеся 97 предложений мы разделили на три группы:

- 1) предложения с именными актантами (44 примера);
- 2) предложения с комбинацией прономинального и именного актантов (50 примеров);
- 3) предложения с прономинальными актантами (всего 3 примера).

⁸ В некоторых работах приняты другие обозначения: R — Recipient, Th — Thema [Haspelmith, 2004].

Надо специально отметить, что позицию реципиента/адресата (в дальнейшем для краткости мы будем называть эту семантическую роль просто адресатом) при глаголе со значением «посылать» может заполнять как датив (например, в предложении: *Litteras, credo, misit alicui sicario, qui Romae noverat neminem* (Cic. Pro Rosc. 76, 8)), так и аккумулятив с предлогом *ad* (например, у того же Цицерона: *Misit in Siciliam litteras ad Carpinatium...* (Cic. In Verr. Act. 2, 3, 167, 3)). Вопрос, от чего зависит этот выбор, для нас пока остается открытым, но ввиду семантической синонимии⁹ этих двух конструкций мы сочли возможным не делать между ними различий в наших подсчетах.

1. Предложения с именными актантами

Для выявления порядка слов, определяемого только ролевым фактором, без возможного участия в синтаксических процессах иерархии одушевленности, были выбраны примеры с именными актантами, не отличающимися по одушевленности/неодушевленности (табл. 1). Таких примеров оказалось 23, причем в 18 из них вперед выдвигается прямое дополнение (столбцы № 1 и № 2), и только в пяти примерах на первом месте стоит косвенное (столбец № 3).

Таблица 1¹⁰

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
D an + I an	D inan + I inan	I an + D an	I inan + D inan
13	5	5	0

⁹ В терминологии Ч. Филлмора [Филлмор, 1981, с. 369–495], это два способа выражения одного и того же «глубинного падежа» датива. Сошлемся также на утверждение М. Хаспельмата, что «реципиент... охватывает, по большей части, не только функции реципиента в узком смысле, но и адресата, и бенефициара»: «Recipient, for instance, mostly comprises not only the recipient in the narrow sense, but also the addressee and the beneficiary» [Haspelmath, 2004, pp. 6–7].

¹⁰ Сокращение *an* (animate) означает «одушевленный», *inan* (inanimate) — «неодушевленный».

Данная статистика отчетливо демонстрирует статистическое предпочтение латинским языком порядка актантов «пациенс — адресат» (DI).

Если подключить к нашему анализу комбинации с одушевленными и неодушевленными именными актантами (табл. 2), то принципиально картина не меняется: 31 случай с выдвижением вперед пациенса (столбцы № 1–3) и лишь 13 — с выдвижением адресата (столбцы № 5–7). При этом одушевленность именно-го актанта оказывает некоторое влияние на выбор позиции как раз в случаях с нетипичным для латыни выдвижением вперед адресата: из 13 примеров, когда адресат предшествует пациенсу, в 12 случаях он одушевленный (столбцы № 5–6), а в 7 из них одушевленность адресата сопровождается неодушевленностью пациенса (столбец № 5).

Таблица 2

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
D inan + I an	D an + I an	D inan + I inan	D an + I inan
13	13	5	0
№ 5	№ 6	№ 7	№ 8
I an + D inan	I an + D an	I inan + D an	I inan + D inan
7	5	1	0

Примеры к столбцам:

№ 1 *In illis tamen tantis negotiis litteras ad Aristotelem misit* (Aul. Gell. Noctes Att. 20, 5, 7, 5).

№ 2 *Cyrus, Persarum rex, comitem suum Zopyrum, explorata eius fide, truncata de industria facie, ad hostes dimisit* (Curt. Ruf. Hist. Al. Mag 3, 3, 4, 2).

№ 3 *Post autem e provincia litteras ad collegium misit* (Cic. De Nat. Deor. 2, 11, 6).

№ 5 *Quintus filius ad patrem acerbissimas litteras misit* (Cic. Ad Att. 14, 17, 3, 1).

№ 6 ...erexit se tamen et statim *quaestori legatoque* suo custodes misit compluris (Cic. In Verr. Act. 2, 5, 63, 13).

№ 7 Quo die Milo *ad Domiti tribunal* venit, *ad Torquati amicos* misit; (Ascon. Pedian. Pro Milone 34, 13).

В таблице 2 нельзя не заметить существенного количественного расхождения между комбинациями: одни довольно многочисленны (столбцы № 1 и № 2), другие же вообще не встречаются (столбцы № 4 и № 8). Для нас наиболее интересными представляются позиции, демонстрирующие максимальную числовую дифференциацию:

1) чаще всего встречаются сочетания одушевленного/неодушевленного пациенса с одушевленным адресатом (столбцы № 1 и № 2 — по 13 примеров), причем в приоритетную позицию выдвигается пациенс независимо от одушевленности/неодушевленности его денотата. Это говорит о превалировании ролевого измерения над дейктико-денотативным в конструкциях с именными актантами;

2) крайне немногочисленны (всего 1 пример) сочетания одушевленного пациенса с неодушевленным адресатом (столбец № 7), поскольку прототипические функции датива более свойственны элементам высоких уровней иерархии одушевленности, чем функции аккузатива¹¹;

3) относительно высокий показатель комбинации одушевленного адресата с неодушевленным пациенсом (столбец № 5, всего 7 примеров) говорит о том, что, если глагольные валентности заполняются элементами разных этажей иерархии одушевленности, ролевое измерение иногда может уступать дейктико-денотативному¹².

¹¹ Об этом пишет и М. Хаспельмат: «the Theme shows a strong tendency to be inanimate... Inanimate Recipients occur only when a ditransitive verb has a very atypical meaning (e.g. English give in I'll give it a try, or French préférer in Ce film, je lui préfère le roman 'This movie, I prefer the novel to it') [Haspelmath, 2004, p. 22]». Напомним, что термином Theme Хаспельмат заменяет более привычный термин «пациенс» (см. примеч. 8 настоящей статьи).

¹² Похожую мысль высказывает Ян де Йонг: анализируя возможные позиции латинского субъекта, он прибегает, в частности, к понятию «шкалы индивидуализации», в которой более высокое положение занимают именные группы, обозначающие имена собственные, одушевленные, конкретные, исчисляемые, определенные, референциальные; такие именные группы имеют тен-

2. Предложения с комбинацией прономинального и именного актантов

Теперь посмотрим, как ведут себя комбинации именных и прономинальных актантов (учитываются личные и возвратные местоимения) глагола *misit*. Электронная база MUSAIOS выдала 50 примеров. Статистика впечатляет: в 41 предложении на первое место выдвигаются местоимения и только в 9 предложениях порядок противоположный (существительное + местоимение)! Более детальный анализ нам позволит провести таблица 3.

Таблица 3

№ 1	№ 2	№ 3	№ 4
Дсуц + Имест	Дмест + Исуц	Имест + Дсуц	Исуц + Дмест
9	8	33	0

Примеры к столбцам:

№ 1 *Inventus est vix in hortis suis <se> occultans litterasque mihi remisit mirifice gratias agens Caesari* (Cic. Ad Att. 9, 11, 1, 6).

№ 2 *Caesar me, quem sibi carissimum habuit, provinciam Siciliam atque Africam, sine quibus urbem atque Italiam tueri non potest, vestrae fidei commisit* (Caes. Bell. Civ. 2,32,4).

№ 3 *Caesar nobis litteras perbrevis misit, quarum exemplum subscripsi* (Cic. Ad Att. 9, 13A, 1,1).

Как и в таблице 2, здесь привлекают внимание контрастные числовые показатели, побуждающие нас к следующим выводам:

1) наиболее частой является комбинация местоимения в роли адресата с существительным в роли пациенса (столбец № 3:

денцию занимать первую позицию в предложении по сравнению с именными группами, обозначающими имена нарицательные, неодушевленные, абстрактные, множественные, неисчисляемые, нереперенциальные. Последние гораздо реже занимают позицию топики [De Jong, 1989, p. 534]. В контексте расположения элементов именных групп следует сослаться и на Дж. Н. Адамса: он обратил внимание на то, что в архаической латыни порядок слов в генетивных группах зависит от статуса денотата имени, стоящего в генетиве: если он обозначает название магистрата, имя бога и т. п., то имеет тенденцию занимать маркированную позицию после управляющего слова (*aedem Castoris*), в то время как менее статусные имена ставятся в препозиции (*iuris consultum*), которую Адамс считает немаркированной в архаической латыни [Adams, 1976, pp. 75–76].

33 примера): здесь мы видим полную противоположность статистике примеров с именными актантами, где в 31 случае порядок был обратным — «пациенс — адресат» (см. табл. 2, столбцы 1–3). Выдвижение косвенного дополнения в приоритетную позицию, противоречащее нейтральному порядку, может объясняться только тем, что в иерархии одушевленности местоимения стоят выше, чем существительные;

2) совсем не встречается комбинация адресата-существительного с пациенсом-местоимением (столбец № 4), поскольку, как уже отмечалось, прототипические функции датива более свойственны элементам высоких уровней иерархии одушевленности, чем функции аккузатива (ср. столбцы № 4 и № 7 в табл. 2);

3) комбинации существительных и местоимений с нейтральным порядком «пациенс — адресат» (DI — столбцы № 1 и № 2, всего 17 случаев) встречаются почти в 2 раза реже, чем комбинация «адресат — пациенс» (ID), где адресат выражен местоимением (столбец № 3, 33 случая), причем в 8 из 17 примеров комбинации «пациенс — адресат» (DI) на первое место все равно выдвигается местоимение.

3. Предложения с прономинальными актантами

В нашем распоряжении оказалось всего три примера на комбинацию прономинальных актантов в роли пациенса и адресата с глаголом *misit*. Последнее обстоятельство побудило нас прибегнуть к иной стратегии исследования, чтобы выяснить, как работает «персональная» (по Крофту — Ямамото) иерархия одушевленности. С этой целью мы последовательно задавали в строке поиска различные комбинации личных местоимений, а затем обрабатывали «вручную» все выданные электронной базой случаи. Такая ручная обработка данных привела к значительному отсеву примеров: большая их часть либо содержала распространенный в латыни оборот *Accusativus cum infinitivo*, либо омонимичные формы личных местоимений (например, *pos* и *vos* могут быть формами как именительного, так и винительного падежей), либо входящие в заданную комбинацию местоимения оказывались актантами разных глаголов. Так, из 181 контактного сочетания *me tibi* пригодным для

анализа оказалось лишь 31, из 177 примеров *te mihi* — только 38 и т. д. Из всех возможных способов выражения личного местоимения 3-го лица мы выбрали местоимение *ille*, как наиболее частотное и закрепившее за собой это значение в большинстве романских языков. Различия по роду (мужскому/женскому) не учитывались. Комбинации с формой *illud* (средний род данного местоимения) также были исключены из итогового анализа, поскольку все рассмотренные нами примеры демонстрировали его дейктическую, а не анафорическую природу (то есть в среднем роде оно сохраняет свое значение указательного местоимения). Полученные данные сведены в таблицу 4 на с. 240.

Примеры к наиболее частотным сочетаниям в таблице 4.

1. ...neque *me tibi*, neque quemquam antepono... (Cic. Ad Att. 1, 17, 5, 9)
2. Commendo *tibi me* ac meos amores (Cat. 15, 1).
3. Res publica *te mihi* ita commendavit, ut cariorum habeam neminem (Cic. Ad Att. 14, 13b, 1, 5).
4. Nulla etenim *mihi te* fors obtulit... (Hor. Serm. 1, 6, 54)
5. *Me vobis* locupletissimus testis suo etiam suffragio commendat (Apul. Flor. 16, 140).
6. Custodem *me illi* miles addidit (Plaut. Mil. glor. 305).
7. ...carius auro, / quod te restituis, Lesbia, mi cupido, / restituis cupido atque insperanti, ipsa refert *te/ nobis*...(Cat. 107, 4–6).
8. ...*illum* (sc. vultum) *tibi* semper ostende vel custodem, vel exemplum (Sen. Ad Luc. 11, 10, 4).

Легко заметить, что одни комбинации местоимений встречаются часто или очень часто (например, *me tibi*, *te mihi*), иные не встречаются вообще (*me nobis*, *vos tibi*). Это явление, вероятно, объясняется естественными ограничениями на комбинации типа «меня нам» или «вас тебе». Еще одной причиной немногочисленности или полного отсутствия некоторых сочетаний, возможно, стало неизбежное ограничение выборки из базы MUSAIOS контактными сочетаниями местоимений.

¹³ Выдвижение местоимения 3-го лица в этих двух случаях может объясняться потребностями поэтического текста (метрической необходимостью у Тибулла (Tibull. 1,3,93: *Hic precor, hunc illum nobis* Aurora nitentem / *Luciferum roseis candida portet aquis*), эуфонией у Вергилия (Verg. Aen. 4, 227: *Non illum nobis* genetrix pulcherrima talem / *Promisit...*)

Таблица 4

DI	ID	DI	ID	DI	ID	DI	ID
me tibi меня тебе 31	tibi me тебе меня 13	te tibi тебя мне 38	mihī te мне тебя 17	me vobis меня вам 10	vobis me вам меня 1	vos mihī вам мне 3	mihī vos мне вас 0
me illi меня ему 5	illi me меня ему 0	illum mihī его мне 1	mihī illum мне его 2	me illis меня им 1	illis me им меня 0	illos mihī их мне 0	mihī illos мне их 0
te nobis тебя нам 10	nobis te нам тебя 0	nos tibi нас тебе 0	tibi nos тебе нас 2	te illi тебя ему 2	illi te ему тебя 3	illum tibi его тебе 6	tibi illum тебе его 1
vos illis вам им 1	illis vos им вас 0	illos vobis их вам 0	vobis illos вам их 1	te illis тебя им 1	illis te им тебя 0	illos tibi их тебе 0	tibi illos тебе их 1
nos vobis нас вам 1	vobis nos вам нас 0	nobis vos нам вас 0	vos nobis вам нас 0	nos illi нас ему 1	illi nos ему нас 0	illum nobis ²⁷⁵ его нам 2	nobis illum нам его 0
vos illi вам ему 0	illi vos ему вас 0	illum vobis его вам 1	vobis illum вам его 2	nos illis нас им 1	illis nos им нас 0	illos nobis их нам 1	nobis illos нам их 0

Проанализируем комбинации личных местоимений в разных строках таблицы 4:

1) местоимения-локуторы, которые во многих языках находятся на одной ступени иерархии одушевленности, ведут себя идентично в одинаковых семантических ролях — об этом свидетельствует первая строка в таблице 4, демонстрирующая удивительную пропорциональность сочетаний $me\ tibi : tibi\ me = 31 : 13$ и $te\ mihi : mihi\ te = 38 : 17$: комбинация «пациенс — адресат» встречается примерно в два с половиной раза чаще, чем обратная для местоимений 1–2-го лица ед. числа. Это расхождение еще более контрастно для сочетания местоимений 1-го лица ед. числа и 2-го лица мн. числа: $me\ vobis : vobis\ me = 10 : 1$ и $vos\ mihi : mihi\ vos = 3 : 1$. Не вызывает удивления тот факт, что при равном (или, по крайней мере, соотносимом) статусе местоимений-локуторов в иерархии одушевленности ролевое измерение оказывается доминирующим, и в большинстве примеров реализуется нейтральный порядок актантов «пациенс — адресат»;

2) статистика комбинаций местоимений 1-го лица ед. числа и 3-го лица ед. числа $me\ illi : illi\ me = 5 : 0$ и $illum\ mihi : mihi\ illum = 1 : 2$, представленная во второй строке, показывает, что чаще в более привилегированную — левую — позицию выдвигается местоимение 1-го лица независимо от его семантической роли;

3) что касается местоимений 2-го и 3-го лица ед. числа (4 правых столбца в строке 3), числовое соотношение $te\ illi : illi\ te = 2 : 3$ и $illum\ tibi : tibi\ illum = 6 : 1$ показывает, что вопреки ожиданиям в приоритетную позицию выдвигается более низкий, а не более высокий элемент дейктической иерархии, что, как мы полагаем, свидетельствует о превалировании в данных предложениях прагматического измерения над дейктическим. Дело в том, что местоимение *ille* по своей природе является анафорическим, а такие местоимения и наречия имеют строгую тенденцию к выдвигению в топикальную позицию [De Jong, 1989, p. 524], как недавно упомянутые и актуализированные в дискурсе;

4) четыре левых столбца строки 3 занимают сочетания $te\ nobis : nobis\ te = 10 : 0$ и $nos\ tibi : tibi\ nos = 0 : 2$, которые, на первый взгляд, могут показаться парадоксальными, поскольку локуторы 2-го лица явно превалируют в них над локуторами 1-го лица. Дело

здесь, однако, не в лицах, а в числах: по наблюдению М. Ямамото, множественное число имеет тенденцию ослаблять степень одушевленности, обезличивая и размывая идентичность референта [Yamamoto, 1999, p. 99–100]¹⁴, так что в некоторых языках местоимения множественного числа могут занимать более низкий этаж в иерархии, чем местоимения того же лица, но единственного числа. Разительный числовой контраст анализируемых комбинаций убедительно свидетельствует в пользу гипотезы Ямамото;

5) весьма непривлекательная статистика последних трех строк таблицы (*vos illis : illis vos = 1 : 0, illos vobis : vobis illos = 0 : 1, te illis : illis te = 1 : 0, illos tibi : tibi illos = 0 : 1* и др.), хотя в целом и демонстрирует более высокий статус личных местоимений 2-го лица по сравнению с 3-м, все же недостаточно информативна для надежных выводов.

Итак, в результате наблюдений за расположением актантов разных трехвалентных глаголов мы пришли к следующим выводам: в латинском языке нейтральный порядок актантов-имен, определяемый только ролевым фактором, это «пациенс — адресат» (DI), который, по данным таблицы 2, встретился в 31 случае из 44; нарушение данного порядка, то есть выдвижение адресата вперед, в приоритетную позицию (ID), может быть обусловлено одушевленностью его денотата (12 случаев из 13). Эта тенденция проявляется еще ярче в предложениях с комбинациями именных и прономинальных актантов: в подавляющем большинстве случаев (33 из 50) на первое место выдвигаются адресаты, выраженные личными или возвратными местоимениями, что объясняется более высоким статусом данных местоимений в дейктико-денотативной иерархии и доказывает ее влияние на порядок актантов при дитранзитивах.

Что касается «персональной» иерархии, анализ 48 различных комбинаций личных местоимений друг с другом показал равный статус местоимений-локуторов единственного числа по отноше-

¹⁴ Ямамото предлагает сравнить два способа сообщения плохой новости в английском языке: *We are sorry / I am sorry, of course, to have to write to you in these terms*. По мнению Ямамото, местоимение «мы» скрывает лицо автора, погружая его идентичность в неопределенную, обезличенную массу, в то время как «я» подчеркивает индивидуальность автора и его ответственность за неприятное известие.

нию друг к другу, но доминирование локуторов единственного числа над локуторами множественного, а также более высокий статус локутора-говорящего по отношению к 3-му лицу.

В общем виде персональная иерархия в латыни выглядит приблизительно так:

говорящий
слушающий
локуторы множ. числа
местоимения 3-го лица

А если попытаться выстроить общую дейктико-денотативную иерархию в латыни, добавив к личным местоимениям существительные, то она примет следующий вид:

говорящий
слушающий
локуторы множ. числа
местоимения 3-го лица
одушевленные имена
неодушевленные имена

Мы далеки от мысли объяснять любые отклонения от нейтрального порядка слов действием дейктико-денотативной иерархии и даже на разобранном материале старались показать, что иногда перевешивают семантические или прагматические факторы, а в ряде случаев отклонения, возможно, будут результатом ритмической или риторической организации текста, но в целом отмеченные тенденции будут сохраняться. В дальнейшем выстроенную нами иерархию можно попытаться сделать более дробной, проследив за поведением отдельных групп одушевленных имен (терминов родства, имен собственных, собирательных существительных, названий животных и т. д.). Но это дело будущего.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желтов А. Ю. Иерархия одушевленности (дейктическая иерархия) и взаимодействие языковых структур // В пространстве языка и культуры: звук, знак, смысл: сб. статей в честь 70-летия В. А. Виноградова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 67–80.

2. Желтов А. Ю. Синтагматический порядок как отражение суммы парадигматических маркировок: одновременное употребление личных местоимений в роли прямого и косвенного дополнений во французском и английском языках // Язык. Африка. Футболь: сб. статей в честь А. И. Коваль. М.; СПб.: Европейский дом, 1998. С. 100–105.
3. Желтов А. Ю. Языки нигер-конго: структурно-динамическая типология. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. С. 150–162.
4. Желтов А. Ю., Желтова Е. В. Классические языки и типология ролевого маркирования // *Hyperboreus. Studia classica. Petropoli.* Vol. 14. 2008. Fasc. 1. С. 122–144.
5. Соболевский С. И. Грамматика латинского языка. Теоретическая часть. Морфология и синтаксис. СПб.: Издательство литературы на иностранных языках, 1998. 430 с.
6. Филлмор Ч. Дело о падеже / пер. с англ. // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 10: Лингвистическая семантика. М.: Прогресс, 1981. С. 369–495.
7. Adams J. N. A typological approach to Latin word order // *Indogermanische Forschungen.* 81. Band 1976. Berlin; New York: W. de Gruyter. Pp. 70–99.
8. Croft U. Typology and Universals. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1990. XIV, 311 p.
9. De Jong J. R. The position of Latin subject. Subordination and other topics in Latin. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985 / ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. Pp. 521–540.
10. Haspelmath M. Explaining the Ditransitive Person-Role Constraint: A usage-based approach. 2004. Available at: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt>.
11. Hofmann J. B., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik. München: Beck, 1965. XCVIII, 935 p.
12. Kibrik A. E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relation typology // *Linguistic Typology.* 1. 1997. Pp. 112–171.
13. Kühner R., Stegmann C. Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache. II: Satzlehre. Leverkusen: Gottschalk, 1955. V, 738 S.
14. Latin Linguistics and Linguistic Theory // Proceedings of the 1st International Colloquium on Latin Linguistics. Amsterdam, April 1981 / ed. by H. Pinkster. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1983. XVIII, 307 p.
15. Linguistic Studies on Latin // Selected Papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics. Budapest, 23–27 March 1991 / ed. by J. Herman. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1994. IX, 421 p.

16. *Marouzeau J.* L'ordre des mots dans la phrase Latine. Paris: Les Belles Lettres, 1949. 200 p.
17. *Marouzeau J.* L'ordre des mots et Latin. Paris: Les Belles Lettres, 1953. XI, 149 p.
18. *Panhuis D. G. J.* The communicative perspective in the sentence: a study of Latin word order. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1982. VIII, 178 p.
19. *Pinkster H.* Lateinische Syntax und Semantik. Tübingen: Francke, 1988. XII, 424 p.
20. *Silverstein M.* Hierarchy of features and ergativity. Grammatical Categories in Australian languages. Canberra, 1976. Pp. 112–171.
21. Subordination and Other Topics in Latin // Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985 / ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. XXIX, 691 p.
22. Universal Grammar in the Reconstruction of Ancient Languages / Studies in Generative Grammar — 83. Berlin; New York: M. de Gruyter, 2005. VI, 523 p.
23. *Yamamoto M.* Animacy and Reference. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1999. XVI, 278 p.

REFERENCES

1. Zheltov A.Iu. *Ierarkhiia odushevlenosti (deikticheskaia ierarkhiia) i vzaimodeistvie iazykovykh struktur* [The hierarchy of animacy (deictic hierarchy) and interrelation of language structures]. V prostranstve iazyka i kul'tury: zvuk, znak, smysl: sb. statei v chest' 70-letiiia V.A. Vinogradova. [In the Space of Language and Culture: Sounds, Sign, Sense]. Moscow, Iazyki slavianskikh kul'tur Publ., 2010. S. 67–80.
2. Zheltov A.Iu. *Sintagmatischeeskii poriadok kak otrazhenie summy paradigmatischeeskikh markirovok: odnovremennoe upotreblenie lichnykh mestoimennii v roli priamogo i kosvennogo dopolnenii vo frantsuzskom i angliiskom iazykakh* [Syntagmatic order as a reflection of the totality of paradigmatic markers: Simultaneous use of personal pronouns in the functions of direct and indirect object in French and English]. Iazyk. Afrika. Ful'be: sb. statei v chest' A.I. Koval' [Language. Africa. Ful'be: A Collection of Articles Dedicated to A.I. Koval']. Moscow; Saint Petersburg, Evropeiskii dom Publ., 1998. S. 100–105.
3. Zheltov A.Iu. *Iazyki niger-kongo: strukturno-dinamicheskaia tipologiia* [Niger-Congo Languages: Structural and Dynamic Typology]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2008. S. 150–162.

4. Zheltov A.Iu., Zheltova E.V. Klassicheskie iazyki i tipologiiia rolevogo markirovaniia [Classical Languages and the Contensive Typology]. *Hyperboreus*. Studia classica. Petropoli. Vol. 14. 2008. Fasc. 1. S. 122–144.
5. Sobolevskii S.I. *Grammatika latinskogo iazyka. Teoreticheskaia chast'. Morfologiia i sintaksis* [Latin Grammar. Theoretical Part. Morphology and Syntax]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh, 1998. 430 s.
6. Fillmor Ch. Delo o padezhe [The Case for Case], per. s angl. [transl. from English]. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. Vyp. 10: Lingvisticheskaia semantika* [New in Foreign Linguistics. Vol. 10: Linguistic Semantics]. Moscow, Progress Publ. 1981. S. 369–495.
7. Adams J.N. A typological approach to Latin word order. *Indogermanische Forschungen*. 81. Band 1976. Berlin; New York, W. de Gruyter. Pp. 70–99.
8. Croft U. *Typology and Universals*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1990. XIV, 311 p.
9. De Jong J.R. *The position of Latin subject*. Subordination and other topics in Latin. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985, ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. Pp. 521–540.
10. Haspelmath M. *Explaining the Ditransitive Person-Role Constraint: A usage-based approach*. 2004. Available at: <http://email.eva.mpg.de/~haspelmt>.
11. Hofmann J.B., Szantyr A. *Lateinische Syntax und Stilistik*. München: Beck, 1965. XCVIII, 935 p.
12. Kibrik A.E. Beyond subject and object: Toward a comprehensive relation typology. *Linguistic Typology*. 1. 1997. Pp. 112–171.
13. Kühner R., Stegmann C. *Ausführliche Grammatik der Lateinischen Sprache*. II: Satzlehre. Leverkusen, Gottschalk, 1955. V, 738 S.
14. *Latin Linguistics and Linguistic Theory*. Proceedings of the 1st International Colloquium on Latin Linguistics. Amsterdam, April 1981, ed. by H. Pinkster. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1983. XVIII, 307 p.
15. *Linguistic Studies on Latin*. Selected Papers from the 6th International Colloquium on Latin Linguistics. Budapest, 23–27 March 1991, ed. by J. Herman. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1994. IX, 421 p.
16. Marouzeau J. *Lordre des mots dans la phrase Latine*. Paris, Les Belles Lettres, 1949. 200 p.
17. Marouzeau J. *Lordre des mots et Latin*. Paris, Les Belles Lettres, 1953. XI, 149 p.
18. Panhuis D.G.J. *The communicative perspective in the sentence: a study of Latin word order*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1982. VIII, 178 p.

19. Pinkster H. *Lateinische Syntax und Semantik*. Tübingen, Francke, 1988. XII, 424 p.
20. Silverstein M. *Hierarchy of features and ergativity*. Grammatical Categories in Australian languages. Canberra, 1976. Pp. 112–171.
21. *Subordination and Other Topics in Latin*. Proceedings of the Third Colloquium on Latin Linguistics. Bologna, 1–5 April 1985, ed. by G. Calboli. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. XXIX, 691 p.
22. *Universal Grammar in the Reconstruction of Ancient Languages*. Studies in Generative Grammar — 83. Berlin; New York, M. de Gruyter, 2005. VI, 523 p.
23. Yamamoto M. *Animacy and Reference*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1999. XVI, 278 p.

Желтова Елена Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Zheltova

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: elena.zheltova@mail.ru

РОЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ В ТЕКСТЕ ПИСЕМ СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ

Ключевые слова: Сидоний Аполлиналий, эпистолография, грецизмы.

В данной статье рассматриваются греческие слова, встречающиеся в тексте писем Сидония, — как «*termini technici*» разных областей науки и искусств — от литературы и философии до астрологии, так и слова, относящиеся к жизни современной Сидонию церкви. Роль таких слов различна: некоторые слова можно назвать нейтральными: это слова, просто обозначающие какие-либо реалии (например, «*ecclesia*»). Множество же грецизмов, соединенных синтаксически, участвуют в создании художественных приемов (асиндетон, параллелизм), придают тексту ироничность или, наоборот, подчеркивают его торжественность. Кроме того, греческие слова напоминают о стоящей за ними многовековой научной, философской и литературной традиции, важность сохранения которой в век преобладающего христианства и надвигающихся повсеместных варварских завоеваний представлялась Сидонию первостепенной.

E. A. ZAKHAROVA

St. Petersburg State University

THE ROLE OF GREEK WORDS IN THE LETTERS OF SIDONIUS APOLLINARIS

Keywords: Apollinaris Sidonius, epistolography, grecisms.

Article deals with Greek words, which are widely used in the letters of Sidonius (more than 250 words in 148 letters). Some of them are «*termini technici*» of different areas of knowledge — from literature and philosophy to astrology, some are related to the life of the Christian church contemporary to Sidonius. The roles of these words are different: some words are just neutral, used in their common meaning, some, especially in a phrase with other grecisms, form some expressive constructions (asyndeton, parallelism), or create ironic or, on the contrary, elevated atmosphere. Greek terms, related to the pagan literal tradition of classical past, are used to preserve it in the age of prevailing christianity and at the time of barbarian conquest.

Римская Галлия долгое время славилась процветанием в ней ораторского искусства и была одним из важных центров образованности. Однако с угасанием могущества римской власти и распространением христианства, светская образованность в Галлии, как и в других областях, постепенно приходит в упадок, хотя идея важности образования оставалась в аристократических кругах неоспоримой. Как отмечает американский историк Ральф Матисен, именно прилежание к наукам позволяло образованным аристократам почувствовать себя объединенными между собой и противопоставить себя постепенно занимавшим их земли варварам [Mathisen, 1993, pp. 110–111].

Сидоний Аполлинарий, родившийся в Лионе в середине V в. н. э. и переживший подчинение его родной Галлии варварам-вестготам под предводительством Эвриха, а затем и исчезновение самостоятельности всей Западной Римской империи¹, предстает одним из последних авторов античности перед наступлением раннего Средневековья. Собрание его писем в девяти книгах оказывается одним из произведений, завершающим традицию светской латинской эпистолографии, которая началась изданием писем Цицерона. Появление автора большого собрания писем и стихов в V в. именно в Галлии не случайно, так как в этой части империи традиция литературных занятий была очень сильна: в Галлии родились и воспитывались два знаменитых предшественника Сидония, в том числе и в жанре эпистолографии — Авсоний и Симмах. В своих письмах Сидоний говорит о многих современниках, которые были писателями, ораторами и просто образованными любителями словесности. Поэтому, даже если наш автор и сожалел иногда об упадке литературы, он имел в виду, по наблюдениям Р. Матисена, не упадок усердия к наукам, а лишь сокращение в трудные для Галлии времена числа тех, кто сохранил интерес к чтению, а иногда и желание создавать литературные произведения [Mathisen, 1984, pp. 48–49].

Римскую литературу нельзя представить без связи с греческой литературой и философией. Выдающийся историк литературы

¹ Питер Хизер как раз пишет о том, что при исчезновении структур, образующих государство, культура в высших слоях западного мира оставалась нетронутой [Heather, 2005, p. 432].

Пьер Курсель говорит о возрождении интереса к греческой культуре именно в Галлии конца V в., особенно в творчестве галльских христианских философов Клавдиана Мамерта и Геннадия из Марселя [Courcelle, 1943, p. 221].

Однако в Галлии V в. в связи с варварскими завоеваниями, упадком городов, а также вследствие политики христианских правителей IV в., выступающих против языческой образованности, трудно рассчитывать на такое же знание греческого языка, какое было возможно в эпоху Цицерона или Фронтоня, учителя Марка Аврелия, написавшего, кстати, свою книгу по-гречески. И если еще в IV в. Авсоний, учитель императора Грациана, писал на греческом стихотворные послания, то век спустя владение греческим языком становится более редким.

Трудно ответить на вопрос, насколько Сидоний знал греческий. То, что в одном из своих писем он рассказывает, как читает с сыном комедию Менандра (Ep. IV. 12. 4), свидетельствует о том, что знание греческого в конце V в. еще ценилось. Однако ни в его стихотворном наследии, ни в письмах не удается встретить цитат, выражений или поговорок на греческом, встечаются лишь отдельные слова. Традиция общаться с адресатом по-гречески в частной переписке ко времени Сидония, видимо, исчезает, хотя в эпоху Цицерона использование греческих цитат и пословиц не усложняло стиль, а напротив, позволяло более точно высказать мысль, подчеркнуть что-то общее и понятное двум друзьям, как в переписке с Аттиком, или даже просто высказаться шутливо или иронично [Cugusi, 1983, p. 84]. У Сидония, как кажется, нет легкости в обращении с греческим языком², даже если он еще изучался в то время.

И у Цицерона, и у Плиния Младшего, чьи собрания писем Сидоний считал образцовыми для себя (Ep. I. 1. 1–2), вплетение в текст письма слов и выражений на греческом — цитат, пословиц,

² К примеру, Жан Ле Гиллу пишет, что Сидоний, несомненно, знаком с театром Эсхила, Софокла и Еврипида, но нельзя понять, читал ли он их произведения в оригинале или в переводе [Le Guillou, 2002, p. 101]. Великий французский исследователь творчества Сидония Андре Луайен еще более сурово оценивает глубину знаний греческой литературы у нашего автора: из историков упомянут только Геродот, из философов Сидоний немного знаком с «Федоном» и «Апологией» Платона, и то, по мнению Луайена, в переводе [Loyen, 1943, p. 29].

обозначений отдельных понятий — было очень частым, являлось частью стиля, частью естественной речи образованного человека. Авторы блестяще знали греческий язык и литературу, легко общались с его помощью, рассчитывая на полное понимание со стороны адресата.

Теоретик латинской эпистолографии Паоло Кугузи [Cugusi, 1983, pp. 87–89] выделяет три способа обращений к греческому языку в письмах латинских авторов конца республики и первых веков империи: во-первых, греческими были многие «*termini technici*» — слова, которые относятся к различным областям науки, развитым также преимущественно греками. Таковы медицина, литература, грамматика и риторика, философия, также сюда можно отнести термины торговли и административного управления и термины из области архитектуры и искусства. Во-вторых, греческие слова, которые вплетались в латинский текст из-за наличия особой коннотации или из-за отсутствия подходящего эквивалента в латинском языке; в-третьих, широко использовались цитаты из греческих авторов.

При чтении собрания писем Сидония можно встретить более 250 греческих слов или слов с греческими корнями (например, так образовано наречие «*syllabatim*» — «по слогам»): они встречаются как в тексте писем, так и в тексте стихотворений, вставленных в письма. Также нетрудно заметить, что греческих слов больше в письмах, достаточно обширных по объему, так что основное количество грецизмов приходится не более чем на треть из 148 писем собрания. Интересно рассмотреть, каким темам посвящены письма, в которых появляется наибольшее количество — впрочем, не слишком большое в каждом письме³ — греческих слов.

Во-первых, это письма, так или иначе посвященные литературе и искусству: таковы письмо к родственнику Сидония Агриколе, описывающее двор готского вождя Теодориха (Ep. I, 2), письмо, в котором рассказано о том, как Сидоний был обвинен перед императором Майорианом в написании анонимной сатиры, пись-

³ Немецкий исследователь языка Сидония Генрих Кречман писал, что стиль Сидония по употреблению греческих слов вполне сопоставим со стилем авторов «серебряной латыни», см.: [Kretchmann, 1872, p. 17].

мо, обращенное к Пробу, родственнику Сидония: в нем наш автор восхваляет адресата как своего первого учителя (Ер. IV. 1), письмо другу Сидония Клавдиану Мамерту с похвалой его богословскому труду «De statu animae» (Ер. IV. 3), письмо Петрею, племяннику Клавдиана Мамерта: Сидоний оплакивает своего умершего друга и его разнообразные таланты и произносит ему посмертную хвалу (Ер. IV. 11). В пятой книге несколько греческих терминов из сферы литературы оказываются в небольшом письме Нимфидию, в котором Сидоний вновь говорит о книге Клавдиана Мамерта (V. 2), и в письме Эрифию, где описывается игра в мяч и сочинение Сидонием экспромта (Ер. V. 17). В восьмой книге наибольшее количество гречизмов оказывается в письме, обращенном епископу Льву: Сидоний посылает ему перевод жизни Аполлония Тианского и рассказывает о пребывании в крепости Ливия, где, к счастью, одним из наибольших бедствий было выслушивание болтовни двух отвратительных готских старух (Ер. VIII. 3), а также в письме Намацию, в котором Сидоний, перед тем как перейти к сути письма — рассказу о саксонских пиратах — также рассказывает о выдающемся ораторе своего времени Флавии Никетии, хвалится его одобрением своему труду и завершает письмо сообщением об отправке адресату книг Варрона и Евсевия (Ер. VIII. 5). Гречизмы есть в письме, к тому же содержащем и стихотворное послание, обращенном к оратору Лампридию (Ер. VIII. 9) и в письме епископу Лупу, рассказывающем о смерти Лампридия; к нему тоже приложено стихотворение (Ер. VIII. 11).

В завершающей собрание писем девятой книге гречизмы также наиболее часто встречаются в четырех письмах, где много говорится о литературе, христианской и светской: это письмо епископу Фавсту, содержащее хвалу его произведению (Ер. IX. 9), и письма, которые включали в себя объемные стихотворения, обращенные к родственнику Сидония Тонанцию (Ер. IX. 13), образованным галло-римлянам Геласию (Ер. IX. 15) и Фирмину (Ер. IX. 16).

Помимо писем на литературные темы, множество гречизмов привлекают внимание в письмах с описанием поместий — как поместья в Авитаке, полученного в приданое за женой Папианиллой (Ер. II. 2), так и поместий Аполлинария и Ферреола, родственников нашего автора (Ер. II. 9).

Также довольно много грецизмов можно обнаружить в письмах, в которых обсуждаются вопросы, касающиеся дел церкви⁴. Таковы письмо епископу Базилию, в котором описывается печальное состояние католической церкви на землях, находящихся во власти вестгота-арианина Эвриха (Ер. VII. 6), и письмо епископу Перпетую об избрании нового епископа в земле битуригов (Ер. VII. 9).

Как отмечают исследователи творчества Сидония, греческие слова в его письмах в основном являются техническими терминами из различных областей знаний [Gualandri, 1979, pp. 146–147; Lopez, 1994, p. 431]. Помимо определения, к какой области они относятся, хотелось бы выяснить и то, какую роль они играют в тексте: является ли их употребление нейтральным или это художественный прием?

Большинство греческих слов, многие из которых используются весьма часто, относятся к области литературы, причем хотелось бы отдельно сгруппировать названия жанров, отдельно термины метрики и стилистики. Названия жанров — эпитафия («epitaphios» — Ер. II. 8. 3, III. 12. 6, IV. 11. 7), эпиграмма (часто в plur. «epigrammata» — Ер. VIII. 11. 7; всего слово используется 12 раз), сатира («satyra» — Ер. I. 11. 1, слово использовано 6 раз [Christiansen, Holland, Dominik, 1997, p. 190, 638]) и др. — встречаются во многих письмах и, как правило, употребляются нейтрально, в своем прямом значении. А вот перечисление множества метрических терминов, в частности, в тексте стихотворных вставок, которое нам может показаться избыточным, наверное, было призвано напоминать о богатстве классической стихотворной традиции. Как пример, можно привести отрывок из послания Тонанцию (Ер. IX. 13, 2):

vis, ut nostra dehinc cursitet orbita,
qua Flaccus lyricos Pyndaricum ad melos,
frenis flexit equos plecrtipotentibus,
dum metro quatitur chorda Glyconio,
nec non Alcaico vel Pherecratio

⁴ Г. Кречман отдельно говорит о грецизмах Сидония, относящихся к жизни церкви, отделяя их от прочих грецизмов, некоторые из них из-за частого употребления воспринимались почти как латинские технические термины [Kretchmann, 1872, p. 16].

iuncto Lesbiaco sive anapaestico,
vernans per varii carminis eglogas
verborum violis multicoloribus.

«Ты хочешь, чтобы наш путь лежал отсюда туда, где Флакк усмирил лирических коней на манер Пиндара, как уздой, мастерским владением плектром, пока струна дрожит от гликонея, от Алкеева стиха или ферекратея, соединенного с сапфической строфой или анапестом, оживая в отрывках разных стихов многоцветными фиалками слов».

Итальянская исследовательница творчества Сидония Изабелла Гваландри указывает, помимо этого стихотворного отрывка, еще на несколько прозаических, изобилующих метрическими терминами [Gualandri, 1979, p. 149], самым красноречивым из которых кажется фраза, построенная на синтаксическом параллелизме: с его помощью Сидоний воздает хвалу стихотворному искусству погибшего ритора Лампридия (Ер. VIII. 11. 5):

«faciebat <...> versus oppido exactos tam pedum mira quam figurarum varietate, hendecasyllabos lubricos et enodes, hexametros crepantes et cothurnatos...» — «он создавал стихи, в высшей степени тщательно отделанные, отличавшиеся разнообразием как размеров, так и риторических фигур, одиннадцатисложники плавные и легкие, гекзаметры звучные и возвышенные...».

Довольно много в письмах Сидония греческих слов, относящихся к сфере искусства, в частности, театрального и музыкального, как названия классических атрибутов греческого театра — трагического («cothurni») и комического («socci», Ер. IX. 13. 5), так и более редкие слова. В письме, где рассказывается о жизни при дворе просвещенного вестгота Теодориха (Ер. I. 2. 9), Сидоний пишет о музыкальных вкусах правителя так:

«nullus ibi lyristes choraules mesochorus tympanistria psaltria canit, rege solum illis fidibus delinito, quibus non minus mulcet virtus animum, quam cantus auditum» — «нет там музыканта, играющего на лире, нет флейтиста, нет управляющего хором, нет тимпанистики и не поет певица, так как царь бывает увлечен только теми струнами, от которых дух наполняется доблестью не менее, чем слух звучанием».

Асиндетическое соединение греческих слов явно призвано привлечь внимание читателя и подчеркнуть простоту и чистоту нравов, царившую, согласно описанию Сидония, при дворе готов, ведь, в отличие от Эвриха, Теодорих, учителем которого был когда-то тесть Сидония Авит, вызывал явную симпатию Сидония своей склонностью к римской культуре.

На этом примере заметно, что Сидоний, хотя и не вставляет в письма фраз на греческом, однако старается составлять латинские фразы на основе греческих слов, стараясь в некоторой степени «грецизировать» латинский текст.

То, что Сидоний описывает нравы варвара с симпатией, скорее исключение для нашего автора⁵. В письме Сиagriю, одному из немногих современников Сидония, который знал язык германцев, грецизмы употребляются для иронической оценки варварской культуры: кифары (в данном случае скорее символ искусства вообще, чем музыкальный инструмент), звучащие среди варваров, названы всего лишь трехструнными («*citharae <...> sed trichordes*», Ep. V. 5. 2) [Luiselli Fadda, 1988–1989, pp. 224–225].

Не исключено, что некоторые грецизмы в письмах Сидония позволяли его образованным современникам вспомнить о его предшественниках в жанре эпистолографии, например, слова «*lyristes*» и «*mesochorus*», достаточно редкие в римской литературе, возможно, напоминали современникам о письмах Плиния Младшего (Plin. Ep. I. 15. 2, IX. 17. 3, IX. 36. 4) [Geisler, 1887, pp. 357–358]. Группа греческих слов, относящаяся к архитектуре и устройству поместья (например, «*hemicyclium*» — «полукруг, сидение в форме полукруга», «*cella*» — «комната» — Ep. II. 2. 3, «*basilica*» — «базилика», «*baptisterium*» — «пруд, бассейн» (как перевод Сидоний использует латинское «*piscina*») — Ep. II. 2. 8, «*hypodromus*» — «подземная галерея», «*cryptoporticus*» — «крытая галерея» — Ep. II. 2. 10, «*diaeta*» — «небольшая столовая», по-латыни «*senatiuncula*» — Ep. II. 2. 11) также призвана вызвать в памяти читателей знаменитые описания виллы Плиния Лаврентин близ Рима и поместья в Этрурии (Plin. Ep. II. 17. 11, V. 6. 25).

⁵ В одном из писем Сидоний признается: «*Barbaros vitas, si mali putentur, ego, etiamsi boni*» — «Ты избегаешь варваров, если они кажутся плохими, я — даже если кажутся хорошими» (Ep. VII. 14. 10).

Помимо Плиния, Сидоний заимствует довольно редкие в латинской литературе греческие слова у других авторов, к примеру, слова «archimagirus» или «chironomon» («главный повар», Ер. II. 9. 6, «мастер жестикуляции», Ер. IV. 7. 2) встречались до него у Ювенала (Sat. IX. 109; V, 121) [Geisler, 1887, p. 359, 363].

В письмах Сидония довольно много терминов относится к устройству и деятельности христианской церкви: от часто употребляемых в христианской литературе и у самого Сидония (слово «ecclesia» — «церковь» — встречается 26 раз, «monachus» — «монах» — 6, «episcopus» — «епископ» — 16, «clericus» — «священнослужитель» — 16, «monasterium» — «монастырь» — 3, «apostolicus» — «апостольский» — 2, «evangelicus» — «евангельский» — 3, «haeresis» — «ересь» — 2, «haeresiarcha» — «ересиарх» — 2, «haereticus» — «еретик» — 2) [Christiansen, Holland, Dominik, 1997, pp. 176, 400–401, 190–191, 95, 42, 220, 271–272] до довольно редких слов («phonascus» (Ер. IV. 11. 1) — «запевала церковного хора» или «protomysta» (Ер. IV. 17. 3) — «верховный священнослужитель»). По наблюдениям французского лингвиста и исследователя христианской латыни Кристин Морманн, термины, обозначающие различные понятия, важные для христианства, брались из греческого в том числе и затем, чтобы не вызывать ассоциаций с языческими образами [Mohrmann, 1961, p. 62] (яркий пример — латинское слово «vates» и греческое слово «propheta» для обозначения соответственно пророка языческого и христианского). Сидоний, как мы видим по его письмам, искренне озабочен положением церкви, он старается исполнять как обязанности руководителя диоцеза, так и роль снисходительного духовного отца — к примеру, он заступается за непутевого юношу, называя довольно скандальную историю его поспешной и достигнутой хитростью женитьбы на молодой девушке из аристократической семьи, «историей, подобной милетскому рассказу» (Ер. VII. 2. 9).

В данной статье вряд ли стоит пытаться делать окончательные выводы о христианских убеждениях Сидония, однако, как видно из его писем, для него не были важны какие-либо догматические тонкости и различия. Он одинаково восхищается богословскими трудами своих друзей Клавдиана Мамерта и епископа Фавста (Ер. IV. 3, Ер. IX. 9), хотя между собой это были непримиримые оппоненты.

В его творчестве уживаются интерес к античной образности и восхищение стойкостью в защите христианской веры (например, когда он прославляет своего старшего современника св. Авраама, Ер. VII. 17), и совершенно нет сознания греховности увлечения языческой литературой, какая была, к примеру, у Иеронима. Все это позволяет допустить, что он воспринимал христианство не только как религию, но скорее как разновидность современной ему науки с присущими ей методами рассуждений [Marrou, 1964, p. 71].

В письмах Сидония больше встречается тех греческих слов, к которым он, вероятнее всего, привык с юношества — в школе грамматика и риторика (ведь образование было организовано так же, как и во времена до победы христианства, на нем не отразились перемены в религиозной жизни империи, и Сидоний сам вспоминает про «*declamatio controversiarum tyrannicarum*» — «произнесение контрверсий о тиранах», Ер. VIII. 11. 3)⁶, со времени формирования своих поэтических вкусов, в частности, склонности к образам из языческой культуры (например, названия ветров «*auri*», «*zephyri*» Ер. IX. 13. 5), к нагруженности экзотическими деталями («*tiaratus*» — «увенчанный тиарой», Ер. VIII. 3. 5), любви к перечислениям. При этом используется как частично рассмотренная уже разнообразная терминология, относящаяся к теории поэзии и сфере театрального искусства, так и пришедшие из греческого названия пиршественной утвари и благовоний. Например, в стихотворении, помещенном в письмо, в котором Сидоний вспоминает о пире, устроенном галльской знатью в честь выхода книги Петра (чиновника императора Майориана), мы снова встречаем асиндетон из греческих слов: «*paterae scythi lebetes / socient Falerna nardo*» — «пусть чаши, скифосы, лебесы соединяют фалернское вино с нардом» (Ер. IX. 13. 5), в другом письме аскетическая простота Аполлония Тианского противопоставляется роскоши восточного царя, который описывается как «*murrhatus, <...> malobathratus*» — «умашенный миррой и малобатром» Ер. VIII. 3. 5).

В отличие от литературы, философия и логика преподавались намного более упрощенно, поэтому Сидоний нечасто обращается к терминам из этих областей, хотя мы встречаем в его письмах «*atomus*»

⁶ О неизменности сюжетов для обучения ораторскому искусству: [Marrou, 1956, pp. 286–267].

(Ep. IX. 11. 9), «categoria» (Ep. IX. 9. 15), «dialecticus» (Ep. IV. 1. 3). Астрологические термины вроде «zodiacus» (Ep. VIII. 11. 9) или «horoscopus» (Ep. IV. 3. 5) призваны, возможно, даже удивить адресата необычной для христианского епископа широтой интересов.

Можно скептически относиться к глубине знаний Сидония, однако многообразие тем, затронутых в его письмах и богатство языка, пусть несколько искусственно усложненного, не вызывает сомнений. Более того, Сидоний не только использует существующие грецизмы, но и создает новые по латинским словообразовательным моделям, например, слово «thecatus» от «theca» — «чехол»: подавать правителю лук в чехле («thecatium») не позволялось (Ep. I. 2. 5)⁷.

При всем стремлении к торжественности и серьезности стиля, Сидоний совсем не чужд игры слов, одним из примеров которой может быть словосочетание «ravulos choraulas» (Ep. IX. 13. 5) из уже упоминавшегося ранее стихотворения в честь выхода новой книги Петра, начальника канцелярии императора Майориана: «Date et aera fistulata, / Satyris amica nudis, / date ravulos choraulas...» — «Дайте воздух, выходящий из свирели, подруги нагих сатиров, дайте хрипловатых флейтистов...». Сидоний обыгрывает греческое слово с помощью латинского, близкого ему по звучанию.

Итак, рассмотрев некоторые примеры из писем Сидония, мы видим, что роли, отведенные в тексте многочисленным грецизмам, весьма многообразны. Это и игра слов, как в последнем примере, и усложнение поэтических образов в стихотворных вставках. Употребление некоторых грецизмов, встреченных у других авторов, хотя бы Плиния Младшего и Ювенала, еще раз подчеркивают интерес Сидония к латинской литературе прошлых столетий. Среди грецизмов мы видим как нейтральные термины, так и слова, которые должны были привлечь внимание читателя уже своей необычностью, настроить его на «высокий» лад и придать тексту большую торжественность.

По поводу одного из панегириков Сидония А. Луайен отмечает, что в нем вся римская история помещена в несколько десятков

⁷ Немецкий комментатор первой книги писем Сидония Хельга Кёлер, вслед за словарем Саутера, отмечает это слово как *haxa legomenon* в латинском языке [Köhler, Sollius, 1996, p. 418].

стихотворных строк [Loyen, 1943, p. 19]. Склонность Сидония к таким перечислениям фактов или понятий позволяет предположить, что и употребление гречизмов — а их все же не одна сотня — важная черта его стиля. Для галло-римского автора греческие термины представляются важным признаком хорошей латинской образованности. Своеобразный «словарь-минимум» активно используемых греческих слов, сформированный по письмам нашего автора, довольно хорошо очерчивает его основные интересы и те области знаний, в которых он считает нужным показывать пример прилежного изучения. По письмам Сидония мы можем видеть, какие знания выносил образованный человек того времени из школы, чтобы использовать их в литературных упражнениях или в общении с людьми своего круга.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Christiansen P. G., Holland J. E., Dominik W. J.* Concordantia in Sidonii Apollinaris epistulas. Hildesheim: Olms-Weidmann, 1997. 800 S.
2. *Courcelle P.* Les lettres gréques en Occident: De Macrobe à Cassiodore. Paris: E. de Boccard, 1943. XVI, 440 p.
3. *Cugusi P.* Evoluzione e forme dell'epistolographia latina. Roma: Herder, 1983. 291 p.
4. *Geisler E.* Loci similes auctorum Sidonio anteriorum // Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi / ed. C. Luetjohann. T. VIII. Berlin, 1887. Pp. 357–358.
5. *Gualandri E.* Furtiva Lectio: Studi su Sidonio Apollinare. Milano, 1979.
6. *Heather P.* The Fall of the Roman Empire. London: Macmillan, 2005. XVI, 572 p.
7. *Kretschmann H.* De Latinitate G. Solli Apollinaris Sidonii. Progr. Memel, A. Stobbe, 1872. 36 p.
8. *Köhler H., Sollius C.* Apollinaris Sidonius Briefe. Buch I. Heidelberg: Winter, 1995. 350 p.
9. *Le Guillou J.* Sidoine Apollinaire. L'Auvergne et son temps. Aurillac: Société la Haute-Auvergne, 2002. 319 p.
10. *Lopez M.* Las Epistolas de Sidonio Apolinar: Estudio Literario. Madrid: Universidad Complutense de Madrid, 1994. 467 p.
11. *Loyen A.* Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule au derniers jours de l'empire. Paris: Les Belles Lettres, 1943. XXVIII, 190 p.
12. *Luiselli Fadda A. M.* Cithara barbarica, cithara teutonica, cithara anglica // Romanobarbarica. Vol. 10. 1988–1989. Pp. 224–225.

13. *Marrou H.-I. Décadence Romaine ou antiquité tardive? III-e — VI-e siècles.* Paris: Éditions du Seuil, 1964. 179 p.
14. *Marrou H.-I. History of Education in Antiquity.* London: Sheed & Ward, 1956. XVIII, 466 p.
15. *Mathisen R. Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition.* Austin: University of Texas Press, 1993. XV, 275 p.
16. *Mathisen R. The Theme of Literary Decline in Roman Gaul // Transactions of American Philological Associations.* 1984. Vol. III. Pp. 95–109.
17. *Mohrmann Chr. Études sur le Latin des chrétiens. T. I. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 1961. 468 p.*
18. *Souter A. A Glossary of Later Latin to 600 AD.* Oxford: Clarendon Press, 1996. 486 p.

REFERENCES

1. Christiansen P.G., Holland J.E., Dominik W.J. *Concordantia in Sidonii Apollinaris epistulas.* Hildesheim, Olms-Weidmann, 1997. 800 S.
2. Courcelle P. *Les lettres grèques en Occident: De Macrobe à Cassiodore.* Paris, E. de Boccard, 1943. XVI, 440 p.
3. Cugusi P. *Evoluzione e forme dell'epistolografia latina.* Roma, Herder, 1983. 291 p.
4. Geisler E. Loci similes auctorum Sidonio anteriorum. *Monumenta Germaniae Historica. Auctores Antiquissimi*, ed. C. Luetjohann. T. VIII. Berlin, 1887. Pp. 357–358.
5. Gualandri E. *Furtiva Lectio: Studi su Sidonio Apollinare.* Milano, Cisalpino-Goliardica, 1979. XI, 208 p.
6. Heather P. *The Fall of the Roman Empire.* London, Macmillan, 2005. XVI, 572 p.
7. Kretschmann H. *De Latinitate G. Solli Apollinaris Sidonii.* Progr. Memel, A. Stobbe, 1872. 36 p.
8. Köhler H., Sollius C. *Apollinaris Sidonius Briefe.* Buch I. Heidelberg, Winter, 1995. 350 p.
9. Le Guillou J. *Sidoine Apollinaire: L'Auvergne et son temps.* Aurillac, Société la Haute-Auvergne, 2002. 319 p.
10. Lopez M. *Las Epistolas de Sidonio Apolinar: Estudio Literario.* Madrid, Universidad Complutense de Madrid, 1994. 467 p.
11. Loyer A. *Sidoine Apollinaire et l'esprit précieux en Gaule au derniers jours de l'empire.* Paris, Les Belles Lettres, 1943. XXVIII, 190 p.
12. Luiselli Fadda A.M. *Cithara barbarica, cithara teutonica, cithara anglica. Romanobarbarica.* Vol. 10. 1988–1989. Pp. 224–225.

13. Marrou H.-I. *Décadence Romaine ou antiquité tardive? III-e — VI-e siècles*. Paris, Éditions du Seuil, 1964. 179 p.
14. Marrou H.-I. *History of Education in Antiquity*. London, Sheed & Ward, 1956. XVIII, 466 p.
15. Mathisen R. *Roman Aristocrats in Barbarian Gaul: Strategies for Survival in an Age of Transition*. Austin, University of Texas Press, 1993. XV, 275 p.
16. Mathisen R. The Theme of Literary Decline in Roman Gaul. *Transactions of American Philological Associations*. 1984. Vol. III. Pp. 95–109.
17. Mohrmann Chr. *Études sur le Latin des chrétiens*. T. I. Roma, Edizioni di storia e letteratura, 1961. 468 p.
18. Souter A. *A Glossary of Later Latin to 600 AD*. Oxford, Clarendon Press, 1996. 486 p.

Захарова Екатерина Анатольевна

Старший преподаватель кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Ekaterina Zakharova

Senior Lecturer, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: asyndeton7@yandex.ru

А. А. КОРМИЛИНА

Санкт-Петербургский государственный университет

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОРЯДКЕ СЛОВ В АНТИЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: порядок слов, Дионисий Галикарнасский, Квинтилиан, Деметрий, Присциан, Вейль, Матезиус, актуальное членение.

В статье рассматриваются различные аспекты трактовки темы порядка слов в греческом и латинском языках античными авторами (Дионисием Галикарнасским, Квинтилианом, Деметрием, Присцианом). Наряду с прочими подходами к данной проблеме автор выявляет прагматический аспект порядка слов, являющийся, вероятно, первой в европейском языкознании попыткой приблизиться к актуальному членению предложения.

A. A. KORMILINA

St. Petersburg State University

THE VIEW OF WORD ORDER IN THE ANCIENT GRAMMATICAL TRADITION

Keywords: Word order, Dionysius of Halicarnassus, Quintilian, Demetrius, Priscian, Weil, Mathesius, Functional Sentence Perspective.

The article deals with different aspects of handling the theme of the word order in Greek and Latin languages by ancient authors (Dionysius of Halicarnassus, Quintilian, Demetrius, Priscian). Among other approaches to this problem the author discovers the pragmatic aspect of word order, which is probably the first attempt in European linguistics of getting close to the Functional Sentence Perspective.

Порядок слов, как раздел риторической дисциплины, входил согласно античной традиции в состав учения о сочетании слов [Меликова-Толстая, 1996, с. 168]. На раннем этапе упоминания о порядке слов встречаются у представителей риторики Исократ

(436–338 гг. до н. э.) и Анаксимена (380–320 гг. до н. э.). В дальнейшем этот вопрос также был неразрывно связан с развитием теоретической базы риторики. В I в. до н. э. речь о порядке слов заходит в таких трудах, как «О соединении слов» Дионисия Галикарнасского (ок. 55 — ок. 8 г. до н. э.), «Об ораторе» (55 г. до н. э.), «Оратор» (46 г. до н. э.) Цицерона, «Риторика для Геренния» (80-е гг. I в. до н. э.) неизвестного автора. В I в. н. э. тему порядка слов затрагивают Деметрий в трактате «О стиле», Квинтилиан в «Наставлении оратору» (93–95/96 гг. н. э.), автор сочинения «О возвышенном». Тема порядка слов трактуется античными авторами в различных аспектах: синтаксическом (положение отдельных частей речи относительно друг друга), стилистическом (риторическая отделка: фигуры (градация, гипербат, хиазм и пр.), эмфаза, благозвучие), ритмическом (ритмизация прозы, в поэзии постановка того или иного слова *metri gratia*) и даже прагматическом. В основном античные авторы обращают свое внимание на стилистические и ритмические особенности порядка слов, однако можно обнаружить отдельные наблюдения, сделанные под тем же углом зрения, под которым мы воспринимаем порядок слов сегодня, а именно, как синтаксическую категорию.

В ранний период развития риторической дисциплины в вопросе порядка слов во главу угла ставилось строгое соблюдение логической последовательности. Это мы можем наблюдать, основываясь на имеющихся у нас фрагментах Исократ (436–338 гг. до н. э.) и некоторых свидетельствах из «Риторики» Анаксимена (380–320 гг. до н. э.). Исократ (Исократ, Фр. 6) [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 181] советует «излагать дело так, чтобы за первым фактом следовал второй и т. д. по порядку, и не переходить к следующему, не закончив первого» (Isoc., *Fragm.*, III. *Techne*. 9 *Διηγήτεον δὲ τὸ πρῶτον καὶ τὸ δεύτερον καὶ τὰ λοιπὰ ἐπομένως· καὶ μὴ πρὶν ἀποτελέσαι τὸ πρῶτον ἐπ' ἄλλο ἰέναι* [Oeuvres complètes..., 1864, p. 558, 560]). У Анаксимена к этому добавляется идея о том, что последовательность эту можно нарушать (Anaximenes., *Rhet.* 23): *...ἐξῆς τὰ πραχθέντα ὀνομάζειν ἢ ὑπερβιβάζειν* [Anaximenes, 1847, p. 49] ... *(порядок слов) — по порядку сделанное называть или переставлять.*

В связи с рассмотрением синтаксических аспектов порядка слов нельзя не упомянуть трактат Дионисия Галикарнасского (55–8 гг. до н. э.) «О соединении слов», где под «соединением слов» понимается размещение одних частей речи по отношению к другим (Dionys. Halic. De comp. verb. 2.7): Ἡ σύνθεσις ἔστι μὲν ... ποιὰ θεΐσις παρ' ἄλληλα τῶν τοῦ λόγου μορίων [Dionysii Halicarnasei..., 1965, p. 6]. В пятой главе трактата Дионисий говорит о расположении отдельных частей речи относительно друг друга. Он признает, что склонялся к поддержке идеи естественного (τῆ φύσει — по природе) предшествования определенных частей речи. Он считал необходимым ставить существительные перед глаголами (NV¹) (τὰ ὀνόματα πρότερα ἡξίουں τάττειν τῶν ῥημάτων), мотивируя это тем, что «имена показывают сущность, а глаголы — состояния, от природы же сущность предшествует состоянию» (τὰ μὲν γὰρ τὴν οὐσίαν δηλοῦν, τὰ δὲ τὸ συμβεβηκός, πρότερον δ' εἶναι τῆ φύσει τὴν οὐσίαν τῶν συμβεβηκότων), глаголы — перед наречиями (VAdv) (τὰ ῥήματα προτάττειν τῶν ἐπιρρημάτων), так как «действие или страдание естественно предшествует сопровождающим его обстоятельствам, то есть образу действия, месту, времени и прочему, что мы называем наречиями», существительные — перед прилагательными (NAdj) (ἡξίουں τὰ μὲν ὀνοματικὰ προτάττειν τῶν ἐπιθέτων); также Дионисий рекомендует соблюдать хронологическую последовательность (ὅπως τὰ πρότερα τοῖς χρόνοις καὶ τῆ τάξει πρότερα λαμβάνηται — «чтобы предшествовавшее во времени предшествовало и в строе повествования») (Dionys. Halic. De comp. verb. 5). Однако в случае с первыми двумя правилами о порядке «существительное — глагол» (NV) и «глагол — наречие» (VAdv) Дионисий приводит контрпримеры, демонстрирующие противоположный порядок слов. Автор приходит к неутешительному выводу: «Опыт поколебал эти утверждения и показал их ничтожество, ибо краткость и приятность достигается иной раз таким соединением, а иной раз противоположным» [Дионисий Галикарнасский, 1978, с. 177]. Таким образом, Дионисий показывает, что

¹ Мы будем пользоваться следующими сокращениями: N — Noun, V — Verb, Adv — Adverb, Adj — Adjective, Pron — Pronoun.

невозможно установить универсальные правила, тем самым делая вывод о свободе и гибкости порядка слов в греческом языке (то есть порядок слов — дело только искусства, а не природы). Хотя стоит отметить, что примеры Дионисия сугубо поэтические («Илиада», «Одиссея» Гомера), а в поэзии наблюдается бóльшая свобода в расположении слов.

Порядка слов касается в своем сочинении «Наставления оратору» и Квинтилиан (35–96 гг. н. э.) (*Квинтилиан*, 9, 4), когда говорит о сочетании слов: «Во всяком сочетании слов необходимо соблюдение трех вещей: порядка слов, соединения их друг с другом и ритма» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 251] (Quint. Inst. 9. 4. 22 In omni porro compositione tria sunt genera necessaria: ordo, iunctura, numerus [Quintilian, 1959, p. 518]). В девятой книге нам встречается замечание, которое перекликается с наблюдениями Дионисия о естественном порядке слов (Dionys. Halic. De comp. verb. 5), разобранными выше. Квинтилиан указывает на чрезмерность правила, по которому существительные должны стоять перед глаголами (NV), глаголы — перед наречиями (VAdv), существительные — перед прилагательными (NAdj) и местоимениями (NPron) (Quint. Inst. 9. 4. 24): *Illa nimia quorundam fuit observatio, ut vocabula verbis, verba rursus adverbis, nomina appositis et pronomibus essent priora; nam fit contra quoque frequenter non indecore.* *Чрезмерным было наблюдение некоторых (=ученых), чтобы существительные шли перед глаголами, глаголы — перед наречиями, существительные — перед прилагательными и местоимениями; ведь и противоположное (=противоположный порядок слов) часто бывает приемлемым.* Возможно, Квинтилиан имеет в виду именно Дионисия, когда говорит: «*quorundam <...> observatio*» — «наблюдение НЕКОТОРЫХ (=ученых)», то есть можно предположить, что Квинтилиан под этими *quorundam* «некоторых» и подразумевает Дионисия. Квинтилиан (Quint. Inst. 9. 4. 25) также упоминает о необязательности строгого соблюдения хронологической последовательности, что в свою очередь также перекликается с замечанием Дионисия, приведенным выше (De comp. verb. 5): *Nec non et illud nimiae superstitionis, uti quaeque sint tempore, ea facere etiam ordine priora, non quin*

frequenter sit hoc melius, sed quia interim plus valent ante gesta, ideoque levioribus superponenda sunt. *Излишним предрассудком является и то, чтобы случившееся по времени первым, — и в порядке (изложения) делать предшествующим, не потому чтобы это часто выходило хуже, но так как иногда ранее совершенное имеет большие значения и поэтому должно быть поставлено после менее важного.* Квинтилиан (Quint. Inst. 9. 4. 23) также упоминает некий естественный порядок (alius naturalis ordo), но, как становится ясно из примеров, это не дионисиевский естественный порядок (то есть природный, τῆ φύσει, согласно которому существительные необходимо ставить перед глаголами (NV), глаголы — перед наречиями (VAdv), существительные — перед прилагательными (NAdj), а также должна соблюдаться хронологическая последовательность). У Квинтилиана речь идет о фиксированном порядке слов в определенных выражениях, таких как «viros ac feminas, diem ac noctem, ortum et occasum» («*мужи и жены, день и ночь, восток и запад*»).

Аналогичная система упоминается и Присцианом (VI в. н. э.), в частности, идея о естественном порядке слов, когда существительные и местоимения должны стоять перед глаголами (NV, PronV), так как сущность по природе предшествует действию (Prisc. Inst. 17. 105–106): Sciendum tamen quod recta ordinatio exigit, ut pronomen vel nomen praeponatur verbo, ut ‘ego et tu legimus’, ‘Virgilius et Cicero scripserunt’, quippe cum substantia et persona ipsius agentis vel patientis, quae per pronomen vel nomen significatur, prior esse debet naturaliter quam ipse actus, qui accidens est substantia. Licet tamen et praepostere ea proferre auctorum usurpatione fretum [Prisciani Institutionum..., 1859, p. 164]. *Однако необходимо знать, что прямой порядок слов требует, чтобы местоимение или существительное стояло перед глаголом, например, ‘ego et tu legimus’ (я и ты читаем), ‘Virgilius et Cicero scripserunt’ (Вергилий и Цицерон написали), так как сущность и лицо самого действующего или претерпевающего, что обозначается посредством местоимения или существительного, по природе должно быть раньше, чем само действие, которое происходит с сущностью. Однако, если полагаться на употребление у авторов, позволено и наоборот выносить это*

вперед. По-видимому, у систем Дионисия, Квинтилиана и Присциана был один источник.

В современных грамматиках традиционным местом расположения глагола в латинском языке считается конец предложения. Это утверждение подкрепляется фрагментом из труда Квинтилиана (Quint. Inst. 9. 4. 26): «Verbo sensum cludere multo, si compositio patiat, optimum est...» — «Если сочетание слов позволяет, то мысль завершать лучше всего глаголом». Автор выражает мысль о том, что именно глаголы составляют силу речи (in verbis enim sermonis vis est), хотя в стилистических целях, ради благозвучия, например, можно, по его мнению, глагол перенести, тем самым составляя фигуру гипербат.

В трудах античных авторов много внимания уделяется стилистическим аспектам порядка слов. Речь идет о стилистической отделке, в частности, об обусловленности того или иного порядка слов употреблением различных фигур, таких, например, как градация, гипербат, хиазм и пр., употреблением эмфатических конструкций, влиянием критерия благозвучности.

Тема порядка слов затрагивается в трактате Деметрия (I в. н. э.) «О стиле». Деметрий (*Деметрий, О стиле* 50) в разделе о типах стиля, а именно, о величественном стиле, говорит о том, что и соединение слов придает речи величественность. Он дает рекомендацию располагать слова в зависимости от яркости (силы) слов для соблюдения большей выразительности: «Располагать слова необходимо следующим образом: в начале ставить не очень яркие, в середине и в конце более яркие. Ведь таким образом мы и первое услышим как яркое и последующее как еще более яркое. Если не будем следовать этому, покажется, что наша речь потеряла силу, перешла от силы к слабости» (Demetr. Eloc., 50 Τάσσειν δὲ τὰ ὀνόματα χρῆ τόνδε τὸν τρόπον. πρῶτα μὲν τιθέναι τὰ μὴ μάλα ἐναργῆ, δεύτερα δὲ καὶ ὕστατα τὰ ἐναργέστερα. οὕτω γὰρ καὶ τοῦ πρώτου ἀκουσόμεθα ὡς ἐναργούς, καὶ τοῦ μετ' αὐτὸ ὡς ἐναργέστερου. εἰ δὲ μή, δόξομεν ἐξῆσθηνικένοι, καὶ οἷον καταπεπτακέναι ἀπὸ ἰσχυροτέρου ἐπὶ ἀσθενές) [Demetrius On Style, 1902, p. 94]. В качестве примера Деметрий (*Деметрий, О стиле* 51) приводит место из Платона, где, на взгляд Деметрия, «вто-

рое выражение намного живее первого»: «Если кто-то позволит музыке звучать флейтой и вливаться через слух...» (ἐπὶ μὲν τις μουσικῆ παρέχῃ καταυλεῖν καὶ καταχεῖν διὰ τῶν ὠτῶν). Далее следует еще один пример: «И опять далее: “И всякий раз как этот поток, не иссякая, [продолжает] чаровать, то он уже размягчает и расплавляет...”» (ὅταν δὲ καταχέων μὴ ἀνῆ, ἀλλὰ κηλῆ, τὸ δὴ μετὰ τοῦτο ἤδη τήκει καὶ λείβει). Деметрий замечает: «Слово λείβει («расплавляет») выразительнее (ἐμφατικώτερον), чем τήκει («размягчает»), и оно ближе к поэзии. А ведь если бы слово λείβει («расплавляет») было вынесено на первое место, то слово τήκει («размягчает»), стоящее за ним, показалось бы более слабым». Речь в данных примерах идет о расположении слов или выражений с приблизительно одинаковым значением, то есть обсуждается исключительно стилистический момент (градация), а не вообще построение частей предложения как информационных блоков (как можно было бы понять данную мысль).

Параллелью к вышеприведенному месту (Demetr. Eloc. 50) идет замечание Квинтилиана в девятой книге о расположении слов в бессоюзных выражениях (ἄσύνδετα, то есть отдельных словах, ничем не соединенных), в которых должен соблюдаться принцип роста выразительности, чтобы после слова более сильного не ставить более слабого (принцип градации), например, после «святотатец» не ставить «вор» (Quint. Inst. 9. 4. 23): *In his cavendum, ne decrescat oratio, et fortiori subiungatur aliquid infirmius, ut sacrilego fur, aut latroni petulans. Augeri enim debent sententiae et insurgere. В них необходимо остерегаться, чтобы речь не ослабевала, чтобы после более сильного слова не шло более слабое, например, после святотатец — вор, а после разбойника — наглец. Ведь смысл должен расти и возвышаться.*

Об эмфазе приводит интересное замечание Квинтилиан в девятой книге (Quint. Inst. 9. 4. 29): он говорит, что слово, поставленное в конец, больше всего запоминается слушателю (in clausula positum adsignatur auditori et infigitur), тогда как если бы слово осталось в середине, то оно было бы незаметным («quod si in media parte sententiae latet, transire intentionem et obscurari circumiacentibus solet» — «если в середине остается скрытым, то обычно остается без

внимания и затемняется окружением»), и приводит пример из высказывания Цицерона, обличающего Антония в пьянстве: «Ut tibi necesse esset in conspectu populi Romani vomere postridie». — «Так что тебе было необходимо на виду у римского народа опустошить желудок на следующий день». Квинтилиан (Quint. Inst. 9. 4. 30) говорит, что если переставить последнее слово, пропадет сила, и дальше поясняет: «Ибо оно из всего сего обращения к Антонию есть как бы острие: к непристойной необходимости опустошить желудок, после чего ожидать, кажется, уже нечего, прибавил он и ту гнусность, что пьяница не мог в желудке своим переварить и удержать в себе *на другой день*» [Квинтилиан, 1834, с. 176]. Стоит отметить мнение Х. Пинкстера касательно свидетельств о прагматических факторах в древних источниках, который считает, что подчеркивание Квинтилианом важности финальной позиции указывает направление в сторону прагматических аспектов порядка слов, в частности, анализа на уровне предложения [Pinkster, 1990, p. 286].

Что касается ритмического аспекта порядка слов, то здесь обращает на себя внимание замечание Квинтилиана (Quint. Inst. 8. 6. 64 — главка о гиперbate) о найденных воцеленных табличках, на которых Платон в разных порядках записал предложение κατέβην χθὲς εἰς Πειραεῖα в поисках идеального ритма для прозаического текста² (Quint. Inst. 8. 6. 64): Nec aliud potest sermonem facere numerosum quam opportuna ordinis permutatio; neque alio ceris Platonis inventa sunt quattuor illa verba, quibus in illo pulcherrimo operum in Piraeum se descendisse significat, plurimis modis scripta, quam quod eum quoque maxime numerosum facere experiretur [Quintilian, 1959, p. 337]. *Невозможно иначе сделать нашу речь ритмической, если только не с помощью подходящего изменения порядка; и лишь потому на воцеленных табличках Платона были найдены те четыре слова, написанные различными способами, которыми он в самом прекрасном из своих произведений написал, что он «спускался в Пирей», так как он пытался сделать речь в высшей степени ритмической.*

² В начале «Государства»: «Вчера я ходил в Пирей...».

Нами был обнаружен еще один, непривычный для античной традиции, прагматический, если можно так выразиться, аспект порядка слов. Деметрий в трактате «О стиле» в связи с вопросом соблюдения ясности (σαφηνεία) в простом стиле говорит о естественном порядке слов: «...сначала называется то, о чем идет речь, потом говорится, что это такое и т. д. по порядку» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 250–251]. Поскольку фрагмент очень важен для нас, то приводим его полностью. Demetr. Eloc., 199–200: 199. Καὶ ὅλως τῇ φυσικῇ τάξει τῶν ὀνομάτων χρηστέον, ὡς τὸ Ἐπίδαμνος ἐστὶ πόλις ἐν δεξιᾷ ἐσπλέοντι εἰς τὸν Ἴόνιον κόλπον· πρῶτον μὲν γὰρ ὀνόμασται τὸ περὶ οὗ, δεύτερον δὲ ὁ τοῦτο ἐστὶν, ὅτι πόλις, καὶ τὰ ἄλλα ἐφεξῆς. *И вообще необходимо придерживаться естественного порядка слов, как, например: «Эпидамн — это город, находящийся по правую руку для плывущего в Ионийский залив»³. Сначала названо то, о чем идет речь, потом — что это такое, что это город, и далее в должном порядке — остальное.* 200. Γίγνεται μὲν οὖν ἂν καὶ τὸ ἔμπαλιν, ὡς τὸ Ἔστι πόλις Ἐφύρη. οὐ γὰρ πάντη ταύτην δοκιμάζομεν τὴν τάξιν, οὐδὲ τὴν ἑτέραν ἀποδοκιμάζομεν, καθὰ ἐκτιθέμεθα μόνον τὸ φυσικὸν εἶδος τῆς τάξεως. *Однако порядок слов может быть и обратным, как, например: «Есть город Эфира»⁴. Ведь мы ни одобряем полностью этот порядок, ни отвергаем другой, а только предлагаем (в качестве желательного) естественный вид расположения слов.* В случае с естественным порядком слов (φυσικὴ τάξις) в выражениях τὸ περὶ οὗ («то, о чем идет речь») и ὁ τοῦτο ἐστὶν («что это такое») можно усмотреть переключку с теорией актуального членения предложения, согласно которой в предложении сначала идет тема («то, о чем говорится в предложении»), а затем рема («то, что говорится в предложении») [Тестелец, 2001, с. 441]. Нам кажется, что данное замечание Деметрия можно соотнести с мыслью А. Вейля о двухчастной структуре коммуникативной ситуации для говорящего и слушающего: сначала идет «исходный пункт» (a point of departure), а потом —

³ Фукидид 1, 24.

⁴ «Илиада» 6, 152.

«цель высказывания» (a goal of discourse) [Weil, 1887, pp. 29–30]. Идеи Вейля развил В. Матезиус [Матезиус, 1967], заложив основу теории актуального членения, в которой утвердились термины «тема» для «исходного пункта» и «рема» для «цели высказывания». На наш взгляд, идея автора трактата «О стиле» о естественном порядке слов, обнаруживая ростки теории актуального членения в античности, указывает на возможность прагматического подхода к древним языкам.

Как мы можем наблюдать, вопрос порядка слов затрагивался в античности в связи с развитием риторической дисциплины, различные риторические руководства содержали те или иные наставления для шлифовки ораторского мастерства и мимоходом касались вопроса порядка слов.

В исследовании данной темы мы проследили путь идеи, связанной с синтаксическим аспектом порядка слов, а именно, идеи о расположении отдельных членов предложения относительно друг друга (NV, VAdv, NAdj): от Дионисия Галикарнасского (Dionys. Halic. De comp. verb. 5) через Квинтилиана (Quint. Inst. 9. 4. 24) и до Присциана (Prisc. Inst. 17. 105–106). С этим вопросом связано то, что же именно понимает каждый автор под явлением «естественный порядок слов». Система Дионисия (Dionys. Halic. De comp. verb. 5) выглядит следующим образом: имена ставятся перед глаголами (NV), глаголы — перед наречиями (VAdv), существительные перед прилагательными (NAdj), соблюдается хронологическая последовательность. Квинтилиан (Quint. Inst. 9. 4. 23) естественный порядок слов (*naturalis ordo*) отмечает в отдельных выражениях, это фиксированный порядок: *viros ac feminas, diem ac noctem, ortum et occasum*. Деметрий (Demetr. Eloc., 199–200) под естественным порядком слов понимает следующее: сначала в предложении идет то, о чем говорится, а потом — что именно говорится.

Любопытна с точки зрения современного статуса лингвистической науки мысль Деметрия о том, что «надо придерживаться естественного порядка слов: сначала называется то, о чем идет речь, потом говорится, что это такое и т. д. по порядку». Вероятно, это одно из ранних высказываний, которое можно соот-

нести с достижениями лингвистической науки XX в., а именно, с теорией актуального членения, согласно которой высказывание состоит из темы (то, о чем идет речь) и ремы (то, что говорится про предмет). Таким образом, история актуального членения обретает свою генеалогию: В. Матезиус считается его отцом [Тестелец, 2001, с. 444], А. Вейль — дедом, а Деметрий, в таком случае, — прадедом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996. 362 с.
2. Дионисий Галикарнасский. О соединении слов // Античные риторика. М.: Издательство Московского университета, 1978. С. 167–221.
3. Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений / пер. А. Никольского. Ч. 2. Кн. 9. СПб., 1834. С. 123–204.
4. Матезиус В. О так называемом актуальном членении предложения // Пражский лингвистический кружок. М.: Прогресс, 1967. С. 239–245.
5. Меликова-Толстая С. Античные теории художественной речи // Античные теории языка и стиля. СПб.: Алетейя, 1996. С. 155–177.
6. Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Изд-во РГГУ, 2001. 800 с.
7. *Anaximenes*. *Ars rhetorica quae vulgo fertur Aristotelis ad Alexandrum*. Recensuit et illustravit Leonardus Spengel Monacensis. Leipzig: Wigand, 1847. XII, 275 p.
8. *Demetrius*. *On Style*. The Greek text of Demetrius De Elocutione edited after the Paris manuscript with introduction, translation, facsimiles etc. by W. R. Roberts. Cambridge: Cambridge University Press, 1902. XI, 328 p.
9. *Dionysii Halicarnasei quae exstant* / ed. Usener H., Radermacher L. 2 vols. Stuttgartiae: Teubner, 1965.
10. *Oeuvres complètes d'Isocrate*. Traduction nouvelle avec texte en regard par le duc de Clermont-Tonnerre (Aimé-Marie Gaspard). Tome troisième. Paris: Librairie de Firmin Didot Frères, 1864. 624 p.
11. *Quintilian*. *Institutio Oratoria* / with an English transl. by H. E. Butler. Vol. III of Four (Books VII–IX). Cambridge; London: Harvard University Press, 1959. 595 p.
12. *Pinkster H*. *Latin Syntax and Semantics*. London: Routledge, 1990. XII, 320 p.
13. *Prisciani Institutionum Grammaticarum Libri XIII–XVIII*. Ex recensione H. Keilii. V. III. Lipsiae: Teubner, 1859. XI, 602 p.

14. *Weil H.* The order of words in the ancient languages compared with that of the modern languages, transl. by C.W. Super. Boston: Ginn & Co, 1887. 114 p.

REFERENCES

1. *Antichnye teorii iazyka i stilia* [Theories of Language and Style in Classical Antiquity]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 1996. 362 s.
2. Dionisii Galikarnasskii. *O soedinenii slov.* [On the Arrangement of Words] *Antichnye ritoriki* [Classical Rhetorics]. Moscow, MGU Publ., 1978. S. 167–221.
3. *Kvintilian* [Quintilian], per. A. Nikol'skogo. Ch. 2. Kn. 9 [transl. by A. Nikolsky, Part II, Book 9]. Saint Petersburg, 1834. 522 S. 123–204.
4. Matezius V. *O tak nazyvaemom aktual'nom khlenenii predlozheniia* [On the so-called functional sentence perspective]. Prazhskii lingvisticheskii kruzhok [The Prague Linguistic Circle]. Moscow, Progress Publ., 1967. S. 239–245.
5. Melikova-Tolstaia S. *Antichnye teorii khudozhestvennoi rechi* [Classical theories of literary language]. *Antichnye teorii iazyka i stilia* [Theories of Language and Style in Classical Antiquity]. Saint Petersburg, Aleteiia Publ., 1996. S. 155–177.
6. Testelet's Ia.G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to General Syntax]. Moscow, RGGU Publ., 2001. 800 s.
7. Anaximenis. *Ars rhetorica quae vulgo fertur Aristotelis ad Alexandrum.* Recensuit et illustravit Leonardus Spengel Monacensis. Leipzig, Wigand, 1847. XII, 275 p.
8. Demetrius. *On Style.* The Greek text of Demetrius De Elocutione edited after the Paris manuscript with introduction, translation, facsimiles etc. by W.R. Roberts. Cambridge, Cambridge University Press, 1902. XI, 328 p.
9. Dionysii *Halicarnasei quae exstant*, ed. Usener H., Radermacher L. 2 vols. Stutgardiae, Teubneri, 1965.
10. *Oeuvres complètes d'Isocrate.* Traduction nouvelle avec texte en regard par le duc de Clermont-Tonnerre (Aimé-Marie Gaspard). Tome troisième. Paris, Librairie de Firmin Didot Frères, 1864. 624 p.
11. Quintilian. *Institutio Oratoria*, with an English transl. by H.E. Butler. Vol. III of Four (Books VII–IX). Cambridge; London, Harvard University Press, 1959. 595 p.
12. Pinkster H. *Latin Syntax and Semantics.* London, Routledge, 1990. XII, 320 p.

13. Prisciani Institutionum Grammaticarum Libri XIII–XVIII. Ex recensione H. Keilii. V. III. Lipsiae, Teubner, 1859. XI, 602 p.
14. Weil H. *The order of words in the ancient languages compared with that of the modern languages*, transl. by C.W. Super. Boston, Ginn & Co, 1887. 114 p.

Кормилина Анна Андреевна

Аспирант кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Anna Kormilina

Doctoral student, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: annakormilina@gmail.com

**VERG. AEN. I, 498–504:
ОБ УМЕСТНОСТИ СРАВНЕНИЯ¹**

Ключевые слова: римская литература, эпическая поэзия, Вергилий, «Энеида», сравнения.

В статье рассматривается сравнение Дидоны с Дианой (Verg. Aen. I, 498–504), основанное на сопоставлении Навсикаи и Артемиды (Hom. Od. VI, 102–109). Автор приводит историю вопроса, уделяя особое внимание критике Проба, сопоставляет пассажи из «Энеиды» и «Одиссеи», приводит множество точек соприкосновения между Дидоной и Дианой и делает заключение об уместности вергилиевского сравнения в контексте поэмы.

A. V. KOTOVA

St. Petersburg State University

**VERG. AEN. I, 498–504:
ON APPROPRIATENESS OF THE SIMILE**

Keywords: Vergil, «Aeneis», similes.

The article touches upon appropriateness of the simile “Dido — Diana” (Verg. Aen. I, 498–504) that reflects a passage where Nausicaa is likened to Artemis (Hom. Od. VI, 102–109). The author studies history of the question and places high emphasis on Probus’ criticism, compares the passages from “Aeneis” and “Odyssey”, adduces a lot of parallels between Dido and Diana and comes to the conclusion that Vergil made the simile suitable and appropriate for the context.

В первой книге «Энеиды», сразу после описания сцен Троянской войны, запечатленных на картинах, которые рассматривает Эней в строящемся храме Юноны (стт. 453–493), мы впервые

¹ Статья написана на основе доклада, прочитанного на заседании магистрантского семинара в ноябре 2011 г. Выражаю благодарность В. С. Дурову, А. Л. Верлинскому, Д. В. Кейеру за активное обсуждение и рекомендации. Особенно благодарю В. В. Зельченко за помощь в работе над статьей.

встречаем карфагенскую царицу Дидону. Вергилий кратко говорит о ней: *regina ad templum, forma pulcherrima Dido*², *incessit magna iuvenum stipante caterva* (стт. 496–497) — и тут же эффектно добавляет развернутое сравнение:

*qualis in Eurotae³ ripis aut per iuga Cynthi
exercet Diana choros, quam mille secutae
hinc atque hinc glomerantur Oreades; illa pharetram
fert umero gradiensque deas supereminet omnis
(Latonae tacitum pertemptant gaudia pectus):
talis erat Dido, talem se laeta ferebat
per medios instans operi regnisque futuris⁴* (стт. 498–504).

Как на берегах Эвроты или по хребтам Кинфа водит хороводы Диана, следуя за которой, со всех сторон собирается тысяча Ореад; она несет на плече колчан и, выступая, возвышается над всеми богинями (молчаливая радость проникает в сердце Латоны): такой же была Дидона, такая же, радостная, шла через толпу, устремляясь [мыслями] к делам, связанным с будущим царствованием.

Давно отмечено, что в основе этого сравнения лежит гомеровское сопоставление Навсикаи и Артемиды из шестой песни «Одиссеи»⁵:

οἴη δ' Ἴρτεμις εἶσι κατ' οὔρεα ἰοχέαιρα,
ἢ κατὰ Τηϋγετον περιμήκετον ἢ Ἐρύμανθον,
τερπομένη κάπροισι καὶ ὠκείης ἐλάφοισι·

² Между прочим заметим, что Лессинг очень положительно отзывался об этом скромном описании Дидоны (*pulcherrima Dido*): «In diesem Punkte, in welchem Virgil dem Homer durch Nichtstun nachahmen können, ist auch Virgil ziemlich glücklich gewesen. Auch seine Dido ist ihm weiter nichts als *pulcherrima Dido*. Wenn er ja umständlicher etwas an ihr beschreibt, so ist es ihr reicher Putz, ihr prächtiger Aufzug» [Laokoon, 1910, pp. 130–131], см. также: [Evans, 1948, p. 202. N. 87].

³ Ср. оказавшееся, по-видимому, ненамеренным источником место из Катюлла: *quales Eurotae progignunt flumina myrtus* (64, 89).

⁴ Текст приводится по изданию: P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus / With a Comm. by R. G. Austin. Oxford, 1971.

⁵ Macrobian Sat. V, 4, 9; Publius Virgilius Maro, 1832, p. 165; Vergils Gedichte, 1881, S. 31; The Aeneid of Virgil, 1894 (repr. 1967), p. 188; P. Virgilio Marone, 1947, p. 46; Coffey, 1961, p. 71; Williams, 1963, p. 272; Knauer, 1964, S. 376; Otis, 1964, p. 235; Hornsby, 1965, p. 338; Hornsby, 1970, p. 8; P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus, 1971, p. 166; The Aeneid of Virgil, 1972, p. 199; etc.

τῆ δέ θ' ἄμα νύμφαι, κοῦραι Διὸς αἰγιόχοιο,
ἀγρονόμοι παίζουσι, γέγηθε δέ τε φρένα Λητώ·
πασάων δ' ὑπὲρ ἧ γε κάρη ἔχει ἠδὲ μέτωπα,
ρεῖά τ' ἀριγνώτη πέλεται, καλαὶ δέ τε πάσαι·
ὧς ἦ γ' ἀμφιπόλοισι μετέπρεπε παρθένος ἀδμήψ. (стт. 102–109)

Так и Артемида-стрелометательница идет по горам — то по огромному Таитету, то по Эриманфу, — радуясь кабанам и стремительным ланям; и с ней вместе полевые нимфы, дочери эгидодержателя Зевса, резвятся, и радуется Лето в душе; и из всех [них Артемида] выделяется ростом и лицом (то есть выше всех и прекраснее всех лицом), и оказывается легко узнаваемой, хотя и все прекрасны собой; вот, так же отличалась среди служанок [красотой] эта непорочная дева.

Это место «Энеиды» подвергалось критическому рассмотрению уже в античности⁶. Авл Геллий (IX, 9, 12–17) сообщает, что «он слышал от учеников Валерия Проба <...>, что тот имел обыкновение говорить, что ничего из Гомера Вергилий не передал настолько неудачно, как эти прекраснейшие стихи, которые Гомер написал о Навсикае» (далее приводятся вышеупомянутые пассажи из «Одиссеи» и «Энеиды»). В подтверждение своей правоты Проб (опять-таки со слов учеников) приводил ряд аргументов: во-первых, если сравнение Навсикаи, играющей среди своих подружек в безлюдных местах, с Дианой, которая охотится среди сельских нимф по вершинам гор, правильно и уместно, то между Дидоной, с серьезным видом вступающей в центр города среди тирских *principes* и сосредоточенной на делах будущего правления, и радостно охотящейся Дианой никакого сходства нет; во-вторых, если Гомер говорит о радости, которую испытывает Диана во время охоты, «*honeste aperteque*», то Вергилий о самой охоте не говорит ничего, а только заставляет богиню нести на плече колчан, будто своего рода багаж. Третий недостаток, по мнению Проба, заключается в том, что у Гомера Лето испытывала подлинную, искреннюю

⁶ См. об этом: [Hügi, 1952, S. 51–52; P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus, 1971, pp. 166–167; The Aeneid of Virgil, 1972, p. 199; Carlson, 1972, S. 76 sqq.; Cairns, 1989, pp. 129–131; Schmit-Neuerburg, 1999, S. 103 sqq. etc.]. Testimonia этого места приводит в аппарате О. Риббек [P. Vergili Maronis Aeneidos Libri, 1860. Ad loc.].

радость, «цветущую в самых глубинах сердца и души» («in ipso penetrali cordis et animi vigens»), а Вергилий, стремясь подражать, сделал радость поверхностной и вялой, «ведь что иное могло бы означать pertemptant, Проб не знал» («ipse autem imitari hoc volens gaudia fecerit pigra et levia et cunctantia et quasi in summo pectore supernantia; nescire enim sese, quid significaret aliud “pertemptant”»). Кроме того, Вергилий опустил «цветок всего этого места» («florem ipsius totius loci») в своем варианте гомеровского ῥέϊά τ' ἀριγνώτη πέλεται, καλαὶ δέ τε πᾶσαι, так как нельзя высказать большую похвалу красоте иначе, чем сказав, что девушка *одна* выделялась среди всех красавиц и ее среди всех них можно было легко узнать.

Скептицизм Проба находил поддержку как за пределами ученого сообщества, а именно у французского литературоведа и критика XIX в. Ш.-О. Сент-Бёва, так и у некоторых классиков: И. Луньяка, Х. Георгии, Р. Хайнце и других⁷.

С другой стороны, еще в IV в. н. э. противоположной точки зрения придерживался Сервий, который писал, что это сравнение «многие ругают, потому что не знают, что приведенные примеры, сопоставления или сравнения не всегда точь-в-точь соответствуют ситуации — иногда подходят полностью, а иногда только какой-то частью» (Serv. Aen. ad I, 497: «<...> comparatio, quam vituperant multi, nescientes exempla vel parabolas vel conparationes adsumptas non semper usquequaque congruere, sed interdum omni parte, interdum aliqua convenire»), из чего видно, что он понимал специфику эпического сравнения, так как указывал на ту его особенность, которую литературоведение Нового времени выделило как основную.

Р. Г. Остин, продолжая линию рассуждений Сервия, говорит о том, что Гомер в первую очередь стремился показать *красоту* Навсикаи, а радость ее вторична; Вергилий же, наоборот, ставит

⁷ Ш.-О. Сент-Бёв считал менее естественным (по сравнению с Навсикаей), чтобы Дидона была выше по росту, чем люди, идущие с ней; к тому же у нее как у вдовы и бывшей возлюбленной мало сходства с непорочной богиней Дианой; кроме того, у Дидоны нет матери, которая бы испытывала гордость за свою дочь — а это все-таки главная и чарующая черта сравнения [Saint-Beuve, 1857, pp. 292–293; Luniak, 1881, pp. 206–207; Georgii, 1891, S. 86–87; Heinze, 1903, S. 118. Anm. 1]. См. об этом: [Pöschl, 1964, S. 118; Vázquez, 1980, p. 85].

на первый план *радость* Дидоны, так как она погружена в дела города, а внешнюю привлекательность делает второстепенной⁸. Гомер отмечает красоту Навсикаи, подчеркивая ее рост и упоминая Артемиду, выделяющуюся на фоне красивых нимф; Вергилий, со своей стороны, указывает на то, что радость карфагенской царицы — в ее власти, подчеркивая лидерство Дианы, за которой следуют нимфы. По мнению Остина, аргументам Проба можно противопоставить следующие: во-первых, Вергилий уместно сравнивает царицу, погруженную в свое дело, и богиню, погруженную в свое веселье; во-вторых, Вергилий в меньшей степени, чем Гомер, заинтересован показать богиню как охотницу, поэтому ему достаточно простого упоминания ее колчана (а образ «багажа», о котором говорит Проб, абсурден); в-третьих, Проб неправильно понял «*pertemptant*»: по Остину, радость настигает («*assails*») Латону; он считает этот глагол очень сильным, предполагающим физическое возбуждение или шок; наконец, последний довод Проба, заключавшийся в том, что Вергилий «опустил цветок всего этого места», по мнению Остина, только для Проба и актуален [P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus, 1971, p. 167].

Мы, в свою очередь, попробуем сопоставить два пассажа и посмотреть, как реализуется сравнение из «Одиссеи» в «Энеиде». Вергилий, очевидно, понимая, что читатель, дойдя до сравнения Дидоны с Дианой, вспомнит пассаж из Гомера, подстроил его под свой контекст.

Что общего между Дианой и Дидоной? Во-первых, и та, и другая ведут шествие: нам кажется, что *exercet Diana choros* значит именно это и не имеет отношения к танцам и пению⁹; чтобы

⁸ Ср.: В. Пёшль считает, что и у Гомера, и у Вергилия акцент сделан на внешней красоте (а не на движении) («nicht die Bewegung, sondern die Schönheit») [Pöschl, 1964, S. 119].

⁹ В OLD s. v. *chorus* наше место приведено в разделе 1 ‘a performance of dancing with singing (in some cases one or other of the constituent parts predominates)’; в ряде изданий *exercet choros* переведено в таком же духе: напр., «leads her bands in the dance,’ or more simply, ‘leads the dance’ [Virgil, 1917. Ad loc.]; «guides her dancing bands» [Virgil’s Aeneid, 1919. Ad loc.]; «<...> Diana leads / Her bands of dancers» [The Aeneid of Virgil, 1951. Ad loc.]. Р. Д. Уильямс считает, что благодаря этому сравнению, мы видим Дидону не только невозмутимой царицей, но и наделенной «радостной красотой и живостью танцующей богини» [The Aeneid of Virgil, 1972, p. 199]. Но *chorus* может обозначать

сравнение подходило к Дидоне, Вергилию пришлось заменить охоту, которой увлечена Артемида у Гомера, на это шествие, см.: [Pöschl, 1964, S. 118–121]. Во-вторых, и за той, и за другой следует толпа, и неважно, что в случае с Дианой это Ореады, а у Дидоны — тирские principes. В-третьих, видно, что и Диана, и Дидона выдаются из своего окружения, что они главные; кроме того, обе радостные¹⁰. Наконец, едва ли не самое главное сходство в том, что

и шествие: например, Cic. Mur. 49 (Catilinam <...> stipatum choro iuventutis); параллельное нашему месту: Ov. Met. II, 441 (Ecce, suo comitata choro Dictynna per altum / Maenalon ingrediens et caede superba ferarum / adspicit hanc visamque vocat <...>); Fast. II, 156 (Callisto sacri pars fuit una chori [sc. Dianae]). Судя по всему, словом chorus могла обозначаться *любая* собранная вместе группа нимф: Ov. Fast. II, 590 (convocat hic [sc. Iuppiter] nymphas, Latium quaecumque tenebant, / et iacit in medio talia verba choro <...>).

¹⁰ Однако заметим, что, тогда как радость Дидоны объясняется увлеченностью государственными делами, про радость самой Дианы ничего не сказано, а говорится, что радость испытывает Латона. Почему так? По-видимому, Вергилий стремится сохранить гомеровскую пропорцию — *expressis verbis* говорится о радости только двух героинь из трех упомянутых: Гомер умалчивает о радости Навсикаи, вероятно, потому, что, как мы полагаем вслед за Остином (см. выше), она вторична, а главное здесь — красота девушки. Вергилий же эксплицитно сообщает нам о радости Латоны и Дидоны. Радость карфагенской царицы важна для контекста. Попутно отметим, что эпитет *laeta* применительно к Дидоне встречается еще два раза: *laetissima Dido* (I, 685); *laeta laborum* <...> *Dido* (XI, 73–74); несколько раз в контексте, связанном с Дидоной: <...> *quae te tam laeta tulerunt / saecula?* (I, 605–606; Эней спрашивает Дидону, в какие счастливые времена она родилась); *munera laetitiamque dii* (I, 636; в перечислении того, что Дидона посылает троянцам). *Laetus* и однокоренные слова встречаются в «Энеиде» 94 раза, в первой книге чаще всего (16 раз) (см. об этом: [Carlson, 1972, S. 75. Anm. 1]). Что касается Латоны, то здесь Вергилий сильно сближает свой текст с греческим образцом, что видно, кроме прочего, из педантичной передачи плеонастического у Гомера φρένα (см.: [Ebeling, 1880–1885, s. v., II, 2, a]) как *rectora*. Еще одним объяснением того, почему Вергилий не умалчивает о радости Латоны, может служить следующий довод: В. С. Дуров в частной беседе предложил видеть в нашем пассаже помимо явного сравнения (Дидона — Диана) еще и скрытое: Эней любит Дидоной так, как Латона любит Дианой. Таким образом, упоминание радости Латоны является композиционно важным. Видеть в ст. 502 отношение Энея предлагали также Г. Карлсон («In ihr [sc. Freude der Latona] kommt verhüllt die heimliche Bewunderung des noch unsichtbaren Zuschauers Aeneas zum Ausdruck» [Carlson, 1972, S. 78]) и Р. Д. Уильямс («<...> it [sc. this line] surely conveys the effect which Dido has upon those watching her, particularly Aeneas»; [The Aeneid of Virgil, 1972. Ad loc.]). В качестве дополнительного объяснения того, что радость самой Дианы не обозначена *expressis verbis*, можно привести следующее соображение: читатель «Энеиды» мог вспомнить гомеровское *τερπομένη* и мысленно перенести его на Диану.

обе заняты совсем не женским делом: Диана охотится¹¹, Дидона руководит городом¹².

Упрек Проба насчет *illa pharetram fert umero*, пожалуй, можно принять, так как упоминание этой детали в контексте сравнения действительно оказывается лишним, во-первых, потому, что у Дидоны нет ничего похожего на колчан, а во-вторых, — что более важно, — потому, что Диана не охотится.

Что касается *pertemptare*, то следует прояснить, что именно вызвало недовольство Проба. Этот глагол встречается в двух основных значениях: «*cum notione experiendi*» (идея испытывания, испробования) и «*cum notione penitus afficiendi*» (идея чувств, внутренних ощущений); причем второе, судя по словарной статье в *Thesaurus linguae Latinae* (TLL), засвидетельствовано значительно реже первого, и, что еще важнее, случаи, когда «*pertemptantur animantes*», впервые встречаются у Вергилия¹³. Таким образом, именно Вергилий ввел в литературу этот глагол в особенном значении; Проб же, очевидно, понимал наше *pertemptare* в привычном смысле, связанном с испытыванием¹⁴ (что давало «слабый» смысл и плохо сочеталось с контекстом), вследствие чего и упрекал автора поэмы. С другой стороны, возможно, Проб усматривал в нашем *pertemptat* идею внешнего сопротивления, которое встречает на

¹¹ Мы имеем в виду, что Диана вообще охотится, хотя в пределах нашего сравнения сцена охоты и не представлена.

¹² Это позволяет возразить Хорнсби, который акцентировал несоответствие между внешностью Дидоны и реальностью (он подчеркивал, что Дидона, в отличие от Дианы, не богиня и не девушка, а это указывает на несоответствие между ее внешностью и реальностью; по мнению Хорнсби, читатель, вспомнив про непорочность отношений Навсикаи и Одиссея, увидит намеренный иронический контраст между Навсикаей и Дидоной в сравнении с Артемидой—Дианой; цель этой иронии — показать читателю, что Дидона находится в ложном положении: ее внешность не отражает действительности, что в конечном счете и является причиной ее собственного разрушения [Hornsby, 1965, p. 338; 341–342]): здесь совершенно неважно, что она не непорочна и вовсе не божественного происхождения (Навсикая, между прочим, тоже не была богиней, однако это не привело ее к смерти), а важно то, что между Дианой и Дидоной прослеживается множество явных параллелей.

¹³ Впоследствии это значение подхватывается Стацием: «<...> *tacitis corda aspera flammis / Lemniadum pertemptat Amor*» (Theb. V, 446; лексически очень похоже на Aen. I, 502;) (TLL. Vol. X, 1. Col. 1777–1778).

¹⁴ Способствовать такому пониманию *pertemptat* могло значение бесприставочного *temptare* («пробовать», «испытывать»).

своем пути радость Латоны (то есть получается, что ее радость исходит не изнутри, а пытается проникнуть извне), и понимал его как «посягает». На такую мысль Проба могли навести другие случаи употребления *pertemptare* в «Энеиде», каковых два¹⁵: V, 828; VII, 355. В месте из седьмой книги змея, которую Аллекто бросила на Амагу, ползает по ее телу и мутит ей разум: *ac dum prima lues udo sublapsa veneno / pertemptat sensus atque ossibus implicat ignem* (стт. 354–355); о некотором препятствии здесь говорит *sublapsa* («тайком просачиваясь»¹⁶). *Aen.* V, 828 контекстуально очень похоже на наше место — тут тоже речь идет о радости: «*Nic patris Aeneae suspensam blanda vicissim / gaudia pertemptant mentem...*»¹⁷; на идею сопротивления указывает *suspensam* («колеблющийся»). Таким образом, в остальных пассажах видно значение преграды, в то время как в нашем его нет. Однако замечание Проба кажется нам педантичным: он, по-видимому, не учитывал, что здесь поэтический прием, вследствие чего и упрекал автора «Энеиды» в том, что для чувства, которое человек испытывает с охотой, глагол «*pertemptare*» не подходит.

Почему Вергилий опустил последние два стиха гомеровского сравнения (начиная с *ῥεῖλά τ' ἀριγνώτη πέλεται*), в общем-то, понятно: про Дидону так сказать было нельзя, ведь ее окружали не прекрасные девушки, а мужчины; к тому же Вергилий в своем сравнении не про красоту и говорит.

В обоих фрагментах упоминаются топонимы, причем Эврот, река в Спарте, где был известный храм Артемиды, территориально соотносится с упоминаемым у Гомера Таигетом, горным кряжем к западу от Спарты; географическое положение второго места Вергилий изменил, видимо, намеренно, чтобы показать ученость: гора Кинф, считающаяся местом рождения Аполлона и Артемиды, находится на Делосе, а гомеровский Эриманф — в Аркадии. Мы не

¹⁵ Один раз *pertemptare* встречается в «Георгиках» (III, 250: «*nonne vides ut tota tremor pertemptet equorum / corpora, si tantum notas odor attulit auras?*»), где в отличие от «Энеиды» речь идет о «*passio corporis*», а не об «*affectus*» (см.: TLL. Vol. X, 1. Col. 1778. Ll. 31 sqq.).

¹⁶ OLD, s. v. *sublabor*, 3.

¹⁷ Попутно отметим, что «*pertemptant gaudia mentem*» встречается в поздней эпической поэме «Иоанниада» Кориппа (I, 204), испытавшего на себе влияние Вергилия (TLL. Vol. X, 1. Col. 1778. Ll. 43–44).

будем подробно говорить здесь о степени влияния соответствующего места из «Аргонавтики» Аполлония Родосского (III, 876–886) на наш пассаж, но отметим их связь в области топонимики: хотя река Амнис находится на Крите, а река Парфений — в Пафлагонии, на севере Малой Азии, что совершенно не сочетается с местами, упомянутыми в «Энеиде», однако какая-то дополнительная отсылка к Аполлонию у Вергилия все-таки есть, ведь в нашем сравнении присутствует указание и на гору, и на реку, тогда как у Гомера — только на горы.

Итак, сопоставив сравнения Aen. I, 498–504 и Od. VI, 102–109 и отметив множество точек соприкосновения между Дидоной и Дианой, мы можем утверждать, что Вергилий уместно и органично вписал разбираемое сравнение в свой контекст. Очевидно, здесь нет нестыковки, вызванной механическим «приложением» гомеровского сравнения к неподходящему контексту, но есть творческая работа с греческим источником, которую читатель поэмы должен оценить.

ЛИТЕРАТУРА

1. Cairns F. Virgil's Augustan Epic. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1989. XI, 280 p.
2. Carlson G. Die Verwandlung der homerischen Gleichnisse in Vergils Äneis. Inaug.-Diss. Heidelberg, 1972. 193 p.
3. Coffey M. The Subject Matter of Vergil's Similes // Bulletin of the Institute of Classical Studies. 1961. Vol. 8. Pp. 63–75.
4. Evans E. C. Literary Portraiture in Ancient Epic: A Study of the Descriptions of Physical Appearance in Classical Epic // Harvard Studies in Classical Philology. 1948. Vol. 58/59. Pp. 189–217.
5. Ebeling H. Lexicon Homericum. Lipsiae, 1880–1885. Vol. II. (repr. 1987). 1184 S.
6. Georgii H. Die antike Äneiskritik aus den Scholien und anderen Quellen. Stuttgart: Kohlhammer, 1891. VIII, 570 p.
7. Hornsby R. A. The Vergilian Simile as Means of Judgment // The Classical Journal. 1965. Vol. 60. Pp. 337–344.
8. Hornsby R. A. Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes. Iowa City, University of Iowa Press, 1970. IX, 156 p.
9. Heinze R. Virgils epische Technik. Leipzig: Teubner, 1903. VIII, 487 S.

10. *Hügi M.* Vergils Aeneis und die hellenistische Dichtung. Bern; Stuttgart: P. Haupt, 1952. VII, 143 p.
11. *Knauer G. N.* Die Aeneis und Homer. Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis. (Hypomnemata. H. 7.) Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 549 p.
12. Laokoon: Lessing, Herder, Goethe: Selections / ed. with an intr. and a comm. by W. G. Howard. New York: H. Holt and Co., 1910. CLXVIII, 470 p.
13. *Luniak J.* De Homericis similitudinibus apud Vergilium / Saint Petersburg, Journal ministerstwa narodnago prosweschenia. 1881 (april). Pp. 206–207.
14. P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus / with a comm. by R. G. Austin. Oxford: Clarendon Press, 1971. XXI, 239 p.
15. Publius Virgilius Maro varietate lectionis et perpetua adnotatione illustratus. Christ. Gottl. Heyne, cur. Ge. Phil. Eberhard. Wagner. 4 ed. Vol. 2. Aeneidis libri I–VI. Lipsiae sumtibus librariae Hahnianae; Londini: Apvd Black, Yovng et Yovng, 1832. CLX, 698 p.
16. *Otis B.* Virgil, a Study in Civilized Poetry / foreword by W. W. Briggs Jr. Oxford: Clarendon Press, 1964. IX, 436 p.
17. *P. Virgilio Marone.* L'Eneide. Libro I / comm. di A. Salvatore. Precede un saggio di studio sulla lingua e lo stile di Virgilio. Napoli, 1947. LXXXIV, 79 p.
18. *P. Vergili Maronis.* Aeneidos Libri I–VI / rec. O. Ribbeck. Lipsiae: Teubner, 1860. Pp. 212–530.
19. *Pöschl V.* Die Dichtkunst Virgils: Bild und Symbol in der Äneis. 2., erweit. Aufl. Darmstadt, 1964. 301 p.
20. *Saint-Beuve C.-A.* Étude sur Virgile: suivie d'une étude sur Quintus de Smyrne. Paris: Garnier frères, 1857. 472 p.
21. *Schmit-Neuerburg T.* Vergils Aeneis und die antike Homerexegese: Untersuchungen zum Einfluß ethischer und kritischer Homerrezeption auf imitatio und aemulatio Vergils. Berlin; New York: W. de Gruyter, 1999. 381 p.
22. The Aeneid of Virgil, A verse translation by R. Humphries. London; New York: Charles Scribners' Sons, 1951. XIII, 381 p.
23. The Aeneid of Virgil. Books I–VI / ed. with introd. and notes by T. E. Page. London; New York: Macmillan, 1894 (repr. 1967). XXIV, 511 p.
24. The Aeneid of Virgil. Books 1–6, ed. with introd. and notes by R. D. Williams. New York: St Martin's Press, 1972. XXXV, 524 p.
25. *Vázquez J. G.* La imagen de la poesía de Virgilio. Granada: Universidad de Granada, 1980. 339 p.

26. *Virgil*. Aeneid, Book I, 1–510, by A. Carruthers, J. C. Robertson. Toronto: W. J. Gage & Co. 1917. 97 p.
27. *Virgil's Aeneid*. Books I–VI / with introd., notes, and vocab. by H. R. Fairclough and S. L. Brown. Chicago: Benj. H. Sanborn, 1919. LXI, 515 p.
28. *Vergils Gedichte / Erkl. von Th. Ladewig*. Zweites Bändchen: Aeneide Buch I–VI. Neunte Aufl. von C. Schaper. Berlin: Weidmann, 1881. VIII, 211 p.
29. *Williams R. D.* *Virgil and the «Odyssey» // Phoenix*. 1963. Vol. 17. Pp. 266–274.

REFERENCES

1. Cairns F. *Virgil's Augustan Epic*. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 1989. XI, 280 p.
2. Carlson G. *Die Verwandlung der homerischen Gleichnisse in Vergils Äneis*. Inaug.-Diss. Heidelberg, 1972. 193 p.
3. Coffey M. The Subject Matter of Vergil's Similes. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*. 1961. Vol. 8. Pp. 63–75.
4. Evans E.C. Literary Portraiture in Ancient Epic: A Study of the Descriptions of Physical Appearance in Classical Epic. *Harvard Studies in Classical Philology*. 1948. Vol. 58/59. Pp. 189–217.
5. Ebeling H. *Lexicon Homericum*. Lipsiae, 1880–1885. Vol. II. (repr. 1987). 1184 S.
6. Georgii H. *Die antike Äneiskritik aus den Scholien und anderen Quellen*. Stuttgart, Kohlhammer, 1891. VIII, 570 p.
7. Hornsby R.A. The Vergilian Simile as Means of Judgment. *The Classical Journal*. 1965. Vol. 60. Pp. 337–344.
8. Hornsby R.A. *Patterns of Action in the Aeneid: An Interpretation of Vergil's Epic Similes*. Iowa City, University of Iowa Press, 1970. IX, 156 p.
9. Heinze R. *Virgils epische Technik*. Leipzig, Teubner, 1903. VIII, 487 S.
10. Hügi M. *Vergils Aeneis und die hellenistische Dichtung*. Bern; Stuttgart, P. Haupt, 1952. VII, 143 p.
11. Knauer G.N. *Die Aeneis und Homer. Studien zur poetischen Technik Vergils mit Listen der Homerzitate in der Aeneis*. (Hypomnemata. H. 7.) Göttingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 1964. 549 p.
12. *Laokoon: Lessing, Herder, Goethe: Selections*, ed. with an intr. and a comm. by W.G. Howard. New York, H. Holt and Co., 1910. CLXVIII, 470 p.

13. Luniak J. De Homericis similitudinibus apud Vergilium. Saint Petersburg, Journal ministerstwa narodnago proweschenia. 1881 (april). Pp. 206–207.
14. *P. Vergili Maronis Aeneidos Liber Primus*, with a comm. by R. G. Austin. Oxford, Clarendon Press, 1971. XXI, 239 p.
15. Publius Virgilius Maro varietate lectionis et perpetua adnotatione illustratus. Christ. Gottl. Heyne, cur. Ge. Phil. Eberhard. Wagner. 4 ed. Vol. 2. Aeneidis libri I–VI. Lipsiae sumtibus librariae Hahnianae; Londini, Apvd Black, Yovng et Yovng, 1832. CLX, 698 p.
16. Otis B. *Virgil, a Study in Civilized Poetry*, foreword by W. W. Briggs Jr. Oxford, Clarendon Press, 1964. IX, 436 p.
17. P. Virgilio Marone. *L'Eneide. Libro I*, comm. di A. Salvatore. Precede un saggio di studio sulla lingua e lo stile di Virgilio. Napoli, 1947. LXXXIV, 79 p.
18. P. Vergili Maronis. *Aeneidos Libri I–VI*, rec. O. Ribbeck. Lipsiae, Teubner, 1860. Pp. 212–530.
19. Pöschl V. *Die Dichtkunst Virgils: Bild und Symbol in der Äneis*. 2., erweiter. Aufl. Darmstadt, 1964. 301 p.
20. Saint-Beuve C.-A. *Étude sur Virgile: suivie d'une étude sur Quintus de Smyrne*. Paris, Garnier frères, 1857. 472 p.
21. Schmit-Neuerburg T. *Vergils Aeneis und die antike Homerexegese: Untersuchungen zum Einfluß ethischer und kritischer Homerrezeption auf imitatio und aemulatio Vergils*. Berlin; New York, W. de Gruyter, 1999. 381 p.
22. *The Aeneid of Virgil*, A verse translation by R. Humphries. London; New York, Charles Scribners' Sons, 1951. XIII, 381 p.
23. *The Aeneid of Virgil*. Books I–VI, ed. with introd. and notes by T.E. Page. London; New York, Macmillan, 1894 (repr. 1967). XXIV, 511 p.
24. *The Aeneid of Virgil*. Books 1–6, ed. with Introd. and Notes by R.D. Williams. St Martin's Press, 1972. XXXV, 524 p.
25. Vázquez J.G. *La imagen de la poesía de Virgilio*. Granada, Universidad de Granada, 1980. 339 p.
26. Virgil. *Aeneid*, Book I, 1–510, by A. Carruthers, J.C. Robertson. Toronto, W.J. Gage & Co. 1917. 97 p.
27. Virgil's *Aeneid*. Books I–VI, with introd., notes, and vocab. by H.R. Fairclough and S.L. Brown. Chicago, Benj. H. Sanborn, 1919. LXI, 515 p.
28. *Vergils Gedichte*, Erkl. von Th. Ladewig. Zweites Bändchen: Aeneide Buch I–VI. Neunte Aufl. von C. Schaper. Berlin, Weidmann, 1881. VIII, 211 p.
29. Williams R.D. Virgil and the «Odyssey». *Phoenix*. 1963. Vol. 17. Pp. 266–274.

Котова Анастасия Викторовна

Аспирант кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Anastasiya Kotova

Doctoral student, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: anastakot@gmail.com

**АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ
В «ЖИТИИ СВЯТОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ»
ЯКОВА ВОРАГИНСКОГО**

Ключевые слова: античные мотивы; греческий роман; Яков Вороагинский; «Золотая легенда»; Мария Магдалина; житие.

Статья посвящена анализу античных мотивов в «Житии Марии Магдалины», которое входит в агиографический сборник «Золотая легенда», написанный Яковом Вороагинским в середине XIII в. Автор выявляет мотивы и элементы, пришедшие в «Житие» из греческого любовного романа I–III вв.: *мотив разлуки супружеской четы, мотив гонения, мотив путешествия* и связанный с ним *мотив морской бури, мотив мнимой смерти, мотив вешнего сна, сюжет о покинутых и вновь найденных детях* и др. В результате сравнительного анализа мотивов и элементов повествования автор приходит к выводу о том, что основой сюжетной схемы и композиции одной из частей «Жития» послужили каноны, по которым строился греческий любовный роман, и предпринимает попытку определить источник их появления у агиографа XIII в. Анализируя *сочетание мотивов путешествия по морю и мотива мнимой смерти героини в результате произошедших на корабле родов*, автор делает предположение о возможности заимствования этого эпизода у анонимного автора «Повести об Аполлонии Тирском».

I. V. NARUSEVICH

St. Petersburg State University

**THE ANCIENT MOTIFS
IN “THE HAGIOGRAPHY OF MARY MAGDALENE”
OF JACOBUS DE VORAGINE**

Keywords: ancient motifs; Greek novel; Jacobus de Voragine; “The Golden Legend”; “Legenda aurea”; Mary Magdalene; hagiography.

This article analyzes the ancient motifs in “The Hagiography of Mary Magdalene”, which is a part of a hagiographic collection “The Golden Legend”, written by Jacobus de Voragine in the middle of XIII century. The au-

thor of the article exposes the motifs and narrative elements that came into “The Hagiography” from the Greek novel of I–III century: *a motif of separation of a married couple, a motif of persecution, a motif of travel* and an associated with the latter *motif of a sea storm, a motif of a supposed death, a motif of a providential dream, a narrative of abandoned and again found children*, etc. The result of the comparative analysis of the motifs and narrative elements is the author’s conclusion that the plot scheme and the composition of one of the parts of “The Hagiography” are based on the canons, according to which the Greek love-story novel used to be written; the author also tries to identify the source they came from into the hagiographer’s work. Analyzing the combination of *the motif of a sea travel and the motif of a supposed death of a character that was giving birth to a child on the ship*, the author infers that this episode had possibly been borrowed from the anonymous author of the “The Tale of Apollonius of Tyre”.

«Житие святой Марии Магдалины» входит в состав «Золотой легенды» (*Legenda aurea*), написанной Яковом Ворагинским не ранее середины 50-х гг. XIII в. В юности он был монахом-доминиканцем, проповедовал по всей Италии, был назначен приором доминиканских монастырей в Ломбардии, а в последние годы жизни стал архиепископом Генуэзской республики.

Яков был переводчиком, писателем и агиографом. Его перу принадлежат толкования на творения блаженного Августина, сборник проповедей, «Генуэзская хроника», а также несохранившийся перевод Библии на итальянский язык. Самым значительным произведением Якова является написанная по-латински «*Legenda aurea*» (первоначальное название «*Legenda sanctorum*») — свод житий католических святых, расположенных по дням церковного календаря. Книга была рассчитана на широкие массы читателей. Необычайно популярная на протяжении всей эпохи Возрождения в странах Западной Европы, она может быть сопоставлена только с Библией и рыцарскими романами. Уже при жизни Якова появились переводы «Золотой легенды» на другие языки. Из почти 700 рукописей, дошедших до нас, 100 датируются XIII в. По выражению Шерри Римз, для читателя Средних веков эта книга стала едва ли не «культурным институтом» и «*a medieval bestseller*» [Reames, 1985, p. 3].

Жития Якова Ворагинского обычно предваряются этимологическим анализом имени святого. Поскольку Яков, как и большин-

ство авторов эпохи, не знал иврита и древнегреческого языка, его этимологии зачастую носят фантастический характер. Например, имя Мария этимологизируется как *ama gum mare* («горькое море»)¹.

Довольно обширное «Житие святой Марии Магдалины» носит компилятивный характер и структурно распадается на несколько частей.

Яков начинает «Житие» в полном соответствии с канонами жанра: «Мария Магдалина, прозванная так по городу Магдала, была очень знатного рода, который восходит к царскому. Отца ее звали Сиром, а мать Евхарией». Подчеркивая размеры богатства, которым владела семья Магдалины, Яков допускает явный анахронизм: «Со своим братом Лазарем и сестрой Марфой она владела городом Магдалой, <...> Вифанией, <...> и большей частью Иерусалима». *Мотив благородного происхождения святого, как и мотив богатства, довольно рано входит в житийный канон и ко времени создания «Золотой легенды» становится шаблоном. «Это житийное данное не должно признаваться безусловно верным, ибо это значило бы, что святые могли являться только в богатой среде. В действительности же здесь заметна некоторая подтасовка фактов, чтобы исполнением Христовой заповеди можно было возвысить святого» [Лопарев, 1914, с. 23–24].*

В этой части «Жития» Яков определяет свою позицию в теологических спорах, длившихся на протяжении нескольких веков относительно Марии Магдалины. Уже в первые века христианства Марию Магдалину, упоминания о которой есть во всех четырех Евангелиях (Мф. 27:55–56; 27:61; 28:1–8; Мк. 15:40–41; 15:47; 16:9; Лк. 8:2; 24:4; Ио. 19:25; 20:1–2; 20:15–16), отождествляли с Марией — сестрой Марфы и Лазаря, с женщиной, которая умастила Христа в доме Симона Прокаженного в Вифании, и с грешницей, умастившей ноги Иисуса в доме Симона Фарисея в Галилее. Ко времени Якова представление о Марии Магдалине как о грешнице прочно вошло в народное сознание: «...насколько она выделялась богатством и красотой, настолько предала свое тело наслаждению, а потому утратила собственное имя и стала называться грешни-

¹ Перевод текста осуществлен автором настоящей статьи по изданию Т. Грессе: [Jacobi a Voragine, 1890, S. 407–417].

цей» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 408]. (Отметим *мотив красоты святой*.)

Вторая часть «Жития» представляет собой сюжетное повествование, которое автор ведет от года, «когда иудеи убили Стефана и изгнали остальных учеников из пределов Иудеи». Апостол Петр «препоручил» Марию Магдалину блаженному Максимино. Вместе с Марфой, Лазарем и блаженным Кедонием язычники сажают Магдалину на корабль и без кормчего отправляют христиан в море. По божественной воле все благополучно прибывают в Массилию.

Проповедуя Христа, Мария Магдалина отговаривает правителя страны и его супругу от жертвоприношения «идолам», которое бездетная чета хотела совершить «ради обретения потомства». Прося помочь терпящим нужду христианам, Магдалина два раза является во сне жене правителя. В третий раз она является во сне им обоим со словами: «Неужели ты спишь, тиран, отпрыск отца твоего сатаны, со змеей супругой своей, которая не захотела передать тебе мои слова?! Неужели ты, враг креста Христова, пребываешь в покое, наполнив ненасытное чрево свое разными яствами, и допускаешь, что святые Божьи гибнут от голода и жажды?!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410]. Устрашенные угрозами навлечь на них гнев всемогущего бога, супруги оказали помощь христианам. Чета просит Марию Магдалину вымолить им сына у ее бога. По молитве Магдалины матрона забеременела, но правитель решил отправиться в Рим к апостолу Петру, «чтобы проверить, есть ли истина в том, что Магдалина проповедовала о Христе». Беременная матрона отправляется вместе с мужем. Их корабль настигает буря. В невыносимых условиях матрона разрешается от бремени сыном и умирает. Моряки хотят бросить ее тело в море, но Перегрину (так с этого момента Яков будет называть своего героя) с трудом, «с помощью денег и молитв» удается уговорить их причалить к пустынному острову. Земля там оказалась столь твердой, что Перегрин не смог выкопать для жены могилу и оставил ее вместе с новорожденным сыном в «укромном месте». Со слезами он обращается к Марии Магдалине, вверяет своего сына ей и Богу, сам же возвращается на корабль и прибывает в Рим. Совершив с апостолом Петром путешествие по святым местам и наставленный им в вере, через два года Перегрин возвращается домой.

«По воле Господа» корабль подходит к острову, где им были оставлены жена и ребенок. Там он находит «хорошенького малыша», который сосет грудь матери, и пребывающую в летаргическом сне супругу. После обращения к Магдалине и молитвы Перегрин матрона «обрела дыхание, как будто пробудившись ото сна». Она рассказывает мужу, как в течение двух лет незримо путешествовала вместе с ним и Петром по святым местам, а святая была ее «предводительницей и спутницей». Счастливые супруги возвращаются в Массилию, где встречают Марию Магдалину и принимают крещение от блаженного Максимиана. Разрушив в Массилии все языческие храмы, они строят Христовы церкви и выбирают Лазаря епископом, впоследствии в городе Аквенсе обращают народ в веру Христову.

При составлении «Жития» именно эту часть («История Перегрин») Яков наиболее сильно подверг авторской обработке, представив читателю не историю Марии Магдалины, а историю обретения веры Перегрином.

Герой долго идет к истинной вере. Сначала смелая проповедница Магдалина смогла удержать Перегрин от языческих жертвоприношений, но ее яростная проповедь в «тишине ночи» только испугала правителя и его жену. Супруги готовы поверить словам Марии, если она вымолит им сына у Бога, которого проповедует. Но и после того, как по молитвам Марии Магдалины жена правителя забеременела, он нуждается в доказательствах, для получения чего отправляется в Рим. Яков драматизирует повествование: беременная матрона вопреки уговорам мужа остаться дома и не подвергать себя опасности «по своему женскому нраву стала настаивать на противном» и отправилась вместе с ним в опасное морское путешествие. Роды на корабле во время бури и последовавший затем летаргический сон матроны становятся кульминацией в «Истории Перегрин». Меняется язык автора: появляются диминутивы (*puerulus, parvulus, mammillae*), которые Яков не использует в других частях «Жития». Полный отчаяния, Перегрин оставляет жену и ребенка на безлюдном скалистом острове. С упреком обращается он к Марии Магдалине: «Зачем я, несчастный, по твоему увещанию выбрал этот путь?» Он еще не верит в Христа, он лишь хочет уверовать: «...все, что у меня есть, я вверил тебе и богу твоему вве-

ряю... пусть по твоей молитве он сжалится, чтобы дитя не погибло» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Развязка наступает с возвращением к жизни жены Перегринна, после того как он находит ее с сыном на острове и обращается с молитвой к Христу: «Я знаю истинно, знаю и верю без сомнения, что ты, который дал сына и питал его на этом острове, сможешь, если захочешь, вернуть жизнь его матери!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412].

Для «Истории Перегринна» характерны оценочные авторские суждения. Говоря о смелости и красоте речей Марии Магдалины, Яков замечает: «Не удивительно, что уста, запечатлевшие столь благочестивые и столь прекрасные поцелуи на ногах Спасителя, и для других щедро источали благоухание слова Божьего!» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 409]. В момент наивысшего напряжения автор скорбит вместе с Перегринном: «О горе! Ребенок родился живым и стал матереубийцей, но и ему суждено погибнуть, ибо не стало той, которая вскормила бы его! Что было делать Перегрину, когда он увидел мертвую жену и жалобно плачущего ребенка, который искал материнскую грудь?» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Для этой части характерны также оценочные эпитеты, авторские сравнения и метафоры, отсутствующие в других частях «Жития». Спящим супругам разгневанная Магдалина предстает «с огненным взором, как если бы весь дом был объят пламенем» (*vultu igneo ac si tota domus arderet*) [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410]. Супруга Перегринна, измученная жестокой качкой (*saeva inundatione fluctuum*), родила сына «в тисках родовых мук и невыносимых условиях» (*inter angustias ventris et pressuras temporis*) [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Подобного рода стилистические приемы важны как показатели авторского замысла, как доказательство того, что «Историю Перегринна» Яков подвергает литературной обработке.

В этой части «Жития» имя Марии Магдалины часто упоминается как в авторской речи, так и в речи героев. Однако в тексте нет никаких подтверждений тому, что Перегрину помогает именно Магдалина — раскаявшаяся грешница, сестра Марфы и Лазаря, спутница Христа. Если мы заменим ее имя именем другой святой, то смысл повествования не изменится ни на йоту. Если же убрать из текста немногочисленные христианские реалии и упоминания о Христе, то остается типичный для греческого любовного романа

сюжет о разлуке, приключениях и радостной встрече после пережитых испытаний супружеской пары.

Греческий любовный роман — поздний жанр художественной литературы, возникновение которого связывают с I в. до н. э., а его расцвет приурочивают к I–III вв. н. э. До нас дошло пять произведений этого жанра: «Повесть о Херее и Каллирое» Харитона, «Повесть о Габрокоме и Антии» Ксенофонта Эфесского, «Левкиппа и Клитопонт» Ахилла Татия, «Дафнис и Хлоя» Лонга, «Эфиопика» Гелиодора. Кроме того, сохранился латинский перевод романа «Повесть об Аполлонии Тирском» (греческий оригинал утрачен). Романы «Вавилоника» Ямвлиха и «Удивительные приключения по ту сторону Туле» Антония Диогена известны лишь по пересказу патриарха Фотия.

В первой части «Жития святой Марии Магдалины» и особенно в «Истории Перегринна» привлекает внимание множество античных мотивов и элементов, пришедших из греческого романа.

К их числу можно отнести сочетание *мотивов благородного происхождения, мотива богатства и мотива красоты святой*. Магдалина Якова Ворагинского знатна, богата и красива, как героиня сказки или греческого романа. Так, Каллироя Харитона, дочь знаменитого сиракузского стратега Гермократа, отличается неземной красотой. Необыкновенно красива Антия Ксенофонта Эфесского, дочь знатных эфесских граждан. Дочь византийского стратега Сострата Левкиппа из романа Ахилла Татия поражает всех своей красотой. Сказочно красива царевна Архистратида, жена Аполлония Тирского.

Прежде всего к числу античных мотивов, пришедших в «Житие» из греческого романа, следует отнести *мотив разлуки супружеской четы*. Чаще всего в романе разлучаются влюбленные, но разлука может выпасть и на долю супружеских пар. Разлучаются безумно влюбленные друг в друга супруги Херей и Каллироя [I, 31–35]. Довольно скоро после свадьбы разлучают молодоженов Габрокома и Антию [II, 9]. Во время морского путешествия Аполлоний теряет нежно любимую жену Архистратиду [25].

В рамках «Жития» не совсем понятно упорное стремление Перегринна приехать в Рим. Молитвами Магдалины матрона забеременела, что могло бы послужить достаточным основанием для

автора, чтобы привести героя к вере. Однако Перегрин отправляется в Рим. После смерти жены он оставляет новорожденного сына на пустынном острове, чтобы продолжить свой путь. Так и герои романа должны были непременно уехать из дома: бегут от родителей влюбленные Левкиппа и Клитофонт [II, 30–31]; вместе с женой отправляется в Антиохию Аполлоний, чтобы вступить на престол [24–25]. *Мотив гонения* традиционен для романа. Родители Антии и Габрокома получили предсказание Аполлона, что их дети должны претерпеть множество страданий вдали от дома, «и после всех испытаний удел им положен счастливый» [I, 6], [Ксенофонт Эфесский, 1956]. Поживив молодых людей, родители сами отправляют их в путешествие, желая, чтобы предначертанное произошло как можно скорее [I, 10]. Перегрин продолжает свой путь, как герой романа, гонимый Тихой, Эротом или Афродитой.

Ни один греческий роман не обходится без описания опасного морского путешествия. Терпит крушение корабль, на который была посажена Антия [II, 11], на третьи сутки плавания разразившаяся буря потопила корабль Левкиппы и Клитофонта [III, 1–4]. Счастливо спасается после кораблекрушения Дафнис [I, 30]. В состав сюжетных приемов «Истории Перегрини» *мотив* путешествия по морю и связанный с ним *мотив морской бури* приходит из романа.

Примечательно то, что в столь опасные морские путешествия в романе иногда отправляются *беременные героини*. Каллироя была беременна, когда разбойники вызволили ее из гробницы и увезли с собой на корабле: «Каллироя незадолго до приключившегося с нею обморока понесла» [II, 56], [Харитон, 1994]. Аполлоний узнает о смерти царя Антиоха и отплывает в Антиохию, взяв с собой беременную жену Архистратиду. Во время плавания она рождает дочь Тарсию и впадает в состояние, подобное смерти. Аполлоний оплакивает супругу, затем в закрытом гробу ее бросают в море [25–26]. (Отметим совпадение *сочетания нескольких мотивов* у Якова Ворогинского и анонимного автора «Повести об Аполлонии Тирском».)

Как и Архистратиды, жена Перегрини впадает в летаргический сон. *Мотив мнимой смерти* — это тоже типичный мотив греческого романа. После удара мужа впадает в летаргический сон Каллироя [I, 27]. Желая покончить с собой, чтобы избежать второго

брака, Антия просит у врача смертельный яд, который оказывается сильным снотворным. Приняв снадобье, она падает как мертвая. Антию считают умершей и хоронят в склепе [III, 5–7]. Как и Каллироя, Антия приходит в себя, когда в гробницу вторгаются разбойники, чтобы похитить драгоценности [III, 8]. Клитофонт становится очевидцем казни Левкиппы (оказавшейся впоследствии инсценировкой) и считает ее мертвой [III, 15].

Потеряв жену, Перегрин покидает сына, о чьем рождении был готов молить любых богов, на острове и продолжает свой путь. При этом он поручает долгожданного ребенка заботам Марии Магдалины и богу, в которого сам не верит! Обращаясь к Магдалине, он говорит: «...все, что у меня есть, я вверил тебе и богу *твоему* вверяю...».

Поступок Перегринна можно объяснить, если принять во внимание, что перед нами разворачивается сюжетная схема греческого романа. *Сюжет о покинутых и вновь найденных детях* традиционно связан как с романом, так и с комедией. В «Эфиопике» Гелиодора дочь эфиопского царя Хариклея была брошена матерью. Этому обстоятельству есть объяснение: царица Персинна боялась навлечь на себя ревность мужа, потому что девочка родилась белой среди чернокожих эфиопов [X, 327–329]. Зачастую в греческом романе родители покидают детей и без достаточно веских для того оснований. Отец Дафниса Дионисофан, «был <...> богат, как многие и благороден душой, как никто» [IV, 13], [Лонг, 1964], но после рождения четвертого ребенка (Дафниса) подумал, что ему «довольно уже детей», и бросил его [IV, 24].

Покидая ребенка, герои романа посвящают его заботам богов. Отец Хлои оставляет ребенка «в пещере нимф, богиням его поручив» [IV, 34]. Покидая сына, Перегрин прежде всего Марии Магдалине вверяет жизнь ребенка. По ее молитвам матрона забеременела и благодаря ей благополучно разрешилась от бремени. Придя в себя после летаргического сна, матрона прославляет Магдалину: «...преславна ты, которая в тяжелое время моих родов исполнила обязанности повитухи...» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412]. В образе Марии Магдалины проступают *черты Артемиды*: в «Истории Перегринна» христианская святая выполняет функции Артемиды Илифии, древней покровительницы родов.

В греческом романе среди богинь античного пантеона Артемида занимает особое место: именно она чаще всего помогает героям. При храме Дианы (Артемиды) остается жить Архистратида после того как врачи вернули ее к жизни [26–27]. Габроком и Антия знакомятся на празднике Артемиды, причем Антия предстает перед читателями как ее жрица [1, 2]. В храме Артемиды взывает к богине отец Левкиппы Сострат, думая, что его дочь умерла: «Для этого ли, о владычица, ты меня сюда привела? Неужели таков смысл моего сновидения? А я-то поверил твоему прорицанию и надеялся найти у тебя мою дочь! Прекрасный дар преподнесла ты мне! Ты послала мне убийцу моей дочери!» [VII, 14], [Ахилл Татий, 2001]. С подобной молитвой, наполненной жалобами и упреками, обращается Перегрин к Магдалине, когда оставляет на острове жену и ребенка: «О Мария Магдалина! Для исполнения всех моих страданий приплыла ты к берегам Массилии! Зачем я, несчастный, по твоему увещанию выбрал этот путь? Не ты ли вымолила у бога, чтобы жена моя забеременела? Вот она забеременела и умерла в родах, и ребенок родился, чтобы умереть, ибо не стало той, которая вскормила бы его! Вот что я получил по твоей молитве, а ведь я все препоручил тебе...» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 411]. Отметим общие для обеих молитв мотивы: мнимая смерть ребенка, «напрасное» прибытие издалека, «обманутые» (то есть исполнившиеся впоследствии, надежды). Греческий роман изобилует молитвами героев, которые они произносят в минуты опасности, их *горестными сетованиями*, исполненными зачастую в *искусственной риторической манере*. Так Аполлоний обращается к Нептуну: «О Нептун, владыка моря, вероломно обманывающий невинных, не для того ли ты спас меня от гибели, чтобы жестокому Антиоху легче было преследовать сирого и нищего? Куда мне идти? Куда направиться? Кто окажет помощь незнакомому пришельцу?» [12], [История Аполлония, царя Тирского, 1961, с. 339]. При сравнении становится ясно, что все три молитвы носят риторический характер, построены по стандарту риторического стиля с использованием *обращения, восклицания, риторического вопроса и противопоставления*. А. Н. Егунов иронизирует над речами героев «Эфиопики», наполненными «несвежими ухищрениями старческой софистики. Их монологи — сплошные lamentации — сетования, жалобы на

свою судьбу (в этом романист уловил национально греческую черту, различимую и у Гомера и в трагедии: «жизнерадостные» греки любили сетовать), они мало говорят друг с другом о чем-нибудь ином» [Гелиодор, 1965, с. 22]. Архистратида уговаривает мужа взять ее в опасное плавание: «Отправимся оба: где бы ты ни был, на суше ли, на море ли, жизнь или смерть да будет нашим общим делом!» [24]. Отголоски подобных бесед слышны в словах жены Перегринна: «Неужели, господин, ты думаешь уехать без меня? Не бывать этому! Если ты откажешься, то и я откажусь; если ты поедешь, то и я поеду; если ты не будешь беспокоиться, то и я буду спокойна» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 410].

В «Истории Перегринна» Мария Магдалина трижды является героям во сне, обращается к ним с просьбами и угрозами. Включение в повествование *мотива пророчеств, вещей снов* типично для греческого романа. Артемида явилась отцу Левкиппы во сне: «Такой сон означал, что Сострат найдет в Эфесе свою дочь» [VII, 12]. Накануне суда Каллирое снится Херей, и служанка истолковывает сон как вещей [V, 110] После вещего сна Аполлоний едет в Эфес, где счастливо воссоединяется с женой [48]. Во сне нимфы обещают Дафнису божественное покровительство [II, 23]. Пан, наведя среди дня глубокий сон на предводителя моряков Бриаксиса, грозит потопить корабль и отдать их «в пищу рыбам», если они не отпустят захваченную в плен Хлою [II, 26–27].

В «Истории Перегринна» роль *разбойников и пиратов*, без которых не обходится ни один греческий роман, выполняют жестокие моряки. Они собирались выбросить «на растерзание морским тварям» матрону, которая, быть может, не умерла, а только «впала от боли в беспамятство», как говорит Перегрин. (Между тем героини романов не делают подобных предположений, они всегда верят в то, что происходит на их глазах.) Как корыстолюбивые пираты, моряки только за деньги помогают Перегрину и высаживают его на острове.

Весьма распространенный в романе *мотив путешествия по дальним странам* (например, у Гелиодора и Ахилла Татия) представлен у Якова как странствие Перегринна с Петром по святым местам и «виртуальное» странствие матроны. Она пробуждается от летаргического сна со словами: «Воистину я жива и только что вернулась из странствия, из которого и ты прибыл. Как тебя бла-

женный Петр привел в Иерусалим и показал все места, где Христос страдал, умер и был погребен, так и я вместе с блаженной Марией Магдалиной, моей предводительницей и спутницей, была вместе с вами и запомнила увиденное» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 412].

У Якова Ворагинского путь обретения веры героем показан через форму романа. Начало «Истории Перегрин», построенное в духе греческих романов, продолжение его истории, выдержанное по канонам этого жанра, обусловили и характерное для романа завершение: отправившись в плавание и разлучившись с супругой, Перегрин, как герой греческого романа, покидает ребенка, но по прошествии характерных испытаний счастливо воссоединяется с женой и сыном.

Поскольку Яков Ворагинский не мог читать романов на греческом языке, возникает вопрос, откуда он мог заимствовать их сюжет и композицию.

Автор «Золотой легенды» называет свои источники, часто прибегает к цитированию. Прежде всего это Евангелия (в том числе и апокрифические, например, Евангелие от Никодима), Послания апостола Павла, Деяния апостолов и книги Ветхого Завета (книга Псалмов, книга Исаяи). Яков ссылается на сочинения блаженного Августина, Григория Великого, блаженного Иеронима, Иоанна Хризостома, святого Амброзия. В числе цитируемых авторов Иосиф Флавий, святой Августин, святой Бернард, святой Афанасий. Вопрос об источниках Якова поднимался исследователями [Boureau, 1984, pp. 75–108]. «Золотая легенда» была не первым и не единственным сборником житий святых. В конце 20-х гг. XIII в. доминиканским монахом Жаном де Мейи был составлен сборник «*Abbreviatio in gestis et miraculis sanctorum*», послуживший источником как для Якова Ворагинского, так и для его современника, тоже доминиканца, Варфоломея Трентского, написавшего в середине 40-х гг. «*Epilogus in gesta sanctorum*». Яков черпал из обоих источников [Reames, 1985, p. 164 sqq.]. Однако вопрос о влиянии греческого романа на Якова Ворагинского не привлекал особого внимания исследователей.

Ко времени Якова был довольно популярен греческий раннехристианский роман «Климентины». Роман содержит биографические сведения о жизни Климента, епископа Римского, которому

приписывается авторство романа, а также рассказы о расставании, злключениях и встрече супругов (или детей и родителей). Сохранились две версии романа: «Homiliae» («Гомилии») на греческом языке и «Recognitiones» («Узнавания», или «Встречи») на латинском языке. Переводы «Климентин» на другие языки появились довольно рано: дошедший до нас латинский перевод «Recognitiones» был выполнен в V в. Руфином Аквилейским. Эта книга с посвящением епископу Гаудеамусу имела широкое хождение на Западе, что подтверждается почти сотней сохранившихся рукописей. В романе рассказывается, как мать Климента Маттидия бежит из дома, к чему привели домогательства со стороны брата ее мужа. Чтобы избежать позора, она придумывает вещий сон, согласно которому муж должен отправить ее с двумя сыновьями в Афины. Взяв с собой братьев-близнецов, она уезжает, а младший сын Климент остается дома. Апостол Петр становится его духовным наставником [Recognitiones VII, 8–9], [Die Pseudoklementinen II. Recognitionen, 1965]. Муж Маттидии уезжает на поиски детей и супруги. Во время кораблекрушения она теряет сыновей [VII, 12–21]. Апостол Петр, прибыв на отдаленный остров, встречает там женщину, и рассказ о ее злключениях приводит его к выводу, что перед ним мать Климента. Следует встреча матери и сына, а затем счастливое воссоединение с потерянными во время кораблекрушения близнецами [VII, 30]. Петр крестит Маттидию погружением в море, свидетелем чему становится пожилой господин, который не верит, что подобные обряды помогут человеку избежать судьбы [VIII, 1–2]. По его словам, много лет назад, чтобы скрыть любовную связь, жена под предлогом предостережения свыше уехала с сыновьями-близнецами, и все они погибли при кораблекрушении [IX, 32–37]. Происходит сцена узнавания, и семья воссоединяется. Зависимость сюжета «Климентин» от греческого романа давно отмечена исследователями. Б. Перри усматривает в тексте «Климентин» следы небрежной адаптации какого-то утерянного романа, а также предполагает, что в основе сюжета лежит какая-либо несохранившаяся комедия ошибок и узнаваний, где одного близнеца принимали за другого [Perry, 1967, p. 289].

Очень популярен в странах Западной Европы был переводной роман анонимного автора «Повесть об Аполлонии Тирском». На

протяжении всего Средневековья и эпохи Возрождения латинская версия романа была одной из любимых книг для народного чтения. До нас дошло более 60 рукописных версий романа. «Повесть об Аполлонии Тирском» довольно рано была переведена на другие языки, а также вызвала большое количество подражаний, в том числе и стихотворных [Smyth, 1898, pp. 23–60]. В пользу версии о влиянии «Повести» на Якова Ворагинского приведем отмеченное совпадение сочетания мотивов в обоих текстах. Беременные героини романов отправляются в опасные морские путешествия, рожают детей и впадают в летаргический сон, но только в «Повести об Аполлонии Тирском» все эти события происходят на корабле (*сочетание мотива путешествия по морю и мотива мнимой смерти в результате случившихся на корабле родов*). Повторение сочетания указанных мотивов в «Золотой легенде» может послужить доводом в пользу того, что Яков заимствовал этот эпизод у анонимного автора «Повести».

Яков заканчивает «Историю Перегринна» счастливой развязкой и возвращается к Марии Магдалине, чтобы рассказать о ее аскезе и отшельничестве в пустыне. Третья часть «Жития» («Отшельничество Марии Магдалины») по объему почти в два раза меньше «Истории Перегринна». Эти части «Жития» связаны между собой только именем святой. В «Отшельничестве Марии Магдалины» отсутствуют даже намеки на события «Истории Перегринна», равным образом как и выделенные античные мотивы, на которых она была построена. Подобное обстоятельство связано с тем, что источниками для третьей части «Жития» послужили тексты иного жанра. В качестве источников «Отшельничества Марии Магдалины» Яков заявляет «какой-то трактат» Иосифа Флавия и «книги самого блаженного Максимиана». Неизвестно, о каких произведениях идет речь, но подобный метод адаптации агиографических сюжетов хорошо известен. Он широко применялся как в византийской, так и в латинской и в русской агиографии. С. С. Аверинцев считает, что некоторые мотивы приходят в западные предания об аскезе Марии Магдалины из жития Марии Египетской [Аверинцев, 1998, с. 348]. После «Отшельничества Марии Магдалины» следует заключительная часть «Жития», которая сюжетно не связана с предыдущими частями. Она представляет собой восемь вполне закончен-

ных рассказов. В соответствии с житийным каноном Яков заключает «Житие святой Марии Магдалины» рассказами об обретении мощей святой и о творимых ею посмертных чудесах. Среди них привлекает внимание рассказ о беременной женщине, корабль которой потерпел крушение. Женщина дает обет Марии Магдалине, что «если ее заслугами спасется и родит сына, то отдаст его в монастырь» [Jacobi a Voragine, 1890, S. 417]. Святая выводит женщину невредимой на берег, а та честно исполняет обет. Очевидно, что перед нами вариант *сочетания мотивов*, использовавшийся Яковом в «Истории Перегринна».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С. С.* Мария Магдалина // Мифология. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 348.
2. *Ахилл Татий.* Левкиппа и Клитофонт / пер. и примеч. В. Чемберджи // Античный роман. М.: Художественная литература, 2001. С. 5–166.
3. *Гелиодор.* Эфиопика / ред. перевода, вступ. статья и комм. А. Егунова. М.: Художественная литература, 1965. 373 с.
4. История Аполлония, царя Тирского / пер. И. Феленковской // Поздняя греческая проза / под ред. М. Е. Грабарь-Пассек. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1961. С. 339–373.
5. *Ксенофонт Эфесский.* Повесть о Габрокоме и Антии / пер. С. Поляковой и И. Феленковской. М., 1956.
6. *Лонг.* Дафнис и Хлоя / пер. С. Кондратьева. М.: Художественная литература, 1964. 180 с.
7. *Лопарев Х. М.* Греческие жития святых VIII и IX в. Петроград, 1914. 568 с.
8. *Харитон.* Повесть о Херее и Каллирое / пер., предисл. и комм. С. В. Поляковой. М.: ИНАПРЕСС, 1994. 192 с.
9. *Boureaux A.* La légende dorée: La système narratif de Jacque de Voragine. Paris: Cerf, 1984. 288 p.
10. Die Pseudoklementinen II. Recognitionen, ed. B. Rehm und F. Paschke. Die griechischen christlichen Schriftsteller 51. Berlin: Akademie Verlag, 1965. CXI, 387 p.
11. *Jacobi a Voragine.* Legenda aurea, recensuit dr. Th. Graesse. Ed. 3. Vratislaviae, 1890. Caput XCVI: De sancta Maria Magdalena. 280 s.

12. *Perry B. E.* The Ancient Romances: A Literary-Historical Account of their Origins. Berkley, Los Angeles: University of California Press, 1967. XII, 407 p.
13. *Reames Sherry L.* The Legenda aurea: A Reexamination of its Paradoxical History. Madison: University of Wisconsin Press, 1985. VIII, 321 p.
14. *Smyth A.* Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre. Philadelphia: MacCalla & Co., 1898. 112 p.

REFERENCES

1. Averintsev S.S. *Mariia Magdalena* [Maria Magdalena]. Mifologiiia [Mythology]. Moscow, Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia, 1998. S. 348.
2. Akhill Tatii. *Levkippa i Klitofont* [The Adventures of Leucippe and Clitophon], per. i primech. V. Chemberdzhi. Antichnyi roman [transl. and annotated by V. Chemberdzhi. The Ancient Novel]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 2001. S. 5–166.
3. Geliodor. *Efiopika* [Aethiopica], red. perevoda, vstup. stat'ia i komm. A. Egunova [translation ed., introductory chapter and commentary by A. Egunov]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1965. 373 s.
4. *Istoriia Apolloniia, tsaria Tirskogo* [The Story of Apollonius, King of Tyre], per. I. Felenkovskoi. Pozdniaia grecheskaia proza, pod red. M. E. Grabar'-Passek [transl. by I. Felenkovskaya, Late Greek Prose, ed. by M.E. Grabar-Passek]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1961. S. 339–373.
5. Ksenofont Efesskii. *Povest' o Gabrokome i Antii*, per. S. Poliakovoi i I. Felenkovskoi [The Tale of Anthia and Habrocomes, transl. by S. Polyakova and I. Felenkovskaya]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1956. 81 s.
6. Long. *Dafnis i Khloia* [Daphnis and Chloe], per. S. Kondrat'eva [transl. by S. Kondratiev]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1964. 180 s.
7. Loparev Kh.M. *Grecheskie zhitiia sviatykh VIII i IX v.* [Greek Hagiography of the 8th and the 9th Centuries]. Petrograd, 1914. 568 s.
8. Khariton. *Povest' o Kheree i Kalliroe* [The Tale of Chaereas and Callirhoe], per., predisl. i komm. S.V. Poliakovoi [transl., foreword and commentary by S.V. Polyakova]. Moscow, INAPRESS Publ., 1994. 192 s.
9. Boureau A. *La legende doree: La systeme narratif de Jacque de Voragine*. Paris, Cerf, 1984. 288 p.
10. *Die Pseudoklementinen II.* Recognitionen, ed. B. Rehm und F. Paschke. Die griechischen christlichen Schriftsteller 51. Berlin, Akademie Verlag, 1965. CXI, 387 p.
11. Jacobi a Voragine. *Legenda aurea*, recensuit dr. Th. Graesse. Ed. 3. Vratislaviae, 1890. Caput XCVI: De sancta Maria Magdalena. 280 s.

12. Perry B.E. *The Ancient Romances: A Literary-Historical Account of their Origins*. Berkley, Los Angeles, University of California Press, 1967. XII, 407 p.
 13. Reames Sherry L. *The Legenda aurea: A Reexamination of its Paradoxical History*. Madison, University of Wisconsin Press, 1985. VIII, 321 p.
 14. Smyth A. *Shakespeare's Pericles and Apollonius of Tyre*. Philadelphia, MacCalla & Co., 1898. 112 p.
-

Нарусевич Ирина Владимировна

Старший преподаватель кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Irina Narusevich

Senior Lecturer, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: irinanarus@mail.ru

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ, ОПРЕДЕЛИВШИХ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОБЛИК ЛАТИНСКОГО СЛОВА *BARBA*

Ключевые слова: относительная хронология, латинский язык, историческая фонетика, придыхательные согласные, лат. *barba*, итальяйские языки.

В статье на примере описания последовательности фонетических изменений, определивших облик латинского слова *barba* 'борода', устанавливается относительная хронология как процессов, которые можно реконструировать в истории данного слова, так и процессов, которые связаны с ними системно, хотя на истории данного слова не отразились. Приводится реконструированная «цепочка» фонетических изменений, повлиявших на развитие лат. *barba*, а также схема, отражающая хронологическую последовательность действия фонетических процессов, влияющих на развитие индоевропейских придыхательных согласных в итальяйских языках и в латинском языке

Е. П. NOVIKOVA

Lomonosov Moscow State University

THE RELATIVE CHRONOLOGY OF THE PROCESSES THAT HAVE DETERMINED PHONETIC SHAPE OF LAT. *BARBA*

Keywords: relative chronology, history of Latin language, aspirated consonants, Lat. *barba*, Italic languages.

The article deals with the sequence ("the chain") of phonetic changes that have determined the phonetic shape of Lat. *barba* 'beard', the relative chronology of the phonetic processes in the history of the word, and of the associated phonetic processes. The development of Indo-European aspirated consonants in the history of Latin, other Italic languages and Proto-Italic, can be demonstrated in the scheme of the sequence and relative chronology of the phonetic processes that can be seen in Lat. *barba*.

С точки зрения изучения относительной хронологии фонетических изменений в истории того или иного языка интересные результаты могут быть достигнуты при решении задачи с построением *цепочки* для отдельно взятого слова, каждым звеном которой является определенное состояние рассматриваемого слова, отражающее действие некоторого фонетического изменения в истории языка, наблюдаемого или реконструируемого. Возможно и построение словообразовательной цепочки, позволяющей проследить фонетические изменения на стыке морфем.

Настоящее исследование ставит своей задачей на примере описания последовательности фонетических изменений, определивших облик латинского слова *barba* ‘борода’, установить относительную хронологию как тех процессов, которые можно реконструировать в истории развития данного слова, так и тех, которые связаны с ними системно, хотя в истории данного слова не отразились.

В латинском языке слово *barba* фиксируется начиная с Плавта. Известен когномен *Barbatus*, зафиксированный надписями (CIL I, p. 340–341; CIL IV, 02385; CIL X, 05169; CIL X, 02076 и др., встречается в надписях и прозвище *Barba*).

Традиционно в числе примеров индоевропейских соответствий для латинского *barba* приводятся: др.-в.-н. *bart* ‘борода’, др.-прусское *bordus*, лит. *barzdà*, рус. *борода* и др. [Pokorný, 1959, p. 110], за исключением неясного др.-прусского *bordus*. Упоминается также иллирийское соответствие — *Σκενόβαρδος* [Wodtko, Irslinger, Schneider, 2008, p. 4]. Микель де Ваан, опираясь на огласовку корня, необъяснимую с помощью аблаута, предполагает возможность неиндоевропейского происхождения слова [de Vaan, 2008, p. 69].

Приводимые соответствия позволяют реконструировать праформу, условно записываемую как **bhardhā*.

Восстановленная праформа предполагала бы италийское слово **farfa*, однако данные сабельских языков не предоставляют для **farfa* никаких свидетельств.

Редкое итальянское слово *farfacchie* (предположительно — ‘усы’) в большинстве словарей приводится лишь как гипотетически возможный результат развития несохранившейся сабельской формы.

Интересную попытку сопоставления лат. *farfarus* ‘мать-и-мачеха’ с восстанавливаемым **farfa* и собственно лат. *barba* предпринял Йозеф Брюх [Brüch, 1917, p. 239], впрочем, его версия не получила особенной поддержки в позднейших этимологических словарях.

Наименее ясным представляется то, как из и.-е. **bhardhā* возникло лат. *barba*, так как рефлексы и.-е. придыхательных согласных в данном случае не вполне регулярны. Более регулярным рефлексом и.-е. **bh-* (в начале слова) является лат. *f-*. В большинстве словарей и отдельных статей, посвященных данной проблеме, реконструируется пралатинская форма **farbā* [Solmsen, 1897, p. 21] и др.

Чаще всего приводится объяснение, согласно которому лат. *b-* < и.-е. **bh-* в *barba* возникло в результате *дистантной ассимиляции*. Подобное объяснение принято в книге у Мартина Линдсея [Lindsay, 1894, p. 283], а также у Фридриха Штольца [Stolz, 1890, p. 295]. В качестве основного это объяснение (возникновение *b-* из **f-* как результат *Fernassimilation* — *дистантной ассимиляции*) приводится и у Ману Лёйманна [Leumann, 1977, p. 168], а также — на русском языке — в классической работе «Историческая грамматика латинского языка» Иосифа Моисеевича Тронского [Тронский, 2001, с. 135].

Реже упоминаются другие объяснения возникновения начального *b-* < **bh-*, например, в словаре Алоиса Вальде [Walde, 1910, p. 83], как и в третьем издании грамматики Фридриха Штольца [Stolz, 1900, p. 74], приводится ссылка на вышедшую за время подготовки нового издания грамматики статью Лайонела Гортон-Смита, предпринявшего попытку объяснить фонетический облик лат. *barba* кельтским влиянием [Horton-Smith, 1896, p. 429]. Однако в словарях более позднего времени ссылка на Гортон-Смита чаще всего опускается, как не упоминается и сама гипотеза.

Антуан Мейе посвятил проблеме лат. *barba* отдельную статью в 13-м номере «Mémoires de la Société de Linguistique de Paris» [Meillet, 1905–1906, p. 215], где попытался рассмотреть все случаи ассимиляции с участием звука *b* или примеры отсутствия таковой (например, *fiber*, *faber* и др., а также *bibō* < **pibō*, но — *probus*, ср. оск. *prúfatted*).

На данном этапе исследования проблемы оформления фонетического облика лат. *barba* в истории латинского языка представляется необходимым уточнение, с учетом новейших исследований в области италийского языкознания в целом и исторической грамматики латинского языка в частности, характера действия и относительной хронологии следующих процессов (а также процессов, так или иначе связанных с ними):

1) развития и.-е. придыхательных согласных в праиталийском и далее — в латинском языке;

2) ассимиляции, повлиявшей на развитие начального *b* в слове *barba* (в случае, если эта ассимиляция действительно имела место).

Следует сразу отметить, что в новейшей литературе существует и другое объяснение начального *b* в слове *barba*, не предполагающее ассимиляции вовсе.

М. Вейсс [Weiss, 2009, p. 221] предлагает видеть в начальном *b* результат *ранней диссимилиации* придыхательных, то есть, фактически, ограниченное одним примером действие закона Грассмана в латинском языке (Limited Latin Grassmann's):

$$*bhardheH_2 > *bardheH_2 > barba.$$

Однако для подобной трактовки развития придыхательных в италийских языках недостаточно оснований, поскольку в аналогичных случаях закон Грассмана не действует, ср. *fidus* < **bheidh* (гр. *πίθω*).

Таким образом, причина возникновения начального *b* в лат. *barba* должна быть выяснена уже в связи с развитием и.-е. придыхательных на италийской почве, особенно — на почве языка Лация.

Существует несколько точек зрения относительно ступеней развития и.-е. придыхательных в италийских языках и в латинском.

Первой работой, посвященной последовательному рассмотрению развития и.-е. придыхательных в латинском языке, оказывается статья Грациаддио Исаяи Асколи [Ascoli, 1868, p. 254]. Некоторые выводы Асколи обобщает в таблице (см. табл. 1).

Таблица 1

и.-е. придыхат. (indogerm. Aspir.)	*gh	*dh		*bh
праитал. и прагреч. придыхат. (urital. und urgr. Asp.)	χ ^a	θ ^a		φ ^a
пралат. спиранты (urlat. Spirant.)	h	-þ-	f	f
лат. рефлексы (lat. Vertretung)	h-; g-; -g-	-d-	f-; -b-	f-; -b-

^a В цитируемом фрагменте под знаками χ, θ и φ понимается то, что мы далее обозначаем как kh, th и rh, то есть смычные придыхательные, а под знаком -þ- — то, что мы далее обозначаем как θ, подразумевая глухой спирант.

Эта схема исторического развития придыхательных согласных, с очень небольшими уточнениями или даже без уточнений, часто цитируется и по сей день, то есть уже почти полтора века. В ее защиту высказывается М. Лейманн [Leumann, 1977, р. 164; 170–171], в целом ее же воспроизводит И. М. Тронский [Тронский, 2001, с. 30]. В новейшей лингвистической литературе на русском языке указанной схемы придерживается Татьяна Андреевна Карасёва [Карасева, 2003, с. 67].

Данная схема предполагает промежуточную ступень (скорее всего, только для пралатинского языка) развития спирантов, озвончавшихся в середине слова. Таким образом становится возможным объяснить звонкость смычных, возникших из предполагаемых италийских спирантов.

И. М. Тронский предлагает восстановить «этапы довольно сложного процесса индоевропейских придыхательных» следующим образом: сперва и.-е. звонкие придыхательные перешли (как и в древнегреческом языке) в глухие придыхательные, которые затем перешли (как это имело место в позднейшем греческом языке) в глухие щелевые своего ряда. Этот переход И. М. Тронский признает общеиталийским процессом. Затем он предполагает переход латинских глухих щелевых в середине слова в звонкие, которые в дальнейшем «слились со звонкими смычными своего ряда».

Г. Мейзер при изложении теории Асколи [Meiser, 2002, р. 102] приводит уточненную таблицу, разделив историю рефлексов и.-е. придыхательных в начальном положении (im Anlaut) и в середи-

не слова (im Inlaut). При этом для рефлексов в середине слова он учитывает стадию озвончения италийских спирантов (обозначая ее как «праитал. II» (urital. II)) и далее отдельно рассматривает латинские рефлексы и рефлексы в сабелльских языках.

Другой теорией развития и.-е. придыхательных в италийских языках, которую поддерживает Мейзер вслед за Г. Риксом, является теория Ф. Гартманна, сформулированная в 1890–1892 гг. [Hartmann, 1890]. Против теории Гартманна высказывался Фердинанд Зоммер, ее отвергал и германист Эдуард Прокош [Prokosch, 1918, p. 54].

Попытку реанимировать теорию Гартманна предпринял в 1957 г. Гельмут Рикс [Rix, 1957, pp. 127–143], в связи с чем в новейшей литературе теория Гартманна часто подписана как «теория Рикса».

Г. Мейзер приводит также таблицу (табл. 2), отражающую развитие спирантов в италийских языках, согласно теории Ф. Гартманна (со ссылкой на Рикса). Праиталийские изменения придыхательных согласных трактуются, по Гартманну, следующим образом.

Таблица 2

	В начале слова (im Anlaut):				В середине слова (im Inlaut):			
праи.-е. (uridg.)	*bh	*dh	*gh ^w	*g(°)h	*bh	*dh	*gh ^w	*g(°)h
праитал. I (urital. I)	β	δ	γ ^w	γ	β	δ	γ ^w	γ
праитал. II (urital. II)	f	θ f	χ ^w	χ				
лат. (lat.)	f			h	b	d	v	h
сабелльск. (sabell.)	f			h	β			h

Через десять лет после выхода статьи о лат. *barba* Антуан Мейе выпустил статью «À propos de latin *formica*» [Meillet, 1916, p. 115]. При сопоставлении с греческим *μύριξ* (принятом большинством этимологов [de Vaan, 2008, p. 234]) возникла гипотеза, согласно ко-

торой начальное *f-* в лат. *formica* является результатом диссимилиации, спровоцированной последующим *m*.

Таким образом, была восстановлена следующая последовательность процессов:

formica < **βormicā* < **mormicā*.

Наличие звонкого спиранта в начале слова стало одним из аргументов в пользу теории Гартмана-Рикса. Аналогичную диссимилиацию предполагается видеть в лат. *formido* и др.

Трудное с точки зрения установления этимологии лат. *forma* стало еще одним примером, соотносимым с лат. *formica* (в том случае, если не отождествлять его с скр. *dharma*, ср. гипотезу В. Л. Цымбурского [Цымбурский, 2008, р. 179], а следовать восстановленному Э. Бенвенистом **morma*, см. в словаре Эрну и Мейе [Ernout, Meillet, 1939, р. 379] и более поздних, в том числе в виде цитаты у Вальде и Гофманна).

Слабым местом теории Гартманна-Рикса является случай с лат. *uastus* < **uasdh-* [Meiser, 2002, р. 119].

Классическим аргументом в пользу Асколи является также известное соответствие лат. *libra* — сик. *λίτρα*. Согласно Тронскому, «греческое заимствование из языка сикулов *λίτρα* (лат. *libra*) свидетельствует о том, что переднеязычный звук, восходящий к и.-е. **dh*, был у сикулов глухим (щелевым или смычным). То же, вероятно, в наименовании сицилийского вулкана *Αἴτνη*, лат. *Aetna*, ср. греч. *αἴθω*, лат. *aedēs* (< и.-е. **-dh-*). Это позволяет думать, что озвончение глухих щелевых, равно как и частичный переход **-θ-* > **-f-*, имели место уже после отделения сикулов от латинов» [Тронский, 2001, с. 30]. Впервые этот аргумент был выдвинут В. Шульце [Schulze, 1895, р. 214]. Подробный разбор этого аргумента проводится, например, в книге Джейн Стюарт-Смит [Stuart-Smith, 2004, р. 25].

Интерес представляет также анализ венетских памятников, на что указывают многие современные исследователи [Meiser, 2002, р. 101].

Еще одним аргументом в пользу теории Асколи может быть объяснение характера действия закона Лахманна. Если считать доказанным, что закон Лахманна не действовал в случае с придыхательными согласными [Jasanoff, 2004, р. 405], это может свидетель-

ствовать о том, что к моменту действия закона Лахманна придыхательные уже не были звонкими¹.

Впрочем, в данном случае нужно учитывать *относительную хронологию* действия закона Лахманна. Показательным здесь может быть пример глагола *iubeō* (супин — *iussum*).

Если установлено, что корневой гласный *u* в *iussum* краток, оказывается, что звонкий придыхательный согласный, реконструируемый в данном корне (**ieudh-*; см., например, у Г. Рикса [Rix, 2001, p. 226]), при образовании причастия на *-to-* не вызывает долготы предшествующего гласного.

При этом следует отметить, что причастие образовалось, очевидно, до перехода **-δ-* > **-β-* после *u*, затем перешедшего в *-b-*, как это произошло в *iubeō*, иначе возникновение сочетания *-ss-* в *iussum* не было бы закономерным.

Следовательно, можно говорить о том, что указанный запрет на действие закона Лахманна приходится на эпоху более раннюю, чем переход **-δ-* > **-β-* после *u*, и тем более — чем переход **-β-* > **-b-*.

Далее, можно предположить, что закон Лахманна не действует потому, что мы имеем дело с образованием причастия, имевшим вид **iuth-to-* или даже **iuth-to-*, то есть потому, что глагольный корень оканчивался на глухой согласный.

Другим аргументом в пользу позднейшего озвончения спирантов в середине слова в пралатинском языке может служить характер развития сочетания **sr-* и особенно **sr-*.

Очевидно, что «запрет» на спиранты *f* и неустойчивый *θ* в середине слова, действовавший в латинском языке в доисторическую эпоху, распространился и на случаи, когда **-θ-* в срединном положении возникало из **-s-* перед *-r-*.

В данном случае возникали, по всей видимости, те же условия для перехода в *b*, что и в случае с регулярными рефлексами *i.-e.* придыхательных, перешедших в италийские спиранты.

Таким образом, относя развитие *fr-* < **sr-* и **br-* < **sr-* к тому же периоду, когда предполагается озвончение спирантов в середине слова (первоначально глухих — согласно Асколи), мож-

¹ Eichner per litteras.

но говорить о следующей последовательности фонетических переходов:

*s- > *θ- > *f- перед r во всех положениях.

В случае, если *θ любого происхождения оказывалось в срединном положении (между гласными или между гласным и сонорным), оно озвончалось: *θ- > *δ-.

Затем *δ- > *β-, если оказывалось в положении перед r, l, так же, как и в случае с *β-, восходящему к *dh, как, например:

ruber < *rubros < *ruβros < *rudros < *ruθros < *ruthros < *rudhros.

То же самое развитие видно и в группе примеров, включающей в себя производные с суффиксом *-ri- [Тронский, 2001, с. 127], демонстрирующих развитие *s- > *θ- > *δ- > *β- > b перед r:

fūnebris < *fūneβ-ris < *fūneδ-ris < *fūneθ-ris < *fūnes-ris

См. также лат. *fibra* < *fis-ra [de Vaan, 2008, p. 218].

При этом в начальном положении сохранялось сочетание fr- < *sr-:

frīgus < *θrīgus < *srīgus, ср. греч. ῥίγος.

Если следовать теории Гартманна, описанные переходы оказываются не столь системными и закономерными; трудность начинает представлять и их относительная хронология.

Компромисс между теориями Асколи и Гартманна, предложенный английской исследовательницей Джейн Стюарт-Смит (автором диссертационного исследования «The Development of the IE voiced aspirates in Italic: A phonetic and philological assessment», Oxford, 1996), поддерживает М. Вейсс [Weiss, 2009, p. 211], но с учетом трудностей, которые возникают при интерпретации исторического развития сочетания *sdh-.

Согласно Стюарт-Смит, и.-е. придыхательные в начале слова в италийских языках оглушались, как предполагал Асколи, а в середине слова — оставались звонкими и переходили в звонкие спиранты, как это описывает Гартманн.

Однако в таком случае не совсем ясно, как действовала *диссимилиация* в случае со словом *formica*.

Объяснить действие *ассимиляции* в слове *barba* по Стюарт-Смит также трудно.

Именно попыткой избежать учета *дистантной ассимиляции* в лат. *barba* и явилась уже упомянутая гипотеза М. Вейсса об ограниченном (причем только одним примером) действии закона Грасмана, объективно не выдерживающая критики.

С другой стороны, идея поиска компромисса между схемами Асколи и Гартманна-Рикса представляется вполне продуктивной. Интересные результаты может дать рассмотрение особенностей развития не столько исконных и.-е. придыхательных, сколько возникших на италийской почве спирантов, в связи с установлением *относительной хронологии* фонетических процессов, действовавших одновременно с развитием праиталийских спирантов, особенно *дистантной ассимиляции* и *диссимиляции*.

В первую очередь стоит отметить, что *ассимиляция* в пралатинском языке в основном затрагивала шумные согласные, а *диссимиляция* — сонорные (l, m).

Относительная хронология действия *дистантной ассимиляции* различного типа, действовавшей не только в случае с $f - b > b - b$, но и в случае с $p - b > b - b$, обычно не устанавливается, в связи с чем представляется необходимым указать на некоторые выводы, которые можно сделать на основании уже имеющихся данных.

Если предположить, что любая *дистантная ассимиляция* согласных действовала в латинском языке в определенный период времени, скорее всего, доисторический, и ассимиляции типа $p - b > b - b$ относятся к тому же периоду, что и $p - qu > qu - qu$, то оказывается возможным вывести некоторые правила действия этой ассимиляции.

Пользуясь методами структурной фонологии, можно выделить *фонологически значимые* признаки, влияющие на действие ассимиляции. Для праиталийского периода можно предположить следующие оппозиции: смычный/несмычный, звонкий/незвонкий, с участием губного элемента в артикуляции / без участия губного элемента, с участием велярного элемента / без велярного элемента, и соответственно классифицировать звуки, подвергающиеся указанным типам *дистантной ассимиляции* (см. табл. 3).

Таблица 3

	Смычка	Звонкость	Губной	Велярный
qu	+	-	+	+
p	+	-	+	-
b	+	+	+	-
f	-	-	+	-

Случаев регрессивной дальней ассимиляции с переднеязычными согласными не зафиксировано.

Далее можно вывести правила действия *дистантной регрессивной ассимиляции* в пралатинском: при ассимилирующий и ассимилируемый согласный должны отличаться друг от друга по наличию/отсутствию не более чем одного признака. В противном случае ассимиляции не происходит (например, см. табл. 4).

Таблица 4

<i>Праитал.:</i>	<i>*penque</i>	<i>*pibere</i>
смычка	++	++
звонкость	--	-+
губной	++	++
велярный	-+	--
<i>Латинское:</i>	<i>quinque</i>	<i>bibere</i>

Регрессивный характер ассимиляции распространяется преимущественно на ситуацию в пралатинском языке, так как даже в фалисском дальняя ассимиляция носит прогрессивный характер, ср. фалиск. *pifafo*.

Что касается слова *barba*, то, если здесь действовал тот же тип *дистантной ассимиляции*, звук f не смог бы подвергнуться ассимиляции под воздействием последующего звука b: как видно из таблицы, они различаются двумя признаками, а не одним.

Таким образом, с точки зрения реконструируемой системы ассимиляция, обычно записываемая как $f - b > b - b$, не име-

ла места в пралатинском языке, и из **farba* не могло получиться *barba*.

Важно указать также на отсутствие ассимиляции в случае со словом *faber*.

А. Мейе обращал внимание, что в слове *faber* звук *b* оказывается в интервокальном положении [Meillet, 1905–1906, p. 215], однако в таком случае следует определить ассимиляцию как очень позднее явление, произошедшее уже после изменения конечной группы *-gos в -er, то есть, фактически, в историческое время.

Если предположить, придерживаясь схемы развития и.-е. придыхательных, предложенной Асколи, что *дистантная ассимиляция* в пралатинском языке действовала после озвончения спирантов в середине слова, но до их перехода в звонкие смычные, то для слова *barba* можно реконструировать следующую цепочку:

праи.-е.	праитал. I	праитал. II	пралат.	лат.
*bhardhā > *pharthā > *farθā > *farfā > * farβā > * βarβā > * βarbā > barba				
оглуш. и.-е.		переход	смычка – –	переход – +
звонких		θ > f	звонкость – +	спирант. + +
придых.		рядом	губной + +	в смычные + +
		с r, l и и	велярный – –	

Таким образом, в случае со словом *barba* в латинском языке *ассимиляция* действовала дважды.

С другой стороны, если следовать Гартманну и Риксу, цепочка получается более короткой и *ассимиляция* действует лишь однажды:

праи.-е.	праитал. I	праитал. II	пралат.	лат.
*bhardhā > *βardā > *βarβā > * βarbā > barba				
		переход δ > β		
		рядом с r, l и и		

Однако аргументы в пользу раннего оглушения и.-е. придыхательных в праиталийском языке, судя по всему, уже не могут игнорироваться. Таким образом, предпочтение отдается цепочке, восстановленной согласно теории Асколи.

В комментарии нуждаются примеры, где *дистантная ассимиляция* не действовала.

Это в первую очередь слова *faber* и *fiber*. Для лат. *fiber* ‘бобр’ реконструируется итал. праформа **fifro-/fefro-* [de Vaan, 2008, p. 217].

Вероятно, ассимиляции могло препятствовать то, что сочетание *-fr- > *-βr- переходило в сочетание простого звонкого с r *-br- раньше, чем сочетание *-rβ- < *-rδ- в *barba*, или имела места раз-личная трактовка сочетаний *-βr- и *-rδ- применительно к дей-ствию ассимиляции. Нужно отметить, что в лат. *fibra* также не наблюдается ассимиляции, хотя сочетание *-br- не является здесь унаследованным. С другой стороны, характерно, что и диссими-ляция действовала, например, в слове *formica*, где r предшествует диссимилирующему (в данном случае) второму согласному.

На характер действия ассимиляции могли повлиять и дополни-тельные признаки согласного, вызванного последующим гласным переднего ряда, а именно: в слове *fiber* переднеязычный гласный i, противопоставленный непереднему а в *barba*, мог препятствовать ассимиляции, смягчая предыдущий согласный.

Для слова *faber* [de Vaan, 2008, p. 197] цепочка может быть вы-строена следующим образом (следуя теории Асколи):

*dhabh-ros > *thaph-ros > *θaf-ros > *θaβ-ros > *θab-ros >
> *fabros > *faber*.

Отсутствие ассимиляции в слове *faber*, в таком случае, можно объяснить поздним совпадением пралатинских θ- и f- в начальном положении. Судя по всему, ранее совпадение θ, f и h в одном зву-ке было характерно для оскско-умбрских языков, а в латинском они долгое время сохранялись. В срединном положении, после озвончения, интервокальный δ не рядом с r, l или u дал d. При-мерно в это же время, очевидно, перестали различаться начальные θ и f, совпав в f.

При этом *относительная хронология дистантной ассимиляции*, затрагивающая любые согласные с губным элементом в артикуля-ции, может быть установлена следующим образом: ассимиляция происходит после озвончения италийских спирантов в срединном положении и перехода δ > β рядом с r, l и u, но до окончательного совпадения начальных f и θ.

Совпадение f- и *θ- перед гласным в звуке f в пралатинском языке происходит после озвончения f- и *θ- в срединном положе-нии и перехода их в звонкие смычные. Перед r совпадение началь-

ных f- и θ-, возможно, произошло раньше — одновременно с переходом *δr- > *βr-.

В языках сабелльской группы, напротив, совпадение f, θ, а также h произошло довольно рано. Недостаточно оснований, чтобы предполагать в истории развития сабелльских спирантов стадию озвончения в середине слова (и — в случае, если есть предпосылки в виде ассимиляции — в начале слова, впрочем, не всегда регулярно).

Таким образом, оказывается, что наблюдения Гартманна, настаивавшего на том, что итальянские спиранты прошли через звонкую стадию, могут свидетельствовать и о вторичном озвончении спирантов.

В сабелльских языках этого озвончения, скорее всего, не было, а в пралатинском признак звонкости/глухости не был релевантен с точки зрения фонологической системы, не создавал значимой оппозиции, однако мог возникать:

- 1) всегда — в середине слова, если спирант оказывался между гласными или между гласным и сонорным;
- 2) в начале слова — только в случае ассимиляции, а также — как ступень при диссимляции сонорного m.

При этом *относительную хронологию диссимляции*, обусловившей фонетический облик слова *formica*, следует проводить следующим образом: данный вид диссимляции действовал до того, как спиранты, озвончавшиеся в середине слова, переходили в звонкие смычные, но после того, как в языке Лация появилась тенденция к озвончению спирантов в определенной позиции, и следовательно, звук β стал возможен в начале слова.

Следует признать, что переход, обычно обозначаемый как *f... br- > *b... br- [Stuart-Smith, 2004, p. 41], равно как и реконструкция перехода *farba > barba без учета промежуточной стадии и характера действия ассимиляции, исторически недостоверна, так как нельзя устанавливать для какого-либо периода в истории рассматриваемого слова на итальянской почве стадию *farba. Вне зависимости от того, принимаем ли мы теорию Гартманна или же следуем Асколи, подобная реконструкция включает в себе анахронизм.

Можно выстроить следующую схему хронологической последовательности действия фонетических процессов, влияющих на развитие и.-е. придыхательных согласных в итальянских языках и в латинском языке (табл. 5).

Таблица 5

Фонетические процессы, сопровождающие развитие и.-е. придыхательных согласных в итальянских языках	
1) Оглушение и.-е. придыхательных (*dh > *th, *bh > *ph); 2) переход и.-е. глухих придыхательных в спиранты (*th > *θ, *ph > *f);	
<p><i>На латинской почве:</i></p> 3) действие закона Лахманна; 4) переход сочетания *-sr- > *-θr- > *-fr-; 5) окончание действия закона Лахманна; 6) тенденция к озвончению спирантов в середине слова; 7) действие диссимиляции сонорных *m — m > *β — m; 8) действие ассимиляций шумных; 9) окончательный переход всех спирантов *-δ- *-β- в середине слова в звонкие смычные *-d- и *-b-; 10) окончание действия ассимиляции шумных; 11) совпадение всех спирантов в начале слова в звуке f.	<p><i>В сабелльских языках:</i></p> 3) совпадение всех итальянских глухих спирантов (f, θ, h) в f.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карасева Т. А. Историческая фонетика латинского языка. Грамматический комментарий к латинским текстам VII–I вв. до н. э. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2003. 256 с.
2. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. М.: Индрик, 2001. 591 с.
3. Цымбурский В. Л. Латинский трилистник // Acta Linguistica Petropolitana. 2008. Vol. IV. СПб.: Наука. С. 169–220.
4. Ascoli G.I. Zur lateinischen Vertretung der indogermanischen Aspiraten // KZ. 1868. Vol. XVII. S. 321–352.

5. *de Vaan M.* Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages. Leiden; Boston: Brill. 2008. XIII, 825 p.
6. *Brüch J.* Lat. farfarus «Huflattich» // Glotta. 1917. Vol. VIII. S. 238–241.
7. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots. Paris: C. Klincksieck, 1939. XXIV, 1385 p.
8. *Hatrmann F.* Review on von Bratke P. Beiträge zur Kenntnis der vorhistorischen Entwicklungen unseres Sprachstammes. Gießen, 1888 // Deutsche Literaturzeitung. 1890. Vol. XI. Col. 1830–1832.
9. *Horton-Smith L.* Latin barba and it's initial b // The Classical Review. 1896. Vol. X. Pp. 429–430.
10. *Jasanoff J.* Plus ça change...: Lachmann's Law in Latin / Indo-European Perspectives. Studies in Honour of Anna Morpurgo Davies. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. Pp. 405–416.
11. *Leumann M.* Lateinische Laut- und Formenlehre. München: C. H. Bech, 1977. XXVI, 681 p.
12. *Lindsay W. M.* The Latin Language. Oxford: Clarendon Press, 1894. XXVIII, 659 p.
13. *Meillet A.* À propos de latin formica // Mémoires de la Société de Linguistique. 1916. Vol. XX. P. 32.
14. *Meillet A.* À propos du latin barba // Mémoires de la Société de Linguistique. 1905–1906. Vol. XIII. P. 215.
15. *Meiser G.* Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 258 S.
16. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Bern; München: Francke, 1959. 1183 p.
17. *Prokosch E.* Die Indogermanische «Media Aspirata» — II // Modern Philology. 1918. Vol. 16, 2. 180 S.
18. *Rix H.* Sabini, Sabelli, Samnium. Ein Beitrag zur Lautgeschichte der Sprachen Altitaliens // Beiträge zur Namenforschung. 1957. Vol. VIII. S. 127–143.
19. *Rix H.* Lexikon der indogermanischen Verben. Wiesbaden: Reichert, 2001. 823 p.
20. *Schulze W.* Ἀρταξάρης, λίτρα // KZ. 1895. Vol. XXXIII. S. 214.
21. *Solmsen F.* Beiträge zur Geschichte der Lateinischen Sprache // KZ. 1897. Vol. XXXIV. Pp. 1–36.
22. *Stolz F.* Griechische der Lateinische Sprachwissenschaft, bearbeitet von K. Brugmann, F. Stolz. München, 1890. 779 S.
23. *Stolz F.* Historische Grammatik der Lateinischen Sprache. München, 1900. 736 S.
24. *Stuart-Smith J.* Phonetics and Philology: Sound Change in Italic. Oxford; New York: Oxford University Press, 2004. XXIV, 270 p.

25. Walde A. Lateinisches etymologisches Wörterbuch. 2e Auflage. Heidelberg: Winter, 1910. XXXI, 1044 S.
26. Weiss M. Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin. Ann Arbor: Beech Stave Press, 2009. XVI, 635 p.
27. Wodtko D., Irslinger B. S., Schneider C. Nomina im Indogermanischen Lexikon. Heidelberg: Winter, 2008. LXXX, 863 p.

REFERENCES

1. Karaseva T.A. *Istoricheskaia fonetika latinskogo iazyka. Grammaticheskii kommentarii k latinskim tekstam VII–I vv. do n. e.* [Historical Phonetics of Latin. Grammar Commentary to Latin Texts of the 7th to the 1st Centuries BC]. Moscow, «Greko-Latinskii kabinet» Iu.A. Shichalina, 2003. 256 s.
2. Tronskii I.M. *Istoricheskaia grammatika latinskogo iazyka* [Historical Grammar of the Latin Language]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 591 s.
3. Tsymburskii V.L. *Latinskii trilistnik* [The Latin Trefoil]. Acta Linguistica Petropolitana. 2008. Vol. IV. Saint Petersburg, Nauka Publ. S. 169–220.
4. Ascoli G.I. Zur lateinischen Vertretung der indogermanischen Aspiraten. KZ. 1868. Vol. XVII. S. 321–352.
5. de Vaan M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Leiden; Boston, Brill. 2008. XIII, 825 p.
6. Bruch J. Lat. farfarus «Huflattich». *Glotta*. 1917. Vol. VIII. S. 238–241.
7. Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine: histoire des mots*. Paris, C. Klincksieck, 1939. XXIV, 1385 p.
8. Hatrmann F. review on von Bratke P. Beiträge zur Kenntnis der vorhistorischen Entwicklungen unseres Sprachstammes. Gießen, 1888. *Deutsche Literaturzeitung*. 1890. Vol. XI. Col. 1830–1832.
9. Horton-Smith L. Latin barba and it's initial b. *The Classical Review*. 1896. Vol. X. Pp. 429–430.
10. Jasanoff J. *Plus ça change...: Lachmann's Law in Latin*. Indo-European Perspectives. Studies in Honour of Anna Morpurgo Davies. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. Pp. 405–416.
11. Leumann M. *Lateinische Laut- und Formenlehre*. München, C.H. Bech, 1977. XXVI, 681 p.
12. Lindsay W.M. *The Latin Language*. Oxford, Clarendon Press, 1894. XXVIII, 659 p.
13. Meillet A. À propos de latin formica. *Mémoires de la Société de Linguistique*. 1916. Vol. XX. P. 32.
14. Meillet A. À propos du latin barba. *Mémoires de la Société de Linguistique*. 1905–1906. Vol. XIII. P. 215.

15. Meiser G. *Historische Laut- und Formenlehre der lateinischen Sprache*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 2002. 258 S.
16. Pokorny J. *Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Bern; München, Francke, 1959. 1183 p.
17. Prokosch E. Die Indogermanische «Media Aspirata» — II. *Modern Philology*. 1918. Vol. 16, 2. 180 S.
18. Rix H. Sabini, Sabelli, Samnium. Ein Beitrag zur Lautgeschichte der Sprachen Altitaliens. *Beiträge zur Namenforschung*. 1957. Vol. VIII. S. 127–143.
19. Rix H. *Lexikon der indogermanischen Verben*. Wiesbaden, Reichert, 2001. 823 p.
20. Schulze W. Ἀρταξάρης, λίτρα. *KZ*. 1895. Vol. XXXIII. S. 214.
21. Solmsen F. Beiträge zur Geschichte der Lateinischen Sprache. *KZ*. 1897. Vol. XXXIV. Pp. 1–36.
22. Stolz F. *Griechische der Lateinische Sprachwissenschaft*, bearbeitet von K. Brugmann, F. Stolz. München, 1890. 779 S.
23. Stolz F. *Historische Grammatik der Lateinischen Sprache*. München, 1900. 736 S.
24. Stuart-Smith J. *Phonetics and Philology. Sound Change in Italic*. Oxford; New York, Oxford University Press, 2004. XXIV, 270 p.
25. Walde A. *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*. 2e Auflage. Heidelberg, Winter, 1910. XXXI, 1044 S.
26. Weiss M. *Outline of the Historical and Comparative Grammar of Latin*. Ann Arbor, Beech Stave Press, 2009. XVI, 635 p.
27. Wodtko D., Irslinger B.S., Schneider C. *Nomina im Indogermanischen Lexikon*. Heidelberg, Winter, 2008. LXXX, 863 p.

Новикова Екатерина Павловна

Студентка Московского государственного университета
им. М. В. Ломоносова.

Ekaterina Novikova

Student at Lomonosov Moscow State University.

E-mail: catharina.pauli.f@gmail.com

ПОЛИКАУЗАЛЬНОСТЬ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА)

Ключевые слова: историческая грамматика латинского языка, языковое изменение.

Многие изменения в истории языка объясняются лучше, если учитывать возможность одновременного действия нескольких факторов — главного и вспомогательного. В статье рассматривается возможность одновременного действия фонетического фактора (синкопы) и грамматической аналогии (ослабление связи между *nom. sg.* слов типа *puer* и *dominus*, с одной стороны, и сближение типа *puer* с типом *pater, mater, soror*, с другой) в процессе утраты конечного *-e* в словах *puer, vir*, связь различной скорости монофтонгизации дифтонга *-ei* в надписи IVNONE SEISPITEI MATRI не только с частотностью употребления слов, но и со стилистическим выбором писца, а также невозможность совместить некоторые из факторов, например, появление *-u-* в *mortuus* под влиянием антонима *vivus* или в результате контаминации суффиксов *t* и *v*.

E. G. FILIMONOV

St. Petersburg State University

EXPLAINING THE HISTORY OF SOME FORMS OF LATIN BY MULTICAUSALITY

Keywords: Historical grammar of Latin, language change.

Some changes in the course of the language history are better explained as caused by more than one factor, usually by one driving force and one (or more) catalyst. It is proposed that some combinations of factors (vowel deletion in *puere* > *puer* and the analogical influence of the type *pater, mater, soror*) are likely to occur simultaneously whereas others (the suffix *-u-* in *mortuus* explained due to the analogy with its antonymous adjective *vivus* or due to the contamination of two different suffixes *t* and *v*) are logically non compatible with each other. In some cases it is hard to decide which force

was leading (e.g. the difference in the forms of Dat. Sg. IVNONE SEISPITEI MATRI can be accounted both — for the different frequency of those nouns and for a personal stylistic choice by the writer deciding between different coexisting reflexes).

1. Обычно ученые выдвигают несколько рабочих гипотез, которые рассматривают, а затем ранжируют их по степени логической убедительности. В результате только одно из объяснений принимается как наиболее вероятное. Однако в языке, как и в жизни, изменения, как правило, являются результатом сочетания целого ряда факторов.

Дж. Эчисон пишет: «Частью проблемы является то, что действуют сразу несколько причин, не только в языке в целом, но и в любом конкретном изменении. Подобно дорожному происшествию, языковое изменение может иметь много причин. Автомобильная авария редко бывает вызвана одним главным фактором, таким как внезапный отказ работы руля или сон водителя за рулем. Гораздо чаще это комбинация факторов, каждый из которых вносит свою лепту в общее дело» [Aitchison, 2001, p. 134].

По моему мнению, поликаузальность как принцип описания языковых фактов не отменяет логический анализ, она просто усложняет картину описания, вводя в причинно-следственные отношения момент множественности причинных факторов. На место единственной причины приходит комплекс причинных факторов, в котором не всегда легко выделить главный и вспомогательные факторы. Было бы интересно построить типологию языковых изменений, на основе анализа многих случаев помогающую решить, где главная причина, а где вспомогательный фактор, выполняющий роль катализатора, и ранжировать различные факторы по степени их значимости.

2. Начнем с простого случая. Едва ли кто-нибудь возразит, что переход *-u-* > *-i-* у существительных IV склонения (*cornubus* > *cornibus*) вызван главным образом фонетическими причинами (ср. чисто фонетический характер изменения *u* > *i* в gen. sg. *capitis* < **caputes*), однако аналогическое влияние многочисленных слов III склонения, куда помимо собственно существительных относятся также прилагательные и причастия, могло значительно ускорить данный процесс. Возьмем теперь более сложный случай, связан-

ный с языковыми контактами. Например, когда в канадском французском стало исчезать противопоставление по роду во множественном числе у прилагательных, некоторые лингвисты увидели в этом влияние английского языка. Однако А. Мартине высказал мнение, что утрата родовых противопоставлений во множественном числе — настолько часто встречающаяся универсалия, что английское влияние следует рассматривать лишь как катализатор внутренних тенденций французского языка¹. Во многих случаях в языке сосуществуют и действуют разнонаправленные тенденции, и путь развития, выбранный языком в том или ином случае, вызывается случайными, нередко экстралингвистическими факторами. Например, в языках есть тенденция маркировать именительный падеж специальным показателем. В результате этой тенденции в латинском языке основа именительного падежа иногда стала сильно отличаться от основы других падежей. Тогда стала действовать другая тенденция — тенденция к унификации основы, что привело к выравниванию формы номинатива по образцу косвенных падежей (им. п. м.-ж. р. *altios* > *altior* под влиянием основы косвенных падежей *altior*-).

3. Менее очевиден характер соотношения главного и вспомогательного фактора в случае апокопы *-e* в формах зв. п. ед. ч. существительных II скл. с основой, содержащей *-r* (слова типа *vir*, *puer*, *magister*). Нидерман, хотя и пишет, что «...определить условия, в которых наступало это явление, затруднительно» [Нидерман, 1949, с. 50], тем не менее склонен считать, что это был чисто фонетический процесс: «...тот факт, что *-ĕ* отсутствует именно у звательного падежа слов, которые, как *vir* и *puer*, потеряли в результате синкопы краткий гласный в конечном слоге именительного падежа (*vir*, *puer* из **vir(ĕ)s*, *puer(ĕ)s*), сохраняясь в то же время у слов, не подвергшихся синкопе в именительном падеже (например, *dominĕ*, зват. п., наряду с *dominŭs*, им. п.) указывает, по-видимому, на то, что зват. п. *vir* и *puer* действительно являются дериватами от *virĕ* и *puerĕ*» [Нидерман, 1949, с. 52–53]. Однако существует также точка зрения, что в данном случае имела

¹ Т. Б. Путилова обратила мое внимание на то, что подобным же образом обстоит дело и в русском языке.

место грамматическая аналогия. Так, авторы учебника латинского языка В. В. Файер и Е. С. Наумова пишут: «Еще один пример грамматической аналогии мы встречаем во II склонении латинских существительных. К основному типу этого склонения принадлежат существительные с номинативом на *-us* (древнее **-os*). В отличие от всех остальных словоизменительных классов латинского языка эти слова образуют вокатив, не похожий на номинатив (ном. *animus* / voc. *anime*). Однако существительные, которые в древности оканчивались на **-ros*, подверглись фонетическим изменениям <...>, потеряв в номинативе сходство со словами типа *animus*. В результате у этой группы существительных, как и у большинства имен латинского языка, звательный падеж стал идентичен именительному (вместо соотношения ном. *pueros* / voc. *puere* возникло соотношение ном. *puer* / voc. *puer*)» [Файер, Наумова, 2007, с. 40]. Несмотря на оригинальность и даже некоторую элегантность данного объяснения, принять чисто морфологический характер изменения *puere* > *puer* трудно. Следует признать, что здесь, как в им. п. ед. ч., так и в зв. п. ед. ч., имел место процесс утраты краткого гласного последнего слога, прежде всего в силу фонетических причин. В противном случае придется привлекать грамматическую аналогию также для объяснения апокопы в таких словах, как *post* (< *poste*), *dein* (< *deinde*), *vīn* (< *vīsne*), *hic* (< *hice*), *dīc* (< *dīce*), где для аналогии нет оснований. Тем не менее, аналогическое влияние, описанное В. В. Файером и Е. С. Наумовой, могло играть роль катализатора чисто фонетического изменения, а именно: новая форма им. п. ед. ч. на *-er* (а не на *-us*), с одной стороны, ослабила связь слов типа *vir* и *puer* со словами типа *dominus*, а с другой стороны, могла способствовать их морфологическому сближению со словами типа *pater*, *mater*, *soror*, что ускорило процесс закрепления в языке новой (апокопированной) формы зв. п. ед. ч.

Ф. Бальди, также основываясь на действии морфологической аналогии, пишет об изменении *puere* > *puer* следующее: «Зв. п. ед. ч. муж. р. показывает *e*-степень аблаута с нулевым окончанием (*serve* ‘о слуга’). Скорее всего, конечное *-e* таких форм на *-er* и *-ir* (*puer* ‘о мальчик’, *vir* ‘о муж’ etc.) исчезло в ранний период, хотя *puere* зафиксировано у Плавта (тем не менее, это могла быть аналогии-

ческая инновация)» [Baldi, 2002, p. 313]. Таким образом, Ф. Бальди допускает возможность аналогического восстановления *-e* в *puere* и *vire* под влиянием форм типа *amice*, в то время как В. В. Файер и Е. С. Наумова полагают, что причиной исчезновения *-e* в *puere vire* было аналогическое влияние других (не 2-го склонения на *-us*) типов склонения, где особой формы вокатива, противопоставленной номинативу, не было. Из этого видно, сколь субъективен может быть выбор аналогической пропорции.

4. К сожалению, до сих пор никому не удалось четко сформулировать законы того, когда и как действует аналогия. Так, Л. Кемпбелл пишет: «Несмотря на всю важность аналогии, учебники по лингвистике испытывают, по-видимому, непреодолимое затруднение, когда дело доходит до того, чтобы дать определение аналогии» [Campbell, 2006, p. 103]. Рассматривая различные определения аналогии, он приходит к выводу, что «существенным элементом во всех определениях, как бы неудовлетворительно это ни звучало, является то, что аналогическое изменение подразумевает отношение сходства». Р. Анттила приводит следующее определение: «Грамматика, главным образом, — это система отношений, а аналогия — это отношение сходства» [Anttila, 1989, p. 88]. Поскольку понятие сходства несет в себе большую долю субъективности и разными людьми может определяться по-разному,истики языка нередко предлагают для одного и того же факта прямо противоположные объяснения, базирующиеся на аналогии. Действие аналогии определяется сложными ассоциативными процессами, лежащими в основе человеческого мышления, поэтому точная формулировка законов аналогии станет возможной лишь после полного понимания того, как функционирует человеческий мозг, то есть, по-видимому, никогда. В этом отношении сущность звуковых изменений проще для объяснения, поскольку понять устройство и работу артикуляторного аппарата человека легче, чем понять устройство и работу человеческого сознания.

5. Примером, где два возможных фактора логически не исключают друг друга, но, более того, влияют друг на друга, может служить интерпретация текста латинской архаической надписи: IVNONE SEISPITEI MATRI (1². 1430) [Тронский, 2001, с. 169], в которой засвидетельствованы три различных этапа эволюции

дифтонга *ei* ($ei > \bar{e} > \bar{i}$)². Распределение его рефлексов Ю. В. Откупщиков в своих лекциях связывал с частотностью употребления всех трех слов. Он полагал, что различие между тремя формами объясняется тем, что слова разной частотности проходят этапы фонетического изменения с разной скоростью. Наиболее частотное слово *mater* уже завершило процесс монофтонгизации, менее частотное *Iuno* отражает промежуточный этап изменения, а религиозный термин, употребление которого ограничено рамками специального ритуального обряда, совсем не подвергся процессу монофтонгизации. Таким образом, данная надпись хорошо интерпретируется с точки зрения теории лексической диффузии. Впрочем, вероятно и иное объяснение. Вполне возможно, что во всех трех словах изменение $ei > \bar{i}$ к моменту написания надписи уже произошло, но автор надписи в целях архаизации использовал древний вид слова *Seispitei* для религиозного термина, форму, отражающую промежуточный этап монофтонгизации *Iunone*, поскольку, будучи словом средней частотности, оно могло дольше употребляться в более старом и более новом вариантах, и употребить новую форму *matri*, поскольку в этом, наиболее частотном, слове новая форма быстрее вытеснила в живой речи более древний вариант. Таким образом, могло быть сложное взаимодействие различных факторов: реальное существование в речи, окружающей писца, старых и новых форм, сосуществование в памяти писца различных вариантов одного слова, и, как следствие, возможность стилистически обусловленного выбора между более древней и новой формой. Вполне возможно, что речевой узус, в котором более частотное слово (*mater*) уже встречалось только в новой форме, а менее частотные слова (*Seispes* и особенно *Iuno*) могли сосуществовать одновременно и в более новом, и в более старом вариантах, наряду с жанрово-стилистическими соображениями, мог повлиять на выбор писцом разных фонетических форм для трех разных слов. Если, как показало исследование Лабова, «ньюйоркцы использовали в разные дни различные формы

² К сожалению, автор надписи не поставил наиболее архаичную форму второго слова на первое место, так бы порядок слов отражал направление фонетической эволюции форм во флексии дат. п. ед. ч. существительных 3-го склонения.

одного и того же слова, и неоднократно различные формы одного и того же слова в одном предложении» [Aitchison, 2001, p. 85], то почему автор латинской надписи не мог использовать различные формы разных слов в рамках одной надписи? Он мог и слышать, и сам употреблять параллельно разные формы, а также руководствоваться при их выборе для надписи стилистическими соображениями.

6. Поликаузальность языковых явлений можно наблюдать и в семантических изменениях³. Даже в тех случаях, когда производящее для этимологизируемого слова не вызывает никаких сомнений, конкретная семантическая модель, легшая в основу нового слова, не всегда очевидна. Например, неясно, какая семантическая модель была использована при возникновении слова *окно* (< *око*). Возможно, *окно* понималось как своего рода «глаз дома», при том что все здание уподоблялось телу человека. Однако возможна и другая интерпретация: *окно* этимологически могло означать ‘отверстие для ока в стене дома’, то есть то место в доме, откуда можно выглянуть наружу. Не исключено, что в момент создания слова для разных носителей языка могли быть актуальны различные объяснения, при этом они едва ли противопоставлялись, а скорее, дополняли одна другую. В ряде случаев множественность этимологизации допустима и для новых слов. Сравнительно недавнего происхождения слово *мыльница* как обозначение недорогого и легкого в использовании фотоаппарата обычно этимологизируется как метафорический перенос на основе сходства внешней формы собственно мыльницы и фотоаппарата данного типа. Однако не исключено, что в данной этимологии не меньшую роль сыграло также корневое значение самого слова *мыло*, ассоциирующегося с легкостью и быстротой, что хорошо увязывается с главными достоинствами такого фотоаппарата (ср. его немецкое название *Idiotenkamera*). Быстрота и легкость корневого значения слова *мыло* видны также и в выражении *отправить по мылу* (то есть по электронной почте), где очень важно, конечно, и сходство в звучании между словами *e-mail* и *мыло*.

³ Например, В. Н. Топоров высказывал мысль о множественной этимологии [Топоров, 2005, с. 42–43].

7. От случаев, где различные факторы носят дополнительный характер, важно отличать такие, в которых факторы исключают друг друга. Так, распространено объяснение, согласно которому суффиксальное *-v-* в лат. *mortuus* и др.-рус. *мъртвъ* появилось под влиянием соответствующих антонимов лат. *vivus* и др.-рус. *живъ* [Эрну, 1950, с. 265]. Ю. В. Откупщиков подверг критике [Откупщиков, 2000, с. 107–112] эту точку зрения и привел примеры типа венет. *murtuwoi* (Dat. Sing.), лит. *martuvė* и *martvė* ‘мор’, лит. прил. *martvinis*, где форма суффикса *-tv-* (или *-tuv-*⁴) не является изолированным примером, ограниченным рамками только одного слова. Например, мы имеем др.-инд. *ámartaḥ* ‘бессмертный’, с суффиксальным *-y-* *ámartyaḥ* ‘бессмертный’, а с суффиксом *-tv-* *dur-mar-a-tv-a* ‘тяжелая смерть’; др.-рус. *(оу)мъртиѣ* с суффиксом *t*, а *мъртвъ* с суффиксом *-tv-*. Кроме того, с суффиксальным *-tv-* образуются *participia necessitatis*, у которых этот суффикс произносится как *-tuv-*. Таким образом, Ю. В. Откупщиков показывает, что суффиксальное *-tv-* (вероятно, первоначально комбинация двух суффиксов *t* и *v*) встречается в производных индоевропейского корня **mer-/mor-/mṛ-* не только в латинском, но также и в венетском, балтийском, славянском и в древнеиндийском языках. Разумеется, чисто теоретически существует вероятность того, что суффиксальное *-v-* проникло в основу **mṛt-* из производных антонимичного корня **g^wei-w-*, содержащих суффиксальное *-v-*, и что контаминация суффиксов *-t-* и *-v-* в виде *-tuv-* может быть возведена к индоевропейской эпохе. Однако наличие такой комбинации *-tuv-* во многих других словах (лит. *lātvis* и *lietūvis*, *senātvė* и *senātūvė*, рус. *живой* — *житво* ‘жизнь’, *дева* — *дету* — *детвора*, др.-инд. *gataḥ* ‘ушедший’ и *gatvā* ‘уйдя’, др.-инд. *andatā* ‘слепота’ — др.-инд. *andatva* ‘слепота’ др.⁵) ставит исследователя перед необходимостью рассматривать два объяснения: 1) распространенное объяснение появления *-v-* в лат. *mortuus* и др.-рус. *мъртвъ* в результате аналогического влияния антонима и 2) объяснение *-v-* как второго элемента широко распространенной в индоевропейских языках ком-

⁴ Ю. В. Откупщиков дальше отмечает, что та же вариативность наблюдается в литовских гидронимах с исходом на *-tuva-* и их русских передачах. Например, лит. *Latuva* > *Лотъва* и *Лотва*.

⁵ См. другие примеры в [Откупщиков, 2000, с. 107–112].

бинации *-tuv-* в результате контаминации суффиксов *t* и *v* — как взаимоисключающие.

8. В. Дресслер пишет следующее: «...лингвисты выдвигают осмысленные толкования намного реже, чем просто постулируют объяснимость какого-либо явления; ряд объяснений вообще носит частный характер (то есть *explanans* касается лишь некоторых аспектов *explanandum*)... В тех случаях, когда база данных представлена фактами человеческой деятельности [а именно так и обстоит дело с владением языком (*performance*)], мы сталкиваемся скорее с множественностью причин, чем с монокаузальностью. Поскольку мы не можем быть уверены, что выявили все релевантные факторы некоторого явления, наши прогнозы должны носить скорее вероятностный, чем детерминистский характер» [Дресслер, 1986, с. 33].

Таким образом, за внешне непротиворечивыми и безупречно логичными построениями может стоять идущая из эпохи Декарта мало обоснованная уверенность, что точность и сила мысли способны найти конечную истину. Более адекватным подходом было бы придерживаться того взгляда, что процессы, протекающие в языке, как и все, связанное с деятельностью человека, носят сложный и многоуровневый характер, и что нам зачастую остается лишь скользнуть по поверхности фактов, не надеясь до конца понять истинные причины, лежащие в основе языковых изменений.

Я мог бы подписаться под следующими словами Шмолстига: «Наверняка возразят, что мои выводы ведут к анархии в лингвистике, что я думаю, будто все возможно. Я действительно так думаю. У нас нет контракта с Богом о том, чтобы история языка протекала так, чтобы нам было легко понять ее»⁶.

⁶ «It will surely be objected that my conclusions lead to linguistic anarchy, that I believe that anything is possible. This is in fact my belief. We have no contract with God that the history of language has taken place in a manner such that it is easy for us to understand it» [Schmalstieg, 1980, p. 4]. В письме к автору Шмолстиг также пишет: «I am in favor of an 'agnostic humility' or 'humble agnosticism' when it comes to all human knowledge».

ЛИТЕРАТУРА

1. Дресслер В. Об объяснительной силе естественной морфологии // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 33–46.
2. Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1949. 188 с.
3. Откупщиков Ю. В. Лат. *mortuus*, др.-рус. *мъртвъ* // *Colloquia classica et indoeuropeica II*. СПб., 2000.
4. Топоров В. Н. Исследования по этимологии и семантике. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2005. 816 с.
5. Тронский И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние (вопросы реконструкции). 2-е изд., доп. М.: Индрик, 2001. 591 с.
6. Файер В. В., Наумова Е. С. Латинский язык М.: Академия, 2007. 384 с.
7. Эрну А. Историческая морфология латинского языка. М.: Издательство иностранной литературы, 1950. 319 с.
8. Aitchison J. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 2001. XI, 312 p.
9. Baldi P. *The Foundations of Latin*. Berlin; New York: M. de Gruyter, 2002. XXVII, 534 p.
10. Campbell L. *Historical Linguistics: An Introduction*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press, 2006. 448 p.
11. Anttila R. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia: Benjamins, 1989. XV, 462 p.
12. Schmalstieg W. R. *Indo-European Linguistics: A New Synthesis*. University Park and London: The Pennsylvania State University Press, 1980. 211 p.

REFERENCES

1. Dressler V. Ob ob"iasnitel'noi sile estestvennoi morfologii [On explanatory potential of natural morphology. *Voprosy iazykoznaniiia* [Issues of Linguistics]. 1986. № 5. S. 33–46.
2. Niderman M. *Istoricheskaia fonetika latinskogo iazyka* [Historical Phonetics of Latin]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoii literatury, 1949. 188 s.
3. Otkupshchikov Iu. V. *Lat. mortuus, dr.-rus. мъртвъ* [Lat. mortuus, Old Rus. мъртвъ]. *Colloquia classica et indoeuropeica II*. Saint Petersburg, 2000.
4. Toporov V.N. *Issledovaniia po etimologii i semantike* [Studies in Etymology and Semantics]. Т. 1. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2005. 816 s.

5. Tronskii I.M. *Istoricheskaia grammatika latinskogo iazyka. Obshche-indoevropskoe iazykovoe sostoianie (voprosy rekonstruktsii)* [Historical Grammar of Latin. Proto-Indo-European Language Situation: Issues of Reconstruction]. 2-e izd., dop. [2nd revised ed.]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 591 s.
6. Faier V.V., Naumova E.S. *Latinskii iazyk* [Latin]. Moscow, Academia, 2007. 384 s.
7. Ernu A. *Istoricheskaia morfologiia latinskogo iazyka* [Historical Morphology of Latin]. Moscow, Izdatel'stvo inostrannoi literatury, 1950. 319 s.
8. Aitchison J. *Language Change. Progress or Decay?* 3rd ed. Cambridge; New York, Cambridge University Press, 2001. XI, 312 p.
9. Baldi P. *The Foundations of Latin*. Berlin; New York, M. de Gruyter, 2002. XXVII, 534 p.
10. Campbell L. *Historical Linguistics. An Introduction*. Cambridge, Massachusetts, The MIT Press, 2006. 448 p.
11. Anttila R. *An Introduction to Historical and Comparative Linguistics*. Amsterdam; Philadelphia, Benjamins, 1989. XV, 462 p.
12. Schmalstieg W.R. *Indo-European Linguistics: A New Synthesis*. University Park and London, The Pennsylvania State University Press, 1980. 211 p.

Филимонов Евгений Геннадьевич

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Evgeny Filimonov

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: evfilimonov@yandex.ru

III. СТИХИ И ПЕРЕВОДЫ

УДК 821.124+82-14

А. К. ЗВАГОЛЬСКАЯ

Санкт-Петербургский государственный университет

ECLOGA TRAGICA

Ключевые слова: новолатинское стихосложение, буколика, эклога, идиллия, Вергилий, шутка на лагыни.

Данное сочинение является творческой попыткой объяснить, что же произошло с пропавшим козлом Мелибея из Verg. Ecl. VII.

А. К. ZVAGOLSKAYA

St. Petersburg State University

ECLOGA TRAGICA

Keywords: Latin versification, bucolics, eclogue, idyll, Vergil, jokes in Latin.

A creative attempt to explain, what happened to the lost goat of Meliboeus (Verg. Ecl. VII).

Forte super viridi requiescit fronde Cupido, impiger ex certo multos percusserat arcu.	1
Ipsе dei volucris fervebat Iuppiter igni. A Phoebō laurus per Amoris amata sagittas.	
At nunc fessus Amor somno se stravit inerti, eque sagittifera tantum delapsa pharetra	5
sub pede tela iacent lentis miranda iuencis. 'Cuius, mu, calamus?' bos mugit harundine visa.	
Tum gregis accedit subito strepitu Meliboei et caper attractus; temerarius horrida tendet	10
ora. Utinam modo quid sit hoc inventum sciat hircus! Cuspidum Amoris odor barbati pectora complet.	
Ambrosio captus divos rogat hircus odore, nasum ut di faciant se cornigerum prope totum.	

O miserande caper, quae te dementia cepit!	15
Invitis pedibus currit per prata repente.	
Fertur in arva nocens, faciat quid nescit et ipse,	
nescit quo fugiat, sed equo volat ocior hircus,	
‘Siste pedem,’ balant, ‘siste, o velox nimis!’ haedi.	
Felix autem animal: nova non in corpora mutat.	20
Hircus erat, manet hircus. Hoc non sine numine divum	
evenit. Ipse deus vigilans iam curat, et haerent	
crura capri. Videt hic, non protinus actus, in agris	
custodes pecorum properantes huc simul haedis.	
Ecce caper placidus iam laxat membra quiete,	25
gramina dente terens audit pastoris avenam.	
En, Coridon, meditare, canas tua carmina, Daphni!	
Daphnis et incipiet versus cantare peritus:	
‘Sidera nocte micant in aquis maris alta serena,	
Nereidesque choros agitant in mollibus undis,	30
Oceanum iuvenes delectant carmine canum.	
Delius ipse lyra modulatur carmen Apollo,	
in numerum tenera resonantes voce Camenae	
caelicolum nervis aures hominumque morantur.’	

Звагольская Алла Константиновна

Аспирант кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Alla Zvagolskaya

Doctoral student, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: allazvagolskaya@mail.ru

Эдвард Форсет. ПЕДАНТИУС

Сцены из комедии

(Перевод с латыни)

Ключевые слова: Эдвард Форсет, английские «университетские драмы» XVI в., образ педанта в литературе Возрождения.

Первый русский перевод отрывков из латинской комедии Эдварда Форсета «Педантиус» (1581), шедевра жанра «университетской драмы» елизаветинской эпохи.

V. V. ZELTCHENKO

St. Petersburg State University

E. Forsett. PEDANTIUS

(excerpts)

(Translated from Latin)

Keywords: Edward Forsett, English university plays of XVI century, character of the pedant in European literature.

A first Russian translation of the excerpts from Edward Forsett's Latin comedy *Pedantius* (1581), one of the most noteworthy "university plays" of Elizabethan age.

«Педантиус» Эдварда Форсета (Edward Forsett, 1553–1630), поставленный в кембриджском Тринити-колледже в 1581 г. — одна из тех латинских комедий, которые во множестве сочинялись и разыгрывались в обоих британских университетах елизаветинской эпохи; эти пьесы, отдаленные предки современных капустников, так и называются в литературоведении «университетскими». В ее стандартно-непритязательной интриге (влюбленный юноша при поддержке раба и паразита дурачит своего соперника, надутого педанта, выманивая у него деньги) легко заметить влияние как театра Плавта, так и итальянской

буффонады. Однако «Педантиус» — старший современник «Укрощения строптивой» и «Виндзорских проказниц» — интересен в первую очередь не как комедия положений, но как комедия характеров. В центре пьесы — фигуры риторика Педантиуса и философа Дромодота, которые изъясняются цитатами из Цицерона и Аристотеля, сыплют нелепыми этимологиями и не к месту употребленными крылатыми словами, в безмерном академическом тщеславии не замечая, что творится у них под носом. Кембриджская аудитория узнавала в Педантиусе профессора риторики Габриэля Гарвея (1550–1630), хотя перед нами, безусловно, не столько сатира на конкретное лицо, сколько обобщенный комический тип. Насколько этот тип актуален — решать нынешним читателям.

Перевод отдельных сцен из разных частей пьесы выполнен по электронному критическому изданию, подготовленному в 1998 г. Данной Ф. Сэттон (Калифорнийский университет) в рамках проекта «The Philological Museum»¹. Выбирая отрывки для перевода, мы предпочли пожертвовать сюжетом и в первую очередь представить читателю речевые портреты главных героев.

Действующие лица

Кробол — влюбленный.

Понглот — слуга Кробола.

Дромодот — философ.

Педантиус — педагог.

Лудион — ученик Педантиуса. <...>

Тирофаг — нахлебник. <...>

Содержание

Девицу Лидию, служанку старика Харонда, полюбил Кробол, бывший слуга Хремила. Ее же домогается педагог Педантиус. Лидия, отвергнув Педантиуса, отдает сердце Кроболу. Но так как она — раба Харонда, тот требует выкуп в тридцать мин, дабы отпустить ее на свободу. Кробол при помощи хитрости — собственной и своих клеветов — устраивает так, чтобы деньги заплатил Педантиус, а Лидию получил он.

¹ <http://www.philological.bham.ac.uk/forsett/>

Акт I, сцена 3

Педантиус, Дромодот.

Педантиус: Вижу, отцы-сенаторы, что все глаза и сердца ваши ныне обращены ко мне, и полагаю, что вы удивляетесь, судьи — почему в то время, когда столько выдающихся ораторов и славнейших мужей сидят спокойно, то есть не влюблены (ибо у слова «сидеть» есть и такое значение, почему говорится «сидеть в девках»), именно я поднялся со своего места, чтобы полюбить. Что же я — всех смелее? Но решишь кто-нибудь утверждать подобное, и долгих опровержений не потребуется. Или настолько вернее любовному долгу, чем остальные? Но и эта слава не так прельщает меня, чтобы я хотел отнять ее у других. Какая же причина нудит меня сильнее, чем прочих?² Буду краток: все побеждает любовь, и мы уступим любви³. Любовь, сей хищный ястреб, восхитила из гнезда мудрости твоего, Паллада, птенца (это я о себе): ибо подобно стерне, истертой ногами путников («стерня» потому так и называется, что происходит от «стереть»), сердце мое истоптано заботами. Я, я, кто прежде железной стеною стоял на пути сердечных увлечений воспитанника моего Леонида, ныне, признаюсь, сам пригвожден и пронзен мечом и пламенем страсти. Я, кто прежде, в ответ на трехкратный его вопрос: «Что в этой жизни лучше лучшего?» трехкратно же отвечал: «Дикция, дикция и еще раз дикция»⁴, ныне, пожелай он опять спросить меня, сказал бы: «Лидия, Лидия и еще раз Лидия». Так меняются времена, и мы меняемся вместе с ними. Что же, Педантиус, если не можешь того, чего желаешь (разумею: предаться наукам), возжелай того, что можешь (разумею: любить Лидию).

Дромодот: Иррациональная сторона души победила в нем рациональную, что доказывает правоту логической аксиомы, полагающей в отрицании более силы, нежели в утверждении. Но

² Первые слова Педантиуса — длинная цитата из начала Цицероновской речи за Секста Росция (разумеется, кроме упоминаний о любви и фразеологического экскурса).

³ Вергилий, «Буколики», 10, 69.

⁴ Ср. Цицерон, «Оратор», 56.

пора бы уже его и окликнуть. Здравствуй, Педантиус, желаю тебе здорового духа в здоровом теле.

Педантиус: А, Дромодот, «будь благосклонен и добр к друзьям»⁵, как сказал мудрый поэт. Как поживают академические наши приятели? По-прежнему ли в мире вы с горожанами? Я уж и сам подумывал вас навестить и прочесть в риторической школе кое-какие из моих декламаций — которые, как Демосфеновы, пахнут маслом ночных бдений.

Дромодот (в сторону): Пусть лучше маслом, чем притираньями твоей бородачки.

Педантиус: Я тут сложил, сочинил, сварганил не менее трех филиппик, или лучше катилинарий, против необразованного люда. Да что там люда — вернее будет сказать, против стада горожан, враждебного музам. Они живут, и живут не для того, чтобы отречься от своей преступной отваги; нет — чтобы укрепиться в ней!⁶

Дромодот: Не отклоняйся от темы, Педантиус. Ходит слух, что ты влюбился.

Педантиус: «Зла проворней Молвы не найти на свете иного!»⁷ («Молвы» с большой буквы, в конце восклицательный знак.) Я влюбился? Смешно. Сейчас я это опровергну хоть бы даже с точки зрения философической.

Дромодот: Философической? Скорее уж софистической, если тебе угодно отвечать мне столь уклончиво и обиняками. (*В сторону.*) Он понял, что я явился стать на его пути и противиться всякому его встречному умозаключению, и оттого не желает покидать урочищ скрытности, дабы не сбил его с ног аквилон красноречия моего и не разъял на элементарные частицы.

Педантиус: «Молвить или смолчать?»⁸ Однако что это я по столь пустяковому поводу прибегаю к чрезмерной дилемме? Слушай

⁵ Вергилий, «Буколики», 5, 65.

⁶ Цицерон, Первая речь против Катилины, 4. Намеки на трения между кембриджскими горожанами и университетом встречаются в пьесе несколько раз.

⁷ Вергилий, «Энеида», IV, 174.

⁸ Там же, III, 39.

же, Дромодот, я поверю тебе это дело столь же откровенно, как себе самому (ибо друг есть другой такой же)⁹. «Страстью пылаю: теперь знаешь ты тайну мою»¹⁰. Так говорит Овидий, годы жизни которого приходится на эпоху Августа.

Дромодот: Я принес с собою, в ларце моего мозга, изрядный запас опровержительных материй, дабы убавить и охладить непомерное кипение твоего любострастия. Надеюсь, что любовь твоя не есть неисцелимый недуг, какова алчность по определению Аристотеля¹¹.

Педантиус: Увы! Ты не в силах помочь мне ни укорами, ни кореньями, ибо не в лекаре я нуждаюсь, но в лекарице (иногда позволительно прибегать и к неологизмам).

Дромодот: Итак, во-первых, как сказано в «Малой Логике»¹², надлежит исследовать, что есть предмет спора; посему прежде чем диспутировать против любви, определим, что она такое.

Педантиус: Тогда уж сперва определим, что такое диспутировать.

Дромодот (не слушая): Далее подлежат изложению неудобства, от любви проистекающие, и наконец лекарства от нее. Сейчас я кратко пройду по этим трем пунктам... <...>

Акт I, сцена 4

Те же и Понглост.

Понглост (в сторону): Хозяин отправил меня из дому, сколько помню, за двумя делами: во-первых, одурачить вон тех двоих с помощью какой-нибудь из моих уловок, а во-вторых, сыскать на рыночной площади некоего Тирофага.

Дромодот: Это еще кто?

Понглост: Да помогут вам боги, благородные господа.

Педант: А тебе, хромой нищий, да исцелят ногу.

Понглост: Вижу, жаль вам меня, честного сердягу, горемычного получеловека.

⁹ Цицерон, «О дружбе», 80.

¹⁰ Овидий, «Героиды», 16, 10.

¹¹ Аристотель, «Никомахова этика», IV, 1121b 13.

¹² Одна из частей трактата *Summulae logicales* Петра Испанского (1226–1227) — стандартного учебника схоластической логики.

Педантиус: Я замечаю, что к нам, людям образованным, нищие тянутся охотнее, нежели к прочим; ибо мы, зная несчастья чело­веков, более сострадательны; и поелику мы сострадательны, все молящие страдалцы к нам притекают.

Дромодот: Ты шляешься без дела и, я вижу, намерен эдак бродяж­ничать; ступай-ка поработай. Взгляни: светила не покладают рук, и движение небесного свода безостановочно.

Педантиус: Что бы тебе не выучиться какому-нибудь ремеслу? Ну вот хоть плотницкому (то есть распутному, так как его название происходит от плотских утех¹³: ибо в сравнении с нашими семью свободными искусствами все прочие суть одно лишь распутство).

Понглост: О достопочтенный господин, я ремеслами сроду не владел. Я ведь, уважаемый господин, хоть и не весь доучил­ся, а все-таки отдал в свое время дань кое-кому из девяти муз. Только уж позабыл все.

Дромодот: Это потому, что ученость не сделалась для тебя нутря­ною природой, а лишь первым приближением или отдаленной потенциальностью. Ибо если бы ты усвоил знания глубоко, а не по мелочи только, то проживи ты хоть столько веков, сколько дуб или ворон, никакие лишения не смогли бы уязвить твое высокоученное нутро.

Педантиус: Ты, очевидно, в науках только губы омочил (согласно выражению)¹⁴, а не впитал их в плоть и кровь, как это свойст­венно нам, ученым.

Понглост: О высокоумудрые жрецы муз, молю, уделите убогому и горемычному от ваших щедрот.

Дромодот: Ты, знаешь, обратись-ка снова к занятиям: так овла­деешь сокровищами истинными и неуничтожимыми. Вот мы — те, кто, как ты прежде, идем по ученой стезе — мы те­перь превратились словно бы в чистые сущности и о подлун­ных благах не заботимся.

Педантиус: Мы обладаем всем и ничем — ибо спокойствия духа у нас в избытке, а денег не водится. Мы ничем не владеем и ни

¹³ Приводить в примечаниях оригиналы всех форсетовских каламбуров было бы слишком громоздко, но здесь мы не можем удержаться: в подлиннике сказано *ars meocheanica*.

¹⁴ Цицерон, «Об ораторе», I, 87.

о чем не радеем: не имея богатства, оного и не жаждем. Посему, юноша, не трать впустую ни сил, ни чернил¹⁵. Ты от нас не дождешься ни крошки: наш достаток — не от слова «достаться», а от слова «достаточно» (на деле, впрочем, «достаток» происходит именно от «достаться», о чем он, конечно, не знает).

Понглост: Чтобы не брать мне в первый раз в жизни греха на душу, умоляю, подайте хоть что-нибудь.

Педантиус: Подаю, но только добрый совет. Вот он: будь «непорочен, чист душою»¹⁶. И ни в каком деле не хромай¹⁷.

Понглост: Э, да вы меня дурачите: а не угодно ли попробовать, востер ли мой клинок? Пожелай я, почтенные мужи, подступиться к вам как разбойник, давно бы обчистил вас хоть бы и противу вашей воли; но все же питаю надежду, что вы раскошелитесь от чистого сердца.

Дромодот: Конечно, сию минуту: вот тебе хоть и немного, но все-таки довольно, чтобы сегодня пообедать.

Педантиус: Обнаружив в тебе как добрый нрав, так и острый ум, хочу тебе помочь, дабы твои желания не расходились с возможностями. Итак, прими какую-никакую сумму (скорее никакую, чем какую, ну да не беда) в залог моего к тебе расположения, и будь доволен.

Понглост: Если бы я не боялся докучать вам долее, то попросил бы еще и на завтра.

Дромодот: Увы! С каким удовольствием я одарил тебя и на завтра, и на всю вечность (каковая, как известно, троякого рода: ибо та ее часть, которая еще впереди, именуется непрерывностью, а та, что уже позади — предвечностью).

Понглост: Ну, тогда этот клинок попросит у вас денег частично спереди, а частично сзади.

Дромодот: Да бери, бери, пожалуйста.

Педантиус: И это, будь так добр, возьми тоже: ибо споспешествовать просящим, ободрять угнетенных, призывать несчастных, даровать избавление — не это ли пристало оратору?¹⁸

¹⁵ *Oleum et operam perdere* — римская поговорка (Плавт, «Пуниец», 332; и др.).

¹⁶ Гораций, «Оды», I, 22, 1.

¹⁷ Цицерон, «Об обязанностях», I, 119.

¹⁸ Цицерон, «Об ораторе», I, 32.

Понглост: Простите меня, если я, человек в этом деле начинающий, обращаюсь к вам, высокие наставники, слишком дерзко: хотел бы я купить себе башмаки, и книжки, и прочее необходимое. Если вы возьмете эти расходы на себя, буду почитать вас моими Меценатами.

Педантиус: Чтобы ты знал, как ты мне полюбился, имей в виду: я не каждому так щедро жалую, ибо не для всех меня нет дома¹⁹. Однако сколько тебе отдам, столько у меня прибудет: держи.

Дромодот: Всякий день претерпевая влияния светил и небосвода, мы тем скорее уподобимся небесной пятой сущности, чем более будем щедры.

Понглост: Ну, осталось попросить вас об одном пустяке: не одолжите ли кошелек, чтобы было куда деньги сложить.

Педантиус: О ненасытимая алчность! О прорва! О Сцилла (она же и Скилла)!

Понглост: Нет, вы уж, пожалуйста, от чистого сердца, а то не возьму.

Педантиус (в сторону): Пропал я, он теперь с меня глаз не спустит. Что ж, прощай, кошелечек, смотри не более, целую тебя и обнимаю. (Вслух.) С удовольствием: об одном сокрушаюсь, что ты, муж толико честный, имеешь нужду в наших деньгах. Дай только выпотрошу из него остатки, и сразу отдам.

Понглост: Ничего-ничего, можно и с содержимым.

Педантиус: Что ж, если не гнушаешься, бери. (В сторону.) Чтоб тебя вместе со всем твоим содержимым боги разразили!

Понглост (разглядывая кошелек): Я его попридержу для праздников — уж больно красив. Не найдется ли у вас такого, чтобы годился на каждый день?

Дромодот: Молю, не обращай сию возможность в действительность, ибо между желанием и осуществлением нет логического перехода. Ей-богу, в тех жалких грошах, что у меня еще остались, заключена вся моя сущность и сущительность.

¹⁹ Искаженная поговорка «non omnibus sum domi» (т. е. «я не всем открываю свою дверь»). Ср. «Разговоры запросто» Эразма Роттердамского (3, 1): «Equidem ut non omnibus dormio, ita non omnibus sum domi. Tibi posthac semper ero».

Понглот: Ученейший муж, позволь мне все-таки тебя упросить.

Заклинаю тебя остротой твоего ума и моего клинка.

Дромодот: Ладно, уговорил: держи.

Понглот: Итак, прещедрые господа, отдали вы мне это добровольно или как?

Педантиус: Разумеется, без сомнения, как же иначе. А ты получил добровольно или как?

Понглот: А займы или как?

Педантиус: «Взаймы» есть искаженное «возьми». Но мы у тебя ничего не возьмем, ибо одарили тебя безвозмездно и безвозданно. (*В сторону.*) Каков мерзавец!

Понглот: Прощайте. (*Уходит.*)

Дромодот: Убирайся, проваливай, расточись на первоэлементы, хромое чучело, ошибка природы партикулярной, интенциям же природы универсальной непричастный вовсе! Чтоб тебе провалиться, о негоднейшая из подлунных сущностей, ибо ты ограбил мужей созерцательных. Пусть, когда ты издохнешь на кресте, тяжесть твоя пригнетет тебя книзу, или нет: пусть прямо на месте иссохнет твоя первожидкость. Как я испугался, что он прободает мечом мою комплекцию! Уж лучше бы мне сегодня выдержать диспут с сотней прожженных софистов, лишь бы избежать смертоубийственных доводов этого негодяя.

Педантиус: Поелику твоей душой овладела «злата заклятая жажда»²⁰ («заклятая» сказано по противоположности, ибо «заклятый» есть обреченный подземным богам), желаю тебе, чтобы все, до чего ни коснешься, обращалось во золото. Ты, возможно, почтешь это наилучшею долей; однако имей в виду, что тогда тебя постигнет участь Мидаса (заодно желаю тебе и ушей как у него), каковой был изнуряем голодом, не умея питаться золотом. Ага! Вот мне и открылось поле, на котором есть где разгуляться красноречию. Итак: о сородственник Меркурия не по речистости, но по вороватости, да изнурят тебя Танталов камень²¹ и его же жажда, да исколесует тебя Иксионово колесо, да увлечет тебя Харон-весельник по волнам Флегетонова Орка

²⁰ Вергилий, «Энеида», III, 57.

²¹ Редкая версия посмертной кары Тантала (Еврипид, «Орест», 4–7; и др.).

за то, что занес свой серп над моею жатвой. Но знай, злодей, что не отнял ты у меня ни безмятежности духа, равняющей с богами, ни учености, ни благоразумия и ни единой из моих добродетелей (как божественно сказано об Атилии Регуле)²².

Дромодот: А меня он лишил моей расточительности — если не в полном смысле, то по крайней мере в отношении действия и орудий оного. Ибо я радикально прочищен, хотя это и противоречит медицинской доктрине.

Педантиус: Ладно, пошли в дом, пока он к нам опять не прицепился.

Акт IV, сцена I

Кробол, Понглост, Тирофаг.

Кробол: Сходи-ка, Понглост, приведи поэта, чтобы вознес моего Тирофага на самый престол небожителей в какой-нибудь там апофеозе. Право же, исключительным своим хитроумием он заслуживает алтарей, жертвоприношений, благоговения и бессмертия.

Понглост: Не угодно ли еще, чтобы я приволок сюда на своем горбу какой-нибудь храм, или уж сразу Капитолий?

Тирофаг: Да будет вам: я всего только смертный, а в сравнении с тобой, продувную бестией, и вовсе чурбан, остолоп, еловая голова.

Кробол: Твоими бы устами мед пить. Увы, этот талант во мне день ото дня иссыкает с отвычки, и я уж не так ловко плету уловки, как прежде. Поток моих хитростей иссох от любовного жара; все пропало; чуть стоило влюбиться — и глядь, вмиг оскудели равнины, где прежде высилась Троя²³. Да что там: я ведь уже ни есть, ни пить не могу, как прежде; огрубел мой желудок, закоснел, закупорился. Боюсь, недалеко до чахотки; ох, ох!

Тирофаг: Стыдно тебе эдак жаловаться: по мне, Кробол, ты прямой счастливчик. Так у тебя все выходит по-задуманному, что хоть с рассвета до заката хлопай в ладоши, прославляя твою удачу, все будет мало.

²² Похвала Атилию Регулу, который в 251 г. до н. э. ценой собственной жизни убедил сограждан не заключать мир на условиях карфагенян, уже в античных школах стала ходовым риторическим упражнением.

²³ Вергилий, «Энеида», III, 11.

Понглост: Что до меня, то если бы даже я стал ненавистен всем богам и людям, если бы пришлось мне низко поклониться кресту (каковой, надеюсь, все-таки ожидает меня как заслуженный венец после стольких тягот)²⁴, если бы пала республика и погибла отчизна — все равно бы ни на столечко не расстроился. Слышь, хозяин, хочешь, испытаем мое проворство?

Кробол (не слушая): Когда помер господин мой Хремил, я было решил, что свободен; но просчитался. Я лишь переменял хозяйина, угодив в рабство куда более тяжкое. Новые оковы надел на меня, несчастного, Купидон. О всевластная страсть, ты сама и жернов, и мельница; палачи твои — страх и надежда, и хлещут они мою бедную душу по очереди. Пришибла, прошибла сердечко мое купидонова палица. Одно утешение — колода, к которой меня привязали мои мучители; за право обнимать ее я охотно позволю засечь себя до смерти.

Тирофаг: Да будь же наконец волен, весел, игрив: враг повержен, твоя комедия выгорела.

Кробол: Это мы пока только разминались; а теперь предстоит битва, и притом тяжелейшая.

Понглост: Если выпадет биться, хозяин, то вот он я — буду тебе заместо всех оруженосцев, щитохранителей и дубинодержавцев.

Кробол: Старик запер мою Лидию вот в этом доме и без выкупа не отпустит. Одним словом, или я оплачу свою любовь, или оплачу. Что ж, настала пора созывать сенат моих замыслов. Проходи, располагайся, Рассудок (ты у нас вроде пожизненно-го Цезаря Августа); а теперь вы, Смекалка и Проницательность (словно бы два консула); дальше пускай займут места Любовь и Ненависть (народные трибуны), за ними Отвага и Осмотрительность (это эдилы, то бишь оценщики), с подручными своими Обманом и Подкупом; ну и, наконец, все всадническое сословие моих хитростей. Судите, решайте, где раздобыть денег, в которых мне нужда.

Тирофаг: А что это ты с таким дурацким видом в землю уставился? Можно подумать, что оттуда не только золото выкапывают, но и умные мысли тоже. Ну-ка подыми голову!

²⁴ Распятие на кресте — позорная казнь рабов — служит в римской комедии неистощимым источником шуток в духе «черного юмора».

Понглот: Тук-тук, открывайте, есть ли кто дома?

Кробол: Что это ты меня сбиваешь, мерзавец?

Понглот: Да вот хочу достучаться до кое-кого из сенаторов, которые там у тебя внутри совещаются. А то они что-то притихли. Видать, уснули прямо в заседании, что твои олдермены.²⁵

Кробол: А не позабыл ли ты, негодяй, что я твой хозяин? Будет тебе от меня за это крест и головотяпка. (*Себе под нос.*) Прошу, великий Цезарь, изложи дело еще раз: пусть сенат его обдумает. (*Словно бы прислушивается.*) Браво, достойная речь: императору подобает краткость.

Понглот: Ты мне крестом грозишь? Да ведь это моя фамильная усыпальница²⁶. Ха-ха, крестом! Да для меня провисеться — что прогуляться! Эх, хозяин, слез у меня не хватает, на тебя глядя: от любви у тебя мозги облетели и печенки наружу повывлезли. Брось ты эти бабьи мысли и давай уже совершим какое-нибудь геркулесово деяние.

Кробол: Чтоб тебя боги поделом погубили! Из-за твоей трескотни не могу расслышать, что там говорят консулы. (*Невидимым консулам.*) Да-да, прошу вас, продолжайте.

Понглот (говорит за «консулов»): Так употребим же всю нашу доблесть и силы, хозяин, дабы вызволить золото (сей почтенный металл, имеющий немалые заслуги перед отечеством) из темницы, из цепей, из-под стражи скупцов, не желающих делиться! После же натешимся вволю, согреем душу употреблением горячительных напитков (ибо они суть точильный камень доблести)²⁷, не пренебрегая и разминкою челюстей, дабы не поразила их ржавчина. (*Тирофагу.*) Эй, ты, мудрая глотка, аршинное брюхо, что на это скажешь?

Тирофаг: Да ты сам и часу не проживешь, чтобы чего-нибудь не прожевать. А мое брюхо ветром брюхато, не вином. Но будь другом, скажи по-честному: ты вот собираешься в грабители податься — неужели ни капельки креста не боишься?

Понглот: А чего бояться? Все однажды умрем.

²⁵ «Старейшины», выборные члены городского управления.

²⁶ Плавт, «Хвастливый воин», 372.

²⁷ Ср. Цицерон, «Лукулл», 135: «Панэтий говорил, что <...> гневливость — точильный камень доблести».

Тирофаг: Так ведь позорно на виселице-то болтаться.

Понглот: Смотря кому. Александру, Помпею, Цезарю, что мерят свою славу мнением толпы — о да, зазорно. А мое благородство зиждется не на молве, а на добродетелях, и потому никакой позор его запятнать не может.

Тирофаг: Цезарь, прошу, уйми народных трибунов. Что-то они ссорятся.

Кробол: Да уж, отвага в тебе бродит истинно героическая: за такую полагается крест высшей степени с отличием.

Понглот: А по мне так нет ничего постыднее, чем испустить дух на своей постели, так сказать, во мраке забвения: куда почетней умереть открыто, на глазах у сограждан, в окружении рассеявшихся зрителей, чем бесславно в каком-нибудь темном углу.

Тирофаг: Славно рассуждаешь: не хватает только публики да судейских.

Понглот: О, сколь божественней кончина того, кто возносится ввысь и, удалясь от подлунной мрази, причащается небесам: душа его, летя в эфирные чертоги, меньше времени проведет в пути.

Тирофаг: А вот мне вовсе не с руки залетать так высоко: душе ведь все равно суждено томиться в подземном царстве, а дотуда сверху не дольше ли добираться? Впрочем, попробуй, коли хочешь: если у тебя получится, то и я следом.

Кробол (себе под нос): А подручные эдилов, оказывается, могущественнее, чем вся когорта всадников...

Понглот (Тирофагу): Ты духом жидковат, нет в тебе этого, знаешь, врожденного благородства. Ладно, испытаю тебя на чем-нибудь попроще. Как насчет в кости со мной сыграть?

Тирофаг: У меня других дел хватает; и потом, что ты на кон поставишь? Я за твое тело с душонкой впридачу больше обола не дал бы.

Кробол (беседует с «сенаторами»): Как вы сказали? Благодарю. А ну как она не пожелает дурачить его, прикидываясь влюбленной? Нет, не может быть: ведь меня-то она любит непритворно, а иначе не видать ей ни меня, ни свободы. А ну как он не пожелает или не сумеет выложить столько золотых сразу? Ай, не мелочись. Еще как сумеет; и уж конечно пожелает, раз

уж ему без нее жизнь не мила. А если он ее выкупит, как предотвратить их свадьбу? Да вот как: чуть только он отсчитает и передаст нам деньги, разыграем, как будто она умерла: и тогда уж ему ни ее не видать, ни монет. (*Громко.*) Все, дело покончено: сенат вынес постановление. Как решили, так и сбудется. Ну, Тирофаг, прощай.

Тирофаг: Боги в помощь твоим начинаниям; а я пошел.

Кробол: Пойдем и мы, Понглост.

Акт IV, сцена 3

Педантиус, Лудион.

Педантиус: На помощь, люди добрые, спасите, смертные и бес-смертные! Так надругаться над учителем изящнейшей словесности! В каком государстве мы живем?²⁸ К чьим стопам мне припасть? Где та скорбь, где тот вопль тоски великой, что равен нашему бедствию? О, если бы восстали из мертвых Минос и Радамант (ибо все прочие боги праздно вкушают свой нектар, меж тем как я, их оратор, предан на поругание)! Внемли, о Минос: минус двадцать мин разом! Хитростью исторгли их у меня, хитростью: каково злодейство! А я-то возомнил, будто достиг счастья! Но, о Солон, Солон, по слову твоему: «при жизни — никто»²⁹.

Лудион: Если бы ты сделался сам Юпитер (и лучше бы не прямо сейчас, а, скажем, позавчера), уж тогда бы он не укрылся от твоих перунов.

Педантиус: А если бы Юпитер сделался вместо меня Педантиус, уж я бы, если бы не отмстил за его несчастья, тотчас сам сложил бы оружие. А как кстати бы было оказаться ну хоть царем: будь у меня (как то царям свойственно) длинные руки³⁰, уж я бы этого убийственного душегубца разыскал и разразил, распростер, ниспроверг. Где он, где? Но поелику я, как тебе известно, оратор, не заклеимить ли мне сего мятежнейшего из граждан двумя-тремя филиппиками, по образцу Цицеронову

²⁸ Цицерон, Первая речь против Катилины, 9.

²⁹ «...не должен называться счастливым». См., например, Геродот, I, 86.

³⁰ Овидий, «Героиды», 17, 166.

и Демосфенову? Ибо не было такого врага отечества, который не объявлял бы войну также и мне³¹.

Лудион: О, тогда бы ты поразил его сильнее, чем это во власти самого Юпитера. Но, молю тебя, не безумствуй толико: ибо земные блага суть капризны, призрачны и презренны, как ты сам же всегда учил.

Педантиус (в сторону): Он бьет меня моим же оружием!³² (*Вслух, наставительно.*) Не потому я оплакиваю утрату денег моих, что я человек; а потому, что человек ученый. А кто грабит ученых, тот отворяет врата всяческому непотребству! <...>

Зельченко Всеволод Владимирович

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Vsevolod Zelchenko

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University
E-mail: vzelchenko@rambler.ru

³¹ Цицерон, Вторая филиппика, 1.

³² Теренций, «Братья», 958.

Д. В. КЕЙЕР

Санкт-Петербургский институт истории РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет

CARMINA NATALICIA

Ключевые слова: юбилейная ода, новолатинская поэзия, Алкеева строфа.

Автор публикует три юбилейные оды, посвященные петербургским филологам-классикам. Оды написаны на латинском языке и переведены русскими стихами.

D. V. KEYER

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg State University

CARMINA NATALICIA

Keywords: jubilee ode, Neo-Latin Poetry, Alcaic verse.

The author presents three jubilee odes for St. Petersburg classical scholars. The odes are written in Latin and translated into Russian verse.

ALEXANDRO VERLINSKY QUINQUAGENARIO (MMIX)¹

Petropolitanas hodie tetigisse paludes
Pallada posthabita nil vetet urbe sua;
castaque signifera descendens aetheris aula
huc, Venus, excelsi cura Platonis, ades;
nec minus ad festum lascivae nebridis usum
spreveris assuetos, Liber, Hyperboreos
sermonisque latens age sis hortator aperti,
pocula dum crebro saepe replenda micant:
bis duo tam caro quinquennia bis tribus aucta
doctori tacitas non meruere dapes.

¹ Латинский текст опубликован в рукописном сборнике, подготовленном в честь юбиляра под ред. В. В. Зельченко: *Ворεασημοί: Alexandro Verlinsky quinquagenario discipulorum munusculum*. Petropoli, MMIX. P. 3.

nec solum cyathis aequum est decorare magistrum,
ne satur assurgens pignus inane ferat:
haec igitur modicae tentamina tenvia Musae
accipiat vere 'vir bonus et sapiens'.

К 50-летию А. Л. Верлинского (2009)

Сегодня для болот унылых Петрограда
Родным Акрополем пожертвует Паллада,
И, дум Платоновых возвышенный пример,
Киприда чистая сойдет с небесных сфер,
И Бахус не презрит (пускай покров олений
Не в моде здесь) гиперборейских поселений,
Но, сам скрываясь в хороводе пенных чаш,
Речей открытых вдохновитель будет наш:
Пятидесятый год наставника такого
Справлять в безмолвии не должно, право слово;
А чтоб не только яств и кубков без числа
Обузу он унес, поднявшись от стола,
Пусть сердцем чистый муж и мыслью изощренный
От скромной Музы нашей примет дар смиренный.

ALEXANDRO GAVRILOV SEPTUAGENARIO (MMXI)²

Nec mole tantum pyramidum neque
campo carinis fortiter eruto³
Memphiticas insignis oras
omne sequetur honos in aevum:

infanda doctum sustulerit licet
sacrarium sors, Aonias tamen
chartis adaugendis alumnas
non minor est coluisse fama.⁴

² Латинский текст опубликован в журнале *Hyperboreus*. 2010–2011. Vol. 16/17. (= Variante loquella: Сборник статей к семидесятилетию А. К. Гаврилова. СПб., 2011). Pp. 9–10.

³ Hoc est canali illo, qui dicitur Suez.

⁴ Bibliotheca Alexandrina Petropolitanae comparatur.

te litterarum Petropoli duce
molita sedes e nihilo viget
gratosque in aeternum Camenis
imbuet ingenuis nepotes.

commune virtus acrior ad bonum
spretis ruinis erigitur polo:
cui tale submissum Colosso,
quae monumenta perenniora?

at contigit nos alea posteris,
quocumque vivent orbe, beatior,
qui nec magistro nec sodali
nec, bone, te careamus umquam

subdente largas ad studium faces
antiquitatis — nec vehementius,
cum surgit Orion, protervis
arida frons agitur auris,

nec sol pruinas imperiosius
pigram resolvi post hiemem iubet —
seu nos cathedra sive laetis
dulce tenes epulis loquendo.

nunc unctiores Attalicis dapes
nobis parandae sartaque florida:
bis terna nemo bis quaternis
lustra tibi celebrabit aucta

cultore duri sanior Ismari.
quin et carentes interitu patet
divos, Alexander, tenacem
corde tui refovere curam.

non est, ut absint hinc sapientiae
cultrix avitae Pallas et Euhius
Euan honoratus cothurno
Cecropio levibusque soccis

Phoebusque eburna conspicuus lyra,
quem saepe terris excipit algidis
nautis et occlusus pedestri
coetus Hyperboreorum ituro⁵.

К 70-летию А. К. Гаврилова (2011)

Не только бремя гордых пирамид
Иль бег судов в пустыне раскаленной
Земле египетской навеки сохранит
Венец величия нетленный:

Пусть прихотью судеб ученый храм
Не избежал безвременной расправы,
Лелея свитки, послужить святым сестрам —
Равно возвышенная слава.

Воздвигнутый тобой приют Камен
В Петрополе из праха процветает
И дальних правнуков сквозь долгий ток времен
Кастальской влагой напитает.

Отринув страх, стремится прочно ввысь
Та доблесть, что радеет общей доле.
Какой колосс над нею волен вознестись,
Чьи простоят гробницы доле?

Но, что б ни ждало мир, наш тесный круг
Счастливее грядущих поколений:
Ведь с нами рядом ты — непревзойденный друг
И кладезь мудрых наставлений.

В сердцах воспламенить умешь ты
Стремленье к разысканиям ученым
Сильней, чем резвый ветер увядшие листья
С восходом треплет Ориона,

⁵ Alluditur ad inscriptionem «Hyperborei» voluminibus praefixam, quae est Pind. Pyth. 10, 29–30: ναυσι δ' οὔτε πεζῶς ἰὼν κεν εὐροις // ἐς Ὑπερβορέων ἀγῶνα θαυμαστὰν ὁδόν.

И властнее, чем солнца луч весной
Тревожит сонный снег, — проникновенной
Плняя речью нас на кафедре родной
И за столом отдохновенным.

И блеском яств, и пышностью цветов
Пусть сам Агтал сегодня ослепится.
Пять пар твоих седмиц едва ли кто готов
Справляя трезвенней напиться,

Чем верный Вакху сын фракийских гор,
О Александр, и, как и прежде, строго
Печется о тебе далекий смерти хор
Жильцов эфирного чертога.

Минерва твой украсит юбилей,
Ревнительница мудрости высокой,
И с ней Кекропова котурна друг Лиэй,
Не чуждый ветреному сокку,

И Делий, звучной лиры властелин,
Опять спешит к гиперборейским мразам,
Куда и веслам путь среди морских равнин,
И пешим посуху заказан.

NICOLAO KAZANSKY SEXAGENARIO (MMXII)

est, ut sonoris quae premitur fretis
lene et serenum contineat lacum
tellus et expers aestuantis
vallis ibi lateat procellae.

Atlantis instar litora fluctibus
exesa raucis astra iugo ferunt
lentasque consuetis choreas
stagna per alta movere cyncnis

ventos iniquos et rabiem maris
arcent ab omni parte benignius
quam sedulae nutricis olim
cor puero vigilat cubanti.

sic, sic habenas cum rudis impias
castis Camenis addidit advena
Vertumnus indignante Phoebō
sceptra gerens avibusque diris,

te Nicolai non sine dis tua
virtus adeptum nomen, io, probat,
cuius triumphis est tuenda
iusta quies Heliconis alti.

doctrina magnae grata potentiae
quam grande robur, Palladis arguit
Aegis Giganteae cohortis
pestis et ictus Apollinari

Python sagitta. quae poterit lyra
talem patronum laudibus exsequi?
quae vina natales honores
quaeve dapes celebrare dignae?

servent in annos non inamabilem
nobis sodalem numina plurimos,
quae rore Hyanteo frequenter
a proavis genus hoc rigarunt.

esto beatus, care, ter et quater,
praeter colendas inclyte litteras
Cretae Mycenarumque ditum
coniuge progenieque docta.

К 60-летию Н. Н. Казанского (2012)

Средь бурь морских взнесенная земля
Порой таит за кручей скал прибрежных
И гладь озерную прозрачней хрусталя,
И склон долины безмятежной.

Как Атлас упираясь в небосвод,
Глухим прибоем точатся стремнины,
А в тихом озере неспешный хоровод
Станицей вьется лебединой.

И буйный ветер, и ярая волна
Встречают всюду мощную преграду, —
То няня, скажешь ты, заботных дум полна
Над люлькой дремлющего чада.

Когда Вертумн уклад святых Камен,
В недобрый час до их достигший трона,
Угрозой суетных тревожит перемен
К негодованью Аполлона, —

Так доблестным усердием твоим,
О Николай неложно нареченный,
Покой вершин Парнаса бережно храним
И громкой славою ученой.

Могущество, что знаньем дорожит, —
Над всеми торжествующая сила:
Порукой будут в том Минервы грозный щит
(Гигантов частая могила)

И луком Феба свергнутый Пифон.
Чья лира для похвал твоих смелеет?
Каких услада яств, каких бокалов звон
Под стать герою юбилея?

Пусть, милый друг, тебя за годом год
Те ж божества участием окружают,
Что род высокий твой струей Кастальских вод
От века к веку орошают,

Счастливься, читатель Крита и Микен,
Известный уж всему земному кругу
Помимо чтения затейливых писем
Ученой дочерью и супругой.

Кейер Денис Валерьевич

Кандидат филологических наук, научный сотрудник
Санкт-Петербургского института истории РАН,
доцент кафедры классической филологии
Санкт-Петербургского государственного университета.

Denis Keyer

PhD in Philology (kandidat nauk), Researcher at St. Petersburg Institute
of History of the Russian Academy of Sciences;

Associate Professor, Department of Classical Philology
at St. Petersburg State University.

E-mail: keyer@mail.ru

ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ

Ключевые слова: древнегреческая трагедия, Софокл, Еврипид.

В «Избранных переводах из древнегреческой трагедии» Л. Б. Поплавская предлагает вниманию читателей собственные переводы отрывков из трагедий Софокла «Филоклет» и Еврипида «Орест».

L. B. POPLAVSKAYA

St. Petersburg State University

SELECTED TRANSLATIONS

Keywords: classical Greek tragedies, Sophocles, Euripides.

In her "Selected translations from classical Greek tragedies" L. B. Poplavskaya introduces to the readers her own translations of excerpts from Sophocles' "Philoctetes" and Euripides' "Orestes".

Переводчики иноязычной поэзии испытывают известные трудности: как сочетать желаемую лексическую точность с художественной убедительностью родного языка? Ведь читатель не видит текста подлинника, а воспринимает только родное слово, хотя и знает про автора перевода, что это «не он пишет стихи». Иногда количество строк при передаче авторской строфы не хочет укладываться в нужное количество стихов, так как даже при калькировании текста количество букв будет разным в словах одного значения, а многие метафоры вообще не поддаются калькированию. Еще труднее, если переводятся стихи великих поэтов, уже неоднократно переведенные отечественными мастерами, или одним единственным, но гениальным переводчиком. О «переводческих «отталкиваниях»» писал М. Л. Гаспаров в одноименной статье: «Русский Еврипид — это Еврипид Иннокентия Анненского»¹. Но есть еще русский Софокл

¹ Гаспаров М. Л. Переводческие «отталкивания» // ЕΠΙΣΤΟΛΑΙ: сб. стат. к 80-летию проф. Наталии Александровны Чистяковой. Изд-во СПбГУ. СПб., 2001. С. 38–45.

С. Шервинского. И какой переводчик, продолжает М. Л. Гаспаров, «рискует потратить годы на новый эксперимент с сомнительным исходом»². Сам Михаил Леонович переводил «Электру» и «Ореста» Еврипида, отталкиваясь от И. Анненского «как от крайности словесной вольности»³. Его сковывал в переводе И. Анненского пятистопный ямб, и Еврипид, переведенный верлибром, как до этого было с переводом «Неистового Роланда» Ариосто, был ему ближе, более «живым и человечным»⁴. Любой филолог-классик, если он читает авторов со студентами, «отталкивается» от «буквоедства» в соблюдении не только синонимического ряда в градации текста подлинника, но и от точности в соблюдении синтаксических конструкций. Тогда ему захочется «свободного полета» в преодолении стереотипов перевода, от которых зависят баллы на студенческих экзаменах. И надо научиться получать удовольствие от этого чтения, даже по привычке соблюдая точность оборотов. У нас у каждого свой Софокл и Еврипид. Предлагаем вниманию читателей избранные переводы из трагедий Софокла «Филоктет» и Еврипида «Орест».

Софокл «Филоктет»

Первая строфа хоровой песни I стасима

(v. 135–143):

Скажи мне, царь, о чем же должно,
Чтоб я молчал, иль говорил о чем
С тем человеком, что не доверяет?
Ведь я чужой и на чужой земле.
Твоё искусство всех искусней, а разумение твоё владеет
Божественным Зевесовым жезлом. 140
К тебе, дитя, пришла вся сила
Огига древнего из Фив
Скажи о том, чем только должно
Мне в этом помогать тебе.

² Гаспаров М. Л. Переводческие «отталкивания» // ЕΠΙΣΤΟΛΑΙ: сб. стат. к 80-летию проф. Наталии Александровны Чистяковой. Изд-во СПбГУ. СПб., 2001. С. 38.

³ Там же. С. 39.

⁴ Там же. С. 41.

Когда кому-то хорошо живется, пускай
Внимательнее жизнь он наблюдает,
Чтоб не погибнуть так же ненароком.

505

Софокл «Филоктет»

(v. 603–661):

- КУПЕЦ Возможно, ты не слышал, и тогда я изложу тебе
Сейчас всё это. Был некий благородный прорицатель
Приама сын, а звался он Гелен.
Однажды ночью хитрый Одиссей, отправившись один,
Подслушал его позорные и бранные слова.
Схватив, связал, ахейцам предоставил, он среди них
Прекрасная добыча, но им Гелен открыл и всё другое,
И то, что в Трое крепость не разрушат, куда,
Словом не уговорив, они его не отвезут отсюда,
От острова, где тот сейчас живет. И тотчас,
Как услышал сын Лаэрта, что прорицатель 613
Этот говорит, он сразу обещал тогда ахейцам,
Что схватит и предъявит мужа им, и полагает,
Что по доброй воле, а коли не захочет, так
И желания его не надо, а все же привезет,
Но, если не добьется, главу на отсечение дает
Тому из них, кто только пожелает.
Ты слышал всё, сынок, и торопиться советую 620
Тебе я и ему, раз чем-то сильно озабочен.
- ФИЛОКТЕТ О, я несчастный! Неужели тот, в ком вредность вся,
Поклялся меня к ахейцам выслать, убедив
Послушаться?... Ну, нет! Умру и из Аида вернусь
Опять на свет, как и его родитель. 625
- КУПЕЦ Не знаю этого; пошёл я к кораблю,
И дай вам бог обоим то, что лучше!
- ФИЛОКТЕТ Не страшно ли, сынок, ведь Лаэртид
Надеется, что мягкими словами он убедит
Меня приплыть на обозренье в кругу ахейцев. 630
Нет, скорее я послушаюсь ехидны, враждебнее ее
Нет в мире никого, она ведь сделала меня безногим.
Но для него возможно всё сказать, на всё дерзнет он.

И теперь я знаю, что ради этого сюда приедет.
Предпримем же, сынок, чтоб море, как граница,
От судна Одиссея отделило нас. Пойдем,
Ведь своевременная спешка приносит
Сон и отдых, если труд закончен.

НЕОПТОЛЕМ А разве не тогда мы отплывем, коль ветер в нос корабля
Нам задувать не станет? Теперь еще мешает
он отплыть. 640

ФИЛОКТЕТ Прекрасно плаванье всегда, когда бежишь от бедствий.

НЕОПТОЛЕМ Знаю; но ведь и им отплыть погода не дает.

ФИЛОКТЕТ Разбойникам нет дуновенья «против»,
Когда явился красть и грабить силой.

НЕПТОЛЕМ Раз решено, отправимся, но взяв отсюда то,
В чем есть тебе нужда и полюбилось очень.

ФИЛОКТЕТ Да, есть, что нужно, хоть того немного.

НЕОПТОЛЕМ Что ж это? Разве нет на корабле моем?

ФИЛОКТЕТ Какой-то листик у меня отложен, им всегда
Я язву усыплял, чтобы совсем утихла. 650

НЕОПТОЛЕМ Ну, выноси! Что взять еще желаешь?

ФИЛОКТЕТ Боюсь я, как бы не оставить из стрел какую.
Случайно выпадет, и не заметишь, а другой прихватит.

НЕОПТОЛЕМ Так неужели это славный лук, тот самый,
что сейчас ты держишь?

ФИЛОКТЕТ Этот, ведь другого нет, его из рук не выпускаю.

НЕОПТОЛЕМ Возможно ли, чтоб рассмотреть поближе,
Его я взял и поклонился ему, как богу?

ФИЛОКТЕТ Тебе, дитя, и это и другое
Из моего на пользу бы пошло.

НЕОПТОЛЕМ Да, жажду я, желаньем весь охвачен: предоставь, 660
Коль то дозволено, о, как хотел бы,
А если нет, тогда не надо, право!

Еврипид «Орест»

(v. 195–287):

- ЭЛЕКТРА⁵ Убила ты и умерла,
О, мать, родившая меня, из-за того,
Что погубила отца, детей своих, родных по крови.
Подобно мертвецам, мы гибнем, гибнем:
Средь мертвых ты, моя же жизнь
Проходит большей частью
В ночных слезах,
В стенании и плаче;
Притом, что я безмужняя, бездетная⁶,
Поскольку я влачу напрасно жизнь
В застывшем времени.
- ХОР Электра, дева, ты поближе посмотри,
Не умер ненароком твой сородич?
Не нравится, что слишком ослабел он. 210
- ОРЕСТ О милое очарование сна, защита от болезни,
(очнувшись) О, как приятно, что приходишь ты, когда нуждаюсь.
О Лета — ты хозяйка наших бед,
Как мудрый бог в обетах всех несчастных.
Откуда я пришел сюда? И как попал?
Совсем не помню, что было до того, как ум меня оставил.
- ЭЛЕКТРА Как рада я была, мой дорогой, когда ты сном забылся.
Ты хочешь, чтоб тебя коснулась я и облегчила тело?
- ОРЕСТ Возьми и оботри с несчастных уст
И глаз моих застывшую и пенистую массу. 220
- ЭЛЕКТРА Вот так, мне служба в радость, я не откажу
В лечении рукою телу брата.
- ОРЕСТ Подставь под плечи грудь свою, откинь с лица
Нечесанные волосы, ведь узко обозрение для глаз.
- ЭЛЕКТРА Несчастливая глава и с грязными кудрями,
Как одичала ты, невытая давно.

⁵ v. 195–208 in cod. Σ ἐν τῷ ὑπομνήματι καὶ τὰ ὅλα τῆς Ἡλέκτρας; in al. codd. τὰ ὅλα τοῦ χόρου.

⁶ v. 206 испорчен.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Euripides. Orestes* / ed. W. Biehl. Leipzig: Teubner, 1975. LXI, 158 S.
2. *Sophokles. Philoktetes* / ed. A. Nauck. Berlin: Weidmann, 1882. 159 S.

REFERENCES

1. Euripides. *Orestes*, ed. W. Biehl. Leipzig, Teubner, 1975. LXI, 158 S.
2. Sophokles. *Philoktetes*, ed. A. Nauck. Berlin, Weidmann, 1882. 159 S.

Поплавская Лариса Борисовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета.

Larisa Poplavskaya

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,
Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: gsed-szfrap@mail.ru

IV. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ

УДК 821.161.1+808.1

А. В. УСПЕНСКАЯ

Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов

АНТИЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ: ОТ ТРАВЕСТИИ К ТРАГЕДИИ

Ключевые слова: интертекстуальные связи, античная рецепция, Н. В. Гоголь.

В статье рассматриваются многообразные связи творчества Н. В. Гоголя с античной культурой. Античные элементы выполняют в его произведениях различные функции: с одной стороны, возведение сюжетов и образов к знаменитым архетипическим первоосновам дает возможность раскрыть их глубокий, неявный на первый взгляд смысл, придает повествованию универсальный характер. Вне античных коннотаций не могут быть до конца поняты и «Старосветские помещики», и сборник «Миргород» в целом, и повесть «Шинель». С другой стороны, они дают возможность Гоголю, сочетая травестийное и трагедийное, строить глобальные историософские и культурологические схемы, проясняя сложные взаимоотношения русской культуры и европейского Возрождения, а также возможности и перспективы дальнейшего пути России.

A. V. USPENSKAYA

Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences

RECEPTION OF CLASSICAL ANTIQUITY IN GOGOL'S WORK: FROM TRAVESTY TO TRAGEDY

Keywords: intertextual relations, reception of classical antiquity, N. Gogol.

The article deals with diverse connections of Gogol's works with classical culture. Antique elements in his works performed different functions: on the one hand — the construction of scenes and images to the famous archetypal first principles makes it possible to reveal their deep, implicit sense at first glance, gives the narrative a universal character. Outside the antique con-

notations it is impossible to understand the “Staroswetskiye pomeshchiki” as well as the collection “Myrgorod” as a whole, and the story “The Overcoat”. On the other hand — they give the opportunity to Gogol, combining travesty and the tragic, to build global and historic-cultural schemes, clarifying the complex relations between Russian Culture and the European Renaissance, and the opportunities and prospects for the future path of Russia.

Интертекстуальные связи, пронизывающие творчество Н. В. Гоголя, несмотря на обилие научной литературы, посвященной этому вопросу, и более чем полуторавековые плодотворные комментаторские усилия, еще нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении. В частности, немалый интерес представляют многообразные связи творчества Н. В. Гоголя с античной культурой, хотя и они уже привлекали внимание исследователей. Так, еще К. Аксаков обращал внимание на связь поэмы Гоголя «Мертвые души» с «Илиадой» Гомера, находя в ней «глубину, простое величие, всевидящий эпический взор, всеобъемлющее эпическое созерцание» [Аксаков, Аксаков, 1953, с. 66]. Эпические начала он находил также в «Шпоньке и его тетушке» и «Старосветских помещиках», правда, ограничивался лишь констатацией этого положения. Связи Гоголя с Гомером рассматривал и С. И. Радциг [Радциг, 1959, с. 129–133]. Г. А. Гуковский отмечал черты Золотого века в «Старосветских помещиках» [Гуковский, 1959, с. 79–80]. Сходство с изложенным у Овидия мифом о Золотом и Железном веках обнаруживает в сборнике «Миргород» И. А. Есаулов [Есаулов, 1995, с. 80]. Исследователи сближали с «Илиадой» повесть «Тарас Бульба» и приводили убедительные текстуальные доказательства прямого влияния гомеровской поэмы на Гоголя [Егунов, 1964, с. 126–128; Proffer, 1967, pp. 161–182; Вулих, 1984, с. 143–153; Вайль, Генис, 1991, с. 87–94]. Выявлялись связи «Ревизора» с политической комедией Аристофана [Иванов, 1926, с. 89–99], находили сходство поэмы «Мертвые души» с «Энеидой» Вергилия и «Метаморфозами» Овидия [Гриффитс, Рабинович, 2005, с. 99–172], было высказано соображение, что характеры героев «Мертвых душ» строятся по рецептам «Характеров» Феофраста [Вайскопф, 1993, с. 212, 444–445], в «Миргороде» видели переключки с «Параллельными жизнеописаниями» Плутарха [Гуковский, 1959, с. 131]. В «Вечерах на хуторе близ Диканьки», прежде всего в повести «Майская ночь,

или Утопленница», современные исследователи находят элементы античного коммоса [Perlina, 2008, с. 151–168].

Однако в целом исследование античных реминисценций у Гоголя до сих пор носит характер разнородных, не систематизированных заметок. Смысл и значение обращений Гоголя к миру древней Греции, воспринимавшемуся писателем очень широко, как фундамент западной культуры, — во многом еще требует уяснения.

Прежде всего необходимо уточнить вопрос о знании Гоголем древних языков и в целом — об уровне образования, полученном в гимназии. Миф о плохой учебе и недостаточной образованности Гоголя создавался усилиями ряда его биографов еще в XIX в.¹, затем был поддержан В. Набоковым в его «Лекциях по русской литературе» [Набоков, 2001, с. 36]. Между тем созданная по примеру Царскосельского лицея Нежинская гимназия высших наук давала достаточно широкое образование². Ее устав, утвержденный Александром I, гласил: «Гимназия сия есть публичное учебное заведение. Она состоит между учебными заведениями в числе занимающих первую степень после университетов... и отличается перед губернскими гимназиями высшей степенью преподаваемых в ней предметов» [Иофанов, 1951, с. 135]. Десятый параграф устава гимназии перечислял преподаваемые предметы: «1) закон Божий, 2) языки и словесности российская, латинская, греческая, немецкая и французская, 3) география и история, 4) науки физико-математические, 5) политические 6) военные и, сверх того, танцы, рисование и черчение» [Там же]. На выпускных экзаменах Гоголь получил по 20 предметам — «отлично», по трем — «хорошо», и только по дифференциальному исчислению «удовлетворительно». Таким образом, по латыни он имел отличные оценки. В гимназии преподавали и греческий язык, но в какой степени овладел им Гоголь — судить трудно. По воспоминаниям друзей, Гоголь, живя за границей в гостях у Жуковского, помогал ему советами в работе над переводом «Одиссеи». Биографы Гоголя, как правило, этот факт достоверным не считают. Однако о пристальном интересе к переводу свидетельствует, например письмо к Н. М. Языко-

¹ См., например: [Николай М., 1856, с. 20–21; Лавровский, 1879, с. 52].

² О гимназических годах Гоголя см.: [Иофанов, 1951].

ву от 2 января 1845 г., где Гоголь, живший в то время у Жуковского, сообщает, что переведено уже двенадцать песен: «Перевод этот есть решительно венец всех переводов» [Гоголь, 1952, с. 444]. 4 июля 1846 г. Гоголь из Карлсбада посылает П. А. Плетневу свою статью «Об Одиссее, переводимой Жуковским» и просит напечатать ее в «Современнике», а потом во всех журналах, «которые больше расходятся в публике».

Небезынтересно проследить происхождение легенды о плохой учебе Гоголя и прежде всего о незнании им древних языков. Можно выявить два наиболее очевидных источника: во-первых, это воспоминания соучеников из аристократических семейств, прежде всего В. И. Любича-Романовича, в которых говорили сословные предрасудки, смешанные с завистью, во-вторых, это воспоминания учителя латыни И. Г. Кулжинского. Однако признать его воспоминания заслуживающими доверия трудно, так как он был весьма пристрастен. Гоголь писал 19 марта 1827 г. своему другу Г. И. Высоцкому о насмешках всего класса над Кулжинским, опубликовавшим книгу «Малороссийская деревня» — консервативно-сентименталистскую идиллию, рисующую жизнь украинской деревни как «сокращенный Эдем»: «Этот литературный урод причиной всех его бедствий: когда он только проходит через класс, тотчас ему читают отрывки...». Доведенный до отчаяния Кулжинский «...решился униженно и смиренно просить нашей милости не рушить стихотворное его спокойствие и не срамить печатный бред его» [Иофанов, 1951, с. 173]. Похоже, что Гоголь был одним из главных насмешников. Не удивительно, что Кулжинский в воспоминаниях дает ложные указания на то, что Гоголь плохо учился в гимназии и «не знал спряжения глаголов ни на одном языке», представляя собой «почву невозделанную и необработанную» («terra rudis et inculta»), хотя по латинскому языку Гоголь имел у него высший балл [Иофанов, 1951, с. 144].

Вопрос о знании Гоголем древних языков достаточно важен: нет сомнений, что многие античные тексты были ему известны не только в переводах, но и в подлиннике.

Большинство античных рецепций, представляющих собой средства из арсенала Гоголя-сатирика, были уже отмечены в научной литературе, однако они рассматривались вне связи с мировоз-

зрением писателя. Между тем именно они наглядно демонстрируют, что для Гоголя российский путь ускоренного усвоения античных и — шире — западных культурных ценностей представлял определенную проблему.

Важно отметить, что элементы античной культуры, непосредственно связанные прежде всего с древнегреческой мифологией, в 1830-х гг. уже утрачивают роль привычной для конца XVIII — начала XIX вв. эмблематики, призванной эстетизировать повествование. Напротив, они часто смотрятся у Гоголя в контексте российской жизни неорганично, а то и смехотворно. Приведем несколько примеров. В «Повести о том, как поссорились Иван Иванович и Иван Никифорович», как уже отмечено Ю. Манном [Манн, 1978, с. 110–111], некая порча, охватившая современную жизнь, ощущается даже в речи рассказчика — и связано это в том числе и с античными реминисценциями. Сравнительная характеристика обоих Иванов представляет собой пародию на «Параллельные жизнеописания» Плутарха [Гуковский, 1959, с. 131], при этом сравнение не выдерживается до конца: у Ивана Ивановича глаза табачного цвета и *рот*, похожий на ижицу, а у Ивана Никифоровича — маленькие глаза и *нос* в виде спелой сливы. Далее сравнение окончательно принимает иррациональный характер: боязливый характер Ивана Ивановича противопоставляется шароварам Ивана Никифоровича в широких складках. Сам Иван Иванович в минуту гнева приобретает сходство с римским трибуном, изображаемым с поднятой вверх рукой, но сходство это пародийное — рядом с «римским трибуном» — раздетый Иван Никифорович, разинувшая рот баба и мальчик, ковыряющий в носу [Гоголь, 1937–1952, т. 2, с. 238]³.

В повести «Невский проспект» нимфа «случайно залетает» на полотно начинающего художника, причем изображает ее он непременно вниз головой (3, 17). Но уже вовсе не случайным представляется то, что когда художник Чартков вместо пути совершенствования таланта избирает путь ремесленнических поделок, он обращается к расхожим, поверхностно воспринятым античным образам Психеи, Марса, Коринны, Аспазии, предпочтя,

³ В дальнейшем — ссылки в тексте, с указанием тома и страницы.

ради наживы, эти обобщенные, условные образы — живой жизни (3, 106–107).

В «Мертвых душах» античные элементы также подаются преимущественно в сатирическом освещении. Половой в трактире подбегает, «помахивая бойко подносом, на котором сидела такая же бездна чайных чашек, как птиц на морском берегу» (6, 9) — сравнение почти гомеровское. В общей зале трактира изображена «нимфа с такими огромными грудями, каких читатель верно никогда не видывал» (6, 9). При этом упомянут и источник такого рода античных красот — Европа, откуда мы перенимаем культурные достижения, порой весьма неразборчиво: «Подобная игра природы, впрочем, случается на разных исторических картинах, неизвестно в какое время, откуда и кем привезенных к нам в Россию, иной раз даже нашими вельможами, любителями искусств, накупившими их в Италии по совету везших их курьеров» (6, 9). В главе, посвященной Коробочке, упоминается правитель канцелярии — «Прометей, решительный Прометей», при виде начальника испытывающий перевоплощение, «какого и Овидий не выдумает» — в муху, «меньше даже мухи» (6, 49–50). Сам Чичиков, нашедший приют у Коробочки, после того как Селифан вывалил его из брички, снимает с себя «мокрые доспехи» (6, 47) — и, таким образом, пародийно сравнивается с потерпевшим кораблекрушение Одиссеем. Чиновник в присутствии «прислужился Чичикову, как Вергилий прислужился Данту» (6, 144). Пародийное сходство с античным поэтом, проводником Данте имеет и более глубокий смысл — Чичиков подобно Данте путешествует в первой части поэмы по «русскому аду». Председатель гражданской палаты, где Чичиков должен совершить купчую, «мог продлить и укоротить по его желанию присутствие, подобно древнему Зевесу Гомера, длившему дни и насылавшему быстрые ночи» (6, 139). Непрезентабельные чиновники высовывают в окна «неподкупные головы жрецов Фемиды» (6, 141), в грязных комнатах канцелярии «Фемиды просто, какова есть, в неглиже и халате, принимала гостей» (6, 141). Тут же встречается еще одно гомеровское сравнение: «Шум от перьев был большой и походил на то, как будто бы несколько телег с хворостом проезжали лес, заваленный на четверть аршина иссохшими листьями» (6, 142). На балу, в роковую минуту

перед самым появлением Ноздрева, Чичиков рассказывает губернаторской дочке о греческом философе Диогене (6, 171). Во второй части «Мертвых душ» помещик Кошкарёв, одержимый манией прогресса на западноевропейский лад, мечтает о том, что мужик, идя за плугом, «будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы “Георгики” или “Химическое исследование почв”» (7, 63).

Больше всего античного материала содержится в главе, посвященной Манилову. Уже первая его характеристика иронически отсылает читателя к знаменитой оде Горация I, 1, перечисляющей различные устремления людей: конные состязания, политика, сельский труд, путешествия по торговым делам, досуг с чашей вина, война, охота [Horatius, 1982, f. 1–2]. Этим увлечениям, перечисляемым вполне серьезно, Гораций противопоставляет стремление к поэтической славе. У Гоголя мир увлечений предстает в травмированном виде: «У всякого есть свой задор: у одного задор обратился на борзых собак; другому кажется, что он сильный любитель музыки <...> третий мастер лихо пообедать, четвертый сыграть роль хоть одним вершком повыше той, которая ему назначена; пятый <...> спит и грезит о том, как бы пройтись на гуляньи с флигель-адъютантом, напоказ своим приятелям, знакомым и даже незнакомым; шестой уже одарен такою рукою, которая чувствует желание сверхъестественное заломить угол какому-нибудь бубновому тузу или двойке, тогда как рука седьмого так и лезет произвести где-нибудь порядок...» (6, 24). Отметим, что Гоголь также перечисляет семь увлечений, но весьма причудливых, впрочем Манилов даже на этом фоне оказывается совершенно ничтожным.

Манилов культурнее, благообразнее всех прочих помещиков, но античная культура, занимающая в его существовании немалое место, выглядит причудливо и нелепо. «Храм уединенного размышления» посреди разоренного имения (6, 22) если впрямую и не вызывает античных ассоциаций, то и не исключает их. Попытка преобразовать жизнь по классическим рецептам явно не удастся. Чичиков видит у Манилова «щегольской подсвечник из темной бронзы с тремя античными грациями, с перламутровым щегольским щитом» (6, 25), что также выглядит нелепо: грации — богини

любви и красоты, их функции сугубо мирные, и они никогда не изображались в воинском вооружении.

Античный культ дружбы, исповедуемый Маниловым, также выглядит нелепой пародией: Манилову мечтается, что государь, узнав о его дружбе с Чичиковым, пожалует их генералами (6, 39). Возможным претекстом этого эпизода, причем лишенным какой-либо иронии, является сцена из четвертой песни «Одиссеи»: Менелай, принимая в гостях Телемаха, с сожалением говорит о несостоявшейся мечте о дружеском соседстве с его отцом, Одиссеем: «Град бы в Аргосе ему я построил с дворцом для жилища; / Взял бы его самого из Итаки с богатствами, с сыном, / С целым народом...» и далее: «Часто видались тогда бы, соседствуя, мы, и ничто бы / Нас разлучить не могло, веселящихся, дружных, до злого / Часа, в который бы скрыло нас черное облако смерти»⁴ (кн. 4, ст. 174–175, 178–180. Пер. В. А. Жуковского). Как видим, Гоголем насмешливо отвергается возможность высокой самореализации героев в современной жизни.

Имена детей, Фемистоклос и Алкид (6, 30), свидетельствуют о том, что античная история, если и сохранилась в памяти Манилова, то в бессистемных обрывках: важно не только латинское окончание греческого имени, но и «отчество», используемое как имя (Алкид — потомок Алкея, родовое имя Геракла) и негероический характер отпрысков Манилова. Если бы Манилов немного лучше ориентировался в греческой истории, он, вероятно, назвал бы пару Фемистокл и Аристид — в честь знаменитых греческих политических деятелей, нередко упоминаемых вместе. Таким образом, имеет место мнемоническое подражание, механическое перенесение античных элементов на русскую почву.

В таком контексте и другая, более нейтральная деталь — каменный мост через *пруд*, о котором мечтает Манилов, — также может быть воспринята как дань неопределенно-античному колориту, которому так привержен этот персонаж (6, 25). Но именно эта деталь может убедить внимательного читателя, что это не личное пустое чудачество Манилова, это черта, действительно характерная для эпохи в целом (чтобы увидеть каменный мост через пруд, достаточно пройтись, например, по паркам Павловска).

⁴ Hom. *Odyss.* IV, 169–180.

Бессмысленность и вопиющая нефункциональность и этой затеи, и других античных «интенций» Манилова и прочих персонажей высвечивает достаточно серьезную проблему. Дело не в том, что конкретный мелкий помещик занят нелепыми прожектами (заметим, что «Храм уединенного размышления» Манилова напоминает о реальных беседках в «Долине Спокойствия», устроенной отцом Гоголя у себя в Васильевке)⁵. Возникает ощущение, что, по мнению Гоголя, западная культура, фундаментом которой являлась культура античности, на русской почве прививается с трудом, она сама становится под стать неказистой, ущербной природе, увиденной Чичиковым из окошка брички («по обеим сторонам дороги пошли писать чушь и дичь»). Через несколько десятилетий поэт А. А. Фет, сам переведший на русский язык огромный корпус римской поэзии, афористически-кратко сформулировал это соображение: «В Сыртах не встретишь Геликона, / На льдинах лавр не расцветет» («Вот наш патент на благородство...»).

О том, что происходящее в России XVIII–XIX вв. ускоренное, а подчас и торопливое, некритическое усвоение западной культуры представляло для Гоголя серьезную проблему, свидетельствует и его статья 1834–1835 гг. «Ал-Мамун», вошедшая в сборник «Арабески»⁶. (Это не просто статья, а открытая лекция, прочитанная в октябре 1834 г. в Петербургском университете, причем лекция, имевшая для Гоголя особое значение, — на нее были приглашены Жуковский и Пушкин.)

Материал статьи, казалось бы, далек от российских реалий. Гоголь пишет о том, что арабский средневековый правитель Ал-Мамун, побуждаемый благородной жадью просвещения и социального реформаторства, попытался «ввести в свое государство этот чуждый дотоле греческий мир», энергично насаждая западную науку, искусство, мировоззрение. Но бурное, стремительное усвоение античной культуры, «бесплодное чужестранное просвещение», заимствованное у Запада, не принесло пользы стране. По мнению Гоголя, Ал-Мамун «упустил из вида великую истину, что образование черпается из самого же народа, что просвещение нанос-

⁵ См., например: [Труайя, 2004, с. 7].

⁶ О проблематике этой статьи Н. В. Гоголя см. подробнее: [Куделин, 2006, с. 18–41].

ное должно быть в такой степени заимствовано, сколько может оно помогать собственному развитию, но что развиваться народ должен из своих же национальных стихий». В результате страну начали сотрясать мятежи, и она стала стремительно утрачивать прежнее величие. История правления Ал-Мамуна видится Гоголю «поучительным уроком» тем, кто одержим идеями ускоренного, искусственного прогресса, не понимая необходимости органичного сочетания традиций и культурных новаций.

Оказалась ли Россия способной активно, творчески воспринять великое наследие античности? Что означает для России путь ускоренной вестернизации, начавшийся с Петровских времен? Нет ли в этом скороспелом приобщении массовой культуры (у Гоголя речь прежде всего идет о ней) к классическим традициям, воспринятым к тому же через посредство западноевропейской культуры, лишь бездумного эпигонства, механического, ремесленного копирования? Настойчивость упоминания античных реалий, так странно прижившихся на русской почве, свидетельствует о том, что эти вопросы достаточно важны в контексте гоголевского творчества. При этом Гоголь, 12 лет проживший за границей, восхищавшийся Италией, считавший Рим своей второй родиной, разумеется, был далек от проповеди культурного изоляционизма. Он лишь подчеркивал, что творческое соприкосновение России и Запада, диалог их культур, — это долгий и трудный процесс, требующий серьезных интеллектуальных и нравственных усилий.

В то же время в арсенале творческих средств Гоголя античные элементы играют и иную роль, возводя казалось бы низменное и бытовое к возвышенному и трагическому. Чтобы понять, как функционирует у Гоголя прием насыщения текста античными образами, обратимся к повести «Старосветские помещики». Общеизвестно недоумение Белинского, в целом высоко оценившего повесть: «Две пародии на человечество... пьют и едят, и едят и пьют, а потом, как водится исстари, умирают. Но отчего же это очарованье?» [Белинский, 1953–1959, т. II, с. 220]. Это мнение породило даже целую традицию: герои осуждались за бессмысленный, растительный образ жизни, хотя и отмечалась их любовь друг к другу. Между тем герои Гоголя существуют не в реальном простран-

стве, где подобные оценки могли бы иметь смысл. Место жительства героев, вне всякого сомнения — легендарный Золотой век. Как отмечал уже Г. А. Гуковский, на первой же странице Гоголь демонстрирует черты идеального, а не реального пространства [Гуковский, 1959, с. 79–80]: действительно, сад одновременно цветет (сирень — это весна), зеленеет свежей травкой (начало лета), но тут же упоминаются деревья, «потопленные багрянцем вишен и яхонтовым морем слив» (осень). Отсутствие холодного времени года, катастрофических событий и вообще всякого зла, обилие еды и питья, доброта и гостеприимство обитателей — все это создает идиллический хронотоп, наиболее полно осуществленный в легендарном Золотом веке. И судить героев надлежит именно по законам этого хронотопа, когда самыми главными добродетелями являются, как еще когда-то отмечал Ф. Шиллер в работе «О наивной и сентиментальной поэзии», «гармония и мир персонажа с собой и с внешней средой» [Шиллер, 1967, с. 440].

Сравнение с героями древнегреческого мифа также призвано возвысить персонажей, на первый взгляд ничем не примечательных. Гоголь настойчиво называет их Филемоном и Бавкидой, и на этом сравнении стоит остановиться особо. Древнегреческий миф, особенно ярко зафиксированный в «Метаморфозах» Овидия⁷, повествует о ничем не примечательных старике и старухе, единственными добродетелями которых были любовь друг к другу и гостеприимство, однако добродетели эти оказались практически уникальными в этом мире. Между гоголевской повестью и мифом легко провести прямые текстуальные параллели. Часть из них уже отмечалась в литературе, но выявлено далеко не все. Не только преданность, любовь, гостеприимство, бездетность, но и ряд мелких деталей: и маленький домик, и низкие потолки, и гусь, гуляющий по двору, и, несмотря на бедность, обильная и вкусная еда, — все это переходит почти без изменений в гоголевскую повесть. (Заметим, что Овидий так же, как и Гоголь, с удовольствием перечисляет яства: настойка терна, вино, редька, салат, молоко, творог, яйца, орехи, сушеные ягоды, смоквы, сливы, виноград, мед — он не видит в этом ничего низменного.) Но если у Овидия боги наградили

⁷ Ovid. *Metamorph.* VIII, 621–725.

за праведность Филемона и Бавкиду: жизнь их была долгой и беспечальной, а вместо смерти боги даровали им единовременное преобразование, сделав дубом и липой («Праведных боги хранят: почитающий — сам почитаем»), то в повести Гоголя благополучное легендарно-сказочное разрешение сюжета невозможно. И если у Овидия на месте жилищ нечестивых соседей — пруд с лягушками, а домик стариков стал храмом Зевса Гостеприимного, то у Гоголя добродетель не будет награждена, и для его героев невозможна высокая, мифологическая реализации. Их смерть не одновременна, Афанасию Ивановичу предстоят долгие мучения в разлуке, а на месте их разоренной усадьбы остается заросший пруд и ров. (Эти различия не были подчеркнуты у И. Есаулова, в целом справедливо отметившего связь с Овидием.)

Любопытно привести и еще один, кажется, не отмеченный критикой античный мифологический мотив: когда Пульхерия Ивановна собирается проведать дубовый лес, нещадно вырубаемый, ее выезд изображается торжественно, с элементами завуалированной фантастики: бричка издает «странные звуки, так что вдруг были слышны и флейта, и бубны, и барабан, каждый гвоздик и железная скобка звенели — за две версты». Именно такого рода музыка сопровождала в мифах появление Великой матери, госпожи лесов Кибелы, когда она выезжала осматривать свои владения.

Заметим, что сразу же после истории о Филемоне и Бавкиде Овидий рассказывает о нечестивом погубителе священного дуба в Церериной роще — Эрисихтоне: боги наказали его муками голода. Слуги же Пульхерии Ивановны беспрепятственно губят вековые дубы в ее роще⁸.

Присутствие античного элемента раскрывает потаенные семантические пласты повести. В «Старосветских помещиках» изображено не жалкое прозябание забавных «существователей» и «небокоптителей». На идиллическом материале воспроизводится великая загадка, заданная человечеству: наделенный умом и знанием, добродетелью и способностью любить, знающий лекарства от всех

⁸ Представляется совершенно неверным толкование Гриффитса и Рабиновича, увидевших в «Старосветских помещиках» «тему обжорства», сблизяющую старичков с преступным, пожирающим самого себя Эрисихтоном [Гриффитс, Рабинович, 2005, с. 84].

болезней, человек беспомощен перед смертью и в этом смысле один эпизод из «Старосветских помещиков» может быть соотнесен со знаменитым первым стасимом из «Антигоны» Софокла: у Пульхерии Ивановны есть удивительные настойки — лекарства от всех болезней (боль в лопатках и пояснице, звон в ушах, лишаи, удар об угол шкафа), а вот от смерти лекарства нет. Как справедливо отмечал еще Г. А. Гуковский, горестный возглас Афанасия Ивановича «Так вот вы это уже и погребли ее! Зачем?» поднимает «серенького» героя «к высотам трагизма» [Гуковский, 1959, с. 85]. Приведенный нами контекст позволяет уточнить и подтвердить это соображение: Гоголь сближает казалось бы заурядных героев с персонажами высокой античной трагедии.

Античность призвана не только универсализировать повествование. Сама проблематика сборника «Миргород», его историософская концепция расшифровывается только в контексте античных реминисценций. Композиционная целостность столь разнородного сборника обеспечивается возможностью соотнесения его повестей с гесиодовским мифом о пяти веках (в варианте мифа, содержащемся в «Метаморфозах» Овидия, — четыре века: Золотой, Серебряный, Медный и Железный).

К этой идее был близок Г. А. Гуковский, однако он не стал подробно разворачивать эту концепцию. И. Есаулов же применил ее к гоголевскому тексту, но сделал это достаточно механистично, а потому не вполне убедительно. Так, например, он называет повесть «Тарас Бульба» воплощением Серебряного века, так как «герои уже имеют врагов, и есть насильственная смерть» [Есаулов, 1995, с. 80]. Однако эти признаки не имеют отношения к Серебряному веку.

Гораздо естественнее первую повесть «Старосветские помещики» соотнести с Золотым и отчасти с Серебряным веком: блаженная, беспечальная жизнь, затем — появление смерти. Люди Серебряного века жили до ста лет как малосмыслящие младенцы, а затем умирали, и Товстогубы напоминают их своим простодушием и наивностью. «Тараса Бульбу» имеет смысл сравнивать с Медным веком (а еще вернее, с гесиодовским Веком героев). В «Вие», по видимому, следует видеть наступление Железного века. Люди перестали быть героями, хотя внешне еще похожи на своих грозных

предков-запорожцев, между тем как силы зла крепнут и требуется героическое начало, чтобы преодолеть их. Но характер Хома Брута лишен необходимой цельности, он шаток — и это отражено в его героическом, античном прозвище «Брут» — и в заурядном малороссийском имени «Хома». Самосознание Хома также весьма смутно («я сирота», «сам я — черт знает что»), Хома не знает ни своего отца, ни матери. Потому он и не может противостоять Вию, образ которого символичен: «Лицо было на нем железное» (2, 217). В последней же повести Железный век предстает во всей своей зловещей сущности: люди перестали быть людьми, жизнь их проходит в раздорах, обманах, коварстве, насилиях, в точности как описано у Овидия⁹.

Серьезную роль играет античность и в повести «Шинель». В критике много говорилось о полисемантической повествования, дающей простор для различных толкований образа Акакия Акакиевича и проблематики в целом. В советское время было популярно идущее от Н. Г. Чернышевского представление о Башмачкине как о «полуидиоте-полубукве». Исследователи, как правило, делали акцент скорее на резких противоречиях этого образа, отмечая беззлобие героя — и его ничтожность, мечты о Светлой Гостье, которая в то же время является теплой шинелью на вате. Кротость и неприхотливость героя, правда, соотносили с чертами его небесного покровителя, Акакия Синайского, но это сходство виделось факультативным, не связывалось с общей идеей повести. Мало того, черты этого житейного персонажа виделись утраченными в результате искушения Башмачкина дьяволом, приобретавшим облик бытового мороза. Согласно толкованию Э. Хипписли, а также П. Е. Бухаркина, главный смысл истории о Башмачкине заключен в евангельской проповеди — «не накапливайте себе сокровищ на земли» (Мф: 6, 19–21); П. Е. Бухаркин даже прямо называет этот текст «источником новеллы» [Бухаркин, 1996, с. 202]. Герой при этом оказывается совращенным уже не столько дьяволом-морозом, сколько идеей комфорта, богатства — и наказание не замедлило явиться: он и после смерти не может найти покоя и в облике привидения пугает горожан.

⁹ Ovid. *Metamorph.* 130–131, 159.

При всей соблазнительной простоте и ясности подобной трактовки она становится возможной только в том случае, если не принимать в расчет семантику имени героя. 'Акакіа означает не просто «кротость», «беззлобие», но и в целом — состояние, противоположное злу. Мало того, оно закреплено дважды, в имени и отчестве (матери героя не удалось выбрать по святцам другое имя) и обозначает основной стержень образа Акакия. Именно 'акакіа сближает героя «Шинели» и с евангельскими и житийными персонажами: он смиренен, долготерпелив, не ищет ни чинов, ни карьеры, служит там, куда его поставила судьба, неприхотлив и у жизни (у Бога) просит одного — милосердия.

Кротость «в квадрате» подкрепляет и содержащиеся в повести скрытые параллели с романтическими героями Гофмана: студент Ансельм из «Золотого горшка», который, чтобы попасть в царство идеального духа и обрести счастье с возлюбленной Серпентиной, должен усердно и смиренно *переписывать* старинную рукопись; чужак Перигринус Тис из «Повелителя блох» выглядит и ведет себя как кроткий ребенок. Таким образом, соглашаясь с идеей П. Е. Бухаркина об иерархии претекстов, согласно которой наиболее значительным источником «Шинели» является Евангелие, заметим, что смыслообразующую функцию несет в себе, конечно же, не тезис о греховном накоплении сокровищ: теплая шинель на вате — не предмет роскоши, а необходимое условие для выживания петербургской зимой. Если говорить о Евангелии как о претексте — это, скорее, знаменитая фраза Башмачкина «Оставьте меня, зачем вы меня обижаете», в которой звенело «Я брат твой» — то есть кроткий герой Гоголя пытается напомнить очерстевшим современникам подзабытый ими знаменитый евангельский завет «Возлюби ближнего как самого себя». Финальное же явление призрака призвано не столько прояснить загробную судьбу умершего героя, сколько научить и вразумить живых и грешных, прежде всего «значительное лицо»: в начале 1840-х гг. для Гоголя все большую важность приобретает именно вопрос о возможности воскресения для самых безнадежных в нравственном смысле героев.

Таким образом, античные элементы в творчестве Гоголя выполняют различные функции: с одной стороны, возведение сюжетов

и образов к знаменитым архетипическим первоосновам дает возможность раскрыть их глубокий, неявный на первый взгляд смысл; вне античных коннотаций не могут быть до конца поняты и «Старосветские помещики», и сборник «Миргород» в целом, и повесть «Шинель». С другой стороны, они дают возможность Гоголю, сочетая трагедийное и трагедийное, строить глобальные историософские и культурологические схемы, проясняя сложные взаимоотношения русской культуры и европейского Возрождения, а также возможности и перспективы дальнейшего пути России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч.: В 13 т. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1953–1959. Т. II. 755 с.
2. *Бухаркин П. Е.* Об одной евангельской параллели к «Шинели» Н. В. Гоголя (к проблеме внетекстовых факторов смыслообразования в повествовательной прозе) // Концепция и смысл: сб. статей в честь 60-летия проф. В. М. Марковича. СПб., 1996. С. 197–211.
3. *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности. М.: Независимая газета, 1991. 191 с.
4. *Вулих Н. В.* Античные мотивы и образы в повести Гоголя «Тарас Бульба» // Русская литература. 1984. № 1. С. 143–153.
5. *Гриффитс Ф. Т., Рабинович С. Дж.* Третий Рим. Классический эпос и русский роман (от Гоголя до Пастернака) / пер. с англ. Е. Г. Рабинович. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2005. 336 с.
6. *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя. М., 1993. 592 с.
7. *Гоголь Н. В.* Полное собр. соч.: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 2. 763 с.
8. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч.: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). Письма. Т. 12. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 444 с.
9. *Гуковский Г. А.* Реализм Гоголя. М.: Художественная литература, 1959. 532 с.
10. *Есаулов И. А.* Спектр адекватности в истолковании художественного произведения: «Миргород» Гоголя. М.: РГГУ, 1995. 100 с.
11. *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.; Л.: Наука, 1964. 440 с.
12. *Иванов Вяч.* «Ревизор» Гоголя и комедия Аристофана // Театральный октябрь. Л.; М., 1926. С. 89–99.
13. *Иофанов Д. Н. В.* Гоголь: детские и юношеские годы. Киев: Изд-во АН УССР, 1951. 429 с.

14. *Куделин А. Б.* Новые тенденции в изучении русской классической литературы: Николай Васильевич Гоголь // Современность классицизма: Лекции по истории русской литературы. СПб.: СПбГУП, 2006. С. 18–41.
15. *Лавровский Н. А.* Гимназия высших наук кн. Безбородко в Нежине (1820–1832). Киев, 1879. 158 с.
16. *Набоков В.* Лекции по русской литературе. М.: Независимая Газета, 2001. 440 с.
17. *Николай М.* [П. Кулиш] Записки о жизни Н. В. Гоголя. СПб., 1856. С. 20–21.
18. Н. В. Гоголь в русской критике: сб. статей. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1953. 1271 с.
19. *Радциг С. И.* Гоголь и Гомер // Вестник Московского университета. 1959. № 4. С. 129–133.
20. *Манн Ю.* Поэтика Гоголя. М.: Художественная литература, 1978. 398 с.
21. *Труайя А.* Николай Гоголь. М.: Эксмо, 2004. 636 с.
22. *Шиллер Ф.* Собр. соч.: в 7 т. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1957. 794 с.
23. Horatius. *Opera*, ed. F. Klingner. Leipzig: Teubner, 1982. XXV, 378 p.
24. Perlina N. «Майская ночь» Н. Гоголя в буколическом контексте поэзии Феокрита [N. Gogol's May' night in bucolic context of Pheocrit's poetry] / Русский текст (19 век) и античность [Russian Text (19 century) and Antiquity] / ed. by Katalin Kroo and Peeter Torop. Budapest; Tartu: L'Harmattan, 2008. С. 151–168.
25. *Proffer K.* The Simile and Gogol's Dead Souls. The Hague: Mouton, 1967. Pp. 161–182.

REFERENCES

1. Belinskii V.G. *Polnoe sobranie sochinenii*: V 13 t. [Complete Works by V. Belinsky, in 13 volumes] Moscow, Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953–1959. T. II. 755 s.
2. Bukharkin P.E. *Ob odnoi evangel'skoi paralleli k «Shineli» N.V. Gogolia (k probleme vnetekstovykh faktorov smysloobrazovaniia v povestvovatel'noi proze)* [On one evangelical parallel to Gogol's short story "The Overcoat": Revisiting the problem of non-textual factors of meaning-making in narrative prose]. *Kontseptsii i smysl: sb. statei v chest' 60-letii prof. V.M. Markovicha* [Concept and Meaning: A Collection of Papers dedicated to Professor V.M. Markovich on the occasion of the 60th anniversary of his birth]. Saint Petersburg, 1996. S. 197–211.

3. Vail' P., Genis A. *Rodnaia rech'. Uroki iziashchnoi slovesnosti* [Our Native Speech. Lessons in Belles-Lettres]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 1991. 191 s.
4. Vulikh N.V. Antichnye motivy i obrazy v povesti Gogolia «Taras Bul'ba» [Classical Motifs and Images in Gogol's Story "Taras Bulba"]. *Russkaia literatura*. 1984. № 1. S. 143–153.
5. Griffiths F.T., Rabinovich S.Dzh. *Tretii Rim. Klassicheskii epos i russkii roman (ot Gogolia do Pasternaka)*, per. s angl. E.G. Rabinovich [The Third Rome: The Classical Epic and the Russian Novel: From Gogol to Pasternak, transl. from English by E.G. Rabinovich]. Saint Petersburg, Ivan Limbakh Publ., 2005. 336 s.
6. Vaiskopf M. *Siuzhet Gogolia [Gogol's Story]*. Moscow, Радикс, 1993. 592 s.
7. Gogol' N.V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. / AN SSSR; I-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Complete Works by Gogol, in 14 volumes, RAS, the Institute of Russian Literature (the Pushkin House)]. Moscow; Leningrad, AN USSR Publ., 1937–1952. T. 2. 763 s.
8. Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: v 14 t. / AN SSSR; I-t rus. lit. (Pushkin. Dom)* [Complete Works by Gogol, in 14 volumes, RAS, the Institute of Russian Literature (the Pushkin House)]. T. 12. Pis'ma. [Vol. 12. Letters]. Moscow, AN USSR Publ., 1952. 444 s.
9. Gukovskii G.A. *Realizm Gogolia [Gogol's Realism]*. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1959. 532 s.
10. Esaulov I.A. *Spektr adekvatnosti v istolkovanii khudozhestvennogo proizvedeniia: «Mirgorod» Gogolia* [The Range of Adequacy when Interpreting a Work of Literature: Gogol's Mirgorod]. Moscow, RGGU Publ., 1995. 100 S.
11. Egunov A. N. *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian Translations of the 18th and the 19th Centuries]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., 1964. 440 s.
12. Ivanov Viach. «Revizor» Gogolia i komediia Aristofana [Gogol's Inspector General and Aristophanes' Comedy]. *Teatral'nyi oktiabr'* [Theatrical October]. Leningrad; Moscow, 1926. S. 89–99.
13. Iofanov D. N.V. *Gogol': detskie i iunosheskie gody* [Gogol: Childhood Years and Youthhood]. Kiev, AN USSR Publ., 1951. 429 c.
14. Kudelin A.B. *Novye tendentsii v izuchenii russkoi klassicheskoi literatury: Nikolai Vasilievich Gogol'*. *Sovremennost' klassiki: Lektsii po istorii russkoi literatury* [New trends in studies of classical Russian literature: Nikolai Vasilievich Gogol. Modernity of the Classics: Lectures in History of Russian Literature]. Saint Petersburg, SPbGUP Publ., 2006. S. 18–41.
15. Lavrovskii N.A. *Gimnaziia vysshikh nauk kn. Bezborodko v Nezhine (1820–1832)* [Prince Bezborodko's School of Higher Sciences in Nezhin (1820–1832)]. Kiev, 1879. 158 s.

16. Nabokov V. *Leksii po russkoi literature* [Lectures on Russian Literature]. Moscow, Nezavisimaia gazeta Publ., 2001. 440 S.
17. Nikolai M. [P. Kulish] *Zapiski o zhizni N.V. Gogolia*. [Sketches on the Life of N.V. Gogol]. Saint Petersburg, 1856. S. 20–21.
18. *N.V. Gogol' v russkoi kritike: sb. statei* [A Few Words on Gogol's Poem (Arabesques and Mirgorod). N.V. Gogol in Russian Literary Criticism: A Collection of Papers]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1953. 1271 S.
19. Radtsig S.I. Gogol' i Gomer [Gogol and Homer]. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. 1959. № 4. S. 129–133.
20. Mann Iu. *Poetika Gogolia* [Gogol's Poetics]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1978. 398 s.
21. Truaia A. *Nikolai Gogol'* [Nikolai Gogol]. Moscow, Eksmo Publ., 2004. 636 s.
22. Shiller F. *Sobranie sochinenii: V 7 t.* [Complete Works by Schiller, in 7 volumes] T. 6. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, 1967. 794 s.
23. Horatius. *Opera*, ed. F. Klingner. Leipzig, Teubner, 1982. XXV, 378 p.
24. Perlina N. «*Maiskaia noch'*» N. Gogolia v bukolichestvom kontekste poezii Feokrita [N. Gogol's May' night in bucolic context of Pheocrit's poetry]. *Russkii tekst (19 vek) i antichnost'* [Russian Text (19 century) and Antiquity], ed. by Katalin Kroo and Peeter Torop. Budapest; Tartu, L'Harmattan, 2008. S. 151–168.
25. Proffer K. *The Simile and Gogol's Dead Souls*. The Hague, Mouton, 1967. Pp. 161–182.

Успенская Анна Викторовна

Доктор филологических наук, профессор кафедры философии и культурологии Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов.

Anna Uspenskaya

PhD in Philology (doktor nauk), Full Professor at St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences.

E-mail: uspenskaja@rambler.ru

V. PERSONALIA

УДК 372.881.1+929(470.312)

С. Э. АНДРЕЕВА

Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610

КУЛИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, ПЕДАГОГ И ДРАМАТУРГ (12 июня 1844 — 21 августа 1898)

Ключевые слова: классическое образование, педагогика, латинский язык, Тульская гимназия.

Статья посвящена биографии, общественной и творческой деятельности педагога и драматурга Николая Николаевича Куликова (1844–1898), который жил, преподавал, писал в Петербурге, Москве, Шавли, Твери, Туле.

S. E. ANDREEVA

St. Petersburg Classical Gymnasium No. 610

KULIKOV NIKOLAY NIKOLAEVICH, TEACHER AND DRAMATIST

Keywords: classical education, pedagogics, Latin language, Tula gymnasium.

The article is devoted to the biography, social and professional occupations of the teacher and dramatist Nikolay Kulikov (1844–1898), who lived, taught and wrote in Petersburg, Moscow, Shavli, Tver', Tula.

Вслед за суровым и педантичным директором Тульской мужской гимназии А. Г. Новоселовым пришел Н. Н. Куликов, который, по словам С. Л. Толстого, был «либералом и не профессиональным педагогом, а литературным человеком» [Толстой, 1965, с. 83], по воспоминаниям В. В. Вересаева «...в памяти он остался как олицетворение краткой лорис-меликовской эпохи *диктатуры сердца*» [Вересаев, 1936, с. 101]. В том, что Н. К. был либералом, в том, что он с искренней теплотой и участием относился к своим ученикам — мы увидим это из приведенных далее воспоминаний

о нем — нет никаких сомнений, но слова о том, что он не был профессиональным педагогом по отношению к Н. К. несправедливы и обидны. Очевидно, что С. Л. Толстой хотел подчеркнуть лучшие качества нового директора гимназии, образ которого совершенно противоречил привычному образу чиновника в наглухо застегнутом мундире, преподающего, к тому же, древние языки, то есть «человеку в фуляре». Н. К. был профессиональным педагогом в самом лучшем смысле этого слова.

Н. К. оставил воспоминания о годах учения и о своей педагогической деятельности, которые уже после его смерти опубликовал его сын в журнале «Наша старина». Написанные прекрасным русским языком воспоминания Н. К., с одной стороны, раскрывают внутренний мир этого необычного человека, замечательного педагога и страстного театрала, дают возможность увидеть его становление как учителя и как общественного деятеля (что по прошествии полутора столетий очень редко оказывается возможным), с другой стороны, являются яркой иллюстрацией эпохи.

Н. К. родился в Петербурге в театральной, по-видимому, не очень обеспеченной семье, так как уже с 5 класса гимназии он должен был подрабатывать, давая уроки¹. По окончании гимназии (Третьей петербургской), Н. К. поступает в Санкт-Петербургский университет, однако через две недели происходит «студенческий бунт». Ни сам Н. К., ни его однокурсники к бунтующим не прикнули, так как поступили в университет «ради науки». Беспорядки не утихли, Н. К. забрал свои документы и подал их в Московский университет, куда был немедленно зачислен, и тотчас приступил к учению. На каникулы Н. К. возвращался к родителям и проводил лето вместе со своей семьей в Парголово. И в Москве, и на каникулах он содержал себя и свою семью (женился он еще в студенческие годы) частными уроками. «С удовольствием вспоминаю, что в это время от меня получили первые начатки грамоты и арифметики сыновья наших даровитейших писателей: Н. А. Майков (впоследствии директор Петербургского ремесленного училища Цесаревича Николая) и П. А. Писемский» [Куликов, 1916, с. 657].

¹ О том, что в семье не было денег, Н. К. прямо не пишет, но несколько раз проговаривается, насколько тяжело ему давалось репетиторство. См.: [Куликов, 1916¹, с. 655].

По окончании Московского императорского университета (по историко-филологическому факультету) в 1865 г. (со званием действительного студента), до назначения директором Тульской гимназии, Н. К. работал в Шавельской гимназии² учителем греческого языка, затем также и секретарем совета (1865–1867), в Тверской гимназии учителем латинского языка (1867–1870), где он был удостоен награды за *отлично-усердную* службу, в Первом военном павловском училище (Санкт-Петербург) штатным преподавателем (1870–1873), в Николаевском инженерном училище (Санкт-Петербург) штатным преподавателем (1873–1881) (для последних двух не указано, учителем каких именно предметов он был, известно только, что в Николаевском училище он дополнительно преподавал русский язык)³. С 1881 по 1883 Н. Н. Куликов — директор Тульской гимназии; после он переезжает в Петербург и устраивается в канцелярию по учреждениям императрицы Марии.

За неполные 20 лет работы (о последних годах, к сожалению, ничего неизвестно) Н. Н. Куликова не раз награждали чинами и орденами и, не опубликуй он своих воспоминаний, мы никогда не узнали бы, насколько условными были эти награды и насколько непростой его жизнь.

Первым местом службы Н. К. была гимназия в литовском уездном городе Шавли. О своей жизни там Н. К. писал: «Городок оказался плохеньким: грязь, полное отсутствие внешних условий культуры, даже отсутствие освещения и на весь город один извозчик. В полную противоположность всему этому было прекрасное — лучшее в городе — здание, в котором помещалась полная семиклассная гимназия, с просторными, хорошо вентилируемыми классами, с широкими коридорами и хорошей рекреационной залой, — и это в то время, когда в других крупных, даже в некоторых губернских городах Российской империи, гимназий и в помине не было. Добавлю еще, что в городе стояло 2 полка с интеллигентным составом офицеров» [Куликов, 1916¹, с. 663]. Директор гимназии (М. В. Ф.), петербуржец, историк по образованию, оказался очень достойным человеком, который боролся с взятками, с продажей

² Город Шавли Ковенской губернии, ныне Шауляй (Литва).

³ ГАУ ТО Ф. 8, оп. 1, № 658. Л. 17.

аттестатов, уговаривал родителей талантливых учеников (особенно много их было среди поляков и евреев, что, разумеется, вызывало нарекания со стороны окружного начальства) не забирать детей после четвертого класса, а дать возможность доучиться в гимназии. Н. К. помогал директору так деятельно, что несколько раз в Шавли приезжали с проверкой (которая, впрочем, оканчивалась ничем). Из педагогов, офицеров и членов их семей Н. К. создал театральную труппу, которая давала благотворительные спектакли и проводила литературные вечера.

Любопытно, что в Западный округ он был направлен, прежде всего, как человек с фамилией на *-ов* (таково было требование попечителя) и должен был, по замыслу высшего начальства, прежде всего заниматься пропагандой и распространением «русского дела» в западном крае. Свою роль Н. К. осознал не сразу, а поняв, был возмущен до крайности. Ни одного доноса он не написал, поэтому, когда через два года попросил о переводе в Тверь, ему не отказали (очевидно, приискав на его место кого-то более сговорчивого).

В Твери Н. К. много преподавал, писал, а также ставил спектакли и принимал активное участие в общественной и культурной жизни города, «уделяя скудные остатки времени от массы педагогических занятий» [Куликов, 1916¹, с. 801]. Н. К. был высокого мнения о директоре Тверской гимназии Н. К. Робере (один из немногих людей, названных в воспоминаниях Н. К. не инициалами или намеком, а по фамилии: подобным образом он называл только тех, к кому относился с большим уважением, или же тех, кого почитал совершенными негодьями), что видно из следующих слов «Воспоминаний»: «Как я уже упомянул, мне удалось вести учебное дело в Тверской гимназии с успехом. “Откуда вы, батюшка, взялись? — спросил меня однажды Ф. Н. Глинка⁴. — Директор бегаёт по клубу и кричит о вас, как бы о своей любовнице...” Несмотря на своеобразие сравнения, лестный отзыв такого директора-педагога, каким был А. Н. Робер, был для меня очень дорог» [Куликов, 1916¹, с. 802]. В Твери, как уже говорилось выше, Н. К. был удостоен награды за *отлично-усердную* службу, но вскоре, неожиданно

⁴ Поэт Федор Николаевич Глинка (1786–1880), последние свои годы он прожил в Твери; Н. Н. Куликов был с ним очень дружен.

для самого себя, стал личным врагом министра народного просвещения Д. А. Толстого.

Произошло это следующим образом. В Петербурге во время выпускных экзаменов, не сдав физику, покончил с собой ученик последнего класса Николенко. Дело получило широкую огласку в печати. Н. К. проанализировал все опубликованные материалы и высказал в «Санкт-Петербургских ведомостях» свое мнение. Выходило, что экзамен проводился с нарушением устава. Оспорить доводы Н. К. было невозможно, дело постепенно замяли, а Н. Н. Куликов был уволен по третьему пункту⁵, с уничтожением формулярного списка и с выдачей аттестата об отставке.

«Потеряв место учителя и службу в Твери, я остался без всяких средств к жизни, с женой, тремя детьми и с приемышем, братом моего покойного товарища. Что мне, бедному человеку, пришлось пережить в первый месяц после этого изгнания с любимого поприща деятельности — говорить не буду...» [Куликов, 1916², с. 928].

Пытаясь восстановить справедливость или получить хотя бы какое-то объяснение своему увольнению, Н. К. ходил на прием к министру народного образования. Все посетители были приняты, и лишь он получил отказ.

Брат затем нашел для Н. К. должность швейцара в каком-то «Художественном клубе» с перспективой щедрых «на водку» от посетителей, но в Петербурге помогли устроиться по педагогической части (не по ведомству Министерства народного просвещения, а по ведомству военно-учебных заведений). Некоторое время спустя Н. К. становится преподавателем великого князя Николая Николаевича Младшего (преподавал русскую словесность и историю русской литературы) и приводит к великому князю для преподавания законоведения своего товарища по институту А. Ф. Кони.

Сменился министр просвещения — и Н. Н. Куликова вновь приглашают в гимназию, теперь уже на должность директора, однако проходит всего два года, министерское кресло занимает И. Д. Делянов, Н. К. снова меняет место службы.

⁵ Третий пункт Положения «О порядке увольнения от службы и определения вновь в одну неблагонадежных чиновников» от 7 ноября 1850 г. (позднее статья 788 Устава о службе по определению от правительства 1896 г.) — законодательная норма в Российской империи, позволявшая увольнять чиновника по усмотрению начальства без объяснения причин, мундира и пенсии.

С первых же лет преподавания Н. К. пишет рецензии на учебники и учебные пособия⁶, а затем издает несколько своих: два учебника по латинскому языку (для первого и второго классов) и пособие по спряжению латинского глагола⁷. Учебники составлены и как книга, которая выдается ученикам, и как пособие для учителя, в котором, помимо того, что предельно ясно изложен материал, именно в том порядке, в каком он должен даваться гимназистам (не забегая вперед, но и не повторяясь излишне), предлагаются и те вопросы, которые следует задавать ученикам, чтобы проверить, хорошо ли материал усвоен⁸. Вот, например:

⁶ [Куликов Н.] Н. К. Басов В. Начальные основания этимологии греческого языка. М., 1866 // ЖМНП, 1867, март. С. 749–751; Куликов Н. Ананьев [Афанасий]. Латинская грамматика. М., 1865 // ЖМНП, 1868, январь. С. 268–277; Куликов Н. Латинская грамматика доктора Мадвига, сокращенная для гимназий Тишером, перевел с немецкого В. Басов. Изд. 2-е. М., 1867 // ЖМНП, 1868, январь. С. 268–281; Куликов Н.: Избранные речи Цицерона. Часть 1. Речи за поэта Архия и за Кв. Лигария объяснил и особым словарем снабдил В. Фелькель. М., 1867 // ЖМНП, 1868, декабрь. С. 946–956; Куликов Н. Речи Цицерона против Катилины. Два текста: подлинный и по упрощенной конструкции, с примечаниями и словарем / Сост. И. Соснецкий. М., 1869; С. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. С примечаниями и словарем для употребления в гимназиях. Сост. И. Соснецкий. М., 1867; Titi Livii Libri XXI и XXII. Со словарем и объяснением трудных мест составил и издал Студенников. М., 1869; [Отто Фердинанд] Пособие к чтению и изучению древних классиков составил Ф. Отто. 1-й выпуск. Приготовление к чтению Цезаря: De bello Gallico. 1-й выпуск. Приготовление к чтению Цицерона: Orationes IV in Catilinam. М., 1868 // ЖМНП, 1870, сентябрь. С. 108–114.

⁷ Учебник латинского языка и темы для переводов, составил Н. Куликов, учитель Тверской гимназии. Вып. 1. Курс 1 класса. Тверь, 1869; Учебник латинского языка и темы для переводов, составил Н. Куликов, учитель Тверской гимназии. Вып. 2. Курс 2 класса. М., 1870; Практическое руководство для основательного изучения спряжения правильного латинского глагола (с таблицей спряжений). Сост. Н. К. СПб., 1873. Издано было также и «Руководство к переводам с латинского языка на русский и с русского на латинский», соч. Шписса, пер. Куликова. СПб., 1869.

⁸ Впрочем, сам Н. Н. Куликов считал свои учебники пособиями для учащихся, о чем он пишет в предисловии к первой части: «Составитель предполагаемого курса имел ввиду дать в руки учащимся такой учебник, который, заключая в себе необходимые сведения, способствовал бы притом развитию умственных способностей учащихся и постоянно возбуждал бы их мысли к самостоятельности. Для этой цели составитель переполняет учебник упражнениями и переводами: только этим путем можно достигнуть со стороны учащихся разумного усвоения законов языка и развивать их способности» [Учебник латинского языка..., 1869, с. 4].

«§ 14. Если по форме глагола можно узнать, что действие совершается теперь, то такая форма называется — Настоящим временем (Praesens); та форма глагола, которая показывает, что действие совершалось прежде, называется — Прошедшим временем (Imperfectum), а та форма глагола, которая показывает, что действие еще не совершается, а будет совершаться, называется Будущим временем (Futurum), например: amo (люблю) — Настоящее время (как по-латыни?), amabam (я любил) — Прошедшее время (как по-латыни?), amabo (я буду любить) — Будущее время (как по-латыни?).

Упражнение 8. Надо сказать про каждое слово: какая часть речи и какое число? если глагол — то какое время?» [Учебник латинского языка..., 1869, с. 8–9]. Далее следует большое количество примеров — латинское существительное или глагол в той или иной форме, а в скобках то же самое слово в той же форме по-русски. Примеров хватит на то, чтобы опросить весь класс хотя бы по одному разу (в двух упражнениях к приведенному выше параграфу грамматики их более 60). Первая, вводная часть учебника (примерно до середины первого класса) рассчитана в основном на устное восприятие, на то, что учитель много раз будет повторять материал и постоянно спрашивать учеников, далее пойдут уже по большей части письменные упражнения. По прочтении учебника латинский язык (для начинающих) кажется предметом вовсе не трудным, а от преподавателя, кажется, даже не требуется основательных знаний — настолько последовательно и подробно изложен материал — но зато требуется изрядный артистизм. Н. Н. Куликов прекрасно осознавал, что учителей древних языков в его время нужно было очень много, что не все из них были в достаточной степени подготовлены, видимо, именно на последних и рассчитаны его учебные пособия. Помимо учебных пособий он публикует статью для учителей, специально посвященную вопросам методики⁹.

Курс первого класса по Куликову включал в себя: алфавит и правила чтения, понятие о частях речи, понятие о склонении (то есть падежные вопросы и т. д.), существительные первого и второ-

⁹ Педагогическое обозрение (Приложение к Циркуляру по Московскому учебному округу). 1869, март. С. 15–28.

го склонения, Praesens, Imperfectum, Futurum всех четырех спряжений (при этом все три времени даются одновременно, но каждое спряжение в отдельности), существительные третьего склонения (всех трех типов).

Курс второго класса содержал склонение имен прилагательных (всех трех склонений), определение рода существительных третьего склонения, степени сравнения прилагательных, четвертое и пятое склонения существительных, отклонения от правил склонения, местоимения всех типов (включая местоименные прилагательные), понятие о формах, временах и наклонениях глагола, полное спряжение глагола *esse* и приставочных, спряжение правильных глаголов всех четырех спряжений во всех формах.

Глаголы IIIб спряжения по Н. Н. Куликову в курс первого-второго классов не входят, синтаксис представлен минимально (элементы учения о падежах).

Если последовательно проделывать все упражнения, предложенные автором пособий, кажется, забыть выученное будет невозможно уже до конца жизни.

«Практическое руководство для основательного изучения спряжения правильного латинского глагола» — вспомогательное учебное пособие также с невероятным количеством упражнений.

Для сравнения рассмотрим другой учебник по латинскому языку — Латинская этимология в соединении с русской¹⁰ — изданный в то же самое время, что и учебники Н. Н. Куликова и использовавшийся во многих гимназиях (в частности, в Тверской гимназии, где преподавал Н. К., в Тульской, в некоторых Петербургских). Первые восемь параграфов объясняют алфавит и правила чтения, причем как русские, так и латинские. Неудобство уже в том, что в самом начале дается понятие долготы и правило ударения, и только после этого ученики знакомятся с дифтонгами и буквосочетаниями. Терминов очень много, но *muta cum liquida* среди них не встречается вовсе. Тут же даются и русские правила чтения вместе с основными правилами орфографии (например, после *ж, ш, ч, щ* гласные *ы, ю, я* не пишутся). Затем на продолжении пятидесяти с лишним

¹⁰ Лицей Цесаревича Николая. Латинская этимология в сравнении с русской для учеников трех низших классов. М., 1870.

страниц идут существительные — парадигма склонения, латинского и русского (причем для латинских слов в качестве артикля используется местоимение *hic, haec, hoc*), списки слов, склоняющихся по данному склонению, и исключения из правил склонения. После того как выучены все пять склонений существительных, даются прилагательные, затем числительные и местоимения — теперь уже можно склонять не отдельные слова, но целые словосочетания. Только после этого (со 138 страницы) идет спряжение глагола, причем основное внимание уделяется русскому спряжению, а латинское дается только для заучивания: *do даю, das даешь, dat дает* и т. п. Наконец со 186 страницы начинаются небольшие предложения и простые тексты. Расположены эти упражнения в два столбца: слева латинский текст, справа то же самое по-русски. Иногда за текстом следуют вопросы (обязательно с ответами). После этого дается подробный комментарий, как в хорошем учебном издании (который, впрочем, скорее запутывает несчастного ученика, нежели разъясняет ему простейшие грамматические формы, которые тот и так уже должен знать¹¹). Затем следуют предложения для перевода (на сей раз без подстрочника). К концу третьего класса, таким образом, ученики знают все правила морфологии (включая и все возможные исключения) и некоторые правила синтаксиса, так что они могут переводить на латинский язык такие фразы, как *Повествуют, что Ромулу, после годичного междуцарствия, наследовал Нума*. Латинских предложений длиннее одной строки нам обнаружить в этом учебнике не удалось. Разумеется, что с точки

¹¹ Вот пример комментария к предложению *In cornu tauri parva sedebat musca*: «1. *In cornu na rogu*. Предлог *in*, смотря по смыслу, переводится по-русски предлогами *на* или *во* (*в*), напр. *in prato na лузу, in silva в лесу*. По вопросу *где?* предлог *in* управляет по-латыни творительным падежом, а соответственные ему русские *на* или *во* управляют по вопросу *где?* предложным падежом. 2. *In cornu tauri na rogu вола (на rogu у вола)*. Когда существительное присоединяется к другому существительному на вопросы: *чей, чья, чье? или кого? чего?* то оно ставится и по-латыни, и по-русски в родительном падеже. Если говорится о части целого, то название целого ставится по-русски или в родительном падеже без предлога, или в родительном с предлогами *у* или *от*, так напр. говорится *ручка чайника, ручка у чайника, ручка от чайника*. Родительный с предлогом *у* употребляется, когда часть неразрывно соединена с целым; родительный с предлогом *от*, когда часть отделена от целого; а родительный без предлога говорится и в том, и в другом случае. Почему нельзя сказать: *на rogu от вола?*» [Латинская этимология..., 1870, с. 188].

зрения методики преподавания, равно как с позиции человеколюбивого отношения к ученикам, учебник Н. Н. Куликова заметно выигрывает.

После увольнения из Тверской гимназии Н. К., по-видимому, не писал ничего по специальности: ему приходилось очень много преподавать (в семье было пятеро собственных детей и несколько приемных).

Впрочем, человечность и внимание к учащимся Н. Н. Куликов сохранил несмотря на все жизненные невзгоды, и воспоминания о нем, уже директоре гимназии, у учеников остались самые теплые.

В. В. Вересаев пишет: «Когда я был в пятом классе, прежнего директора сменил новый, — Николай Николаевич Куликов. Этот был совсем другой. Высокий, представительный, с неторопливыми движениями, с открытым благожелательным лицом. И время становилось как будто другим. Был 1880 г., во главе правительства стоял Лорис-Меликов. Министра народного просвещения, всеми проклинаемого гр. Д. А. Толстого, сменил Сабуров <...>

На гимназическом акте он [Н. Н. Куликов] сказал речь к собравшимся родителям учеников, часто и красиво повторяя в ней:
— Мы — к вам, вы — к нам!

А потом произнес речь о Пушкине, четко и певуче читал стихи Пушкина, и чувствовалось, как сам он наслаждался их музыкой:

Поэт! Не дорожи любовью народной!
Восторженных похвал пройдет минутный шум,
Услышишь суд глупца и смех толпы холодной,
Но ты останься нем, спокоен и угрюм...

Года через два-три, когда я прочел Писарева, я был преисполнен глубокого презрения к Пушкину за его увлечение дамскими ножками. Но я вспоминал волнующие в своей красоте пушкинские звуки, оглашавшие наш актовый зал, — и мне смутно начинало казаться в душе, что все-таки чего-то мы с Писаревым тут недооцениваем, несмотря на все превосходство нашего мирозерцания над образом мыслей Пушкина¹².

¹² Вспомним здесь прекрасное Вересаевское исследование биографии и творчества А. С. Пушкина.

Обращение Куликова с гимназистами было для нас совершенно невиданное. Обнимет какого-нибудь ученика и ходит с ним по коридору и разговаривает. Когда я был в шестом классе, три моих товарища, Мерцалов, Буткевич и Новиков, попались в тяжком деле: раздавали революционные прокламации рабочим Тульского оружейного завода. При Новоселове их, конечно, немедленно бы исключили с волчьими паспортами. Куликов выставил дело как ребяческую шалость. Виновные отделались только тем, что отсидели в карцере по два часа в день и в течение месяца раз в неделю должны были ходить на душевспасительные собеседования с нашим законоучителем, протоиереем Ивановым, который текстами из Библии и Евангелия доказывал им безбожность стремлений революционеров.

Воспоминание о себе Куликов оставил у нас хорошее. У меня в памяти он остался как олицетворение краткой лорис-меликовской эпохи “диктатуры сердца”. Года через два Куликов ушел со службы. Не знаю, из-за либерализма ли своего или другие были причины. Слышал, что потом он стал драматургом (псевдоним — Н. Николаев) и что драмы его имели успех на сцене. Он был сын известного в свое время водевиллиста и актера Н. И. Куликова» [Вересаев, 1936, с. 101–102].

Вспоминает также В. В. Вересаев и бал, устроенный новым директором на масленицу, называя его «небывалым делом» и так подробно о нем рассказывает, что читателю становится понятно — действительно, в гимназии происходит нечто необычное [Вересаев, 1936, с. 135–136].

Более краткие воспоминания, но в том же роде оставил о Н. Н. Куликове старший сын Льва Николаевича Сергей Львович Толстой, который, хотя и не учился в Тульской гимназии, но ежегодно сдавал там экзамены, дружил со многими гимназистами и хорошо знал обо всем, что происходило.

«...Наконец в мае и начале июня я выдержал экзамен зрелости, происходивший уже при новом директоре Тульской гимназии Куликове...

Новый директор, Куликов, был в другом роде, он был либерал и не профессиональный педагог, а литературный человек; он написал несколько водевилей. Про него рассказывали, что, увидав

дерущихся гимназистов, он сказал им: “Деритесь, деритесь, это хорошая гимнастика”.

При нем экзамены прошли довольно легко, и почти все ученики восьмого класса получили аттестаты» [Толстой, 1965, с. 83].

После ухода из Тульской гимназии Н. Н. Куликов написал ряд пьес под псевдонимами Н. Николаев и Орлов (как один, так и в соавторстве с другими драматургами, в частности, со своим отцом), которые, литографически изданные, доступны и сегодня¹³. Если пьесы были действительно популярны на сцене, как пишет В. В. Вересаев (а написаны они прекрасным русским языком, читать их не скучно и сто с лишним лет спустя¹⁴), то они могли приносить некоторый доход, достаточный для того, чтобы как-то прокормить большую семью (имения или каких-либо других источников к существованию ни у самого Н. Н. Куликова, ни у его жены, как это следует из его личного дела, не было). Однако в формулярном списке Н. К. за 1883 г. значится, что он «Согласно прошению причислен к Собственной Его Императорского Величества канцелярии по учреждениям Императрицы Марии с 1 августа 1883»¹⁵, следовательно, он не оставил государственную службу, полностью отдавшись во власть Мельпомены (или Талии?). Сохранилась также и объяснительная записка Н. К. о том, что последний месяц (август 1883 г.) он директором еще значился, но должность уже не отправлял по болезни¹⁶.

¹³ В РНБ доступны следующие пьесы Н. Н. Куликова: «Денежки» (шутка в 2-х действиях), «Жертвы шантажа», «Игра в любовь», «Из-за денег», «Иудушка», «Карл Смелый», «Мечта и драма», «Наши ведьмы», «Особое поручение», «Пустослов», «Путь правды», «Разбитый кумир», «Семейные расчеты», «Слабый пол», «Сын актрисы», «Тайна», «Тетенька», «Честные намерения».

¹⁴ Например, коротенькая пьеса «Денежки» — о купце, желающем выдать замуж свою дочку: женихи на дочку и не смотрят, смотрят только на кошелек отца (один из женихов — учитель Мухин, как характеризует его Н. Н. Куликов, «тип учителя древних языков из глупых»). Дочь же сама находит себе достойного жениха, вместе с которым они смеются над глупостью и жадностью прочих женихов и которого в конце концов купец признает самой подходящей парой для своей дочери. Персонажи время от времени изъясняются по-французски, по-немецки, по-латыни и по-древнеречески, что очень остроумно обыграно автором, и знающему человеку позволит получить удовольствие от узнавания, а не знающему языков — не почувствовать себя дураком, а посмеяться над хорошей шуткой.

¹⁵ ГАУ ТО Ф. 8, оп. 1, № 658. Л. 34.

¹⁶ ГАУ ТО Ф. 8, оп. 1, № 658. Л. 40.

Последние годы жизни Н. Н. Куликов провел в Петербурге, где был похоронен на Митрофаньевском кладбище; могила его находилась рядом с могилой его отца, драматурга и режиссера¹⁷.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вересаев В. В.* Воспоминания. М.: Гослитиздат, 1936. 476 с.
2. *Куликов Н. Н.* Воспоминания педагога // *Наша старина*, 1916. № 9/10. С. 655–674; № 11. С. 801–815.
3. *Куликов Н. Н.* Воспоминания педагога // *Наша старина*, 1916. № 11. С. 801–815.
4. *Куликов Н. Н.* Дело «искупителя учащейся молодежи» // *Наша старина*. 1916. № 12. С. 911–929.
5. [Куликов Н.] *Н. К.* Элементарная грамматика латинского языка д-ра Р. Кюнера. Изд. 2-е, составленное Игн. Коссовичем. СПб., 1866 // ЖМНП. 1867, март. С. 733–740.
6. [Куликов Н.] *Н. К.*: Элементарная грамматика греческого языка, составленная Р. Кюнером. Пер. Коссовича. СПб., 1866 // ЖМНП. 1867, март. С. 740–749.
7. [Куликов Н.] *Н. К., Басов В.* Начальные основания этимологии греческого языка. М., 1866 // ЖМНП. 1867, март. С. 268–281.
8. *Куликов Н.* Ананьев [Афанасий]. Латинская грамматика. М., 1865 // ЖМНП. 1868, январь. С. 268–277.
9. *Куликов Н.* Латинская грамматика доктора Мадвига, сокращенная для гимназий Тишером, перевел с немецкого В. Басов. 2-е изд. М., 1867 // ЖМНП. 1868, январь. С. 749–751.
10. *Куликов Н.*: Избранные речи Цицерона. Ч. 1. Речи за поэта Архия и за Кв. Лигария объяснил и особым словарем снабдил В. Фелькель. М., 1867 // ЖМНП. 1868, декабрь. С. 946–956.
11. *Куликов Н.* Речи Цицерона против Катилины. Два текста: подлинный и по упрощенной конструкции, с примечаниями и словарем / сост. И. Соснецкий. М., 1869.
12. Лицей Цесаревича Николая. Латинская этимология в сравнении с русской для учеников трех низших классов. М., 1870.

¹⁷ <http://www.poxoronka.ru/forum?func=view&catid=27&id=636>; Куликов Николай Иванович (1815–1891) — режиссер Александровского театра; перевел и переделал (частью под псевдонимом Н. Крестовского) свыше пятидесяти пьес. Многие удержались в репертуаре до сих пор [Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона, 1895, с. 957].

13. [Отто Фердинанд] Пособие к чтению и изучению древних классиков составил Ф. Отто. 1-й выпуск. Приготовление к чтению Цезаря: *De bello Gallico*. 1-й выпуск. Приготовление к чтению Цицерона: *Orationes IV in Catilinam*. М., 1868 // ЖМНП, 1870, сентябрь. С. 108–114.
14. Педагогическое обозрение (Приложение к Циркуляру по Московскому учебному округу). 1869, март. С. 15–28.
15. Практическое руководство для основательного изучения спряжения правильного латинского глагола (с таблицей спряжений), сост. Н. К. СПб., 1873.
16. Руководство к переводам с латинского языка на русский и с русского на латинский, соч. Шписса, пер. Куликова. СПб., 1869.
17. Толстой С. Л. Очерки былого. Тула: Приокское книжное изд-во, 1965. 512 с.
18. Учебник латинского языка и темы для переводов, составил Н. Куликов, учитель Тверской гимназии. Вып. 1. Курс 1 класса. Тверь, 1869.
19. Учебник латинского языка и темы для переводов, составил Н. Куликов, учитель Тверской гимназии. Вып. 2. Курс 2 класса. М., 1870.
20. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза, И. А. Ефрона. Т. XVIa (32). СПб., 1895. 480 с.
21. *C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico*. С примечаниями и словарем для употребления в гимназиях. Сост. И. Соснецкий. М., 1867.
22. *Titi Livii Libri XXI et XXII*. Со словарем и объяснением трудных мест составил и издал Студенников. М., 1869.

REFERENCES

1. Veresaev V.V. *Vospominaniia* [Memoirs]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1936. 476 s.
2. Kulikov N.N. *Vospominaniia pedagoga* [Memoirs of a Pedagogue]. *Nasha starina* [Our Olden Days], 1916. № 9/10. С. 655–674.
3. Kulikov N.N. *Vospominaniia pedagoga* [Memoirs of a Pedagogue]. *Nasha starina* [Our Olden Days], 1916. № 11. С. 801–815.
4. Kulikov N.N. *Delo «iskupitelia uchashcheisia molodezhi»* [The Task of “the Redeemer of Studying Young People”]. *Nasha starina* [Our Olden Days], 1916. № 12. S. 911–929.
5. [Kulikov N.] N.K. *Elementarnaia grammatika latinskogo iazyka d-ra R. Kiunera* [Elementary Latin Grammar by Dr. R. Kuner]. Izd. 2-e, sostavlennoe Ign. Kossovichem [2nd ed., compiled by Ign. Kossovich]. *ZhMNP*, 1866. Saint Petersburg, 1867, mart [March]. S. 733–740.

6. [Kulikov N.] N.K. Elementarnaia grammatika grecheskogo iazyka, so-stavlennaia R. Kiunerom [Elementary Greek Grammar by Dr. R. Kuner], per. Kossovicha, 2nd ed. [compiled by Ign. Kossovich]. *ZhMNP*, 1866. Saint Petersburg, 1867, mart [March]. S. 740–749.
7. [Kulikov N.] N.K., Basov V. Nachal'nye osnovaniia etimologii grechesko-go iazyka [Elementary Foundations of the Etymology of the Greek Lan-guage]. Moscow, 1866. *ZhMNP*, 1867, mart [March]. S. 268–281.
8. Kulikov N., Anan'ev (Afanasii). Latinskaia grammatika [Latin Grammar]. Moscow, 1865. *ZhMNP*. 1868, ianvar' [January]. S. 268–277.
9. Kulikov N. Latinskaia grammatika doktora Madviga, sokrashchennaia dlia gimnazii Tisherom, perevel s nemetskogo V. Basov [Latin Grammar of Dr. Madwig, abridged for use in grammar schools by Tischer, transl. from German by V. Basov]. 2-e izd. [2nd ed.]. M., 1867. *ZhMNP*. 1868, ianvar' [January]. S. 749–751.
10. Kulikov N. *Izbrannye rechi Tsitserona*. Ch. 1. Rechi za poeta Arkhiia i za Kv. Ligariiia ob'iasnili osobym slovar'em snabdil V. Fel'kel' [Selected Speeches by Cicero. Part I. Speeches in Defense of Archias, the Poet, and in Defense of Ligarius, explained and supplied with a special diction-ary by V. Felkel]. Moscow, 1867. *ZhMNP*. 1868, dekabr' [December]. S. 946–956.
11. Kulikov N. *Rechi Tsitserona protiv Katiliny*. Dva teksta: podlinnyi i po uproshtchennoi konstruktsii, s primechaniiami i slovar'em [Cicero's Speeches Against Catilina. Two Texts: The Original and One with a Sim-plified Construction, with annotation and dictionary], sost. I. Sosnetskii [compiled by I. Sosnetsky]. Moscow, 1869.
12. Litsei Tsesarevicha Nikolaia [The Lycee of Crown Prince Nicholas]. *Latinskaia etimologiia v sravnenii s russkoiu dlia uchenikov trekh nizshikh klassov* [Latin Etymology in Comparison with Russian, for students of three lower grades]. Moscow, 1870.
13. [Otto Ferdinand] Posobie k chteniiu i izucheniiu drevnikh klassikov sostavil F. Otto. 1-i vypusk. Prigotovlenie k chteniiu Tsezaria: De bello Gallico. 1-i vypusk. Prigotovlenie k chteniiu Tsitserona: Orationes IV in Catilinam [A Study Guide for Reading and Learning Classical Authors, compiled by F. Otto. Issue 1. Preparations for Reading Ceasar: De bello Gallico. Issue 1. Preparations for Reading Cicero: Orationes IV in Cati-linam]. Moscow, 1868. *ZhMNP*. 1870, sentiabr' [September]. S. 108–114.
14. *Pedagogicheskoe obozrenie* (Prilozhenie k Tsirkuliaru po Moskovsko-mu uchebnomu okragu) [Pedagogical Review: Supplement to the Mem-morandum for the Moscow Education District]. 1869, mart [March]. S. 15–28.

15. *Prakticheskoe rukovodstvo dlia osnovatel'nogo izucheniia spriazheniia pravil'nogo latinskogo glagola (s tablitsej spriazhenii)* [Practical Guide for Thorough Knowledge of Correct Conjugation of Latin Verbs]. Sost. N.K. [compiled by N.K.]. Saint Petersburg, 1873.
16. *Rukovodstvo k perevodom s latinskogo iazyka na russkii i s russkogo na Latinskii* [Guidelines for Translation from Latin into Russian and from Russian into Latin], soch. Shpissa, per. Kulikova [written by Shpiss, transl. by Kulikov]. Saint Petersburg, 1869.
17. Tolstoi S.L. *Ocherki bylogo* [Sketches of the Past]. Tula, Priokskoe Publ., 1965. 512 c.
18. *Uchebnik latinskogo iazyka i temy dlia perevodov*, sostavil N. Kulikov, uchitel' Tverskoi gimnazii. Vyp. 1. Kurs 1 klassa [A Latin Textbook and Topics for Translation, compiled by N. Kulikov, teacher at Tver Grammar School. Issue 1. A 1st Year Course]. Tver, 1869.
19. *Uchebnik latinskogo iazyka i temy dlia perevodov* [A Latin Textbook and Topics for Translation], sostavil N. Kulikov, uchitel' Tverskoi gimnazii. Vyp. 2. Kurs 2 klassa [compiled by N. Kulikov, teacher at Tver Grammar School. Issue 2. A 2nd Year Course]. Moscow, 1870.
20. *Entsiklopedicheskii slovar' F.A. Brokgauza, I.A. Efrona* [Encyclopaedic Dictionary by F. Brockhaus and I. Efron]. T. XVIa (32) [Vol. XVIa (32)]. Saint Petersburg, 1895. 480 s.
21. *C. Julii Caesaris Commentarii de bello Gallico. S primechaniiami i slovarem dlia upotrebleniia v gimnaziakh* [Caesar. Commentaries on the Gallic War, with annotations and dictionary, for use in grammar schools], sost. I. Sosnetskii [compiled by I. Sosnetsky]. Moscow, 1867.
22. *Titi Livii Libri XXI i XXII. So slovarem i ob'iasneniem trudnykh mest* [Titus Livius. Books XXI and XXII, with a dictionary and explanations of difficult passages], sostavil i izdal Studennikov [compiled and published by Studennikov]. Moscow, 1869.

Андреева София Эдуардовна

Учитель древних языков Санкт-Петербургской классической гимназия № 610.

Sofiya Andreeva

Teacher of ancient languages at St. Petersburg Classical Gymnasium No. 610.

E-mail: srmc@yandex.ru

ЯАН УНТ В ЛЕНИНГРАДЕ

Ключевые слова: Яан Унт, А. И. Доватур, А. И. Зайцев, ЛГУ, Тарту, Марк Аврелий, курсы, переводы, философия.

Автор рассказывает по собственным воспоминаниям о годах учения Яана (Вальтеровича) Унта в ЛГУ и о курсе «Греческой мифологии» А. И. Зайцева, как и о дискуссиях, возникших в связи с этим многолетним курсом. Описывается история подготовки к изданию комментированного перевода Марка Аврелия, вышедшего в серии «Литературные памятники» в 1985, а затем в 1993 г. В статье коротко указано на дальнейшую деятельность Я. В. Унта в Тарту, где его преподавание сыграло значительную роль в оживлении классических штудий Университета, который в начале XIX в. помогал становлению классической филологии в Петербурге.

A. K. GAVRILOV

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences

JAAN UNT (1947–2012) IN LENINGRAD

Keywords: Jaan Unt, A. I. Dovatur, A. I. Zaicev, Tartu, Leningrad State University, Marcus Aurelius, philosophy, translations.

These are recollections about the late Estonian scholar who studied classics at the Leningrad State University in middle 1970ies. The author tells about main teachers of Jaan Unt, professors A. I. Dovatur and A. I. Zaicev; it was in those years above all the course of Greek Mythology given by A. I. Zaicev (1926–2000) which provided both knowledge and techniques of interdisciplinary analysis and was therefore substantial for scholarly maturity of Jaan Unt as well as many other students. On returning home Unt translated some medieval works for the Estonian Academy of sciences and taught at the University of Tartu increasingly more courses in different philological disciplines connected with the study of the ancient world, even if his personal scholarly interests were dedicated chiefly to Greek and Roman philosophy. He took important part in the making of the translation and commentary of Marcus Aurelius in Russian (1985¹, 1993²) and made pioneering translations of important philosophical works from Greek and Latin into Estonian. The work of Jaan Unt, consequently, connects in some way the present and future classical studies in Tartu with those in St. Petersburg.

Похоже, что Яан (Ян Вальтерович) Унт (1947–2012) был в современном Тарту тем, кого в старину с красивой гиперболой называли бы *praeceptor Livoniae*. Он располагал знаниями энциклопедической широты, а главное — основательности; не менее важно, что он стремился всячески укрепить их в своем родном — и славном — университете. Об этом лучше, чем мы здесь, знают его ученики. Они уже кратко об этом рассказали¹; расскажут, конечно, и подробнее². А поскольку в 1970–1990 гг. Унт тесно был связан с ленинградской кафедрой классической филологии, постараемся осветить обстоятельнее эту часть его научной биографии, чтобы этим послужить тому делу, которому служил он сам.

Помню первые впечатления от Унта — студента кафедры классической филологии Ленинградского университета в начале 1970-х. Он уже немного поучился в Тарту и отслужил в Советской армии; при поступлении в Ленинградский университет ему было столько лет, сколько нашим выпускникам бывало при окончании. Это, однако, был не великовозрастный человек, какие встречались в те десятилетия, когда студенты мужского пола все еще попадались на филфаке, а граждански и академически зрелая личность. Помню и то, как во время одной из последних аттестаций студентов на кафедре — это было в 1975 или 1976 г. — Аристид Иванович Доватур (он уже не был заведующим, но его еще спрашивали первым при кафедральных обсуждениях) давал отзыв о выпускаемых тогда студентах классического отделения: «Что касается Унта, тут все ясно: в будущем это, конечно, видный деятель эстонской культуры». В устах Аристида Ивановича такое звучало необычно. Студентов, особенно хороших, на кафедре мы хвалили редко, чтобы не возникло впечатления, будто одни неправильные люди одобряют других, таких же неправильных. А еще была цель, чтобы, неровен час, не явилось вдруг подозрение, будто кто-то затеял оставить самостоятельно мыслящего человека при кафедре. Аристид Иванович знал все это, но была у него и другая причина для сдержанности: относясь к младшим дружелюбно, он

¹ Краткий некролог памяти Я. В. Унта: Janika Päll: In memoriam Jaan Unt (7.11.1947–12.01.2012) // Keel ja Kirjandus. 2012. № 2, 157–159 (Я. Пель представила петербургским коллегам англ. перевод этого текста).

² См. настоящее издание: *Пель Я.* Яан Унт. С. 422.

остерегался всяческого фимиама, считая его особенно опасным для молодежи.

В многолетнем мифологическом семинаре А. И. Зайцева, где ни одна лекция *ни разу* не была повторена, Унт всегда сидел в первом ряду — приходил, видно, немного заранее и перелистывал старые записи, не делая ничего, что привлекало бы к нему внимание окружающих. Во всем его облике чувствовалась независимость от чего бы то ни было; не знаю, развилась ли в нем эта черта под влиянием стоиков, или то была некая квинтэссенция эстонского характера, но и независимость, и уважение к Стое были, несмотря на его замкнутость, многим известны. Просто так Ян Вальтерович не разговаривал; необходимы были веские причины, побуждающие его что-нибудь сказать.

Учился Яан в Тарту в хорошей школе, укрепившей в нем стремление к образованию. Развивал он и тело — занимался акробатикой; не обладая большой физической силой, он был жилист и вынослив. Догадываюсь, что изначально он хотел знать, чтобы *мыслить*, но решил начать с *истории* мысли, а значит, — с античности, которую следует признать самой разработанной областью человеческой культуры (хотя этот ход мысли выдает скорее природного филолога, чем философа, мы, конечно, прощаем нашему собрату это решение). А раз так, нужно было учить древние классические языки. Старорежимная «Этимология греческого языка» Якова Мора некоторое время бытовала у советского солдата Яана Унта в сапоге. Занимаясь в армии связью (это многих славных путь: взять хоть дешифровщика микенского письма Майкла Вентриса), Унт зубрил в свободные минуты древние языки, а для отдыха читал детективы по-английски, когда азарт заставляет забыть об усилении. У Яна Вальтеровича всегда замечен был голод по новому чтению: лишенный его, он скучал не за книгой, а без нее.

Когда пришло для его курса время первых научных работ, а потом и дипломной (1976 г.), стало известно, что Унт пристально занимается Марком Аврелием. И тут совпало так, что со школьных лет мне хотелось попробовать себя в переводе. В 1960-е гг. я участвовал в английском переводческом семинаре И. А. Лихачева; наблюдал, как переводами позднегреческой прозы занималась С. В. Полякова и, наконец, имел счастье обсуждать с А. Н. Егуно-

вым его платоновские переводы. Кроме того, ради исследования слова μητραλοίας ('тот, кто колотит мать' или 'матереубийца' — удивительная полисемия) мне случилось заглянуть в текст Марка Аврелия; я зачитался, и записки императора овладели моим стилистическим воображением. Думаю, что тогда очаровала меня та самая интонация «мудреца», над которой я позже стал посмеиваться как над призраком некоего Марка-Экклезиаста, с барственным упоением возглашающего, что всё и вся — тлен. Исходя из этого не совсем точного впечатления, я почувствовал, что Марк Аврелий это то самое, что хочет выразиться через меня.

Читая императора по-гречески, я, конечно, не мог не заметить, что Марк в своих стоических экспромтах последовательно пользуется техническим языком Стои. Значит, будет хорошо, если будет кто-то, кто внятно объяснит этот философский язык мне, а уж мое дело будет подбирать подходящие русские выражения и находить тон. А значит, предпринимая русский перевод текста, было естественно предложить Яну Унту делать комментарий — было ясно, что мы можем восполнить друг друга. Так оно, кажется, и вышло: в разное время каждый из нас в той или иной форме помог другому постигать этот текст, который словно просился в «Литпамятники». Эта серия тогда процветала; там было и античное, и всемирное; и художественное, и научное; она была и солидной, и либеральной; не только чтимой, но и читаемой. Аристид Иванович благожелательно присоединился к этому предприятию как наш общий учитель и человек, хорошо известный редакторам серии.

От 1960-х гг. мне в наследство от Ивана Алексеевича Лихачева досталась дружба с Алексеем Матвеевичем Шадриным, переводчиком с новых европейских языков, с которым мы сблизились в эти годы. Он и стал, сколько я знаю, определяющей фигурой из тех, кто предложил мой, как мы теперь говорим, *проект* разносторонней обработки «Размышлений» Марка Аврелия в «Литпамятниках». Заявка была представлена редакции, и мы с Унтом попали в эту авторитетно-обаятельную серию. В то время напечатать книгу в СССР было много труднее, чем теперь, когда платой за большую свободу публикации бывает кустарность книжной продукции и разруха в обороте книг.

Пока я, заручившись согласием Я. В., устраивал договор с «Литпамятниками», сам он занимался средневековой латинской «Хроникой». Конечно, мог бы ленинградский филфак придержать у себя — хотя бы пригласить в аспирантуру — такого серьезного выпускника, как Яан Унт, что поспособствовало бы ему и благотворно действовало бы на нашу кафедру. Однако не лишенный смысла принцип «кадры решают всё» применялся в эпоху застоя в том смысле, что многообещающие люди опасны. Унт уехал в Эстонию. Об этом времени могу рассказать здесь его словами:

11.12.76. Dognati.

Александр Константинович!

Работаю старшим лаборантом в секторе истории периода феодализма Института истории АН ЭССР, с правом работать дома, т. е. в Тарту (Институт сам в Таллине).

Ближайшая задача: перевести на эстонский язык хронику Дионисия Фабриция (католик в г. Вильянди, Fellin, написал в начале 17 в. *Livonicae historiae compendiosa series*) и отрывки, относящиеся к Эстонии, из Саксона Грамматика (*Gesta Danorum*). Кроме того, бывают иногда всякие случайные задания (статистика, вычисления, топонимика etc.). По совместительству преподаю в Сельхоз. академии латинский язык ветеринарам (40-часовой годичный курс, 8 групп).

Статья, боюсь, сейчас не получится. Почти перестал чувствовать себя «классиком». Однако Ваше письмо повлияло как *stimulus*. Восстановил отношения с Марком Аврелием. Возможно, что до весны смогу достать издание Фаркухарсона³.

Вероятно, нужны и паспортные данные [для договора с Литпамятниками — А. Г.]: XII ФЯ, № 644954, выдан ОВД Тартуского Горисполкома СДТ ЭССР 23 ноября 1970 г., холост, детей не имеет.

Может быть, где-то в середине января удастся провести неделю в Ленинградских библиотеках. А пока Вам, а также Аристиду Ивановичу и Александру Иосифовичу *bona omnia prescor*.

Яан Унт.

³ Позже Я. В. выяснил, что если не транслитерировать, а передавать звучание имени одного из лучших британских комментаторов Марка Аврелия, то правильнее будет: Фаркерсон.

Письмецо русское, хотя в ту пору Унт чаще писал латинские открытки — на языке не только великом и могучем, но еще и всеобщем. Тогда же распространилась латинизация его имени: *Lipus*, или *Lykanthropos Tartuensis* (похоже на создание Аристида Ивановича, исходя из значения эстонской фамилии).

На фоне гниения официальной идеологии (я говорю о 1970-х гг.) чувствовалось, что складывается некий канон властителей дум, которые притязали на определяющее влияние не только в части общественного мнения, но и в науке. В него вошел А. Ф. Лосев, опиравшийся в своем философствовании на античную мысль и культуру. Структуралисты, особенно те из них, кто разрабатывал семиотическое направление, касались Унта еще определеннее, потому что его родной университет стал одним из центров московско-тартуской школы во главе с Ю. М. Лотманом. Из филологов-классиков к этой дружине отнесена была связанная с «новым учением о языке» О. М. Фрейденберг. В целом, рядом с постепенно угасающим официозным насилием нам грозило теперь засилье норовистого общественного мнения, которое не прочь было ворваться и на университетские кафедры. Как-то сбоку с этим новаторством увязывалось имя С. С. Аверинцева, который, являясь великолепным словесником-эрудитом, не зря, наверное, заговаривал о некоей новой научной парадигме, которую сам же называл *инонаукой*. Все это были люди богатых знаний, большого прилежания и — что было решительно важно в ту эпоху — свободолюбивые. Это давало их мнениям о научном методе больше влияния на общество, чем выпадает на долю специалистов.

Между тем уже с конца 1960-х гг. Александр Иосифович Зайцев, в рамках своей все шире разраставшейся академической деятельности, начал «читать» лекции по *греческой мифологии* — перед ним лежали выписки и опорные цитаты, остальное всегда было импровизацией. Последовательный анализ теорий, возникших вокруг мифа об Эдипе, несколько лет был центральной темой, привлекал необычно много слушателей и убеждал их в том, что в каких-либо новых больших методологиях сверх общего историко-филологического метода, давно выработанного европейской и успешно подхваченного русской дореволюционной наукой, решительно нет нужды. Иначе говоря, чтобы освободиться от пут

идеологии, надо было прежде всего вернуться к неидеологизированному знанию.

Настроение, сложившееся постепенно в зайцевских семинарах (кроме мифологии это был и платоновский семинар, и разнообразные курсы по традиционным филологическим дисциплинам), не было враждебно примечательным людям, которых общественное мнение превращало в вехи некоего нового, как бы спасительного, знания; нам было важно, чтобы идеал, почва, обязанная тысячелетней традиции классической филологии, не заросла ни первыми, ни какими-нибудь последними сорняками. Если новые идеологи хотели заменить постылую официализацию чем-то более свежим и тонким, то мы хотели, чтобы от идеологии вообще не осталось бы следа. Меня, в частности, это занимало не ради себя только, но и как молодого преподавателя. Учить нужно лучшему из того, что знаешь, и так, чтобы это увлекало молодежь — иначе в преподавании нет никакого смысла.

Напор антифилологических идей мы выдержали, проведя ряд показательных экзекуций через коллективный разбор избранных более или менее наугад достижений «модных чудаков», в чем сильно участвовали ученики Александра Иосифовича с исторического факультета, объединенные тогда в научном кружке при кафедре древней истории. Получилось занятно: историко-филологическое возмездие не свершилось бы, кажется, если бы филологи остались при своих галантерейных безделушках, а историки — с их унылым москвошвеем. Зато вышедшие навстречу друг другу мощный духом филолог-энциклопедист и толковые молодые историки сумели окопаться на кое-как занятых университетских позициях и несколько лет держать круговую оборону, отбиваясь равно от казенного начетничества и от либеральной отсебятины. Восстановить гармоничное антиковедение, дело, конечно, далекое, но предпосылки для этого были в нашем кругу созданы.

Унт участвовал в этих необычных акциях ленинградского филологического самоопределения; я убежден, что как на всех нас, это возымело и на него некоторое действие. Помню, как Сурен Тахтаджян разбирал аргументы О. М. Фрейденберг в статье «Въезд в Иерусалим» [Фрейденберг, 1978, с. 491–531] и то, сколь неожиданные преобразования выпадают по милости автора на до-

лю осляти. После ряда смелых прозрений кузина Б. Пастернака приходила к выводу: «Итак, сперва осел есть спаситель, дальше сидящий на осле есть спаситель; еще дальше самый акт сидения на осле является спасением» [Там же, с. 522]. «Получается, — сказал кто-то, — что, по Фрейденберг, Иисус... едет на самом себе». «Нет, — возразил Унт — *он едет на своем смысле*».

Фигура А. Ф. Лосева для Унта, как человека, в центре внимания которого стояли все-таки именно интерес к философским идеям, изучаемым с помощью филологических приемов, была, наверное, еще занимательнее. Отрывочно-христианская полемика московского новоплатоника поражала Унта: неужели и вправду стоик не что иное как «бесчувственное бревно»?⁴ Да уж так ли — со всеми его различениями, правилами, усилиями самовоспитания — бесчувственное? Унт приглушенно, как положено стоикам, смеялся. Для Унта, конечно, критика Лосева была привлекательна и тем, что при нем отмежевывались от этой «последней» русской мудрости сами же русские соученики-универсанты. Между тем петербургская классическая школа была когда-то тесно связана с Дерптом — например, через выучившихся там М. С. Куторгу, А. Ф. Энмана, В. К. Мальмберга, Е. М. Придика и других. А потому Унт, расходясь с ново-тартуской семиотикой, оказывался в лоне дерптско-петербургской, а в некотором роде даже старо-дерптской школы.

Его будни в эти годы можно себе представить из еще одной его открытки, на этот раз из места, означенного им как *Regiomontium* (08.04.1977):

Collegae optimo salutem. Статья к сожалению не получилась. Начал, но закончить так и не успел — неожиданно заставили совершить паломничество на могилу Канта — т. е. послали на 2 месяца в армию на сборы. Кроме того, задержала недоступность собрания фрагментов стоиков. Единственный экземпляр, имеющийся в Эстонии, пока еще в руках проф. Мазинга, и вторично беспокоить его не осмелился. Придется ждать, пока закончит свою статью. Но до конца мая

⁴ Мы, правда, в отличие от молодых помощников Лосева, не знали тогда, что большая часть его писаний несколько менее интересна, чем непрерывный поток сознания этого странника философствующей филологии — поток, способный поразить своим напором в течение столь продолжительной жизни. Но как же это положить в *основу* каких бы то ни было знаний?

вынужден довольно бессмысленно сидеть здесь. Взял с собой только одну книгу, чтобы не было другого выбора, как прочесть ее, на этот раз учебник санскрита. Однако отвлекаюсь шахматами.

У меня к Вам просьба. Сообщите, пожалуйста, если в БАН поступают 2-ой том (Commentarii) к фрагментам Посидония (Эдельштейна). Всего Вам хорошего. *Bona omnia magistris meis precor.*

Lykanthropus Regiomontius

Наша работа над Марком Аврелием пришлось на пятилетие 1977–1982. Этот период тогда казался долгим, а глядя из сегодня, был не только существенным для филологического развития каждого из нас, но и по-своему стремительным. Это, видно, и были, по Эпиктету, наши Олимпийские игры — те самые, когда важен не успех, а участие. Сначала мы занялись широко понимаемой нами стоической терминологией с обсуждением смысла и передачей небезразличных ассоциаций. Потом обсуждалось толкование текстов и выявлялось то, что требует комментария. Затем редактировали то, что получилось, нажимая на рекуррентность (пословно-статистическое соответствие) в переводе: в *принципе* стараться не переводить то, что одинаково в оригинале, различными способами. Несколько раз мы съезжались в Ленинграде, у меня на даче или в Тарту.

Когда стало ясно, что нужно не писать наброски, а работать «завершительно» (*καταληκτικῶς*), я предпринял волевые меры к себе, а потом и к Унту — решил упрятать его зимой в Колосково, что на 78 км дороги на Приозерск. Отправляемся поездом туда. Зима в белой горячке от лютого мороза. Мы редактируем Марка Аврелия, а вагон все как-то пустеет. В окошке — все те же снежно-лунные перелески, все волшебное, но как-то... совсем незнакомо. Наконец мелькает догадка, и на ближайшей остановке мы выскакиваем из поезда. Ни души. Среди величественной природы утлый листок с объявлением о поездах. Время точно позднее, но часов у нас нет. Объявлены какие-то перемены на последние дни. А день какой сегодня? Не знаем. Холод завораживающий. Остается ждать поезда, если вдруг посчастливится. Унт, закуривая и согревая руки спичкой, говорит: «По меньшей мере, узнаем, какой сегодня день». Последний поезд явился, по счастью, скоро, — правда, в Приозерск. Доехали и продолжали редактировать, сидя в зале ожида-

ния. То же на обратном пути ранним утром, когда уже волшебства не было, а только холод; так и на даче, пока немного обогрели комнату печкой.

Там Унт с неделю прожил, как Меншиков в Березове: без детей, зато благотворно; на основе выработанного им в предыдущие годы по ходу работы над комментарием он выстроил текст своей отличной статьи о жанре «Размышлений». Важность этой его статьи для перевода я оценил по ходу работы. Текст у меня назван «Размышлениями» лишь в качестве дани традиции. По существу — точнее, по Унту — надо было текст Марка называть по-деловому: «*Записи для себя*», или просто: «*Моё*». Ведь это, собственно, не название, а пометка на свитке или кодексе и не литературное произведение, а дневник стоической работы над собой литературно одаренного человека.

Завершая работу над Марком, живали трудолюбиво и беспечно. На даче Яан подтягивался на турнике: тогда еще не исчерпаны были физические достижения его юности. Побудка производилась номерами из Марка Аврелия, когда со стуком в дверь выкликался номер, вроде: «*Пять, один*» (V, 1: «*Поутру, когда медлишь вставать, пусть под рукой будет...*»), на что чуть хриплый голос отвечал «Я сейчас...» и т. п. Там же читали мы рукопись Зайцева перед обсуждением «Культурного переворота» на кафедре 27 июня 1980 г., которое отодвинуло публикацию смелой книги на пять лет: Яан сидит среди сосен с машинописью, а вокруг гуляют солнце и ветер, сиюминутные и вечные как ум эллинов.

Стойей мы любовались как крепко обдуманной и как-то особенно красивой системой, в которую увлекательно вглядываться. Хотя Унт относился к стойкам серьезно, его веселило, когда мы применяли к родимому душегубству додуманные до крайности стоические положения о всеобщем родстве, *συνγένεια*, с одной стороны (ср. VII, 22; XI, 9), и о невольности погрешений, с другой (*ἄκοντες ἀμαρτάνουσι*: IV, 3, 4; VII, 22). Получалось, что «родной человек ошибся», когда смертельно ударил вас, оклеветал и т. п. «У-ху-ху», — тихо смеялся он. Забавляла нас и такая стоическая цепочка: «мудрецы — которых нет — совершенны во всех отношениях»; опасность выводов отсюда заметил еще Александр Афродисийский (Chrysipp. SVF III, 658 Arnim), а Плутарх обыграл

(*ibid.*, 662)! В быту, впрочем, мы были (это моя оценка, не знаю, согласился ли бы с нею Я. В.) скорее эпикурейцы, не в «догматическом» и не в обывательском, а в некоем среднем философском смысле: мы ценили прежде всего дружбу, умеренные радости и критичную веру в знание.

Мне в свою очередь нравилось бывать в Тарту на Эмайыэ; в адресе употребляется, как во многих других языках, родительный падеж, а в именительном река зовется Эмайыги, она же Омов(ы)жа русских летописей, а по-немецки Эмбах, где когда-то нашел свой конец великолепный филолог Людвиг Мендельсон. Квартира Унтов — часть этажа небольшого городского дома; неподалеку начинались уже поля. Мы занимаемся. Через приоткрытую дверь мать Я. В. говорит тихо: «Ян...» и еще два-три слова; это бывало сообщение о том, что ученые мужи могут пообедать в духе стоического *безразличия*, *ἀδιαφορία*: без чревоугодия и без убожества. Дверь в доме никогда не хлопала: эстонцы думают вперед, а не задним умом, как свойственно нам.

Однажды в рождественский вечер в Тарту — приезжать я мог только, когда семестр кончался, — посетили мы празднично-суровую лютеранскую службу, а после этого пошли на кладбище, где происходило нечто, напоминающее семейственное поминовение, с одной стороны, и немую демонстрацию, с другой: сотни, если не тысячи свечей зажглись у могил, среди снега и тишины. Зримые в праздничной темноте свечи и невидимые, молча стоящие люди! Ощутим был народ, объединенный общей памятью и общим чувством. Чувствовалась сдержанная вера в будущее и знание того, в чем они могут доверять друг другу. Это было внушительно, хоть и не внушало оптимизма по поводу наших домашних дел. Вспомнилось, что о солидарности эстонцев рассказывал нам Аристид Иванович, исходя из своего лагерного опыта: там про это знали.

Озабоченность судьбой Эстонии была понятна. Уже поэтому, оказываясь в океане кириллицы, Унт хотел писаться не Ян (как пишут в духе русского алфавита), а Яан, что ближе *транслитерирует* эстонское написание Jaan. Страх за судьбу своего народа — страх исчезновения — Я. В. выражал когнитивно: «Жаль, чтобы вместе с языком пропадал кусочек опыта человечества». Любовь к родине и ее культуре сказывалась у него во всем — к счастью, уже в на-

чале 1980-х гг. он мог по праву гордиться новой библиотекой Тартуского университета. Уж как хороша была старая, романтическая Дерптская библиотека в Домском соборе на холме Тоомемэги (теперь Музей университета) с милым, как и великим, всебалтийским Карлом Бэром, однако новая библиотека обращала на себя внимание большей современностью и академическим комфортом. Унт с удовольствием водил туда и помогал устраиваться там для чтения на несколько дней. Познакомил и с Пэетером Олеском, старым приятелем, который стал директором этого достойного учреждения и, как потом мы увидели, умел ценить Унта. Помню, как поражало, что имевшаяся часть *Handbuch der classischen Altertumswissenschaft* стояла в открытом доступе, а к уходу из библиотеки призывал мелодичный звоночек. С Хайном Танклером, историком Тартуского университета, с тех пор завязалось сотрудничество — менее обширное, чем хотелось бы, и все-таки плодотворное [Tamm, Tankler, 2004, S. 22–59]; его великолепная биографическая анкета для словаря университетской профессуры производила впечатление своей обдуманностью.

Я. В. ненавязчиво, но последовательно знакомил своих ленинградских друзей с лучшими произведениями эстонской литературы в хороших, иногда прямо отличных русских переводах. Неленивый, но нелюбопытный, я тем более ценю то небольшое, с чем мне случается ближе освоиться. Могу сказать, что это произошло с поэзией Бетти Альвер. Личное знакомство с эстонскими интеллектуалами из друзей Унта (как и у нас, это были всё истопники да лесники) помогало понять то, что было так запутано советской идеологией, что она сказывалась и тогда, когда мы ее чурались.

Значительным эпизодом в знакомстве с тартуской сценой стало знакомство с Уку Мазингом. О Мазинге я слышал от Исидора Геймовича Левина, у которого в начале 1960-х прослушал курс *Deutsche Volkskunde* — единственный, сколько я знаю, курс по-немецки на ленинградском филфаке той поры [Gavrilov, 2010, с. 336–340 (русс.)]. Надо сказать, что это был и единственный раз, когда Исидор Геймович преподавал в ЛГУ, если не считать еще одного семестра для стажировавшихся на филфаке учительниц немецкого языка. От Левина я и услышал о его учителях в Тарту конца 1930-х гг., когда он учился у великого Вальтера Андерсона

и у молодого тогда Мазинга, который вскоре спас его во время немецкой оккупации⁵.

Неудивительно, что выстроился четырехугольник: Унт и Мазинг в Тарту, а мы с Левиным в Ленинграде. Я рекомендовал Унта Левину, Левин меня Мазингу, к которому, наконец, в Тарту привел меня Унт. Разговор мне запомнился. На прощанье Мазинг сказал мне: «Arbeiten Sie so viel und so gut wie Sie nur können». Внимание ко мне названных трех тартусцев способствовало моему внутреннему укреплению. Позже Унт много участвовал в попытках вернуть родному университету Мазинга, которому после войны так и не довелось войти в университетскую аудиторию — в этом смысле судьба наших «реабилитированных» была все-таки лучше. В Эстонии политическое ущемление было как-то последовательнее, чем у нас. Надо же было, например, почти уничтожить классическую филологию там, где когда-то возвращали будущих профессоров прочих российских университетов [Schmid, 1881, S. 136–166]! Обратим внимание на то, что сам Унт, обучающийся в Ленинграде в последней трети XX в. — это же зеркальное отражение того, что было в первой трети XIX с «профессорским институтом» в Дерпте!

Позже меня приглашали писать для сборника в честь Мазинга, но я не сумел этого сделать, так как не справлялся с уже взятыми на себя обязательствами. 16 июня 1984 г. Унт писал:

«Festschrift уже печатается (на машинках, естественно и к сожалению)⁶; жаль, что не успели. Сам написал о лектóv, однако получилось поспешно и не самым лучшим образом, хочу доработать, дополнить и куда-нибудь послать еще».

Разговоры с эстонскими друзьями Унта многое для меня проясняли. Одному из них я сказал: «Мы всё произносим междометия о нашей жизни, но как-то не слагается ни одной фразы». — «А знаете, почему? — живо откликнулся он. — Если вы скажете фразу,

⁵ За спасение Левина — Мазинг и его жена долго прятали его у себя на мызе от нацистов — имя этих людей поселилось на Аллее праведников в Иерусалиме, Йад-ва-Шем № 1561.

⁶ Это намек на то, что издание в честь У. Мазинга все еще вынужденно самиздатское.

вам надо будет действовать». Вот и с Унтом мы вели разговоры не столько политические, сколько политологические, стараясь развиваться на подножном, так сказать, корму. Особенно, как помню, вглядывались мы в понятие *равенства*, в котором признавали нечто завораживающее. Глядя на это издали, вижу, что в Эстонии я в ту пору избавлялся от политического инфантилизма, присущего многим русским в моем поколении.

Понятно, что наше культурное взаимодействие выразилось и в передаче в разных направлениях рукописей — старых и новых. Однажды Я. В. привел ко мне русского, который передал мне рукопись стихов одного из репрессированных Лихачевых⁷. В другой раз я пробовал устроить машинопись детской книжки моего университетского приятеля Федора Б. Чирскова (сюжет развивался вокруг молитвенника Марии Стюарт). Пристроить эту — приятную, как мне казалось — вещицу в эстонское издательство не удалось, а за дальностью расстояний она потерялась из виду; когда друзья издавали небольшое по объему наследие Чирскова [Чирсков, 2007], оказалось, что тот экземпляр оставался единственным: рукописи, может быть, не гоят, зато очень легко теряются.

В Я. В. пленяла неколебимая преданность знанию. Вечно ему хотелось новой ученой литературы, и читал он не из чувства долга перед наукой, а из потребности как-нибудь подпитать свое знание. Если во мне от собираемых отовсюду книг до последних пор жила обманчивая радость, что теперь-то уж точно прочту, то у Я. В. в его комнате на Эмайыэ кресло стояло к книгам спиной, «чтобы не видеть, сколько не читал».

В оценке получаемых на рассмотрение соображений Унт был терпеливее и строже многих из нас. Когда я, восстававший против отыскивания сходств мимо серьезных различий, почитал что-то о буддистах и нашел, что это до невозможности похоже на стоиков, Унт выслушал внимательно и выразился так: «По-моему, ничего общего». Я с интересом слышу теперь, что у Я. В. была эстонская рецензия на «Культурный переворот» А. И. Зайцева. Было бы интересно увидеть перевод этого отклика — почти наверное это не

⁷ Ознакомившись с ценной машинописью, я передал ее знатоку славянских рукописей и родственнице поэта — О. П. Лихачевой, бумаги которой после ее кончины попали в РНБ.

только дань уважения к учителю, но и плод вдумчивого критического рассмотрения⁸.

Любопытно было знание языков у Я. В. Если Пауль Аристэ, на которого он мне как-то указал на улице (где у нас такое *monstrari digito?*), знал 100 языков, Мазинг, говорят, 65, то о Вальтере Андерсоне с его 40 языками, с которых он способен был реферировать произведения фольклора, как-то уж неловко и говорить. Должен сказать, что я никогда не слышал, как Унт говорит на иностранных языках, кроме русского, которым он, надо сказать, овладевал с годами все полнее. При этом мне *никогда* не доводилось видеть, чтобы он не понимал чего бы то ни было на каком бы то ни было из языков, с которыми приходится иметь дело филологу-классику. А он изучал и не такие! Видно, что читать и понимать он мог на дюжине языков или более того. Выше я привел письмо, где вскользь назван учебник санскрита. Случайно слышал я, что он осваивал не только финский (кажется, довольно основательно), но и венгерский. В этом балтийская особенность: когда знание двух, а то и трех языков основано на общенародной диглоссии, то дальше в этих кантонах природных лингвистов нетрудно в желаемой степени освоить столько, сколько будет нужно. Хотя Унт не показывал особенно виду, он принадлежал к этой породе. Он и молчал на разных языках; если коэффициент разговорчивости иной раз невыгодное соотношение мысли и говорения, то у него было наоборот. Напоминая этим А. И. Зайцева, он не считал, что иногда приличествует говорить что-нибудь исключительно из чувства приличия — это правило гуманное, но оно порождает уйму излишних, а иногда и в соблазн вводящих речей.

Могу ошибиться в оценке, но у меня сложилось впечатление, что в области познания Унту свойственна была не столько страсть к новаторству, сколько выработка из общего научного запаса, созданного людьми разных времен, поколений, наций, возможно полного и надежного знания. Между тем как раз у людей

⁸ О. И. Зайцева, с помощью учеников А. И. Зайцева приведшая в образцовый порядок его обширный архив, сообщает, что в журнале «Радуга», или *Vikerkaar*, выходившем одно время как в эстонском, так и в русском варианте, есть беседы Я. Унта по мотивам книги А. И. Зайцева о «культурном перевороте» [Радуга. 1986, № 4. С. 74–77; № 6. С. 77–80]; сохранилась и благодарственная реплика автора книги Я. В. Унту.

1960–1970-х гг. был культ нового, по всей видимости, связанный с желанием через это новое то ли откреститься от прошлого, то ли особенно ярко заявить о своем присутствии в настоящем. Сказывался сциентизм: знание — сила; настоящая наука, в новациях, которые неоспоримы и необоримы. В этом, пожалуй, что-то есть, но ведь не надо забывать и то, что знание *в целом* выше одних только новоприобретенных знаний как по объему, так и по общей значимости. Унт и в этом оказался опять же больше европейцем, чем многие из нас! Другое дело, что в нем — изредка — проявлялась какая-то заинтригованность оккультным, литературой, отражающей состояния измененного сознания; притом речь шла даже не о шедеврах вроде Де Квинси, а о чем-то менее притязательном. Я простецки, *unus multorum*, считал (и считаю) это нездоровым; на оккультизм мне и обскурантизма не жаль!

Я не говорю о характерном для Я. В. постоянстве в настроении, не говоря уж о всегда сдержанном выражении чувств — чего ждать от человека, пережившего сильное влияние стоицизма. Людей он не обсуждал, равно как не интересовался их пересудами — это стоическое правило соблюдалось им свято. К учителям и коллегам держался ровного и уважительного отношения. Меня, например, причислял к учителям, но я всегда понимал, что на деле важно было то, что мы учились друг у друга. Считал ли он себя пробивающимся к стоицизму (то есть «продвигающимся», *προκόπτων*), я не знаю — так и не успел я задать ему Gretchenfrage на этот счет. Знаю, что он хорошо чувствовал иронию, отношение к которой у стойков довольно запутанное. Помню его живой рассказ о сценке из кафедральной жизни, когда одна ученая дама при студентах, готовящихся к экзаменационному ответу, начала сердобольно расспрашивать А. И. Зайцева о жизни его семейства, о том, здоровы ли дети, а если болеют, то чем именно и проч. На это последовал спокойный, обстоятельный и предельно внятный ответ, что привело сидевшего тут же Унта в редкий для него восторг. «Это была совершенная ирония», с восхищением повторял он, не поведший, конечно, бровью, пока шел этот философский урок.

Когда наш «Марк Аврелий» вышел первым изданием (1985, второе издание — 1993), это было немалой удачей и для меня, и для Унта, которому русское издание *Размышлений* с его участием спо-

собствовало еще до выхода из печати (рукопись в 1981 г. была уже готова и долго лежала в издательстве «Наука»); иначе, наверно, ему было бы труднее опубликовать в Эстонии аналог этой книги, сделанной всецело им самим — эстонский Марк вышел уже в 1983 г. (Marcus Aurelius. Iseendale. Tõlk Jaan Unt, 1983). Дорога переводов на эстонский теперь ему открылась, — впоследствии ему не мешали трудиться и над другими произведениями греческой мысли, никогда еще не переводившимися на эстонский, что гораздо труднее, чем сделать поновленный перевод на язык, на котором это уже делалось, иногда и не раз.

С этих пор мы стали видеться реже. Жена моя пошутила: «Эстония еще не отделилась, а Унт от тебя — уже». Но и в 1990-е мы, кажется, по разу навестили друг друга, хотя у каждого была теперь своя деятельность и оба были сильно ею заняты, так как жизнь слишком долго не способствовала наличию итогов. Однажды я уговаривал его написать побольше об Эпиктете для тома, посвященного «Энхиридиону» Эпиктета, и поманил его обогащением не только сведений, но и кошелька; Я. В., хоть и не стал богачом в новых условиях, отвечал: «Я сам готов кому-нибудь за это заплатить».

Как-то уже в 2000-е раздался телефонный звонок: Я. В. был в Петербурге с семьей. Я рад был его слышать и звал зайти ко мне всех вместе, но когда он сказал, что не может, потому что передвигается с трудом, отложил встречу до другого раза. Не знаю теперь, прав ли я, что стал взвешивать, а не поехал повидаться, не вдаваясь в рассуждения. Теперь, боюсь, придется подождать следующего *испламенения*, ἐκπύρωσις, когда мир погибнет в огне, чтобы все повторилось наново (Марк Аврелий V, 13).

Яан Унт оставил своему отечеству труды, которые ощутимо обогащают золотой запас эстонской культуры. Он оставил учеников, которые помнят его и, наверно, продолжают им начатое. Приятно думать, что 2011 г. — последний, пережитой им целиком, — был признан в Европейском союзе годом Эстонии, а Таллин объявлен «культурной столицей Европы» этого года. Ведь это то самое достижение, которому он, не ведая таимого судьбой синхронизма, готов был служить, влагая свой обол в общее дело, он, предугаданный гуманистом-учителем *видный деятель эстонской культуры*, — αὐτάρκεστατος, хорошо запомнившийся и у нас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Марк Аврелий Антонин*. Размышления / пер. и прим. А. К. Гаврилова; статьи А. И. Доватура, А. К. Гаврилова, Я. Унта; комм. Я. Унта. (Серия «Литературные памятники»). Л.: Наука, 1985. 2-е изд, испр. и доп.: СПб.: Наука, 1993. 256 с.
2. *Чирсков Ф.* Маленький городок на окраине Вселенной: Роман. Рассказ. Стихи / сост. А. Арьев. М.: Звезда, 2007. 264 с.
3. *Фрейденберг О. М.* Въезд в Иерусалим на осле (Из евангельской мифологии) // Миф и литература древности / сост., подг. текста, коммент. и послесл. Н. В. Брагинской. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1978. С. 491–531.
4. *Gavrilov A.* 'Laudatio Isidor Levin', in: Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Jahrbuch. 2004. S. 51–55. = 'Исидор Левин и народоведение' // А. К. Гаврилов. О филологах и филологии / пер. С. А. Гавриловой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010. С. 336–340 (русс.).
5. *Marcus Aurelius*. Iseendale. Tõlk Jaan Unt. Tallinn, 1983.
6. *Päll J.* In memoriam Jaan Unt (7.11.1947–12.01.2012) // Keel ja Kirjandus. 2012. № 2. С. 157–159.
7. *Schmid G.* Das Professoren-Institut in Dorpat. 1827–1838 // Russische Revue. 1881. Heft 8. S. 136–166.
8. *Tamm E., Tankler H.* Klassische Philologen an der Universität Tartu (Dorpat, Jurjew) und ihre Kontakte zu St. Petersburg' // Hyperboreus. 2004. 1–2, F. 1–2. S. 22–59.

REFERENCES

1. Mark Avrelii Antonin. *Razmyshleniia* [Meditations], per. i prim. A.K. Gavrilova; stat'i A.I. Dovatura, A.K. Gavrilova, Jaana Unta; komm. Jaana Unta. (Seriiia «Literaturnye pamiatniki») [transl. and notes by A.K. Gavrilov; articles by A.I. Dovatur, A.K. Gavrilov; Jaan Unt. Literary Masterpieces Series]. Leningrad: Nauka Publ., 1985; 2-e izd, ispr. i dop.: Saint Petersburg: Nauka Publ., 1993. 256 s.
2. Chirskov F. Malen'kii gorodok na okraine Vselennoi: Roman. Rasskaz. Stikhi [A Small Town on the Outskirts of the Universe: Novel. Story. Poems], sost. A. Ar'ev [compiled by A. Arieiev]. Moscow, Zvezda Publ., 2007. 264 s.
3. Freidenberg O.M. *V'ezd v Ierusalim na osle (Iz evangel'skoi mifologii)* [The Entry of Our Lord into Jerusalem on the donkey: From evangelical mythology]. Mif i literatura drevnosti [Myths and Ancient Literature], sost., podg. teksta, komment. i poslesl. N.V. Braginskoi [compiled and

prepared, notes and afterword by N.V. Braginskaya]. Moscow, RAN, Vostochnaia literatura Publ., 1998. C. 491–531.

4. Gavrilov A. 'Laudatio Isidor Levin', in: Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung, Jahrbuch. 2004. S. 51–55. = 'Isidor Levin i narodovedenie'. A.K. Gavrilov. O filologakh i filologii [About Philologists and Philology], per. S.A. Gavrilovoi [transl. by S.A. Gavrilova]. SPb., SPbGU Publ., 2010. S. 336–340 (russ.).
5. Marcus Aurelius. *Iseendale*. Tõlk Jaan Unt. Tallinn, 1983. 280 p.
6. Päll J. In memoriam Jaan Unt (7.11.1947–12.01.2012). *Keel ja Kirjandus*. 2012. № 2. S. 157–159.
7. Schmid G. Das Professoren-Institut in Dorpat. 1827–1838. *Russische Revue*. 1881. Heft 8. S. 136–166.
8. Tamm E., Tankler H. Klassische Philologen an der Universität Tartu (Dorpat, Jurjew) und ihre Kontakte zu St. Petersburg. *Hyperboreus*. 2004. 1–2, F. 1–2. S. 22–59.

Гаврилов Александр Константинович

Доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института Истории РАН.

Aleksandr Gavrilov

PhD in History (doktor nauk), Lead Researcher
at St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences.
E-mail: polivan@bibliotheca-classica.org

**ПАМЯТИ ЯАНА ВАЛЬТЕРОВИЧА УНТА
(7.11.1947–12.01.2012)**

Ключевые слова: Унт Яан Вальтерович, биография, классическая филология, история науки, Эстония, университет Тарту.

Некролог Яана Вальтеровича Унта, эстонского филолога-классика, ученого и переводчика. Я. В. Унт в 1971–1976 г. учился на кафедре классической филологии ЛГУ. Его научные интересы были связаны с философией стоиков и Марком Аврелием, которого впоследствии он перевел на эстонский язык. Среди работ Яана Унта есть статьи, посвященные русской традиции классической филологии («Non omnis moriar» // *Vikerkaar / Raduga*. 1986. № 2, 4, 6), в которых изложены основные идеи книги А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции в VIII–V вв. до н. э.» (Л., 1985), а также работ С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова. Автор статьи Яника Пель — ученица Я. В. Унта.

JANIKA PÄLL

Research Center at the University of Tartu library

**IN MEMORIAM JAAN UNT
(7.11.1947–12.01.2012)**

Keywords: Jaan Unt, Tartu University, classical philology.

Jaan Unt was a famous Estonian classical scholar and translator. To Russian scholars he is mostly known for his contribution to the translation of Marcus Aurelius. Most of his research (published, as well as unpublished) was dedicated to stoics. In January, 2012, Jaan Unt died after long illness in Tartu, Estonia.

В январе 2012 г. в Тарту после тяжелой болезни умер филолог-классик, ученый и переводчик Яан Унт (7.11.1947–12.01.2012). Он начал изучать эстонскую филологию и древние языки в Тартуском государственном университете в 1966 г. Затем после службы в армии Яан Унт учился на кафедре классической филоло-

гии в Ленинградском государственном университете (1971–1976). Его научные интересы по большей части были связаны с философией стоиков и Марком Аврелием, которого впоследствии он перевел на эстонский язык. В России он известен благодаря книге «Марк Аврелий Антонин. Размышления» (изд. подг. А. И. Доватур, А. К. Гаврилов, Яан Унт. Ленинград: Наука, 1983; СПб.: Наука, 1993).

После окончания университета по возвращении в Тарту Яан Унт не имел возможности преподавать в Тартуском университете. Он занялся переводами. Им были переведены на эстонский язык сочинения Аристотеля, Демокрита, Платона, Марка Аврелия, Эпиктета, а также некоторые научные труды об Аристотеле, Сократе и Демокрите.

В 1985 г. он начал преподавать античную литературу и латинский язык в Тартуском университете, а с 1990-го, когда были открыты кафедра классической филологии и факультет теологии (закрытые в 1954 и 1941 годах соответственно), он стал ведущим преподавателем древнегреческого языка.

Среди работ Яана Унта есть статьи, посвященные русской традиции классической филологии («Non omnis moriar» in Vikerkaar («Raduga») № 2, 4 and 6, in 1986), в которых изложены основные идеи вышедшей в 1985 г. в Ленинграде книги А. И. Зайцева «Культурный переворот в Древней Греции в VIII–V вв. до н. э.», а также работ С. С. Аверинцева и М. Л. Гаспарова. В 2003 г. им была написана статья о Санкт-Петербургской классической гимназии «Humanistlikust kooliharidusest: Sankt Peterburgi klassikalise gümnaasiumi näide — “*Duo saecula philologiae classicae in Estonia*”» (Tartu. 2003. С. 145–151).

Рассказы Унта об учителях — А. И. Доватуре, А. И. Зайцеве, а также А. К. Гаврилове и Н. Н. Казанском, ссылки на них в лекциях Унта позволяли его ученикам чувствовать себя причастными к Петербургской филологической традиции, от которой он унаследовал основательность метода и широту интересов (историческая и компаративная лингвистика, текстология, история, современная литература и культура), ответственность за письменное слово, проявлявшуюся в его внимании к рукописной традиции при издании, переводе и интерпретации античных авторов, а также несколько

ироничное отношение к некоторым современным теориям, о которых он имел свое собственное, не поверхностное суждение.

Его уход — это большая потеря для эстонской классической филологии, в особенности для эллинистов. Однако его ученики постараются продолжать те традиции классической филологии, которым он служил.

Пер. с англ. Е. Ермолаевой

Пель Яника

Научный сотрудник библиотеки Тартуского университета.

Janika Päll

University of Tartu

Library researcher.

E-mail: janika.pall@ut.ee

Ермолаева Елена Леонидовна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Elena Ermolaeva

PhD in Philology (kandidat nauk), Associate Professor,

Department of Classical Philology at St. Petersburg State University.

E-mail: elena.ermolaeva304@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Г. Филимонов

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ОТКУПЩИКОВ:
ЧЕЛОВЕК И УЧЕНЫЙ

(к 90-летию со дня рождения) 5

І. ДРЕВНЕГРЕЧЕСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

Н. А. Алмазова

КОЛЕСНИЦА В ГРЕЦИИ VII–IV вв. до н. э.:

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ 12

А. Л. Верлинский

ИЗ АФИН В СТАГИРЫ — ИЗ СТАГИР В АФИНЫ:
ОБ ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ ИЗ УТРАЧЕННОГО

ПИСЬМА АРИСТОТЕЛЯ (Arist. fr. 669 Rose) 42

С. И. Дмитриева

ОСОБЕННОСТИ ЗНАЧЕНИЯ ИМПЕРФЕКТА

τίεσκεν / τίεσκετο У ГОМЕРА 89

Е. А. Дружинина

К СЕМАНТИКЕ χαροπός В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОМ ЯЗЫКЕ 102

Е. Л. Ермолаева

МОРСКИЕ ЕЖИ В ПАРОДИИ МАТРОНА ИЗ ПИТАНЫ

(fr. I, 18-21 (O.-S.)) 118

Д. В. Панченко

КОМУ И В ЧЕМ ПОДРАЖАЛ ЭМПЕДОКЛ

(D. L. VIII, 56)? 142

М. М. Позднев

КОГДА НАПИСАНА «ПОЭТИКА» АРИСТОТЕЛЯ? 150

Л. Б. Поплавская

ФОКУС ЗРИТЕЛЬНОГО ВОСПРИЯТИЯ τὰ ἑρωτικά
В ГРЕЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 168

II. ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

А. Ю. Братухин

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКЕ ОБРАЗА
«ЖЕСТОКОГО БОГА» В TERT. SCORP. 7, 1–7 183

В. С. Дуров

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ ГОРАЦИЯ 194

С. К. Егорова

ЭПОДЫ ГОРАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ СОСТАВЛЕНИЯ
СТИХОТВОРНОГО СБОРНИКА 208

Е. В. Желтова

ДЕЙКТИКО-ДЕНОТАТИВНАЯ ИЕРАРХИЯ И КОНСТРУКЦИИ
С ТРЕХВАЛЕНТНЫМИ ГЛАГОЛАМИ В ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ... 228

Е. А. Захарова

РОЛЬ ГРЕЧЕСКИХ СЛОВ В ТЕКСТЕ ПИСЕМ
СИДОНИЯ АПОЛЛИНАРИЯ 248

А. А. Кормилина

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О ПОРЯДКЕ СЛОВ
В АНТИЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ 262

А. В. Котова

VERG. AEN. I, 498–504: ОБ УМЕСТНОСТИ СРАВНЕНИЯ 275

И. В. Нарусевич

АНТИЧНЫЕ МОТИВЫ
В «ЖИТИИ СВЯТОЙ МАРИИ МАГДАЛИНЫ»
ЯКОВА ВОРАГИНСКОГО 288

Е. П. Новикова

ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ХРОНОЛОГИЯ ПРОЦЕССОВ,
ОПРЕДЕЛИВШИХ ФОНЕТИЧЕСКИЙ ОБЛИК
ЛАТИНСКОГО СЛОВА VARVA 305

Е. Г. Филимонов

ПОЛИКАУЗАЛЬНОСТЬ НА РАЗНЫХ УРОВНЯХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛАТИНСКОГО ЯЗЫКА)	323
---	-----

III. СТИХИ И ПЕРЕВОДЫ

<i>А. К. Звагольская</i> ECLOGA TRAGICA	334
--	-----

<i>В. В. Зельченко</i> Эдвард Форсет. ПЕДАНТИУС. Сцены из комедии (<i>Перевод с латыни</i>)	336
---	-----

<i>Д. В. Кейер</i> CARMINA NATALICIA	351
---	-----

<i>Л. Б. Поплавская</i> ИЗБРАННЫЕ ПЕРЕВОДЫ	359
---	-----

IV. РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОСТИ

<i>А. В. Успенская</i> АНТИЧНАЯ РЕЦЕПЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ ГОГОЛЯ: ОТ ТРАВЕСТИИ К ТРАГЕДИИ	368
---	-----

V. PERSONALIA

<i>С. Э. Андреева</i> КУЛИКОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ, ПЕДАГОГ И ДРАМАТУРГ (12 июня 1844 — 21 августа 1898)	387
---	-----

<i>А. К. Гаврилов</i> ЯАН УНТ В ЛЕНИНГРАДЕ	403
---	-----

<i>Яника Пель</i> ПАМЯТИ ЯАНА ВАЛЬТЕРОВИЧА УНТА (7.11.1947–12.01.2012)	422
--	-----

TABLE OF CONTENTS

E. G. Filimonov

Yu. V. OTKUPSCHIKOV

AS A PERSON AND A SCHOLAR

(in commemoration of 90th anniversary) 5

I. ANCIENT GREEK LANGUAGE AND LITERATURE

N. A. Almazova

CHARIOT IN ANCIENT GREECE IN THE 7th-4th CENT. BC:

SOME OBSERVATIONS 12

A. L. Verlinsky

‘FROM ATHENS TO STAGIRA, FROM STAGIRA TO ATHENS’:

ON ONE SENTENCE FROM ARISTOTLE’S LOST LETTER

(Demetrius, *De elocut.* 29; 154 = Arist. fr. 669 Rose) 43

S. I. Dmitrieva

SEMANTIC NUANCES OF THE HOMERIC IMPERFECT

τίεσκεν / τίεσκετο 89

E. A. Druzhinina

ON THE MEANING OF GREEK χαροπός 102

E. L. Ermolaeva

MATRO PITANEUS,

Symposium Atticum fr. I, 18–21 (O.-S.): echini 118

D. V. Panchenko

EMPEDOCLES EMULATING ANAXAGORAS

AND PYTHAGORAS (D. L. VIII, 56) 142

<i>M. M. Pozdnev</i>	
WHEN THE POETICS OF ARISTOTLE WAS ACTUALLY WRITTEN?	150

<i>L. B. Poplavskaya</i>	
FOCUS OF THE τὰ ἑρωτικά VISUAL PERCEPTION IN THE GREEK LITERATURE	168

II. LATIN LANGUAGE AND LITERATURE

<i>A. Ju. Bratukhin</i>	
ABOUT THE ORIGIN OF AN IMAGE OF <i>CRUEL GOD</i> IN TERT. SCORP. 7, 1–7	183

<i>V. S. Durov</i>	
HORACE'S HISTORICAL MEMORY	194

<i>S. K. Egorova</i>	
THE EPODES OF HORACE AND A ROMAN POETRY BOOK	208

<i>E. V. Zheltova</i>	
ANIMACY HIERARCHY AND THREE VALENCY VERB CONSTRUCTIONS IN LATIN	228

<i>E. A. Zakharova</i>	
THE ROLE OF GREEK WORDS IN THE LETTERS OF SIDONIUS APOLLINARIS	248

<i>A. A. Kormilina</i>	
THE VIEW OF WORD ORDER IN THE ANCIENT GRAMMATICAL TRADITION	262

<i>A. V. Kotova</i>	
VERG. AEN. I, 498–504: ON APPROPRIATENESS OF THE SIMILE	275

<i>I. V. Narusevich</i>	
THE ANCIENT MOTIFS IN “THE HAGIOGRAPHY OF MARY MAGDALENE” OF JACOBUS DE VORAGINE	288

<i>E. P. Novikova</i>	
THE RELATIVE CHRONOLOGY OF THE PROCESSES THAT HAVE DETERMINED PHONETIC SHAPE OF LAT. <i>BARBA</i>	305

<i>E. G. Filimonov</i>	
EXPLAINING THE HISTORY OF SOME FORMS OF LATIN BY MULTICAUSALITY	323

III. POEMS AND TRANSLATIONS

<i>A. K. Zvagolskaya</i>	
ECLOGA TRAGICA	334

<i>V. V. Zeltchenko</i>	
E. Forsett. PEDANTIUS (excerpts) (<i>Translated from Latin</i>)	336

<i>D. V. Keyer</i>	
CARMINA NATALICIA	351

<i>L. B. Poplavskaya</i>	
SELECTED TRANSLATIONS	359

IV. RECEPTION OF CLASSICAL ANTIQUITY

<i>A. V. Uspenskaya</i>	
RECEPTION OF CLASSICAL ANTIQUITY IN GOGOL'S WORK: FROM TRAVESTY TO TRAGEDY	368

V. PERSONALIA

S. E. Andreeva

KULIKOV NIKOLAY NIKOLAEVICH,
TEACHER AND DRAMATIST..... 387

A. K. Gavrilov

JAAN UNT (1947–2012) IN LENINGRAD 403

Janika Päll

IN MEMORIAM JAAN UNT
(7.11.1947–12.01.2012) 422

Научное издание
PHILOLOGIA CLASSICA
Издается с 1977 года
Выпуск 9

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ
И ИСТОРИИ АНТИКОВЕДЕНИЯ**

*К 90-летию со дня рождения
Юрия Владимировича Откупщикова
(1924–2010)*

Ответственный редактор доц. Е. В. Желтова

Корректор *Н. М. Казимирчик*
Технический редактор *А. Г. Хуторовская*
Художественное оформление *О. В. Рудневой*

Подписано в печать 31.12.2014. Формат 60×90¹/₁₆.
Усл. печ. л. 27,0. Тираж 300 экз. Заказ №

Санкт-Петербургский государственный университет
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9